

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ,

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

1881.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1881.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 1 августа 1881 года.

Цензоръ протоіерей *С. Зерновъ*.

ТОЛКОВАНІЕ

ПЕРВАГО ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ ТИМОФЕЮ.

В) Наставленія относительно лицъ избираемыхъ въ клиръ церковный.

3, 1—13.

Сказалъ св. Павелъ, что церковными собраніями и молитвами въ нихъ должны заправлять *мужіе* (2, 8),— конечно не всякій мужчина, но мужи избранные и на-это посвященные. Теперь показываетъ, какими достоинствами должны отличаться лица, избираемыя на сіе дѣло, вообще въ клиръ. Была потребность въ этихъ лицахъ. Христіанъ стало много, собирались они въ разныхъ мѣстахъ; надлежало опредѣлить, кому смотрѣть за ними. Св. Павелъ и самъ всюду это дѣлалъ (Дѣян. 14, 23). Были они поставлены имъ и для Ефеса, какъ и для всей Асіи (Дѣян. 20, 17. 18; 19, 26). Но теперь поставленныхъ имъ оказалось мало. Не имѣя времени лично это сдѣлать, потому что нужды вѣрующихъ вызвали его скоро въ Македонію, онъ поручилъ это исполнить св. Тимофеею, какъ въ Критѣ св. Титу, и пишетъ, какого свойства должны быть лица, избираемыя на это,—именно, а) епископы, — и б) діаконы съ діакониссами.

а) *Свойства достойныхъ епископства.* 3, 1—7

Опредѣляетъ Апостоль, что избираемый на епископство долженъ браться за сіе служеніе аа) со всею ревностію, — ст. 1; бб) долженъ отличатьсѣ добрымъ нравомъ и достохвальнымъ поведеніемъ, — ст. 2. 3; вв) доказать прежде свою способность къ управленію церковію добрымъ управленіемъ своего дома, — ст. 4. 5; гг) быть не изъ недавно крещеныхъ, — ст. 6; дд) пользоваться уваженіемъ и среди невѣрныхъ, — ст. 7.

аа).

3, 1. *Вѣрно слово: аще кто епископства хоцетъ, добра дѣла желаетъ.*

Слова: *вѣрно слово* наши толковники относятъ къ предыдущей рѣчи, т.-е. къ тому, что сказано о спасеніи женъ чрезъ доброе воспитаніе дѣтей, при исполненіи и общихъ условій ко спасенію, — что спасеніе сіе очень благонадежно, потому что кромѣ ихъ собственныхъ дѣлъ въ свое спасеніе, имъ будутъ приписаны и добрыя дѣла дѣтей. Желая показать, что говоритъ сіе не затѣмъ только, чтобъ сказать иѣчто утѣшительное женамъ, а что такъ воистину есть, Апостоль прибавляетъ удостовѣрительное: *вѣрно слово*. И это очень умѣстно. Между тѣмъ послѣдующая рѣчь не требуетъ никакого удостовѣренія: тутъ пишутся указанія, справедливость и умѣстность которыхъ очевидна сама-собою. Св. Златоустъ, а за нимъ Экуменій, и въ чтеніи слова сіи соединяютъ съ предыдущею рѣчью, и третью главу начинаютъ съ: *аще кто епископства хоцетъ*. Бл. Теофилактъ хотя третью главу начинаетъ съ *вѣрно слово*, но толкованіемъ относитъ его къ предыдущей рѣчи. Св. Златоустъ говоритъ: «*Вѣрно слово*—относится къ этому (о чемъ говоримъ, т.-е. о способствованіи спасенію женъ чрезъ воспитаніе дѣтей), а не къ тому (что слѣдуетъ): *аще кто епископства хоцетъ*. Такъ какъ по этому поводу могло возникнуть недоумѣніе, то онъ и говоритъ: *вѣрно слово*, что отцы и матери могутъ позать

плоды добродѣтели своихъ дѣтей, когда хорошо воспитаютъ ихъ». Тоже и у Экуменія съ Теофилактомъ.—Такъ и признать слѣдуетъ.

Аще кто епископства желаетъ.—*Желаетъ, оредетай,*—означаетъ такое желаніе, каково бываетъ желаніе нищи у того, у кого возбуждился аппетитъ. Дѣло епископства многотрудно и многоопасно. Не выдержать его, какъ должно, тому, кто приступаетъ къ нему равнодушно. Почему требуется ревностное желаніе епископства, — не того, чтобъ быть епископомъ и пользоваться властію и почетомъ, но самага дѣла епископства, т.-е. смотрѣнія за спасаемыми и руководства ихъ ко спасенію. На епископство избирали. Почему надо полагать, что Апостоль указываетъ здѣсь на такое ревностное желаніе по избраніи, и его называетъ *желаніемъ добраго дѣла*, потому что предметъ его добръ,—просвѣщать истинною, очищать понятія, исправлять нравы, руководить къ высшему совершенству въ духовной жизни, отражать лжеученія и лжеучителей, утѣшать скорбныхъ, устраять пособія бѣднымъ и немощствующимъ, — быть отцемъ многопопечительнымъ и благоустроительнымъ. Кто на всѣ такія дѣла воспламеняясь ревностію, желаетъ епископства, тотъ добраго дѣла желаетъ,—ищетъ не удовольствія недобраго похотѣнія чести и славы, а желаетъ потрудиться во благо другихъ, быть всѣмъ слугою, не жалѣя себя. Св. Златоустъ говорить: «я не порицаю такого, говоритъ Апостоль. Если кто имѣетъ такое желаніе и притомъ домогается не одного начальства и власти, но исполненія обязанностей по управленію (паствою); («желаетъ служить, представлять, руководить,—Экум.»); то я не порицаю его. Ибо онъ добраго дѣла желаетъ. Кто такимъ образомъ желаетъ сего, пусть желаетъ, ибо епископство такъ названо потому, что имѣетъ надзоръ за всѣми (вѣренными)». Бл. Теодоритъ пишетъ: «Апостоль не обвиняетъ просто пожеланіе, но любоначаліе, и учитъ заботиться не о чести, но о добродѣтели, не сана желать, но домотаться дѣла, требуемаго саномъ».

Что здѣсь разумѣется у Апостола подъ епископствомъ? Пресвитерство, отвѣчаетъ Бл. Феодоритъ. *«Епископомъ»* называетъ здѣсь Апостоль пресвитера, какъ это доказали мы, толкуя посланіе къ Филиппійцамъ. Но не трудно дознать сіе и отсюда; потому что послѣ законовъ епископамъ пишутъ законы, относящіеся къ діаконамъ. Тогда однихъ и тѣхъ же называли пресвитерами и епископами; иногда и называемыхъ нынѣ епископами именовали апостолами вторствующими. Но по прошествіи времени, апостольское наименованіе оставили дѣйствительнымъ Апостоламъ, а епископское наименованіе присвоили къ называвшимся древле апостолами (вторствующими). Такими апостолами были у Критянъ Титъ, у жителей Асіи Тимоѳей.—Впрочемъ хотя божественный Апостоль узаконилъ сіе и пресвитерамъ; но явно, что епископамъ первымъ надлежитъ сохранять сіи законы, какъ пріившимъ бѣдшую честь».

66).

Ст. 2. *Подобаетъ убо епископу быти непорочну, единья жены мужу, трезвену, цѣломудру, благоговѣйну, честну, страннолюбиву, учительну.*

«Говоря о епископствѣ, Апостоль показываетъ вообще, каковъ долженъ быть епископъ, не относя своего увѣщанія собственно къ Тимоѳею, но бесѣдуя съ нимъ, какъ бы со всѣми, и чрезъ него наставляя всѣхъ» (св. Злат.).

Первое, что подобаетъ ему, есть—*быти непорочну*, *χεῖρι ἁγίοις*,—«безукоризненну, чтобъ не подавалъ никакого основательнаго и справедливаго повода къ укоризнѣ и обвиненію» (Феодоритъ). Но такимъ быть ему нельзя, если онъ не украшенъ всѣми добродѣтелями. «Сказавъ: *непорочну*, Апостоль назвалъ всякую добродѣтель. — Такимъ образомъ, если кто сознаетъ себя виновнымъ въ какомъ либо преступленіи; то онъ нехорошо дѣлаетъ, желая такого званія, отъ котораго удалилъ себя своими поступками. Потому что такому слѣдуетъ не повелѣвать,

а повиноваться. Ибо начальник долженъ быть свѣтлѣ всякаго свѣтильника и вести жизнь безукоризненную, такъ чтобы всѣ смотрѣли на него и по его жизни устроили свою собственную жизнь» (св. Злат.).

Единыя жены мужу,—не то чтобъ двухъ женъ не имѣлъ заразъ, ибо это и всякому христіанину воспрещено; но чтобъ однажды былъ женатъ, былъ одноженецъ. Того, кто на второй женѣ женатъ, не слѣдуетъ избирать въ епископы. Амвросіастъ пишетъ: «хотя имѣть вторую жену не воспрещено; но достойный епископства долженъ воздерживаться и отъ позволеннаго другимъ, по причинѣ высоты сего чина. Желаящій его долженъ быть несравненно выше всѣхъ». Равно не то сіе значитъ, чтобъ непременно былъ женатъ. Бл. Теофилактъ пишетъ: «говоря сіе, Апостоль не законополагаетъ, что епископъ непременно долженъ быть женатъ. Какъ могъ повелѣть это говорившій: *хочу, да вси челоѣцы будутъ якоже и азъ* (1 Кор. 7, 7.)?» Насколько двоеженецъ негодъ для епископства, настолько неженатый гождъ болѣе одноженца. Почему и тогда, какъ только была возможность, не только въ епископы, но и во священники были избираемы неженатые, въ безпеченіи житейскомъ Богу работавшіе. Доставлялъ такихъ лицъ чинъ аскетовъ, родившійся вмѣстѣ съ христіанствомъ и Апостолами благословенный и утвержденный въ церкви.

Но какъ же епископъ—и женатъ? Но вопервыхъ здѣсь, какъ разумѣть Θεодоритъ, епископъ означаетъ пресвитера. Настоящими епископами были (вторствующіе) апостолы, какъ напр. Титъ и Тимоѣей; а они были безбрачны. Вѣроятно и въ другихъ мѣстахъ на настоящее епископство были назначаемы подобныя имъ лица. Вовторыхъ, нужда заставляла; ибо тогда дѣвство еще не распространилось такъ, чтобъ всюду можно было находить дѣвственника, хотя начало было ему положено. Между тѣмъ епископы были нужны; почему избирали ихъ изъ такихъ, которые хотя женаты, но живутъ воздержно. Бл. Θεодо-

рить писать: «язычники не упражнялись въ дѣвствѣ; Іудеи не дозволяли его, потому что плодородіе почитали благословіемъ. Итакъ, поелику въ то время невозможно было безъ труда найти соблюдающихъ плотскую чистоту, Апостоль Павелъ велитъ рукополагать изъ бывшихъ въ брачномъ состояніи тѣхъ, которые чтили цѣломудріе». Св. Златоустъ еще прежде его говорилъ: «Если человѣкъ связанный узами брака (неизбѣжно) заботится о мірскихъ дѣлахъ, а епископъ не долженъ заботиться о мірскомъ; то отъ чего Апостоль сказалъ: *единья жены мужу?* Нѣкоторые полагаютъ, что здѣсь онъ указываетъ на того епископа, который былъ бы свободенъ отъ брачныхъ узъ. А если не это (должно здѣсь разумѣть); то—что онъ, имѣя жену, можетъ жить, какъ-будто не имѣя ея».

Трезвену. Трезвеніе острозорко смотритъ за всѣмъ, происходящимъ въ душѣ, хорошему даетъ мѣсто и ходъ, а нехорошее отвергаетъ и изгоняетъ вонъ, и такимъ образомъ добрѣ правитъ теченіе внутренней жизни, отъ которой сама-собою благоустроится и внѣшняя. Трезвеніе епископское смотритъ за всѣмъ происходящимъ въ стадѣ его и доброе утверждаетъ, а недоброе исправляетъ; особенно зорко смотритъ епископъ, не подкрадываются ли какіе волки, не щадящіе стада, чтобъ, когда увидитъ такихъ, отгонять ихъ жезломъ паствы своего. Онъ поставляется стражемъ дома Божія; почему долженъ бодренно стеречь домъ сей. «Подобаетъ ему быть бодрственну, и способну предусматривать, какъ должно дѣйствовать» (Θеод.); «быть острозорку, всегда неусыпну, внимательно - наблюдательну, чтобы все видѣть и всегда быть готову ко всякому нужному дѣлу» (Θеоф.). «*Трезвену*, — т. - е. онъ долженъ быть прозорливымъ, со всѣхъ сторонъ имѣть тысячу глазъ,—долженъ быть проницательнымъ и ничѣмъ не помрачать своего умственного взора. Ибо много есть такихъ случайностей, которыя не даютъ ясно видѣть, какъ слѣдуетъ дѣйствовать. Почему онъ долженъ быть неусыпно бодрствующимъ, имѣющимъ

попеченіе не только о своихъ дѣлахъ, но и о томъ, что касается другихъ,—онъ долженъ бодрствовать, пламенѣть духомъ и, такъ сказать, дышать огнемъ, съ большою ревностію нести труды и обязанности (своего сана), нежели какъ полководецъ, который день и ночь обходитъ воинство,—обо всемъ имѣть заботу и попеченіе» (св. Злат.)

Цѣломудру. Такъ какъ о плотскомъ цѣломудріи было уже слово въ словахъ: *единыя жены мужу*; то здѣсь подъ цѣломудріемъ слѣдуетъ разумѣть «душевное преспѣваніе» (Θεод.), именно—здрравоуміе, или благоразуміе какъ въ своемъ собственномъ поведеніи, такъ и паче въ веденіи дѣлъ по управленію паствою. Какъ опрятная одежда хорошо сидитъ на всемъ тѣлѣ, такъ что все въ ней и въ мѣру, и къ мѣсту, и къ лицу; такъ благоразумно ведомыя дѣла благообразно да украшаютъ ликъ епископа, да будетъ онъ *κατασταλμενος* (Θεοφ.).

Благоговѣйну, честну. Два сіи слова отвѣчаютъ одному греческому,—*κοσμικον*, которое Бл. Θεοφιлакть истолковалъ,—*σεμνοπρεπτη*. И вѣроятно нашъ славянскій переводъ хотѣлъ выразить полнѣе смыслъ сего послѣдняго слова, которое значитъ—благолѣпно честный, и показываетъ, что ликъ епископа долженъ сіять такимъ священнымъ благолѣпіемъ, которое вызываетъ всеобщее уваженіе. Бл. Θεодоритъ пишетъ: «ему надлежитъ быть степенну и въ разговорѣ, и въ наружности, и во взглядѣ, и въ походкѣ, чтобы и въ тѣлѣ видно было душевное благообразіе».

Страннопріимну, — «доброхотно принимающему пришельцевъ» (Θεод.). «Ибо если онъ къ однимъ только мѣстнымъ жителямъ привѣтливъ, радушенъ и милостивъ, то болитъ пристрастіемъ. Но ему надо къ страннымъ еще болѣе быть щедрымъ; ибо это очевидно свидѣтельствуеетъ о его братолюбіи» (Θεοф.).

Учительну. «Указанныя предъ симъ качества («благоразуміе, преподобіе и страннолюбіе»—Экум.) имѣютъ многіе и изъ подчиненныхъ,—ибо и они въ этомъ отноше-

ни должны быть равны начальникамъ. Почему Апостоль, показывая преимущество епископа, прибавилъ: *учительну*. Отъ подчиненнаго этого уже не требуется; но оно требуется болѣе всего отъ того, кому ввѣрена эта должность епископства» (св. Злат.). «Разумѣеть же подъ симъ Апостоль не краснорѣчіемъ отличающагося, но обученнаго божественному и способнаго подать надлежащій совѣтъ» (Θеоф.). *Учительну*,—*διδακτικον*,—выражаетъ, что епископъ долженъ быть такъ полонъ учительности, чтобъ, какъ только случай, ученіе текло изъ устъ его рѣкою,—чтобъ всегда могъ онъ исполнить и исполнять, что потомъ написалъ Апостоль во второмъ посланіи: *проповѣдуй слово, настой благовременнъ и безвременнъ, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ* (2 Тим. 4, 2).

Ст. 3. *Не пѣяницъ, не бійцъ, не сварливу, не мшелоимцу, но кротку, не завистливу, не сребролюбиву.*

Не пѣяницъ. «Сіе самъ истолковалъ Апостоль въ предписаніи діаконамъ, быть *не вину многу внимающимъ* (1 Тим. 3, 8)» (Θеод.).

Не бійцъ,—*μη πληκτην*,—не драчуну, какимъ нерѣдко оказывается *вину многу внимающий*. Но въ отношеніи къ исполненію начальнической должности, съ которою соединено наказаніе неисправныхъ, можетъ сіе означать и—не строго-взыскательну, не вспылчиву, не жестоко-показательну. Бл. Θεодоритъ пишетъ: «Запрещаетъ симъ Апостоль не наказаніе налагать во время, но дѣлать сіе недолжнымъ образомъ. А что повелѣваетъ наказывать, о семъ, какъ услышимъ вскорѣ, скажетъ самъ: *согрѣшающихъ предъ всеми обличай* (1 Тим. 5, 26); и еще: *обличи, запрети* (2 Тим. 4, 2). И пиша къ Галатамъ сказалъ онъ: *о несмысленнѣи Галате* (— 3, 1),—и еще: *тако ли несмысленни есте* (— — 9)».

Не сварливу,—*χηλον*. Въ грескомъ слово сіе стоитъ тамъ, гдѣ въ славянскомъ стоитъ—*не завистливу*, кото-

раго нѣтъ въ греческомъ. Значить оно: «не любящу заводить тяжбы» (Θεод.),—и вообще споры и раздоры,—*non litigiosum*,—не бранчиву, по Амвросіасту.

Не скверноствяжательну,—*μη αἰσχροκερδῆ*,—Θеодорить и Θεοφιлакть не читають; но Св. Златоустъ и Экуменій читають. Указываетъ на такого, который къ стяжанію не употребляетъ такихъ средствъ, которыя не одобряются общимъ судомъ, какъ напимѣръ—ростъ; а можетъ быть и на такого, который ни за что не согласится покривить въ чемъ сквернаго ради прибытка, а тѣмъ паче вообще все служеніе свое обратить къ сей цѣли.

Но кротку. «Научаетъ, какъ можно быть небійцею и несварливымъ. Кто кротокъ, тотъ не будетъ таковымъ» (Θеоф.). Кроткій миролюбиво переноситъ личныя неспріятности и оскорбленія. Таковъ наипаче долженъ быть епископъ. «Онъ долженъ умѣть переносить сдѣланные противъ него проступки; (но только такіе). Ибо оставлять безъ вниманія, что терпятъ обиднаго другіе,—не признакъ скромности (свойственной епископу). Сказано: *начальствомъ со тщаніемъ*—Рим. 12, 8» (Θеод.).

Не сребролюбцу. «Не сказалъ апостоль: нестяжательну, потому что даетъ умѣренные законы, но: не любящему денегъ. Ибо возможно имѣть у себя деньги, но распоряжаться ими, какъ должно, и не имѣть раболѣпствовать, но быть господиномъ ихъ» (Θеод.) Ктому же ему должно быть и благотворительну,—для чего необходимо имѣть, изъ чего благотворить, но имѣть безъ привязанности къ имѣемому, дабы не сокращалась рука благодѣющая. «Поелику выше сказалъ, что ему должно быть *страннолюбиву*; то теперь прибавляетъ: *не сребролюбцу*, показывая, что будетъ онъ страннолюбивъ, если не будетъ сребролюбивъ, и вмѣстѣ научая, что подѣ предложомъ страннолюбія не долженъ онъ собирать сокровищъ» (Θеоф.).

Св. Златоустъ изумляется, что св. Павелъ поминаетъ здѣсь о такихъ порокахъ, которые и во всякомъ христѣ-

анинѣ, и даже нехристіанинѣ, нетерпимы,—«очень грубыхъ» (Экум.). Почему слова: *не пияницъ, не бійцъ* истолковалъ не въ собственномъ ихъ смыслѣ, а въ значеніи переносномъ: «*Не пияницъ*. Не о томъ говоритъ Апостоль, кто упивается виномъ, но о бранчивомъ и продерзскомъ. *Не бійцъ*. Здѣсь идетъ рѣчь не о тѣхъ, которые бьютъ руками; но, такъ какъ есть люди, которые безвременно возмущаютъ совѣсть братій, то, мнѣ кажется, онъ здѣсь на нихъ намекаетъ». Тоже повторяютъ и Экумений съ Теофилактомъ. Наконецъ св. Златоустъ такую обращаетъ рѣчь къ Апостолу: «Впрочемъ, что ты говоришь, скажи мнѣ? Бесѣдуя о епископѣ, сказалъ, что онъ не долженъ быть пьяницею, между тѣмъ какъ надлежало бы сказать что нибудь болѣе важное. Отъ чего, напримеръ, не сказалъ, что епископъ долженъ быть Ангеломъ, не быть подверженнымъ ни одной человѣческой страсти? Или почему не выразилъ тѣхъ великихъ требованій, о которыхъ говорилъ Христосъ и которыя должны исполнять даже подчиненные,—что нужно распять себя и всегда быть готову отдать душу свою за другихъ? *Пастырь добрый*, говорилъ Онъ, *душу свою полагаетъ за овцы* (Ин. 10, 11),—также: *уже не приметъ креста своего и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ* (Мѡ. 10, 38); но сказалъ: *не пияницъ?* Благія можно имѣть надежды, если въ этомъ нужно наставлять епископа!!—Но отъ чего ты не сказалъ, что онъ долженъ отрѣшиться отъ земли, но даже того не заповѣдалъ епископу, что заповѣдалъ мірянамъ? Этимъ говорилъ: *умертвите удоу вашу, яже на земли* (Кол. 3, 5),—и еще: *уже Христовы суть, плоть распяша* (Гал. 5, 24). Почему же не сказалъ этого и епископу?—Потому что такихъ не много можно было найти, между тѣмъ епископовъ требовалось много, которые бы предстоятельствовали въ отдаленныхъ городахъ. Поэтому, такъ какъ въ послѣдствіи времени могли возникать навѣты противъ церкви, то Апостоль говоритъ объ умѣренной добродѣтели, а не объ этой во-

звышенной и выспрєнной, потому что многимъ свойственно быть трезвенными, честными, цѣломудрыми». Это же занимало и Амвросіаста,—и онъ пишетъ: «Для того указалъ здѣсь Апостолъ низшія добродѣтели, чтобъ, если кто окажется имѣющимъ высшія, и сомнѣнія не было, что онъ достоинъ епископства. Если кто, влекомый высшими стремленіями, и душу и тѣло свос посвящаетъ Богу, то такой тѣмъ паче достоинъ».

вв).

Ст. 4. *Свой домъ добръ правящу, чада имущу въ послушаніи со всякою чистою (честностію).*

Церковь—домъ Божій, которымъ править избирается епископъ. Способенъ ли на сіе служеніе избираемый, можно судить по тому, какъ онъ править своимъ домомъ. Кто хорошо править домомъ, отъ того можно ожидать, что онъ хорошо будетъ управлять и церковію. Хоть это дѣло ширше и предметы управленія сложнѣе, и цѣли его возвышеннѣе; но управленіе, какъ управленіе, одинаковыхъ требуетъ приемовъ. То правда, что заключеніе отъ хорошаго домоуправленія къ хорошему управленію церковію не необходимо слѣдуетъ, но всякій хорошій управитель дома, при избраніи на предстоительство въ церкви, не можетъ не имѣть перевѣса надъ другими, подавая добрыя надежды. «Тоже говорятъ и внѣшніе, что хорошій домоуправитель скорѣе можетъ сдѣлаться хорошимъ правителемъ дѣлъ гражданскихъ.» (Св. Злат.). Домъ обнимаетъ и лица живущія въ немъ, и имущество его, и его внѣшнія отношенія къ правительству и частнымъ лицамъ. Все сіе есть и въ церкви: есть и лица всѣхъ состояній и возрастовъ,—есть и свое имущество, опредѣляемое на содержаніе бѣдныхъ, больныхъ, престарѣлыхъ, вдовъ и сиротъ, кромѣ домовъ собранія,—есть и свои отношенія ко внѣшнимъ. Кто въ домѣ оказалъ опытъ хорошаго управленія по всѣмъ частямъ, тотъ, вступая въ управленіе церковію, вступить не на новое

и совсѣмъ невѣдомое ему дѣло. Почему скорѣе найдется, какъ дѣйствовать въ томъ или другомъ случаѣ. Св. Златустъ говоритъ: «и церковь есть тоже самое, что малый домъ, и подобно тому, какъ въ дому находятся дѣти, жена, слуги, и надъ ними всѣми возвышается своею властію мужъ; такъ и въ церкви не иное что, а тоже самое (встрѣчаемъ)—дѣтей, женъ, слугъ. Если предстоятель церкви имѣеть соучастниковъ своей власти, то и тамъ мужъ имѣеть соучастницею власти жену. Но здѣсь должно заботиться о пропитаніи вдовицъ и дѣвственницъ? И тамъ тоже мужъ имѣеть на своемъ пропитаніи рабовъ и дочерей».

Чада имуща въ послушаніи со всякою честностію. Изъ всѣхъ предметовъ управленія по дому особому предлагаетъ внимавію избирателей поведеніе дѣтей; не въ томъ конечно значеніи, что у кого дѣти хороши, тотъ хорошій правитель, потому что тутъ все можетъ зависѣть отъ естественныхъ причинъ, но въ томъ особенно, что коль скоро дѣти не хороши, то отецъ какой уже правитель? «Дома долженъ онъ показать хорошій примѣръ управленія. Ибо кто довѣритъ, что чужаго заставитъ слушаться себя тотъ, кто своего сына не умѣлъ держать въ послушаніи?» (Св. Злат.).—Изъ добродѣтелей, рекомендуемыхъ чадъ, указываетъ Апостолъ на послушаніе и всякую честность: послушаніе къ родителю, какъ главѣ дома, а честность предъ всѣми, и въ домѣ, и вовнѣ. Можно поэтому сказать, что эти двѣ черты обнимаютъ все доброе поведеніе дѣтей. Почему бл. Феодоритъ,—*имущу чада съ такими свойствами*,—толкуетъ: учащу дѣтей всякой добродѣтели; для чего требуется, чтобы дѣйствовало не одно расположеніе самыхъ дѣтей, но и собственное его произволеніе». Бл. Теофилактъ пишетъ: «со всякою честностію значить,—и въ словѣ, и въ дѣлѣ, и въ одеждѣ,—и притомъ предъ всѣми и во всякое время», и наводитъ: «какъ можно надѣяться, что сдѣлаеть честными чужихъ, когда своимъ кровнымъ попустить жить нечестно?»—

Ст. 5. *Аще же кто своего дому не умѣетъ правити, како о церкви Божіей прилѣжати возможетъ?*

Слово: *не умѣетъ* указываетъ на недостатокъ или благоразумія или характера, а слово: *прилѣжати* обличаетъ лѣность, недостатокъ усердія къ благосостоянію дома. Если, судя по домоправленію, въ комъ не предвидится ни усердія, ни характера, ни благоразумія, по управленію церковію, отъ того какъ можно ожидать хорошаго управления ею,—ожидать, что онъ позаботится о ея благѣ? Отъ меньшаго апостоль заключаетъ къ большему. «Кто не умѣетъ распоряжаться малымъ, тому можно ли ввѣрять попеченіе о важнѣйшемъ и божественномъ» (Θеод.)? «Домомъ управлять легче. Поэтому какъ можетъ управлять дѣлами церковными тотъ, кто и домъ свой нехорошо устрояетъ» (Св. Злат.)? «Если онъ не могъ быть хорошимъ правителемъ того, что и не велико, и удобоопредѣлимо, и удобовѣдомо, то гдѣ ему управитъ столькихъ душъ нравы и помыслы, недомыслимые (Θеоф.)?»

гг).

Ст. 6. *Не новокрещенну, да не возгордѣся въ судѣ впадетъ діаволь.*

Новокрещенный, какъ ни будь онъ воспламененъ духомъ, все же есть повичекъ въ дѣлѣ вѣры и жизни по вѣрѣ. Потому естественно во многомъ стоитъ ниже другихъ, равно горящихъ духомъ, но давно уже вступившихъ въ путь послѣдованія Господу, которые и знаютъ больше и испытали множайшее. Хотя въ послѣдствіи онъ можетъ опередить всѣхъ, но теперь онъ позади многихъ, и стать ему руководителемъ и учителемъ всѣхъ и такихъ непригоже. Но Апостоль не эту непригожесть выставляетъ, какъ причину, почему новокрещеннаго не слѣдуетъ поставлять епископомъ, а нравственную опасность для него самого,—что возгордится и за то подпадетъ такому же осужденію, какому подвергся діаволь, съ неба сверженный за гордость. Новичку въ обществѣ вѣрующихъ,

«такому, который не обученъ предварительно божественному, и включенный въ списокъ учениковъ, не упражнялся сперва въ добродѣтели,—получивъ предсѣданіе, не мудроно дать въ себѣ мѣсто страсти высокоумія» (Θеод.). Но какимъ судомъ угрожаетъ ему Апостоль? Какъ и въ какой судъ, осужденіе и присужденіе по суду, или наказаніе впадетъ онъ, и гдѣ?—Апостоль не указываетъ этого; потому можно думать, что онъ хотѣлъ только сказать, что такой достоинъ будетъ суда, подобнаго суду діаволу,—станетъ въ этотъ рядъ, и предъ лицомъ Божиимъ и во мнѣніи вѣрующихъ, не опредѣляя, какъ объявленъ будетъ такой судъ и присужденіе по нему. Худое послѣдствіе возгордѣнія Апостоль ограничиваетъ нравственнымъ состояніемъ самого возгордѣвшаго,—что онъ низпадетъ съ той высоты свѣтлаго состоянія, въ какое поставила его благодать Духа Святаго чрезъ св. Таинства, совершенныя надъ нимъ. Ибо гордость обнажаетъ отъ сей благодати, заграждаетъ ей входы внутрь и поставляетъ разгордѣвшаго опять въ то худое состояніе по духу, въ какомъ былъ до вѣры, или даже ниже его; а тутъ онъ опять попадаетъ въ руки діавола, отъ власти котораго избавила было его Божія благодать по вѣрѣ. Нѣкоторые это послѣднее слѣдствіе возгордѣнія и разумѣютъ подъ судомъ діаволима.

Не новокрещенну,—*μη νεοφίτων*, не новонасажденну, не новопривиту. Выраженіе взято изъ приточной рѣчи Спасителя, гдѣ Онъ себя называетъ масличнымъ деревомъ, а всѣхъ вѣрующихъ отростками, вѣтвями и прививками сего древа. Прививаются къ Господу крещенные, которые чрезъ крещеніе облакаются въ Него, Его жизнью исполняются, какъ прививки соками древа, къ коему привиты. Почему новонасажденный тоже что новокрещенный. Но подъ симъ словомъ не разумѣется юный возрастомъ. И св. Тимошей былъ юнъ, — и «самъ божественный Павелъ, будучи въ юности, сподобился призванія» (Θеод.). Но это не попрепятствовало св. Павлу быть первенствующимъ, а св. Тимошею вторствующимъ Апостоломъ. Св.

Златоустъ говорить: «Апостоль присовокупляетъ: *не новокрещенну*, разумѣя здѣсь не того, кто былъ бы юнъ возрастомъ, а новооглашеннаго, подобно какъ говорить въ другомъ мѣстѣ: *азъ насадихъ* (1 Кор. 3, 6). Онъ сказалъ сіе, желая означить сего послѣдняго (новонасажденнаго). Ибо что препятствовало сказать: не юну? — Ктому же онъ самъ поставилъ епископомъ Тимоѳея, несмотря на то, что онъ былъ молодъ, о чемъ и свидѣтельствуешь, говоря къ нему: *никтоже о юности твоей да нерадитъ* (1 Тим. 4, 12),—(показывая, что юность не препятствуетъ сему, когда достойна). Апостоль зналъ, что св. Тимоѳея обладалъ многими добродѣтелями, что онъ достигъ до великаго совершенства въ жизни, что онъ былъ многосвѣдущъ: *изъ млада священная писанія умъеши* (2 Тим. 3, 15),— говорить къ нему въ посланіи Апостоль. А что онъ соблюдалъ строжайшій постъ, сіе видно изъ слѣдующихъ словъ Апостола: «мало вина приѣмли ради частыхъ твоихъ недуговъ» (1 Тим. 5, 23). Еслибъ Апостоль не зналъ о столь высокыхъ его добродѣтеляхъ, то и не писалъ бы и не поручилъ бы столь высокаго служенія ученику. (Итакъ— *не новокрещенну* не значить не юну). Но такъ какъ въ то время многіе изъ язычниковъ (почтенныхъ) обращались и крестились, то и говорить Апостоль: новокрещеннаго, т.-е. новооглашеннаго не вдругъ возводите на высоту власти. Ибо если онъ, прежде нежели обучится всему, или станетъ совершеннымъ ученикомъ, вдругъ будетъ поставленъ учителемъ, то впадетъ въ высокомѣріе; если не научившись повиноваться, займетъ мѣсто начальника, то сдѣлается надменнымъ. Почему и прибавилъ: *да не возгордѣтся въ судъ впадетъ діаволь*,—т.-е. чтобы не подпалъ тому же осужденію, какому тотъ подвергся за свою гордость».

Блаж. Феодоритъ пишетъ: «Судомъ Апостоль назвалъ здѣсь наказаніе», подобно тому, какому подвергся діаволь. Такъ и всѣ другіе толковники. Но Амвросіастъ видитъ здѣсь иное нѣчто. Онъ пишетъ: «воистину бываетъ такъ, что неискушенный въ вѣрѣ надымается гор-

достію, особенно если получить посвященіе. Ибо по новости чина и власти возмечтавъ о себѣ много, начинаетъ онъ думать, что и по совершенствамъ стоитъ выше другихъ. Ктому же видя, что въ первый годъ рожденія въ новую жизнь почтенъ такую честію, впадаетъ въ помышленіе, что онъ призванъ не для своего преспѣянія, а для другихъ,—какъ бы болѣе самъ оказывалъ вѣрѣ благодѣяній, нежели сколько получилъ онъ нея. Но возгордившись въ слѣдствіе такихъ помышлений, попадаетъ онъ въ сѣти діавола. Ибо сатана, воспользовавшись случаемъ его возгордѣнія, низвергаетъ его въ пропасть. Въ семъ смыслѣ у Соломона говорится: *Богъ гордымъ противится* (Прит. 3, 34). И тотъже Апостоль въ другомъ посланіи говоритъ: *аще кто мнитъ себе быти что, ничтоже сый, умомъ лститъ себе* (Гал. 6, 3). И Господь сказалъ: *всякъ возносяйся смирится* (Лук. 14, 11)».

дд).

Ст. 7. *Подобаетъ же ему и свидѣтельство добро имѣти отъ внѣшнихъ, да не въ поношеніе впадетъ и въ сѣть неприязнену.*

«Не сказалъ: надлежитъ ему имѣть свидѣтельство, но: *и свидѣтельство имѣти*, т.-е. между прочимъ и это, а не одно это только» (св. Злат.). Сказавъ, что епископъ долженъ быть безукоризненъ (— 2), и изобразивъ разныя стороны такой безукоризненности среди вѣрующихъ, теперь прибавляетъ ко всему тому и *доброе свидѣтельство отъ внѣшнихъ*, то-есть отъ принадлежащихъ къ церкви вѣрующихъ, іудеевъ и еллиновъ. Имѣть свидѣтельство не то значить, чтобъ надлежало добыть форменное свидѣтельство отъ несвоихъ и представить своимъ, но то, чтобъ избираемый въ епископы пользовался доброю славою и среди невѣрныхъ. Въ какомъ отношеніи? Конечно не по внѣшнему положенію, но по всѣмъ извѣстной доброй нравственности и житейскимъ добродѣтелямъ. Св. Златоустъ, прилагая къ сему слова Спасителя: *такъ да про-*

свѣтитъ свѣтъ самъ предъ челоѣвки, яко да видятъ ваѣа добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесахъ (Матѣ. 5, 16), говоритъ: «пустъ поступки его будутъ свѣтлы. Ибо подобно тому, какъ никто не назоветъ солнца темнымъ, даже самый слѣпой, потому что онъ стыдится идти противъ общаго мнѣнїя,—такъ и совершенно праведнаго никто не станетъ порицать. Правда, язычники часто клеветали на нихъ (епископовъ, или христіанъ вообще) ради ихъ вѣрованїй, но праведной ихъ жизни не порицали, напротивъ вмѣстѣ съ другими удивлялись и приходили въ изумленїе (взирая на нее). И на Апостоловъ клеветали; но что? Что они льстецы и обманщики,—т.-е., ради ихъ проповѣди,—и это дѣлали потому, что ни въ чемъ не могли укорить ихъ жизни. Ибо почему никто не сказалъ объ нихъ, что они любодѣи, нечестивцы, корыстолюбцы, но — льстецы, что относилось къ одной только проповѣди? Не потому ли, что они вели жизнь безукоризненную? Конечно, потому. По этому и мы (епископы) такъ должны жить; и тогда и объ насъ никто не станетъ худо говорить, хотя бы это былъ нашъ врагъ или невѣрный. Ибо кто ведетъ праведную жизнь, тотъ и у невѣрныхъ становится достойнымъ уваженїя: истина и врагамъ заграждаетъ уста». Св. Златоустъ, какъ очевидно, имѣеть здѣсь въ виду доброе свидѣтельство внѣшнихъ болѣе о нравственной жизни избираемаго; а Амвросїастъ — болѣе о житейскихъ добрыхъ его качествахъ: «Слѣдуя слову Господа, Апостоль говоритъ, что имѣющій быть епископомъ долженъ имѣть доброе свидѣтельство и отъ внѣшнихъ; потому что вѣрный въ меньшемъ, будетъ вѣренъ и въ большемъ. Кто въ меньшемъ, т.-е. въ мірскихъ дѣлахъ и въ житейскихъ соотношенїяхъ невѣрнымъ оказывается, тотъ, нѣтъ сомнѣнїя, будетъ невѣренъ и въ отношенїи къ божественнымъ вещамъ. Напротивъ кто людямъ изъявляетъ вѣрность, тотъ тѣмъ болѣе будетъ изъявлять ее Богу».

Доброе свидѣтельство внѣшнихъ прежнес ли поведеніе избираемаго имѣеть въ основаніи, когда онъ самъ былъ внѣшнимъ, или новое, когда онъ сталъ внутреннимъ, Апостоль не указываетъ. Нечего потому и гадать объ этомъ. Было бы доброе свидѣтельство отъ внѣшнихъ, а когда и какъ оно образовалось, на это нечего смотрѣть. Тогда изъ обращающихся были многіе такіе, которые прежде жили зазорно; но сдѣлавшись христіанами, начинали жить безукоризненно, и въ слѣдствіе того пріобрѣтали доброе о себѣ мнѣніе и среди тѣхъ, которые прежде зазирали ихъ жизнь. Такихъ еще скорѣе слѣдовало избирать: ибо чрезъ то наяснѣйше представляемо могло быть взору всѣхъ благотворное дѣйствіе вѣры Христовой.

Да не въ поношеніе впадетъ и въ стѣхъ непріязнену. Это въ случаѣ, еслибъ избрали не имѣющаго добраго свидѣтельства отъ внѣшнихъ, и тѣмъ паче имѣющаго недоброе свидѣтельство. Но какое дѣло внутреннимъ до внѣшнихъ, когда они по совѣсти признаютъ избираемаго достойнымъ? Внѣшніе могутъ не знать его хорошо, или злонамѣренно клеветать на него. Будто и слѣдуетъ правду приносить въ жертву ихъ неправдѣ?! Не потому надо брать во вниманіе ихъ свидѣтельство, чтобъ жертвовать ихъ неправдѣ правдою; но, оставляя у себя и для себя правду правдою, т.-е., не измѣняя своего добраго мнѣнія о неимѣющемъ добраго свидѣтельства отъ внѣшнихъ, лучше не избирать его во избѣжаніе худыхъ отъ того послѣдствій. Св. Златоустъ говоритъ: «а если онъ будетъ оклеветанъ и случайно подвергнется несправедливому обвиненію?—Можетъ и это случиться.—Но въ такомъ случаѣ не должно его избирать изъ среды другихъ; ибо это внушаетъ большія опасенія».

Опасности двѣ: *да не въ поношеніе впадетъ и въ стѣхъ непріязнену.*

Да не впадетъ въ поношеніе. Но онъ уже въ поношеніи, если не имѣеть добраго свидѣтельства. Какого еще поношенія опасаться? Можетъ быть Апостоль подъ *да не*

въ поношеніе впадетъ разумѣть — да не падетъ подъ тяжестью его, какъ въ — *не введи насъ во искушеніе*, разумѣется: не дай намъ пасть подъ тяжестью его. Пока, оставаясь частнымъ лицомъ, слышалъ онъ недобрыя о себѣ отзывы, легко сносилъ ихъ, пропуская мимо ушей. А когда поставятъ его главою общества вѣрующихъ, тогда нелегко ему оставаться равнодушнымъ къ тому. Начнутъ его давить то стыдъ и предъ собою и предъ своими и предъ чужими, такъ что и на люди показаться неохотно,—то досада, гнѣвъ и злость. Эти непріятныя движенія сердца и сами уже суть *стѣть непріязненная*, — по греч. του διαβολου,—дьявольская. Но они могутъ для врага послужить поводомъ къ сплетенію еще болѣе опасной сѣти. Отяготившись и обезсилѣвъ, онъ можетъ, подъ дѣйствіемъ недремлющаго врага, бросить и епископство и самое христіанство, и «обратится къ прежней незаконной жизни» (Θεод.).—Какъ такая опасность очень возможна,—опасность большая, а избѣжать ее очень легко; то благоразумнѣе такъ поступать, чтобъ не подвергать ей никого.

Или—*да не въ поношеніе впадетъ*, чтобъ не впасть еще въ большее поношеніе, которое съ него можетъ перейти и на все общество вѣрующихъ и тѣмъ пресѣчь благоуспѣшное дѣйствіе Евангелія (Θεοφ.). Что можно тоже назвать сѣтью вражью: ибо сѣти устрояются то на вверженіе въ грѣхъ и пагубу, то на воспрепятствованіе разширенію круга добра. Соблазнъ для невѣрныхъ отъ поношенія епископа вѣрныхъ есть тоже сѣть діаволова.

б) Свойства достойныхъ діаконства. 3, — 8—13.

Діаконы введены Апостолами съ самага начала основанія церкви. Первоначально имъ назначено было удовлетворять вещественныя нужды вѣрующихъ; но на этомъ дѣлѣ не остановилось, ибо скоро видимъ свят. Стефана проповѣдующимъ слово евангельское. Если проповѣдь слова имъ позволяема или поручаема была; то тѣмъ паче

не могло быть чуждо имъ служеніе при совершеніи божественныхъ таинствъ. Отсюда можно положить, что діаконы были избираемы—быть помощниками пресвитерамъ и епископамъ въ ихъ служеніи церкви по всѣмъ частямъ,—и, какъ такіе, подобно имъ получали особую благодать чрезъ рукоположеніе. Судя по сему нельзя не видѣть, сколь было необходимо, чтобъ и на сіе служеніе были избираемы лица достойныя; тѣмъ паче, что вступивъ на сію степень, они вступали на путь движенія и къ высшимъ степенямъ служенія церкви, какъ здѣсь же и обозначается. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства, требуемая отъ избираемыхъ на сіе служеніе лицъ свойства сходны съ свойствами, требуемыми отъ избираемыхъ въ епископы или пресвитеры. Особенность видна только въ нѣсколькихъ чертахъ,—именно, что они должны быть прежде испытуемы и имѣть таинство вѣры въ чистой совѣсти, воодушевляясь къ доброму служенію чаяніемъ получить высшее служеніе. О епископахъ этого не говорится, потому что въ первомъ они уже испытанными являются къ избранію, и послѣднее получаютъ. — Часть служенія по церкви удобнѣе могла быть исполняема женщинами, какъ на примѣръ при крещеніи женъ и хожденіи за болящими изъ нихъ; для исполненія такого служенія были назначаемы діакониссы. Апостоль не забылъ о нихъ сказать слово,—краткое въ одномъ стихѣ, но много обнимающее.

Ст. 8. *Діакономъ такожде чистымъ, не двоязычнымъ, не вину многу внимающимъ, не скверноствязательнымъ.*

Бл. Θεодоритъ, какъ видѣли, полагаетъ, что выше словомъ—епископы—обозначаются пресвитеры. Но св. Златоустъ утверждаетъ, что симъ словомъ означаются епископы, а пресвитеровъ Апостоль пропустилъ, давая судить о нихъ по епископамъ. «Сказавши о епископахъ и начертавъ ихъ образъ, и показавъ, что они должны имѣть, и чего избѣгать, Апостоль опускаетъ чинъ пресвитеровъ и переходитъ къ діаконамъ. Почему такъ? Потому что не

велико разстояніе между пресвитерами и епископами. И первые получили тоже даръ учительства и также суть предстоятели церкви; поэтому тоже самое, что онъ сказалъ о епископахъ, приличествуетъ и пресвитерамъ. Ибо первые однимъ только тѣмъ отличаются отъ послѣднихъ, что совершаютъ рукоположеніе ихъ,—и въ этомъ одномъ заключается ихъ преимущество предъ пресвитерами». Того же мнѣнія и Экуменій съ Теофилактомъ.—Приходитъ на мысль, не было ли такъ, что Апостолы поставляли только епископовъ, которые одни и совершали все по церкви. Пресвитеровъ же епископы избирали и посвящали въ помощь себѣ только въ такомъ случаѣ, если сами одни не могли всѣмъ управиться.

Диакономъ такожде. «То-есть, и имъ должно имѣть тоже самое, что и епископамъ. Что же это тоже самое?—То-есть, быть непорочными, цѣломудренными, страннопріимными, кроткими, не сварливыми, не сребролюбцами» (св. Злат.). «И они да водятся такими же законами» (Теоф.).

Чистымъ,—σεμνους,—честнымъ. «Они должны, говорить, кромѣ сказаннаго, имѣть и честность» (Теоф.). Σεμνος отъ σεβω—чту, благоговѣнствую, въ религіозномъ порядкѣ,—означаетъ и того, кто достоинъ нѣкоего священнаго и благоговѣйнаго почитанія, и того, кто самъ благоговѣенъ, страха Божія исполненъ,—богобоязненъ. Разумѣется честность не житейская, а нравственная степенность и религіозное благоговѣнство.

Не двоязычнымъ,—μη δίλογους,—не двословнымъ,—«не говорящимъ одному одно, а другому другое, но украшающимъ языкъ истиною» (Теоф.); или «не одно на умѣ держащимъ, а другое говорящимъ» (Теоф.). Какъ такого рода рѣчи, кромѣ неискренности, обличаютъ и нѣкое лукавство; то св. Златоустъ говоритъ: «не двоязычнымъ, то-есть, не лукавымъ, не хитрымъ. Ибо ничто столько не дѣлаетъ человѣка безчестнымъ, какъ лукавство; и ничто столько не приноситъ вреда церкви, какъ хитрость».

Не вину многу внимающимъ. Много вину внимаетъ, кто

любить выпить. Но «кому ввѣряется служеніе въ церкви, тѣмъ преимущественно надлежитъ освободиться отъ этой страсти» (Θеод.). «Не сказалъ: не пьяницамъ (упивающимъ), потому что это ужъ крайне грубо и низко, но: не многопійцамъ. Ибо хотя и не упивается кто, пьетъ однакожь много, — все же настроеніе души его дѣлается никуда негодимъ. Древніе, вступая въ служеніе во святилищѣ, совсѣмъ оставляли употребленіе вина» (Θеоф. Экум.).

Не скверностяжательнымъ. «Скверностяжатель не тотъ, кто, какъ предполагали, нечуждается получать какія либо выгоды, но кто охочь собирать выгоды съ вещей срамныхъ и крайне неприличныхъ» (Θеод.),—или «кто не отказывается ни отъ какой выгоды, откуда бы она ни приходила. Принимай здѣсь скверностяжателя за скупого любостяжателя и сребролюбца» (Θеоф.). «Скверными стяжаніями достойтъ называть и тѣ, которыя заботливо приобрѣтаются подъ видомъ благочестія» (Амвр.). Последняго тѣмъ паче надлежало опасаться въ діаконахъ, что ихъ дѣло было успокаивать нуждающихся вѣрующихъ изъ церковнаго достоянія.

Ст. 9. *Имущемиъ таинство вѣры въ чистой совѣсти.*

Таинство вѣры есть то, о коемъ ниже Апостоль сказалъ: *исповѣдуемо велия благочестія тайна: Богъ явился во плоти... вознесся въ славу* (— — 16). Богъ низшелъ на землю въ воплощеніи и устроилъ намъ дивный образъ спасенія. Таинство есть сіе, потому что непостижимо для насъ и по откровеніи и по устроеніи самымъ дѣломъ спасенія,—непостижимо и въ томъ, какъ это совершено Богомъ воплощеннымъ, и въ томъ, какъ намъ дѣйственно усвоется и насъ спасаетъ. Приемлется же сіе таинство вѣрою, что такъ несомнѣнно есть, такъ какъ самъ Богъ все сіе и содѣлалъ и истолковалъ намъ, и что приемлющій и дѣлающій все, какъ опредѣлено въ семъ образѣ спасенія, несомнѣнно получаетъ спасеніе.

Содержать такое *таинство вѣры въ чистой совѣсти* есть чистосердечно, по всей совѣсти, сему вѣровать, колеблясь и нераздвояясь въ мысляхъ, глубокое во всемъ питая убѣжденіе и не допуская никакихъ противныхъ тому помышлений. Или такъ: совѣсть чиста, когда кто всеуспешно дѣлаетъ все требуемое заповѣдями или исполняетъ всякую познанную волю Божію. Такая совѣсть всю душу освящаетъ и умиротворяетъ, — и дѣлаетъ ее сосудомъ пригоднымъ къ содержанію и храненію божественнаго и пренебеснаго таинства вѣры. Апостоль и внушаетъ, чтобъ избираемый въ діаконы въ такой чистой совѣсти содержалъ таинство вѣры, то-есть вѣруя и жилъ чисто и безукоризненно, и по внѣшнему поведенію и по внутреннимъ чувствамъ и настроеніямъ. Св. Златоустъ говоритъ: «этимъ Апостоль показываетъ, что значитъ быть непорочнымъ». Бл. Феодоритъ прибавляетъ: «быть подтверждающимъ вѣру дѣлами. Ибо чистою совѣстію Апостоль назвалъ добрыя дѣла. Дѣлатель ихъ не уязвляется совѣстію». Бл. Теофилактъ поясняетъ: «съ храненіемъ праваго догмата имѣющимъ и жизнь непорочную. Ибо чистою совѣсть бываетъ при непорочной жизни».

Ст. 10. *И сіи убо да искушаются прежде, потомъ же да служатъ, непорочни суще.*

И сіи убо, — и будучи таковыми, или бывъ признаны такими, то-есть *имѣющими таинство вѣры въ чистой совѣсти*, и прочія показанныя выше добрыя качества, *да искушаются*, — да подвергаются испытанію, въ которомъ они показали бы, что всѣ видимыя въ нихъ доброты глубоко лежатъ въ сердцѣ, составляя черты установившагося ихъ нрава, а не кажущееся нѣчто и случайное. Можетъ быть испытанію сему подлежали они особенно со стороны способности къ исправленію дѣлъ діаконства, — благоразумны ли, распорядительны ли, внимательны ли: ибо многіе, обладая хорошими свойствами сердца, бываютъ очень неискусны въ веденіи внѣшнихъ дѣлъ. Это

требованіе испытанія равносильно тому, что скажетъ онъ ниже: *руки скоро не возлагай ни на коожу* (— 5, 22),—и тому, что сказалъ уже о епископахъ, да не будетъ онъ *новокрещенъ*. Такъ св. Златоустъ: «Смотри,—онъ и здѣсь говорить: *не новокрещену*. Ибо выраженіе: *и сѣи да искушаются прежде*, тоже значитъ, что сказанное имъ о епископахъ». Тоже пишетъ и Теофілактъ: «какъ, говоритъ, относительно епископа я требовалъ, чтобъ онъ былъ не новокрещенъ, такъ требую, чтобъ и эти не были допускаемы до служенія, не бывъ испытаны, но послѣ того, какъ, бывъ довольно потерты подъ испытаніемъ, окажутся безукоризненными: подобно тому, какъ (и въ житейскому быту) новокупленному рабу никто не поручитъ распорядительной какой либо должности, прежде чѣмъ онъ по времени окажется себя на то гожимъ».

Потомъ же да служатъ,—*διακονεῖτωσαν*,—да допускаются до служенія, или лучше, да поставляются въ діаконы,—да вдіаконяются. Такъ бл. Теодоритъ: «надобно, чтобы прежде испытана была жизнь ихъ, а потомъ уже сподоблялись они духовной благодати». *Непорочни суще*,—не «если непорочны», но будучи такимъ образомъ, или оказываясь послѣ сего безукоризненными во всѣхъ отношеніяхъ, ничего не имѣя въ себѣ, чего не одобряла бы чья либо совѣсть изъ всего общества христіанъ.

Ст. 11. *Женамъ такожде чистымъ, не клеветливымъ, (не наводницамъ), трезвеннымъ, вѣрнымъ во всемъ.*

Подъ *женами* здѣсь не разумѣются ни женщины вообще,—потому что къ чему бы вставлятъ рѣчь о нихъ среди рѣчи о лицахъ служащихъ въ церкви?—Ни жены діаконъ, потому что тогда стояло бы: женамъ ихъ. Но какъ рѣчь идетъ о лицахъ служащихъ церкви, то и подъ *женами* здѣсь падо разумѣтъ такія же лица изъ женскаго пола. Такими были діакониссы; о нихъ и слово. Такъ св. Златоустъ: «*женамъ*, т.-е. діакониссамъ. Нѣкоторые полагаютъ, что это просто сказано о женщинахъ; но это

несправедливо. Ибо что могъ имѣть Апостолъ въ виду, вставляя въ среду своей рѣчи нѣсколько словъ о женщинахъ? Но онъ говоритъ здѣсь о такихъ женщинахъ, которыя облечены званіемъ діакониссъ. Объ нихъ прилично было сказать, что сказано. Ибо сіе званіе весьма нужно, полезно и достойно уваженія въ церкви» (св. Злат.).

Такожде. «Что поставилъ въ законъ мужамъ, то же почти самое поставляетъ и женщинамъ. Какъ діаконѣвъ нарекъ *честными*, такъ честными же нарекаетъ и діакониссъ; какъ тѣмъ предписалъ быть *не двоязычными*, такъ и симъ поставляетъ въ обязанность быть *не клеветными*; какъ тѣмъ узаконилъ *не вину многу внимать*, такъ и симъ повелѣлъ быть *трезвенными*» (Феодр.).

Чистыми → и здѣсь, какъ выше честными, — *σεμνως*, — пользующимся уваженіемъ и благоговѣйнымъ.

Не клеветливымъ, — *μη διαβολουσ*, не навадницамъ, ложные распускающимъ слухи о другихъ, «которыя, какъ обычно старухамъ, ходять по домамъ и нашептываютъ той про эту» (Феоф.).

Трезвеннымъ, — *νηφαλιους*, — внимательнымъ къ себѣ и бодреннымъ. «Такъ какъ легко и удобопрельстимъ родъ сей, то не должно, говорить, имъ дремать, но быть бодренно - бдительными» (Феоф.). Это и въ отношеніи къ себѣ и въ отношеніи къ возлагаемымъ на нихъ дѣламъ.

Вѣрнымъ во всемъ, — «то-есть стойкимъ и въ словѣ, и въ дѣлахъ» (Феоф.), такимъ, на которыхъ во всемъ можно положиться, что вѣрно и точно исполнять все порученное и такъ, какъ поручено, что не выдадутъ ничего имъ ввѣреннаго, и своего даннаго слова никогда и никакъ не нарушатъ.

Ст. 12. *Діакони да бываютъ единыя жены мужи, чада добръ правяще и своя дома.*

Единыя жены мужи. «Видишь ли, что и отъ діаконѣвъ Апостолъ требуетъ тойже самой добродѣтели (что и отъ епископовъ)? Хотя они по сану и неравны епископу,

однако должны быть столь же непорочны, столь же чисты» (св. Злат.). «Разумѣть сіе должно по прежнему толкованію» (Ѳеод.).

Чада добръ правяще и своя дома. «Сіе поставилъ въ законъ и называемымъ у него епископами» (Ѳеод.). «Вездѣ онъ говоритъ объ управленіи дѣтьми, дабы прочіе не имѣли повода къ соблазну» (св. Злат.).

Ст. 13. *Ибо служившии добръ степень себѣ добръ снискаютъ, и многое дерзновеніе въ вѣрь, яже о Христвъ Исусъ.*

Воодушевляетъ Апостоль діакона къ доброму діаконствованію, обѣщая добрые отъ сего плоды и внѣшніе, и внутренніе, и по церкви, и по сердечному отношенію въ вѣрѣ къ Господу Исусу. Предъ этимъ будто пропущено одно слово. Сказаль, что достойный діаконства долженъ быть такой и такой, и кто окажется такимъ, того испывавъ, ставъ въ діаконы. Ожидалось бы или: и внушай ему, чтобъ добръ діаконствовалъ, или: ты же, діаконъ, добръ діаконствуй. Но это дается самимъ доразумѣть и говорится только: ибо добръ подіаконствовавшіе не безъ плода протрудятся. Воодушевленіе такое нужнымъ сочтено для діаконствъ потому, что служеніе ихъ многохлопотливо и многотрудно, и по душѣ и по тѣлу.

Добръ служившии, — $\delta\iota\alpha\kappa\omicron\nu\eta\sigma\alpha\nu\tau\epsilon\varsigma$, — подіаконствовавшіе, діаконскую должность добръ исправлявшіе, *степень себѣ добръ снискаютъ,* — само собою разумѣется, — степень въ церковномъ служеніи, т. е., послѣ діаконства удостоятся пресвитерства, а потомъ и епископства. Св. Златоустъ говоритъ: «онъ какъбы говоритъ: тѣ, которые показали себя бодренно усердными въ низшихъ степеняхъ, скоро достигнуть и прочихъ (высшихъ)». Въ началѣ сказаль, что кто епископства желаетъ, добраго дѣла желаетъ. Теперь указываетъ, какая къ тому лежитъ дорога, именно, — доброе служеніе церкви въ діаконствѣ. И опытъ показаль, что добръ діаконствовавшіе славны были потомъ и на степеняхъ пресвитерства и епископства (Ѳеоф.).

Это плодъ отъ добраго діаконствованія по положенію въ церкви. По внутреннему преспѣванію отъ этого получится *многое дерзновеніе въ вѣрѣ, яже о Христвъ Исусъ*, т-е. многое дерзновеніе предъ Господомъ, въ силу вѣры въ Него, — стяжутъ «великое совершенство (въ духѣ) и дерзновеніе въ вѣрѣ во Исуса Христа» (св. Злат.). «Кто же можетъ стяжать такое дерзновеніе, какъ не тотъ, кто съ вѣрою и живетъ праведно» (Экум.)? Праведная жизнь діакона—доброе діаконствованіе. Церковь—домъ Господа Исуса. Служа церкви, самому Господу служатъ. Но какъ въ житейскомъ быту, вѣрно и усердно работающій домо-владыкѣ и доступъ къ нему имѣеть и слово предъ нимъ должное не робѣеть сказать: такъ и вѣрно служащіе въ церкви, самую совѣстію своею уполномочиваются, смѣло воззрѣвать къ Господу и изрекать предъ Нимъ желанія сердца своего,—о себѣ и о вѣрующихъ. Достигшій сего усерднымъ трудомъ въ діаконствѣ есть уже достоинъ стоять на степени пресвитера и епископа, чтобъ дерзновенно возносить къ Господу ходатайственныя о сонмѣ вѣрующихъ молитвы.

Епископъ Теофанъ.

С Л О В А
ПРЕПОДОВНАГО И БОГОНОСНАГО СИМЕОНА
НОВАГО ВОГОСЛОВА.

Въ переводѣ съ новогреческаго Преосвященнѣйшаго Епископа Теофана.

СЛОВО ДЕВЯНОСТО ВТОРОЕ.

О созерцаніи и отроченіи, и о душѣ просвѣщенной; и какъ дѣйствуетъ благодать Святаго Духа въ томъ, въ коемъ царствуетъ любовь къ Богу, и кто пришелъ въ глубину смиренія.

Возлюбленные братія мои! Велико и безмѣрно есть снисхожденіе и человѣколюбіе Божіе къ человѣкамъ. Почему, удивляясь неизреченной благодати Божіей и трепеща, взываю такъ: сколь изумительно дивна сила заповѣдей Божіихъ и въ какое дивное состояніе приводятъ онѣ тѣхъ, которые творятъ и исполняютъ ихъ! И я началъ нѣкогда исполнять заповѣди Божіи, когда немного выступилъ изъ глубины грѣховъ и нѣсколько освободился отъ покрывавшаго меня мрака. При этомъ нерѣдко будучи тѣснимъ зыми навыками своими, боялся я за себя, но любовь и вождельніе добра гораздо чаще направляли меня къ добру. Въ началѣ все, что я дѣлалъ, было одно лишь удаленіе отъ зла, но потомъ оно само начало подвигать меня на добро. Въ это время одно особенно причиняло мнѣ тяготу и непріятность,—это злой навыкъ сластолюбія, который уничтожается чтеніемъ божественныхъ Писаній и навыкомъ въ добрыхъ дѣланіяхъ. Ибо какъ когда утромъ восходитъ солнце, мало-по-малу раз-

гоняется тма и исчезаетъ, такъ и когда возсіяваетъ добродѣтель, прогоняется грѣхъ, какъ тма, и наконецъ всѣмъ уничтожается. Тогда мы являемся добрыми и добродѣтельными въ всемъ, какъ прежде были злы и порочны. Такъ помощію небольшого терпѣнія и малаго добраго произволенія, или, лучше сказать помощію Бога живаго возсоздаемъ мы наконецъ и обновляемъ, послѣ того, какъ очистимся душею и тѣломъ и умомъ. Вслѣдствіе сего мы дѣлаемъ тѣмъ, о чемъ прежде не знали, будучи омрачены страстями, и получаемъ еще то, чего недостойны.

Изъ этого получилъ нѣчто и я непотребный и худѣйшій всѣхъ. Ибо добро есть проповѣдывать съ великимъ благодареніемъ благодѣянія, полученныя отъ человѣколюбиваго Бога благодатію Искупителя нашего Иисуса Христа. Я получилъ благодать на благодать и благодѣяніе на благодѣяніе, огонь на огонь, и пламень на пламень. Къ моему восхожденію и преуспѣянію даны были и другія восхожденія и преуспѣянія, — а въ концѣ восхожденія свѣтъ; къ этому свѣту—другой свѣтъ свѣтлѣйшій; среди сего свѣта возсіяло блестящее Солнце, изъ котораго явился лучъ, исполнившій всяческая. Чтò бы это значило, было недомыслимо. Въ это время я только проливалъ сладкія слезы, удивляясь неизреченному.

Тогда божественный, первый умъ сталъ бесѣдовать съ моимъ собственнымъ умомъ и такъ поучать его: понялъ ли ты, въ какое дивное состояніе возвело тебя оное человѣколюбіе и сила, ради вѣры твоей и малаго терпѣнія твоего, свидѣтельствовавшаго о любви твоей? Се, подлежа смерти, ты сдѣлался безсмертнымъ, и одержимъ будучи тлѣніемъ, сталъ нетлѣнень. Се, живя въ мірѣ, ты пребываешь со Мною. Се, нося тѣло, не бываешь влачимъ сластями тѣлесными. Ты малъ тѣломъ, но умомъ созерцаешь все.—На это, со страхомъ и вмѣстѣ съ радостію, я отвѣчалъ: кто есмь, Господи, я грѣшный и нечистый, что Ты воззрѣлъ на меня и снишелъ до бесѣды со мною?

И Ты, пречистый, невидимый и непреступный для всѣхъ, какъ являешься мнѣ приступнымъ и сладостнѣйшимъ, и видимъ еси краснѣйшимъ во благодати и славѣ, Тебя осіявающей?

Слышанное мною слышалъ я таинственно, и отвѣчалъ нѣкакo необычно. Сверхъестественность созерцанія привела меня въ удивленіе, но пристрашность его будто душу разлучила съ тѣломъ. Неизреченная красота Явившагося поразила сердце мое и подвигла къ безпредѣльной любви; любовь же не дала уже мнѣ обратиться опять долу, но я радовался, какъ совсѣмъ исторгшійся изъ узъ плоти и однакожь все же пребывающій цѣлымъ человѣкомъ. Мнѣ даваемо было удостовѣреніе, что прощены всѣ грѣхи мои, и опять я видѣлъ себя самого грѣшнѣйшимъ паче всякаго человѣка. Не могъ я не вѣрить Тому, Кто говорилъ мнѣ, и опять боялся Ему вѣрить, чтобъ не впасть въ превозношеніе. Нерѣдко восхожу я на высоту созерцанія, безъ воли моей, и опять схожу съ нея волею моею, чтобъ не забыть мѣры человѣчества и безопаснѣе соблюсти смиреніе. Я знаю много такого, чего не знаютъ другіе, и опять паче всѣхъ невѣжественъ есмь. Радуюсь, что Христосъ, въ котораго я увѣровалъ, даровалъ мнѣ царство вѣчное и непоколебимое, и опять, какъ недостойный благъ оныхъ, плачу, и никогда не перестану плакать. Не смѣю отверсть устъ своихъ, чтобъ просить отпущенія грѣховъ моихъ, — и опять движимый любовію, воодушевляюсь и пріемлю дерзновеніе молить Бога за другихъ братій и (да реку въ безуміи) услышанъ бываю. Предстою съ дерзновеніемъ предъ Богомъ и молюсь, какъ сынъ, а въ чувствахъ сердца моего имѣю себя чуждымъ и бездерзновеннымъ. Слышу: добрѣ, рабе вѣрный и проч., и нахожу себя поистинѣ такимъ, что не только не употребилъ какъ должно, но даже и не сохранилъ ни одного таланта изъ всѣхъ тѣхъ даровъ, какіе мнѣ даны. Мнѣ кажется, что я достигъ самаго крайняго предѣла добродѣтели, и въ то же время чувствую себя погруженнымъ въ бездну грѣ-

ховъ моихъ и клонюсь къ отчаянію. Когда бываю въ чувствѣ ниже всѣхъ, тогда возношусь превыше небесъ и любовію опять соединяюсь съ Иисусомъ Христомъ, Богомъ нашимъ,—на Коего и уповаю, что когда освобождусь отъ этой земной и тяжелой плоти, или когда умру, тогда ближе представленъ буду предъ Него и просвѣщенъ Имъ, да познаю яснѣе вѣчную радость и ликованіе тамошней любви.

Это пожелалъ я написать вамъ, братія мои, не для того, чтобъ стяжать славу и быть прославленнымъ отъ людей. Да не будетъ! Ибо такой человѣкъ безумень и чуждъ славы Божіей. Но написалъ для того, чтобъ вы увидѣли и познали безмѣрное человѣколюбіе Божіе и то, сколь легко бремя заповѣдей Спасителя нашего Бога, и напротивъ сколь велико и несравненно воздаяніе благодати Его; познавъ же это, чтобъ или возжелали улучшить и себѣ любовь Его, или убоились и вострепетали, какъ вѣчной смерти, лишенія оной. При этомъ и для того пожелалъ я написать о всемъ сказанномъ, чтобъ вы познали высоту смиренія и знакъ совершенной любви. Еще и для того, чтобъ вы познали и дѣло снисществія Божія и даръ божественной Его благодати, т.-е., эту мѣну, какую сдѣлалъ Онъ съ нами человѣками, пріявъ человѣчество и давъ вмѣсто его Божество; чтобъ познали дивный образъ возстановленія нашего и то, какъ живутъ восхотѣвшіе вѣровать въ распеншагося Христа, тѣ то-есть, которые восподражали Его послушанію и смиренію и рѣшились, отвратясь отъ худшаго, устремиться къ лучшему, отъ грѣха къ добродѣтели, отъ земнаго къ небесному, отъ плотскаго къ духовному, отъ человѣческаго къ божественному; и еще чтобъ увидѣли, какъ измѣняются тѣ, которые оставляютъ все по любви къ возлюбившему насъ Богу, и однакожь не лишаются ничего ни изъ настоящаго, ни изъ будущаго,—т.-е. какъ омраченные входятъ дивно въ свѣтъ, приближаясь къ великому свѣту, и какъ они соединяясь съ горнимъ, поставляются богами и надъ

дольнимъ, какъ это было въ древнее время съ Моусе-емъ, — какъ находясь среди всѣхъ, не оскверняются ни-сколько обращеніемъ съ ними, и благотворя ближнимъ, не терпятъ никакого ущерба въ добрѣ, но оказывая ми-лость другимъ, сами получаютъ больше, чѣмъ даютъ, — особенно когда по человѣколюбію дѣлаются подобными человѣколюбивому Богу;—какъ они смиряются по мѣрѣ того, какъ возвышаемы бываютъ и какъ возвышаются по мѣрѣ того, какъ смиряются,—лишаются всего необходи-мага въ жизни по смиренію, и не терпятъ никакого ли-шенія, будучи питаемы вѣчною жизнію святой любви.

Се, открылъ я вамъ тайнства, которыя были сокрыты во мнѣ; ибо вижу, что близокъ конецъ жизни моей. Я желалъ дать вамъ увидѣть и познать и образы покаянія, и первыя ступанія новоначальныхъ, и успѣхи среднихъ, и мѣры совершенныхъ, и расположить васъ подражать, если не хотите другому кому, то мнѣ духовному отцу своему, породившему васъ духовно, возлюбившему васъ отъ всей души, воздоившему васъ млекою слова Божія, напитавшему хлѣбомъ животворящимъ всяческая и пока-завшему, какъ шествовать путемъ спасительныхъ заповѣ-дей Бога,—Коему подобаешь всякая слава, нынѣ и при-сно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ДѢЯТЕЛЬНЫЯ И БОГОСЛОВСКІЯ ГЛАВЫ

ПРЕПОДОБНАГО СИМЕОНА НОВАГО БОГОСЛОВА.

Въ переводѣ съ новогреческаго Пресвященнѣйшаго епископа Теофана.

1) Вѣра есть (быть готову) умереть Христа ради за заповѣдь Его, въ убѣжденіи, что такая смерть приноситъ жизнь,—нищету вмѣнять въ богатство, худость и ничтожество въ истинную славу и знаменитость, и въ то время какъ ничего не имѣется, быть увѣрену, что всѣмъ обладаешь,—особенно же (она есть) стяжаніе неизслѣдимаго богатства познанія Христа и взираніе на все видимое, какъ на прахъ или дымъ.

2) Вѣра во Христа есть не то только, чтобъ небрежь о пріятностяхъ жизни, но и въ томъ, чтобъ терпѣливо и благодушно переносить всякое находящее искушеніе, въ печаляхъ, скорбяхъ и непріятныхъ случайностяхъ, пока возблаговолитъ Богъ призрѣть на насъ, — подражая Давиду, который говоритъ: *терпя потерпѣхъ Господа и вынулъ ми* (Пс. 39, 1). [Т.-е., терпя скорби, я уповалъ, что Господь поможетъ мнѣ; почему и Господь, видя, что я не колеблясь чаю помощи отъ Него, призрѣлъ на меня и явилъ мнѣ милость свою].

3) Предпочитающіе въ чемъ либо родителей своихъ заповѣди Божіей, вѣры во Христа не имѣютъ. Конечно и собственная совѣсть ихъ обличаетъ ихъ въ такомъ невѣрїи, если только совѣсть жива въ нихъ. Ибо истинно вѣрующихъ отличительный знакъ есть ни въ чемъ никогда

не преступать заповѣди великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

4) Вѣра во Христа, истиннаго Бога, раждаетъ желаніе вѣчныхъ благъ и страхъ мученій; желаніе же сихъ благъ и страхъ мукъ приводятъ къ строгому исполненію заповѣдей, а строгое исполненіе заповѣдей научаетъ людей глубокому сознанию своей немощности; это сознание истинной немощности нашей раждаетъ память о смерти; кто же возымѣлъ сію память сожительницею себѣ, тотъ приболѣзненно взыщетъ узнать, каково будетъ ему по исходѣ и удаленіи изъ сей жизни; а кто тщательно старается узнать о будущемъ, тому прежде всего надлежитъ лишить себя настоящаго (т.-е. благъ и вещей міра сего). Ибо обладаемый пристрастіемъ къ чему либо изъ сего послѣдняго, даже самому ничтожному, не можетъ стяжать совершеннаго познанія о томъ первомъ. Даже когда бы по смотрѣнію Божію вкусилъ онъ сколько нибудь такого познанія; то—если тотчасъ не оставитъ того, пристрастіемъ къ чему одержимъ, и не предастся всецѣло стяжанію сего единаго познанія, не позволяя себѣ даже думать о чемъ либо другомъ кромѣ его,—взято будетъ отъ него и это познаніе, какое мнится онъ имѣти.

5) Отреченіе отъ міра и совершенное изъ него удаленіе,—если воспримемъ при семъ и совершенное отрѣшеніе отъ всѣхъ житейскихъ вещей, нравовъ, возрѣній (принциповъ) и лицъ, съ отверженіемъ тѣла и воли своей, въ короткое время великую принесетъ пользу тому, кто съ такимъ жаромъ ревности отрекся отъ міра.

6) Имѣя въ намѣреніи удалиться изъ міра, смотри не выдавай души своей въ плотскія утѣшенія, въ началѣ, пока еще живешь и вращаешься въ мірѣ, хотя бы всѣ сродники и друзья понуждали тебя къ тому. Это имъ демоны внушаютъ, чтобъ погасить теплоту сердца твоего,—черезъ что, если и не воспрепятствуютъ они исполненію твоего намѣренія, то всячески охладятъ и ослабятъ его.

7) Когда ты мужественно будешь отказываться отъ

всѣхъ удовольствій житейскихъ и держать себя чуждымъ всякаго утѣшенія; тогда демоны, возбудивъ состраданіе въ родныхъ, заставятъ ихъ плакать и рыдать о тебѣ предъ лицомъ твоимъ. Что это истинно такъ есть, сіе познаешь изъ того, что, когда ты останешься непоколебимъ и при этомъ искушеніи, то тотчасъ увидишь, какъ родные твои возгорятся яростію и ненавистію противъ тебя, отвернутся отъ тебя какъ отъ врага и смотрѣть на тебя хотѣть не будутъ.

8) Видя скорбь о себѣ родителей, братьевъ и друзей, посмѣвайся демону, разнообразно симъ способомъ противъ тебя вооружающемуся; но поспѣши и удалиться со страхомъ, прилежною докучая Богу молитвою, сподобить тебя поскорѣе достигнуть въ пристанище добраго Отца, въ коемъ сей упокоилъ бы душу твою, утружденную и обремененную: ибо житейское море представляетъ много бѣдственнаго и крайне пагубнаго.

9) Желаящій возненавидѣть міръ, изъ глубины души долженъ возлюбить Бога, и память о Немъ стяжать непрестанную: ибо ничто другое, какъ сіе, не побуждаетъ съ радостію оставить все и отвращаться отъ того, какъ отъ уметовъ.

10) Ни по благословнымъ, ни по безсловеснымъ причинамъ, не оставайся долго въ мірѣ; но какъ только позванъ будешь, спѣши послушаться. Ибо ничему другому не радуется такъ Богъ, какъ нашей скорости (въ исполненіи воли Его): такъ какъ лучше скорое послушаніе съ бѣдностію, нежели медлительность со множествомъ имѣній.

11) Если міръ и что въ мірѣ, переходитъ все, а Богъ нетлѣнень и безсмертень; то радуйтесь всѣ, которые ради Его оставили тлѣнное. Тлѣнно же не только богатство и деньги, но и всякое удовольствіе и наслажденіе грѣховное есть тля. Однѣ заповѣди Божіи свѣтъ суть и жизнь,—и такъ всѣми именуются.

12) Если, брате, пламенемъ ревности о спасеніи обзятый, бѣгомъ притекъ ты въ киновію, или къ духовному

отцу; то, когда будетъ предлагать тебѣ онъ или сподвизающіеся тебѣ братія, бани, или брашна, или другія какія утѣшенія въ упокоеніе плоти, не соглашайся на то. Но всегда будь готовъ (желай, ищи, стремись) къ пощению, къ злостраданію (произвольнымъ лишеніямъ), къ крайнему воздержанію. Если отецъ твой о Господѣ повелитъ тебѣ дать нѣкое утѣшеніе тѣлу, послушай его, отсѣкая и въ этомъ собственную волю свою; а если нѣтъ, то съ радостію исполняй терпѣливо, что дѣлать произвольно восхотѣлъ ты (т.-е. всячески воздерживаться отъ всего). Соблюдая сіе, будешь всегда во всемъ, какъ стоящійся и воздерживающійся и своей воли по всему отрекшійся. И не это только, но и сущій въ сердцѣ твоёмъ пламень, все презирать тебя понуждающій, сохранишь ты неугасимымъ.

13) Когда демоны, сдѣлавъ все съ своей стороны, не успѣютъ разстроить наше по Богу намѣреніе, или воспрепятствовать исполненію его; тогда привходятъ они въ притворяющихся благочестивыми (братій), и посредствомъ ихъ покушаются воспрепятствовать начавшимъ уже подвизаться, въ добрыхъ подвигахъ ихъ. И вопервыхъ, будто любовію и состраданіемъ движимые, совѣтуютъ имъ не чуждаться тѣлесныхъ утѣшеній, чтобъ и тѣло, говорятъ, не изнемогло и самимъ не впасть въ уныніе. Потомъ, вызывая ихъ на бесполезныя бесѣды, цѣлыя дни попусту проводить въ нихъ заставляютъ. Затѣмъ, если кто изъ ревностныхъ послушаетъ ихъ совѣтовъ и станетъ подобенъ имъ, то они начинаютъ смѣяться надъ тѣмъ, будто радуясь ихъ гибели; если же не послушаетъ ихъ словъ, но сохранить себя чуждымъ всего, себѣ внимающимъ и бездерзновеннымъ (скромнымъ и робкимъ предъ всѣми), то подвигаются на зависть и вооружаются противъ него, употребляя всѣ способы, чтобъ изгнать его даже изъ монастыря: ибо для безчестнаго тщеславія несносно видѣть, какъ у него предъ глазами хвалятъ истинное смиреніе.

14) Томится болѣзненно тщеславный, видя, какъ смиренный, проливая слезы, и Бога ими умилостивляетъ и людей подвигаетъ къ невольной похвалѣ.

15) Послѣ того, какъ предашь ты всего себя духовному отцу своему, знай, что ты чуждъ всему, что принесъ совнѣ,—вещи ли то какія, или деньги. Почему ничего не дѣлай съ ними безъ его воли, и ничего не проси себѣ у него изъ того, ни малаго ни большаго; развѣ только самъ онъ по собственному произволенію, или тебѣ велитъ взять что, или собственноручно дать тебѣ то.

16) Безъ воли отца твоего по Богу не загадывай давать милостыню изъ принесенныхъ тобою денегъ; но и чрезъ посредника какаго не домогайся взять у него что либо изъ нихъ. Ибо лучше быть и именоваться нищимъ и страннымъ, нежели расточать и раздавать бѣднымъ деньги, когда ты еще новоначальный. Все предать въ волю духовнаго отца своего, какъ въ руку Божию, есть дѣло совершенной вѣры.

17) Даже глотка воды проглотить не проси, хотя бы случилось тебѣ быть палиму жаждою, пока духовный отецъ твой, самъ въ себѣ подвигнуть будучи, не велитъ тебѣ это сдѣлать. Утѣсняй себя и нудь во всемъ, уговаривая себя такими словами: если хочетъ Богъ и достоинъ будешь напиться, то Онъ откроетъ всеконечно отцу твоему сказать тебѣ: напейся. И тогда напьешься съ чистою совѣстію, хотя бы это было и не во время.

18) Нѣкто, опытомъ познавшій духовную пользу и целожную стяжавшій вѣру, предлагая Бога свидѣтелемъ истины, сказалъ: я положилъ въ себѣ такой помыслъ, чтобъ никогда не просить у отца моего ни ѣсть ни пить, и вообще ничего другаго не принимать, пока Богъ не внушитъ ему приказать мнѣ это. И дѣйствуя такъ, я никогда, говорить, не былъ тщетенъ въ надеждѣ моей.

19) Дѣйственную стяжавшій вѣру къ отцу своему по Богу, видя его, мнить видѣть самого Христа, и бывая съ нимъ или послѣдуя ему, вѣруетъ несомнѣнно со Хри-

стомъ быть и Ему послѣдовать. Таковой никогда не пожелаетъ бесѣдовать съ кѣмъ либо другимъ, и не предпочтетъ что либо изъ мірскихъ вещей памяти и любви Его. Ибо что лучше, или что полезнѣе, въ настоящей и въ будущей жизни, того, чтобъ быть со Христомъ? Что прекраснѣе или сладчае созерцанія Его? Если же и бесѣды отъ Него сподобляется кто, то конечно почерпаетъ изъ нея жизнь вѣчную.

20) Благорасположенно любящій тѣхъ, которые его поносятъ и обижаютъ и причиняютъ ему ущербъ, и молящійся о нихъ, въ короткое время достигаетъ великаго преспѣянія. Ибо когда такъ бываетъ въ чувствѣ сердца, тогда это благонастроеннаго симъ образомъ вводитъ въ бездну смиренія, и изводитъ изъ него источники слезъ, въ которыхъ погружается вся тросчастность души (т.-е., разумная, желательная и раздражительная ея силы), — возводитъ умъ на небо безстрастія и дѣлаетъ его созерцательнымъ, — вкушеніемъ же тамошнихъ благъ располагаетъ вмѣнять въ уметы всѣ блага настоящей жизни, и самую пищу и питіе принимать не въ сладость и не такъ часто.

21) Не отъ дѣлъ только злыхъ должно подвижнику удаляться, но надобно стараться быть свободнымъ и отъ помысловъ и мыслей противныхъ (заповѣдямъ и волѣ Божіей), — и всегда быть заняту въ себѣ душеспасительными и духовными воспоминаніями, пребывая безпечительнымъ о вещахъ житейскихъ.

22) Какъ тотъ, кто обнажилъ все тѣло свое, если оставить при семъ глаза свои закрытыми какимъ либо покровомъ и не захочетъ взять сей покровъ и сбросить, не можетъ отъ одного этого обнаженія прочаго тѣла видѣть свѣтъ: такъ и тотъ, кто оставилъ всѣ свои и вещи и деньги, избавился и отъ самыхъ страстей сихъ, если не освободитъ при семъ и ока души своей отъ воспоминаній житейскихъ и помышленій худыхъ, никогда не увидитъ умнаго свѣта, Господа нашего Иисуса Христа и Бога.

23) Что покровъ на глаза наложенный, то помыслы мірскіе и воспоминанія житсйскія для ума, или ока души. До тѣхъ поръ, пока попустимъ имъ быть, ничего не увидимъ; когда же изгонимъ ихъ памятью о смерти, тогда узримъ свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ.

24) Кто слѣпъ отъ рожденія, тотъ не можетъ знать силу пишемаго, ни вѣрить тому; но если онъ когда либо сподобится прозрѣть, то станетъ сосвидѣтельствовать, что пишемое и читаемое истинно.

25) Видящій чувственными очами знаетъ, когда бываетъ день и когда ночь, а слѣпой не знаетъ ни того, ни другаго. И духовно прозрѣвшій и зрящій умными очами, если послѣ того, какъ повидитъ истинный и незаходимый свѣтъ, по нерадѣнію и безпечности опять возвратится къ прежнему ослѣпленію и лишится свѣта, то находясь въ благочувствіи, добрѣ чувствуетъ лишеніе сего свѣта, и того, отъ чего случилось съ нимъ такое лишеніе, не невѣдастъ; но пребывающій отъ рожденія слѣпымъ (духовно) ничего такого не знаетъ ни по опыту, ни по дѣйству,—развѣ слухомъ что услышитъ и узнастъ о томъ, чего никогда не видалъ, и станетъ рассказывать о томъ другимъ, хотя ни онъ, ни слышашіе ничего вѣрно не знаютъ о тѣхъ вещахъ, о коихъ разговариваютъ.

26) Невозможно и плоть наполнять досыта брашнами, и духовно наслаждаться умными и божественными благами. Ибо въ какой мѣрѣ кто работаетъ чреву, въ такой лишаетъ себя вкушенія духовныхъ благъ; напротивъ, въ какой мѣрѣ кто станетъ утончать тѣло свое, соразмѣрно съ тѣмъ будетъ насыщаемъ пищею и утѣшеніемъ духовными.

27) Оставимъ все земное,—не богатство только и золото, и другія вещи житейскія, но и самое похотѣніе къ нимъ совершенно изгонимъ изъ душъ нашихъ. Возненавидимъ не только удовольствія тѣла, но и безсловесныя движенія его, постараемся умертвить его трудами: ибо чрезъ

него возбуждаются похоти и приводятся въ дѣло. И пока оно живо, по всей необходимости душа наша бываетъ мертвою,—труднодвижною, или и совсѣмъ неподвижною на всякую заповѣдь Божию.

28) Какъ пламень огня всегда поднимается въ верхъ, особенно когда станешь ворочать вещество, въ которомъ возгорѣлся и горитъ огонь; такъ и сердце тщеславнаго не можетъ смиряться. Но какъ только скажешь ему что для его пользы, онъ болѣе и болѣе воздымается; если его обличаютъ и вразумляютъ, онъ противорѣчить сильно; если хвалятъ и привѣчаютъ, онъ напыщается злѣ.

29) Человѣкъ, научившійся противорѣчить, самъ для себя есть обоюду острый мечъ: онъ убиваетъ душу свою, не сознавая того, и дѣлаетъ ее чуждою жизни вѣчной.

30) Противорѣчивый подобенъ тому, кто произвольно предается противникамъ царя своего, врагамъ. Противорѣчіе есть удочка, имѣющая затравку правдословіе (защиту правды, себя-оправданіе, самозащиту), которымъ будучи прельщаемы, проглатываемъ мы удочку (крючокъ удильный) грѣха. Такъ обыкновенно похищается такая бѣдная душа за языкъ и гортань духами злобы. И то воздымается горѣ, то погружается въ хаотическую бездну грѣха, и осуждается вмѣстѣ съ низпадшими съ неба.

31) Кто, будучи безчестимъ или досаждаемъ, сильно болитъ отъ этого сердцемъ, о томъ вѣдомо да будетъ изъ сего, что онъ носить древняго змія въ нѣдрахъ своихъ. Если онъ станетъ молча переносить наносимое ему, или противоотвѣчать съ великимъ смиреніемъ; то сдѣлаетъ сего змія немощнымъ и разслабленнымъ (и совсѣмъ убьетъ). А если будетъ противорѣчить съ горечью и говорить съ дерзостію, то станетъ придавать силы змію — изливать ядъ въ сердце свое и немилосердо пожирать внутренности свои: такъ что змій тотъ, будучи такимъ образомъ каждодневно усиливаемъ, поглотитъ наконецъ самое намѣреніе бѣдной души его исправить себя и держать исправною въ добрыхъ порядкахъ жизни, и силу

къ тому отыметь. И станеть таковой послѣ сего жить грѣху и совсѣмъ мертвымъ быть правдѣ.

32) Если захочешь отречься отъ міра и научиться евангельскому житію, то отдай себя не неопытному и не нечуждому страстей учителю, чтобъ вмѣсто евангельскаго діавольскому не научиться житію. Ибо у добрыхъ учителей и уроки бывають добрыя, а у худыхъ—худыя; отъ худыхъ же сѣмень и произрастенія бывають всегда худыя.

33) Молитвами и слезами умоли Бога послать тебѣ руководителя безстрастнаго и святаго. Изслѣдуй и самъ божественныя писанія, и особенно дѣятельныя писанія св. отцевъ; чтобъ съ ними сличая то, чему учать тебя учитель и настоятель, могъ ты, какъ въ зеркалѣ, видѣть, насколько они согласны между собою, — и затѣмъ согласное съ писаніями усвоить и удерживать въ мысли, а несогласное—разсудивъ добрѣ—отлагать, чтобъ не прельститься. Ибо знай, что во дни сіи много явилось прелестниковъ и лжеучителей.

34) Всякой невидящій (слѣпой духовно), если беретса руководить другихъ, есть прелестникъ, и послѣдующихъ ему ввергаетъ въ ровъ пагубы, по слову Господа: *слѣпецъ слѣпца аще водитъ, оба въ яму упадутъ* (Мѡ. 15, 14).

35) Слѣпой въ отношеніи къ одному (Богу), слѣпъ и весь, въ отношеніи ко всему; и видящій въ единомъ (Богѣ) въ видѣніи есть всего; между тѣмъ онъ и отстоитъ отъ видѣнія всего, и бываетъ въ видѣніи всего, и есть внѣ всего видимаго. Будучи такъ въ Единомъ, видитъ онъ все, и во всемъ будучи, не видитъ ничего изъ всего. Видя во Единомъ, чрезъ Него видитъ и себя, и все, и всѣхъ; и будучи сокрытъ въ Немъ, ничего изъ всего не видитъ.

36) Кто во внутреннемъ своемъ умномъ или духовномъ человѣкѣ не облекся во образъ Господа нашего Иисуса Христа, небеснаго человѣка и Бога, съ чувствомъ и сознаніемъ, тотъ кровь только есть и плоть, и не можетъ посредствомъ слова только воспріять чувство духовной славы, подобно тому, какъ и слѣпые отъ рожденія не

могутъ познать, что такое есть свѣтъ солнца, изъ словъ только о немъ.

37) Кто слышитъ такъ, и видитъ, и чувствуетъ, тотъ знаетъ силу того, что говорится, какъ уже облекшійся во образъ небснаго и пришедшій *въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. 4, 13). Будучи таковымъ, можетъ онъ добрѣ руководить на пути заповѣдей Божіихъ и стадо Христово. А кто не знаетъ этого и не таковъ есть, въ томъ, очевидно, чувства души непросвѣщены и нездравы. И ему гораздо лучше быть руководиму, нежели руководить, съ опасностію для другихъ и себя.

38) Напряженно внимающій своему учителю и руководителю, какъ Богу, противорѣчить не можетъ. Кто думаетъ и говоритъ, что имѣетъ то и другое (т.-е., что онъ и внимаетъ отцу своему какъ Богу, и противорѣчить), тотъ да вѣдаетъ, что находится въ заблужденіи: ибо не знаетъ, какое расположеніе къ Богу имѣютъ люди Божіи.

39) Кто вѣруетъ, что въ рукъ пастыря его находится его жизнь и смерть, тотъ никогда не воспротиворѣчитъ. Невѣдѣніе же сего раждаетъ прекословіе, причиняющее духовную и вѣчную смерть.

40) Пока не состоится рѣшеніе надъ подсудимымъ, ему дается слово самооправданія, — говоритъ судѣ о томъ, что надѣлалъ; по раскрытіи же дѣлъ его и произнесеніи надъ нимъ рѣшенія суди, онъ уже ни мало, ни много, не противорѣчитъ тѣмъ, кои наказываютъ его (во исполненіе приговора).

41) Прежде чѣмъ вступить монахъ въ это судилище (покаянія—монастырь) и откроетъ лежащее на сердцѣ его, можетъ быть можно ему говорить что противъ, одно по невѣдѣнію, другое по замысленію скрыть инья свои дѣла. По открытіи же и искренней исповѣди своихъ помысловъ, уже нельзя ему никогда противорѣчить своему по Богу судѣ и владыкѣ, даже до смерти. Ибо монахъ вступив-

шій въ сіе судилище и въ началѣ обнажившій сокровенности сердца своего, съ самыхъ начатковъ жизни здѣсь носить, если имѣеть здравый смыслъ, убѣжденіе, что онъ достоинъ безчисленныхъ смертей, но вѣруеть, что чрезъ свое послушаніе и смиреніе избавится отъ всякаго мученія и наказанія, если, конечно, истинно знаетъ силу таинства сего.

42) Кто неизгладимо сохраняетъ сіе въ умѣ своемъ, тотъ никогда ни подвигнется сердцемъ на недолжное, когда его учать, вразумляютъ и обличаютъ. Ибо выпадающій при семъ въ пагубный грѣхъ прекословія и невѣрія духовному отцу своему и учителю, еще живой бѣдственно низводится во глубину ада, и становится жилищемъ сатаны и всего его нечистаго воинства, какъ непокоривый сынъ погибели.

43) Умоляю тебя, взявшаго на себя иго послушанія, часто обращать сіе въ мысли своей и со всякимъ стараніемъ подвизаться, чтобъ не попасть, какъ сказано, въ адъ на муки вѣчныя; но всякой день такъ молиться тепло Богу и говорить: Боже и Господи всяческихъ, имѣющій власть надъ всякимъ дыханіемъ и всякою душою, Единъ могущій уврачевать меня, услыши моленіе мое и гнѣздящагося во мнѣ бѣдномъ змія наитіемъ всесвятаго Духа Твоего умертвивъ, истреби. Научи и настрой меня нищаго и обнаженнаго отъ всякой добродѣтели, припадать къ стопамъ отца моего, и его святую душу расположи къ состраданію и милостивости ко мнѣ. Даруй Господи смиреніе въ сердце мое и помыслы подобающіе грѣшнику, положившему каяться Тебѣ. Не остави въ конецъ душу, единожды сочетавшуюся Тебѣ, Тебя исповѣдавшую, Тебя вмѣсто всего міра избравшую и всему предпочетшую. Ты вѣдаешь, Господи, что я желаю спастися, хотя злый обычай мой полагаетъ тому препятствіе. Но Тебѣ, Владыко; возможно все, невозможное для людей.

44) Тѣ, которые во дворѣ благочестія со страхомъ и трепетомъ положили доброе основаніе вѣры и надежды,

и ноги свои незыблемо утвердили на камнѣ послушанія духовнымъ отцамъ, слушая заповѣдуемое ими, какъ изъ устъ Божіихъ, и на семь основаніи послушанія безъ колебаній въ смиреніи души устрояя исполненіе того, — скоро преуспѣваютъ. И исправляется въ нихъ великое и первое дѣло, состоящее въ томъ, чтобъ отвергнуться себя самихъ. Ибо исполненіе чужой, а не своей воли не только самоотверженіе душевное укореняетъ, но и умертвіе всему міру производитъ.

45) Тому, кто прекословитъ отцу своему, сорадуются демоны; тому же, кто даже до смерти смиряется предъ нимъ, удивляются Ангелы. Ибо таковой дѣло Божіе совершаетъ, уподобляясь Сыну Божію, который исполнилъ послушаніе Отцу своему даже до смерти, смерти же крестныя.

46) Безмѣрное и безвременное сокрушеніе сердца омрачаетъ и возмущаетъ умъ. Оно изгоняетъ изъ души чистую молитву и умиленіе, а всаждаетъ въ нее болѣзненное томленіе сердечное. Отсюда жесткость и нечувствіе безмѣрное; а чрезъ это демоны обыкновенно отчаяніе наводятъ на взявшихся жить духовно.

47) Когда случится съ тобою такое, монаше, ты же между тѣмъ находишь въ душѣ своей ревность и великое желаніе совершенства, такъ что сильно стремишься исполнить всякую заповѣдь Божію, не погрѣшить даже въ праздномъ словѣ, и нисколько не отстать онъ древнихъ святыхъ, ни въ дѣяніи, ни въ вѣдѣніи, ни въ созерцаніи, но видишь, что тебѣ препятствуетъ въ этомъ врагъ, всѣвая плевелы малодушія и не попуская тебѣ воспарить на такую высоту святости, тѣмъ, что наводитъ расслабленіе, чрезъ возметаніе помысловъ страшливыхъ такими внушеніями: невозможно тебѣ спастись среди міра и неопустительно исполнять всѣ заповѣди Божіи; тогда ты, сѣдши въ уголь, одиноко, сожмись и собери помыслы свои, — и дай благой совѣтъ душѣ своей, сказавъ ей: *вскую прискорбна еси, душе моя? И вскую смуща-*

ещи мя? Уповай на Бога, яко исповѣмся Ему. Спасеніе лица моего не дѣла мои, а Богъ мой есть (Псал. 41, 6). Кто оправдится отъ дѣлъ закона? И царепророкъ говоритъ: *не оправдится предъ Тобою всякъ живый* (Пс. 142, 2). Но вѣрою, какую имѣю въ Бога моего, надѣюсь спасеннымъ быть по неизреченному благоутробію Его даромъ. Ступай прочь съ глазъ моихъ сатана! Господу Богу моему поклоняюся и отъ юности моей служу Ему, могущему спасти меня по единой милости своей. Отступи же отъ меня. Богъ, создавшій меня по образу и подобію своему, да сокрушитъ тебя.

48) Богъ отъ насъ человѣковъ не требуетъ ничего другаго, кромѣ одного того, чтобъ мы не грѣшили. Но это не есть исполненіе закона, а только пенарушимое храненіе образа и горняго достоинства, — въ коихъ стоя по естеству и нося свѣтло-осіянную одежду Духа, мы пребываемъ въ Богѣ и Онъ въ насъ, бываемъ по благодати богами и сынами Божиими, и знаменуемъ свѣтомъ познанія Бога (по слову: *знаменася на насъ свѣтъ лица твоего, Господи*).

49) Разслабленіе и тягота тѣлесная, прибывающія въ душу отъ лѣности и нерадѣнія, отбиваютъ отъ обычнаго правила и производятъ омраченіе ума и малодушіе. Отсюда почасту появляться начинаютъ въ сердцѣ помыслы страхованія и хулы, и искушаемый демономъ разслабленія и унынія нерѣдко отъ робости не можетъ войти въ обычное мѣсто молитвы и предается лѣности, а нерѣдко испытываетъ нападки неумѣстныхъ помышленій о Творцѣ всѣческихъ. Итакъ зная причину, откуда это тебѣ нашло, поспѣши войти въ обычное мѣсто молитвы твоей и падши предъ человѣколюбивымъ Богомъ, молись со стенаніями сердечными, въ сокрушеніи и слезахъ, испрашивая избавленія отъ тяготы разслабленія и унынія и отъ помысловъ злыхъ. И вскорѣ дано будетъ тебѣ освобожденіе отъ нихъ, если будешь толкать (въ двери милосердія Божія) притрудно и неотступно.

50) Кто стяжалъ чистое сердце, тотъ побѣдилъ страхованіе. А кто еще очищаетъ его, тотъ иногда побѣждаетъ его, а иногда самъ бываетъ побѣжденъ имъ. Кто же совсѣмъ не подвизается (о сей чистотѣ), тотъ или всеконечно низпалъ въ состояніе нечувствія и, какъ другъ страстей и бѣсовъ, при тщеславіи болѣзную еще и самомнѣніемъ, *мыслитъ себе быти что, ничтоже сый* (Гал. 6, 3),—или есть рабъ, преданный въ руки страхованія, и какъ младенчествующій умомъ, трепещетъ и боится страха тамъ, гдѣ для боящихся Бога нѣтъ страха, ни страхованія.

51) Боящійся Бога не боится устремленія противъ него бѣсовъ, ни ихъ немощныхъ нападеній, равно какъ и угрозъ злыхъ людей; но будучи весь какъ пламень нѣкій и огонь палящій когда даже проходитъ по скрытнымъ и неосвѣщеннымъ мѣстамъ, обращаетъ въ бѣгство демоновъ, которые больше чѣмъ онъ отъ нихъ, бѣгутъ отъ него, чтобъ не быть опаленными отъ исходящаго изъ него пламене-виднаго луча божественнаго огня.

52) Кто проникнуть страхомъ Божиимъ, тотъ не боится обращаться среди злыхъ людей. Имѣя внутри себя страхъ Божій и нося непобѣдимое оружіе вѣры, онъ силенъ бываетъ на все и можетъ дѣлать даже то, что многимъ кажется труднымъ и невозможнымъ. Онъ ходитъ среди ихъ какъ гигантъ среди обезьянокъ, или левъ рыкающій среди псовъ и лисицъ, уповая на Господа, твердостію мудрованія своего изумляетъ ихъ и ужасаетъ смыслы ихъ, поражая ихъ словомъ премудрости, какъ жезломъ желѣзнымъ.

РУССКАГО НА АЕОНѢ ПАНТЕЛЕИМОНОВА МОНАСТЫРЯ ІЕРОМОНАХЪ АРСЕНІЙ *).

Послѣ того, что сказано нами о нравственныхъ достоинствахъ о. Арсенія, возвращаемся къ описанію его послушческаго служенія святыни. Какъ достойный служитель Аѳонской святыни, о. Арсеній преданъ былъ ей всецѣло, посвящалъ служенію ей всѣ свои силы — и духовныя и физическія. И Господь благословлялъ труды его. Свѣдѣнія о новыхъ исцѣленіяхъ отъ святыни, — а вмѣстѣ о св. Аѳонѣ и Русскомъ на Аѳонѣ Пантелеимоновѣ монастырѣ распространялись чрезъ разныя книги и брошюры. Распространялись повсюду также св. иконы и священныя изображенія. Вслѣдствіе того все болѣе и болѣе являлось богомольцевъ въ Богоявленскій монастырь, гдѣ пребывала святыня, все болѣе и болѣе шло пожертвованій на св. Аѳонѣ. Но, пока не было испрошено Высочайшее соизволеніе на устройство Аѳонской часовни, — пребываніе святыни въ Москвѣ было временное, — и срокъ сему пребыванію уже истекалъ, что не мало смущало о. Арсенія, видѣвшаго всю духовную пользу пребыванія въ Москвѣ святыни. Но онъ не упывалъ и возлагалъ все свое упованіе на Господа и великаго угодника Божія, цѣлителя Пантелеимона. И святое упованіе не посрамило его. Вскорѣ старцами Русскаго на Аѳонѣ Пантелеимонова монастыря было подано на Высочайшее имя прошеніе объ устроеніи въ Москвѣ при Богоявленскомъ монастырѣ часовни во имя св. великомученика и цѣлителя

*) Окончаніе. См. августовскую книжку.

Пантелсимаона и, при содѣйствіи нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, благоговѣвшихъ къ святому угоднику Божію, являлась надежда, что вышеупомянутое прошеніе о часовнѣ будетъ Высочайше удовлетворено. И какъ возрадовался о. Арсеній, когда прошеніе старцевъ его обители увѣнчалось успѣхомъ! «Угодникъ Божій возлюбилъ Москву,—говорилъ онъ, и возжелалъ не временно пребывать въ ней, а постоянно. Слава и благодареніе Господу, Его пречистой Матери и великому угоднику!—И многая, многая лѣта благочестивѣйшему Монарху!»

Пока шло дѣло о часовнѣ, о. Арсеній вздумалъ, съ соизволенія и благословенія своихъ старцевъ, побывать во св. градѣ Іерусалимѣ и прочихъ св. Палестинскихъ мѣстахъ,—что было его завѣтнымъ желаніемъ. И желаніе его исполнилось: въ маѣ 1870 г. онъ отправился на богомолье, а іюля 10 тогоже 1870 г., онъ писалъ мнѣ: «Давнишнее мое жяланіе исполнилось. Господь сподобилъ меня посѣтить св. землю и поклониться драгоцѣннымъ святынямъ ся, мѣсту Благовѣщенія спасенія нашего въ Назаретѣ, Рождества Христова въ Вифлеемѣ, Богоявленія на Гордѣ, Преображенія на Ѡаворѣ, проповѣди Христовой на Горѣ блаженствъ, въ Тиверіадѣ и по всей Галилеѣ. Поклонился я страданіямъ Его въ Геосиманскомъ вертоградѣ, въ домѣ Каіааы, преторіи и темницѣ, распятію на Голгоетѣ и наконецъ живоносному Гробу Его и Гробу пречистыя Богоматери въ Геосиманіи и вмѣстѣ Вознесенію на Елеонѣ. Посѣтилъ я и домъ именуемый Давидовъ, гробницы многихъ пророковъ и царей Израилевыхъ, Сионъ, именуемый Матерь цсрквей, гдѣ была Тайная Вечеря и гдѣ возлюбленные ученики Христовы были первыми причастниками Тѣла и Крови Христовыхъ, и имъ первымъ было открыто высокое значеніе священнаго сего таинства. Наконецъ былъ я на мѣстѣ великолѣпнаго храма Соломонова; отъ него уцѣлѣли одни лишь своды, сдѣланные изъ большихъ камней, и сохранился огромной величины камень, на коемъ приносились ветхозавѣтныя жертвы жи-

вотныхъ; и много иныхъ святыхъ и остатковъ древности видѣлъ я. При помощи Божіей, хочу заняться описаніемъ всего видѣннаго мною и отпечатать книжку, которую буду имѣть удовольствіе доставить вамъ *). При посѣщеніи этомъ сподобился я служить божественныя литургии на Гробѣ Господнемъ, на Голгоѣѣ, въ Геосиманіи, на Ѡаворѣ, въ Назаретѣ и на Іорданѣ во временно устроенной церкви и за пріятный долгъ себѣ поставилъ молиться о васъ во св. мѣстахъ. Путешествіе мое продолжалось всего 7 недѣль. Возвратившись на св. Аѳонъ въ пустынную обитель свою, я теперь отдыхаю отъ дальняго, труднаго по моему слабому здоровью, путешествія, которое, по милости Божіей, было во всѣхъ отношеніяхъ благоуспѣшно... Съ пріѣзда въ обитель, имѣю множество отвѣтовъ на мои письма».

По возвращеніи съ дальняго богомолья въ Москву, о. Арсеній занялся построеніемъ часовни. Всѣ заботы по ея построенію лежали на немъ, и онъ вполнѣ оправдалъ довѣріе старцевъ, какъ опытный и энергичный дѣятель. Внутри часовня украсилась иконами, присланными съ Аѳона, составляющими точную копію иконъ тамошнихъ чудотворныхъ. По срединѣ часовни помѣщено художественно написанное Распятіе Христово съ предстоящими Богоматерію и Іоанномъ Богословомъ; справа отъ Распя-

*) 1873 года января 8 дня и была презентована мнѣ о. Арсеніемъ, согласно данному имъ слову въ письмѣ, его книга, изданная въ Кіевѣ въ 1872 году,—подъ заглавіемъ: „Путеводитель въ святыи градъ Іерусалимъ, къ Гробу Господню и прочимъ святымъ мѣстамъ Востока и на Синай, съ воспоминаніемъ страстей Христовыхъ и прочихъ знаменательныхъ событій, совершившихся на святыхъ мѣстахъ“. Книга украшена рисунками и литографіями. Въ предисловіи къ ней авторъ, означившій себя „паломникъ С.“, то-есть, паломникъ Святогорець, какъ послѣ изъяснилъ мнѣ, — о. Арсеній, между прочимъ пишетъ, что онъ, „при составленіи своего сочиненія кромѣ личныхъ наблюденій, руководился священнымъ писаніемъ, церковными преданіями и сочиненіями знаменитыхъ іерарховъ нашей церкви, а также благочестивыхъ паломниковъ, посѣщавшихъ Востокъ“.

тія помѣщена Тихвинская икона Божіей матери, прославившаяся многими благодатными знаменіями и сопутствовавшая аѳонской святыньѣ по градамъ и весямъ Россіи,— а слѣва икона св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона съ частію св. его мощей. Предъ Распятіемъ поставленъ аналой съ аѳонскою на немъ святынею.—Прочія св. иконы составляютъ иконостасъ часовни *).

Часовня была торжественно открыта и освящена преосвященнымъ Леонидомъ, епископомъ Дмитровскимъ, викаріемъ московскимъ, по отслуженіи имъ соборнѣ божественной въ Богоявленскомъ монастырѣ литургіи. Въ сослуженіи съ его преосвященствомъ былъ и о. Арсеній. Богомольцевъ было весьма много. Въ числѣ ихъ были многіе изъ почетныхъ лицъ. Описаніе торжества сего вмѣстѣ съ назидательнымъ словомъ, произнесеннымъ за литургіею Богоявленскаго монастыря іеромонахомъ Пантелеимонъ содержится въ изданной въ томъже 1873 году брошюрѣ. Открытіе и освященіе часовни, духовно-радостное для всѣхъ боголюбивыхъ читателей св. угодника Божія, было, повятно, особенно радостно для о. Арсенія, прожившаго въ построеніи ея весьма много трудовъ и увидѣвшаго осуществленіе давнишняго своего желанія. «Вотъ и мы теперь, помощію угодника Божія, постоянные жители Москвы», радостно восклицалъ о. Арсеній. «Могли ли мы были прежде о томъ и подумать?»—При часовнѣ разрѣшено было высшею духовною властію быть тремъ іеромонахамъ, которые поочереды въ опредѣленные же часы ежедневно служатъ въ ней общіе молебны съ акаѳистами. При ней же производится продажа св. иконъ, а также книгъ и брошюръ аѳонскаго изданія. Отъ утра до вечера ежедневно по настоящее время она полна богомольцами. Въ праздникъ же св. великомученика и цѣлителя

*) Въ настоящее время для часовни приобрѣтено новое мѣсто, на тойже Никольской улицѣ противъ церкви Владимірской Богоматери.

Пантелеимона 27 іюля и наканунѣ молебны въ ней свят. угоднику Божію служатся непрерывно. Отъ всѣхъ концевъ стекаются къ безмездному врачу разныхъ званій, возрастовъ и состояній страждущіе душевными и тѣлесными немощами, также получившіе исцѣленіе отъ нихъ помощію угодника Божія.

На св. Аѳонѣ 26 февраля тогоже 1873 года, въ день рожденія Благовѣрнаго Государя Наслѣдника Цесаревича, нынѣ царствующаго Государя Императора Александра Александровича, было торжественно отпраздновано открытіе и освященіе въ Москвѣ аѳонской часовни. На молебствіи о. Арсенію, какъ главному дѣятелю по устройенію часовни, провозглашено было многолѣтіе, послѣ многолѣтствованія Государю Императору и Царствующему Дому, преосвященнымъ митрополиту Иннокентію и епископу Леониду. Несказанная радость братіи Русскаго на Аѳонѣ Пантелеимонова монастыря, по случаю открытія и освященія въ Москвѣ аѳонской часовни, выражена во множествѣ писемъ къ о. Арсенію.

По открытіи и освященіи часовни, о. Арсеній думалъ просить своихъ старцевъ снять съ него послушаніе служенія при часовнѣ и дозволить ему возвратиться на св. Аѳонъ, по которомъ постоянно тосковала душа его, тѣмъ болѣе, что зрѣніе и ноги его стали ослабѣвать; но Господь судилъ иначе. Старцы не только не сняли съ о. Арсенія послушанія при часовнѣ, но дали ему другое послушаніе, еще болѣе трудное, именно поручили ему пріискать на Кавказѣ мѣсто, гдѣ бы могла быть устроена иноческа обитель, какъбы нѣкоторое отдѣленіе Русскаго на Аѳонѣ Пантелеимонова монастыря, съ соблюденіемъ въ ней его же иноческаго устава. Для первоначальнаго водворенія въ ней предназначены были нѣкоторые изъ его же братій. Цѣлію устройства такой обители было просвѣщеніе православно-христіанскою вѣрою тамошнихъ туземцевъ и обученіе ихъ мальчиковъ православно-христіанскому богословію и прочимъ наукамъ съ тѣмъ

чтобы, по времени обученія, достойные изъ нихъ въ средѣ своихъ единоплеменниковъ могли быть миссіонерами и священниками. Кромѣ того предположено въ этомъ монастырѣ обучать мальчиковъ ремесламъ, столь нужнымъ и полезнымъ въ томъ краѣ. Просвѣтительное и миссіонерское назначеніе обители вполнѣ согласовалось съ ревностію о. Арсенія къ распространенію и чрезъ устное слово и чрезъ печать ученія христіанскаго и любви евангельской. Исполненный этой ревности и всегда покорный волѣ старцевъ своихъ, какъ волѣ Божіей, могъ ли онъ отказаться отъ новаго, возлагаемаго на него послушанія? И онъ съ обычнымъ ему жаромъ и энергіею принялся за новое дѣло, и Господь видимо благоволилъ къ нему. Вскорѣ нашель онъ весьма удобное мѣсто для обители, именно въ Абхазіи, близъ Сухума, гдѣ стоялъ разрушенный храмъ во имя св. Апостола Симона Кананита. О превращеніи храма сего въ обитель «Ново-Аѳонскую Симоно-Кананитскую» въ 1875 году, по мысли о. Арсенія, и подано было старцами Русскаго на Аѳонѣ Пантелеимонова монастыря прошеніе на имя Его Императорскаго Высочества, великаго князя Михаила Николаевича, намѣстника Кавказскаго. Прошеніе сіе, къ несказанной радости о. Арсенія, увѣнчалось вождельнымъ успѣхомъ. О. Арсеній въ теченіе года, при помощи благотворителей, успѣлъ уже въ новосоздаемой обители устроить церковь въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы, а также построить келліи для нѣсколькихъ братьевъ, присланныхъ къ нему съ Аѳона изъ Пантелеимонова монастыря, и училище для мальчиковъ тамошнихъ туземцевъ, которыхъ и набралось до 20 человекъ; одинъ изъ нихъ, магометанинъ, вскорѣ былъ просвѣщенъ св. православною вѣрою и окрещенъ. Мысль о просвѣщеніи свѣтомъ Христовымъ язычниковъ и магометанъ, населяющихъ Абхазію, гдѣ созидалась новая обитель, заняла всецѣло о. Арсенія. Онъ придумывалъ лучшіе способы спасительнаго дѣйствованія на нихъ и свои соображенія отдавалъ на судъ опытныхъ

миссіонеровъ. Въ бумагахъ, оставшихся по смерти о. Арсенія, нашли мы письмо къ нему протоіерся г. Кульджи, Семирѣченской области, Михаила Путинцева, отъ 29 іюля 1876 года. Изъ письма сего видно, какъ озабоченъ былъ о. Арсеній миссіонерскимъ дѣламъ. Оно же заключаетъ весьма полезныя указанія для миссіонеровъ по дѣлу обращенія язычниковъ и магометанъ. Въ виду этого приведемъ извлеченіе изъ сего письма. «Согласно желанію вашему, пишетъ о. протоіерей, представляю, въ главныхъ чертахъ, общій способъ проповѣди Евангелія здѣшнимъ туземцамъ, но считаю долгомъ оговориться, что и самъ я еще недавно вступилъ на подвигъ апостольскаго служенія, самъ не весьма еще опытенъ въ этомъ великомъ дѣланіи; впрочемъ, что знаю и испыталъ, какъ полезное, тѣмъ и подѣлюсь. Мнѣ приходится болѣе дѣйствовать между язычниками, затѣмъ уже между магометанами только частію. Съ язычниками, обыкновенно, начинаю бесѣду прямо съ ихъ идоловъ, стараясь убѣдить ихъ, что это бездушныя вещи, не могущія ни двигаться, ни говорить, ни помощи какой оказать человѣку, который самъ ихъ и дѣлаетъ; поэтому не дѣлающіе идоловъ люди должны покланяться имъ, а идолы людямъ, какъ творцамъ своимъ. Этотъ аргументъ, развиваемый съ подробностями и примѣнительно къ случаю, къ окружающей обстановкѣ, часто имѣетъ благодѣтельное дѣйствіе на умы слушателей, которые быстро соображаютъ и понимаютъ сущность дѣла. Затѣмъ, обыкновенно перехожу къ разсказу о томъ, какъ вѣруемъ мы, христіане,—въ краткихъ и простыхъ словахъ развиваю предъ слушающими ученіе о истинномъ Богѣ, Свят. Троицѣ, сотвореніи міра и человѣка, грѣхопаденіи первыхъ людей, наказаніи за грѣхъ, обѣщаніи Спасителя, рожденіи Его, жизни на землѣ, ученіи, проповѣди, страданійхъ, воскресеніи, вознесеніи на небо, объ участи, ожидающей за гробомъ праведныхъ и грѣшныхъ, вѣрующихъ и невѣрующихъ. Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ собесѣдованій бываетъ иногда

добрый успѣхъ. Съ магометанами бесѣдовать гораздо труднѣе. Не знаю, каковы магометане, съ коими придется бесѣдовать вамъ, батюшка, на Кавказѣ, а въ нашемъ краѣ магометане, подстрекаемые своими муллами и хаджами, чрезвычайно фанатичны, чаще всего вовсе уклоняются отъ разговоровъ съ миссіонерами о религіи. Мнѣ еще мало приводилось имѣть дѣло съ ними, такъ какъ все вниманіе пока обращено нами на язычниковъ, болѣе способныхъ къ воспріятію евангельскаго ученія. При случавшихся собесѣдованіяхъ съ магометанами, я старался навести ихъ на ту мысль, что и они и мы исповѣдуемъ одного и тогоже истиннаго Бога, что рассказы ихъ религіи о сотвореніи міра и человѣка, о праотцахъ и т. под. во многомъ согласны съ нашею Библіею, но что ихъ лжепророкъ Магометъ искажилъ эти рассказы изъ своихъ выгодъ, что Иисусъ Христосъ, почитаемый и магометанами за великаго пророка, есть истинный Богъ, воплотившійся отъ пресвятыя Дѣвы Маріи, жившій на землѣ, давшій людямъ истинное ученіе, страдавшій и умершій, для искупленія человѣковъ, и воскресшій въ третій день, а потомъ вознесшійся на небо. Затѣмъ раскрываю преимущества евангельскаго ученія предъ чувственнымъ ученіемъ Магомета, величіе нашего богослуженія и мрачность служенія ихъ. Но, по большей части, люди эти глухи бываютъ къ словамъ истины, и только одна магометанка просвѣщена здѣсь св. крещеніемъ, во все пятилѣтнее существованіе миссіи въ Кульдѣжѣ. Нужно замѣтить, что здѣшніе, то-есть, кульджинскіе магометане, кромѣ того, что фанатичны въ религіозномъ отношеніи, пока еще не вполне довѣрчиво относятся къ Русскимъ, какъ къ своимъ завоевателямъ. Для миссіонерства среди ихъ не настало еще время: «не у приде часъ». Язычники же, особенно калмыки, народъ весьма добрый, простой, преданный Русскимъ, освободившимъ ихъ отъ тяжелой, деспотической власти магометанъ, именно султана Таранчинскаго, во владѣніи котораго до 1871 года былъ Кульд-

жинскій край. Поэтому на язычниковъ удобнѣе дѣйствовать. Извините, достопочтеннѣйшій батюшка, отецъ Арсеній, за то, что немного могу сообщить вамъ практическихъ совѣтовъ въ дѣлѣ миссіонерскомъ. Общій способъ миссіонерскихъ собесѣдованій вообще можно указать тотъ, который я выше изложилъ, но онъ долженъ разнообразиться примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, къ состоянію умственному и нравственному слушателей, а также къ обстоятельствамъ и времени собесѣдованія, въ чемъ насъ, слабыхъ проповѣдниковъ, вразумитъ Богъ, великое имя Котораго мы по силѣ своей проповѣдуемъ».

За симъ о. протоіерей продолжаетъ (на что обращаемъ особенное вниманіе миссіонеровъ): «мысль ваша объ изданіи картины страшнаго суда Божія, прекрасна, ибо справедливо ваше мнѣніе, что на умы грубые, младенчествующіе сильнѣе дѣйствуетъ наглядность. Хорошо и разумно исполненная, эта картина можетъ принести много пользы въ дѣлѣ христіанской миссіи. Но охотно ли будутъ брать такую картину къ себѣ магометане, законъ которыхъ строго запрещаетъ имѣть всякія изображенія, даже портреты? По крайней мѣрѣ кульджинскіе магометане строго исполняютъ это запрещеніе. Но, полагаю, испытать этотъ способъ слѣдуетъ. Еслибы изданіе предполагаемой вами картины осуществилось, то и я бы купилъ нѣсколько ея экземпляровъ для язычниковъ».

Занимаясь устроеніемъ на Кавказѣ обители, о. Арсеній не оставлялъ и прежняго своего послушанія при аеонской часовнѣ. И мы не мало удивлялись: какъ могъ онъ вездѣ поспѣть, какъ умѣлъ вездѣ распорядиться, всему дать надлежащій строй и тонъ! Иногда случалось съ нимъ видѣться въ его келліи, вскорѣ послѣ того, какъ онъ вернулся съ Кавказа, или изъ Петербурга, Кіева, Тулы и Одессы, куда влекли его разныя монастырскія дѣла. Бывало, подумаешь: не сильно ли онъ утомленъ? Но о. Арсеній какъбы и не ѣздилъ никуда, по прежнему сидитъ за столомъ и пишетъ; о какой либо усталости

нѣтъ и помину, по прежнему даетъ разныя приказанія и дѣлаетъ распоряженія, по прежнему трактуетъ о духовно-назидательныхъ статейкахъ. Зная, что онъ недавно при-быль изъ долгаго путешествія, стараешься, бывало, по-скорѣе уйти отъ него изъ опасенія обезпокоить его. Нѣтъ, о. Арсеній по прежнему не отпускаетъ, пока не выскажетъ всего, что ему нужно. «Да вы, батюшка, — бывало скажешь ему, очень устали навѣрное; потому позвольте ужъ въ слѣдующій разъ къ вамъ придти». — «А Господь-то!» отвѣтилъ онъ, — или просто скажетъ, что онъ нисколько не усталъ, что «о дѣлѣ Божіемъ онъ всегда готовъ говорить, что дѣла Божіи откладывать нельзя, при скоротечности нашей жизни». Огнь духовной ревности горѣлъ въ душѣ его сильнымъ пламенемъ, что ясно отпечатлѣвалось въ глазахъ его быстрыхъ, насквозь какъ-бы пропикающихъ, и въ скорой, непрерывающейся его рѣчи. «Удивительный былъ человѣкъ!» передавалъ о немъ почетный гражданинъ Тулы, Иванъ Ивановичъ Сушкинъ. «Бывало видишь его усталымъ и просишь его въ Тулѣ у меня переночевать. Нѣтъ, ни за что не согласится. Дѣла, скажетъ, меня въ Москвѣ ждуть». — «Вотъ ужъ праздно ни одной минуты у него не проходило», — заключилъ свой рассказъ г. Сушкинъ.

Въ минувшую войну Россіи съ Турціею наступили дни злыя для новоустроваемой на Кавказѣ иноческой обители. Предначатыя работы по ея устройенію должны были пріостановиться и населявшіе ее аеонскіе иноки разошлись одни въ болѣе отдаленный отъ берега Чернаго моря монастырь, а другіе на санитарную службу къ раненымъ и больнымъ воинамъ въ Тифлисѣ и на мѣстѣ военныхъ дѣйствій. Не только ново-аеонская обитель, но и самый Русскій на Аѳонѣ Пантелеимоновъ монастырь находились въ опасности отъ свирѣпости изувѣрныхъ Турокъ. Не могло все это не печалить о. Арсенія. Но онъ, самъ учившій другихъ и устно и чрезъ печать терпѣнію и упованію на Промыслъ Божій, не предавался унынію, въ твердой надеждѣ на

милость Божію къ новосозидаемой имъ обители. И надежда его не посрамлялась. Война кончилась. Рѣшено было возстановить ново-созидаемую обитель, опустошенную Турками,—и это дѣло опять отцу Арсенію было поручено старцами аеонскими. И какъ радостно и усердно принялся о. Арсеній за ея возстановленіе! При помощи Божіей, оно пошло весьма успѣшно *). Мая 31 дня 1879 года монастырь былъ осчастливленъ посѣщеніемъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ великихъ князей Константина Николаевича и Константина Константиновича, при возвращеніи ихъ изъ Батума. Живописное мѣстоположеніе монастыря и быстро возникшія послѣ турецкаго раззоренія постройки привлекли особое вниманіе высокихъ посѣтителей. Аеонскіе иноки, съ о. Арсеніемъ во главѣ, удостоены были отъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ милостивыхъ благожеланій преуспѣянія въ дальнѣйшемъ устроеніи монастыря и въ просвѣтительной его дѣятельности.

Тѣлесныя силы о. Арсенія, какъ извѣстно, были слабыя и, само собою понятно, не могли безслѣдно пройти для него тѣ невзгоды, тѣ душевныя потрясенія, которыя пришлось ему испытать, при дѣлѣ своего столь сложнаго и многообразнаго послушанія. Въ долгихъ и частыхъ своихъ путешествіяхъ, самихъ по себѣ уже утомительныхъ, о. Арсенію, кромѣ различныхъ душевныхъ тревогъ, неоднократно приходилось подвергаться и физическимъ опасностямъ и несчастіямъ. Такъ однажды на пути отъ Поти до Сухума, на пароходѣ по Черному морю онъ съ своими спутниками едва не потопулъ и одной милости Божіей приписывалъ послѣ избавленіе свое отъ явной опасности. Такой же опасности подвергался онъ

*) Потребныя свѣдѣнія о семъ монастырѣ желающіе могутъ получить въ изданной о. Арсеніемъ брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Ново-Аеонскій Симоно-Кананитскій монастырь, находящійся на Кавказѣ близъ Сухума“.—Въ составѣ „Душеполезныхъ размышленій“ аеонскаго изданія за 1879 годъ помѣщена и эта брошюра.

въ 1878 году въ морскомъ путешествіи своемъ къ св. Аѳону. О семъ онъ писалъ къ одному лицу: «милостію Божією я достигъ благополучно св. Аѳона, прибылъ сюда 25 іюля; въ путешествіи по Черному морю и Архипелагу я выдержалъ сильную качку. Въ одномъ мѣстѣ, по немѣннѣю парохода, версть на 100 довелось пуститься въ открытое море на небольшой лодкѣ и, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, лодочка ежеминутно была въ опасности опрокинуться въ море, но Богъ сохранилъ. Причиною столь затруднительнаго путешествія служила война; а когда утвердится миръ, то будетъ пароходное сообщеніе, какъ и было до войны». Въ началѣ осени 1879 года о. Арсеній въ Петербургѣ нечаянно споткнулся, упалъ и ушибъ ногу, такъ что принужденъ былъ отъ боли обратиться къ помощи врача и, по совѣту его, довольно продолжительное время не выходить никуда. — О. Арсеній, въ пребываніе свое на Аѳонѣ въ 1878 году, какъ бы предчувствовалъ, что онъ болѣе не увидитъ возлюбленнаго своего Аѳона, что въ послѣдній уже разъ посѣщаетъ его. — По выѣздѣ его съ Аѳона въ томъ же 1878 году послѣ храмоваго праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, нашли въ келліи его запечатанный пакетъ съ надписью: «прошу распечатать и прочитать по смерти моей. Иеромонахъ Арсеній». — По смерти его согласно его желанію, старцами аѳонскими и былъ распечатанъ пакетъ. Въ немъ оказалось духовное завѣщаніе, собственноручно написанное о. Арсеніемъ. Вотъ это завѣщаніе: «Святые отцы, батюшка, о. духовникъ Иеронимъ, и батюшка, игумень Макарій! — Прошу во всемъ отеческаго благословенія и разрѣшенія. По милости Божіей, я отъ васъ никакихъ секретовъ не имѣлъ и не имѣю. Это очень облегчало путь моей немощной жизни. Васъ имѣю въ сердцѣ моемъ, какъ первыхъ на землѣ благодѣтелей моихъ. Вы, по милосердію Божію, научили меня знать Бога, любить Его и Пречистую Его Матерь и каяться въ моихъ грѣхахъ. Безъ сомнѣнія, я могъ бы быть болѣе полезнымъ

и для обители и для души своей; но моя немощь и любленіе плоти склоняли меня къ небреженію и лѣности. Раздражительность, по дѣйствию діавольскому, и прочія грѣховныя мои страсти вамъ извѣстны. Во всемъ прошу прощенія и разрѣшенія. Въ послѣднее время я удостоивасмъ былъ особаго благоволенія и милосердія отъ небесной нашей Владычицы; хотя и недостойнъ, но имѣю великую надежду на Ея матернее милосердіе и ходатайство. Уповаю, что не лишень буду вашихъ свято-отеческихъ молитвъ. Простите за малое писаніе. Собираюсь на Кавказъ. Можетъ, по времени, еще что напишу. Недостойный послушникъ вашъ, убогій іеромонахъ Арсеній. 2 октября 1878 г. вечеръ. Св. Аѳонъ».

Предчувствіе скорого отшествія изъ сего міра не обмануло о. Арсенія. Какъ въ 1878 году онъ въ послѣдній разъ провелъ великомученической праздникъ на св. Аѳонѣ, такъ въ 1879 году въ послѣдній разъ провелъ сей праздникъ въ Москвѣ, въ Богоявленскомъ монастырѣ.

По возвращеніи въ 1878 году съ Аѳона, о. Арсеній, какъ упомянулъ онъ въ своемъ завѣщаніи, отправился прямо на Кавказъ, въ ново-возстановляемую аѳонскую обитель, которой предназначался старцами аѳонскими быть настоятелемъ. — Старцы аѳонскіе цѣнили многопользную его дѣятельность и въ 1878 году, въ воздаяніе его заслугъ, испросили у начальства наградить его, имѣвшаго уже набедренникъ, еще палицею, въ ознаменованіе того духовнаго, побѣдоноснаго меча слова Божія, которымъ онъ и устно и письменно отражалъ невѣріе и нечестіе. Ободренный и утѣшенный милостивымъ благоволеніемъ къ себѣ старцевъ, о. Арсеній какъ бы съ новыми силами, принялся за обычную свою дѣятельность и въ неожиданномъ посѣщеніи ново-аѳонской обители Великими Князьями (о чемъ было сказано выше) увидѣлъ знаменіе благоволенія къ себѣ Божія. Печать благословенія Божія видимо пребывала на немъ и дѣлахъ его, и въ праздникъ св. великомученика и цѣлителя Пантелеи-

мона мы видѣли его довольно веселымъ и радостнымъ; но дни земной, страннической жизни его въ судьбахъ Промысла Божія были уже сочтены. Какъ выше упомянуто было, въ началѣ осени 1879 года о. Арсеній въ Петербургѣ ушибъ себѣ ногу. Боль, утихшая на время, возобновилась. О. Арсеній нашель болѣе для себя удобнымъ лечиться въ Москвѣ, куда и прибыль вскорѣ и остановился, дабы не быть развлекаемымъ многообразными посятителями, въ монастырскомъ домѣ на Полянкѣ, въ приходѣ Успенской, въ Казачей, церкви, бывшемъ Сушкина. Отъ боли ноги ходить онъ уже не могъ и поспѣшилъ обратиться за помощію и совѣтомъ ко врачамъ. Не знаемъ, кто изъ нихъ пользовалъ о. Арсенія, но только боль въ ногѣ его уничтожилась и могъ онъ ходить,—и тогда тотчасъ принялся онъ за обычную свою дѣятельность; но дѣятельность эта продолжалась уже самое краткое время. Ноября 15 дня заболѣлъ онъ острымъ воспаленіемъ легкихъ и принужденъ былъ лечь въ постель. Тутъ ужъ о. Арсеній понялъ, что Господь воззываетъ его къ себѣ, и поспѣшилъ извѣстить о себѣ афонскихъ старцевъ и испросить у нихъ послѣдняго прощенія и благословенія. «Ваше высокопреподобіе, всесестнѣйшій батюшка, о. архимандритъ Макарій, и батюшка, о. духовникъ Іеронимъ! Благословите!» Такія строки подъ диктовку слабого его голоса написалъ одинъ изъ его келейниковъ. «Я очень опасно заболѣлъ и едва ли останусь живъ. Прошу вашего прощенія, благословенія и св. молитвъ. Я, при помощи Божіей, всегда старался исполнять вашу волю и свое послушаніе. Касательно себя предаю все волѣ Божіей. Для меня безразлично, гдѣ ни умереть, но желалъ бы пожить, ради св. послушанія. Припадаю къ честнымъ стопамъ вашимъ и приношу мою глубокую, сыновнюю благодарность за ваше отеческое попеченіе и святое руководство на многотрудномъ пути иноческой жизни, вводящемъ въ животъ вѣчный. Простите, пишу кратко, затрудняюсь даже диктовать». Подъ сими строками съ вели-

чайшимъ трудомъ онъ подписалъ: «недостойный послушникъ вашъ, іеромонахъ Арсеній». Около тяжело заболѣвшаго, какъ дѣти около нѣжно-любимаго отца, собрались многіе изъ духовно-близкихъ къ нему свѣтскихъ лицъ и сидѣли поодаль отъ него, дабы его не беспокоить,—вознося съ крестнымъ знаменіемъ молитву ко Господу Богу о его выздоровленіи. Больной все болѣе и болѣе сталъ слабѣть, и врачи, пользовавшіе его, просили его быть, какъ можно, покойнѣе и строго запретили постороннимъ вступать съ нимъ въ разговоръ. Но духовный пастырь, окруженный преданными ему словесными овцами, и во вратахъ смерти своей не утерпѣлъ, чтобы не преподать имъ какаго-либо назиданія. Подозвавъ къ себѣ къ кровати М. А. К—на, онъ тихо шепотомъ сказалъ ему: «вы видите, Михаилъ Александровичъ, я боленъ и умираю; но также видите, что я въ просторной и теплой комнатѣ, окруженъ попечительностію и около меня бываютъ доктора; а сколько на свѣтѣ бѣдныхъ больныхъ, которые томятся въ тѣсной и сырой каморкѣ и не въ состояніи не только пригласить съ себѣ доктора но даже хлѣба въ достаткѣ не имѣютъ! Какъ для души хорошо достаточнымъ людямъ таковыхъ безпомощнымъ больнымъ оказать потребную имъ помощь! Ахъ, дѣла христіанскаго милосердія выше всѣхъ прочихъ добродѣтелей предъ Господомъ Богомъ!»—Когда больному нѣкоторые стали высказывать свое соболѣзнованіе,—«напрасно, не печальтесь», сказалъ онъ, «на все воля Божія.» Больнаго посѣтили въ разное время оба преосвященные викаріи московскіе. Неоднократно приобщился онъ св. Христовыхъ Таинъ. Таинство св. елеосвященія было совершено надъ нимъ соборнѣ, при аѳонской святынѣ. Весьма жалѣлъ онъ, что Господь не судилъ ему принять схиму. Ноября 17 дня совершено было надъ нимъ молитвенное послѣдованіе на исходъ души, и около 2 часовъ дня онъ мирно почилъ о Господѣ. «Смерть его, поистиннѣ, была смерть праведника», сказалъ одинъ изъ пользовавшихъ его вра-

чей. Согласно желанію почившаго, отпѣваніе и погребеніе тѣла его были совершены въ Московскомъ Крестовоздвиженскомъ Алексѣевскомъ дѣвичемъ монастырѣ (19-го ноября). Богослуженіе совершалъ преосвященнѣйшій Алексій, епискомъ Можайскій, викарій Московскій, соборнѣ съ двумя архимандритами, Высокопетровскаго монастыря о. Григоріемъ и Старо-Іерусалимскаго подворья о. Никодимомъ и со многими протоіереями, іеромонахами и іереями. Въ храмѣ въ числѣ собравшихся съ разныхъ концовъ Москвы почитателей почившаго, поспѣвшихъ отдать ему послѣднее христіанское цѣлованіе, было много изъ знатныхъ свѣтскихъ лицъ. Матеріалистическое направленіе вѣка сего и свѣтлый образъ почившаго инока подвижника и его благой дѣятельности были прекрасно очертаны въ надгробномъ словѣ, произнесенномъ за литургією Успенскимъ, въ Казачей, о. протоіереемъ А. С. Ильинскимъ. Достоподражательныя характерныя черты почившаго весьма назидательно указаны были потомъ въ надгробной рѣчи, произнесенной, во время отпѣванія, Московскаго Божоявленскаго монастыря духовникомъ, іеромонахомъ Пантелеимономъ.

Боголюбивыхъ почитателей памяти о. Арсенія, для которыхъ и по просьбѣ которыхъ составленъ, при помощи Божіей, сей біографическій очеркъ, усерднѣйше просимъ не взыскать, если встрѣтятъ въ немъ какія либо неточности, особенно въ описаніи мірской жизни почившаго. Очень бы хорошо было, для цѣльнаго изображенія качествъ души его, — собрать его письма къ преданнымъ ему лицамъ и печатать ихъ, для общаго назиданія, въ издаваемыхъ аеонскихъ «Душеполезныхъ размышленіяхъ». Съ своей стороны, мы съ удовольствіемъ дали бы для печати нѣсколько писемъ: такъ они духовноназидательны, такъ смиренны! Слово есть выраженіе души. Вотъ почему «устнѣ мужей праведныхъ», по ученію Премудраго, «каплють благодать».

Свящ. Николай Воиновъ.

ОЧИЩЕНІЕ ЗЕМЛИ.

По поводу полугодовщины событія 1-го марта.

«Кровь оскверняетъ землю, и земля не иначе очищается отъ пролитой на ней крови, какъ кровью пролившаго ее» (Числь 35, 33). «Долженъ ты смывать у себя кровь невиннаго, если хочешь сдѣлать доброе и справедливое предъ очами Господа» (Втор. 21, 9).

Эти слова, какъ законъ равнаго возмездія, сказаны были древнимъ. Древнее уже прошло, теперь все новое (2 Кор. 5, 17). Однакожь и въ Новомъ Завѣтѣ не отнять мечъ у Божія слуги—отмстителя въ наказаніе дѣлающему зло (Рим. 13, 4). Слѣдовательно древній законъ объ очищеніи земли отъ крови кровію приложимъ и къ временамъ новымъ, къ днямъ нашимъ.

Судъ человѣческой надъ пролившими кровь 1-го марта, полгода тому назадъ, давно конченъ. Этотъ формальный судъ не сказалъ тогда чего-либо новаго, болѣе строгаго по сравненію съ тѣмъ, какъ осудила преступниковъ совѣсть всего народа, лишь только достигла до него вѣсть о невинной пролитой крови, и осудила не по жестокосердію, отличавшему древнихъ (Матѣ. 19, 8), не по закону равнаго возмездія. Потому что возможно ли равное возмездіе въ томъ случаѣ, когда пролита преступная кровь за невинную кровь того, кто одинъ былъ тоже, что «насъ десять тысячъ» (2 Цар. 18, 3)? Руководствоваться древнимъ закономъ равнаго возмездія было поэтому немислимо; а если такъ, то не жестокосердіе, свойственное древнимъ, сказалось въ народномъ осужденіи на смерть преступниковъ и во внѣшнемъ формальномъ судѣ. Даже

не зная закона, древнимъ даннаго, народная совѣсть громко выразила точныя слова этого самаго закона.

Итакъ судъ человѣческій, по требованію неписаннаго закона совѣсти и закону древнему писанному, давно оконченъ. Но совершилось ли вмѣстѣ съ тѣмъ и очищеніе земли? Смыта ли съ земли нашей кровью виновныхъ кровь невиннаго? Все ли доброе и справедливое предъ очами Господа сдѣлано?

Нельзя не отмѣтить того явленія, отличавшаго дни послѣ 1-го марта, что вслѣдъ за крайнимъ негодованіемъ и судомъ надъ ближайшими участниками преступленія, одинаково громко раздавались голоса признанія *всѣхъ* отдаленнѣйшими участниками этого же преступленія; раздавались громкіе голоса самоосужденія *всѣхъ*. Эти голоса не перестаютъ раздаваться и до сихъ поръ. И отъискивая глубокія причины изумившаго своею неожиданностію и громадностію зла, явленія 1-го марта, связывая въ одну цѣпь общаго участія въ преступленіи ближайшія и отдаленнѣйшія звенья, тогда находили и теперь находятъ, что «дѣти собирали дрова, отцы разводили огонь, а женщины мѣсили тѣсто, чтобы принести публичную жертву инымъ богамъ» (Иерем. 7,⁵18) въ день 1-го марта. Всѣ такъ или иначе участвовали въ принесеніи этой страшной жертвы современному Молоху—богу разрушенія и смерти. Такимъ образомъ даже послѣ того, какъ внѣшній судъ надъ ближайшими преступниками уже давно конченъ, оставалось и остается еще мѣсто самоосужденію *всѣхъ*,—какъ отдаленнѣйшихъ участниковъ и виновниковъ событія,—хотя бы отмщающій мечъ и не могъ коснуться никотораго изъ нихъ.

Такъ еще не все сдѣлано и земля наша не очищена отъ пролитой крови кровію пролившихъ ее. Иначе не было бы мѣста самоосужденію послѣ суда.

Всякое внутреннее движеніе просится наружу; такъ просилось и до сихъ поръ еще просится вылиться наружу и наше самоосужденіе, сознаніе виновности за 1-ое

марта предъ Богомъ, своею совѣстью и Почившимъ—жертвою нашей виновности. Самоосужденіе ищетъ себѣ такого или иного примиренія, пока не найдется оно въ покоѣ человѣческой совѣсти. Мѣсто мысли или дѣла, обвиняемыхъ нашею совѣстію, должны занять мысль или дѣло, оправдываемыя ею (Рим. 2, 15). И вотъ въ минуты подступовъ такого тяжелаго чувства, какъ самоосужденіе, каждый мечется изъ стороны въ сторону съ безотвязнымъ къ самому себѣ вопросомъ: «съ чѣмъ предстать мнѣ предъ Господомъ, преклониться предъ Богомъ небеснымъ? Предстать ли предъ Нимъ со всесожженіями, съ тельцами одполѣтными? Но можно ли угодить Господу тысячами овновъ, или неизсчетными потоками елѣя? Развѣ дамъ Ему первенца моего за преступленіе мое и плодъ чрева моего за грѣхъ души моей» (Михея 6, 6—7)?

Уже этотъ рядъ вопросовъ смущенной совѣсти достаточно ясно показываетъ, что дѣло примиренія съ нею не есть дѣйствіе моментальное, внѣшнее. Истинное примиреніе достигается долгимъ внутреннимъ подвигомъ. Къ сожалѣнію, мѣсто долгаго внутренняго подвига иногда заступаетъ дѣйствіе внѣшнее, моментальное. Случается такъ, что когда самоосуждающіеся ищутъ, въ чемъ бы найти успокоеніе и примиреніе, оцѣнивають средства и колеблются въ выборѣ ихъ, сознавая въ тоже время недостаточность каждаго изъ нихъ, — моментъ въ высшей степени важный, воспитывающій, очищающій и приводящій природы глубокія къ истинному примиренію, ибо имѣетъ своимъ слѣдствіемъ преобразование каменнаго сердца въ сердце плотяное (Иезек. II, 19—20), — люди находчивые провозглашаютъ о добровольныхъ приношеніяхъ и разглашаютъ о нихъ, какъ средствахъ и способахъ примиренія совѣстей. Тогда для колеблющихся и еще ищущихъ исходъ находится,—внутренній благодѣтельный трудъ самоосужденія прерывается, и массы идутъ въ Веѣиль (не грѣшить ли?) и въ Галгалъ (не умножать ли преступленія?). Ранпѣйшій вопросъ сомнѣнія: можно ли угодить

Господу тысячами овновъ или неизсчитными потоками елея?—вызываетъ въ большинствѣ отвѣтъ положительный. Нѣтъ ли въ такой легкой сдѣлкѣ съ своею совѣстію какой-либо фальши,—эта провѣрка рѣшенія собственнаго вопроса по мѣркѣ чужаго, подслушаннаго внушенія или приглашенія, бываетъ рѣдка.

По словамъ пророка Амоса очень любили такія средства примиренія съ Богомъ и своею совѣстію сыны Израилевы. Чѣмъ чаще въ ихъ жизни совершались событія, явно обличавшія крайнее преступленіе народа, чѣмъ чаще поэтому такими событіями вызывались и подступы самоосужденія, особенно послѣ такихъ случаевъ, о которыхъ кто бы ни услышалъ, у того звѣнѣло въ обоихъ ушахъ (1 Цар. 3, 2; Иерем. 19, 3); тѣмъ болѣе избирались такія вѣщія обнаруженія примиренія, и наконецъ... жертвенниковъ явилось столько, сколько каменныхъ кучъ на бороздахъ полей (Осія 12, 12). Возносились на нихъ жертвы, неизсчитные потоки елея проливались.. А что же затѣмъ? Затѣмъ снова совершались событія, отъ которыхъ у всѣхъ звѣнѣло въ обоихъ ушахъ; снова подъ давленіемъ ихъ были подступы самоосужденія; снова искали примиренія съ Богомъ и совѣстію—въ устроеніи жертвенниковъ, въ принесеніи жертвъ, въ неизсчитныхъ потокахъ елея, въ добровольныхъ постахъ (Захар. 7, 3), въ устроеніи благотворительныхъ учреждений за цѣну крови (Мѡ. 27, 7), вообще въ томъ, что позднѣе Апостолъ Новаго завѣта назвалъ тѣлеснымъ упражненіемъ, мало полезнымъ (1 Тим. 4, 8).

На мѣстѣ взрыва 1-го марта,—взрыва, отъ котораго дѣйствительно зазвѣнѣло у всѣхъ насъ въ обоихъ ушахъ,—въ минуты подступа самоосужденія, въ минуты исканія примиренія, между прочимъ въ Петербургѣ рѣшили поставить часовню. Государь, отвѣчая рѣшенію столичнаго города, высказалъ желаніе поставить не часовню, а церковь, чтобы на мѣстѣ пролитой крови ежедневно приносима была за падшаго Государя жертва безкровная.

Ничего нельзя сказать ни противъ первоначальнаго рѣшенія Петербургской Думы, ни тѣмъ менѣе—противъ предложенія царя. На мѣстѣ смерти мучениковъ издавна обыкло человѣчество строить памятники—храмы. Государю, какъ сыну мученика Государя, вполнѣ естественно не только раздѣлять общую скорбь, но и ближе, искреннѣе и сердечнѣе отнестись къ памяти почившаго. И что бы можно было сказать противъ предполагаемаго храма? Къ предложенію царскому отнеслись все сочувственно: жертвы текутъ обильно и скоро на крови мученика-царя будетъ стоять храмъ.

Порыву добраго чувства, доброму дѣлу—внѣцъ и благословеніе. Но чѣмъ съ большимъ благоговѣніемъ и благодарностію выслушано царское предложеніе и чѣмъ сильнѣе высказывается усердіе въ устройствѣ храма большими или меньшими добровольными приношеніями, тѣмъ больше нужно позаботиться о томъ, чтобы эти приношенія были угодны Господу и плодотворны для насъ.

Когда дѣло касается движеній нашего сердца, проявленій чувствъ, насъ волнующихъ и проесящихся вылиться наружу, — неизлишне руководство высшее, съ помощію котораго провѣрилась бы и оцѣнилась праведною цѣною сущность этихъ движеній. И добрыя повидимому порывы иногда оказываются не таковыми по своей дѣйствительной стоимости. Думать такъ насъ учитъ прошлое: много жертвенниковъ построилъ Ефремъ... для грѣха, ко грѣху послужили ему жертвенники (Осіи 8, 11). А уже ли не было никакого добраго расположенія у строителей этихъ жертвенниковъ при ихъ сооруженіи?

Въ минуты самоосужденія нашего, весьма благовременно выслушать слова Христовы: «горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что строите гробницы пророкамъ и украшаете памятники праведниковъ и говорите: еслибы мы были во дни отцевъ нашихъ, то не были бы сообщниками ихъ въ пролитіи крови пророковъ. Такимъ образомъ вы сами противъ себя свидѣствуете, что вы—сыновья тѣхъ, которые избили пророковъ» (Мѡ. 23, 30—31).

Немного нужно вниманія къ себѣ и кругомъ насъ совершающемуся, чтобы по выслушаніи этихъ словъ въ насъ зародилось боязливое опасеніе—не слышимъ ли мы въ извѣстномъ смыслѣ укоризну и себѣ при чтеніи словъ Христовыхъ?...

Боязливое опасеніе Евангельскаго укора, какъ будто лично къ намъ обращеннаго, вполне умѣстно. Въ самомъ дѣлѣ, пересчитайте на всей широкой Руси православной часовни, начиная съ построенной въ Петербургѣ въ 1866 году; пересчитайте иконы съ неугасимыми лампадами — этими неизсчислимыми потоками елса, — поставленныя въ память избавленій убиеннаго нашего Государя отъ угрожавшихъ ему опасностей; сочтите всѣ тѣ случаи, которые были поводомъ къ этимъ строеніямъ и сооруженіямъ; примите наконецъ во вниманіе эти массы вѣнковъ, приносимыхъ и полагаемыхъ уже на гробъ почившаго мученика, эти пожертвованія на различныя благотворительныя учрежденія въ память его и всякое другое тѣлесное упражненіе, а съ другой стороны взгляните на туже, чтò и прежде, картину, какъ дѣти собираютъ дрова, отцы разводять огонь и женщины мѣсятъ тѣсто.,—и вы тревожно спросите себя, чтò если не мимо насъ — новыхъ фарисеевъ—идеть слово Господа, обращенное во время оно къ фарисеямъ древнимъ, — это вѣчно живое слово, пока живо въ людяхъ фарисейство: вы по наружности кажетесь людямъ праведными, а внутри исполнены лицемерія и беззаконія (Мѡ. 23, 28)?

И наши прошлыя отношенія къ событіямъ, и наша теперешняя косность не будутъ ли когда либо свидѣтельствовать, что мы теперь ставимъ жертвенникъ въ память ужаснаго дня и украшаемъ гробъ, чтобы показать нашимъ потомкамъ и всѣмъ, что мы строющіе—именно сыновья тѣхъ, которые избили, что мы—сообщники? Эта косность не свидѣтельствуетъ ли противъ насъ о томъ, что порывы нашего самосужденія и исканіе примиренія, выразившеся только въ тѣлесномъ упражненіи, — вообще наше

благочестіе, вызванное великимъ и страшнымъ событіемъ, было, какъ прежде у Ефрема и Иуды, только утреннимъ туманомъ и росой, скоро исчезающею (Осіи 6, 4)?

Жертвенниковъ уже много... А мы, осуждающіе себя и ищущіе примиренія въ построеніи новыхъ жертвенниковъ, какъ будто только въ нихъ и видимъ послѣднее и всецѣлое средство примиренія. Напрасно. Если праведность наша не превзойдетъ праведности древнихъ фарисеевъ, украсившихъ гробы избитыхъ пророковъ, — намъ не найти мира (Мѳ 5, 20). И если мы только ограничимся построениемъ рукотвореннаго храма, не сложившись стройно сами во святой храмъ въ Господѣ (Еф. 2, 21), въ славную церковь, не имѣющую пятна или порoka, или чего-либо подобнаго (5, 27); то этимъ только и докажемъ, что мы—дѣйствительно сыновья и сообщники тѣхъ, которые избили, что ища примиренія и находя его лишь въ построеніи и украшеніи гробницъ избитыхъ, мы только по наружности кажемся праведными, но не таковы на самомъ дѣлѣ.

Построеніе жертвенниковъ, приношеніе тысячъ овновъ и неизсчитанныхъ потоковъ елея тѣсно вязалось нѣкогда у Евреевъ съ сохраненіемъ обычаевъ Амврія и всѣхъ дѣлъ дома Ахавова (Михея 6, 6 — 7. 16). Съ дымомъ дорогаго ладана изъ Савы и благовоннаго тростника изъ дальней страны (Иереміи 6, 20),—чѣмъ они мнили искупить вины свои,—разсѣвалось и ихъ благочестіе, какъ утренній туманъ и какъ роса, скоро исчезающая (Осіи 6, 4). Противъ этой, свойственной фарисеямъ сдѣлки, противъ этого лицемѣрнаго желанія замолить свой грѣхъ у Бога и даже заглядить его единственно дорогою жертвою возставали съ своимъ словомъ пророки. Языкъ ихъ не былъ льстивымъ; они называли вещи и дѣла ихъ собственными именами. Не слѣдуетъ ли и намъ, когда въ насъ такъ замѣтна закваска фарисейская,—и благо слово пророческое готово, — выслушать ихъ слово, какъ бы оно ни казалось жесткимъ

для нашего избалованнаго различными снисхожденіями и смягчающими обстоятельствами уха? Рѣшимся выслушать. У желающаго никто не отнялъ права выслушавши сказать: какія странныя слова! кто можетъ это слушать (Іоанна 6, 60)?—Итакъ выслушасмъ.

Когда фарисействующихъ упорно Евреевъ бить было уже не во что; когда вся голова была въ язвахъ и отъ подошвы ногъ до темени головы не было здороваго мѣста, а лишь язвы, пятна, гноящіяся раны, не очищенныя и не обвязанныя и не смягченныя елсемъ (Исаи 1, 5—6), а между тѣмъ этотъ зловонный трупъ полагалъ, что для исцѣленія его нѣтъ надобности ни въ знающемъ врачѣ, ни въ цѣлящемъ Галаадскомъ бальзамѣ (Іер. 8, 22), а нужны лишь только всесоженія овновъ на жертвенникахъ и неизсчитанные потоки едея,—пророкъ именемъ сущаго и примиряющаго Бога говорилъ свою громовую рѣчь: «слушайте слово Господне, князья Содомскіе; внимай закону Бога нашего народъ Гоморрскій! Къ чему Мнѣ множество жертвъ вашихъ? Я пресыщенъ всесоженіями овновъ и тукомъ откормленнаго скота; и крови тельцовъ и агнцевъ и козловъ не хочу. Когда вы приходите являться предъ лице Мое,—кто требуетъ отъ васъ, чтобы вы топтали дворы Мои? Не носите больше даровъ тщетныхъ; куреніе отвратительно для Меня; новомѣсячій и субботъ, праздничныхъ собраній не могу терпѣть: беззаконіе—и празднованіе! Новомѣсячія ваши и праздники ваши ненавидитъ душа Моя; они—бремя для Меня; Мнѣ тяжело нести ихъ. И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю отъ васъ очи Мои; и когда вы умножаете моленія ваши, — Я не слышу: ваши руки полны крови. Омойтесь, очиститесь; удалите злыя дѣянія ваши отъ очей Моихъ; перестаньте дѣлать зло; научитесь дѣлать добро; ищите правды... Тогда прійдите, и разсудимъ. Если будутъ грѣхи ваши, какъ багряница,—то сдѣлаются бѣлыми, какъ снѣгъ; если будутъ красны, какъ пурпуръ,—сдѣлаются какъ бѣлая волна. Если захотите и послуша-

етесь, то будете вкушать блага земли. Если же отречетесь и будете упорствовать,—то меч пожретъ васъ; ибо уста Господни говорятъ» (Исаи 1, 10—20).

Прошло немало времени послѣ этой проповѣди. Топтались по прежнему двory Іеговы, приносились жертвы, лились потоки елея... Внѣшнее благочестіе процвѣтало; только призывъ пророка очиститься, омыться внутренне не исполнялся. Народъ все хоронился отъ грядущихъ бѣдъ - наказаній за свои жертвы, за свой храмъ. Здѣсь былъ центръ тяжести фари́сейства. И вотъ—еще былъ посланъ пророкъ съ словомъ, чтобы пробудить ухо людей, пробудить именно тамъ, гдѣ оно скорѣе и легче всего должно бы быть воспріимчивымъ къ тому, что изрекалось и изрекается словомъ Господнимъ.

«Стань, сказано было пророку, стань во вратахъ дома Господня и провозгласи тамъ слово сіе и скажи: слушайте слово Господне, входящіе сими вратами на поклоненіе Господу. Такъ говоритъ Господь Саваоѣ, Богъ Израилевъ: исправьте пути и дѣянія ваши... Не надѣйтесь на обманчивыя слова: здѣсь храмъ Господень, храмъ Господень, храмъ Господень! Вотъ вы надѣетесь на обманчивыя слова, которыя не принесутъ вамъ пользы. Какъ! вы... убиваете... и кадите Ваалу, и ходите въ слѣдъ иныхъ боговъ... и потомъ приходите и становитесь предъ лицомъ Моимъ въ домѣ семъ... и говорите: мы спасены,—чтобы впредь дѣлать всѣ эти мерзости» (Іерем. 7, 2—4. 8—10)?

Но тщетны были слова этого пророка. Внѣшность и внѣшность все болѣе отличала по наружности только благочестиваго Еврея. Снова и снова возставая противъ этой внѣшности, противъ лицемѣрнаго топтанія дворовъ Іеговы, противъ потоковъ елея, и требуя внутреннаго перерожденія, пророки говорили: о человѣкъ! Сказано тебѣ, что добро и чего требуетъ отъ тебя Господь (Мих. 6, 8). Я милости хочу, а не жертвы, и Боговѣднія болѣе, нежели vesselожженій (Осіи 6, 6). Исправьте пути ваши и

дѣянiя ваши (Іер. 26, 13): А имъ, указывая рукою на Іерусалимскій храмъ, отвѣчали: «не среди ли насъ Господь? Не постигнетъ насъ бѣда» (Мих. 3, 11).

Тогда снова раздался грозный пророческій голосъ: «Сіонъ распаханъ будетъ какъ поле, и Іерусалимъ сдѣлается грудю развалинъ, и гора дома сего будетъ лѣсистымъ холмомъ» (Мих. 3, 12). Раздавался онъ не однажды (Іер. 26, 6); но возрожденiя не послѣдовало; пророковъ, которые оставали съ словомъ обличенiя и оцѣнки излюбленныхъ сынами Израилевыми формъ и средствъ примиренiя съ Богомъ (Ам. 4, 4—5), избивали (Іер. 26, 20—23), и наконецъ храмъ—эта опора лицемѣрнаго Еврея—былъ испепеленъ. Онъ не спасъ отъ бѣды народа, за нимъ только однимъ искавшаго своего спасенiя.

Наступило долгое время тяжелаго испытанiя; народъ былъ перелить изъ сосуда въ сосудъ—въ плѣнъ пошелъ, но дрожжи остались. Куда направлены были теперь лицемѣрствующая мысль и сердце Еврея? Отвѣтъ даетъ пророкъ, рисуя намъ картину идущихъ, какъ и прежде, топтать двory Іеговы и ищущихъ разрѣшенiя вопроса: плакать ли имъ въ пятый мѣсяцъ (въ день разрушенiя храма) и поститься ли, какъ они дѣлали это уже много лѣтъ (Зах. 7, 3)? Опять центръ тяжести храмъ, сожженный Новуходоносоромъ въ пятый мѣсяцъ, въ десятый день мѣсяца (Іер. 52, 12—13).

Въ укоръ этимъ охотникамъ топтать двory Іеговы, этимъ неисправимымъ лицемѣрамъ было сказано: «когда вы постились и плакали въ пятомъ мѣсяцѣ, притомъ уже семьдесятъ лѣтъ,—для Меня ли вы постились? для Меня ли? И когда вы ѣдите, и когда пьете,—не для себя ли вы ѣдите, не для себя ли пьете? Не тѣ ли же слова провозглашалъ Господь чрезъ прежнихъ пророковъ, когда еще Іерусалимъ былъ населенъ и покоенъ, и города вокругъ него, южная страна и низменность были населены» (Зах. 7, 5—7)?—У лицемѣра хватило охоты и слезъ плакать въ заказный день цѣлые семьдесятъ лѣтъ. Повидимому—по-

двигъ; но лить слезы по заказу, въ урочный день мѣсяца и года легко. Труднѣе было перевоспитаться. И вотъ когда такимъ постыжимся и лющимъ слезы предлагали остановиться на путяхъ своихъ, и разсмотрѣть, и распространить о путяхъ древнихъ,—гдѣ путь добрый, и идти по нему, чтобы найти покой душамъ,—они отвѣчали: не поидемъ (Іер. 6, 16).

Кончилось время тяжелаго испытанія,—время платы за фарисейскія надежды на внѣшнюю праведность,—время, пережить которое было не легко. Снова построенъ былъ храмъ, на мѣстѣ прежняго, сожженнаго.

Но несмотря на пережитое испытаніе черта характера народнаго—фарисейство осталось. Старики, которые видѣли храмъ прежній со всею его славою, при основаніи новаго плакали громко (1 Ездры 3, 12). Этотъ новый бѣднѣйшій храмъ былъ въ глазахъ ихъ какъбы ничто (Аггея 2, 3). Но о еслибы такъ же горько оплакиваемо было нечестіе, навлекшее кару Божію, какъ горько оплакивали утрату великолѣпнаго храма!—Шло время. Опять храмъ завладѣлъ душою народа и завладѣлъ настолько, что послѣдній пророкъ именемъ Бога говорилъ всѣмъ и каждому: «лучше кто нибудь изъ васъ заперъ бы двери, чтобы напрасно не держали огня на жертвенникѣ Моемъ. Нѣтъ Моего благоволенія къ вамъ, говоритъ Господь Саваоѣ, и приношеніе изъ рукъ вашихъ не благоугодно Мнѣ» (Мал. 1, 10).

Ни слова пророковъ, ни исторія не образумили народъ, полагавшій все свое спасеніе въ обрядовой внѣшности, въ жертвахъ, потокахъ елея, храмѣ. Бѣднѣйшій храмъ сдѣлалъ великолѣпнымъ, и вотъ этимъ храмомъ гордятся, его показываютъ (Мѡ. 24, 1): посмотри, какіе камни и какія зданія (Марка 13, 1). Онъ украшенъ дорогими камнями и вкладами (Луки 21, 5). Храмъ — не только предметъ національной гордости, не только вывѣска тщеславія,—онъ—предметъ клятвы (Мѡ. 23, 16). Ложно понятая рѣчь Христа о разрушеніи храма—одинъ изъ обвинительныхъ

пунктовъ противъ Богочеловѣка (Мѡ. 26, 61). Снова въ существованіи храма Евреи видятъ первый и послѣдній, единственный залогъ народнаго бытія.

А что же люди, такъ любившіе свой храмъ, такъ украшавшіе его дорогими камнями, такъ въ него вѣровавшіе, такъ за него стоявшіе, какъ за свою самую надежнѣйшую оборону? Это были окрашенные гробы, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты. Это были люди по наружности кажущіеся праведными, а внутри исполненные лицемерія и беззаконія (Мѡ. 23, 27—28).

Такъ было до послѣдняго момента политическаго бытія народа: блистательный храмъ съ богатыми жертвами—и всякая людская нечистота! Храмъ — и кровь праведная, пролитая на землѣ между жертвенникомъ и алтаремъ (Матѡ. 23, 35)!

Собственная исторія не научила фари́сействовавшего Еврея тому, что напрасно онъ, страдавшій всяческими недугами и въ то же время не желавшій очиститься, возродиться, чего требовали пророки, — хоронился за свой храмъ. Еврей не хотѣлъ знать, что сдѣлалось съ Силомомъ (Иерем. 7, 12 — 14); не хотѣлъ знать, что самый ковчегъ завѣта, за который въ тяжелую пору хотѣлъ укрыться народъ, за нимъ найти спасеніе, былъ взятъ въ плѣнъ (1 Цар. 4, 11); что первый храмъ, на который такъ много надѣялись, какъ на несокрушимую защиту, былъ сожженъ и народъ уведенъ въ плѣнъ. Онъ не хотѣлъ знать, что гдѣ есть трупъ, — какъ бы онъ ни былъ благоукрашенъ, — тамъ, по слову Христову, будутъ непременно и орлы (Мѡ. 24, 28).

И пришелъ судъ, судъ окончательный. Сожженъ былъ и второй храмъ, а съ нимъ погибъ и народъ, какъ народъ. Съ пепломъ втораго храма вѣтры разсѣяли и народъ отъ края земли до края земли (Втор. 28, 64).

А между тѣмъ, еще до временъ перваго храма, въ минуты самоосужденія и потребности примиренія великій

еврейскій царь, исповѣдуя хотя и личную свою вину, училъ однакожь всѣхъ чрезъ начальника хора истинному средству примиренія съ Богомъ. Онъ указывалъ его не для своего только времени и лица, а для всѣхъ временъ и лицъ. «Сердце чистое, молился онъ, созижди во мнѣ, Боже, и духъ правый обнови внутри меня... Жертвы Ты не желалъ,—я далъ бы ее; къ всесожженію не благоволишь. Жертва Богу—духъ сокрушенный; сердца сокрушеннаго и смиреннаго Ты не презришь, Боже! Тогда (и только тогда) благоугодны будутъ Тебѣ жертвы правды, возношеніе и всесожженіе» (Псал. 50, 12. 18—20). Безъ этого же условія, безъ этого искренняго сокрушенія и, какъ слѣдствія его, духовнаго возрожденія и обновленія всякія жертвоприношенія Господу были не что иное, какъ мясо (Осіи 8, 13), которое не примирало съ Богомъ, а прогнѣвляло Его.

Но это средство примиренія, указанное Давидомъ, было забыто. Прошли тысячелѣтія въ привязанности Евреевъ къ одной только внѣшности. По Иудеѣ раздался послѣдній голосъ: покайтесь (Мѡ. 3, 2). Сотворите достойный плодъ покаянія (ст. 8). Сѣкира при корнѣ деревъ лежитъ: всякое дерево, не приносящее добраго плода, срубаютъ и бросаютъ въ огонь (ст. 19).

А фарисей, пришедши въ храмъ, отчасти на его десятую украшенный, шепталъ свою самодовольную молитву: я не таковъ, какъ прочіе люди.., пощусь два раза въ недѣлю; даю десятую часть изъ всего, что приобретаю (Луки 18, 11—12).

Въ новомъ храмѣ, имѣющемъ быть построеннымъ на мѣстѣ пролитой крови царя-мученика, который можетъ быть вопіеть: земля, не закрой моея крови (Іова 16, 18); въ храмѣ, который мы устроаемъ, ища примиренія своихъ смущенныхъ совѣстей, на которыхъ тяготѣетъ грѣхъ болѣе или менѣе близкаго или отдаленнаго участія въ преступленіи 1-го марта, да не будетъ возноситься таже молитва фарисея, которая оглашала и древній Іерусалим-

скій храмъ, молитва самодовольства, что мы не какъ прочіе—дали на этотъ храмъ десятину и въ томъ нашли примиреніе. О! тогда лучше не топтать дворовъ Іеговы; тогда пусть лучше запрутса двери храма и не поддерживается огонь на жертвенникѣ Господнемъ. Да будетъ въ немъ нашею единственною молитвою—молитва мытаря, сознающаго свои грѣхи и смиренно просящаго милости, безъ выставки своихъ мнимо-добрыхъ дѣлъ вѣншности и чужихъ недостатковъ.

Въ полугодичный день мученической смерти Государя невольно вспоминается одно отрадное явленіе, что нашему народу хотѣлось поскорбѣть всенародно (Русь № 17). Эта счастливая мысль о народной скорби, принадлежащая деревнѣ, находила разнообразныя формы обнаруженія, являясь то въ видѣ клятвеннаго завѣщанія, даннаго крестьянами цѣлой волости своимъ дѣтямъ и будущимъ поколѣніямъ, учиться грамотѣ, чтобы не быть темными людьми, которыхъ такъ легко вводятъ въ обманъ много-болѣющіе о его недостаточномъ просвѣщеніи,—то въ формѣ зарока на годъ не пьянствовать, не сквернословить, чтить по-стомъ день 1-го марта и т. под.

Если съ подладкою этой искренней, ведущей къ самоисправленію, скорби возникла мысль о постройкѣ часовни или храма на крови,—доброму дѣлу вѣнецъ и благословеніе. Только бы рукотворенный храмъ не отнял мѣста у того храма, въ который всѣ мы, послѣ такого грознаго посѣщенія, должны были бы старательно и стройно устроиться. Богъ мира, не въ рукотворенныхъ храмахъ живущій (Дѣяній 17, 24), хотя являющій въ нихъ свое благодатное присутствіе, будетъ доволенъ ими только въ томъ случаѣ, если сами мы будемъ устроиться въ жилище Божіе (Еф. 2; 22). И такое жилище на ряду съ вещественными храмами и памятниками, увѣковѣчивающими память мученической смерти нашего Государя, будетъ самымъ угоднымъ Господу.

НЕЧЕСТИВЫЯ СУЖДЕНІЯ

ПО ПОВОДУ УСЕРДІЯ НАРОДА КЪ СВАТЫНѢ.

Въ средѣ русскаго народа господствуетъ не мало грубыхъ суевѣрій и предразсудковъ. Всячески противодѣйствовать имъ, распространять между слѣпотствующими ближними здравыя религіозныя понятія, составляетъ священный долгъ не только пастырей церковныхъ, но и всякаго просвѣщеннаго христіанина. Къ сожалѣнію, люди просвѣщенные не всегда въ этомъ случаѣ дѣйствуютъ заодно съ пастырями. Многіе изъ такъ называемыхъ просвѣщенныхъ людей принадлежатъ къ числу невѣрующихъ. Для нихъ вѣра и суевѣріе—одно и тоже. Глумясь надъ суевѣріемъ, они съ неменьшимъ глумленіемъ относятся къ истинной вѣрѣ и благочестію. Для нихъ нѣтъ ничего священнаго. Особенно съ какою-то непонятною нетерпимостію и даже злостію они отзываются о благоговѣніи русскаго челоуѣка къ сватынѣ чудотворныхъ иконъ и мощей и въ этомъ смыслѣ даже печатно высказываются. Въ одной изъ либеральныхъ газетъ когда-то намъ пришлось прочесть слѣдующую нечестивую корреспонденцію изъ одного уѣзднаго города Оренбургской губерніи:

«По Оренбургской и Уфимской губерніи ежегодно везутъ Табынскую чудотворную икону Богоматери. Въ Орскѣ привозятъ ее въ концѣ августа. Это тасканіе образа изъ города въ городъ, изъ дома въ домъ сопровождается не малою эксплуатаціей обывательскихъ кармановъ. Кромѣ

того во время пребыванія иконы въ городѣ и нѣсколько дней послѣ пьянство и разгуль усиливается непомѣрно» Далѣе: «Аѳонскими монахами, прежде столь славившимися искусствомъ замаливанія своихъ и чужихъ грѣховъ, овладѣль теперь духъ любостыжанія. Они изъ мощей разныхъ угодниковъ аѳонскихъ выпилили небольшіе кусочки костей, уложили ихъ за пластинками слюды въ небольшой ящичекъ и 6-й годъ уже показываютъ эти кусочки за деньги благочестивымъ россиянамъ (я сказалъ—выпилили, потому что изъ неистлѣвшихъ тѣлъ нельзя добыть подобные кусочки инымъ образомъ). Въ Орскѣ монахи были съ 3 по 9 сентября. Въ притворѣ соборной церкви они открыли лавочку, въ которой продавали образа, житія святыхъ, молитвы и различныя масла отъ всевозможныхъ болѣзней, съ наставленіями при каждомъ пузыркѣ, выписанными изъ какого-то греческаго лѣчебника. Все это добро покупалось легковѣрными нарасхватъ. Ящичекъ съ мощами носили ежедневно, съ утра до поздней ночи, изъ дома въ домъ, за подобающую конечно плату. Кромѣ того множество Разуваевыхъ и Деруновыхъ заплатили монахамъ по 10—60 рублей, чтобы за души ихъ, Деруновыхъ, молились вѣчно на Аѳонѣ. Если аѳонскіе монахи по всей Россіи встрѣчали такой же приемъ какъ въ Орскѣ, то они за 6 лѣтъ собрали не меньше 2.000.000 рублей. Но монахамъ и этого мало; говорятъ что они просятъ, гдѣ слѣдуетъ позволенія стричь россиянь еще одинъ годъ».

Не правда ли, какъ ядовиты, какъ возмутительны, какъ оскорбительны для религіознаго чувства эти антирелигіозныя, антиправославныя, антирусскія сужденія по поводу усердія народа къ святынѣ. Помилуй Богъ, если этотъ разрушительный и страшный духъ невѣрія, отрицанія и глумленія встрѣтитъ сочувствіе тамъ, гдѣ доселѣ смиренная вѣра въ чудотворную святыню творила и творить чудеса. Тогда прощай наша православная, святая Русь, которая первѣе всего своею чистою и теплою вѣрою, своимъ православіемъ и слѣдовательно особенною

силою Божією доселѣ была всегда сильна и могущественна, тверда и неопобѣдима. Но Господь не оставитъ Россію; потому что въ ней истинная церковь Христова, потому что и врата ада не одолѣютъ созданной Спасителемъ церкви. Разновидные напоры невѣрія, какъ бы ни были они сильны и порывисты, искусны и мѣткі, не поколеблютъ небесной истины. Ложь всегда останется ложью, какъ ни украшайте ее цвѣтами краснорѣчія, остроумія и открытаго цинизма. Всякая неправда, а тѣмъ болѣе возстающая противъ истины Божіей, сама себя бьетъ и побиваетъ, отъ собственной пустоты и ничтожества падаетъ, разлагается и разсѣвается какъ прахъ; божественная же истина своею внутреннею силою сіяетъ, крѣпнетъ и всегда могущественно дѣйствуетъ на сердца людей. *Тасканіе* чудотворной иконы Богоматери всегда было, есть и будетъ для смиренно-вѣрующихъ не что иное, какъ божественное утѣшеніе человѣку, съ восторгомъ зывающему: *и откуда мнѣ сіе, да придетъ Мати Господа моего ко мнѣ* (Лук. 2, 43). Разные «выпилки и кусочки», — т.-е. частицы св. мощей, для спасаемыхъ суть *сила Божія*. На этихъ частицахъ, полагаемыхъ въ св. антиминосакъ, совершается безкровная жертва, таинство евхаристіи; на сихъ св. частяхъ почиваетъ самъ Царь царствующихъ, тѣло и кровь Господа нашего Іисуса Христа покоится на нихъ. Что же послѣ сего всѣ усилія лжеименнаго разума, вся человѣческая вражда противъ Божественнаго?.. Жалкая паутина и больше ничего. Страшно не за церковь Христову, а за глумащихся надъ нею.

«Тасканіе чудотворной иконы Богоматери сопровождается эксплуатаціею обывательскихъ кармановъ». Почти во всякомъ уѣздѣ Россіи ежегодно предъ мѣстною чудотворною иконою, или иною особенно чтимою святынею, совершаются общественныя молебствія въ память избавленія отъ какого нибудь дѣйствительно бывшаго народнаго бѣдствія. Эти молебствія, по милосердію Божію, и доселѣ продолжаютъ избавлять и даже предохранять вѣ-

рующихся отъ бѣдъ и несчастій. Эти молебствія и для отдѣльныхъ лицъ нерѣдко сопровождаются чудотвореніями, исцѣленіями, вспомошествованіемъ въ разныхъ житейскихъ невзгодахъ. Почитайте исторію чудотвореній какой угодно чудотворной иконы; итоги того или другаго народнаго бѣдствія переведите, если можно, на деньги; жизнь, здоровье, благоденствіе народа оцѣните рублями, и тогда, быть можетъ, вы поймете, что за обывательскій двугривенный, выражаясь вашимъ языкомъ, получено то, что несравненно дороже сотни рублей. Но скажете: туне пріясте, туне дадите? Васъ смущаетъ плата при молитвѣ?... Но вѣдь не Богъ, не Богоматерь, не угодники Божіи нуждаются въ платѣ, въ деньгахъ, а человѣкъ, люди, какъ и мы съ вами: неизбѣжными условіями жизни обусловливается плата и въ данномъ случаѣ. Сопровождающіе святыню не могутъ питаться воздухомъ, -- они не обязаны путешествовать и трудиться для меня даромъ, бесплатно. Иначе вы сами, какъ докторъ, адвокатъ, механикъ, мастеровой, тоже должны поработать за словесное спасибо и изъ этого спасибо спить себѣ сюртукъ и шубу. Думается, что на сей разъ главнымъ образомъ скудостью вѣры, недостаткомъ собственнаго своего религіознаго чувства обусловливается возможность подобной фразы: «эксплоатація обывательскихъ кармановъ». Любящій Бога любить и Его св. церковь со всѣми ея таинствами и обрядами; а любящій св. церковь любить и ея служителей; истинная же любовь сказывается всегда дѣломъ, а не словомъ только. Уважая естественную медицину, я окружаю уваженіемъ и ея служителя, посредника между мною и ею. Но есть еще небесное врачество, сильное, мощное, всеобъемлющее, въ сравненіи съ которымъ вся земная медицина, можно сказать, ничто. Испытайте, извѣдайте силу сего дивнаго врачества, и тогда «тасканіе» чудотворныхъ иконъ будетъ для васъ столько же понятно, какъ исполнѣ понятны и обычные визиты доктора къ больнымъ. Изслѣдованіями и открытіями ученыхъ,

предположимъ, отыскаю вѣрное средство къ уничтоженію саранчи, жучка, гессенской мухи и т. п., и за это средство вы съ удовольствіемъ платите деньги; хина, арсеникъ, меркурій и проч. когда-то исцѣлили васъ, избавили отъ тяжелой болѣзни, послѣ чего вы получили глубокое уваженіе къ медицинѣ, сохранили любовь и благодарность къ своему врачу: я не вижу тутъ никакой эксплоатаціи, не нахожу въ томъ нималѣйшаго повода къ смѣху и глумленію. Общественное молебствіе предъ чудотворною иконою Богоматери избавило извѣстный край отъ холеры, отъ дифтерита, отъ сибирской язвы, отъ голода, засухи и т. п.; при мощахъ Сергія преподобнаго, святителя Митрофана, цѣлителя Пантелеимона я получилъ избавленіе отъ опасной болѣзни, такой болѣзни, излечить которую были не въ силахъ Боткинъ, Захарьинъ, Браунъ: что же тутъ непріятнаго для васъ? На что вы обижаетесь и сердитесь? По какому праву смѣтаетесь и глумитесь въ данномъ случаѣ?... *Вся, елика аще воспросите въ молитвъ, впрующе, приимете* (Мате. 21, 22). Для молящихся съ вѣрою нѣтъ ничего невозможнаго и невѣроятнаго, когда идетъ рѣчь объ особой помощи Божіей. «Въ настоящее время, пишетъ одинъ корреспондентъ изъ г. Зарайска, злобою дня въ нашемъ уѣздѣ считается червь, появившійся на озимыхъ хлѣбахъ и во множествѣ ихъ истребляющій. Червь этотъ лохматый, сѣровато-бураго цвѣта, длинною съ полвершка, довольно толстый и съ неуклюжей головой; въ движеніяхъ очень быстръ и поворотливъ. Червь этотъ оставляетъ послѣ себя совершенно гладкую, какъбы незасѣянную пашню. Крестьяне носили червей на домъ и давали пробовать ихъ домашней птицѣ, но она червей этихъ не ~~не~~клюетъ. Крестьяне очень тревожатся и боятся остаться на будущій годъ безъ хлѣба; было много молебствій и хожденій на пашнѣ съ иконами. Между прочимъ сообщаютъ слѣдующее: крестьяне деревни В—на совершали молебствіе и просили Бога избавить ихъ отъ угрожающей опасности. Дня

черезъ два послѣ молебствія на пашни прилетѣли во множествѣ гуси, которые и истребили червей въ громадномъ количествѣ» (Совр. Изв. № 285-й за 1880 г.). Какъ видится, для васъ непонятна самая возможность чудесной помощи небесной, чудо выше вашего разума, оно не коснулось вашей души: но кто же виновать въ этомъ?... Возгрѣйте свою вѣру, помолитесь предъ Господомъ, и тогда сами узрите, что Господь *близъ сокрушенныхъ сердець*. Уничтожьте и вытащите изъ собственной души нѣчто такое, что негодно Богу и несогласно съ ученіемъ Его св. церкви: тогда и всякое *тасканіе* чудотворныхъ иконъ не будетъ соблазнительнымъ для вашей мысли и чувства. Отсѣкике и выпилите отъ себя свое собственное невѣріе и богопротивленіе: тогда васъ не будетъ возмущать *выпилка* и въ св. мощахъ, тогда предъ вашими духовными очами всякій *праведникъ Божій, яко фимиксъ, процвѣтетъ*.

«Кромѣ того во время пребыванія иконы въ городѣ и нѣсколько дней послѣ пьянство и разгулъ усиливаются непомѣрно». Можетъ быть. Но кто же виновать въ этомъ? Во всякомъ случаѣ не чудотворныя иконы содѣйствуютъ развитію въ народѣ пьянства и не отъ нихъ разгулъ происходитъ. Господь установилъ седьмой день и другіе святыя дни для благочестиваго чествованія и празднованія, а человѣкъ очень нерѣдко безобразничаетъ въ эти дни; кто же виновать: Господь-повелитель и учредитель, или человѣкъ-нарушитель? Чудотворная икона собираетъ народныя толпы, заставляетъ ихъ молиться и, составивши для нихъ духовное, религіозное торжество, тѣмъ заканчиваетъ для нихъ свое дѣло; но эти же самыя толпы всегда склонны къ пьянству и разгулу, склонны до того, что даже недавняя молитва неудерживаетъ инаго отъ дурныхъ наклонностей: тутъ виновата не чудотворящая икона, располагающая молиться и слѣдовательно отрезвляться, а день ото дня слабѣющій въ пьянствѣ народъ. Не ваша въ томъ вина, если я вылечившись у васъ отъ

простуды, снова простудился.—Но чтимая икона собираетъ толпы, которыя безъ сего не собрались бы и слѣдовательно не пили бы въ данное время?.. А безъ сего развѣ не бываетъ пьянства? До и послѣ пребыванія у васъ чудотворной иконы, т.-е. въ теченіе слишкомъ одиннадцати мѣсяцевъ, едвали царить въ вашихъ весяхъ всеобщая трезвость. Что мы видимъ? Пьютъ съ горя, пьютъ съ радости, пьютъ послѣ труда, пьютъ отъ нечего дѣлать, пьютъ наконецъ помоляся Богу. Поводовъ много, но дѣло не въ нихъ, а въ пристрастіи, въ силѣ самой страсти, которую не сдерживаетъ даже и присутствіе чтимой святыни. Рѣчи нѣтъ, что вино—зло великое на Руси; но весьма странное на сей разъ рекомендуется средство противъ зла, оригинальна мысль, подкладываемая въ основу сего средства. Народъ пьянствуетъ: слѣдовательно не надо молиться Богу. Народъ пьетъ: слѣдовательно нужно прекратить всѣ православно-религіозныя сборища и процессіи. Пьянство въ народѣ съ каждымъ днемъ все болѣе развивается: слѣдовательно надобно уничтожить храмы, храмовые праздники, всякое общественное чествованіе святыни. Но не дивитесь сему. Говорятъ и больше сего, даже печатно говорятъ. Уже опасаются нѣкоторые, какъ бы православные христіане не стали заражаться холерою, сифилисомъ, дифтеритомъ и иными тмочисленными заразными бактеріями посредствомъ... *лжицы*, т.-е. чрезъ таинство св. причащенія. Неужели же послѣ сего мы на самомъ дѣлѣ дождемся замысловато-гигіеническихъ совѣтовъ, настоятельныхъ совѣтовъ остерегаться церковной лжицы, отдаляться отъ св. евхаристіи?!.. Но истинно вѣрующій христіанинъ едва ли когда забудетъ, что, сподобляясь сего величайшаго таинства, онъ чрезъ то самое имѣетъ жизнь въ самомъ себѣ (Іоан. 6, 53).

«Аеонскими монахами, прежде столь славившимися искусствомъ замаливанія своихъ и чужихъ грѣховъ, овладѣлъ теперь духъ любостязанія».—А развѣ нѣтъ и не можетъ быть сего замаливанія? *Просите и дастся вамъ*

(Матѣ. 7, 7.). На одатайство Авраама за Содамлянъ: *можетъ быть, найдется тамъ десять праведниковъ? Господь сказалъ: не истреблю ради десяти* (Быт. 18, 32). *Молитесь другъ за друга, яко да исцѣлите, много бо можетъ молитва праведнаго постышествуема* (Іак. 5, 16). Но монахами овладѣль духъ любостыжанія?... А намъ съ вами положительно нѣтъ до сего никакого дѣла; еслибы даже на самомъ дѣлѣ это было такъ, то они и въ отвѣтъ за себя. Прежде всего мы въ самихъ себѣ должны преслѣдовать и искоренять духъ любостыжанія, стараться прежде вытащить бревно изъ собственнаго глаза, а не монаховъ судить. Да въ свой ли собственный карманъ собираютъ они деньги?!. Вѣдь на поддержаніе св. обители поступаютъ сіи сборы, вѣдь эта народная лепта всецѣло идетъ на благолѣпіе св. храмовъ, гдѣ помолятся и о любящихъ благолѣпіе дома Божія. Но пусть монахъ или священникъ будетъ любостыжателенъ и вообще грѣшенъ, пусть онъ недостоинъ самъ предъ очами Господа; но благодатию Божіею дарованное ему священнодѣйствіе никогда не пропадаетъ туне, всегда изводитъ милость Божію на всякаго мірянина, смиренно вѣрующаго и усердно молящагося. Такова сила благодати, таковы ея плоды; сила Божія совершается въ нашихъ немощахъ (2 Кор. 12, 9).

«Но монахи въ притворѣ соборной церкви открыли лавочку, въ которой продавали образа, житія святыхъ, молитвы и различныя масла... Все это *добро* покупалось легковѣрными на расхватъ». Говорите прямѣе и откровеннѣе. Не то ли вы хотѣли сказать, что св. иконы, образочки, елей отъ св. мощей, напечатанныя молитвы и т. п.,—все это для васъ *не добро*, пустяки? Такъ что ли? Такъ и говорите. Для насъ давно уже не новость нѣчто и большее сего: гаерство нѣкоторыхъ доходитъ иногда даже до того, что они находятъ для себя какое-то демоническое наслажденіе покрывать св. иконами торшки съ молокомъ. Послѣ сего по крайней мѣрѣ не трудно будетъ отвѣтить на слѣдующій вопросъ:

настолько ли чиста, тверда и глубока въ васъ и вамъ подобныхъ собственная христіанская вѣра, чтобы вполне правильно и безошибочно было ваше сужденіе о тѣхъ, которыхъ вы обзываете легковѣрными? — Цѣлебная сила св. елея для васъ непонятна, невѣроятна, *не добро*; но для истинно вѣрующихъ совершенно наоборотъ, и дѣйствительная жизнь говоритъ совсѣмъ другое. *Болезнь ли кто въ васъ, да призоветъ пресвитеры церковныя, и да молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавше его елеемъ, во имя Господне. И молитва въры спасетъ болящаго, и воздвигнетъ его Господь: и аще грѣхи сотворилъ есть, отпустятся ему* (Іаков. 5, 14. 15). Легковѣріе ли это?!.. Вѣдь это божественная истина, апостольская заповѣдь, таинство Христовой церкви. Но скажете: не о таинствѣ елеосвященія рѣчь тутъ, а о тѣхъ съ масломъ пузыркахъ, которые легковѣрными покупались на расхватъ, какъ лекарство отъ всевозможныхъ болѣзней? Въ отвѣтъ на это мы приведемъ одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ, доказывающихъ, что въ елеѣ отъ св. мощей для вѣрующихъ дѣйствительно сокрыта великая тайна тѣлеснаго врачеванія. Въ письмѣ графа М. Д. Бутурлича къ М. П. Погодину вотъ что сказано: «Графъ Д. Н. Толстой можетъ рассказать вамъ чудесное событіе, совершившееся съ однимъ его сосѣдомъ по уѣзду. Сосѣдь этотъ, человѣкъ отличный во всѣхъ отношеніяхъ и нѣжный мужъ, относился къ религіи болѣе чѣмъ свободно, а жена его, женщина религіозная, особенно почитала св. Великомученика Пантелеймона. Приключилась съ нимъ болѣзнь, по мнѣнію всѣхъ медиковъ неизлечимая, и онъ видимо таялъ, такъ что дни его жизни, казалось, были сочтены. Но вотъ онъ видитъ во снѣ св. великомученика Пантелеймона, и, проснувшись на другой день съ благоговѣніемъ осѣняетъ (и вѣроятно помазываетъ) себя цѣлительнымъ елеемъ, взятымъ отъ чудотворной иконы и читаетъ ему акаѳистъ. Съ той минуты больной началъ поправляться не по днямъ, а, какъ говорится, по часамъ;

вскорѣ совсѣмъ выздоровѣлъ и сдѣлался вѣрующимъ. Объ этомъ случаѣ, знаетъ все Д—ское дворянство, и замѣчательно еще, что графъ Д. Н. неоднократно пророчилъ своему сосѣду, что въ немъ столько мірскихъ добродѣтелей, что Вселблгій Господь непременно призоветъ его къ себѣ и наставитъ на путь истины». (Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ. М. Погодина, изданіе третье, стр. 84-я).

«Досадно, что множество Разуваевыхъ и Деруновыхъ заплатили монахамъ 10—60 р., чтобы за души ихъ, Деруновыхъ, молились вѣчно на Аѳонѣ». Сомнительно, чтобы истые Щедринскіе герои, ни съ того ни съ сего, изхарчились столь щедро и притомъ на такое богоугодное дѣло; потому-то они и герои своего рода, что далеки отъ истинной вѣры христіанской и отъ жизни по сей вѣрѣ. Впрочемъ только хула на Духа святаго не отпустится ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій, а остальные всѣ грѣхи прощаются христіанамъ кающимся. Если лучъ благодати Божіей проникнетъ и въ душу Дерунова или Разуваева, то благо ему, благо душѣ кающагося: *онъ и ползминыя своего дастъ нищимъ* (Лук. 19, 8.), а тѣмъ болѣе не пожалѣетъ для аѳонскаго монаха, которому дарована отъ Бога великая благодать *вѣчно молиться* на св. Аѳонѣ. — «Собрано до двухъ милліоновъ». Если такъ, то остается только радоваться: слѣдовательно русскій народъ все еще по прежнему любитъ молиться, любитъ святую, любитъ жертвовать на святое дѣло. По вѣрѣ и не оскудѣваетъ рука дающаго.

«Монахамъ и этого мало: говорятъ, что они просятъ гдѣ слѣдуетъ, позволенія стричь Россіянъ еще одинъ годъ». Православный сынъ Россіи! не внимай этимъ злымъ рѣчамъ. Если для аѳонскаго монаха нужно, а для тебя возможно дать ему свою посильную лепту, то не жалѣй сей лепты, постоянно памятуя слово Христово: *помеже сотворите единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотворите* (Мѳ. 25, 40). Аѳонскія обители достаточно прославили святость Божію и самъ Богъ прославилъ въ нихъ свою

святость и свое величіе. Имя Аѳона тѣсно соединено съ именемъ Божиимъ, съ русскимъ православіемъ, съ торжествомъ истинной христіанской вѣры и церкви. Не отсюда, не съ Аѳона, и доселѣ своимъ подвигомъ добрымъ въ вѣрѣ подвизающагося, опасность для Россіи, не отсюда *стриженіе* и расхищеніе словеснаго стада русскаго; не отсюда могутъ выходить волки съ цѣлію *расхитить и распудить овцы* (Іоан. 10, 12.). Опасность наша не за морями, не въ тихой обители вѣчно молящагося монаха и тѣмъ болѣе не въ его молитвѣ, внесенной въ нѣдра нашего роднаго отечества, а скорѣе же въ другомъ мѣстѣ, съ иной стороны, гораздо ближе, среди насъ самихъ и именно отъ тѣхъ изъ насъ, умъ которыхъ, оторвавшись отъ истины евангельской, заходитъ за разумъ, идетъ по ложному пути, блуждаетъ во тьмѣ невѣрія: увы, иногда *враги человеку домашніе* его (Матѳ. 10, 36.). Истиннымъ же своимъ послѣдователямъ Господь Спаситель оставилъ совершенно иное предостереженіе: *внемлите отъ живыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы* (Матѳ. 7, 15.).

И. С.

СЛУЧАЙ ВЪ ПРИХОДСКОМЪ ХРАМѢ 6-ГО АВГУСТА *).

Сего 6 августа на божественной литургіи по освященіи яблокъ послѣ заамвонной молитвы, едва я успѣлъ взойти на солею, отходя отъ столика съ сосудомъ, въ которомъ были благословенные плоды, какъ вдругъ слышу сильное движеніе. Невольно обернувшись, вижу, что присутствовавшіе изъ простонародья бросились къ столу, окружили его; произошло смятеніе: взявшіе яблоко съ трудомъ выбиваются на свободу, тѣсняемые другими протягивающими руки къ сосуду. Яблоки падаютъ изъ рукъ; трапезникъ, тщетно пытавшійся принять столикъ, отталкивается толпою. И все — въ одну минуту! Но какъ она была для меня тяжела! Не дожидаясь поставленія по обычаю аналогія для праздничнаго поученія, я поспѣшилъ сказать, признаюсь, взволнованно и громко: „остановитесь, неразумные“. Мгновенно всѣ отошли отъ столика и нѣкоторые стали, идя задомъ, укрываться за другихъ, впереди стоящихъ. „Подойдите,—говорю,—сюда поближе всѣ, кто сейчасъ согрѣшилъ нарушеніемъ чина и благообразія церковнаго, кто осмѣлился самъ взять изъ чаши (водосвятной большой) яблоко. Послушайте, что я долженъ, не готовясь, сказать вамъ сейчасъ. Вы должны меня послушать, иначе вы съ великимъ грѣхомъ выдете изъ церкви; онъ будетъ тяготѣть надъ вами“.

Предлагаю вниманію читателей сказанное *обличеніе*. Пусть оно осязательно покажетъ, какъ много и долго надобно трудиться пастьерамъ въ устроеніи ко спасенію душъ человѣческихъ.

Протоіерей Іоаннъ Виноградовъ.

Обличительное слово.

Что вы сейчасъ сдѣлали предъ лицомъ Божиимъ, въ св. храмѣ Божіемъ?! Грѣхъ и стыдъ вамъ, а мнѣ—глубокая скорбь! Двадцать лѣтъ, не лѣнясь, по милости Божіей, училъ и учу я васъ, какъ отецъ дѣтей своихъ, между прочимъ тому, что храмъ Божій есть мѣсто особеннаго,

*). Въ Московскомъ Параскевѣевскомъ храмѣ, что въ Охотномъ ряду.

благодатнаго, таинственнаго присутствія Божія,—что совершеніе божественной литургіи есть живое воспоминаніе о жизни, ученіи, дѣлахъ, страданіяхъ, смерти, воскресеніи и вознесеніи на небо Господа нашего Иисуса Христа; говорилъ и говорю, что, при совершеніи высочайшаго таинства Евхаристіи, съ нами невидимо предстоятъ и служатъ Силы небесныя. Св. ангелы, херувимы и серафимы,—и тѣ благоговѣютъ предъ таинственнымъ священнодѣйствіемъ тѣла и крови Господа и Спасителя нашего. А вы чтò сейчасъ сдѣлали? Какимъ именемъ назвать вашъ поступокъ? Бросились вы, какъ хищные звѣри, на какую добычу, толкая другъ друга, чтобы скорѣе и больше взять изъ освященныхъ плодовъ! — Можно ли найти такой беспорядокъ и безчиніе не только въ градской, но гдѣ нибудь вдали отъ города, среди лѣсовъ, въ сельской церкви? Скажите мнѣ, могли ли бы вы смотрѣть равнодушно на то, еслибы на проходящаго «Охотнымъ рядомъ» торговца съ яблоками вдругъ бросилась толпа и стала расхищать ихъ: не заступились ли бы вы за обиженнаго и не осудили ли бы обидчиковъ за расхищеніе чужой собственности? Подумайте, вы ли припесли въ храмъ Божій яблоки? Ваша ли это—собственность? Послѣ такой дерзости вашей и безчинія можно подумать, что вы броситесь къ церковному ящику и будете разбирать самовольно церковныя свѣчи или деньги! Долго ли перейти отъ одного безчинія къ другому? Какой стыдъ! Какой грѣхъ совершили вы въ великій праздникъ въ св. храмѣ Божіемъ во время важнѣйшаго богослуженія!.. Не для вашего ли вразумленія здѣсь предлагается вамъ не только живое слово, но и разныя назидательныя, поучительныя книжки: и что же сейчасъ обнаружили вы?—Вотъ каковъ плодъ доброй заботы о васъ! Не возмутительно ли это?—Сѣялась пшеница, а возшло одно терніе! Кто бы могъ этого ожидать отъ васъ? Многіе изъ предстоящихъ въ семъ храмѣ меня истинно радуютъ своимъ вниманіемъ, но какъ хотѣлось бы, чтобы во всѣхъ васъ *вообразился Христосъ*,—

чтобы вы научились отъ Него Его кротости и смиренію, Его *ревности о домъ Божіемъ!*... Не съ особенною ли заботливостію о вашемъ вразумленіи избраны священныя изображенія на стѣнахъ этого храма, и не яснѣ ли буквѣ говорятъ они вашему сердцу, какъ должно вообще похристіански жить, и какъ даже — входить въ храмъ Божій? Посмотрите, что вы видите на лѣвой сторонѣ въ притворѣ, при входѣ во храмъ? — Господь изгоняетъ вонъ продающихъ и покупающихъ за то, что они забыли о святости мѣста, и домъ Божій обратили въ мѣсто торговли. Равно и вы забыли, что храмъ Божій есть храмъ молитвы, есть мѣсто освященія таинствами, — источникъ благословеній, сокровищница благихъ мыслей и желаній. Здѣсь особенно близокъ къ намъ грѣшнымъ Господь, по Его обѣщанію: «гдѣ двое или трое соберутся во имя Мое, тамъ и Я среди ихъ». Вы слышали, о комъ молились изъ васъ во св. храмѣ семъ? — Только о тѣхъ, которые «съ вѣрою, благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ входятъ въ оныя» и предстоятъ въ немъ. Итакъ, нарушители благоговѣнія, забывшіе о страхѣ Божіемъ, поступившіе сейчасъ какъ невѣрные, можетъ быть даже хуже ихъ, ибо и невѣрные мирны бываютъ въ своихъ капищахъ, — скажите, во что вы теперь обратили домъ Божій? Если бы въ эту минуту шума, смятенія, расхищенія въ храмѣ освященныхъ плодовъ вошелъ какой иновѣрецъ, — что онъ подумалъ бы о насъ и о нашемъ богослуженіи? Посмѣли ли бы мы ему сказать, что мы «православные» и наше богослуженіе «святое»?.. Да, ужели вы за тѣмъ пришли сюда, чтобы во время божественной литургіи, почти въ тѣ минуты, когда сердца благоговѣнно взирающихъ на св. Дары, переносимые съ престола на жертвенникъ, исполнялись священнымъ восторгомъ отъ того, что они видѣли свѣтъ истинный, пріяли Духа небеснаго, — ужели затѣмъ, говорю, пришли вы сюда, чтобы дерзостно схватить яблоко и такимъ поступкомъ навлечь на себя праведный гнѣвъ Божій на васъ за

нарушеніе мира и спокойствія въ св. храмѣ, за тяжкій грѣхъ соблазна, въ которомъ повинны первые, протянувшіе руки къ яблокамъ, за грѣхъ осужденія, которое вы невольно возбудили въ душѣ ближнихъ, не принявшихъ участія въ вашемъ безобразіи? Да,—вы сдѣлали сейчасъ здѣсь тяжкій грѣхъ... Господи, отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что сотворили! Отъ души прошу васъ, когда будете говѣть и каяться въ грѣхахъ своихъ, не забыть грѣха сего; покайтесь въ немъ съ сокрушеніемъ сердца; скажите духовному отцу: <отче, я тяжело согрѣшилъ въ великій праздникъ Преображенія Господня, согрѣшилъ въ св. храмѣ, согрѣшилъ во время божественной литургіи; я виновенъ въ грѣхѣ хищенія не принадлежавшей мнѣ вещи, въ грѣхѣ соблазна моихъ собратій,—въ ослабленіи вниманія и благоговѣнія въ самомъ себѣ и въ другихъ>.—Покайтесь, обдумавъ спокойно вашъ настоящій проступокъ. Я полагаю, онъ начатъ вами, дѣти; но и вамъ подлежало помнить, что вы стоите въ храмѣ Божіемъ; вѣрно васъ учили, какъ стоять въ немъ, ваши отцы и матери; конечно и вы шли сюда, чтобы молиться Богу, чтобы принести отсюда благословеніе Божіе въ жилища ваши; увы, — теперь вы понесете взятое вами самовольно, хищнически, яблоко: будетъ ли оно для васъ сладко и полезно? Не будетъ ли оно знаменіемъ вашей невнимательности къ исполненію долга предстоять во храмѣ съ благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ? Что, если грѣхъ, прокравшійся въ душу вашу чрезъ яблоко, останется сѣменемъ другихъ, болѣе тяжкихъ грѣховъ? Скажите скорѣе: Господи, согрѣшили мы предъ Тобою, — и Онъ, милосердый простить васъ!

Пусть никто не думаетъ, будто обличаемый мною проступокъ неваженъ. Нѣтъ; — трудно допустить, что тотъ, кто оказался дерзкимъ во храмѣ, будетъ кротокъ и терпѣливъ въ домѣ! Если кто въ св. храмѣ, предъ лицемъ Божіимъ, нарушилъ порядокъ и возмутилъ спокойствіе духа ближнихъ, и ввелъ ихъ въ грѣхи соблазна и осу-

жденія, то чего хорошаго ожидать отъ него въ жилищахъ человѣческихъ, во взаимныхъ отношеніяхъ по дѣламъ мірскимъ? Кто не умѣлъ совладѣть съ своими помыслами предъ св. алтаремъ, кто забылъ страхъ Божій, предстоя чашѣ съ божественною плотію и кровію Христовою, то чѣмъ онъ удержится отъ дурныхъ помысловъ, отъ злыхъ предпріятій при видѣ обилія благъ ближняго?

Напомню вамъ, братіе, для назиданія всѣмъ, слѣдующее обстоятельство изъ жизни вѣрующихъ церкви Коринтской при свят. ап. Павлѣ. Въ то время всѣ, кромѣ бѣдныхъ, христіане имѣли похвальный обычай, приносить въ церковное собраніе елей, хлѣбъ и вино; лучшее и потребное количество изъ принесеннаго отдѣлялось для совершенія таинства евхаристіи, а остальное раздавалось по окончаніи богослуженія для вкушенія вѣрующимъ. Но вотъ по времени оказались и тамъ невоздержные; нѣкоторые не хотѣли подождать, когда имъ предложить извѣстную часть принесенныхъ даровъ, и вотъ они торопились прежде другихъ ѣсть свою пищу, т.-е. ими же принесенные хлѣбъ и вино; отъ этого безпорядка происходилъ другой: иной былъ голоденъ, а иной упивался. По этому случаю святой Апостоль говоритъ: *развѣ у васъ нѣтъ домовъ на то, чтобы ѣсть и пить? Или пренебрегаете церковь Божию, и унижаете немощныхъ? Что сказать вамъ? Похвалить ли васъ за это?—Не похваляю* (1 Кор. 11, 20—22). И васъ, оказавшихъ теперь пренебреженіе къ храму Божию и униженіе ближнихъ, можно ли похвалить? Ты, дерзновенный, успѣлъ себѣ взять можетъ быть не одно яблоко, а другому благоговѣйному будетъ и дать нечего, и онъ пойдетъ безъ благословеннаго плода! Зачѣмъ ты его унижаешь и обижаешь?—Но довольно. Вотъ послѣдній мой искренній совѣтъ вамъ: воздохните къ Господу съ сокрушеннымъ о грѣхахъ сердцемъ, чтобы Онъ, милосердый, простилъ вашъ грѣхъ, и помолитесь, да даруетъ Господь всѣмъ намъ благодать не оскорблять Его вперёдъ подобными грѣхами. Аминь.

ОБРАЗЪ И ПОДОБІЕ БОЖІИ ВЪ ЧЕЛОВѢКѢ.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ НЕРУКОТВОРЕННАГО ОБРАЗА СПАСА
(16 АВГУСТА).

„Господи! Во свѣтѣ лица Твоего пойдѣмъ и о имени Твоемъ возрадуемся во вѣки“.

На востокъ отъ Іерусалима въ Малой Азіи, между рѣками Тигромъ и Евфратомъ, стоитъ городъ Орфа. Въ древности онъ назывался Едессою и былъ столицею большаго государства—Осроены.—Во дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа авгарь *), или князь этой страны, по имени Ухомд, пораженъ былъ неизлечимою страшною болѣзнію—проказою. Узнавъ о чудесахъ Іисуса Христа, онъ просилъ его письмомъ, посланнымъ съ Ананіею, посѣтить его и исцѣлить отъ болѣзни. Спаситель, взявъ платъ, отерся имъ, отобразилъ при этомъ на немъ ликъ свой и послалъ его къ едесскому князю, обѣщая совершенно исцѣлить его послѣ чрезъ одного изъ своихъ учениковъ. Князь съ благоговѣніемъ принялъ святыи образъ Господа, поклонился ему, облобызалъ его и почувствовалъ большое облегченіе отъ болѣзни.

По вознесеніи Господа, святыи Ѳаддей, одинъ изъ 70 апостоловъ, пришелъ къ авгарю и совершенно исцѣлилъ его отъ болѣзни. Тогда весь городъ Едесса принялъ

*) Авгарь—былъ титулъ владѣтелей Осроены. Онъ значилъ: *могущественный, великій мужъ*.

святое крещеніе. Князь помѣстилъ святой убрूसъ въ стѣнѣ города надъ главными вратами его. Святой образъ прославился великими чудесами и многіе христіане изъ отдаленныхъ странъ стали путешествовать въ Едессу для поклоненія этой святыни. Въ седьмомъ столѣтіи по Рожд. Христовомъ Осроеною завладѣли арабы, но не препятствовали христіанамъ путешествовать для поклоненія святому образу. Въ десятомъ вѣкѣ греческій императоръ Романъ I возымѣлъ пламенное желаніе перенести эту святыню въ столицу свою Константинополь. Но арабскій эмиръ не соглашался отдать ее; тогда греческія войска, опустошивъ окрестныя мѣста Едессы, осадили и стѣснили этотъ городъ. Мусульмане выдали святой убрूसъ посольству императора. Это было въ 944 году по Р. Х. Во время перенесенія святаго образа къ Царьграду многіе больные получили отъ него исцѣленіе. Святыня прибыла въ столицу греческой имперіи ко дню Успенія Богоматери. На другой день сего праздника, въ 16 день мѣсяца августа, послѣ крестнаго хода, весьма торжественно императорскою фамиліею, священноначаліемъ и народомъ совершеннаго въ столицѣ и по сушѣ и по морю, святой образъ поставленъ въ храмѣ фаросскомъ. Во время этого крестнаго хода, говоритъ писатель современнѣйшій событію, «одинъ разслабленный, издавна страдавшій ногами, опираясь на своихъ слугъ, приподнялся не много, чтобы увидѣть божественную икону и лишь только увидѣлъ, тотчасъ почувствовалъ крѣпость въ ногахъ, самъ собою прибѣжалъ и, лобызая кивотъ, велегласно прославилъ Бога и предъ всѣми исповѣдалъ чудо, надъ нимъ совершившееся» *). Съ сего времени установлено совершать празднова-

*) Описаніе перенесенія образа приписывается Константину Порфирородному (912—959), соправителю Романа I; но, по нашему изслѣдованію, оно принадлежит другому писателю современному, по имени неизвѣстному.

ніе нерукотворенному образу Спасителя въ 16 день мѣсяца августа.

Для чего установлено сіе празднество? Для того, чтобы воздать славу и честь Господу нашему Іисусу Христу, который, для спасенія падшаго человѣка, принялъ на Себя образъ его, и для того, чтобы напоминачіемъ о семъ возбуждать христіанъ къ обновленію въ себѣ образа Божія. (Канона пѣснь 3). Въ числѣ первыхъ истинъ своего откровенія Господь Богъ возвѣщаетъ намъ чрезъ святаго пророка Моисея, что Онъ предъ созданіемъ человѣка имѣлъ совѣтъ въ тайнѣ своего Тройческаго единства: *и рече Богъ: сотворимъ человека по образу нашему и по подобію* (Быт. 1, 26); а о самомъ сотвореніи человѣка святой Моисей говоритъ: *и сотвори Богъ человека, по образу Божію сотвори его* (Быт. 1, 27),—о сотвореніи же по подобію Божію не говоритъ. «Почему же, спрашиваетъ святой Григорій, епископъ Нисскій, не сдѣлано того, что было въ намѣреніи? Почему не сказано: и сотвори Богъ человека по образу и по подобію? Быть по образу Божію, отвѣтствуетъ самъ святой отецъ, свойственно намъ по первому нашему сотворенію, но сдѣлаться по подобію Божію зависитъ отъ нашей воли. И это зависящее отъ нашей воли существуетъ въ насъ только въ возможности, пріобрѣтается же нами на самомъ дѣлѣ посредствомъ нашей дѣятельности» *).

По изъясненію святыхъ отцовъ Церкви иное въ насъ есть образъ Божій, а иное подобіе Божіе. Богъ есть духъ, и образъ Божій навсегда напечатлѣнъ въ душѣ человѣка, при самомъ созданіи его, то-есть, Господь далъ человѣку душу *бессмертную*, неимѣющую конца своему бытію, какъ и Самъ Онъ; далъ душу разумную, чтобы человѣкъ познавалъ себя самого, міръ созданный Богомъ и самого Создателя своего; Господь даровалъ человѣку душу свободную, ибо только свободнымъ существамъ чрезъ пра-

*) Слово его въ Христ. Чтен. 1480 III. 320 и проч.

вильное употребленіе сего высочайшаго дара можно достигать самаго высшаго блаженства. Подобіе же Божіе состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ, обогащая свой умъ познаніями, украшая свою душу свободными добрыми дѣлами и такимъ образомъ постепенно приобрѣтая богоподобныя совершенства, болѣе и болѣе приближался къ Богу и вступалъ въ болѣе и болѣе близкое общеніе съ Нимъ. Вслѣдствіе столь высокихъ качествъ человѣка, онъ поставленъ царемъ надъ прочими земными тварями, какъ Богъ есть царь всего міра.

Но вотъ еще первымъ прародителямъ нашимъ въ раю является искушитель и склоняетъ ихъ вдругъ восхитить божескія свойства чрезъ вкушеніе отъ запрещенныхъ плодовъ дерева познанія добра и зла. *Отверзутся очи ваша и будите, яко бози, едѣюще доброе и лукавое*, сказалъ имъ обольститель. Они послѣдовали злomu совѣту его и вмѣсто приобрѣтенія божественныхъ совершенствъ хищеніемъ помрачили и исказили въ себѣ образъ Божій, сдѣлались подобными врагу Божію и пизринулись въ бездну золь. Единородный Сынъ Божій, который не восхищеніемъ нещева быти равенъ Богу, ибо отъ вѣчности есть Образъ ипостаси Бога Отца, принимаетъ на себя образъ падшаго, дабы возстановить въ немъ образъ и подобіе Божіи.

Какъ возстановляется въ насъ образъ Божій Господомъ Иисусомъ Христомъ? Чрезъ святое ученіе вѣры и чрезъ св. таинства. Чрезъ святое ученіе вѣры преподается человѣку познаніе о Богѣ и о средствахъ благоугождать Ему. Въ таинствѣ крещенія мы освобождены отъ скверны грѣха, помрачившей первозданную доброту человѣка; въ таинствѣ муропомазанія преподаны намъ силы возрастать въ духовной жизни и приобрѣтать богоподобныя свойства. «То, чтѣ въ насъ есть *по образу*, говоритъ св. Діадохъ, то божественная благодать даетъ одна въ святомъ крещеніи, омывая всѣ наши скверны и чистымъ содѣлывая естество наше; то же, чтѣ *по подобію*, она по-

томъ содѣлываетъ въ насъ не одна, но вмѣстѣ съ нашею свободою... Тутъ происходитъ тоже, что дѣлаютъ живописцы: живописецъ сначала начертываетъ образъ чело-вѣка одними чертами, а потомъ уже и красками разри-совываетъ каждую часть, какъ она есть въ томъ, чей об-разъ онъ рисуетъ; такъ и благодать Святаго Духа сна-чала въ святомъ крещеніи дѣлаеъ чело-вѣка такимъ, какъ онъ былъ до паденія, восстанавливаетъ въ немъ то, что по образу; а потомъ, когда видитъ, что чело-вѣкъ усердно жаеаетъ и красоты подобія и готовымъ себя являетъ на всякой для сего подвигъ: то она, добродѣтель надъ доб-родѣтелию надцвѣчивая и отъ красоты къ красотѣ воз-водя видъ душевный, совершеннымъ образомъ начерты-ваетъ въ ней *и подобіе*, и становится тогда чело-вѣкъ со-вершеннымъ и по образу и по подобію Божию *)).

Будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть (Лук. 6, 36). *Будите совершени, якоже Отецъ вашъ не-бесный совершениъ есть* (Матѣ. 5, 48), завѣщаетъ намъ Спаситель. Какая безмѣрная высота указана, какая невы-разимая красота предназначена чело-вѣку! Трудно и пред-ставить! Тѣмъ не менѣе опытъ показываетъ, что обнов-ленный таинствами св. церкви и болѣе и болѣе преуспѣ-вающій въ духовной жизни, христіанинъ еще на землѣ въ семъ брennomъ тѣлѣ вступаетъ въ тѣснѣйшее общеніе съ Божествомъ и достигаетъ богоподобныхъ совершенствъ. Умъ его такъ озаряется Духомъ Святымъ, что видитъ тайные помыслы другихъ, познаеъ прошедшее сокровен-ное, провидитъ отдаленное будущее; воля его владыче-ствуетъ подъ природою; онъ врачуеъ неисцѣльныя бо-лѣзни, заключаеъ и отверзаеъ небо для дождя; ему не вредитъ ядъ аспида и василиска, ему служатъ хищные звѣри, ему повинуются злые духи; сердце его исполняетъ-такой любви къ ближнимъ, что само готово на величай-

*) По переводу Преосвящ. Теофана. Слова къ Владимірской па-ствѣ, стран. 380.

шія страданія для блага ихъ. Святый первомученикъ и архидіаконъ Стефанъ, подобно Господу Иисусу, молится за своихъ убійць и еще въ тѣлѣ удостоивается видѣть славу Божию и Иисуса, стоящаго одесную Бога (Дѣян. 7, 55). Святый апостоль Павелъ изъявляетъ желаніе самому быть отлученнымъ отъ Христа, только бы спасенъ былъ соплеменный ему народъ еврейскій, и удостоивается многихъ дивныхъ дарованій божественныхъ.

Но то, чего достигаетъ человѣкъ здѣсь на землѣ, и сравнить нельзя съ тѣмъ, что ожидаетъ его на небѣ. *Мы, говоритъ святый апостоль Павелъ, отчасти знаемъ и отчасти пророчествуемъ. Теперь мы видимъ какъбы сквозь тусклое зеркало, гадательно, тогда же лицемъ къ лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно какъ я познаю (1 Кор. 13, 10, 12). Возлюбленные, говоритъ святый евангелистъ Іоаннъ Богословъ, мы теперь дѣти Божіи, но еще не открылось, что будемъ. Знаемъ только, что, когда откроется, будемъ подобны Ему, потому что увидимъ Его, какъ Онъ есть (1 Іоан. 3, 2). Тогда праведницы просвятятся, яко солнце, въ царствіи Отца ихъ,* говоритъ самъ Господь (Матѣ. 13, 43).

Но гдѣ и на чемъ утверждается та лѣствица, которою человѣкъ восходитъ до богоподобія? Она утверждается во глубинѣ смиренія на твердомъ камени совершеннаго послушанія Богу. Чѣмъ ниже будетъ считать себя человѣкъ, тѣмъ онъ будетъ выше. Самъ Духъ Божій, раздѣляя свои чрезвычайныя духовныя дарованія людямъ, достигшимъ уже высокой степени нравственнаго совершенства, ведетъ ихъ въ тоже время путемъ смиренія. Онъ не всѣмъ даетъ всякаго рода дары, но одному—одинъ, другому—другой даръ. Однимъ дается даръ учительства, другимъ—даръ исцѣленій, третьимъ—даръ пророчества и притомъ въ разныхъ степеняхъ и видахъ. Нерѣдко бываетъ, что пророчествующій другимъ слышитъ предсказанія о себѣ отъ другаго пророка (Дѣян. 21, 11); однимъ пророчество дается только въ извѣстное время, а на другое время отъемлется; одни провидятъ будущее въ образахъ,

уста другихъ движеть самъ Духъ Божій; часто пророчествующіе не понимаютъ, что говорятъ, а понимаютъ ихъ тѣ, которые слышали ихъ слово къ себѣ и понимаютъ уже по исполненіи пророчества. Подобно сему и во времена апостоловъ тѣ, которые Духомъ Божиимъ говорили на иноземныхъ неизвѣстныхъ имъ языкахъ, не понимали того, что говорили, а другіе объясняли ихъ слова также Духомъ Святымъ. Что все это значить какъ не то, что Господь воспитываетъ и болѣе совершенныхъ христіанъ въ смиреніи, показуя, что богоподобныя совершенства ихъ зависятъ не только отъ нихъ самихъ, но главнымъ образомъ отъ самого Бога? Правда, нѣкоторымъ святымъ даются и многія божественныя дарованія духовныя, но они подвергаются и великимъ испытаніямъ. Святый апостоль Павелъ имѣлъ разнородные благодатные дары. Онъ имѣлъ дарованія и учительства, и пророчества, и глаголанія иноземными языками, и совершенія чудесъ; но сколько онъ вынесъ разныхъ бѣдъ и скорбей! Кромѣ того онъ имѣлъ постояннаго врага, запинавшаго ему: *за премногая откровенія да не превозношуся*, говоритъ онъ, *дадеся ми пакостникъ плоти, ангель сатанинъ, да ми пакости дѣетъ, да не превозношуся* (2 Кор. 12, 7). Гордость и неповиновеніе волѣ Божіей исказили въ человѣкѣ образъ Божій и изгладили въ немъ подобіе Божіе; только смиреніе и совершенное повиновеніе волѣ Божіей могутъ возстановить ихъ. И никто не можетъ сказать, что для него недостижима высота богоподобія. Сколько людей простыхъ и некнижныхъ еще на землѣ удостоились богоподобныхъ совершенствъ и чрезвычайныхъ дарованій божественныхъ: вѣдѣнія глубокихъ тайнъ Божіихъ и дивнаго владычества надъ природою!

Господи! Просвѣти лице Твое на ны и помилуй ны, да во свѣтѣ лица Твоего поидемъ и о имени Твоемъ возрадуемся во вѣки *).

Архимандритъ Сергій.

*) Произнесено 16 августа 1881 г. въ Спасскомъ соборѣ Андроніева монастыря.

УРОКИ ПОКАЯНІЯ ЗАИМСТВОВАННЫЕ ИЗЪ ЕВАНГЕЛІЯ ВЪ ВЕЛИКОМЪ КАНОНѢ СВ. АНДРЕЯ КРИТСКАГО.

Страшный судъ.

Егда, Судіе, сядеши, яко благоутробенъ, и покажеши страшную славу твою, Спасе: о! каковъй страхъ тогда, печи горящей, всмъ боящимся нестерпимаго судища (судилища) твоего! Мат. 25, 31.

Судіе мой и Владче мой (вѣдущій мепя), хотяй паки приити со Ангелы, судити міру всему, милостивнымъ твоимъ окомъ тогда видѣвъ мя, пощади и ущедри мя, Іисусе, паче всякаго естества чловѣча согрѣшивша.

Память страшнаго суда весьма спасительна въ дѣлѣ покаянія. Она способна пробудить отъ грѣховнаго усыпленія безпечнаго грѣшника страхомъ вѣчной гибели, угрожающей ему послѣ страшнаго суда, если онъ не обратится на путь покаянія, если въ продолженіе этой жизни пренебрежетъ долготерпѣніемъ Божиимъ, ожидающимъ отъ него покаянія. «По упорству своему и нераскаянному сердцу онъ самъ себѣ собираетъ гнѣвъ (Божій) на день гнѣва и откровенія праведнаго суда отъ Бога, Который воздастъ каждому по дѣламъ его» (Рим. 2, 5. 6). Праведное воздаяніе каждому по дѣламъ его начинается непосредственно по разлученіи души съ тѣломъ. «Лежитъ чловѣку единою упрети, потомъ же судъ» (Евр. 9, 27). На этомъ судѣ праведникамъ даруется блаженство, грѣшники же не раскаявшіеся, или не успѣвшіе явить плоды покаянія приговариваются къ адскимъ мученіямъ. Но до соединенія души съ тѣломъ, т.-е. до общаго воскресенія,

ни праведники не чувствуютъ полнаго блаженства, ни грѣшники не терпятъ совершеннаго мученія. Ибо тѣ и другіе послѣ частнаго суда получаютъ воздаяніе только покуда по одной душѣ, а не вмѣстѣ по тѣлу, хотя и тѣло раздѣляло съ нею дѣла ея, добрыя и злыя. Полное блаженство и полное мученіе возможны только для полнаго человѣка, состоящаго изъ души и тѣла. Такимъ образомъ частный судъ по смерти каждаго не есть полный,—притомъ онъ не есть и рѣшительный, ибо для грѣшниковъ, осужденныхъ на мученіе, остается еще возможность получить облегченіе въ страданіяхъ и даже вовсе освободиться отъ нихъ, по молитвамъ церкви, если только они перешли въ загробную жизнь въ общеніи съ церковію и передъ смертію положили начало покаянія. Полное и окончательное воздаяніе каждому по дѣламъ его ожидаетъ насъ въ послѣдній день міра, въ день всемірнаго суда. Этотъ судъ поистинѣ будетъ страшенъ. Страшно будетъ самое явленіе Судіи,—Господа Иисуса Христа. Онъ приходилъ на землю для искупленія людей, для примиренія ихъ съ Богомъ. Онъ же вторично придетъ на землю судить живыхъ и мертвыхъ. Первое пришествіе Его было уничиженно, второе будетъ величественно и славно. Онъ явится на облакахъ небесныхъ,—въ томъже человѣческомъ тѣлѣ, въ которое облекся въ первое свое пришествіе, но прославленномъ, свѣтломъ паче лучей солнечныхъ,—окруженный сонмами ангеловъ, имѣющихъ сопровождать Его, какъ Царя своего и Бога, и сядетъ на престолѣ славы своея. Явится тогда съ нимъ и знаменіе Его на небеси, святой крестъ, который въ первое Его пришествіе казался только орудіемъ Его уничиженія, теперь же будетъ знаменіемъ окончательной побѣды Его надъ всѣми врагами,—и между ними надъ послѣднимъ врагомъ—смертію, который послѣ всѣхъ упразднится. Явленіе Бога во славу всегда возбуждало въ людяхъ страхъ предъ Его величествомъ. Равно явленіе во славу Судіи живыхъ и мертвыхъ не можетъ не быть страшно для всѣхъ, имѣющихъ предъ

стать на судъ Его: въ однихъ это будетъ страхъ благоговѣнія предъ Его величествомъ, въ другихъ страхъ гнѣва Его. Но еще страшнѣе будетъ самый судъ. Никто не избѣжитъ его, никто не будетъ имѣть возможности уклониться отъ него. По гласу Божію, по звуку трубы Архангельской, предъ страшное судилище Христово предстанутъ всѣ люди, всѣ племена земныя, всѣ умершіе и оставшіеся въ живыхъ. Первые воскреснутъ на судъ, послѣдніе предстанутъ на судъ въ такомъ тѣлѣ, которое измѣнится, т. - е. подобно воскресшимъ получить видъ тонкаго и духообразнаго. На ряду съ людьми предстанутъ на судъ и злые духи. Вслѣдъ затѣмъ, какъ всѣ соберутся предъ лицомъ праведнаго Судіи, послѣдуетъ отдѣленіе однихъ отъ другихъ. Одни займутъ мѣсто по правую сторону престола Судіи, другіе—по лѣвую. Первые, то-есть праведники, почувствуютъ величайшую радость,—ибо увидятъ благоволеніе Божіе къ себѣ въ самомъ отдѣленіи ихъ отъ нечестивыхъ; послѣдніе, то-есть нечестивые, исполнятся крайняго страха и стыда. Вслѣдъ за тѣмъ разгнутся судныя книги съ записанными на нихъ дѣлами каждаго человѣка, добрыми и худыми, и не только дѣлами, но и словами и самыми совѣтами (сокровенными помыслами) сердечными, т. - е. во всей подробности выведены будутъ на свѣтъ эти дѣла, слова и помыслы (1 Кор. 4, 5). Не нужно будетъ тогда для оправданія однихъ, для обвиненія другихъ, ни допросовъ, ни защитниковъ и обвинителей: нравственное состояніе каждаго во всемъ свѣтѣ откроется предъ его совѣстію и передъ всѣмъ міромъ. Христіанскіе подвиги, которые праведникъ совершалъ въ тайнѣ и надъ которыми при жизни его многіе, можетъ быть, глумились, получаютъ тогда настоящую оцѣнку: онъ тогда увидитъ, что предъ очами Божіими не сокрыта была ни одна слеза раскаянія, записана у Господа даже чаша студеной воды, поданная во имя Его. Какою радостію и благодарностію исполнится тогда сердце праведника!—Но горе грѣшнику! Предъ совѣстію его, которую онъ заглушалъ во время земной жизни, воз-

стануть его беззаконія во всей ихъ мерзости, —зависть, обманъ, ненависть, гнѣвъ, хищеніе, пьянство, плотскія нечистоты, гордость, тщеславіе, лицемѣріе, и покроютъ его стыдомъ, тяжесть котораго увеличится оттого, что весь міръ узнаеть о нихъ. Въ настоящее время многіе согласятся лучше умереть, чѣмъ вынести обличеніе предъ подобными себѣ. Какой же стыдъ и ужасъ поразитъ грѣшника, когда предъ очами цѣлаго міра обнажатся всѣ его преступленія, которыя онъ совершалъ безнаказанно на землѣ, успѣвая скрыть ихъ отъ земнаго правосудія,—его гнусныя мысли и намѣренія, которыхъ никто не подозрѣвалъ здѣсь въ его благовидныхъ поступкахъ,—когда личина лицемѣрія, которою онъ прикрывался передъ ближними, снимется съ него и онъ предстанеть предъ всѣми во всемъ своемъ нравственномъ безобразіи! Обличеніе, какому подвергнутся тогда нечестивые, будетъ для нихъ такъ невыносимо, что въ порывѣ отчаянія они будутъ вопіять горами и скалами: «падите на насъ и сокройте насъ отъ лица Сѣдѣющаго на престолѣ» (Апок. 6, 16). Но вопль ихъ не будетъ услышанъ.—Уже въ самомъ отдѣленіи однихъ отъ другихъ каждый изъ имѣющихъ предстать на судъ узнаеть участь свою, но окончательно она рѣшена будетъ особымъ приговоромъ Судіи и Бога: «пріидите благословенніи Отца моего, и наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. — Идите отъ мене проклятіи во огонь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его» (Мат. 25, 34. 41). Исполнителями этого приговора будутъ ангелы. Они отдѣляютъ, на страшномъ судѣ, добрыхъ отъ злыхъ, какъ жнецы отдѣляютъ пшеницу отъ плевелъ, рыболовы—хорошую рыбу отъ негодной къ употребленію. Они же водворятъ праведныхъ въ царствѣ небесномъ, а осужденныхъ грѣшниковъ ввергнутъ въ печь огненную, въ огонь вѣчный (Мат. 13, 42. 50). Какъ бы кто ни понималъ эту печь, этотъ огонь, въ буквальномъ ли смыслѣ, или такъ, что и безъ вещественнаго огня осужденные грѣшники будутъ

испытывать такое же мучительное чувство, какъ еслибъ они горѣли въ сильнѣйшемъ вещественномъ огнѣ, во всякомъ случаѣ ничего нельзя представить ужаснѣе состоянія ихъ. Мучительно горѣтъ живому въ здѣшнемъ вещественномъ огнѣ; но по сравненію съ геенскимъ огнемъ здѣшній тоже, по ученію отцевъ, чтò огонь написанный на картинѣ въ сравненіи съ дѣйствительнымъ. — При томъ здѣшній вещественный огонь, испепеляя вещество, ослабѣваетъ и погасаетъ; но геенскій огонь, пожирая, въ тоже время питаетъ жертву свою, самъ питаясь ея негнѣніемъ,—жжетъ, но не сожигаетъ (Тертуліанъ и Златоустъ). И такое состояніе мучимыхъ въ огнѣ будетъ вѣчно: огонь ихъ не угаснетъ (Марк. 2, 42). Осужденные будутъ мучиться въ немъ во вѣки вѣковъ (Апок. 20, 10). Какъ блаженство праведниковъ будетъ вѣчно, такъ вѣчны будутъ и муки нечестивыхъ. До страшнаго суда еще возможно многимъ грѣшникамъ избавиться вѣчныхъ мукъ, перейти изъ ада въ рай; но страшный судъ тѣмъ-то преимущественно страшенъ, что на немъ однажды навсегда рѣшится участь грѣшниковъ, что это рѣшеніе безповоротно. И грѣшницю думать, чтобы оно было несправедливо. Не за чтò миловать того, кто всю жизнь прогнѣвляеть Господа грѣхами, упорнымъ противленіемъ Его святой волѣ. Господь умалилъ человѣка немногимъ чѣмъ предъ ангелами; а грѣшникъ уподобляетъ себя несмысленнымъ скотамъ. Господь далъ намъ все, что нужно для просвѣщенія, освященія и спасенія нашего,—разумъ и совѣсть, законъ и благодать, Спасителя и церковь, духовныхъ вождей и примѣры святаго житія; а грѣшникъ все это презираетъ. Господь многообразными средствами, мпlostями и наказаніями, призываетъ грѣшника къ поканію втеченіе всей его жизни, иногда продолжительной, долготерпитъ ему, ожидая отъ него обращенія; но грѣшникъ не внимаеть Его голосу, не внимаеть Его угрозамъ, что если не обратится, осужденъ будетъ на вѣчныя муки. Грѣшникъ знаетъ эти угрозы, и только глумится надъ

ними, подобно современникамъ Ноя. Итакъ праведенъ Господь и праведно осудить на вѣчныя муки того, кто дерзко пренебрегаетъ Его долготерпѣніемъ, на Его любовь и милосердіе отвѣчаетъ возмутительною неблагодарностію и нераскаянностію.

Скоро ли, или нѣтъ, наступить день страшнаго суда, къ нему всегда должно быть готову. Въ чемъ состоитъ приготовленіе къ нему? Въ томъ, чтобы всегда помнить его и памятію его удерживать себя отъ всего того, за что грозитъ вѣчное осужденіе. Достигнуть успѣха въ семъ дѣлѣ ни для кого не легко. Потому день послѣдняго суда долженъ быть страшенъ не только для грѣшниковъ, но и для праведниковъ, ибо нѣтъ ни одного истиннаго праведника, который бы вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ не почиталъ себя первымъ изъ грѣшниковъ, не исповѣдывалъ себя *паче всякаго естества человѣча согрѣшившимъ*,—если только онъ будетъ судить о своемъ нравственномъ состояніи не по сравненію съ жизнью другихъ людей, но по требованіямъ закона Божія. Стать въ уровень съ этими требованіями, вполне осуществить ихъ въ жизни ни для кого невозможно. Потому и оправданія на страшномъ судѣ Христовомъ мы можемъ ожидать собственно не отъ дѣлъ нашихъ, какъ бы они ни казались намъ совершенны, но главнымъ образомъ отъ милосердія Божія, по вѣрѣ въ искупительныя страданія и смерть Богочеловѣка, за насъ претерпѣвныя. Но когда настанетъ день страшнаго суда, тогда прибѣгать къ сему милосердію будетъ поздно. Судъ сей будетъ единственно откровеніемъ правды Божіей, воздающей каждому по дѣламъ его, то-есть по тому, воспользовался ли онъ, и какъ воспользовался въ земной жизни дарованными ему благостію Божіею средствами спасенія. Итакъ, грѣшная душа, если не хочешь быть осужденною на страшномъ судѣ, поспѣши отвратить это осужденіе дѣлами покаянія въ настоящей жизни. Если хочешь, чтобы пощадилъ тебя праведный Судія на своемъ страшномъ судѣ, умолай Его объ этой пощадѣ теперь, пока Онъ терпитъ твоимъ грѣхамъ, продолжая твою жизнь

въ этомъ мірѣ въ ожиданіи отъ тебя покаянія. Помни, что на страшномъ судѣ даже праведникъ едва спасется, а нечестивый и грѣшный гдѣ явится (1 Петр. 4, 18)?

Дверь твою не затвори мнѣ тогда, Господи, но отверзи мнѣ сію кающемуся. Лук. 13, 25—28.

Для надлежащаго разумѣнія сего покаяннаго стиха должно имѣть въ виду притчу Христову о домохозяинѣ, не допускающемъ къ себѣ въ домъ опоздавшихъ гостей. Подъ домохозяиномъ разумѣетъ Христосъ Себя самого, подъ домомъ—царство небесное, подъ гостями—вѣрующихъ въ Него. Наступитъ время страшнаго суда, и послѣдуетъ окончательное рѣшеніе участи каждаго. Однимъ откроется входъ въ царство славы, для вѣчнаго блаженнаго общенія съ Богомъ. Для другихъ закроются двери царствія. Напрасно они будутъ взывать: Господи, Господи! отвори намъ. Онъ скажетъ имъ: не знаю васъ, откуда вы. Напрасно они станутъ напоминать Ему о своихъ прежнихъ отношеніяхъ къ Нему: мы ѣли и пили предъ Тобою, и на улицахъ нашихъ училъ ты.—Должно полагать, что подъ этимъ образомъ въ притчѣ представляются христіане только по наружности. Они внѣшнимъ образомъ принадлежали къ обществу вѣрующихъ, соединялись съ ними по временамъ въ храмѣ Божіемъ, причащались св. таинъ, особенно любили присутствовать въ многолюдныхъ праздничныхъ церковныхъ собраніяхъ (*улицяхъ*), и здѣсь слушали слово Христово изъ Евангелія или изъ устъ пастырей;—но жизнь свою не походили на истинныхъ христіанъ, по имени были христіане, по дѣламъ же язычники, если не хуже ихъ, — калялись во грѣхахъ, но безъ сердечнаго сокрушенія и безъ желанія исправиться, — всю жизнь проводили въ грѣховной безопасности, съ нею перешли и въ загробную жизнь. Имъ грозитъ осужденіе непосредственно по смерти на частномъ судѣ; но рѣшительный судъ поразитъ ихъ въ день

второго пришествія Христова. Христось, праведный Судія, окончательно отвергнетъ ихъ тогда: не знаю васъ, отойдите отъ меня всѣ дѣлатели неправды. Передъ людьми они могли казаться честными и даже праведными,—потому что люди судятъ о другихъ только по наружности, своею благовидностію легко могущей обмануть зрителя,—и только на страшномъ судѣ откроется предъ всѣми, что это были беззаконники. Ихъ раскаяніе не будетъ принято тогда,—время для него упущено. Всю жизнь они злоупотребляли благостію и долготерпѣніемъ Господа, призывавшаго ихъ къ покаянію,—имъ осталось пожать плоды своего упорства во грѣхахъ. Господь не отворитъ имъ двери царствія, потому что они сами не отверзали дверей своего сердца для Его благодати, зовущей ко спасенію (Апок. 3, 20). Помни это, грѣшная душа, и уготовляй себѣ входъ въ царство небесное дѣлами покаянія: только кающемуся здѣсь отворены будутъ на страшномъ судѣ двери сего царствія.

Нагъ есмь (я остался внѣ) чертога, нагъ есмь и брака, купно и вечера (лишился и брачной вечера). Свѣтильникъ угасе, яко беззелейный, чертогъ заключися мнѣ спящу, вечера спядесе: азъ же по руку и ногу связанъ, вонъ низверженъ есмь.

Урокъ покаянія въ семь стихѣ заимствованъ изъ двухъ евангельскихъ притчъ: о брачной вечера (Мат. 22, 2—14) и о десяти дѣвахъ (Мат. 25, 1—13).

Въ притчѣ о брачной вечера изображается отверженіе іудеевъ и призваніе, вмѣсто ихъ, въ царство Божіе, т.-е. въ церковь Христову, язычниковъ. Учредителемъ вечера является въ притчѣ царь, случаемъ къ учрежденію ея—бракъ царскаго сына. Подъ царемъ разумѣется здѣсь Богъ Отець, подъ царскимъ сыномъ Единородный Сынъ Божій. Подъ бракомъ — воплощеніе Его, или тѣснѣйшее, подобно брачному, соединеніе въ лицѣ Іисуса божества

съ человѣчествомъ. Духовныя блага и радости — плоды воплощенія Сына Божія—представляются подъ образомъ вечери или пира въ царскомъ чертогѣ,—знаменующемъ церковь Христову, или царство Христово, въ которомъ вѣрующіе многоразличными средствами благодати приготавливаются къ участию въ царствѣ славы. Отверженіе іудеевъ представлено въ притчѣ подъ образомъ суроваго наказанія тѣхъ, которые не приняли отъ царя приглашенія на пиръ по случаю брака сына его. Іудеи неоднократно,—чрезъ пророковъ, Предтечу, самого Христа и апостоловъ приглашаемы были въ церковь Христову, но отказались войти въ нее, и за то, что оскорбили и перебили тѣхъ, чрезъ кого получили приглашеніе, наказаны тѣмъ, что городъ ихъ (Іерусалимъ) сожженъ, и сами они были при этомъ перебиты. вмѣсто ихъ призваны и вступили въ церковь язычники,—хорошіе и худые. Но тѣ и другіе соединены въ церкви только до тѣхъ поръ, покуда она существуетъ какъ царство благодати, всѣхъ милующей и терпящей даже недостойныхъ членовъ церкви. Въ день второго пришествія Христова царство благодати прекратится и послѣдуетъ разлученіе однихъ отъ другихъ, рѣшительное (ибо по смерти каждаго оно не для всѣхъ рѣшительно). Это разлученіе въ притчѣ изображается такъ: когда гости собрались на пиръ, царь, устроившій его по случаю брака сына своего, вошелъ въ пиршественное собраніе и замѣтивъ здѣсь одного изъ гостей не въ брачной одеждѣ, хотя тотъ получилъ ее отъ царя,—приказалъ связать ему руки и ноги, вывести вонъ изъ свѣтлага чертога и ввергнуть въ темничное заключеніе, мѣсто плача и скрежета зубовъ.—Не менѣе ужасна участь христіанина, вступившаго въ церковь Христову посредствомъ крещенія, но несохранившаго дарованной Ему въ крещеніи благодати оправданія, которая, какъбы одежда, прикрываетъ нашу духовную наготу и укрываетъ отъ гнѣва Божія. Ему дарована возможность посредствомъ покаянія возвратить сію благодать; но если онъ не пользуется

этою возможностью, если живет не похристіански,—онъ тоже что некрещеный, хотя принадлежитъ къ обществу крещеныхъ и вмѣстѣ съ прочими допущенъ къ участию въ молитвахъ и таинствахъ церкви, вмѣстѣ съ прочими присутствуетъ на семъ пиру духовномъ. Для истиннаго христіанина это присутствіе не менѣе вождельнно и радостно, какъ для подданнаго вождельнна и радостна честь присутствовать на царскомъ брачномъ пиру. Но христіанинъ только по имени нимало не дорожитъ тѣмъ, что радуется истинныхъ христіанъ, не раздѣляетъ ихъ духовной радости и къ духовной вечерѣ относится съ такимъ же пренебреженіемъ, какое показалъ явившійся въ царской чертогъ на пиръ не въ брачной, пожалованной царемъ одеждѣ. Послѣдній былъ строго наказанъ за свою дерзость. Не миновать наказанія и христіанину, не дорожащему благодатию Божіею,—ризой правды, пожалованною ему царемъ Богомъ въ крещеніи, и живущему въ христіанскомъ обществѣ не похристіански. Пусть церковь не исключаетъ его въ сей жизни изъ числа своихъ членовъ, пусть терпитъ его въ своихъ нѣдрахъ на ряду съ истинно вѣрующими. Онъ соединенъ съ ними въ царствѣ благодати, но не будетъ дано ему вмѣстѣ съ ними мѣсто въ царствѣ славы. Царь небесный на страшномъ судѣ осудитъ его на вѣчное заключеніе въ адской темницѣ, гдѣ онъ вѣчно будетъ плакать отъ нестерпимой муки, и скрещетъ зубами отъ злобы на себя за то, что пренебрегъ въ земной жизни средствами спасенія. — Грѣшная душа! переносись почаще мыслію въ положеніе челоуѣка, изверженнаго изъ свѣтлаго царскаго чертога во тьму кромѣшнюю, и говори себѣ: вотъ и я могу довести себя до подобной участи, если не позабочусь объ умилостивленіи Господа покаянiемъ и исправленіемъ себя. Помилуй Богъ, если до самаго конца земной жизни останусь въ состояніи духовнаго нечувствiя,—тогда я погибла на вѣки. Тогда придется увидѣть, что *я онъ царскаго чертога*,—т.-е. общества спасаемыхъ, удалена *отъ брака и вечера*,—т.-е. отъ радости и бла-

женства общенія съ Богомъ въ церкви Его. Я не цѣнила блага общенія съ Богомъ въ земной жизни,—даже пренебрегала этимъ благомъ, и вотъ теперь оно совсѣмъ для меня недостижимо! Мнѣ уже теперь невозможно вмѣстѣ съ прочими водвориться въ чертогъ славы,—я однажды навсегда удалена отъ него,—и лишена возможности поправить свое положеніе. Было время, когда отъ меня зависѣло спастись. Время это невозвратно: *я связана по рукамъ и ногамъ*,—свободы располагать собою уже не имѣю.—Такъ долженъ размышлять каждый грѣшникъ въ виду угрожающей ему опасности быть низвержену въ мѣсто плача и скрежета зубовъ. Пусть онъ почаще спускается въ это страшное мѣсто мыслию, чтобы не попасть туда на дѣйствительныя вѣчныя муки.

Предостереженіе отъ тойже опасности заключается также, по указанію разсматриваемаго стиха, въ притчѣ о десяти дѣвахъ: *свѣтильникъ угасе, яко безъелейный, чертогъ заключися мнѣ спящу, вечера спидесе*. Въ этой притчѣ изображается второе пришествіе Христова. Образъ взятъ отъ жениха, ведущаго свою невѣсту изъ дома ея отца въ свой домъ. Онъ приходитъ съ нею къ своему дому въ полночь. Ожидавшія его прихода десять дѣвъ заснули, и разбужены громкимъ кликомъ: се женихъ грядетъ. Но не всѣ изъ нихъ готовы были встрѣтить жениха. Его надобно было встрѣтить съ зажженными свѣтильниками. Свѣтильники были у всѣхъ десять дѣвъ, но у пяти изъ нихъ не достало елеса для возженія свѣтильниковъ. Елеса взять было не гдѣ, позднія попытки достать его оказались безуспѣшными, и неразумныя дѣвы, не успѣвъ встрѣтить жениха, какъ встрѣтили его прочія подруги ихъ, не были пущены имъ въ домъ его для участія въ брачномъ торжествѣ. На просьбу ихъ: Господи, Господи, отвори намъ, женихъ сказалъ: не знаю васъ. — Подобно сему опасность быть отвергнуто Христомъ во второе Его пришествіе грозитъ тѣмъ христіанамъ, которые, хотя знаютъ, что Христосъ придетъ

судить живыхъ и мертвыхъ, не готовятся встрѣтить Его и живутъ въ духовной безопасности, не удерживая себя страхомъ суда Христова отъ грѣховныхъ дѣлъ. Какъ члены церкви Христовой, они не лишены средствъ спасенія, не обдѣлены предъ прочими вѣрующими дарами благодати Божіей, милующей и спасающей. Еще въ младенчествѣ они пріяли ихъ въ сосудъ своей души. Но они не уберегли это драгоценное сокровище. Сначала присутствіе въ нихъ благодати Божіей обнаруживалось въ нихъ живою вѣрою и любовію къ Богу: свѣтъ этой вѣры и любви ярко горѣлъ въ нихъ, питаемый елеемъ благодати Святаго Духа (елей—образъ и проводникъ благодати Святаго Духа), наполнявшей ихъ душу, какъ елей наполняетъ лампу. Но съ теченіемъ времени вслѣдствіе ихъ духовной безопасности оскудѣлъ въ нихъ этотъ елей. Душа ихъ явилась пустымъ сосудомъ. Сосудъ остался, но жизни духовной въ немъ не стало; форма, наружность христіанская, уцѣлѣла, но подъ нею скрывается нечестіе. Горе душѣ христіанской, если въ этомъ жалкомъ состояніи застанетъ ее второе Христово пришествіе, если она предстанетъ Христу съ однимъ безъелейнымъ сосудомъ, безъ запасовъ благодатной жизни!—Не попасть ей въ чертогъ славы, двери его заключены будутъ на вѣки. Духовная вечеря, духовныя радости общенія съ Господомъ и святыми Его, угодованы въ семь чертогѣ только тѣмъ душамъ, которыя всю жизнь проводили въ приготовленіи къ вѣчности, находились въ постоянномъ напряженномъ ожиданіи втораго пришествія Христова и хотя по временамъ засыпали, ослабляли духовную бдительность, но и въ этомъ состояніи сердце ихъ бодрствовало (*азъ сплю, но сердце мое бдитъ*), и они всегда готовы были предстать Христу на судъ Его. Подражай имъ, душа грѣшная.

Приближается, душе, конецъ, приближается, и нерадшии, ни готовишия: время сокращается, возстани, близъ при дверехъ Судія есть. Яко соніе (сновидѣніе), яко цвѣтъ, время житія течетъ: что всеу мѣтемяся? Матѳ. 24, 33. Іак. 5, 9.

Господь Иисусъ, предрекая свое пришествіе на судъ надъ Іерусалимомъ и свое второе пришествіе на всемірный судъ, сказалъ: «не пройдетъ родъ сей, какъ все сіе сбудется» (Мат. 24, 34). Въ первомъ случаѣ Христосъ имѣлъ въ виду родъ, или поколѣніе современныхъ ему людей, которые дѣйствительно дожили до разрушенія Іерусалима спустя 36 лѣтъ послѣ сего пророчества. Но въ отношеніи ко второму пришествію подъ родомъ имѣющимъ дожить до него разумѣется, по мнѣнію Златоуста, родъ вѣрныхъ Христу. Этотъ родъ, сколько бы гоненій и бѣдствій ни претерпѣлъ, не пресѣчется до втораго пришествія Христова, до самой кончины міра. Когда же именно послѣдуетъ это событіе?—Христосъ не открылъ ни дня, ни часа, когда оно случится. «Въ онѣже часъ не мните, Сынъ человѣческой придетъ» (Мат. 24, 44). Но Онъ указалъ признаки приближенія времени своего втораго пришествія: физическія бѣдствія, появленіе лжеучителей, лжепророковъ, повсемѣстное распространеніе Евангелія, мятежи и войны,—и сказалъ: «отъ смоковницы возьмите подобіе: когда вѣтви ея становятся уже мягки и пускаютъ листья, то знаете, что близко лѣто. Такъ когда увидите все сіе (*означенные признаки*), знайте, что близко, при дверяхъ» (— 32. 33) Господь и Судія. Пусть указанные признаки таковы, что по нимъ нельзя рѣшительно судить, насколько мы приблизились ко времени втораго пришествія; несомнѣнно по крайней мѣрѣ то, что чѣмъ дольше живетъ человѣчество, тѣмъ оно ближе къ этому времени. И если смотрѣть на теченіе времени съ точки вѣчности, т.-е. сравнивать время съ вѣчностію, то завтра ли, или чрезъ нѣсколько тысячелѣтій наступитъ второе пришествіе, во всякомъ случаѣ оно къ

намъ близко, потому что въ сравненіи съ вѣчностію царства Божія по пришествіи Христовомъ разстояніе между нашимъ временемъ и этимъ событіемъ всегда будетъ незначительно, коротко. Вотъ почему второе пришествіе Христово было ожидаемо еще со временъ апостольскихъ. Ап. Іаковъ писалъ современнымъ ему христіанамъ, утѣшая ихъ въ гоненіяхъ: «долготерпите и укрѣпите сердца ваши, потому что пришествіе Христово приближается. Вотъ Судія при дверяхъ» (Іак. 5, 8. 9). Со временъ апостольскихъ прошло 18 столѣтій. Стало-быть живущіе въ 19 столѣтіи подошли еще ближе къ времени пришествія Судіи. Не заключается ли въ этомъ для каждаго сильнѣйшаго побужденія къ тому, чтобы всегда быть наготовѣ къ срътеніи Судіи?—Но готовишься ли ты къ сему, грѣшная душа? Не проводишь ли время земной жизни въ небреженіи о вѣчномъ спасеніи, забывая, что временная жизнь дана тебѣ для приготовленія къ вѣчности? Если такъ, ты находишься въ опасности быть застигнутою врасплохъ пришествіемъ Судіи и быть осужденною на вѣки за духовную безпечность. Поспѣши возстать отъ духовнаго усыпленія, не теряя времени даннаго для спасенія, помни, что ты не вѣчная жилица на этомъ свѣтѣ, что рано или поздно тебѣ неизбежно разстанется съ земными благами и радостями, пристрастіе къ которымъ убиваетъ въ тебѣ помышленіе о благахъ вѣчной жизни. Смотри, не пришло бы тебѣ, по окончаніи временной жизни, раскаяться въ томъ, что ты въ продолженіе ея не заботилась о стяжаніи ихъ. Помни, что время скоротечно, какъ сновидѣніе, какъ полевой цвѣтъ. Какъ бы ни было пріятно сновидѣніе, нельзя его продлить по произволу,— оно разсѣвается по пробужденіи. Какъ бы ни было усладительно для взора зрѣлище красиваго полеваго цвѣтка, оно кратковременно, — цвѣтокъ скоро отцвѣтаетъ и блекнетъ. Такова и временная жизнь. Блага и радости земныя скоротечны. Стоить ли изъ-за нихъ забывать вѣчность? Стоить ли, съ опасностію потерять вѣчное блаженство, всю жизнь проводить въ погонѣ за земнымъ счастіемъ, большею частію мечтательнымъ, какъ сновидѣніе, и непрочнымъ, какъ жизнь цвѣтка? — Что всеу мѣтемся?—

Прот. В. Нечаевъ.

ПИСЬМА

къ разнымъ лицамъ и о разныхъ предметахъ
вѣры и жизни.

XXIII *).

Не разобравши изъ перваго твоего письма, что тебѣ нужно, я просилъ тебя написать о томъ пояснѣе. А ты, опять ничего почти не сказалъ. Сказалъ слова два, но они такъ неопредѣленны, что не догадаешься, какія у тебя мысли.

Пишешь: «видимое наружными глазами и всѣ обряды и законы я обратилъ назадъ, а понимаю въ обратномъ смыслѣ».

Только и есть у тебя въ отвѣтъ на мой вопросъ. А тутъ все не ясно. Что значить: «обратилъ назадъ», и: «понимаю въ обратномъ смыслѣ?»

Если подѣ — «обратилъ назадъ», ты хотѣлъ сказать, что ставишь внѣшніе церковные чины и обряды въ дѣлѣ спасенія не на первомъ мѣстѣ, *не напередѣ*, а на второмъ — *позади*; то это правильно. Такъ и сама св. церковь разумѣеть, — что все ея внѣшнее устроеніе есть только выраженіе внутренняго христіанскаго настроенія душъ и ведетъ къ возбужденію и укрѣпленію сего внутренняго. Существо же дѣла есть внутренняя жизнь, — чтобъ духомъ въ Богѣ жить.

А если ты *обратилъ* все сіе *назадъ* въ томъ смыслѣ, что все бросилъ, будто не нужное, то ты неправильно

*) См. въ Душ. Чт. 1880 года книжки за январь, февраль, апрѣль, май и іюнь.

разсудилъ и сдѣлалъ. Безъ внѣшняго намъ нельзя оставаться въ дѣлѣ обращенія къ Богу и содѣванія спасенія. Такъ мы устроены, что внутреннее наше требуетъ своего выраженія во внѣ, и само требуетъ внѣшняго для своего возбужденія и укрѣпленія. И видимъ изъ исторіи, что какъ ни хотѣли иные быть духовными, отъ внѣшняго однакожь совсѣмъ отрѣшиться не могли, и бросивъ общехристіанское, заводили свое. Тоже вѣроятно и у тебя есть, или будетъ, если ты пошелъ, или пойдешь этою дорогою. А это крайне неразумно и богопротивно.

Внѣшніе чины св. церкви въ главномъ и существенномъ учреждены св. Апостолами, а дополнены и въ настоящій видъ приведены св. церковію чрезъ св. отцевъ, по внушенію Духа Святаго и руководенію Господа Спасителя, который есть глава церкви. Такимъ образомъ, если ты все сіе отвергъ, или отвергнешь; то ты станешь, или станешь богоборцемъ,—и разсуждаешь, или будешь разсуждать не по Божьему,—и поступаешь, или будешь поступать противъ воли Божіей.

Врагъ многихъ уже сбиль съ пути, внушая, что Богу надо служить духовно и что внѣшнее бросить надо. Справедливо, что Богу надо служить духовно; но чтобъ дойти до духовнаго служенія, надо прежде поупражняться во внѣшнемъ, и затѣмъ достигши духовнаго, если кому Богъ дастъ, поддерживать, оживлять и укрѣплять сіе духовное необходимо опять тѣмъже внѣшнимъ. Дѣтямъ гдѣ вдругъ братья за духовное? Пусть прежде поучатся служить Богу внѣшно; а подростутъ, — научатся служить Ему и духовно. Но научившись и духовно Богу служить, они не бросятъ и внѣшняго; потому что оно, подобно подкладыванію дровъ въ печь, разогрѣваетъ и разжигаетъ внутреннее духовное. Такой и видимъ мы порядокъ въ церкви Божіей. Всѣ угодники Божіи такъ дѣйствовали, какъ видимъ изъ ихъ житій. — Хочешь подобно имъ спасенія улучшить, подражай имъ въ семъ. Содержи и исполняй все содержимое церковію; но на этомъ одномъ не оста-

навливайся, а восходи выше, къ духовному, и все вниманіе обращай на созиданіе духа, или на внутреннюю жизнь,—чтобъ въ сердцѣ всегда быть съ Богомъ. Если ты такъ поступать будешь, то это настоящее будетъ дѣло.

Что значать такъже слова твои: «понимаю въ обратномъ смыслѣ»? Все, видимое въ церкви, имѣетъ духовный смыслъ; но онъ не обратный, а настоящій, какъ и сама св. церковь учитъ понимать все свое. Такъ если ты все внѣшнее церковное, кромѣ видимости, стараешься понимать и по внутреннему духовному его смыслу; то это добръ. Если же ты этими своими словами иное что хотѣлъ сказать, то смотри, какъ бы не оказалось то неодобрительнымъ. Вотъ и напиши, чтѣ и какъ ты понимаешь. Духовный смыслъ всего внѣшняго церковнаго давно уже предлагается вниманію вѣрующихъ, со словъ богумудрыхъ учителей нашихъ. А самому братья за это дѣло не совѣмъ безопасно. Тотчасъ можно запутаться и набрести на мысли богопротивныя.

Ты обще сказалъ: церковные обряды и законы,—и вѣрно все, сущее въ церкви святой, внѣшнее ставишь на одну линію. Если такъ, то ты ошибочно судишь. Надобно изъ всего внѣшняго въ церкви выдѣлять и ставить въ особый, высшій всего, разрядъ семь божественныхъ таинствъ, Господомъ Спасителемъ учрежденныхъ для сообщенія вѣрующимъ божественной благодати, безъ коей нѣтъ спасенія. Въ церкви Божіей слово Божіе, содержащее богооткровенную истину, и божественныя таинства, благодать сообщающія, суть тоже чтѣ зѣницы очесъ. И дорожи ими, какъ дорожишь зѣницами глазъ своихъ. Всѣ же другіе чины церкви, хотя тоже священны и должны быть благоговѣнно чтимы, но не могутъ идти въ сравненіе съ семью св. таинствами. Эти таинства, хотя видимы, но содержать и сообщаютъ божественную благодать,—и помимо ихъ божественной благодати получить нельзя; слѣдовательно и спасеніе улучшить. Всѣ же другіе чины церкви только способствуютъ къ возгрѣванію благодати, а

сообщать ее не сообщаютъ.—Напечатлѣй сіе въ умѣ своемъ покрѣпче.

Такъ видишь, какъ опасно обращать назадъ все внѣшнее церковное, если ты разумѣешь подъ «обращать назадъ»—оставлять совсѣмъ. Оставляя то, оставишь таинства; а оставивши таинства, разоришь дѣло спасенія своего. Не разсуждай, почему такъ. Такъ благоволилъ устроить самъ Господь Спаситель, который не сталъ бы обременять насъ не нужнымъ, еслибъ таинства не были нужны. Напиши на сердцѣ: кто чуждается св. таинствъ, тотъ безблагодатенъ, т.-е. Духа Св. не имѣеть. А кто Духа Св. не имѣеть, тотъ не-Христовъ. А кто не-Христовъ, то и не-Отчъ.—Видишь?—Кто чуждается св. таинствъ, тотъ чуждъ Пресвятыя Троицы. Внемли, брате. Кому же свой тотъ, кто для св. Троицы чужой?!

Церковные чины и обряды ты назвалъ внѣшними, для глазъ видимыми. Это не совсѣмъ правильная рѣчь. Видимы только дѣйствія и положенія молящихся и священнодѣйствующихъ, мѣсто и время. Но это не составляетъ существа обрядовъ церкви. Существо ихъ есть совокупность молитвословій, составляющихъ извѣстный чинъ церковный. Молитвословія же всѣ представляютъ образъ возношенія ума и сердца нашего къ Богу, какое подобаетъ имѣть при извѣстномъ священнодѣйствіи. Такимъ образомъ видишь, что есть обрядъ церковный? Есть возбужденіе и водруженіе въ умахъ и сердцахъ молящихся и священнодѣйствующихъ, приличнаго извѣстному случаю молитвеннаго возношенія къ Богу, чрезъ рядъ читаемыхъ или поемыхъ молитвословій при извѣстныхъ дѣйствіяхъ и положеніяхъ участвующихъ въ томъ. Если ты такъ поймешь церковные чины и обряды; то никакъ не можешь назвать ихъ только внѣшними, для глазъ видимыми,—когда существо ихъ состоитъ во внутреннемъ къ Богу молитвенномъ возношеніи. То правда, что со стороны смотря, ты видишь только внѣшнія дѣйствія и положенія совершающихъ обряды и участвующихъ въ томъ; но ты

неправъ, ограничивая однимъ этимъ внѣшнимъ и все твое пониманіе обряда. И на человѣка смотря, ты видишь только тѣло, голову, руки, ноги и проч.; но никакъ не можешь сказать, что человѣкъ и есть весь только то, что видится очами. Ибо главное въ немъ душа, дѣлающая его человѣкомъ. Такъ и въ обрядахъ, не внѣшнее видимое, а внутреннее домышляемое составляетъ существо дѣла. Изволь такъ понимать, и — свое «внѣшними глазами видимые обряды» — брось, а говори: молитвы церковныя.

Кто обрядовъ чуждается, тотъ чуждается молитвъ церковныхъ; а кто молитвъ церковныхъ чуждается, тотъ лишаетъ себя великаго обѣтованія Господня: «гдѣ два или три собраны во имя мое, тамъ и Я посредѣ ихъ».

Кончаю мою рѣчь. Я сказалъ тебѣ все, что казалось нужнымъ, судя по твоимъ словамъ. Если не попалъ, на желаніе сердца твоего, то вина тому не моя. Зачѣмъ написалъ ты такъ загадочно?—Если потребно еще что, пиши, но пиши просто и ясно, чтобъ я видѣлъ, чего тебѣ хочется.

ПОУЧЕНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПРОЛОГА.

XCVI.

Благотворность молитвы за умирающихъ.

(Изъ слова Святаго Григорія папы Римскаго о монашѣ, иже данъ бысть змѣви на снѣдь грѣха ради, и молитвами братіи избавленъ бысть. Прол. февр. 12. л. 665).

Бсѣ мы, братіе, обязаны, по христіанской любви, молиться другъ о другѣ во всякое время, какъ и говоритъ Апостоль: молитесь другъ за друга (Іак. 5, 16); но молитва наша должна быть особенно усердною и горячею за тѣхъ изъ ближнихъ нашихъ, которые приближаются къ смерти. Умирающіе особенно нуждаются въ молитвѣ, и усердная молитва за нихъ освобождаетъ ихъ отъ ужасовъ часа смертнаго, а иногда выздоровленіе имъ приноситъ.

Св. Григорій, папа Римскій, рассказываетъ слѣдующее: «Въ моемъ монастырѣ жилъ одинъ благочестивый инокъ. Къ нему однажды пришелъ братъ его и также сталъ проситься въ монастырь. Приняли. Но увы! Пришелець повелъ жизнь иную, чѣмъ братъ его. Онъ нисколько не заботился о душѣ, не исполнялъ устава, осуждалъ, наряжался и терпѣть не могъ, когда кто начиналъ говорить ему о загробной жизни и о покаяніи. Нѣсколько разъ собирались гнать его, но, каждый разъ, по нежеланію огорчить благочестиваго брата его, оставляли. Но вотъ чрезъ нѣсколько времени постигла нерадивца жестокая болѣзнь, и онъ слегъ на смертный одръ. Когда тѣло его стало охладѣвать, братія окружили его и ста-

ли молиться. Въ это время умирающій вдругъ вскричалъ: «уйдите, уйдите отъ меня! Ужасный змѣй держитъ въ страшной пасти мою голову и только васъ ради пожрать совсѣмъ не можетъ. Отойдите же, чтобы перестать мнѣ мучиться; пусть онъ пожретъ меня и окончитъ мои страданія». «Что ты? перекрестись», сказали ему. «Да не могу, отвѣчалъ онъ, ибо змѣй давитъ меня». Иноки тогда стали еще усерднѣе молиться, и молитва ихъ осталась не тща. Скоро больному стало лучше, и онъ, обрадованный, сказалъ: «слава Богу! Вотъ змѣй, которому я преданъ за грѣхи мои, оставилъ меня и бѣжить. Помолитесь же еще о мнѣ; я отъ сердца хочу исправиться и начать новую жизнь». И помолились. И что же? Жизнь его была пощажена, онъ совершенно исправился, и въ покаяніи и благочестіи пребылъ до смерти.

Видя отсюда благотворность молитвы за умирающихъ, спѣшите съ ней къ одру ихъ. Очень можетъ быть, что она спасетъ болящаго и воздвигнетъ его Господь; но уже совершенно несомнѣнно, что молитва ваша принесетъ ему духовную пользу, облегчитъ ему борьбу съ предсмертными діавольскими искушеніями, и поможетъ ему умереть похристіански, да и вамъ облегчитъ скорбь разлуки съ нимъ. Аминь.

ХСVII.

О терпѣніи.

(Изъ слова отъ Патерика о нѣкоемъ монасѣ, иже исходдаше изъ монастыря въ монастырь, не терпя досады отъ братій. Прол. февр. 15. л. 672)

Есть люди, которымъ кажется хорошо только тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Съ кѣмъ они ни поживутъ, на всѣхъ жалуются, что всѣ для нихъ не хороши, всѣ ихъ обижаютъ. «Вотъ еслибы тамъ-то я могъ поселиться, говорятъ, тамъ бы другое дѣло». Все они чего-то ищутъ, все пе-

ребѣгаютъ съ мѣста на мѣсто. Что же, найдутъ ли они когда покой? Если не оставятъ своей горячности и не терпѣливости, никогда не найдутъ; если же вооружатся терпѣніемъ и разсудительностію, то найдутъ очень скоро.

Нѣкоторый инокъ имѣлъ пребываніе въ общежительномъ монастырѣ, и здѣсь пять братій любили его, а одинъ оскорблялъ. Инокъ не стерпѣлъ оскорбленій и ушелъ, думая найти спокойствіе, въ другую обитель. Тутъ восемь братій стали любить его, а двое ненавидѣть. Онъ побѣжалъ въ третью. Здѣсь семь возлюбили его и пять возненавидѣли. Что дѣлать? «Пойду, сказалъ монахъ, еще куда нибудь, тамъ мнѣ лучше будетъ». И отправился въ монастырь четвертый. На пути въ оный, сѣвши однажды отдохнуть, инокъ задумался. «Что же выйдетъ, сказалъ онъ самому себѣ, если я буду бѣгать съ мѣста на мѣсто? Вѣдь тогда я и въ цѣломъ мірѣ не найду спокойствія. Стану лучше терпѣть». И съ этими словами взялъ хартію и написалъ: «буду все терпѣть ради Іисуса Христа, Сына Божія!» Привязавши это написаніе къ поясу, онъ пришелъ въ новый монастырь и остался жить. Какъ въ прежнихъ было, такъ случилось и здѣсь. Спустя самое малое время опять начали обижать его. Но онъ уже не унывалъ. Какъ только получалъ отъ кого оскорбленіе, онъ тутъ же прочитывалъ свое написаніе и тотчасъ успокоивался. На послѣдокъ терпѣніе его совершенно восторжествовало. Оскорблявшіе испросили у него прощеніе и перестали обижать его.

Итакъ, бр., не свойство людей, съ которыми мы живемъ, дѣлаетъ насъ счастливыми или несчастными, а то свойство, которое иы сами въ себѣ образуемъ, живя съ людьми. Люди—вездѣ люди, не ангелы. И мы не на небѣ, а на землѣ. И потому вмѣсто того чтобы думать, что намъ не хорошо отъ того, что люди, съ которыми мы живемъ, не хороши, лучше оглянуться на себя и думать, что намъ не хорошо отъ того, что мы сами не хороши,

или проще—взять терпѣніе. Терпѣніе есть лекарство отъ всѣхъ непріятностей, и умѣть терпѣть значитъ умѣть спокойно жить. Аминь.

ХСVIII.

Добродѣтели суть ступени лѣстницы, ведущей къ небу.

(Притча отъ Патерика душеполезна. Прол. февр. 17. л. 664).

Между святоотеческими поученіями и совѣтами встрѣчаются притчи весьма поучительныя и для спасенія души весьма полезныя. Нынѣ приведу одну изъ нихъ.

Одинъ простолюдинъ, человѣкъ благочестивый, пришелъ однажды, въ обществѣ другихъ многихъ христіанъ, къ преподобному Пимену и просилъ у него наставленій. Пименъ отвѣчалъ: «сегодня самъ ты скажи слово къ братіи». Пришлецъ воскликнулъ: «мнѣ ли окаянному говорить, отче?» «Тебѣ, вмѣстѣ съ Пименомъ сказали всѣ, и настояли, чтобы говорилъ простецъ. Тогда послѣдній сказалъ: «человѣкъ я неученый и сказать не могу ничего кромѣ слѣдующей, слышанной мною отъ одного великаго отца, притчи. Вотъ она: нѣкто пожелалъ видѣть царя и просилъ одного изъ друзей проводить его къ царю. Другъ согласился и сказалъ: «провожу тебя до половины пути». Тогда человѣкъ тотъ обратился къ второму другу и сталъ также о проходахъ просить. И этотъ согласился и сказалъ: «провожу тебя до дворца». Наконецъ желавшій видѣть царя сталъ просить третьяго друга и отъ этого получилъ согласіе проводить и ввести къ самому царю». «Что же, спросили послѣ сего говорившаго, значитъ эта притча?» Онъ объяснилъ. «Первый другъ, сказалъ, есть постъ, который доводитъ насъ до середины спасительнаго пути. Второй—цѣломудріе, доводящее насъ до небесъ; а третій—послушаніе, вводящее

насъ съ дерзновеніемъ къ Богу». Всѣ получили пользу и прославили Бога.

Чѣмъ же, спросите, эта притча поучительна? А тѣмъ, бр., что она показываетъ, что добродѣтели имѣютъ между собою неразрывную связь; что онѣ суть какъ бы ступени лѣствицы, ведущей къ небу, и что стяжавъ одну, вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны заботиться и о снисканіи другой и т. д. Въ указанной притчѣ сказано, что ко спасенію, между другими, ведутъ постъ, цѣломудріе и послушаніе. Откиньте какую нибудь изъ сихъ добродѣтелей, мыслимо ли будетъ спасеніе? Очевидно нѣтъ. Держитесь поста и послушанія, но оставьте цѣломудріе,—вы погибли; возьмите постъ и цѣломудріе, но не имѣйте послушанія, довѣрьтесь одному своему уму,—опять тоже. Такъ, братія, ревнуя о своемъ спасеніи, мы не должны думать, что для спасенія достаточно одного какого либо подвига съ нашей стороны. Къ одному подвигу будемъ прилагать другой; преуспѣвая въ одной добродѣтели, будемъ заботиться о стяжаніи другой и о преуспѣяніи въ ней. Только подъ этимъ условіемъ благонадежно наше спасеніе.

Свящ. Викторъ Гурьевъ.

РЕЗОЛЮЦИИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

1862, авг. 28. «Къ сожалѣнію посторонніе, участвующіе въ крестныхъ ходахъ, не всегда находятъ порядокъ оныхъ совершеннымъ. Нужно, чтобы благочинные тщательно напомнили священнослужителямъ, со всѣмъ вниманіемъ соблюдать порядокъ шествія, и не допускать ничего, что можетъ разстроивать его, не обращать вниманія на посторонніе предметы, ни входить въ разговоры, главное же никакъ не забывать, что крестный ходъ есть шествіе молитвенное, и содержать себя въ молитвенномъ расположеніи духа. Такое внутреннее расположеніе удобно образуетъ и охранить и внѣшній порядокъ».

Сент. 12. «Имѣю причины вновь напомнить московскому духовенству, чтобы каждый усилилъ вниманіе къ соблюденію строгаго порядка въ крестныхъ ходахъ; чтобы каждый постоянно содержалъ себя въ молитвенномъ расположеніи духа; чтобы никто не вступалъ въ привѣтствія или разговоры съ кѣмъ бы то ни было; чтобы вниманіе къ порядку не было ослабляемо и во время обратнаго шествія крестнаго хода. Нашъ долгъ нашимъ молитвеннымъ духомъ возбуждать молитвенный духъ въ народѣ. Какъ виновны будемъ мы, если не только сего не достигаемъ, но еще нашею невнимательностію будемъ развлекать вниманіе другихъ, или вводить ихъ въ искушеніе осуждать насъ!»

1850, дек. 9. «Случай особенный. Мужъ и дѣти входятъ въ церковь. Жена удерживаетъ въ отчужденіи отъ церкви дочь (*девятимлѣтнюю*), и препятствуетъ приведенію брака (*совершеннаго на рогожскомъ кладбищѣ*) въ законное и благословенное положеніе. Сдѣлать ей увѣщаніе еще разъ консисторіи, и если окажется нужнымъ, представить ее преосвященному (*Филовею*) для увѣщанія».

1848, сентяб. 13. «Подано (*прошеніе двороваго челоуька о представленіи его къ награды за спасеніе утопленника крестьянина въ рѣкѣ Ворѣ*) въ Берлюковской пустынѣ по литургіи на пути въ трапезу, когда и прочитано было не удобно. По непринадлежности дѣла до духовнаго вѣдомства оставить сіе прошеніе безъ дѣйствія; а если про-

сителъ явится узнать рѣшеніе, то объявить ему совѣтъ: благодарить Бога, давшаго случай спасти жизнь ближняго, и за сіе ожидать лучше милости Божіей, нежели искать награды человѣческой».

Обращенный изъ евреевъ унтеръ-офицеръ отдалъ свою квартиру подъ свадьбу бывшимъ своимъ единовѣрцамъ. Собралось евреевъ болѣе 30 чел.; въ томъ числѣ былъ и раввинъ. Собравшіеся начали упрекать новообращеннаго, бывшаго ихъ единовѣрца, за принятіе христіанской вѣры и предлагали ему очень много денегъ, чтобы онъ возвратился къ прежней вѣрѣ; но видя его непреклоннымъ, вся партія евреевъ избила его, какъ хотѣлось ей, и надѣлала безобразій; почему и просилъ онъ митрополита произвести по сему слѣдствіе: пусть зло откроется, а правда верхъ возьметъ.— Резолюція отъ 28 апрѣля 1867 года: «Просителъ самъ погрѣшилъ, и сдѣлался виною непріятности для себя: потому что, какъ вѣрный и искренній православный христіанинъ, онъ не долженъ былъ входить ни въ какія сношенія съ евреями, и не привлекаться къ сему корыстью; какъ благоразумный человѣкъ, долженъ былъ предвидѣть, что самъ себя ставитъ въ опасное положеніе среди евреевъ. Притомъ прошеніе сіе неудобно къ разсмотрѣнію и потому, что оно не представляетъ ни свидѣтелей, ни другихъ доказательствъ. Можетъ искать правосудія, гдѣ слѣдуетъ; а еще болѣе достойно христіанина поступить, если простить обиду съ терпѣніемъ, безъ желанія мщенія и, по Апостольскому слову, останется съ радостію, что за имя Христово безчестіе пріялъ».

1856, дек. 21. «Текстъ хорошъ: но картина неодобрительна *). Что неправословные составляютъ глумительныя картины, это дѣло ихъ вражды и темнаго суевѣрія. Православію прилично и о врагахъ говорить безъ глумленія. Притомъ картина не соотвѣтствуетъ тексту. Текстъ говоритъ словами священнаго Писанія о волкахъ въ одеждахъ овчихъ; въ картинѣ волчьи головы, а одежда человѣческая; вмѣсто рукъ волчьи лапы, а ноги человѣческія».

*) Картина подъ заглавіемъ: „Обличеніе суевѣрства“ содержитъ въ себѣ выписку изъ „Розыска“ о раскольникахъ, соч. св. Димитрія Ростовскаго.

1855, марта 3. «Предписать священнику Б—ву, чтобы старался возбудить въ дѣтяхъ охоту къ ученію вразумленіями, занимательнымъ преподаваніемъ и отеческимъ обращеніемъ; чтобы и родителей (*поселянъ*) вразумлялъ о пользѣ ученія; чтобы о непосѣщающихъ училище ученикахъ давалъ знать родителямъ и ихъ начальству для побужденія съ ихъ стороны».

Сообщилъ Арх. Григорій.

ПИСЬМО МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА

къ синодальному оберъ-прокурору графу Н. А. Протасову.

Сіятељнѣйшій графъ, милостивый государь! Сообщенный мнѣ в. с—вомъ проектъ формы общаго допесенія о состояніи епархіи разсмотрѣвъ, и соглашаясь въ главномъ, я позволилъ себѣ однако свободу отдѣльно отъ онаго сдѣлать изложеніе тогоже предмета, которое при семъ и препровождаю.

Мнѣ казалось соотвѣтственнымъ цѣли устранить иной вопросъ легкой, но могущій обратиться въ случай только къ благовидному повѣствованію вмѣсто полезнаго свѣдѣнія, и не колебаться ввести вопросъ трудный, котораго нельзя ожидать скорога удовлетворительнаго разрѣшенія, но который самымъ усиленіемъ разрѣшить его направляетъ вниманіе и дѣятельность на существенно нужное и полезное.

Впрочемъ внеся посильно лепту моего труда въ общее дѣло, предоставляю оное разсмотрѣнію св. Синода.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, и пр. августа 14-го 1847 г.

Сообщ. Арх. Григорій.

ТОЛКОВАНІЕ

ПЕРВАГО ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА КЪ ТИМОФЕЮ.

3) *Какъ дѣйствовать на пасомыхъ и ихъ руководить*, — 3, 14—6, 19.

Здѣсь св. Павелъ сначала даетъ наставленіе А) вообще о достодожномъ пастырствованіи, — ученіи, назиданіи, руководствѣ, наиболѣе съ той стороны, какъ пастырю себя къ тому подготовлять и какъбы воспитывать, — 3, 14—4, 16; а потомъ Б) указываетъ, какъ учить и руководить пасомыхъ, судя по ихъ разнымъ состояніямъ, — 5—6, 19.

А) Общія наставленія о достодожномъ пастырствованіи, — 3, 14—4, 16.

Не будемъ впередъ указывать частныхъ въ семь отдѣленій подраздѣленій, а будемъ означать ихъ по теченію апостольскаго слова.

а).

На первомъ мѣстѣ ставитъ св. Апостолъ указаніе, что единственный руководитель учителю истинны въ истинѣ есть св. церковь, и что первая истина ученія его есть: *Богъ явился во плоти*. — Но этому предпосылаетъ онъ вѣкое утѣшеніе любимому ученику своему, — недавно отъ него осиротѣвшему.

Гл. 3. Ст. 14. *Сія пишу тебѣ, уповаю прійти къ тебѣ скоро.*

Сія пишу—не предыдущее только, но и послѣдующее, сіе посланіе пишу, *уповаю прійти къ тебѣ скоро*. Послѣднія слова не ту внушали св. Тимоѳею мысль, будто св. Павелъ пишетъ только кое-что, гожее на время, пока придетъ, а когда придетъ, сообщитъ болѣе важное и полное. Ибо посланіе содержитъ важныя и подробныя наставленія. Напротивъ, они должны были служить для него утѣшеніемъ въ скорби, которую могла навѣять сія самая полнота и подробность наставленій. Видя это, св. Тимоѳею могъ подумать: вѣрно не воротится уже дорогой мой отецъ и любимый паставникъ,—подумать и пачать скорбѣть. Въ предотвращеніе такого думанія и такой скорби Апостоль удостоверяетъ: *сія пишу*, не какъ прощальное завѣщаніе, но уповаю, что скоро и самъ къ тебѣ ворочусь. Св. Златоустъ говоритъ: «дабы чрезъ то, что дѣластъ ему наставленіе касательно такихъ предметовъ, не повергнуть ученика въ скорбь, Апостоль говоритъ: не потому я пишу это, что уже больше не приду къ тебѣ; напротивъ, я приду. Впрочемъ, если случится, что замедлю, то, говоритъ, ты не сокрушайся объ этомъ. Такимъ образомъ онъ пишетъ сіе къ Тимоѳею съ тою цѣлію, чтобъ облегчить скорбь его; что же касается до прочихъ (имѣвшихъ читать посланіе Ефесеянъ, то это служило къ тому) — чтобы воздвигнуть ихъ отъ недѣятельности и сдѣлать болѣе ревностными. Ибо его присутствіе, хотя бы оно было только обѣщано, могло сдѣлать много».

Ст. 15. *Аще же замедлю, да увѣси, какъ подобаетъ въ дому Божіи жити, яже есть церковь Божіа жива, столтъ и утвержденіе ѿмилыи.*

Что подробное даю наставленіе, то это на случай, если замедлю. Тебѣ надобно знать, какъ слѣдуетъ жить и дѣйствовать среди вѣрующихъ, какъ архипастырю. Я и пишу тебѣ объ этомъ подробно. Хотя ты все почти знаешь, видѣвши, какъ мы съ тобою благоустроили церкви Божіи;

но и тебѣ нужно напоминаніе, чтобъ освѣжая въ мысли, какъ все въ церкви бываетъ благообразно, ты увѣреннѣе соотвѣтственно тому дѣйствовалъ, не приходя въ смущеніе при сплетеніи обстоятельствъ и не сбиваясь отъ того съ долгаго пути. Но болѣе нужно это для другихъ, чтобъ видѣли, что ты получилъ заповѣдь именно такъ, а не иначе дѣйствовать, а не дѣйствуешь по своему произволу.

«Въ словахъ: *уповаю прійти... аще же замедлю*— Апостоль обнаруживаетъ незнаніе; потому что такъ говорить свойственно незнающему» (св. Злат.). Св. Павелъ, какъ и всѣ Апостолы, ревностно и неутомимо дѣйствовалъ, исполняя возложенное на него дѣло: строилъ планы, обдумывалъ средства. Но при этомъ и ходъ дѣла и успѣхъ въ немъ предавалъ въ волю Божию, ко всякому задуманному шагу прилагая: аще волею Божіею благопоспѣшенъ буду. Онъ все предавалъ водительству Божию, которое могло совсѣмъ другое дать направленіе его движенію, нежели какое онъ думалъ имѣть, какъ это уже не разъ испыталъ. «Почему такъ какъ онъ во всемъ водился Духомъ и по своей волѣ ничего не дѣлалъ изъ того, что дѣлалъ, то и сказалъ такъ перѣшительно» (св. Злат.). Бл. Феодоритъ пишетъ: «ни божественные пророки, ни богомудрые Апостолы не предвидѣли всего. Что служило на пользу, то и открывала имъ благодать Духа. Сіе означаетъ и незнаніе, выраженное въ настоящихъ словахъ Апостола. Ибо сказавъ: *уповаю прійти*, присовокупилъ: *аще же замедлю*. Ибо часто задерживала его какая нибудь потребность (или извѣщеніе свыше). Посему говоритъ: пишу это, научая, какъ должно вести себя тѣмъ, кому вѣрено попеченіе о другихъ; потому что *домомъ Божіимъ* и *церковію* назвалъ онъ собраніе вѣрующихъ».

Какъ подобаетъ жити,—*κλῆτρον εἶναι*,—обращаться,—себя держать, и съ другими сноситься и на нихъ дѣйствовать,—*ἐν τῷ οἴκῳ τοῦ Θεοῦ*,—въ церкви или обществѣ вѣрующихъ. Пастырь пасетъ. Непасущій пастырь — какой

пастырь? Его дѣло быть среди пасомыхъ и дѣйствовать: учить, назидать, исправлять, утѣшать, отрезвлять, защищать,—«упорядочивать церковь» (Амвр.), или стадо вѣрующихъ. Къ этому и направляются теперь наставленія Апостола. Сказанное предъ симъ есть какъбы предисловіе къ нижеслѣдующимъ наставленіямъ.

Домъ Божій, церковь Бога жива есть общество вѣрующихъ. Богъ вездѣ есть, но въ церкви Онъ есть особеннымъ образомъ,—есть внутри каждаго изъ вѣрующихъ, а чрезъ то и въ цѣломъ сонмѣ ихъ,—тоже не вѣшно, но внутренно, всѣхъ животворя, одушевляя и объединяя, и ихъ другъ съ другомъ и всѣхъ съ Собою. Богъ Отецъ обѣтовалъ: *вселюся въ нихъ и похожду* (2 Кор. 6, 16). Богъ Сынъ удостовѣрилъ: *се Азъ съ вами есмь во вся дни* (Мѡ. 28, 20). О Духѣ Святомъ дано свидѣтельство: *храмъ Божій есте и Духъ Божій живетъ въ васъ* (1 Кор. 3, 16). Трѣипостасный Богъ,—живый и зиждяй,—живетъ въ сонмѣ вѣрующихъ, въ тѣлѣ церкви. Тайну сію открылъ Спаситель, говоря: *Азъ во Отца моему, и вы во Мнѣ, и Азъ съ васъ* (Іоан. 14, 20),—прибавимъ изъ другихъ мѣстъ: благодатію и дѣйствіемъ Св. Духа. «Не говори, что церковь люди собрали. Она есть дѣло Бога,—Бога живаго и страшнаго, а не мертваго и немощнаго, каковы боги еллиновъ» (Θеоф.). «Она Богомъ устроается, Богу посвящается и Бога имѣетъ живущимъ въ себѣ» (Экум.).

Но и церковь особеннымъ образомъ имѣетъ Бога въ себѣ живущимъ,—не такъ какъ вещественный домъ своего владѣльца. Этотъ не состоитъ въ союзѣ съ живущимъ въ немъ и не чувствуетъ, какъ онъ живетъ. А церковь, животворямая живущимъ въ ней Богомъ, сочетана съ Нимъ живымъ союзомъ и чувствуетъ живущимъ Его въ себѣ, чувствуетъ и то, что живетъ Имъ,—и что поэтому паче и есть домъ Его. Богъ творитъ Себѣ домъ изъ душъ, обращая ихъ къ себѣ, очищая, освящая и преисполняя, и Собою всѣхъ исполняя, всѣхъ сочетаваетъ во едино, и живыхъ и отшедшихъ, и всѣхъ содержитъ въ живомъ между собою единеніи.

Сія - то церковь есть столпъ и утверженіе истины. Ибо есть церковь Бога жива, который есть Богъ истины, или самая истина. Почему все въ ней истинно, — истинно исповѣданіе, вѣры, истинно освященіе таинствами, истинно благодатствованіе, истинна жизнь по Богу, Богомъ въ ней зиждемая, истинна помощь Божія, истины обѣтованія, животворящія труждающихся въ домѣ Божіемъ, — все истинно въ ней; и въ другомъ гдѣ либо мѣстѣ не ищи истины. Есть подобія нѣкія истины и внѣ ея; но настоящая истина только въ ней. Возрадуйся и благослови Бога, истинствующаго въ церкви, и тебя содѣлавшаго причастникомъ своей истины и соинникомъ ея!

Слова: *столпъ и утверженіе* выражаютъ твердость, непреложность и неизмѣнность истины. Но церковь есть собраніе человѣковъ, которые обычно измѣнчивы: какъ же она столпъ и твердыня истины? Церковь такую есть, яко домъ Бога живаго, единаго истинствующаго, и какъ союзъ человѣковъ обоженныхъ. Истинные сыны церкви — человѣки, но не какъ человѣки. Всѣ человѣки — не настоящіе, вслѣдствіе паденія, человѣки; а тѣ, которые вступаютъ въ церковь, благодатію Божіею дѣлаются истинными человѣками. Истина водворяется во всемъ ихъ существѣ. Почему отъ нихъ должна исходить одна истина. Сіе все творитъ живущій въ нихъ Богъ живой и истинный. Церковь есть столпъ истины, какъ твердо и непоколебимо стоящая въ истинѣ и хранящая ее, — есть утверженіе (истины), какъ успокоительница умовъ, когда они взволнованы бываютъ прившедшею ложью. Потому обязательно то считать истиннымъ, чтó содержитъ вся церковь, и возникающія недоумѣнія рѣшать голосомъ церкви, выражаемымъ соборомъ пастырей.

Наши толковники между прочимъ проводятъ здѣсь ту мысль, что св. церковь христіанская есть истина въ отношеніи къ церкви ветхозавѣтной, въ которой все было тѣнь ея. — Бл. Теофилактъ пишетъ: «церковь есть истины

совмѣщеніе. Ибо все, въ ней совершаемое, истинно, а не сѣновидно, не образно, каково то, что въ церкви подзаконной: вмѣсто звонковъ въ ней свѣтлоблестящая проповѣдь; вмѣсто дорогихъ украшеній одеждъ (священныхъ) преславная жизнь, внутренними богатая плодами; архіерей въ ней— Сынъ Божій; великая жертва—божественное тѣло Его» (сокращенно изъ св. Злат. и Экум.).

Ст. 16. *И исповѣдуемо, всмія есть благочестія тайна: Богъ явися во плоти, оправдася въ Душѣ, показася ангеломъ, проповѣданъ бысть во языцехъ, впроеся въ міръ, вознесеса во славу.*

Вотъ какой истины церковь есть столпъ и утвержденіе: *Богъ явися во плоти!* Сію истину св. церковь возвѣщаетъ и подтверждаетъ самымъ существованіемъ своимъ. Ибо она есть зданіе, коего основаніе есть Христосъ Господь (1 Кор. 3, 11); есть тѣло, коего глава есть Онъ же,—Богъ Слово, содѣлавшееся плотію. Какъ видящій живое тѣло, въ этомъ самомъ имѣетъ удостовѣреніе о главѣ, и видящій прочное зданіе—удостовѣреніе объ основаніи: такъ видящій церковь удостовѣряется, что несомнѣнно *Богъ явися во плоти.*

Поминая о семъ, Апостолъ имѣлъ въ мысли представить вниманію, что эта истина не такова, что прячется въ какомъ либо безвѣстномъ уголкѣ, но истина повсюдная, повсюду возглашаемая и признаваемая, и на небѣ между ангелами, и на землѣ между всѣми народами, — по всей твари она проповѣдуется, вѣруется, прославляется. Это нужно было представить, чтобъ въ умѣ св. Тимоѣея напечатлѣть неотложное требованіе: вотъ какой истины держись! Ею мѣрай всякосъ ученіе, и все несообразное съ нею отвергай.

Но впереди сего онъ счелъ нужнымъ указать, что это всюду возвѣщаемое не есть что либо легкое, пикакой трудности къ приятію того не представляющее, а напротивъ есть тайна, и тайна великая: чѣмъ и вниманіе къ

ней сильное возбуждалъ, и дорожить ею научалъ, и давалъ разумѣть, что ничего другаго большаго никто уже открыть и показать не можетъ.

И исповѣдуемо, велія есть благочестія тайна.—Благочестіемъ назвалъ Апостолъ нашу вѣру (Экум.) христіанскую; а *тайною благочестія* то, что сущность вѣры нашей сокровенна, и по причинѣ непостижимости ся, и по причинѣ сокровенности ея дѣйствія въ насъ. Зародилась она въ тайнѣ тріипостаснаго Бога прежде вѣкъ, и приведена въ исполненіе непостижимѣйшимъ для всѣхъ тварныхъ умовъ образомъ, и усвоется или причастными себя дѣлаеть вѣрующихъ тоже сокровенно: ибо какъ *духъ, идѣже хоцетъ, дышетъ, и гласъ ея слышаша, но не стси, откуда приходитъ, и камо идетъ: тако есть всякъ рожденный отъ Бога* (Іоан. 3, 8). Сокровенно и то, чѣмъ завершается такое начало новаго рожденія, именно — живое общеніе съ Богомъ чрезъ Господа Спасителя благодатію Духа Святаго, общеніе, въ коемъ Богъ есть дѣйствующій вся во всѣхъ (1 Кор. 12, 6), безъ нарушенія однакожь свободы и безъ отъятія цѣны и достоинства у дѣйствій ея.

Велика же сія тайна нашего *благочестія*,—и по лицу устроившему его, и по силамъ или средствамъ употребляемымъ для усвоенія его, и паче по концу, коимъ завершится дѣйствіе его, т.-е. обновленію чеба и земли и возсіянію блаженнаго царствія Божія,—и велико *исповѣдуемо*; ибо только что кто узнаеть о ней и обозритъ умнымъ окомъ все возвѣщаемое и обѣщаваемое сю, не можетъ удержаться, чтобъ не воззвать: велія тайна!—Безпрекословно и неудержимо всѣми исповѣдуется величіе ея. Самые невѣры, хотя не признають истины вѣры нашей, не могутъ не признать, что содержаніе ея пренебесно, возвышенно,—выше и величественнѣе всего, что могли бы придумать самыя великіе, ангельскіе умы.

Или—велика тайна, какъ тайна, яко глубоко таинственная и непостижимая, — и это *исповѣдуемо*, т.-е. безпрекословно всѣми признается она непостижимой, педомы-

слимою, неизслѣдимую, «неподлежащую изысканію», какъ говоритъ св. Златоустъ. Созерцая ее, какъ она открыта, изумляйся, какъ дѣлали всѣ святые, восходившіе къ такому созерцанію, исповѣдуя притомъ и величіе ея и непроницаемую таинственность. Проникнуть же во глубину ея не пытайся и не напрягай своего малаго ума, чтобъ и его не потерять.

Богъ явился во плоти... вознесся въ славу. Апостолъ описываетъ или изображаетъ сію тайну не со стороны сущности ея, а со стороны явленія ея,—представляетъ все теченіе сего ея проявленія. Богъ подвигся съ неба и низшедши на землю, принявъ на себя человѣческое плотяное естество, совершилъ великія знаменія и чудеса, даже въ самой смерти, понудившія увѣровать, что Онъ есть воистину Богъ, вознесся на небо, срѣтенный, сопровождаемый, исповѣдуемый и прославляемый ангелами, оттуда Духа божественнаго ниспослалъ, которымъ просвѣщенные, укрѣпленные и воодушевленные Апостолы, прошедши всю землю, всѣмъ языкамъ возвѣстили о предивномъ семъ дѣлѣ,—явленія Бога во плоти, и всюду насадили вѣру въ мірѣ,—каковое насажденіе и дало бытіе церкви, *яже есть столтъ и утвержденіе истины* ссй. Въ сихъ немногихъ словахъ Апостолъ совмѣстилъ все исповѣданіе вѣры нашей.

Богъ явился во плоти, не такимъ явленіемъ, какимъ являлся праотцамъ, но такимъ, въ коемъ *Слово-Богъ плоть бысть и вселися въ ны* (Ин. 1, 14),—съ человѣками почеловѣчески поживе, принявъ въ свою упостась наше плотяное естество, чтобъ совершить воплощенное домостроительство нашего спасенія, и потомъ навсегда уже пребыть Богомъ ненагимъ и человѣкомъ непростымъ, чтобъ и ходатайствовать о насъ выну. Бл. Феодоритъ пишетъ: «сущій Богъ и Божій Сынъ, имѣя невидимое естество, когда во-человѣчился, содѣлался для всѣхъ явнымъ. Ясно же научилъ насъ Апостолъ о двухъ естествахъ, сказавъ, что естество Божіе явилось во плоти». «Воистину сіе есть *велия тайна*, говоритъ св. Златоустъ; потому что чело-

вѣкъ содѣлался Богомъ, Богъ человѣкомъ». Всѣ видѣли человѣка, но не могли не исповѣдать, что Онъ — Богъ. Такъ неотразимо печатлѣлось Имъ въ сознаниі всѣхъ, что *въ Немъ обитаетъ вся полнота божества тѣлеснѣ* (Кол. 2, 9).

Почему вслѣдъ за симъ и говорить Апостолъ: *оправдася въ Дусѣ*. Было признано, что Онъ воистину, или праведно, есть то, чѣмъ себя именовадъ, т.-е. Сынъ Божій и Богъ. Онъ явно всѣмъ говорилъ, что есть Сынъ Божій, равный Богу Отцу. Въ семъ словѣ своемъ Онъ *оправдася*. Какъ? *Въ Дусѣ*,—проявленіями божескаго всемогущества, всевѣдѣнія и святости,—властію надъ природою видимою и надъ духами невидимыми. Слово—*оправдася* никакъ нельзя къ Богу воплощенну прилагать въ такомъ же смыслѣ, какъ оно прилагается къ людямъ оправдываемымъ. «Какою правдою *оправдася* сама — Правда, Солнце правды, по слову Малахіи (—4, 2), что означаетъ явленнѣйшую и чистѣйшую правду? Какъ таковой, Онъ не оправдывается, а оправдываетъ. Почему и пророкъ сказалъ о Немъ: *уже грѣха не сотвори, ниже обрѣтется лествъ во устнѣхъ Его* (Ис. 53, 9)» (Экум.).—«*Оправдася въ Дусѣ* — значить, что Онъ Духомъ Божиимъ творилъ чудеса, какъ Самъ говорить: *аще ли Азъ о Дусѣ изглаголю бѣсы* (Мѣ. 12, 28). Чудесами доказано и сдѣлано явнымъ, что Христосъ — истинный Богъ и Сынъ Божій. Такъ и сотникъ, у креста видя, что колеблется земля, и вселенная наполнилась мглою, воскликнулъ: *воистину человекъ сей Сынъ бѣ Божій* (Мр. 15, 39)» (Θеод.). Почему св. Іоаннъ свидѣтельствуетъ: *и видѣхомъ славу Его, славу, яко Единороднаго отъ Отца* (Іоан. 1, 14). Какъ это совершилось и у всѣхъ, объ этомъ въ другомъ мѣстѣ говорить свят. Павѣль,—удостоверяя, что бывший отъ сѣмене Давидова по плоти нареченъ,—всѣми признанъ—Сыномъ Божиимъ *въ силѣ, по Духу святыни, изъ воскресенія отъ мертвыхъ* (Рим. 1, 4).

Показася Ангеломъ.—Показася,—οφθη,—узрѣнъ былъ. Ибо

и Ангелы не видятъ божескаго естества, какъ оно есть, а только въ проявленіяхъ Его. Слова Спасителя: *Ангелы... выну видятъ лице Отца моего небснаго* (Мѳ. 18, 10), указываютъ на умное лицезрѣніе Бога, или видѣніе Его въ томъ, чѣмъ благоугодно Ему проявлять имъ Свое невидимое присутствіе. Но въ Господѣ Спасителѣ они узрѣли Его осязательнѣе. Въ глазахъ душа видна. Въ очахъ Богочеловѣка можетъ быть узрѣнъ Богъ и въ такой мѣрѣ, въ какой способны воспріять лучи сіянія божества очи, смотрящія на Него. Св. Златоустъ и говоритъ: «слѣдовательно и ангелы вмѣстѣ съ нами увидѣли Сына Божія, а прежде не видѣли Его. Поистинѣ великая тайна!» — Тоже пишетъ и бл. Θεодоритъ: «невидимаго Божія естества не видѣли и Ангелы, увидѣли же воплотившееся». Ибо отъ самаго рожденія Бога во плоти до вознесенія были при Немъ, въ вознесеніи сопровождали Его и по вознесеніи окружаютъ престолъ Его. Блаженный Теофилактъ пишетъ: «о, таинство! Съ нами и ангелы увидѣли Сына Божія, не видѣвши Его прежде. Ибо, говоритъ Евангеліе, *се ангелы приступиша и служаху Ему* (Мѳ. 4, 11). И не здѣсь только, но отъ самаго рожденія до вознесенія они служили Ему. Во время рожденія Ангелы поютъ пѣснь Ему и благовѣствуютъ о Немъ пастырямъ; и во время вознесенія служатъ Ему».

Или не разумѣтъ ли здѣсь св. Павелъ нѣкакого особаго явленія Господа Спасителя міру ангельскому по вознесеніи,—такого явленія, въ коемъ они узрѣли богочеловѣчество во всей Его пренебесной славѣ. Что нѣчто подобное вѣроятно было совершено на небесѣхъ, на сіе указываютъ слова Апостола Павла: *егда же паки вводитъ первороднаго во вселенную, глаголетъ: и да поклонятся Ему вси Ангели Божіи* (Евр. 1, 6),—чему быть умѣстно было только по минованіи состоянія уничиженія и вступленія въ славу, какая имѣема была *прежде міръ не бысть* (Іоан. 17, 5),—и слова Ап. Петра: *уже есть одесную Бога, возшедъ на небо, покоршимся ему ангеломъ и властемъ и*

силамъ (1 Петр. 3, 22).—Такая мысль видна у Амвросіаста: *«показася Ангеломъ, уже не въ уничиженномъ видѣ, но въ величіи силы и власти. Ибо Онъ до тѣхъ поръ видѣнъ былъ въ смиренномъ зракѣ по причинѣ плоти, пока, побѣдивъ смерть, воскресъ изъ мертвыхъ,—и узрѣно было величіе Того, Кто бывъ рожденъ какъ человѣкъ не былъ весь человѣкомъ. И ангелы, познавъ таинство, прежде сокровенное и теперь явленное во плоти, преклонили колѣна предъ Нимъ, яко предъ Богомъ, благодареніе воздая».*

Проповѣданъ бысть во языцехъ — Апостолами, коимъ дана заповѣдь *научить всѣ языки* (Мѡ. 28, 19), и кои *изшедше проповѣдаху всюду, Господу поспѣшствующу и слово утверждающу послѣдствующими знаменми* (Мр. 16, 20). Ко времени написанія сего посланія едва ли оставался языкъ, неслышавшій благовѣстія Евангелія. Языки, нѣкако отверженные и въ нечаяніе вложшіеся,—не народъ,—призваны въ народъ и, наряду съ народомъ, ущедрены всѣми сокровищами, сокрытыми въ воплощенномъ домостроительствѣ, которое чрезъ сіе является осчастливленіемъ всего человѣчества.

Вѣровася въ міръ. «По всей вселенной услышали о Немъ и увѣровали въ Него. На это указываетъ Пророкъ, когда говоритъ: *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ* (Псал. 18, 4)» (св. Злат.). «Онъ не только *проповѣдася*, но и увѣровали въ Него; и отъ увѣровавшихъ пріемлетъ божеское поклоненіе» (Θеод.). «Что служитъ великимъ знаменіемъ силы Проповѣданнаго, и истины проповѣди» (Θеоф.).

Вознесеся во славу. «Хотя совершилось сіе прежде проповѣди; но Апостолъ отнесъ это на конецъ, научая, что справедливо увѣровали проповѣди; потому что повелѣвшій проповѣдывать—на небесахъ, и имѣетъ сѣдѣніе одесную» (Θеод.). Но въ какой славу вознесеся?—Хотя «самое то—вознестися, преславно» (Экум.); но надо полагать, что вознесеніе Господне было сопровождаемо особою нѣкою славою, не видѣнною людьми, но узрѣнною

Ангелами и воспѣтою ихъ славословіемъ. Въ моментъ вознесенія видимъ присущими ангеловъ, которые Апостоламъ возвѣстили только о будущемъ явленіи Господа во славѣ, сами конечно и видя и воспѣвая ее въ сіе самое время. Они были оторваны на мгновеніе отъ торжества, бывшаго въ ту минуту въ міру ангельскомъ. А что оно было, о семъ дають разумѣть всѣ мѣста, говоряція о прославленіи Господа по воскресеніи и вознесеніи. Ангельскій міръ получалъ теперь новое устройство и торжествовалъ вступленіе въ него. Духъ Божій открылъ о семъ Апостоламъ,—и они сказали о семъ намъ.

Такова великая тайна нашего благочестія, и вмѣстѣ сила воплощеннаго домостроительства, по всему пространству вселенной возвѣщаемая, исповѣдуемая и дивно дѣйствующая. Она — основаніе церкви, которая въ силу сей тайны ей вѣрной и есть столпъ и утверженіе истины. Она — основаніе спасенія всякаго вѣрующаго. Спасеніе зачинается воспріятіемъ ея, зрѣть подъ дѣйствіемъ ея и завершается вступленіемъ спасаемаго въ самое сердце ея. Вѣрующему чаще надлежитъ поминать о ней, нежели какъ часто дышать. Это будетъ пренебеснымъ свѣтомъ обливаетъ и его жизнь и все сущее; отсюда воодушевленіе, отсюда нравственная крѣпость, отсюда окрыляющая надежда. Но, какъ замѣчаетъ св. Златоустъ, вѣрующіе, не въ похвалу себѣ, не совѣмъ являются вѣрными въ семъ отношеніи. «Замѣть, говоритъ онъ, что св. Павелъ промышленіе Божіе о насъ (въ воплощенномъ домостроительствѣ) вездѣ называетъ тайною, — и справедливо. Ибо она не была извѣстна, даже и Ангеламъ не была открыта; объявлена же уже церковію.—Будемъ же жить сообразно съ достоинствомъ сей тайны. Тѣ, которымъ довѣряются тайны, въ нѣкоторомъ смыслѣ великіе люди. Еслибы царь вѣрилъ намъ какую либо тайну; то скажи мнѣ, уже ли бы мы непочли этого признакомъ великаго къ намъ благоволенія? Между тѣмъ нынѣ Богъ вѣряетъ намъ свою тайну,—и мы, какъ буд-

то не великое сдѣлаю для насъ благодареніе, остаемся неблагодарны къ Благодарителю. Вострепещемъ,—что остаемся нечувствительны къ сему благодаренію!»

Св. Тимоѳею напомнилъ Апостолъ о сей тайнѣ, указывая ему въ ней неистощимый предметъ для бесѣды съ вѣрными и вмѣстѣ сильное орудіе для нравственнаго ихъ управленія. Но по теченію рѣчи видно и то, что помянуть о ней имѣлъ онъ нужду, чтобъ дать своему намѣстнику норму истины, какъ мѣрку для оцѣнки привходящихъ ученій, говоря какъбы: все несообразное съ нею, въ какомъ бы то ни было отношеніи, отвергай нещадно, какъ ложь, или примѣсь жи. Что таково было намѣреніе св. Павла, можно гадать по тому, что вслѣдъ за симъ онъ предсказываетъ имѣющее появиться ложное ученіе.

б).

Предсказывая это, Апостолъ аа) характеризуетъ лжеучителей 4, 1. 2, бб) указываетъ нѣкоторые предметы лжеученія, — ст. 3, и вв) обличивъ неосновательность сего,—ст. 3—5, гг) возлагаетъ на св. Тимоѳея долгъ, истолкованіемъ сего вооружать вѣрующихъ противъ такого будущаго лжеученія,—ст. 6.

аа).

4, 1. *Духъ же явственнъ глаголетъ, яко въ послѣдняя времена отступятъ ныщии отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ.*

Въ этомъ стихѣ опредѣляется умовая сторона лжеучителей, и именно, откуда они позаимствуютъ свое лжеученіе, а въ слѣдующемъ,—нравственная, именно, каковы они въ отношеніи къ совѣсти. То и другое, хотя крайне обличительно, но можетъ быть относимо ко всѣмъ лжеучителямъ, съ рѣдкими исключеніями.

Духъ, явственно глаголющій, есть Духъ Святой, пребывавшій въ Апостолахъ и преизобильно исполнявшій ихъ св. дарами своими, напоминавшій имъ бывшее и предсказывавшій имѣвшее быть,—все въ отношеніи къ царству

Божію. Онъ и св. Павлу открылъ, что имѣло быть по сихъ; а св. Павелъ открытое Свят. Духомъ судилъ нужнымъ сообщить вѣрующимъ. Слова: *Духъ глаголетъ*, «равно боголѣпны, какъ и выраженія (пророческія): *сія глаголетъ Господь*, — и: *сія глаголетъ Богъ Саваоѳъ*» (Ѳсод.). «Не умалчиваетъ же Апостолъ объ открытомъ Духомъ Святимъ будущемъ въ назиданіе и предостереженіе церкви; чтобъ предувѣдомленные о семъ церкви заботливую держали осмотрительность, какъ бы не обошли ихъ такіе люди» (Амвр.).

Кому Духъ глаголетъ,—св. Павлу, или всюду по церквамъ? Были случаи, что глаголаніе Духа шло по церквамъ Божіимъ, и Апостолъ слышалъ его уже отъ церкви. Таково было свидѣтельство Духа объ ожидавшихъ Апостола въ Иерусалимѣ узахъ, слыша о комъ Апостолъ говорилъ: не знаю, что такое будетъ (Дѣя. 20, 22. 23; 21, 11). Но были случаи, когда Духъ явственно самому Апостолу глаголатъ. — Такъ Онъ возбранилъ ему глаголатъ слово во Асіи, и не позволилъ пойти въ Виоинію (Дѣян. 21, 6). Въ настоящемъ случаѣ можно допустить то и другое: и по церквамъ шель глаголъ сей, и св. Павелъ его слышалъ отъ Духа Св. И слышалъ *явственнъ, ρητως*, — членораздѣльнымъ словомъ изреченный глаголъ. Какъ? И въ ухахъ могъ онъ отзываться, и печатлѣться прямо въ умѣ и сердцѣ, по то же опредѣленнымъ словомъ. Прибавилъ же такое слово,—*ρητως*, — Апостолъ, чтобъ дать знать, что свидѣтельство Духа о семъ «очевидно, ясно, непрекословно, такъ что вовсе не остается мѣста сомнѣнію» (св. Злат.).

Такъ знайте навѣрно, говорить, что въ *послѣдняя времена отступятъ нынѣ отъ вѣры*.—*Послѣдняя времена* не тѣ, что будутъ предъ концемъ міра и вторымъ пришествіемъ Христовымъ,—а тѣ, кои будутъ послѣ насъ,—послѣдующія. *Отступятъ* прямо значить: оставятъ вѣру Христову и сдѣлаются нехристіанами, какъ Юліанъ отступникъ. Но, судя по указаннымъ ниже предметамъ лже-

ученія грядущаго, можно положить, что это отступленіе будетъ отъ чистоты вѣры христіанской. Лжеученіе зародится между христіанами и изъ христіанскихъ началъ, неправо понятыхъ и криво истолкованныхъ человѣческимъ суемудріемъ помимо голоса церкви. И лжеучители и увлеченные ими будутъ считать себя христіанами, и даже совершеннѣйшими изъ христіанъ, какъ оказалось потомъ.

Но эти, отступить имѣющіе, сами же и лжеучителями будутъ, или лжеучители будутъ особо, ниже характеризуемые, а здѣсь говорится только о тѣхъ, кои увлечены будутъ ихъ лжеученіемъ?—*Отступятъ*: указываетъ прямо на имѣющихъ отступить по увлеченію другихъ; но въ объясненіи, какъ они отступятъ, нельзя не видѣть изображенія и того, какъ отступятъ и самые увлекатели къ отступленію. То и другое будетъ. У однихъ, суемудрыхъ, зародится лжеученіе; отпадши по причинѣ его отъ единости вѣры, и чрезъ то отъ единаго тѣла церкви, они и другихъ, нетвердыхъ въ вѣрѣ, увлекутъ. Это св. Павелъ предсказалъ Ефесянамъ гораздо прежде, въ рѣчи, которую держалъ къ пресвитерамъ ихъ, прощаясь съ ними въ Милетѣ: *внидутъ волцы тяжцы въ васъ, не щадящии стада. И отъ васъ самыхъ востанутъ мужіе глаголющии развращенная, еже отторгати ученики въ слѣдъ себе* (Дѣян. 20, 29. 30). Бл. Теодоритъ пишетъ: «Апостоль показалъ, что сперва присоединясь къ церковному тѣлу, въ послѣдствіи станутъ учителями лжи. Ибо сіе значать словъ: *отступятъ нлицыи отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестчимъ*». И св. Златоустъ говоритъ: «будетъ время, говоритъ Апостоль, когда тѣ, которые сдѣлались участниками вѣры, станутъ дѣйствовать достойно осужденія, подавая гибельные совѣты не только касательно пищи, но и касательно браковъ, и всего тому подобнаго».

Внемлюще духовомъ лестчимъ. Вотъ какъ зарождасться будетъ лжеученіе и происхожденіе отступленія! Двѣ силы будутъ влечь къ отступленію: духи лестчіи и ученіе бѣсовское; то — свпутри, а это совпѣ. Станутъ внимать

духамъ лестчимъ, примуть ложныя воззрѣнія, признають ихъ истинными, и отступятъ отъ вѣры, истину возвѣщающей относительно того, о чемъ они приняли ложныя воззрѣнія и убѣжденія. Отступленію отъ вѣры видимому, отпаденіемъ отъ церкви выражаемому, предшествуетъ отпаденіе отъ ней внутреннее, происходящее отъ согласія на несообразныя съ вѣрою внушенія духовъ лестчихъ. *Лестчіе души*—это нечистыя силы, слуги отца лжи, демоны или бѣсы. Лестчими названы, потому что увлекають въ ложь лестію, прельщеніемъ, обманомъ. Прикрываютъ ложь видимостію истины и увлекають. Но какъ?—испосредственно сами, или чрезъ другихъ людей?—Апостоль не различаетъ этого, а указываетъ только, откуда ложь. Вонмутъ, говорить, духамъ лестчимъ, и отступятъ отъ вѣры. Можно такъ положить: замѣтивъ лица, болѣе падкія на новости, духи лжи внутренно собьютъ ихъ съ пути истины къ отступленію, а потомъ другихъ стануть увлекать при помощи ихъ, и внѣшно, чрезъ слово ихъ лжеучительнос, и внутренно, чрезъ обольщеніе въ помыслахъ. Какъ и увлеченіе сихъ послѣднихъ, или окончательное ихъ согласіе на ложь не обходится безъ внутренняго воздѣйствія духовъ лестчихъ; то Апостоль это напередъ и выставляетъ на видъ, какъ источникъ начало отпаденія отъ истинной вѣры въ ложь. Тутъ тоже бываетъ, что и при паденіяхъ въ грѣхъ. Ко грѣху и примѣры другихъ, и свои нѣкіе позывы влекутъ; но самое увлеченіе и паденіе не обходится безъ участія нечистыхъ силъ. Онѣ отуманивають умъ и призрачными прелестями окружають грѣхъ; и воля склоняется на грѣхъ. За этимъ внутреннимъ паденіемъ слѣдуетъ уже и внѣшнее. Такъ и въ отпаденіи отъ вѣры,—полномъ или въ нѣкоторыхъ только пунктахъ,—участвуютъ и свои соображенія, и рѣчи другихъ; но окончательное согласіе на принятіе лжи и послѣдованіе ей не обходится безъ отуманенія духами лжи, которые, прикрывая ложь обольстительною видимостію истины, исторгають это согласіе на нее. Чтò и выражаетъ Апостоль словами: *внемлюще духовомъ лестчимъ.*

Ученіємъ бѣсовскимъ Апостоль назвалъ тотъ образъ воззрѣнія на христіанство, который составляется внутри подъ дѣйствіемъ духовъ лестчихъ, и затѣмъ облакаясь въ соотвѣтственныя выраженія, ходитъ среди людей въ видѣ особаго нѣкоего ученія, какъ соблазнъ и влеченіе къ отступленію отъ истины въ ложь. Бѣсы нападаютъ, въ сознаниі вѣрующихъ, сначала на одну какую сторону вѣры, въ которой имъ легче представить кажущуюся несостоятельность истины, и призрачную состоятельность противоположной ей лжи. Успѣвши въ этомъ, они затѣмъ научаютъ и тому, какъ по духу сей лжи перестроить и все христіанское ученіе. Когда это состоится и сформированное воззрѣніе получить свое выраженіе и строй, — лжеученіе готово. Бѣсы разжигаютъ послѣ сего наученныхъ ими ревностію будто по истинѣ Божіей, — и они неудержимо стремятся распространять внушенное имъ духами лестчими лжеученіе. Внемлющій ему внемлетъ бѣсовскому ученію, потому что оно отъ нихъ получило начало. При этомъ и бѣсы не дремлютъ, но спѣшатъ прямо дѣйствовать соблазнительно на душу, въ которую входятъ открываетъ имъ изъявленное къ ихъ лжеученію вниманіе. Таковъ второй дѣйствователь во влеченіи вѣрующихъ къ отступленію отъ вѣры. Какое нелестное происхожденіе лжеученія и ревности лжеучителей! «Демонамъ внимая, пишетъ Теофилактъ, лжеучители оуждали инья яства и бракъ. Впрочемъ Апостоль разумѣетъ при семъ и всѣ другія ереси; ибо всѣ онѣ отъ прелести духовъ лжи и ученія бѣсовскаго». Амвросіастъ же наводитъ изъ сего: «что лучше можно было напередъ сказать о лжеучителяхъ, и лжеученіи, чтобъ побудить избѣгать ихъ или паче осуждать, какъ назвавъ ихъ воззрѣніе прелестію и ихъ ученіе бѣсовскимъ? Послѣ сего, услышавъ рѣчи, противныя истинѣ, всякой уже зналъ, что это есть ученіе бѣсами сложенное, какъ предсказалъ чрезъ Апостола Духъ Святый». — И въ этомъ, конечно, имѣлъ самое сильное побужденіе отвращать отъ него слухъ свой.

Ст. 2. *Въ лицемѣрїи лжесловесникъ, сожженыхъ совѣстію.*

Какъ успѣвають распространители бѣсовскихъ ученій увлекать въ слѣдъ себя?—Лицемѣрствомъ. Принимають видъ людей нѣкако особенныхъ, постигшихъ всю премудрость, одѣваются въ личину святости,—и тѣмъ расположивъ къ себѣ слушающихъ, дѣлають то, что сіи охотно пьютъ ядъ ихъ лжеученія, и увлекаются. Это и выразилъ Апостоль словами: *въ лицемѣрїи лжесловесникъ*. Лжесловесниками назвалъ ихъ св. Павелъ потому, что въ ихъ ученіи, яко ложномъ, только слова и слова, и ничего отвѣщающаго дѣйствительности, какъ и въ призракахъ. Далѣе, такъ какъ ложь не можетъ держать въ должномъ напряженіи нравственныя силы, то лжесловесники сіи естественно послабляютъ себѣ во многомъ, даже и въ тѣхъ вещахъ, которыя, какъ недолжныя, запрещаются ихъ ученіемъ, — чего однакожъ явно дѣлать не могутъ, потому что это подрывало бы ихъ учительскій вѣсъ и самое ученіе. Отсюда неизбѣжно у нихъ лицемѣріе, или забота казаться святыми и непорочными при несвятой и не-испорочной жизни. Это одна сторона лицемѣрія. Къ ней, можно сказать, неизбѣжно присоединяется и другая, именно: когда допускаются дѣла, противныя ученію, тогда ослабляется или совсѣмъ исчезаетъ убѣжденіе въ состоятельности самаго ученія въ душѣ проповѣдующаго его, и дѣлается онъ тогда проповѣдующимъ безъ убѣжденія или лицемѣрнымъ учителемъ. Эту сторону особенно и выставляютъ наши толковники при сихъ словахъ Апостола. «*Въ лицемѣрїи*, пишетъ Экуменій, значить: въ хитрости и лукавой изворотливости, по которой, и зная, что сготовленные ими догматы ложны, ухитряются свое лжесловесіе представлять въ видѣ истины». Тоже у Теофилакта: «о чемъ они лжесловятъ, не по невѣдѣнію лжесловятъ, но зная, что то ложно, притворно учать тому, какъ истинному» (изъ св. Злат.). Бл. Феодоритъ беретъ общѣе: «возложивъ на себя имя христіанъ, учать совершенно противоположному».

Поминаеть св. Павелъ о такомъ лицемѣри въ пред-отвращеніе будущихъ отступленій отъ вѣры. Ибо ничто такъ не отвращаетъ отъ учителей, какъ усмотрѣніе въ нихъ лицемѣрства.

Сожженныхъ своею совѣстію. Лицемѣріе и вовнѣ отчасти видимо, а сожженіе совѣстію—совсѣмъ внутреннее дѣло. Только въ послѣднихъ степеняхъ оно обнаруживается нѣкоторымъ дерзкимъ безстыдствомъ въ преслѣдованіи недобрыми сознаваемыхъ цѣлей. Всяко однакожь Апостоль поставилъ на видъ и эту характеристическую черту лжеучителей, въ предотвращеніе увлеченія въ слѣдъ ихъ, въ такой мысли: замѣтишь лицемѣріе, присмотришься и увидишь сожженіе совѣстію; а коль скоро это замѣтишь, то чего добраго можешь ожидать отъ такихъ людей?

Сожженіе совѣстію подаетъ двѣ мысли: или ту, что у нихъ совѣсть сожжена, или ту, что они обожжены совѣстію. Сама совѣсть никогда не сгараеть; но душа можетъ дойти до такого печувствія къ ея внушеніямъ и обличеніямъ, что совѣсти будто жѣтъ, сгорѣла. Лжеучители представляются Апостоломъ живущими несогласно съ ученіемъ, и учащими словомъ несогласно съ убѣжденіемъ. Этого совѣсть не могла оставлять безъ обличеній, и конечно обличала ихъ. Если теперь несмотря на это продолжаютъ жить и дѣйствовать все въ томъ же духѣ, то очевидно, что совѣсть уже заглушена ими, или они стали глухи къ ея внушеніямъ,—тоже что сожжены. Бл. Теодоритъ шипеть: *сожженными совѣстію* назвалъ ихъ Апостоль, показывая крайнюю ихъ безсовѣстность; потому что прижигаемое мѣсто, омертвѣвъ, теряетъ прежнюю чувствительность».

Можно сожженіе совѣстію понимать, какъ обожженіе, или вѣрнѣе нажженіе совѣстію. Къ этому подаетъ поводъ греческое: *κακαὸστραβέμων*. *Καυστραβέμων* значитъ нажигать знакъ. На востокѣ на животныхъ хозяева нажигаютъ знаки, по которымъ и они сами и другіе призна-

ють, что это ихъ животныя. Подобные знаки на челѣ сознанія лжеучителей нажигаетъ и совѣсть, такъ что имѣющіе очи видѣть видятъ и познаютъ, что они принадлежатъ къ числу виновныхъ, и здѣсь достойныхъ осужденія, и готовыхъ къ осужденію тамъ, на судѣ Божіемъ, — носятъ осужденіе сами въ себѣ. Блаженный Теофілактъ пишетъ: «поелику они знали за собою много нечистаго, то совѣсть имѣла въ нихъ нажженные знаки ихъ нечистой жизни» (тоже и у Экум.). Поясняетъ сіе Амвросіастъ: «какъ нажегъ повреждаетъ кожу и напечатлѣваетъ знакъ, такъ и совѣсть памѣчаетъ лжеучителей въ пагубу, за ихъ лживость, по коей они лукаво одно держатъ въ умѣ, а другое выражаютъ въ словѣ. Апостоль даетъ разумѣть, что такіе не могутъ измѣниться на лучшее, чтобы спастись: ибо какъ нажегъ (на животныхъ) не можетъ измѣниться, такъ и ихъ душа исправиться. Нѣтъ ничего хуже лицемѣрія».

бб).

Ст. 3. *Возбраняющихъ жениться, удалятися отъ брашенъ.*

Только два предмета изъ всего лжеученія указываетъ. Вѣроятно потому, что они, какъ явные, рѣзче выдаваться имѣли изъ ряда другихъ, не такъ явныхъ, и притомъ ясно указывать на начала, на которыхъ построено будетъ все лжеученіе; съ нихъ можетъ быть лжесловесники начинать имѣли и рѣчь совратительную; и успѣвши уже сбить съ толку въ этихъ пунктахъ, переходить къ изложенію всего лжеученія и особенно своихъ злыхъ началъ.

Воздерживаться отъ брака и яствъ само по себѣ не укорно; укорно это можетъ быть только по тѣмъ мыслямъ, съ какими дѣлается. Вѣрно по началамъ лжесловесниковъ тѣхъ выходило, что бракъ и нѣкоторыя яства нечисты. Кто бы сталъ воздерживаться отъ нихъ въ этомъ духѣ, тотъ изрекалъ бы хулу на Создателя всяческихъ. Блаж. Феодоритъ пишетъ: «они мерзскими называютъ и бракъ и большую часть яствъ, въ поруганіе Создателю

онихъ, который сотворилъ сіе для употребленія (незасорнаго)». Почему такого рода воздержаніе Апостоль называетъ укорнымъ, и предостерегаетъ отъ него.

Въ какомъ духѣ и по какимъ побужденіямъ вѣрующимъ можно воздерживаться отъ брака, это указалъ Апостоль въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ (гл. 7). Тамъ же указалъ онъ, что и воздерживаться отъ всего подобаешь подвизающемуся, подавая самъ примѣръ тому (1 Кор. 9, 25. 27). Погрѣшали лжесловесники не тѣмъ, что внушали безбрачіе и воздержаніе, а тѣмъ, что то и другое обращали въ неотложный законъ и притомъ по ложнымъ началамъ. Это и осуждаетъ Апостоль. Онъ «не безбрачіе и воздержаніе отвергаетъ, но обвиняетъ принуждающихъ вмѣнять сіе въ законъ» (Феод.); будто причащающіеся ихъ потому самому уже нечистыми бываютъ и становятся въ рядъ погибающихъ.

Бл. Феофилактъ ставитъ вопросъ: «что же?—Мы развѣ не возбраняемъ брачиться?» —И отвѣчаетъ: «никакъ. Но тѣхъ, которые не хотятъ брачиться, направляемъ къ храненію дѣвства, внушая, что оно честнѣйше есть. Но отсюда не слѣдуетъ, что бракъ уже безчестенъ; подобно тому, какъ изъ того, что золото честнѣйше есть, не слѣдуетъ, что серебро нечестно. Да и вообще честнѣйшее потому есть честнѣйше, что оно честнѣе честнаго, и лучшее—лучше хорошаго, а не худаго. Итакъ могущій пусть емлется за золото дѣвства; а кто не можетъ этого, пусть принимаетъ серебро брака».

Кто такіе эти лжеучители? — Отъ нѣкоторыхъ яствъ воздерживались іудеи. Но они имѣли опредѣленную о томъ заповѣдь, и пока оставались іудеями, не могли иначе дѣйствовать. Св. Павель въ другихъ посланіяхъ и не укоряетъ ихъ за это, а только учитъ, что теперь уже храненіе сего закона не своевременно. Но, какъ видится, въ настоящемъ мѣстѣ не ихъ разумѣетъ Апостоль, а такихъ, которые воздерживались не по Божіей заповѣди, но по своему суемудрію, хотя можно почестъ вѣро-

ятнымъ, что примѣръ воздержанія отъ яствъ они позаимствовали у іудеевъ и даже по его поводу построили свое лжеученіе. Итакъ возбраненіе яствъ хотя нѣкою малою частію можно почестъ опирающимся на іудействѣ, не въ духѣ однакожъ іудейскомъ. Что же касается до возбраненія брака; то ему ни іудейство, ни язычество не могло подать повода и опоры. Это нѣчто совсѣмъ новое. Откуда же оно?—Не есть ли оно, можетъ быть, порожденіе лжеученія, вкрадывавшагося въ Колоссы и ходившаго по Фригїи, въ которомъ выдающимся пунктомъ стояло непоощаѣніе плоти (Кол. 2, 23)? Къ нему очень естественно было придать возбраненіе брака,—что Ефесеянс и сдѣлали.

Изъ слова — *возбраняющихъ*, нельзя прямо заключать, что это было уже на дѣлѣ, теперь дѣлалось; ибо по связи съ предыдущею рѣчью это можетъ означать и: имѣющихъ возбранять. Но нельзя не признать, что начатки уже были; уже ходило такое ученіе, но было еще безсильно и по малочисленности послѣдователей и можетъ быть по неустановленію всей системы. То и другое еще ожидалось въ будущемъ; Апостоль и предостерегаетъ. Изъ открывшихся послѣ ересей можно видѣть здѣсь указываемыми Манихеевъ, Энкратитовъ, Маркіонитовъ. Такъ св. Златоустъ и всѣ другіе наши толковники.

Грамматически: *возбраняющихъ... удаляются отъ брашенъ* прямо значило бы: требовали не удаляться отъ брашенъ, то-есть, принимать всякую пищу беззазорно. Но это противно было бы мысли Апостола. Почему надобно сіе понимать такъ, какъбы стояло: *возбраняющихъ жевитися и повелѣвающихъ удалятися отъ брашенъ* (Θεοφ.). Экуменій приводитъ нѣсколько примѣровъ изъ еллинскихъ писателей, чтобъ показать, что въ словахъ Апостола не ошибка, но что и аттической рѣчи свойственно такъ выражаться.

вв).

Указавъ нѣкоторые предметы лжеученія, свят. Павелъ тутъ же коротко, но рѣшительно обличаетъ его несостоятельность,—останавливая впрочемъ вниманіе только на послѣднемъ, на запрещеніи яствъ. Первое же—запрещеніе жениться не удостоиваетъ вниманія, вѣроятно потому, что нелѣпость его для всякаго сама собою очевидна: ибо еслибъ обобщилось, прямо повело бы къ прекращенію существованія рода человѣческаго. Амвросіастъ и пишетъ: «о томъ, что родились, не скорбятъ, а браки запрещаютъ»,—являясь человѣконенавистниками. Можетъ быть и потому мимошелъ Апостоль сей предметъ лжеученія, что онъ только зараждался, выступалъ робко, между тѣмъ какъ заблужденіе относительно употребленія яствъ ходило уже открыто по церквамъ, вносимое впрочемъ іудействующимъ въ иномъ смыслѣ, нежели какъ этими Ефесскими лжеучителями. На него и напираетъ Апостоль, оставляя первое въ сторонѣ. Св. Златоустъ замѣчаетъ между прочимъ, что «Апостоль поступилъ такъ потому, что не хотѣлъ мысли о томъ (будто бракъ нечистъ) посѣвать преждевременно въ душахъ вѣрующихъ; но обличаетъ одно то, что уже получило начало, именно заблужденіе относительно пищи».

Обличаетъ указаніемъ на цѣль, для которой созданы брашна: *яже Богъ сотвори въ смьденіе*. Богъ вложилъ въ естество человѣка, какъ животное, потребность пищи, и около сего же среди тварей разсѣялъ такія, кои могутъ удовлетворять сію потребность смьденіемъ ихъ. Это разрѣшилъ Онъ имъ еще въ раю; это же подтвердилъ при изгнаніи изъ него и расширилъ въ заповѣдяхъ и благословеніяхъ, данныхъ праведному Ною по потопѣ. Устроилъ такъ Богъ для того, чтобъ люди, видя въ приготовленіи Имъ для нихъ около ихъ потребной пищи, познавали въ этомъ Божию о нихъ благопопечительность, и вкушали пищу *со благодареніемъ*. Это благодареніе должно

было питать религиозныя чувства къ Богу и въ пунктахъ вѣрованія о Богѣ осіявать ликъ Его чертами свѣтлыми, привлекательными и возбуждательными. Такимъ образомъ въ этомъ, самомъ простомъ повидимому дѣлѣ, снѣденіи^а пищи, Богъ помѣстилъ самое внушительное, и вмѣстѣ немолчное, училище вѣры и благочестія.—Лжеучители же внушая, что есть яства, дѣлающія человѣка нечистымъ, извращали такой Божій порядокъ и уклоняли отъ намѣренія Божія, въ дарованіи человѣку потребности пищи и самой пищи: мракъ нѣкій набрасывали на твореніе Божіе, и это немолчное училище о Богѣ и должныхъ къ Нему чувствахъ умолкнуть заставляли. Очевидно, что они нечестивцы: «наводили на недобрыя помышленія о Творцѣ^а человѣка, и внушеніемъ, будто есть яства нечистыя и достойныя отвращенія, располагали вѣрить, что они другаго имѣютъ творца,—не добраго» (Амвр.).

Такъ симъ краткимъ напомниманіемъ о цѣли сотворенія брашенъ Апостоль достаточно обличилъ несостоятельность ложнаго о нихъ ученія. Но конечно такое обличеніе понятно и убѣдительно могло быть только для тѣхъ, у коихъ живо религиозное чувство и сильны здравыя о Богѣ понятія. Почему св. Павелъ и прибавилъ: *вѣрнымъ познавшимъ истину*. Не въ томъ смыслѣ сказалъ онъ это, чтобъ для такихъ только и создалъ Богъ брашна въ снѣденіе, но въ томъ, что таковыя и употребляютъ ихъ согласно съ намѣреніемъ Божіимъ въ созданіи ихъ, т.-е., снѣдаютъ ихъ со благодареніемъ. Какъ онъ писалъ къ вѣрнымъ и познавшимъ истину, то рѣчь его внушала: вы, вѣрные и познавшие истину, вкушая брашна со благодареніемъ, точно и полно исполняете намѣреніе Божіе въ созданіи ихъ; ваше благодареніе освящаетъ всякую пищу; и вкушайте ее, ничтоже сомняся, и не поддавайтесь смущенію, какое хотятъ поселить въ васъ лжесловесники, толкуя, будто есть нечистыя яства. Можно рѣчь Апостола перифразировать такъ: которыя (брашна) Богъ создалъ, чтобъ вѣрные вкушали ихъ со благодареніемъ ничтоже сумняся. О невѣрныхъ и

слова нѣтъ; тѣ вкушаютъ пищу безъ всякихъ благихъ помысленій, лишь бы только поѣсть и усладиться, подобно нечистымъ животнымъ. Они и чистыя яства, если ужъ различать ихъ, дѣлаютъ нечистыми своимъ неблагодарнымъ сердцемъ и однимъ чувственнымъ услажденіемъ гортани и чрева. «Яства нечисты для того, кто вкушаетъ ихъ безъ благодаренія и хвалы Создавшему» (Амвр.).

Что же, скажетъ кто, уже ли наслажденіе брашнями воспрещено? — Наслажденіе естественно сопровождаетъ вкушеніе пріятной пищи; но у тѣхъ, которые принимаютъ ее съ благодарными къ Богу чувствами, наслажденіе теряетъ характеръ чувственности, одухотворяется и освящается. Когда вкушаютъ брашна, чтобъ насладиться, творя угодіе плоти въ похоти, тогда являются погруженными въ чувственность; а когда принимаютъ яства, въ удовлетвореніе неизбѣжной потребности, съ благодареніемъ, тогда чувствуютъ сладость, не дѣлаясь чувственными. Возношеніе при семъ ума и сердца къ Богу дѣлаетъ самую сладость нѣкакo отрѣщенной и обезвещественною. Такіе пріемлютъ пищу, но не плотоугодствуютъ въ ней. Свѣденіе, — μεταληψις, — причастіе, принятіе. Экуменій пишетъ: «смотри, какъ словомъ — μεταληψις — Апостоль изгналъ усладу, τρυφην? — Μεταληψις означаетъ умѣренное принятіе пищи». «Μεταληψις, пишетъ Теофилактъ, блюдетъ умѣренность, τρυφη не знаетъ мѣры. Впрочемъ и наслажденіе пищею не само по себѣ нечисто, но потому, что ослабляетъ душу предающихся ему» (Тотъ и другой изъ св. Злат.).

Подъ истиною, въ словахъ: *познавшимъ истину*, разумѣется вѣра христіанская, единая содержащая истинныя и здравыя о всемъ сущемъ возрѣнія. Тутъ же конечно совмѣщается и истина относительно брашенъ, что ихъ надлежитъ принимать съ благодареніемъ въ умѣренное удовлетвореніе потребности тѣла. Такъ смотрящіе на это и дѣйствуютъ въ семъ отношеніи съ полнымъ убѣжденіемъ, что дѣйствуютъ вѣрно, согласно съ волею Божіею.

Каковое убѣжденіе и свѣтлости и святости придаетъ простому употребленію пищи, и окружаетъ его особымъ нѣкимъ чувствомъ. Или можетъ быть, тутъ предъуказывается «та истина, о коей тотчасъ будетъ рѣчь, то - есть всякое созданіе Божіе добро» (Θеоф.).

Ст. 4. *Зане всякое созданіе Божіе добро, и ничтоже отменно, со благодареніемъ приемлемо.*

То приводилъ доводъ изъ нравственно - религіознаго строя, а теперь беретъ дѣло со стороны догмата. Все, изшедшее изъ творческихъ Божіихъ рукъ, добро. Добро и всякое брашно, назначенное человѣку въ снѣденіе. Слѣд. лжесловесники тѣ лгутъ, запрещая нѣкоторыя брашна, по той причинѣ, что они будто нечисты. Ничего нѣтъ нечистаго самого по себѣ; все добро и пріятно, то-есть можетъ быть употребляемо въ пищу беззазорно. «Слова: *всякое созданіе Божіе добро*, Апостоль заимствовалъ изъ Моусеева писанія. *Видѣ Богъ*, сказано, *вся елика сотвори, и се добра зѣло* (Быт. 1, 31). А что добро, то, *со благодареніемъ приемлемо*, въ памятованіе Божіе, оказывается святымъ» (Θеод.). «Выраженіемъ: *всякое созданіе Божіе* Апостоль обозначаетъ здѣсь то, что можетъ быть употребляемо въ пищу. Если все такое есть созданіе Божіе, то и добро: *ибо вся добра зѣло*» (св. Злат.).

Ничтоже отменно, ничего изъ сѣдомаго не должно отвергать, ничѣмъ не брезговать и не мерзить, будто нечистымъ и богопротивнымъ; напротивъ все такое принимать, какъ благодѣніе и даръ отъ руки Господней. Почему и принимать то должно со благодареніемъ. Кто принимаетъ сѣдомыя брашна со благодареніемъ, для того всѣ они чисты и святы, въ силу сего самаго благодаренія. «Благодареніе все очищаетъ; а неблагодарный и самъ нечистъ и скверенъ» (Θеоф.). «Неблагодарность и чистое дѣлаетъ нечистымъ». Нечисто произволеніе, которое не благодаритъ Бога» (св. Злат.). *Вся чиста чистымъ: оскверненнымъ же и нечистымъ ничтоже чисто* (Тит. 1, 15).

Ст. 5. *Освѣщается бо словомъ Божиимъ и молитвою.*

Освѣщается словомъ Божиимъ — можно такъ разумѣть: *освѣщается*, — освящено есть однажды навсегда, — *словомъ Божиимъ*, — тѣмъ словомъ, какое изрекъ Богъ по сотвореніи, что *вся добра*. Этимъ словомъ все, въ томъ числѣ и все съдобное, признано и предлагается, какъ святое. Почему и приемлемо должно быть беззаornoю совѣстію, какъ чистое и святое, съ полнымъ въ томъ убѣжденіемъ безъ малѣйшаго сомнѣнія. Или — *освѣщается* теперь, въ часъ вкушенія, и освящается *словомъ Бога*, — призываніемъ имени Божія; такъ что: *и молитвою*, — только поясняетъ: *словомъ Божиимъ*. Призываніе имени Божія, и молитвенное къ Богу обращеніе дѣлаетъ святою всякую приемлемую пищу, для того, кто ее принимаетъ въ такомъ духѣ. Но зачѣмъ же еще и особое освященіе, когда, какъ сказано предъ симъ, всякая пища добра и никакая неотметна? — Можно на это отвѣтить такъ, — что этимъ указывается только на то, какъ исполняется условіе, подъ которымъ, по Божію опредѣленію, ничтоже отметно, именнно, на возношеніе благодарныхъ къ Богу чувствъ за дарованіе брашенъ съ прошеніемъ благословенія Его принять подлежащую пищу. Кто такъ принимаетъ пищу, тотъ становится въ рядъ тѣхъ, для коихъ все приемлемое въ пищу бываетъ свято и чисто.

Или св. Павелъ дѣлаетъ здѣсь какъбы нѣкую уступку: пусть будетъ, положимъ, что есть что либо нечистое; но и такое все освящается, когда призовешь имя Божіе. Такъ св. Златоустъ: «если *все добро*, то что значитъ: *освѣщается словомъ и молитвою*? Ибо очевидно, что то, что освящается, признается нечистымъ. — Не такъ нужно принимать эти слова. Здѣсь Апостоль говоритъ противъ тѣхъ, которые нѣкоторыя яства считали чѣмъ-то сквернымъ. Поэтому онъ и высказываетъ двѣ главныя мысли: во первыхъ, что нѣтъ ни одного созданія, которое было бы скверно, и во вторыхъ, — что еслибы что нибудь и

было скверно, то ты имѣешь противъ этого врачество: оуби знаменіемъ креста, возблагодари, воздай славу Богу, и всякая нечистота исчезнетъ. — Неужели и идоложертвенное, скажешь ты, можетъ быть такимъ образомъ очищено? (Да; впрочемъ тогда), когда ты не знаешь, что это есть идоложертвенное; а если знаешь и несмотря на то вкусишь отъ этого, то сдѣлаешься нечистымъ, и потому что это идоложертвенное, а потому что, получивъ заповѣдь не пріобщаться къ демонамъ, ты чрезъ это вошелъ съ ними въ общеніе. Слѣдовательно (идоложертвенное) не по природѣ своей нечисто, но оно становится таковымъ вслѣдствіе твоего произволенія и преслушанія. — Что же? Ужели и свиное мясо не есть нечисто? Нисколько, когда вкушаешь его со благодареніемъ, съ крестнымъ знаменіемъ; равнымъ образомъ и все прочее не бываетъ нечистымъ. Нечисто произволеніе, которое не благодаритъ Бога. Тоже у Теофилакта съ Экуменіемъ.

Въ сихъ словахъ Апостола видно начало молитвословій предъ вкушеніемъ и послѣ вкушенія пищи, равно какъ и священныхъ чтеній, въ продолженіи стола.

гг).

Ст. 6. 1 полов. *Сія вся сказую брати, добръ будещи служителъ Исуса Христа.*

Сія вся: что же именно? То, о чемъ говорилъ доселѣ начиная съ ст. 15, 3-ей главы,—что церковь есть столпъ и утвержденіе истины, что велія благочестія тайна, около которой группируются всѣ другія истины вѣры, есть: *Богъ явися во плоти*,—что содержитъ строго сію тайну и всякую другую истину, церковію возвѣщаемую, должно отвергать все съ симъ несогласное, и теперь уже сущее и имѣющее явиться послѣ, какъ ученіе бѣсовское, — и именно будто не должно брачиться и вкушать нѣкія брашна, какъ нечистыя (св. Злат., Экум., Теоф.).

Сказуя, — *υποτιθεμενος*, предлагая. «Видишь ли, что онъ здѣсь нисколько не обнаруживаетъ власти, а только снисхождение? *Сказуя*, говорить. Не сказалъ: приказывая, не сказалъ: заповѣдуя, но: *сказуя*, т.-е. какъбы совѣтуя; предлагай сіе и заводи рѣчь о вѣрѣ» (св. Злат.). Это замѣчается объ образѣ наученія паствы, самое же наученіе ея лежитъ на пастырѣ, какъ неотъемлемый долгъ, отступающая отъ котораго, или неревностно исполняя который, онъ уже является не тѣмъ, чѣмъ долженъ быть по намѣренію Господа, учредившаго въ церкви пастырство. Это внушаетъ Апостоль, говоря въ слѣдъ за симъ: *добръ будеши служителъ Иисуса Христа*. Сія *сказуя*, добрымъ будешь служителемъ Иисуса Христа, а не *сказуя*—будешь недобрымъ служителемъ, — будешь работомъ исключимымъ. *Служителемъ*, — *διακονος*, названъ пастырѣ, потому что его долгъ не властвовать и величаться, а вѣрно «исполнять повелѣнное и передавать единовѣрнымъ Владычнія приказанія» (Феод.). А *служителемъ Иисуса Христа*, — потому что пастырство беретъ начало отъ Господа Иисуса Христа, и всякой пастырѣ отъ руки Господни приесть рукоположеніе, чрезъ руки сопастырей. Почему трудясь въ пасеніи стада, онъ долженъ содержать въ мысли и сердцѣ, что не себѣ или людямъ служить, а Господу, Его дѣло совершая и Его волю исполняя. Въ настоящемъ мѣстѣ только одна часть добраго служенія пастыря обозначается, — служеніе словомъ. «Добрѣ служить онъ Господу, научая пасомыхъ тому, чему учимыми имъ быть хочетъ Христось» (Экум.). По теченію рѣчи видно, что эта часть служенія исполняется имъ не только возвѣщеніемъ истины чистой, но и отверженіемъ нечистыхъ ученій, — и не только отверженіемъ наличныхъ нечистыхъ ученій, но и предусмотрѣніемъ имѣющихъ появиться и подготовленіемъ паствы къ отраженію ихъ. Впрочемъ и это послѣднее не можетъ быть лучше исполнено, какъ полнымъ разъясненіемъ и напечатлѣніемъ въ умахъ вѣ-

рующихъ чистой истины,—или образа здравыхъ словесъ. «Что можетъ быть благопромыслительнѣе и предохранительнѣе для паствы, какъ не то, чтобъ ученіе христіанское было преподано ей и преподаваемо неповрежденно и полно, дабы оно, твердо укоренясь на полѣ Господнемъ, и плодъ приносило обильный и прочный, — такой, который и въ день суда выдержалъ бы пробу огня и не былъ имъ сожженъ. Таковъ долгъ добраго учителя и вѣрнаго служителя Христова» (Амвр.).

Епископъ Теофанъ.

ДѢЯТЕЛЬНЫЯ И БОГОСЛОВСКІЯ ГЛАВЫ

ПРЕПОДОБНАГО СИМЕОНА НОВАГО БОГОСЛОВА.

Въ переводѣ съ новогреческаго Преосвященнѣйшаго епископа Теофана.

53) Не только безмолвникъ, или послушникъ, но и игумень, настоятель надъ многими,—и онъ, все устроая, долженъ быть безпечаленъ, т.-е. свободенъ отъ печальной заботы о житейскихъ потребностяхъ. Ибо если печемся, то оказываемся преступниками заповѣди Божіей, которая говоритъ: *не печытесе душою вашею, что ясте, или что пѣте, или во что облечетея, всѣхъ бо сиихъ языцы ищутъ* (Мѡ. 6, 25. 32).—И еще: *зрите, да не когда отягчаютъ сердца ваша обьяденіемъ и пїянствомъ, и печальми житейскими* (Лк. 21, 34).

54) У кого помысль занять попеченіемъ о житейскихъ вещахъ, тотъ несвободенъ: ибо попеченіе объ нихъ держитъ его въ своихъ рукахъ и дѣласть рабомъ своимъ, для себя ли онъ заботится о нихъ, или для другихъ. Свободный же отъ сего, ни для себя ни для другихъ не печется о житейскомъ, будь онъ епископъ, или діаконъ, или игумень. Но и празднымъ онъ никогда не бываетъ и ни о^{мъ} чемъ, даже самомъ послѣднемъ и ничтожномъ, никакого небреженія не оказываетъ; а богоугодно все дѣлая и устроая, о всемъ безпечаленъ пребываетъ,—и это на всю жизнь.

55) Смотри, не разори своего дома; желая построить домъ ближняго. Трудное это дѣло и неудобъ исполнимое;

почему поопасись, какъ бы не случилось, что взявшись за это, ты свой домъ разорить разоришь, но и того домъ построить отнюдь не можешь.

56) Если не стяжалъ ты совершеннаго безпристрастія къ житейскимъ вещамъ и деньгамъ: то не желай, чтобъ тебѣ поручена была экономія (смотрѣніе за этими вещами и распоряженіе ими по обители); чтобы не быть плѣннику ими, и вмѣсто воздаянія за трудъ служенія обители, не подпасть осужденію за воровство и святотатство. Если же будешь принужденъ настоятелемъ взять сіе дѣло: то веди его такъ, какъбы ты обращался съ палящимъ огнемъ. Разстроивай и самый первый прилогъ помысла (о чуждоприсвоеніи) исповѣдію и покаяніемъ, и молитвою пастоятеля сохраненъ будешь невредимымъ.

57) Несдѣлавшійся безстрастнымъ не знаетъ даже, что есть безстрастіе, и не вѣритъ, чтобъ былъ кто либо такой на землѣ. Ибо тому, кто самъ не отвергся прежде себя и крови своей усердно не истощилъ за эту, воистину блаженную, жизнь,—какъ подумать, что другой кто сдѣлалъ это, чтобъ стяжать безстрастіе? Такимъ же образомъ и тотъ, кто мнится имѣти Духа Святаго, ничего не имѣя, когда слышитъ, что дѣйствія Духа Святаго явно познаваемы бывають въ тѣхъ, кои имѣють Его, никакъ тому не вѣритъ, равно какъ и тому, что есть кто либо и въ настоящемъ родѣ равный Апостоламъ Христовымъ и всѣмъ отъ вѣка святымъ, подобно имъ подвижимъ и воздѣйствуемымъ божественнымъ Духомъ, или въ видѣніи Его бывающій, съ сознаниемъ того и чувствомъ. Ибо всякій по собственному своему состоянію судить и о томъ, что касается ближнихъ,—по тому т.-е., каковъ самъ, по добродѣтели ли сказать, или по грѣхамъ.

58) Иное есть безстрастіе души и иное безстрастіе тѣла. То (душевное) и тѣло освящаетъ своимъ собственнымъ сіяніемъ и свѣтонзліаніемъ Духа; а это одно само по себѣ ни на что не полезно для того, кто стяжалъ его.

59) Какъ тотъ, кто изъ послѣдней бѣдности обогащенъ царемъ и возведенъ въ свѣтлый санъ, облеченъ имъ въ блестящее одѣяніе, и опредѣленъ стоять предъ лицомъ его,—и самого царя съ вождельніемъ видитъ и какъ благодѣтеля чрезмѣрно любить, и на одѣяніе, въ кое облеченъ, весело смотритъ, и санъ свой сознаетъ, и данное ему богатство знаетъ: такъ и монахъ, который истинно оставивъ міръ и все мірское приступилъ ко Христу, и влекомъ будучи добрыми чувствами, возшелъ на высоту духовнаго созерцапія чрезъ исполненіе заповѣдей,—и самаго Бога непрелестно созерцаетъ, и совершившееся въ немъ измѣненіе ясно видитъ. Ибо всегда видитъ осіявающую его благодать Св. Духа, именуемую и одѣяніемъ, и царскою багряницею,—чѣмъ наипаче для вѣрующихъ есть самъ Христосъ Господь, такъ какъ вѣрующіе въ Него облакаются въ Него.

60) Многіе сами читаютъ божественныя писанія, другіе слушаютъ читающихъ оныя; но немногіе бываютъ въ силахъ правильно уразумѣть значеніе и смыслъ читаемаго. Иные полагаютъ, что читаемое въ Писаніяхъ Божественныхъ невозможно; иныя, почитая прямой смыслъ пишемаго неудобопріемлемымъ, берутся истолковывать то по своему, и истолковываютъ злѣ. Чтò сказано о настоящемъ времени, о томъ судятъ, что оно будетъ имѣть мѣсто въ будущемъ; а чтò сказано о будущемъ, то понимаютъ, какъ сбывшееся уже, или сбывающееся каждый день. Такимъ образомъ у нихъ нѣтъ правильнаго сужденія и истиннаго распознанія отличій въ вещахъ божескихъ и человѣческихъ.

61) На всѣхъ вѣрныхъ должны мы смотрѣть, какъ на одного, и думать, что въ каждомъ изъ нихъ пребываетъ Христосъ, и такое любовное имѣть къ нему расположеніе, чтобъ быть готовыми положить за него души свои. Отпюдь не должно намъ говорить или думать, что кто-либо золь, но всѣхъ видѣть добрыми, какъ сказано. Хотя увидишь кого боримымъ страстями, не брата, а стра-

сти ненавидь, борющія его. А когда увидишь такого, надъ которымъ тиранствуютъ похоти и недобрыя привычки, имѣй къ нему еще большее состраданіе, чтобъ иначе и самому не быть искушену подобно ему,—какъ измѣнчивому и состоящему подъ вліяніемъ измѣнчиваго вещества.

62) Если кто фальшивъ отъ лицемѣрія, или по дѣламъ виновенъ, или немного уязвленъ какою либо страстію, или нѣсколько неисправенъ въ какомъ либо отношеніи по нерадѣнію: то такой не приѣмлется въ число исправныхъ во всемъ, но какъ непотребный и неискусный на доброе, отмечается, чтобы онъ не произвелъ разрыва въ союзѣ, которому должно пребывать неразрывнымъ, и раздѣленія между тѣми, которые должны пребывать нераздѣльными, тѣхъ и другихъ ввергнувъ въ печаль,—такъ какъ тѣ, кои впереди (преуспѣваютъ), станутъ болѣзненно печалиться о тѣхъ, кои позади ихъ, а сіи—о разлученіи съ тѣми, кои упредили ихъ.

Примѣчаніе. Переводъ дѣлается по тексту греческаго Добротолюбія. Мѣсто темно. Новогреческій переводъ дѣлаетъ ему такой перифразъ, со—*чтобы*: «чтобъ не сдѣлалъ онъ того, что связь цѣпи расторгнется, когда се натянуть, т.-е. чтобъ не причинилъ онъ расторженія единенія братій въ то время, когда они вдадутся въ большіе подвиги добродѣтелей, не произвелъ раздѣленія между братьями, которые должны пребывать нераздѣльными, и не сталъ причиною печали для обѣихъ частей, такъ какъ тѣ, которые идутъ впереди, т.-е. преуспѣваютъ въ добродѣтели, станутъ печалиться о тѣхъ, кои оказались позади, а оставшіеся назади станутъ печалиться о разлученіи съ первыми».

63) Какъ тотъ, кто на пламень разженной печи набрасываетъ земли, угашаетъ оный, такъ и житейскія попеченія и всякій видъ пристрастія къ чему либо, даже послѣднему и ничтожному, истребляетъ возжегшуюся въ началѣ теплоту сердца.

64) * Кто съ радостію и съ совершеннымъ чувствомъ отрекся отъ всего внѣшняго, отъ вещей, разумѣю и людей, и забылъ все сіе, преходя, какъ стѣну, всякое пристрастіе къ тому (оставляя позади себя): тотъ чуждъ міра и всего, что въ мірѣ, и, въ собранности держа умъ свой, въ одномъ поучается всегда—въ памяти и помышленіи о смерти. Почему и печется всегда о томъ, что касается суда и воздаявія, весь плѣненъ бываетъ симъ и, какъ узами, окованъ, внѣдря неизреченный страхъ въ сердце свое такими помыслами и углубленіемъ въ нихъ.

65) **) Кто вселить во глубинѣ сердца своего страхъ суда, тотъ является на зрѣлищѣ міра, какъ нѣкій осужденникъ, закованный въ цѣпи. Почему пребываетъ объятъ страхомъ, какъ бы былъ схваченъ палачемъ немилостивымъ и влекомъ на мѣсто казни, не думая ни о чемъ другомъ, кромѣ страданій и терзаній, какія имѣетъ претерпѣть отъ мукъ въ вѣчномъ огнѣ. Это чувство мукъ хранится неизгладимо въ сердцѣ его страхомъ, породившимъ его, и (вмѣстѣ съ нимъ) не даетъ ему заботиться о чемъ либо человѣческомъ; такъ какъ онъ всегда находится въ такомъ состояніи, какъ бы былъ повѣшешъ на крестъ и чувствовалъ во всей силѣ болѣзни и страданія крестной смерти,—что и не попускаетъ ему ни внимать лицу чьему либо, ни думать о чести, или безчестіи человѣческихъ. Отъ всей души почитая себя достойнымъ всякаго презрѣнія и безчестія, и вниманія не обращаетъ онъ на поношенія и униженія, какія ему дѣлаютъ.

66) ***) Всякимъ яствомъ и питіемъ и украшеніемъ гнушается чреватый страхомъ смерти; и въ удовольствіе ни хлѣба не ѣстъ, ни воды не пьетъ, доставляя тѣлу только потребное, сколько нужно для поддержанія жизни;

*) Сего пункта нѣтъ въ Греч. и Слав. Добротолубін.

**) И сего нѣтъ.

***) Въ Доброт. Гр. и Сл. 64; 67-й здѣшній, тамъ 65... и т. д.

всякой воли своей отвергается и бываетъ разсудительнымъ рабомъ, исполняя все, что ни приказываютъ ему.

67) Предавшій себя въ рабы своимъ по Богу отцамъ не станетъ, ради страха мукъ, избирать изъ повелѣваемаго то, что облегчало бы болѣзнь сердца его и разрѣшало узы страха, и тѣхъ не послушаетъ, которые дружески, или льстително, или повелительно поощряли бы его къ тому. Но паче предпочтетъ то, что возвращало бы сію болѣзнь, возжелаетъ того, что крѣпче стягивало бы сіи узы, и возлюбитъ то, что дѣлало бы болѣе сильнымъ палача. Въ такихъ расположеніяхъ пребудетъ онъ навсегда, не питая надежды когда либо совсѣмъ освободиться отъ заслуженныхъ крайностей; ибо надежда избавленія дѣлаетъ болѣзнь сердца легчайшею, что не полезно теперь кающемуся.

68) Всякому, начавшему жить по Богу, полезенъ страхъ мукъ и поражаемая имъ болѣзнь сердца. Кто же безъ такого болѣзнованія и безъ такихъ узъ страха думаетъ положить начало (доброй жизни), тотъ не на песокъ только полагаетъ основаніе своихъ дѣяній, но мечтаетъ построить домъ на воздухѣ безъ основанія, что конечно невозможно. Между тѣмъ болѣзнованіе то скоро поражаетъ всякую радость, узы сіи разрываютъ узы всѣхъ грѣховъ и страстей, и палачъ сей не смерти, а вѣчной жизни бываетъ виновникомъ.

69) Кто не станетъ уклоняться и бѣгать сердечнаго болѣзнованія, поражаемаго страхомъ вѣчнаго мученія, по будетъ послѣдовать ему произволеніемъ сердца (слѣдовать съ нимъ по доброму пути, или послѣдовать рѣшеніями произволенія съ сочувствіемъ сердца тому, что внушаетъ оно со страхомъ) и по мѣрѣ успѣха все болѣе и болѣе стягивать себя узами его, — тотъ поспѣшнѣе будетъ шествовать. Оно представитъ его и предъ лице Царя царствующихъ. И когда сіе будетъ, тогда, — лишь только возрится онъ, еще не такъ ясно, на славу Его, — тотчасъ разрѣшатся узы его, страхъ - палачъ далеко от-

бѣжить отъ него и сердечное болѣзнованіе его предложится въ радость, которая сдѣлается въ немъ живымъ ключемъ или бьющимъ источникомъ, источающимъ всегда чувственно рѣки слезъ, а духовно—тишину, кротость и неизреченное услажденіе, но при этомъ — и мужество съ готовностію свободно и невозбранно теши ко всякому исполненію заповѣдей Божіихъ, что для новоначальныхъ еще невозможно, а свойственно возшедшему къ срединѣ преуспѣянія; для тѣхъ же, кои подходятъ къ совершенству, источникъ сей бываетъ свѣтомъ при внезапномъ измѣненіи и предложеніи сердца.

70) Имѣющій въ себѣ свѣтъ Всесвятаго Духа, не въ силахъ бывая стерпѣть зрѣніе Его, падаетъ на землю ницъ, взываетъ и вопіетъ въ ужасѣ и страхѣ великомъ, какъ увидѣвшій и испытавшій нѣчто такое, что выше естества, выше слова и разума. И бываетъ онъ подобенъ человѣку, у котораго отъ чего нибудь возгорѣлись внутренности огнемъ, отъ котораго жегомый и жженія пламени не могли терпѣть, становится онъ весь измученнымъ и совсѣмъ неимѣющимъ силы быть въ себѣ. Но будучи непрестанно орошаемъ слезами и ими прохлаждаемъ, еще сильнѣе воспламеняется онъ огнемъ желанія божественнаго, а отъ этого слезы еще обильнѣе у него текутъ, и онъ, будучи омываемъ изліаніемъ ихъ, еще блистательнѣе сіяетъ. Когда же, весь разжегшись, станетъ онъ, какъ свѣтъ, тогда исполняется на немъ сказанное (Богословомъ): «Богъ съ богами соединяемъ и ими познаваемъ» (такъ Богъ соединяется съ обожаемыми отъ Него и Его познающими),— и притомъ въ такой можетъ быть степени (исполняется сіе на немъ), въ какой соединился онъ уже съ Сочетавшимися съ нимъ и въ какой оказался познавшимъ Его.

71) Прежде плача и слезъ,—никто да не прельщаетъ насъ пустыми словами, и сами себя да не прельщаемъ,—нѣтъ въ насъ покаенія, ни истиннаго намѣренія перемениться, ни страха Божія въ сердцахъ нашихъ; не со-

знали еще мы себя виновными и не осудили, и душа наша не была еще въ чувствѣ будущаго суда и вѣчныхъ мукъ. Ибо еслибъ мы осудили себя, еслибъ возъмѣли такія движенія сердца, еслибъ были въ такихъ чувствахъ, то тотчасъ извели бы и слезы. Безъ этого же ни жестокосердіе наше никакъ не можетъ умягчиться, ни душа наша сгязать духовное смиреніе, ни мы не въ силахъ сдѣлаться смиренными. А кто не таковъ, тотъ не можетъ соединиться съ Духомъ Святымъ; не соединившійся же съ Нимъ чрезъ очищеніе себя отъ всего страстнаго, созерцанія Бога и Боговѣдѣнія сподобиться не можетъ, и недостойнъ сокровенно научаемымъ быть добродѣтелямъ смиренія.

72). *) Сначала отъ плача по Богу бываетъ смиреніе; отъ него приходятъ потомъ радость и веселіе неизреченныя; окрестъ же смиренія по Богу вырастаетъ надежда спасенія. Ибо чѣмъ кто грѣшнѣйшимъ всѣхъ людей считаетъ себя отъ всей души, тѣмъ болѣе вмѣстѣ съ смиреніемъ разрастается въ немъ надежда, цвѣтетъ внутри сердца его и исполняетъ его удостовѣреніемъ, что онъ несомнѣнно имѣетъ быть спасенъ посредствомъ смиренія.

73) Чѣмъ болѣе кто нисходитъ въ глубину смиренія и осуждаетъ себя самого, какъ недостойнаго спасенія, тѣмъ болѣе плачетъ и изводитъ источники слезъ; по мѣрѣ слезъ и плача источается въ сердце его духовная радость, а вмѣстѣ съ нею соисточается и свозрастаетъ надежда и даетъ вѣрнѣйшее удостовѣреніе во спасеніи.

74) Всякому надлежитъ разсматривать себя и внимать себѣ разумно, чтобъ ни на надежду одну не полагаться безъ плача по Богу и смиренія, ни опять на смиреніе и слезы не полагаться безъ спослѣдованія имъ надежды и радости духовной.

75) Есть мнимое смиреніе, происходящее отъ нерадѣ-

*) Сего—нѣтъ въ Греч. Добротолубіи и слѣдующихъ до 78.

нія и лѣности и отъ сильнаго осужденія совѣсти. Возимѣвшіе его нерѣдко почитаютъ его виною спасенія; но оно не есть таково воистинѣ, потому что не имѣетъ радостотворнаго плача, который бы соединенъ былъ съ нимъ.

76) Бываетъ и плачь безъ духовнаго смиренія, и тѣ, которые плачутъ такимъ образомъ, тоже думаютъ, что такой плачь очищаетъ грѣхи; но они тщетно обманываютъ себя, потому что лишены бываютъ сладости Духа, таинственно порождающейся въ мысленномъ сокровище-хранилищѣ души, и не вкушаютъ благодати Господа. Почему таковыя скоро воспаляются гнѣвомъ и не могутъ совершенно презрѣть міра и то, что въ мірѣ. А кто не презреть сего совершенно и не стяжетъ ненависти къ сему отъ всей души, тотъ никогда невозможетъ стяжать твердую и несомнѣнную надежду спасенія, но всегда влается сомнѣніемъ туда и сюда, такъ какъ не основалъ надежды своей на камнѣ.

77) Плачь двоякое имѣетъ дѣйствіе: и, какъ вода, погашаетъ слезами весь пламень страстей и омываетъ душу отъ скверны, причиняемой ей ими; и опять, какъ огонь, присутствіемъ Святаго Духа животворитъ, согрѣваетъ и обогняетъ сердце и воспаляетъ въ ней любовь и вожделѣніе къ Богу.

78) Внимай себѣ и познай дѣйствія, происшедшія въ тебѣ отъ смиренія и плача, и замѣчай, какую пользу приносятъ они тебѣ каждый часъ. Въ повоначальныхъ же и такая еще бываетъ отъ нихъ польза,—отверженіе всякой земной заботы и пристрастія и отреченіе отъ всѣхъ людей,—родителей, родныхъ и друзей,—безпопеченіе и презрѣніе всѣхъ вещей,—денегъ и всего, не только до послѣдней нитки, но даже и до самого тѣла своего.

79) *) Притворяющихся добродѣтельными и иными являющихся по внѣшнему виду, иными же бывающихъ по

*) Въ Греч. и Слав. Добротолубин 70.

внутреннему человѣку,—исполненныхъ иной разъ всякой несправды, полныхъ зависти, рвенія и зловопія сластей чувственныхъ,—многіе почитаютъ, какъ безстрастныхъ и святыхъ, имѣя неочищеннымъ око души (чтобъ познать ихъ прямо) и не въ состояніи будучи познать ихъ по плодамъ ихъ; а тѣхъ, которые живутъ въ благоговѣнствѣ, добродѣтели и простотѣ сердца, и суть воистину святы, не отличаютъ отъ прочихъ людей, мимоходятъ ихъ съ небреженіемъ и вмѣняютъ ни во что.

80) Говоруна и показливаго такіе почитаютъ болѣе учительнымъ и духовнымъ; а молчаливаго и блюдущагося отъ празднословія почитаютъ дикаремъ необразованнымъ и безгласнымъ.

81) Отъ того, кто говоритъ въ Духѣ 'Святомъ, высокоумные и недугующіе діавольскою гордынею отвращаются, какъ отъ высокоумнаго и горделиваго, будучи словами его паче поражаемы, чѣмъ приводимы въ умиленіе и сокрушеніе; а того, кто мслеть, какъ жерновъ, и говоритъ отъ чрева своего или по наукѣ, хвалятъ и принимаютъ, хотя онъ о дѣлѣ спасенія все лживо толкуеть. Такимъ образомъ между такими нѣтъ никого, кто бы могъ добрѣ и какъ есть на самомъ дѣлѣ, распознать и видѣть (людей или дѣло спасенія).

82) *Блаженн*, говоритъ Богъ, *чистіи сердцемъ, яко тѣи Бога узрятъ* (Мѡ. 5, 8). Чистымъ же сердце дѣлаютъ не одна, не двѣ, не десять добродѣтелей, а всѣ вмѣстѣ, слившись, такъ сказали, во едину добродѣтельность, достигшую послѣднихъ степеней совершенства. Однакожь и въ такомъ случаѣ добродѣтели—однѣ не могутъ сдѣлать сердца чистымъ, безъ воздѣйствія и присѣщенія Духа Святаго. Ибо какъ ковачь, какъ бы искусно ни умѣлъ онъ дѣйствовать орудіями, ничего не можетъ сработать безъ содѣйствія огня, такъ и человѣкъ пусть все дѣлаеть съ своей стороны (для очищенія сердца), пользуясь для сей цѣли добродѣтелями, какъ орудіями, но безъ присѣщенія огня Духа, все дѣлаемое имъ оста-

нется бездѣйственнымъ и бесполезнымъ для его дѣли, такъ какъ это—одно—не имѣеть силы очищать нечистоту и скверну души.

83) Въ божественномъ крещеніи мы получаемъ отпущеніе прегрѣшеній, освобождаемся отъ прародительской клятвы и освящаемся наитіемъ Святаго Духа; но совершенную благодать, какъ она означается въ словахъ: *всеюся въ нихъ и похожду* (1 Кор. 6, 16),—не тогда получаемъ. Ибо это есть достояніе совершенно утвержденныхъ въ вѣрѣ и доказавшихъ ее дѣлами. Если же мы по крещеніи уклоняемся на скверныя и злыя дѣла, то совершенно теряемъ и самое освященіе. И уже покаяніемъ, исповѣдію и слезами, соотвѣтственно дѣламъ, получаемъ опять сначала отпущеніе прегрѣшеній, а потомъ и освященіе вышнюю благодатию.

84) Черезъ покаяніе совершается отмытіе скверны прежнихъ непотребныхъ дѣлъ, а послѣ такого очищенія бываетъ причастіе Святаго Духа; но не просто, а въ силу вѣры, расположенія (крѣпкой рѣшимости стоять не падая) и смиренія кающихся отъ всей души; и не только послѣ проявленія такихъ расположений, но и послѣ того, какъ получится разрѣшеніе грѣховъ отъ духовнаго отца и воспріемника. Почему хорошо каждодневно каяться, какъ повелѣваетъ заповѣдь. Ибо слова: *покайтесь, приблизися бо царствіе небесное* (Мѣ. 3, 2), возлагають на насъ дѣланіе, неограничиваемое опредѣленнымъ временемъ, а всегдашнее.

85) Благодать Всесвятаго Духа дается увѣстившимся Христу душамъ, какъ обрученіе или залогъ. И какъ жена безъ обрученія не имѣеть твердой увѣренности, что несомнѣнно сочетается нѣкогда съ мужемъ: такъ и душа никогда не воспріиметь вѣрнаго удостовѣренія, что будетъ вѣчно сопребывать съ Владыкою своимъ и Богомъ, или таинственно и неизреченно сочетаваться съ Нимъ и наслаждаться неприступною красотою Его, если не получитъ обрученія или залога благодати Его, и не возьмѣеть въ себѣ сознательно Его самого.

86) Какъ обрученіе не бываетъ надежно пока согласительныя бумаги, въ коихъ пишутся условія брака, не будутъ подписаны достойными вѣры свидѣтелями: такъ не бываетъ твердо возсіяніе благодати, прежде дѣланія заповѣдей и стяжанія добродѣтелей. Ибо что суть при заключеніи условія свидѣтели, тѣмъ при духовномъ обрученіи бываетъ дѣланіе заповѣдей и добродѣтелей: чрезъ нихъ всякій имѣющій спастися получаетъ совершенное обладаніе обрученіемъ (т.-е. благодатию Св. Духа).

87) Сначала какъбы пишутся брачныя условія дѣланіемъ заповѣдей, потомъ добродѣтелями они запечатлѣваются и подписываются; и тогда женихъ—Христосъ невѣстѣ—душѣ—даетъ перстень, т.-е. обрученіе Духа.

88) Какъ невѣста прежде брака получаетъ отъ жениха только залогъ обрученія, условленное же приданое и прочіе обѣщанныя дары ожидаетъ получить послѣ брака: такъ и невѣста Христова—церковь вѣрныхъ и душа каждого изъ насъ сначала получаетъ отъ жениха Христа только обрученіе Духа, вѣчныя же блага и небесное царство чаеъ получить по исходѣ отсюда, будучи удостоверяема въ томъ залогомъ обрученія, который показываетъ ей все то какъ въ зеркалѣ и подтверждаетъ несомнѣнность полученія того, на чемъ состоялось согласеніе ея съ Владыкою своимъ и Богомъ.

ПИСЬМА

въ разнымъ лицамъ и о разныхъ предметахъ
вѣры и жизни.

XXIV.

Пишешь: «лютѣйшій врагъ саможалѣніе не отступаетъ отъ меня, устрашая, что заболѣю, если буду строго къ себѣ относиться. Отъ чего и плода никакого не вижу. Очень жалѣю о семъ; но не знаю, какія мѣры принять противъ этого врага моего. Прошу молитвъ».

Саможалѣніе—врагъ. Не оно, а самъ ты. Вѣдь, самъ себя жалѣешь; кто же виноватъ?! Самъ себя жалѣешь, самъ себя и разжалѣй, и дѣлу конецъ. А ты прикидываешься, будто саможалѣніе пришло откуда-то со стороны, и тебя насилуетъ. Совсѣмъ не со стороны пришло; оно твое собственное, доморощенное чадо, или ты самъ, прикидывающійся насилуемымъ и лукавщій предъ тобою самимъ, — лукавствомъ злѣйшимъ и пагубнѣйшимъ изъ всѣхъ лукавствъ.

Грѣхъ, живущій въ насъ,—корень и источникъ всѣхъ грѣховъ, — есть самость или самолюбіе. Первородныя дщери его суть саможалѣніе и самоугодіе. Черезъ первое онъ всегда приводитъ ко второму и устрояетъ порядокъ и характеръ жизни, противоположной богоугожденію. Не подумай, что это образъ жизни явно грѣшной. Нѣтъ! Эта жизнь исправна, только вся ведется изъ-за самоугодія. Саможалѣніе и самоугодіе допускаютъ дѣла, относящіяся къ богоугожденію, но подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ они не нарушали ихъ покоя, или и ихъ питали. Такимъ

образомъ иной и благочестивъ и добродѣтеленъ, а между тѣмъ опутанъ самоугодіемъ. Такіе услышатъ на судѣ: *не въмъ васъ*.—Хорошо, что ты хоть видишь въ себѣ саможалѣніе, и готовъ возстать противъ него. А другіе совѣмъ этого не видятъ. Къ тебѣ и обращаю рѣчь, чтобъ воодушевить тебя на прогнаніе сего врага твоего.

Изъ твоихъ дальнѣйшихъ словъ я заключаю, что ты неважными считаешь дѣйствія, допускаемыя по саможалѣнію и самоугодію.—Тутъ у тебя большая ошибка. Дѣйствія такіа, сами по себѣ, точно бываютъ неважны; но нельзя сказать, чтобъ неважно было присутствіе въ душѣ твоей саможалѣнія и самоугодія. Ибо что оно значитъ?—Значитъ, съ перваго взгляда, что самоугодіе у насъ съ тобою сильнѣе богоугожденія, хоть мы положили угождать Богу и думаемъ, что дѣлаемъ такъ. Положили мы то и то дѣлать, сознавъ то нужнымъ въ дѣлѣ устройства спасительной жизни, и потому угоднымъ Богу; а потомъ отказываемся отъ этого, не почему другому, какъ потому, что жаль себя, жаль отъ сна отнять нѣчто, жаль пищи немного не добрать, жаль потрудить себя, и подобное. Еслибъ приходилось пожалѣть только себя, и больше ничего! А то бываетъ такъ, что, пожалѣвъ себя, оставляемъ дѣла, какія по совѣсти сочли нужными для себя въ дѣлѣ спасенія. Слѣдовательно въ этихъ дѣйствіяхъ мы переходимъ отъ богоугожденія и содѣванія спасенія къ самоугодію, т.-е. дѣйствуемъ поперекъ того, какъ положили дѣйствовать. Какъ совѣсть знаетъ о нашемъ рѣшеніи, то сейчасъ же и начинаетъ укорять насъ въ невѣрности самимъ себѣ, измѣнивъ себя.

Стыдно становится предъ собою и покой внутренній пропадаетъ. Какъ быть? Иной, сознавъ свою оплошность, тотчасъ возстановляетъ первое рѣшеніе не потворствовать себѣ, и полагаетъ впередъ никакъ не поддаваться внушеніямъ саможалѣнія. А другой, по вялости воли, отъ тогоже саможалѣнія заимствуетъ самооправданіе и извиняетъ себя то случайнымъ разнемоганіемъ, то разнымъ

дѣлами, то надобностію послабить себѣ немного, чтобъ не изнемочь. Онъ самъ видитъ, какъ эти опоры къ извиненію себя хрупки, однакожь не отказывается уговаривать совѣсть свою не тревожиться и его не тревожить.— И вотъ лукавство предъ самимъ собою, злѣйшее всѣхъ лукавствъ, корень всѣхъ нашихъ грѣхопаденій.—Что же совѣсть?—Совѣсть сначала постоитъ, а потомъ смѣжаетъ уста свои. Вѣдь самъ онъ хозяинъ. Что съ нимъ подѣлаешь? Покоя однакожь она не даетъ. Предстоитъ необходимость заглушить ея голосъ. Чѣмъ? Отклоненіемъ вниманія на вѣшнее, чтобъ не быть у себя дома,—то-есть пойти погулять, или поговорить съ кѣмъ, и под.—И пошли развлеченія за развлеченіями. Они принесутъ плодъ—равнодушіе къ дѣлу спасенія и потерю страха Божія. Авось—небойсь!—И сталъ человѣкъ жить какъ живется, спустя рукава. Такъ вотъ видишь, какъ не маловажны дѣйствія поблажки самоугодію и саможалѣнію?—Почаще смотри на эти послѣдствія и черпай изъ такого смотрѣнія воодушевленіе противъ сихъ яраговъ.

Откуда берется у самоугодія такая сила, что и по рѣшимости содѣвать свое спасеніе, оно успѣваетъ склонять на дѣла свои? — Я думаю, отъ того, что въ первоначальномъ рѣшеніи допущена неполнота. Оно было неполно и не совсѣмъ рѣшительно. При образованіи его имѣлось въ виду спасеніе и полученіе царства небеснаго; а жертвы и труды требуемыя для сего не были взвѣшены, или даже и разсмотрѣны. Оттого какъ только потребовались они, мы и храмлемъ. Думалось, что все легко пойдетъ; а оно не пошло легко, какъ и нейдетъ ни у кого. Чаяли мы и царствіе получить и покойно жить, въ сласть себѣ: чтò не совмѣстимо. У св. подвижниковъ и говорится всюду, что кто хочетъ какъ должно идти путемъ спасенія, тотъ долженъ опредѣлить себя на смерть,—не на какія либо лишенія ничтожныя, а на лишеніе даже самой жизни, — чтобъ стоять въ начатомъ до положенія живота. Кто такъ полно рѣшается, къ тому саможалѣніе

подступа не имѣть. Почему если хочешь не поддаваться саможалѣнію, возвратись къ началу добраго рѣшенія твоего,—и дополни недостающее въ немъ. Если ты поддаешься саможалѣнію, то еще не отвергся себя. Если не отвергся себя, то еще и шагу не сдѣлалъ по пути въ слѣдъ Христа Господа. Только мысли и рѣчи у тебя были объ этомъ; а дѣло еще не послѣдовало. Я разумѣю то, какъ сему дѣлу надлежитъ быть внутри тебя.

Не подумай опять при семъ: авось—небось,—какънибудь проплетусь. Нисколько не проплетешься, а будешь толочься на одномъ мѣстѣ. Самъ же говоришь, что успѣха никакого въ себѣ не видишь. И не жди его, пока есть саможалѣніе. Не случилось ли тебѣ видѣть электрическую машину?! Если видѣлъ, то конечно знаешь, что электричество, посредствомъ тренья возбуждаемое, собирается въ мѣднѣй цилиндръ; и его можетъ набраться такъ много, что убьетъ, если неосторожно прикоснуться къ цилиндру. Но если отъ цилиндра спустить мѣдную же цѣпочку до земли; то электричества нисколько не соберется, хоть до поту верти колесо. Вотъ чтѣ есть эта цѣпочка, спущенная до земли, то-есть самоугодіе и саможалѣніе. Сколько ни трудись, они не дадутъ образоваться въ душѣ ничему духовному. Весь плодъ трудовъ они будутъ поядать и уничтожать.

То правда, что саможалѣніе и самоугодіе не всякаго ведутъ прямо къ видимо худой жизни; но тѣмъ не менѣе всю жизнь дѣлаютъ бесплодною. Кто страдаетъ ими, тотъ ни теплъ, ни хладенъ, ни то ни се. А такимъ въ Апокалипсисѣ угрожается совершеннымъ отверженіемъ, съ отвращеніемъ отъ нихъ и мерзеніемъ ими (—3, 15. 16).

Потому изволь призадуматься надъ своимъ саможалѣніемъ, и поспѣши сдѣлать съ нимъ расправу, какой оно справедливо заслуживаетъ. Ты просишь молиться объ избавленіи отъ него. Тутъ ничья молитва не поможетъ. Самоотверженіе, уничтожающее саможалѣніе, есть исходный пунктъ, съ котораго начинается и помощь Божія,

и помощь взаимной братской молитвы. А отвергнуться себя ты долженъ самъ. За это дѣйствіе затѣмъ и всѣ дары Божіи пойдутъ. Если же ты не представишь этой жертвы; то нежди помощи ни свыше ни изъ-около тебя. Припомни примѣръ бывшій въ Египетской пустынѣ. Братъ смущаемъ былъ движеніями плоти. Приходитъ онъ къ старцамъ, и проситъ молитвъ. Тѣ стали молиться, какъ обыкновенно дѣлывали. Но прошло нѣсколько времени, и братъ опять приходитъ и проситъ о томъ же. Старцы опять общались и молились. Но помощи опять не было. Такъ и въ третій разъ. Удивились старцы; ибо обычно помощь была посылаема по первой ихъ молитвѣ. Почему стали молиться уже не о помощи брату, а о томъ, чтобъ Господь благоволилъ открыть имъ, отъ чего неугодно Ему слышать молитву ихъ. Господь открылъ имъ, что виновать самъ братъ тѣмъ, что не противится, а поблажась нечистымъ движеніямъ. — Тогда они позвали его и сказали ему, чтобъ онъ самъ въ себѣ отсѣкъ всякую себѣ поблажку, тогда и помощь будетъ отъ молитвы. Братъ сдѣлалъ такъ,—и съ Божіею помощію за молитвы старцевъ освободился отъ страсти.—Вотъ и тебѣ мой отвѣтъ. Отсѣки самоугодіе: тогда помощна будетъ и сторонняя молитва. А пока будешь на его сторонѣ, ни откуда нежди помощи.

Больше я тебѣ ничего не скажу. Самъ видишь, зачѣмъ стоитъ дѣло. Сдѣлай же это, и дѣло твое пойдетъ благословеннымъ Божіимъ порядкомъ.

XXV.

Пишешь: «я нахожусь въ несчастномъ положеніи, и считаю себя близкимъ къ гибели. Я имѣлъ небольшое состояніе; но въ настоящее время ничего не имѣю, даже

дневной пищи, — и семейство мое терпитъ нужду и изнуреніе.

«Мнѣ думается, что Господь насъ оставилъ и не слушаетъ нашихъ молитвъ и прошеній. И невольно приходитъ на мысль, что св. Писаніе какъ будто насъ обманываетъ.

«По слабости человѣческой боюсь, какъ бы не приять смерть насильственную. Буду ли я виновенъ въ моей крови? Потому, что я раньше прошу у Господа, чтобъ Онъ не погубилъ души моей.

«Самъ я готовъ бы еще терпѣть; но семейство мое страдающее отбиваетъ всякое терпѣніе. Жена и дѣти малолѣтныя изъ-за меня негоднаго страдаютъ. Пусть бы Создатель меня одного наказалъ, а ихъ отъ страданія избавилъ.

«За что страдаю?—Догадываюсь, что за грѣхи. По торговымъ оборотамъ были неправды—крупныя..,—которыя и перечисляешь. Или, можетъ быть, я неумѣю найти своего таланта?

«И не знаю, какъ устроиться. Думаю пойти куда въ услуженіе..., хоть самъ имѣлъ слугъ».

Я нарочно прописываю почти все твое письмо; потому что въ немъ самъ ты отчасти уже намекаешь на то, откуда тебѣ слѣдуетъ заимствовать утѣшеніе и воодушевленіе къ терпѣнію и чѣмъ хоть сколько нибудь помочь бѣдѣ. Ангель хранитель подсказываетъ это тебѣ; но видно, что и врагъ не дремлетъ, а покушается то омрачить твой умъ неправыми помышленіями, то ввергнуть въ отчаяніе. Почему первое мое тебѣ слово: перейди сознаниемъ на добрую сторону, и ея держись, отгоняя недобрыя навѣянія вражіи.

Было, говоришь, состояніе, а теперь ничего нѣтъ, даже хлѣба насущнаго. — Кто можетъ сказать, что это не горестно?—Крайне горестно. Но помани Іова, — воодушевься. Ты конечно не столько потерялъ, сколько онъ. Тѣмъ легче тебѣ усвоить то, что онъ говорилъ и чув-

ствовалъ: *Господь даде, Господь отъятъ. Якоже Господеву изволися, тако и бысть.* Возстанови же и укрѣпи убѣжденіе вѣры, что все бывающее бывасть по изволенію Господа, и покорись Его рѣшенію.—Положилъ Господь дать тебѣ небольшое состояніе и даль. Ты пользовался имъ до времени и жилъ въ довольствѣ. Теперь Онъ опредѣлилъ взять отъ тебя данное, и оставить ни при чсмъ. Прими и это рѣшеніе, какъ принималъ первое,—благопокорливо: Господь—Владыка всего. Какъ хочеть; такъ и распоряжается всѣмъ. Говори же въ сердцѣ своемъ: такъ изволися Господеву! Буди благословенно имя Его!

Въ отношеніи къ имуществу мы у Господа—приставники, а—Онъ хозяинъ. Одного къ одному приставляетъ, другаго къ другому, и перемѣняетъ приставниковъ, какъ находитъ лучшимъ. Былъ ты приставленъ къ немногому; а теперь отставленъ. Потерпи немного. Можетъ быть Владыка всего приставитъ тебя къ другому чему. Іовъ и все потерялъ, и самъ сталъ ни къ чему негожъ; а все не падалъ духомъ. Ты же еще на ногахъ и здоровъ; а растерялся и руки опустилъ. Скорѣе тебѣ слѣдуетъ думать, что Владыка отставилъ тебя отъ этого приставничества только на время, чтобъ дать другое, нежели что Онъ совсѣмъ бросилъ тебя. Потерпи немного,—и опять получишь что либо.

Легко, скажешь, говорить: потерпи, но какъ терпѣть-то?! Ъсть надо, а нечего. Съ голоду умираемъ.—Ну, это ты немного увеличиваешь свою бѣду. Когда общій голодъ, тогда конечно умирають съ голоду; а когда кругомъ всѣ въ довольствѣ, какъ умереть съ голоду?—Проси. Никто не откажетъ въ кускѣ хлѣба и въ другомъ, безъ чего жить нельзя. Стыдно?—Что дѣлать? Смирись, когда смирилъ тебя Господь. Смирениемъ расположишь другихъ еще къ большому состраданію. И кое-какъ устроишься. А тамъ Господь пошлетъ и лучшее чтò.

Ты говоришь, что готовъ бы пойти въ услуги. И прекрасно. Иди, не стыдись. А если и жена можетъ тоже

сдѣлать, еще лучше. Ни одного положенія вѣтъ низкаго. Низко одно—быть неисправнымъ и въ чемъ либо невѣрнымъ. И водовозъ и дровосѣкъ—почтенны, и пользуются въ самомъ дѣлѣ почетомъ, когда, какъ слѣдуетъ, работаютъ.—Вотъ у тебя и обезпеченіе небольшое будетъ. А при этомъ терпѣть уже не совсѣмъ будетъ несносно. Покажете умѣнье служить, заслужите довѣріе,—получите бѣльшія порученія, и большее будете имѣть обезпеченіе. А тамъ, можетъ быть, соберетесь настолько, что сможете начать опять прежнія свои дѣла. А ты руки опустилъ и голову повѣсилъ, — и твердишь: «Господь насъ оставилъ, Господь насъ не слушаетъ».

Господь никогда не оставляетъ, а только даетъ разныя положенія и состоянія и перемѣняетъ ихъ для иныхъ. Еслибы Господь тебя оставилъ, то тебя уже не было бы и на свѣтѣ. А какъ ты живешь, то значить, Господь не оставилъ тебя, но блюдетъ, какъ и другихъ,—только перемѣнилъ твое состояніе. Состояніе это не таково, какого тебѣ хочется; потому мятешься. Но чтѣ мятешься?—Бога не преодолѣешь. Смирись лучше подъ крѣпкую руку Божію, и восхоти сего именно положенія, Богомъ тебѣ присужденнаго. И успокоишься.

Конечно, тебѣ приходитъ на мысль: «чтожь другіе-то всѣ вокругъ живутъ, какъ обычно, только я одинъ потерпѣлъ горькое измѣненіе».—Да что тебѣ до другихъ? Имъ судилъ Богъ такъ пребыть, какъ были, а тебѣ потерпѣть измѣненіе на худшее. Не на другихъ смотри, а на руку Божію, измѣненіе въ твоёмъ состояніи произведшую. Поставь себя предъ Богомъ, и не посмѣешь заикнуться: какъ же другіе?—Ибо совѣсть твоя скажетъ тебѣ, что чрезъ это ты вступаешь въ прю съ Богомъ, отчета у Него требуешь: какъ такъ поступилъ Онъ въ отношеніи къ тебѣ?! И заставитъ тебя замолчать.

Если ты вѣруешь въ промышленіе Божіе, попечительное о насъ, то долженъ вѣровать и въ то, что у Бога всегда есть отчетъ, почему Онъ такъ и такъ распоря-

жается нашею участію, — и отчетъ сей никогда не въ ущербъ нашему существенному благу; только Онъ не всегда благоволить открывать намъ, почему такъ бываетъ. Вѣра удостовѣряетъ насъ, что все бывающее бываетъ отъ Бога, и, какъ Богъ всеблагъ, бываетъ къ существенному благу нашему. Возставъ сію вѣру, и она освѣтитъ примрачность твоего положенія, давъ тебѣ восчувствовать, что другіе оставлены такъ, какъ были, потому, что это для нихъ благо, а тебя постигло горькое измѣненіе, потому что это для тебя лучше. Увидь же, что ты ничѣмъ незадѣленъ сравнительно съ ними, а находишься у Бога на одной съ ними линіи.

И что я говорю: на одной? Ты выше ихъ сталъ. Читай, что пишетъ св. Павелъ въ посланіи къ Евреямъ: *егоже любитъ Господь, наказуетъ: бьетъ же всякаго сына, егоже приемлетъ. Аще наказаніе терпите, якоже сыновомъ обрѣтается вамъ Богъ* (Евр. 12, 6. 7). Всѣхъ любитъ Господь и о всѣхъ печется. Но кого подвергаетъ испытанію какому нибудь, то этимъ показываетъ, что того особенно любить, въ достоинство сыновъ своихъ любимыхъ возводить.

Скажешь: «какъ же это такъ? Любовь показываетъ, а больно». — Что дѣлать? Въ этомъ не Божія вина, а наша. Таковы мы, что намъ любовь показать Богъ не можетъ иначе, какъ сдѣлавъ намъ больно. Больны мы всесторонне, и требуемъ остраго врачеванія, котораго цѣлительность переходитъ къ намъ не иначе, какъ чрезъ больно. Богъ это и дѣлаетъ теперь. Увидѣлъ, что если тебя оставить еще на нѣсколько такъ, какъ былъ, то болѣзнь твоя стала бы неизлечимою. Потому приступилъ къ тебѣ съ врачеваніями. А врачеваніе это потребовало отсѣченія и прижиганія. Вотъ и больно. Больной, которому отрѣзываютъ иную часть, не говоритъ, что лекаръ его оставилъ, а напротивъ тутъ-то и видитъ, что лекаръ попечительно за нимъ ухаживаетъ. Такъ и ты видь въ отсѣче-

ни всего имѣнія твоего особую о тебѣ Божию попечительность, а не оставленіе.

Тебѣ бы хотѣлось поосязательнѣе увидѣть, почему именно такое отсѣченіе употреблено въ отношеніи къ тебѣ, какъ заключаю изъ твоего вопроса: за что это такое страданіе? Но ты же самъ и отвѣтилъ: за грѣхи, которые и перечисляешь. Грѣхи—не малы. Еслибъ тебя оставить такъ, ты бы конечно и еще приложилъ подобныхъ грѣховъ побольше. Грѣшный твой навѣкъ и настроеніе укоренились бы и до того бы испортили тебя, что ты и не воздохнулъ бы о своей худости. Еслибъ Господь осудилъ тебя на гибель, такъ бы и оставилъ тебя течь своею дорогою въ пагубу. Но какъ любить тебя и не хочеть твоей пагубы, то послалъ тебѣ горе, чтобы ты опомнился, позналъ грѣхи свои, покаялся въ нихъ и исправился. Вотъ для чего именно такъ поступилъ съ тобою Господь. И твоя собственная совѣсть напомнила тебѣ объ этомъ. Послушайся же ея внушенія, вонми Божию о тебѣ намѣренію и сдѣлай то, чего Онъ отъ тебя требуетъ. Пересмотри всѣ свои неправости, осуди ихъ, оплачь и исповѣдай на духу, положи въ твердое намѣреніе дѣйствовать уже всегда по чистой совѣсти, если Богу угодно будетъ опять приставить тебя къ прежнимъ дѣламъ. Если такъ исправилъ свое внутреннее настроеніе и приложишь еще рѣшеніе удовлетворить всѣхъ онеправдованныхъ, подобно Закхею, когда будешь имѣть возможность: то представишь въ себѣ нѣчто достойное помилованія,—и не дивно, что встрѣтишь сіе помилованіе. Сдѣлавъ такъ, ты будешь готовъ къ помилованію. Если и за тѣмъ продолжится твое горькое положеніе, то для того только, чтобы ты покрѣпче утвердился въ принятыхъ тобою добрыхъ расположеніяхъ. Тутъ бывають тоже что въ кузнечныхъ издѣліяхъ,—что кузнецъ сдѣлавъ вещь не тотчасъ отдастъ ее въ употребленіе, а прежде закаляетъ. Не дивно, что и Господь, и послѣ твоего раскаянія, продлитъ твое испытаніе, чтобы закалить тебя въ добрѣ.

Изъ сказаннаго тебѣ ясно, полагаю, почему Богъ не слышитъ, какъ тебѣ кажется, твоихъ молитвъ. Перекрестился ты разъ—другой, и ждешь, что вотъ-вотъ все небо подвигнется къ тебѣ на помощь; самъ же между тѣмъ и на волосъ не движешься къ тому, чего требуетъ отъ тебя Богъ въ настоящихъ твоихъ обстоятельствахъ. Какъ же тебя слышать? Покайся, исповѣдуй грѣхи, положи исправитъ свои сердечныя расположенія,—и жди, какъ благоволитъ устроить тебя Богъ, не предрѣшая того. Тогда если и придетъ на мысль, что Богъ не слышитъ, все же ты хоть какое либо основаніе къ тому имѣть будешь. Но я думаю, что такая мысль не придетъ уже. Ибо тогда совѣсть будетъ увѣрять тебя, что все еще мало терпѣль сравнительно съ грѣхами, и молиться тебя заставить: прибавь Господи,—чтобъ совѣмъ очиститься.

Богъ не слышитъ?—Богъ все слышитъ и видитъ. Только желаніе твое исполнить не находитъ полезнымъ для тебя. Онъ ввергъ тебя въ огонь искушенія, чтобъ изъ тебя выжечь все неправое, и не погаситъ огня сего, пока вполнѣ не очистишься. Ты похожъ теперь на хлѣбъ, посаженный въ печь. Хозяйка не вынетъ хлѣба изъ печи, пока не удостоверится, что онъ испекся; и Господь не изведетъ тебя изъ печи скорби твоей, пока не увидитъ, что ты прочно установился въ добрыхъ расположеніяхъ. Сиди же въ сей Божіей печи и терпи.

Это все вражьи навѣянія: «Богъ не слышитъ, обѣтованія слова Божія псѣвръны; лучше покопчить съ собою».—Припомни Божіи обѣтованія въ словѣ Его, и увидишь, что ни одно не осталось неисполненнымъ, и именно такъ, какъ обѣтовано. Не стану перечислять ихъ. Остановлюсь на томъ, которое ближе тебя касается,—именно—обѣтованіи слышать молитвы молящихъ и миловать ихъ. Всѣхъ слышалъ, которые просили о должномъ и просили, какъ должно. Услышалъ Моисея предъ моремъ, услышалъ Анну, мать Самуила, услышалъ Илію, услышалъ царя Езекию, услышалъ трехъ отроковъ въ печи, Даніила во

рву,—и сколько другихъ есть услышанныхъ?!—Припомни все это, — и прогонишь худое помышленіе, будто слово Божіе обманываетъ насъ. Если не услышана бываетъ молитва; то вина того за нами: не такъ молимся, какъ слѣдуетъ, и прочихъ не исполняемъ условій услышанія. Врагъ же подходитъ и влагаетъ клевету на слово Божіе, тогда какъ намъ слѣдуетъ себя винить, а не слово Божіе.

О томъ, будто лучше покончить съ собою, я и говорить не буду. Нелѣпость этого сама собою очевидна. Конечно ты вѣруешь въ будущую жизнь. Разсуди же!—Ты самъ себя произвольно въ здоровомъ умѣ лишишь жизни, — и совершишь смертный грѣхъ, съ которымъ перейдешь и въ другую жизнь, не покаявшись: ибо когда тутъ каяться? — Почему прямо и будешь осужденъ въ адъ. Какое же это будетъ поправленіе своего положенія? Убьешь себя, чтобъ избыть отъ бѣды,—и за то попадешь въ безмѣрно большую бѣду, вѣчную, неизмѣнную. Пока тутъ бѣдствуешь, можешь питать надежду, на томъ свѣтѣ за это лучшей сподобиться участи; а на томъ свѣтѣ ужъ не будетъ такой надежды. Попадешь въ адъ, тамъ и останешься. — Вотъ какую внушаетъ тебѣ врагъ поправку положенія твоего горькаго! — А если будешь благодушно терпѣть; то и здѣсь можетъ быть поправишься, и на томъ свѣтѣ милость встрѣтишь.

Больше не имѣю что сказать тебѣ. — Благодушествуй же и терпи, помня слово Господа, что претерпѣвшій до конца спасенъ будетъ.

МІРСКІЯ ЗАНЯТІЯ

признаваемыя церковнымъ правомъ несовмѣстимыми съ служеніемъ духовныхъ лицъ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ Русскимъ правительствомъ и обществомъ возбужденъ былъ вопросъ о мѣрахъ къ возможному улучшенію общественнаго и обезпеченію матеріальнаго положенія православнаго духовенства въ Россіи, — вопросъ, сохраняющій нѣкоторое значеніе и для настоящаго времени, потому что и до сихъ поръ еще онъ не получилъ полнаго и удовлетворительнаго разрѣшенія. Мы не имѣемъ теперь цѣлю разсматривать то, что уже сдѣлано правительствомъ въ видахъ улучшенія быта духовенства *), и высказывать наши мнѣнія и желанія на этотъ счетъ; а обращаемъ вниманіе исключительно на одно частное, однако не маловажное, обстоятельство, имѣвшее мѣсто при обсужденіи означеннаго вопроса въ литературѣ прошедшаго десятилѣтія. Именно между различными рѣшеніями этого вопроса, которыя предлагались въ качествѣ проэктвъ духовными и частію свѣтскими журналами, указывались нѣкоторыми лицами, такія, которыя приглашали къ самодѣятельности въ данномъ направленіи само заинтересованное духовенство. Высказывалось, что духовенство хорошо бы сдѣлало,

*) Таковы напр. законодательныя мѣры въ этомъ направленіи — ассигнованіе жалованья отъ государства духовенству нѣкоторыхъ епархій и допущеніе духовенства повсемѣстно въ Россіи къ участию въ земско-хозяйственныхъ учрежденіяхъ (гласными въ думахъ и проч.), — конечно, гдѣ эти учрежденія уже введены.

еслибы, не рассчитывая много на стороннія о немъ заботы, само поболѣе трудилось, не чуждаясь должностей гражданскихъ (нѣкоторыхъ конечно), профессій и занятій мірскихъ, которыя въ такомъ случаѣ, съ одной стороны, постепенно уничтожили бы обособленіе духовенства отъ остальныхъ сословій, а чрезъ это неизбѣжно будтобы расширили кругъ его вліянія на общество, съ другой—несомнѣнно восполнили бы недостаточность матеріальнаго обезпеченія, получаемого отъ прихожанъ. Сколько помнится, мысль эта, нѣкоторое время весьма ревностно поддерживаемая въ литературѣ, была принята извѣстнымъ кругомъ духовенства и общества съ большимъ сочувствіемъ. Не желая витать въ области произвольныхъ предположеній, мы не будемъ входить въ обсужденіе того, насколько эта мысль удобоисполнима, принимая во вниманіе обстоятельства нашего времени,—а предпочитаемъ разсмотрѣть ее по существу и въ основаніи, или—съ той ея стороны, которая можетъ быть названа строго - юридическою, то-есть насколько исполненіе ея возможно и допустимо съ точки зрѣнія каноническаго права. Предпочитаемъ разсмотрѣніе такого рода потому, что еслибы оказалось неодобреніе церкви на сторонѣ указанной мысли, то отъ нея неизбѣжно пришлось бы отказаться, хотя бы она сама по себѣ была для насъ привлекательна. Православіе въ томъ и состоитъ, что твердо держится почвы каноновъ. Отступая отъ этой почвы, мы перестаемъ уже быть православными...

Вотъ что читаемъ мы въ «Правилахъ св. Апостоловъ (правило 6-ое): «епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, да не пріемлетъ на себя мірскихъ попеченій: иначе да будетъ изверженъ изъ священнаго чина». Почти буквально тоже повторяется и VII-мъ вселенскимъ соборомъ, въ 10 правилѣ котораго мы читаемъ: «клирикамъ не надлежитъ пріимати на себя мірскихъ и житейскихъ попеченій»... Итакъ вотъ какое главное и основное поста-

новленіє церкви касательно отношенія духовныхъ лицъ къ міру и его интересамъ: полное отдѣленіе, рѣшительная несовмѣщаемость духовныхъ обязанностей и мірскихъ попеченій, иначе—изверженіе изъ священнаго чина. Мірскія попеченія представляются здѣсь не только чуждыми, но какъбы враждебными потребностямъ церкви... Такая строгость воззрѣнія церкви объясняется несомнѣнно тѣмъ, что «мірскія попеченія», по самому существу своему, отвлекая мысль человѣка отъ небеснаго къ земному, вслѣдствіе этого почти необходимо должны препятствовать духовнымъ лицамъ свободно, неупустительно и добросовѣстно отправлять свои прямыя обязанности, препятствовать «клирикамъ неупустительно быть (не тѣломъ конечно только, но и душою) «при дѣлахъ церковныхъ» (пр. Ап. 81).

Какія именно «мірскія попеченія» возбраняются въ 6-мъ Апостольскомъ правилѣ и 10-мъ VII вселенскаго собора лицамъ духовнымъ, разъясненіемъ на это прежде всего служатъ, по согласному толкованію знаменитыхъ канонистовъ Зонары и Вальсамона, Апостольскія же правила 81 и 83, которыя читаются такъ: «не подобаетъ епископу, или пресвитеру, вдаватися въ народныя управленія, но неупустительно быти при дѣлахъ церковныхъ. Или убѣжденъ будетъ сего не творити, или да будетъ изверженъ *)»; и еще: «епископъ, или пресвитеръ, или діакопъ, въ воинскомъ дѣлѣ упражняющійся и хотящій удержати обое, то-есть, и римское начальство и священническую должность, да будетъ изверженъ изъ священнаго чина. Ибо кесарева кесареви, а Божія Богови (Мѡ. 22, 21)». Итакъ церковь, подъ угрозою изверженія изъ священнаго чина, признаетъ совершенную несовмѣстимость съ служеніемъ духовныхъ лицъ такихъ мірскихъ должностей, какъ «управленіе народными дѣлами», или гражданская

*) Тоже подтверждаютъ и соборы Всел. VII (прав. 10) и Констант. Двукратный (пр. 11).

служба,—также «воинское дѣло», или военная служба вообще. Славянская Кормчая весьма выразительно передаетъ духъ или смыслъ этихъ постановленій церкви, говоря: «епископъ—не епископъ, въ людскихъ вещей строеніе себе влагая»,—и: «святитель воинъ—не священъ: ибо кесарева кесареви, а Божія Богови». Если мы припомнимъ, что Ис. Христосъ никогда не принималъ никакого участія въ дѣлахъ мірскаго управленія, а тѣмъ болѣе не усвоилъ себѣ мірской власти, прямо говоря, что «царство Его не отъ міра сего» (Іоан. 14, 36), и что тоже самое Онъ заповѣдалъ апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и ихъ прямымъ преемникамъ пастырямъ церкви; то намъ вполне уяснится строгій судъ церкви противъ несомѣщенія духовной и свѣтской власти въ лицѣ клирика. Еще болѣе конечно понятно и, такъ, сказать, естественно запрещеніе церкви лицамъ духовнаго званія военной службы, такъ какъ они по своему назначенію суть по преимуществу служители религіи любви и мира. И мы должны отмѣтить, какъ существенное, относительно занимающаго насъ предмета въ настоящее время, обстоятельство, что въ первые вѣка христіанской эры сознаніе несомѣстимости для духовныхъ лицъ съ ихъ прямыми обязанностями какихъ либо стороннихъ мірскихъ должностей—гражданскихъ или воинскихъ было такъ живо и дѣйственно, что до Павла Самосатскаго исторія церкви не представляетъ намъ ни одного примѣра, когда бы епископъ, или вообще клирикъ, занималъ государственную должность. Въ лицѣ Павла Самосатскаго мы встрѣчаемъ первый примѣръ этого рода, такъ какъ Павелъ, бывши епископомъ, исправлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и должность дученарія *). Но соборъ Антиохійскій, какъ извѣстно, осудившій Павла за еретичество, вмѣнилъ ему и указанное обстоятельство въ преступленіе **). Должно замѣтить еще, что какъ гражданскія го-

*) Drey. Neue Unters. s. 247.

**) Справедливость впрочемъ требуетъ сказать, что впоследствии взгляды церкви въ этомъ отношеніи нѣсколько смягчились, такъ

сударственныя должности всё вообще воспрещаются клирикамъ выраженіемъ Апостол. правила: «народное управленіе», такъ и запрещеніе воинской службы лицамъ духовнаго званія относится, по толкованію Зонары и Вальсамона, не только къ употребленію и дѣйствию оружіемъ, что уже совершенно несовмѣстимо съ призваніемъ и служеніемъ клириковъ *), но и ко всёму вообще должностямъ, которыя сопричисляются къ «воинскимъ», или называются такими, каковы напр. наборъ въ войска, задача воинамъ жалованья и под.

Гражданскія и военныя должности воспрещаются канонами церкви клирикамъ даже и въ томъ случаѣ, когда бы послѣдніе уже не исправляли болѣе обязанностей духовнаго званія и такимъ образомъ уже не принадлежали къ этому званію, напр. когда духовныя лица по какимъ-либо обстоятельствамъ снимали съ себя свой санъ. Вотъ что читаемъ мы въ 7-мъ правилѣ Халкидонскаго (IV всел.) собора: «вчиненнымъ единожды въ клиръ и монахамъ опредѣлили мы не вступати ни въ воинскую службу, ни въ мірской чинъ. Иначе дерзнувшихъ на сіе и не возвращающихся съ раскаяніемъ къ тому, что прежде избрали

какъ случалось, что, по нуждамъ и обстоятельствамъ времени, лица духовнаго званія исправляли должности, или вообще вели дѣла общественныя — мірскія, и за это не подвергались изверженію изъ сана,—хотя означенныя выше постановленія церкви и никогда не были отмѣняемы. Изъ многочисленныхъ примѣровъ этого рода можно указать на Іакова Низибійскаго, который былъ и епископомъ и вмѣстѣ губернаторомъ этого города,—въ нашей отеч. церкви: на патріарховъ Филарета Никитича Романова и Никона, изъ которыхъ первый, какъ мы знаемъ, принималъ весьма дѣятельное участіе въ управленіи государствомъ при своемъ сынѣ Михаилѣ Теодоровичѣ, а послѣдній при Алексѣѣ Михайловичѣ,—и притомъ такъ открыто и официально, что оба патріарха именовались въ царскихъ указахъ именно — „великими государями“.

*) Даже ненамѣренное пролитіе клириками крови и особенно убійство, хотя бы невольное, подвергаетъ клирика лишенію степени. Вас. В. прав. 55.

для Бога, предавати анаѳемѣ». По толкованію Зонары, седьмое правило Халкидонскаго собора имѣеть въ виду оставляющихъ духовное званіе и переходящихъ въ мірское, а не совмѣщающихъ то и другое. «Настоящее правило, говоритъ толкователь, рассуждаетъ о тѣхъ клирикахъ и монахахъ, которые сняли съ себя священное одѣяніе и облеклись въ воинскую одежду, какъ будто сами были воинами, или въ свѣтскую одежду, какъ будто желали свѣтскаго достоинства. Таковыхъ правило опредѣлило подвергать анаѳемѣ, если они не раскаются, не обратятся къ той жизни, которую прежде избрали»... Согласно съ Зонарою толкуютъ это правило Аристинъ и Вальсамонъ. Въ послѣдствіи нѣкоторое время клирикамъ даже невозможно было снять съ себя свой санъ (т.-е. по желанію), такъ какъ греко-римскіе законы опредѣляли, чтобы клирики и монахи, перемѣнившіе одежду, были облакаемы въ прежнюю насильно, и при этомъ — клириковъ лишали прежнихъ ихъ церковныхъ степеней, а монаховъ повелѣвали держать въ монастырскомъ заключеніи *). Наши гражданскіе законы въ этомъ отношеніи много снисходительнѣе древнихъ: они не лишаютъ совсѣмъ права поступленія на государственную службу лицъ духовнаго званія, возвращающихся въ первобытное состояніе, а только нѣсколько ограничиваютъ его, именно: «пожелавшимъ сложить съ себя свой санъ не дозволяется поступать на государственную службу (гражданскую и военную—безразлично)—діаконамъ ранѣе 6 лѣтъ по увольненіи, а священникамъ—ранѣе десяти лѣтъ **). Для монаховъ же священнослужителей къ этимъ лѣтамъ прибавляется еще семь лѣтъ эпитиміи ***). Лицамъ же, лишаемымъ духовнаго званія за пороки и неблаговид-

*) Just. Nov. 123, cap. 42. Imp. Leonis Nov. 7. 2 Basil. lib. 4. tit 1. cap. 14.

***) 266 ст. Св. Зак. т. IX: о состояніяхъ. Изд. 1842 г.

***) 1832 г. окт. 26, § 1—6.; 1841 г. марта 27, ст. 91.

ные поступки, права поступленія на государственную службу ограничиваются вдвое болѣе, именно: діаконамъ не позволяется поступать ранѣе 12 лѣтъ, а священникамъ— 20 лѣтъ *). Должно впрочемъ сказать, что и послѣ дозволеніе свободнаго выбора службы предоставляется не всѣмъ, а только нѣкоторымъ, смотря по ихъ состоянію, или по ученымъ степенямъ: магистровъ, кандидатовъ и студентовъ **). Есть впрочемъ интересное исключеніе въ пользу военной службы. Бывшіе священнослужители могутъ вступать въ службу и до истеченія лѣтъ эпитиміи, но не иначе, какъ только рядовыми ***). Церковнослужители же, исключаемые изъ духовнаго вѣдомства за пороки, даже прямо обращаются въ военную службу,—конечно тоже рядовыми,—и освобождаются отъ этого только по совершенной къ такой службѣ неспособности (таковыя отсылаются въ отдаленныя губерніи) ****).

Съ тоюже строгостію, какъ и государственная служба, воспрещается лицамъ духовнаго званія церковію и «вмѣшательство въ дѣла» мірскихъ людей, и особенно, унижающія санъ духовный, «должности у частныхъ лицъ, напр. управителя домою, имѣніемъ» и проч. Въ правилахъ тогоже IV вселенскаго собора читаемъ слѣдующее: «святый и великій соборъ опредѣлилъ, чтобы впредь никто: ни епископъ ни клирикъ, ни монашествующій... въ распоряженіе мірскими дѣлами не вступалъ»,—и далѣе: «монашествующіе да не вмѣшиваются въ житейскія дѣла и да не приемятъ въ нихъ участія (Пр. 3—4. Сл. Пр. 19 Корсаг. соб.). Такое воспрещеніе клирикамъ вмѣшатель-

*) 267 ст. Св. зак. т. IX.

**) 1833 г. іюля 28; 1841 г. марта 27, ст. 127, прим. § 1; 1842 г. іюня 29 Высочайшее повелѣніе.

***) 267 ст. Св. з. т. IX.—Значить здѣсь, по мысли законодателя, не сама по себѣ военная служба негодна или неприлична для лицъ принадлежавшихъ нѣкогда къ духовному званію, а самыя эти лица признаются недостойными тѣхъ правъ и преимуществъ, какія сообщаетъ военная служба, напр. въ офицер. чинахъ.

****) Ibid. 272 ст.

ства въ мірскія дѣла, или, какъ соборъ далѣе выражается «устроенія ихъ» оправдывается соборомъ такъ, что все подобное совершается духовными лицами «ради гнуснаго прибытка». Въ такомъ случаѣ оно намъ вполне понятно и естественно, потому что ничего не можетъ быть справедливѣе, какъ воспрепятствовать достиженію корыстныхъ цѣлей тѣмъ лицамъ, которые, уже по заповѣди Апостола, должны быть «не лихоимцы и не сребролюбцы (1 Тим. 3, 3. Тит. 1, 7), и было бы непонятно лишь въ томъ случаѣ, еслибы этимъ постановленіемъ церкви устранялась «всякая вообще возможность участія» клириковъ въ мірскихъ дѣлахъ, такъ какъ, нѣтъ сомнѣнія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда участіе клириковъ не обусловлено побужденіями корысти или личной пользы, оно можетъ быть далеко не бесполезнымъ для той и другой стороны. И дѣйствительно церковь, воспрещая клирикамъ участіе въ мірскихъ дѣлахъ корыстное (и въ силу этого конечно произвольное), допускаетъ участіе законное, т. е. въ пользу лицъ, имѣющихъ дѣйствительную нужду въ такомъ участіи, и по порученію властей. Такъ въ томъ же 3 прав. IV всел. собора далѣе читаемъ слѣдующее: «развѣ токмо по законамъ» (клирикъ) «призванъ будетъ къ неизбѣжному попечительству надъ малолѣтними, или епископъ града поручитъ кому имѣть попеченіе о церквоняхъ дѣлахъ, или о сиротахъ и вдовахъ беспомощныхъ, и о лицахъ, которымъ особенно нужно оказать церковную помощь, ради страха Божія». Также оговаривается соборомъ и воспрещеніе участія монаховъ въ мірскихъ дѣлахъ: «развѣ токмо когда будетъ сіе позволено епископомъ града, по необходимой надобности» (Пр. 4). Объясняя означенныя правила Халкидонскаго собора, Зонара, Аристинъ и Вальсамонъ согласно говорятъ, что клирики могутъ быть «опекунами» *) и «попечителями» **), когда

*) Надъ малолѣтними, не достигшими 14-лѣтняго возраста, которые назывались—*αἰνόροι*.

***) Надъ несовершеннолѣтними, перешедшими возрастъ 14 лѣтъ,

призываются къ тому закономъ, напр. по праву родства, или даже и надъ чужими сиротами *), но по порученію епископа,—за исключеніемъ впрочемъ самихъ епископовъ и монаховъ, которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть ни опекунами, ни попечителями даже своихъ родственниковъ, а только «епитропами», т.-е. распорядителями имѣній, оставляемыхъ кѣмъ-либо по смерти на поминъ души его. (Nov. 8 Imp. Leonis). Также — всѣмъ клирикамъ «епископъ города, въ которомъ состоятъ посвященные лица, можетъ поручить попеченіе о церковныхъ дѣлахъ, и сиротахъ, и вдовахъ беспомощныхъ, или поручить защиту такихъ лицъ (ради страха Господня, а не для корысти, или славы), которымъ особенно нужно оказать церковную помощь, каковы ищущіе убѣжища въ св. церкви изъ страха предъ сильными людьми, отъ которыхъ терпятъ несправедливости,—или быть можетъ и учинившіе какой нибудь проступокъ, но ищущіе заступничества церкви, или несправедливо увлекаемые въ рабство и другіе подобныя»... Защита предъ властями вдовъ и сиротъ, гонимыхъ и проч., признается церковію столь уважительною причиною для участія и вмѣшательства духовныхъ лицъ въ мірскія дѣла, что вполсѣдствіи вмѣнена была клирикамъ въ прямую обязанность особымъ соборнымъ постановленіемъ. Такъ Сардікійскій соборъ (Пр. 7) говоритъ: «прилично, чтобы епископъ помощь свою подавалъ тому, кто отъ кого либо утѣсняется, или если которая вдова обиду претерпѣваетъ или сирий кто либо лишается принадлежащаго ему... Поелику многократно случается, что нѣкоторые, за преступленія свои осужденію и наказанію подверженные, прибѣгаютъ къ церкви, требуя милосердія, таковымъ не надлежитъ отказывати въ помощи, но просити для нихъ сни-

но не достигшими гражданскаго совершеннолѣтія, 25 л.

*) См. Nov. Iustin. 3 lib. Basil. tit I. cap. 13.

схожденія». Въ 5-мъ вѣкѣ учреждена была, также соборнымъ опредѣленіемъ (Карѣ. пр. 86), даже особая должность при церквахъ—«екдиковъ» *), которая замѣщаема была впоследствии частію духовными, частію свѣтскими лицами, обязанными, подъ надзоромъ епископа, заниматься дѣлами ищущихъ покровительства церкви. И изъ исторіи намъ извѣстно, что такихъ несчастныхъ, которые обращались за помощію и ходатайствомъ церкви предъ свѣтскою властію, было всегда множество. И церковь всѣхъ таковыхъ принимала подъ свое покровительство, пользуясь предоставленнымъ ей еще первыми христіанскими государями Римской имперіи священнымъ правомъ уоѣжища (*jus asyli*). Практика русской церкви представляетъ также не мало случаевъ заступничества и ходатайства (печалованія) духовныхъ лицъ, особенно же епископовъ, за несчастныхъ, которымъ угрожали казни, предъ государями. Для примѣра достаточно указать на митрополита Филиппа, который подобными предстательствами не разъ навлекалъ на себя гнѣвъ Іоанна Грознаго. Понятно, что вслѣдствіе такого любвеобильнаго отношенія церкви ко всѣмъ сирымъ, гонимымъ и утѣсняемымъ, клирики,—а епископы, какъ предстоятели церквей, по преимуществу,—должны были по необходимости принимать близкое участіе въ житейскихъ дѣлахъ защищаемыхъ ими лицъ и имѣть непрестанныя сношенія съ свѣтскою властію.—Такимъ образомъ — скажемъ мы словами Вальсамона—«всѣ клирики, и даже монахи, могутъ, по порученію епископа, устроить, не подвергаясь осужденію, не только церковныя, но и гражданскія дѣла. А если дано такое право епископамъ, то тѣмъ болѣе принадлежитъ оно царямъ, такъ какъ царская власть производитъ и епископовъ» **).

*) Екдикос (лат. *defensor*) значитъ собственно: защитникъ, адвокатъ.

**) Толкованіе Вальсамона на 3 и 4 пр. IV всел. собора.

Но особенно строго и настойчиво воспрещаютъ каноны клирикамъ занятіе какихъ либо должностей у частныхъ лицъ, въ родѣ управляющаго домоу, имѣніемъ и проч. Такъ въ 10 правилѣ VII вселенскаго собора мы читаемъ: «аще кто» (изъ клириковъ) «обращается занимающій мірскую должность у вельможъ, или да оставитъ оную, или да будетъ изверженъ». Подобное же находимъ и въ правилахъ Константинопольскаго двукратнаго собора (Пр. 11), гдѣ говорится: «пресвитеровъ, или діаконовъ приѣмлющихъ на себя мірскія начальственныя должности или попеченія, или въ домахъ мірскихъ начальственныхъ лицъ званіе управителей, божественныя и священныя правила подвергають изверженію. Тоже и мы подтверждаемъ, и о прочихъ, принадлежащихъ къ клиру, опредѣляемъ: аще кто изъ нихъ вступитъ въ мірскія начальственныя должности, или въ домахъ начальственныхъ лицъ, или въ градскихъ предмѣстіяхъ приметъ на себя званіе управителя, таковой да изженется изъ своего клира». Кароагенскій соборъ, упомянувши объ этомъ запрещеніи, прибавляетъ (Пр. 19): «да не пріобрѣтають (епископы, пресвитеры и діаконы) пропитанія занятіями безчестными и презрительными». Дѣйствительно, если признается несомнѣнимою съ служеніемъ духовныхъ лицъ государственная свѣтская служба въ силу того, что церковь и государство суть двѣ различныя области; то тѣмъ болѣе должны быть признаны таковыми для клириковъ мірскія должности у частныхъ лицъ, потому что онѣ несомнѣнно могутъ унижать достоинство духовныхъ лицъ. Всякое духовное лице по отношенію къ членамъ христіанскаго общества есть руководитель ихъ въ духовно-нравственномъ отношеніи, и въ качествѣ такового имѣетъ неотъемлемое право на извѣстный почетъ и уваженіе; какъ скоро же клирикъ станетъ въ положеніе слуги, или вообще подчиненнаго и зависимаго отъ мірскаго частнаго лица, онъ всегда подвергается опасности получить выговоръ, замѣчаніе или даже внушеніе въ болѣе грубой фор-

мѣ, — что уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ мириться съ уваженіемъ, должнымъ духовному сану.

Церковь, принимая подъ свое покровительство всѣхъ несчастныхъ — обижаемыхъ, гонимыхъ, угнетаемыхъ, въ тоже время возбраняетъ клирикамъ «брать на себя лично обязанности поручителей за другихъ лицъ, ходатаевъ и повѣренныхъ». Такъ въ Апостольскихъ правилахъ (Пр. 20) читаемъ слѣдующее: «кто изъ клира даетъ себя порукою за кого либо, да будетъ изверженъ». Подтвержденіе этого апостольскаго запрещенія находимъ и въ законодательствѣ Юстиніана, гдѣ читаемъ: «ни ходатаемъ въ судѣ, ни поручителемъ во всѣхъ сихъ (т.-е. мірскихъ, судебныхъ) дѣлахъ не позволяемъ быти епископу, или эконому, или клирику»... *). Согласно съ Юстиніановымъ правомъ и наши отечественные гражданскіе законы воспрещаютъ духовнымъ лицамъ не только поручительство за другихъ лицъ, но и ходатайство въ судахъ, или должность повѣреннаго. Такъ въ IX томѣ Свода законовъ мы находимъ статьи: а) «никто изъ лицъ блага духовенства не можетъ лично обязываться, или ручаться за другихъ ни въ какихъ судебныхъ мѣстахъ, напр. по подрядамъ и тому подобнымъ дѣламъ» **); б) «никто изъ нихъ не можетъ быть ходатаемъ и повѣреннымъ по чужимъ дѣламъ, кромѣ дѣлъ своихъ церквей и дѣлъ малолѣтнихъ, подъ опекою ихъ состоящихъ» ***). А монахамъ даже не позволяется быть повѣренными по дѣламъ епархіальнаго начальства и монастырей ****). Такимъ образомъ по смыслу всѣхъ узаконеній, касающихся духовнаго вѣдомства, оказывается, что духовнымъ лицамъ воспрещается какъ собственно поручительство за другихъ, такъ и «хождение по чужимъ дѣламъ» — или «присяжная адвокатура». Причины такого

*) Nov. Iust 123. Lib. Basil. 3. tit. 1. cap. 13.

**) Продол. Свода законовъ. Законы о состояніяхъ. т. IX. ст. 228. — 1743 г. дек. 22; 1800 г. дек. 19. ч. 1 стр. 26.

***) Ibid. — 1786 г. апр. 10. 1861 г. февр. 19.

****) Гр. зак. 2292. X т. 359.

запрещенія весьма понятны. Какъ поручительство, такъ и адвокатура, съ одной стороны даютъ поводъ къ заподозрѣванію лицъ, избравшихъ подобныя профессіи, въ корыстныхъ побужденіяхъ, — съ другой — представляютъ широкое поле всевозможнымъ непріятнымъ и бѣдственнымъ случайностямъ, наприм. взысканіямъ по суду, аресту, заключенію въ тюрьмы и проч., чтд, несомнѣнно, весьма унижало бы духовный санъ. Такъ именно толкуютъ означенное запрещеніе Зонара, Аристинъ и Вальсамонъ, изъ которыхъ первый напр. говоритъ слѣдующее: «клирикамъ запрещено (поручительство и проч.), дабы они не вдавались въ безпокойныя дѣла, избѣгали придинокъ и судебныхъ кляузъ; ибо въ такомъ случаѣ они даютъ подозрѣніе, будто принимаютъ это на себя изъ-за корысти; а корыстолюбивыми клирикамъ быть не должно. Посему таковыя и подвергаются изверженію». А что поручительство и адвокатура дѣйствительно не устраняютъ возможности различныхъ бѣдственныхъ случайностей, это ясно видно изъ той отвѣтственности, какую законы возлагаютъ на поручителей и повѣренныхъ. «Поручитель есть третье лице, которое, вступая въ договоръ между двумя сторонами, отвѣчаетъ кредитору (сторонѣ, ожидающей исполненія), въ томъ, что должникъ (повинная сторона) исполнитъ свое обязательство; въ случаѣ же неисполненія, обязуется исполнить самъ вмѣсто него» *). И вотъ, если оказывается, что *нельзя произвести взысканія съ прямого должника*, по его совершенной несостоятельности къ платежу, то *платитъ полностью поручитель*; если же должникъ въ состояніи удовлетворить кредитора только *въ части своего дома*, съ поручителя *взыскивается остальное*, что не довзыскано съ должника **). Кромѣ того, заимодавецъ имѣетъ право требовать отъ поручителя *удовлетвореніе за убытки и расходы*, понесенные при взыска-

*) „Курсъ гражд. права“. К. Побѣдоносцева. Ч. 3, стр. 290, § 37.

***) Прод. Св. зак. 2 ч. т. X ст. 684, § 6,—686.

ни съ прямаго должника, оказавшагося несостоятельнымъ. По древнимъ же римскимъ законамъ долговья обязательства переходили вполнѣ съ несостоятельнаго должника не только на самого поручителя, но и на его семейство — подвергая чрезъ это иногда продажѣ въ рабство,—и наслѣдниковъ *). Не меньшимъ пожалуй неприятностямъ и бѣдствіямъ можетъ подвергнуться и повѣренный, такъ какъ «все, сдѣланное повѣреннымъ, на основаніи довѣренности, хотя бы то было и ко вреду для довѣрителя, остается во всей своей силѣ для послѣдняго. Довѣритель отвѣтственъ въ отношеніи къ третьимъ лицамъ за всѣ дѣйствія повѣреннаго, совершенныя послѣднимъ въ предѣлахъ полномочія **). Но очевидно, такимъ образомъ, что законъ, не устраняя возможности злоупотребленій со стороны повѣреннаго правами и полномочіями, тѣмъ самымъ уже не предохраняетъ его отъ печальныхъ послѣдствій такихъ злоупотребленій: суда, ссоръ и под.— Должно впрочемъ сказать, что въ случаяхъ бѣдственныхъ, вызывающихъ почти невольное состраданіе и проявленіе христіанской любви, поручительство за другихъ клирикамъ церковію не только не возбраняется, но, такъ сказать, прямо рекомендуется. Съ такимъ именно ограниченіемъ толкуютъ 20 Апостольское правило Зонара, Аристинъ и Вальсамонъ. Послѣдній прибавляетъ къ толкованію и примѣръ изъ церковной исторіи, что «на IV вселенскомъ соборѣ были многіе епископы и клирики, которые требовали, или отъ которыхъ было требовано, поручительство, и никто изъ нихъ не потерпѣлъ вреда». Въ такомъ же духѣ встрѣчаемъ мы толкованіе и въ славянской Кормчей. «Аще причетникъ—читаемъ мы здѣсь—обрящетъ нѣкоего человѣка обидима или мучима, и въ темницѣ держама, или инако како отуду не могуца из-

*) Энциклопедія законовѣдѣнія. К. Неволина. т. 2, стр. 335.

**) Курсъ гражд. права. К. Побѣдоносцева. ч. 3, стр. 476. (ст. гражд. зак. 2326).

лѣсти, аще никого не дасть за себе поручника, да не побѣгнетъ, и милосердія ради и человѣколюбія восприметь на ся такового, и представить его поручится, дондеже взысканъ будетъ,—таковъй не токмо не извержется отъ сана, по и похваленъ наречется, яко свою душу за друга положивъ». Такимъ образомъ очевидно, что церковь въ отношеніи поручительства побуждаетъ клириковъ руководиться болѣе духомъ, чѣмъ буквою закона,—имѣя несомнѣнно въ виду изреченіе Апостола, что «письма убиваетъ, а духъ животворитъ» (2 Кор. 3, 6).

Многіе епископы древней церкви были судіями не только духовныхъ, но и мірянъ христіанъ, и не только по проступкамъ ихъ противъ вѣры и нравственности христіанской, но и по всѣмъ вообще ихъ спорамъ и тяжбамъ, — и судъ епископовъ въ этихъ случаяхъ имѣлъ полную юридическую силу относительно свѣтскихъ властей *). Такъ мы знаемъ, что такой судъ существовалъ еще въ церкви апостольской **); а въ послѣдующее время указанія на него встрѣчаемъ у Григорія Богослова ***) у Василия Великаго ****), у Григорія Нисскаго †), у Іоанна Златоуста †*), у Амвросія Медиоланскаго †**) и преимущественно—у блаж. Августина, епископа Иппонскаго †***)... Церковь никогда однако не присвоила себѣ правъ суда даже надъ лицами духовными по дѣламъ уголовнымъ *) или преступленіямъ государственнымъ. По дѣламъ послѣдняго рода и духовныя лица подлежатъ суду свѣтскому, наравнѣ съ прочими гражданами, и верховная власть можетъ каждаго клирика под-

*) Cod. Justin. de episcop. lib. 1. tit. 4. lex t. Слнч. Photii Nomoc. tit. 9, стр. 1. **) 1 Кор. 6, 1—8.

) Похвал. слово Василию Великому 43. *) Письмо 262.

†) Въ жизни Григорія чудотворца. †*) „О священствѣ“.

†**) De officiis ministrorum. Lib. III. cap. 1. †***) Epist. 48.

*) Въ нашемъ законодательствѣ къ такимъ дѣламъ причисляются кромѣ напр. убійства и т. п., еще насиліе, оскорбленіе дѣйствіемъ и проч.

вергать своему суду, по своему усмотрѣнію *). Но должно замѣтить, что какъ изслѣдованіе преступленія, въ которомъ обвиняется духовное лицо, по церковнымъ законоположеніямъ, подтвержденнымъ свѣтскими законами, должно происходить не иначе, какъ съ вѣдома епархіальной власти, такъ и исполненіе приговора, въ случаѣ виновности клирика, должно совершиться только послѣ предварительнаго лишенія осужденныхъ клириковъ носимаго ими прежде священнаго сана **). Въ нашемъ отечествѣ обвиненіе духовнаго лица совершается вполне согласно съ церковными постановленіями, именно ***): первоначальное изслѣдованіе о духовномъ лицѣ, обвиняемомъ въ уголовномъ преступленіи, производится въ духовномъ вѣдомствѣ, хотя при чиновникѣ городской или земской полиціи; затѣмъ, если обвиняемый, при изслѣдованіи, не очиститъ себя отъ обвиненія, то предается уголовному свѣтскому суду, не иначе однакоже, какъ по опредѣленію консисторіи. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло не терпитъ отлагательства, или нужно произвести изслѣдованіе, какъ говорится, по горячимъ слѣдамъ, гражданское начальство приступаетъ къ сему немедленно, пригласивъ депутата съ духовной стороны, а въ крайней необходимости—и безъ депутата. Приговоръ же надъ духовнымъ лицомъ, обвиненнымъ въ уголовномъ или государственномъ преступленіи, приводится въ исполненіе всегда только послѣ снятія священнаго сана.

Къ мірскимъ занятіямъ, несомѣстнымъ съ служеніемъ духовныхъ лицъ, относятся всѣ «презрительныя» (Карѣ. Пр. 19), унижающія духовное званіе. Таковы съ точки зрѣнія каноническаго права: а) ростовщичество, б) торговля и особенно корчемство, в) профессія актеровъ и г) наконецъ содержаніе блудницъ съ цѣлію наживы отъ ихъ промысла.

*) Iust. Nov. 123. cap. 8. Basil. lib. 3. tit. 1. cap. 14.

**) Ibid. См. также Photii Nomoc. tit. 9, cap. 1.

***) Уставъ Дух. Консист. ст. 160. Св. Зак. XV. т. кн. 2, стр. 154.

Относительно ростовщичества мы находимъ слѣдующее постановленіе въ Апостольскихъ правилахъ (Пр. 44): «епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, лихвы требующій отъ должниковъ, или да престанеть, или да будетъ извержень». Апостольское правило повторяетъ и первый вселенскій соборъ (Пр. 13). «Понеже многіе, причисленные къ клиру,—читаемъ мы здѣсь, любостыжанію и лихоимству послѣдуя, забыли божественное писаніе, глаголющее: сребра своего не даде въ лихву» (Цсал. 14, 5), и, давая въ долгъ, требуютъ сотыхъ: судиль святыи и великій соборъ, чтобы, аще кто, послѣ сего опредѣленія, обряцется взимающій ростъ съ даннаго въ заемъ, или иной оборотъ дающій сему дѣлу, или половиннаго роста требующій, или нѣчто иное вымышляющій ради постыдной корысти, таковъ былъ извергаемъ изъ клира и чуждъ духовнаго сословія». Тоже запрещеніе встрѣчаемъ и въ правилахъ соборовъ: Лаодикійскаго (Пр. 4), Трульскаго (Пр. 10), Карѳагенскаго (Пр. 5. 21). Такое строгое и настойчивое преслѣдованіе церковію ростовщичества въ клирикахъ объясняется тѣмъ, что это занятіе, весьма унизительное вообще для нравственнаго достоинства промысляющихъ имъ, всего менѣе прилично духовнымъ лицамъ, какъ представителямъ высокихъ нравственныхъ правилъ христіанства. Это именно и указываетъ Карѳагенскій соборъ, говоря о ростовщичествѣ (Пр. 5): «что укоризненно въ мірянахъ, то колыми паче достойно осужденія въ принадлежащихъ клиру». Также объясняли это запрещеніе Зонара, Аристинъ и Вальсамонъ. Такъ Зонара, объясняя 17 правило перваго вселен. собора, говоритъ слѣдующее: «давать взаймы за проценты запретилъ и Ветхій Завѣтъ, ибо говоритъ: да не даси брату твоему въ лихву сребра твоего (Втор. 25, 19). А если такъ узаконилъ менѣе совершенный законъ, то тѣмъ паче совершенный и духовнѣйшій, ибо се церкви болѣе есть здѣ (Матѳ. 12, 6). И такъ всѣмъ запрещено давать заемъ за проценты. А если всѣмъ, то тѣмъ паче

это было бы неприлично посвященнымъ, которые и для мірянъ должны быть примѣромъ и поощреніемъ въ добродѣтели. Посему это правило и запрещаетъ числящимся въ спискѣ, то-есть находящимся въ клирѣ, требовать сотыхъ, т. - е. сотеннаго роста; а тѣмъ, которые не соблюдаютъ правила, назначаетъ и эпитимію». Согласно съ Зонарою толкуютъ правило 1 вселен. собора и Аристинъ, и Вальсамонъ, изъ которыхъ послѣдній такъ объясняетъ выраженія правила: «или иной оборотъ дающій сему дѣлу, или половиннаго роста требующій»:—«Нѣкоторые изъ посвященныхъ, зная это правило и желая обойти его, букву его соблюдаютъ, а смыслъ нарушаютъ; они даютъ кому нибудь деньги и соглашаются съ нимъ брать извѣстную часть изъ прибыли, а опасность веденія дѣла принимаютъ на себя взявшіе деньги; и такимъ образомъ давшіе деньги, будучи на самомъ дѣлѣ ростовщиками, прикрываются наименованіемъ участниковъ. И такъ правило запрещаетъ и это, и дѣлающихъ что либо подобное подвергаетъ изверженію. Подъ именемъ половиннаго роста разумѣются болѣе легкія требованія лихвы».—Должно еще прибавить, что запрещеніе церкви духовнымъ лицамъ ростовщичества, подъ угрозою лишенія ихъ священнаго сана, на практикѣ имѣло и обратную, силу, т.-е. не были допускаемы въ клиръ тѣ изъ кандидатовъ на священныя степени, которые занимались этимъ промысломъ, будучи мірянами. Василій Великій (Пр. 14), впрочемъ, смягчаетъ нѣсколько это требованіе «обычнаго права», и разрѣшаетъ принимать бывшихъ ростовщиковъ въ клиръ, хотя подъ непремѣннымъ условіемъ—не предаваться таковымъ впредь любостязанію и всю приобрѣтенную лихвою корысть истощить на нищихъ. «Вземлющій лихву—говоритъ онъ—еще восхоцетъ мзду неправедную истощити на нищихъ и впредь отъ недуга любостязанія свободенъ быти, можетъ принять быти во священство». Но вообще Василій Великій сильно ратовалъ противъ ростовщичества, и признавалъ этотъ промыслъ без-

честнымъ и неприличнымъ даже для христіанъ - мірянъ *).

Но послѣ сказаннаго возможно недоумѣніе: не подлежатъ ли соборнымъ прещеніямъ тѣ изъ духовныхъ лицъ, которыя напр. въ настоящее время отдають свои денежные сбереженія въ кредитныя учрежденія и—пользуются за это процентами? Особенно въ состояніи вызвать такое недоумѣніе слѣдующія выраженія Кароагенскаго собора (Пр. 5): «никому изъ клира да не будетъ позволено брать ростъ отъ какой бы то ни было вещи»,—и еще: «разсуждено также, чтобы клирикъ, давшій въ заемъ что либо, столько же и получалъ, сколько давалъ» (Пр. 21). Въ отвѣтъ на постановленный выше вопросъ мы прежде всего должны сказать, что канонами воспрещается собственно «лихва», т.-е. проценты сверхъ или выше узаконенныхъ въ данное время,—а потомъ если Кароагенскимъ соборомъ воспрещается и ростъ, то имѣется въ виду тотъ случай, когда бы духовное лицо дало деньги взаемъ какому нибудь нуждающемуся и бѣдствующему. Въ другихъ же случаяхъ дозволяется и духовнымъ лицамъ пользоваться процентами, какъ извѣстною прибылью съ затраченнаго капитала. Такъ Вальсамонъ (на 17-ое Пр. 1-го всел. соб.) прямо говоритъ, что въ случаяхъ медленности и просрочки уплаты (значить даже при займахъ) «и посвященныя лица могутъ требовать роста». Еще болѣе уяснится для насъ законность пользованія процентами на капиталы, хранящіеся въ кредитныхъ учрежденіяхъ, когда мы обратимся къ нашимъ гражданскимъ законамъ. Здѣсь мы находимъ указанія, которыя не только лицамъ бѣлаго духовенства не запрещаютъ вносить ихъ денеж-

*) Вотъ что напр. говоритъ Василій Великій въ своей бесѣдѣ на слова Псалма 15, стих. 5: „что ты (ростовщикъ) берешь отъ бѣднаго—есть верхъ безчеловѣчія. Ты извлекаешь выгоды изъ несчастій, со слезъ взимаешь деньги, нагаго душишь, голоднаго бьешь; въ тебѣ жалости нисколько, мысли о сродствѣ страждущаго,—никакой“.

ныя сбереженія, на извѣстныхъ условіяхъ, въ кредитныя учрежденія, но даже и монахамъ и, т.-е. давшимъ обѣтъ совершеннаго нестяжанія *). Какъ извѣстно также, и церковныя суммы въ нашемъ отечествѣ храпятся въ кредитныхъ учрежденіяхъ изъ-за процентовъ. Да при современномъ состояніи общества и странно было бы запрещать пользоваться процентами, когда условія о процентахъ принадлежатъ къ самымъ обыкновеннымъ и самымъ необходимымъ сдѣлкамъ; когда всѣ промышленныя предпріятія ведутся обыкновенно на чужой капиталъ, въ кредитъ; когда даже само государство, въ своихъ финансовыхъ нуждахъ, прибѣгаетъ къ займамъ, удовлетворяя $\frac{5}{100}$ своихъ кредиторовъ, т.-е. лицъ, отдавшихъ государству свои капиталы. Итакъ примѣнительно къ современнымъ условіямъ общественной жизни соборныя запрещенія ростовщичествомъ лицамъ духовнаго званія должны быть отнесены главнымъ образомъ къ профессіи такъ называемыхъ закладчиковъ, затѣмъ—пожалуй къ личному участию въ банковыхъ операціяхъ, — но ужь никакъ не къ обычнымъ помѣщеніямъ капиталовъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ **).

*) Св. зак. т. IX. (Изд. 1842 г.) разд. II, отд. 2, ст. 256.

**) Не лишне упомянуть, что церковная власть на Руси долгое время противилась идеѣ роста и не разъ проводила свои взгляды въ гражданское законодательство. Такъ „Уложеніемъ“ 1649 года вовсе запрещено было брать ростъ, и это запрещеніе было уничтожено только въ 1754 году, когда была узаконена мѣра процентовъ $\frac{6}{100}$ на 100 въ годъ. За взиманіе же процентовъ выше нормальныхъ (лихвенныя) полагались довольно строгія наказанія и въ это время,—именно: уличенному въ первый разъ во взиманіи лихвы полагалось тройное взыскаііе противъ лихвенныхъ процентовъ въ пользу общественнаго призрѣнія; а во второй и въ третій разъ — сверхъ денежнаго взыскаііа еще—арестъ и заключеніе въ тюрьмѣ. Впрочемъ допускались и исключенія: дозволено было брать $\frac{12}{100}$ годовыхъ процентовъ (по $\frac{1}{100}$ въ мѣсяць) по просроченнымъ закладнымъ; дозволялось также брать гласнымъ образомъ лишніе проценты, когда они были получаемы опекою на капиталъ малолѣтнихъ сиротъ (ст. гражд. зак. 2020—2022). Курсъ гражд. права К. Побѣдоносцева, 7. 3, стр. 91.

Семнадцатое правило 1 вселенскаго собора воспрещаетъ клирикамъ торговлю всякаго рода, какъ спеціальное занятіе. Такъ именно толкуетъ это правило Вальсамонъ, говоря, что «правило относится и къ тѣмъ посвященнымъ лицамъ, которыя торгуютъ виномъ, содержатъ бани, или дѣлаютъ другое, подобное сему»... Но особенно строго возбраняется духовнымъ лицамъ содержаніе такъ называемыхъ корчемницъ *). «Никакому клирику» — читаемъ мы въ правилахъ шестаго вселенскаго собора (Пр. 9), «не дозволяется содержать корчемницу. Ибо аще не позволено таковому входить въ корчемницу, то кольми паче служить въ оной другимъ, и упражняться въ томъ, что ему неприлично. Аще же кто что-либо таковое содѣлаетъ, или да престанетъ, или да будетъ извержень». Здѣсь выраженіе: «содержати корчемницу», должно понимать въ смыслѣ — самому клирику лично дѣйствовать и служить въ ней. Но личное завѣдываніе, а тѣмъ болѣе прислуживаніе въ корчемницѣ, очевидно, для всякаго духовнаго лица и неприлично, и неблаговидно, такъ какъ даже самое посѣщеніе корчемницъ дозволяется клирикамъ только въ случаяхъ крайней необходимости, напр. въ пути и под. **). Владѣніе же подобными заведеніями на правахъ хозяина, напр. въ недвижимыхъ имѣніяхъ и домахъ, не возбраняется и духовнымъ лицамъ; равно какъ и отдавать такія заведенія въ наймы другимъ. Вальсамонъ даже утверждаетъ, что многіе монастыри и церкви пользовались подобнымъ правомъ.

Совершенно согласно съ каноническими постановленіями и наше отечественное законодательство запрещаетъ духовнымъ лицамъ заниматься торговыми промыслами, влекущими за собою причисленіе ихъ для повинностей къ торговому разряду ***) ,—особенно же винокурени-

*) Корчемница — трактиръ или питейный домъ. По толков. слав. Кормчей: „винопродавный храмъ“.

**) Ап. пр. 54, Лаод. соб. пр. 24. Кар. соб. пр. 49.

***) Св. зак. т. IX ст. 287—1779 года, апр. 4, § 5. 1825 г. авг. 22,

смѣ и продажею вина *). Даже въ домахъ, занимаемыхъ духовными лицами, не могутъ быть помѣщаемы ни трактирныя, ни питейныя заведенія **). Но духовнымъ лицамъ не возбраняется имѣть питейныя заведенія и винокурни во владѣніи, и отдавать ихъ на откупъ или въ аренду ***).— Очевидно, что какъ церковное, такъ и гражданское законодательство, запрещая духовнымъ лицамъ торговлю и особенно корчемство, руководится въ этомъ случаѣ желаніемъ оградить по возможности отъ пареканій доброе имя клириковъ.

Церковными постановленіями воспрещается еще клирикамъ, подъ опасеніемъ изверженія изъ сана, занятіе актеровъ. Такъ въ правилахъ тогоже VI вселенскаго собора мы находимъ слѣдующее опредѣленіе (Пр. 51): «святый вселенскій соборъ сей совершенно возбраняетъ быти смѣхотворцамъ (*τις λεγομενους μιμους*) и ихъ зрѣлищамъ, такожде и зрѣлища звѣриныя творити и плясанія на позорищи. Аще же кто настоящее правило презреть и предастся которому либо изъ сихъ возбраненныхъ увеселеній: то клирикъ да будетъ изверженъ изъ клира». И далѣе (Пр. 62): «никакому мужу не одѣваться въ женскую одежду, ни женѣ—въ одежду, мужу свойственную; не носить личинъ комическихъ, или сатирическихъ, или трагическихъ... Тѣхъ, которые, отнынѣ зная сіе, дерзнуть дѣлати что-либо изъ вышесказаннаго, аще суть клирицы, повелѣваемъ извергать изъ священнаго чина». Очевидно, что въ правилахъ VI вселенскаго собора рѣчь

1826 г. янв. 31. Монахамъ же безусловно воспрещена торговля товарами всякаго рода, за незначительнымъ исключеніемъ продажи собственныхъ издѣлій, и то не иначе, какъ съ дозволенія мѣстнаго духовнаго начальства и подъ наблюденіемъ избранныхъ на то престарѣлыхъ братій. Ibid. Разд. II, ст. 253.

*) Ibid. 288 ст.

***) Ibid. ст. 285.—1817 года, апр. 2, § 89, прим. 4. 1822 года, сент. 19, § 4

****) Ibid. ст. 288.—1819 года, іюля 16.

идеть о театральномъ искусствѣ и объ актеряхъ, потому что упоминаемыя здѣсь переодѣванія въ мужскія и женскія одежды, а также и личины, употреблялись только въ сценическихъ представленіяхъ. Такъ личины комическія для осмѣянія кого либо, напр. въ комедіяхъ Аристофана, трагическія—для возбужденія участія и состраданія—въ трагедіяхъ Еврипида, и наконецъ сатирическія—были принадлежностію посвященныхъ Діонису (Бахусу) *). Такъ какъ сценическія представленія древнихъ служили проводниками языческихъ идей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ были даже училищами разврата; то весьма естественно, что церковь, желая сколь возможно болѣе охранить христіанъ отъ языческихъ и вообще всякихъ вредныхъ вліяній, строго воспрещала всѣмъ христіанамъ, а клирикамъ въ особенности **), посѣщеніе театровъ, ипподромовъ и всякихъ другихъ сценическихъ зрѣлищъ, напр. въ частныхъ домахъ, по случаю празднованія свадебъ, дней рожденія и проч. Тѣмъ преступнѣе конечно предъ очами церкви должны были казаться сами «позорищныя лица», т.-е. участники сценическихъ представленій, и тѣмъ виновнѣе несомнѣнно были бы тѣ изъ клириковъ, которые пожелали бы принять дѣятельное участіе въ такихъ представленіяхъ. Должно еще прибавить, что въ древнемъ греко-римскомъ обществѣ актеры пользовались далеко незавиднымъ общественнымъ положеніемъ: они были признаны инфаматами, т.-е. были немногимъ чѣмъ выше рабовъ, не имѣли наприм. права заключать браки, составлять духовныя завѣщанія и проч. Значить, духовное лице, становясь актеромъ, весьма унижало бы и даже безчестило въ глазахъ всего общества и свое званіе, и священный санъ. — Изъ приведенныхъ соборныхъ постановленій ясно видно также, что актеръ, продолжая зани-

*) Толкованіе Зонары и Вальсамона.

***) Клирики, если были гдѣ-либо на домашнихъ пирушкахъ, должны были при входѣ такъ называемыхъ „позорищныхъ лицъ“ вставать и удаляться. VI всел. соб. пр. 24. Лаод. 54.

маться своею профессією, ни въ какомъ случаѣ не могъ быть удостоенъ никакой священной степени. Даже дѣти клириковъ не должны были принимать какое бы то ни было участіе въ сценическихъ представленіяхъ (Каро. 18).

Наконецъ лицамъ духовнаго званія церковными поставленіями воспрещается промыселъ такого рода, въ безусловной предосудительности котораго не только для клириковъ, но и для всѣхъ христіанъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія,—это именно: «содержаніе блудницъ» съ цѣлю наживы отъ ихъ постыднаго промысла. «Тѣхъ», — говоритъ VI вселенскій соборъ (Пр. 86),—«которые на пагубу душъ собираютъ и содержатъ блудницъ, аще суть клирики, опредѣляемъ отлучати и извергати...» Что это правило говоритъ о содержаніи блудницъ не съ цѣлями благотворительности несчастнымъ или вразумленія падшихъ, а именно съ цѣлю наживы и прибыли отъ нихъ,—согласно толкуютъ и Зонара, и Вальсамонъ. Промыселъ такого рода почитался преступнымъ даже въ греко-римскомъ обществѣ, какъ это видно изъ того, что гражданскіе законы того времени подвергали промышленящихъ симъ довольно строгому наказанію, именно — изгнанію и конфискаціи имущества, т.-е. тому же, какому подвергались и сами блудницы *). Понятно поѣтому, что къ лицамъ духовнаго званія, избравшимъ столь постыдный промыселъ, церковь должна быть отнестись съ особенною строгостію. И дѣйствительно она полагаетъ здѣсь высшую, почти исключительную мѣру наказанія—изверженіе и отлученіе, тогда какъ въ другихъ случаяхъ преступности духовныхъ лицъ, какъ мы знаемъ, достаточнымъ наказаніемъ для таковыхъ признается одно изверженіе.

VII вселенскій соборъ, упомянувъ о томъ, что клирикамъ не должно принимать на себя мірскихъ и житейскихъ попеченій, продолжаетъ (Прав. 10): «лучше же да

*) Photii Nom. tit. 13, cap. 21.—Basil. lib. 60, tit. 38, cap. I.

идеть (клирикъ) учить отроковъ и домочадцевъ, читая имъ божественное писаніе: ибо для сего священство получилъ». Въ соотвѣтствіе сему исторія церкви представляетъ намъ много примѣровъ учительства и законоучительства въ лицѣ знаменитѣйшихъ пастырей церкви. Таковы напр. Климентъ Александрійскій, наставникъ знаменитаго огласительнаго (Александрійскаго) училища, — Тертуллианъ, Ефремъ Сиринъ и Іоаннъ Златоустъ, бывшій законоучителемъ во время своего пресвитерства въ Антиохіи. Соборъ (VII вселен.) по преимуществу имѣетъ въ виду воспитаніе домашнее: «учить домочадцевъ»; но мы знаемъ что въ древнемъ христіанскомъ обществѣ духовныхъ лицамъ было предоставлено право наблюдать и за общественнымъ воспитаніемъ, чтобы оно было въ духѣ православнои вѣры и христіанской нравственности. Да воспитательныя заведенія для малолѣтнихъ дѣтей (*орфанотрофія*, *βρεφωτροφία*) и находились большею частію при монастыряхъ и церквахъ, даже сельскихъ *), и въ такомъ случаѣ состояли обыкновенно подъ надзоромъ и управленіемъ духовныхъ лицъ, которыя съ тѣмъ вмѣстѣ были и учителями. Въ этихъ заведеніяхъ дѣти получали воспитаніе и обучались не только духовнымъ наукамъ, какъ наприм. изученіе и изъясненіе священнаго писанія, но и нѣкоторымъ полезнымъ искусствамъ и ремесламъ **), и воспитанники не всегда послѣ поступали въ клиръ, но — нерѣдко и въ мірскія званія. Не лишне также упомянуть, что въ завѣдываніи духовныхъ лицъ находились библіотеки, иногда весьма обширныя, каковы напр.—при каѳедральномъ Іерусалимскомъ храмѣ (3 вѣка),—также въ Кесаріи и особенно знаменитая библіотека при Цареградской Софійской церкви, учрежденная импер. Константиномъ и распространенная его преемниками, въ которой было до 120000 книгъ ***).

*) Cod. Just. lib. 1, tit. 9.

***) Nov. imp. Leonis 73.

***) Курсъ церк. законовѣдѣнія. Арх. Іоанна. т. 2, стр. 532.

Въ заключеніе мы должны сказать, что церковь, имѣя въ виду примѣръ Апостола Павла (его ремесленныя занятія, о которыхъ мы находимъ неоднократно свидѣтельства въ священныя книги, Дѣян. 18, 3. 1 Кор. 4, 12. 1 Сол. 2, 9.), въ случаяхъ недостаточности содержанія, получаемого духовными лицами отъ прихода, хотя дозволяетъ имъ обращаться къ мірскимъ занятіямъ, которыми «аще кто пожелаетъ, еа приобрѣтаетъ потребное для тѣла» (VII всел. соб. Пр. 15), но вмѣстѣ предостерегаетъ духовныя лица, чтобы относительно способовъ добыванія себѣ средствъ къ жизни они были крайне осмотрительны, всевозможно стараясь, какъ бы не навлечь на себя укоризны, или даже не возбудить подозрѣнія, въ любостыжаніи. Къ промышленникамъ—клирикамъ церковь относится весьма неблагоклонно. Такъ Кароагенскій соборъ называетъ клириковъ, разбогатѣвшихъ во время своего клиричества, «похитителями стяжаній Господнихъ» (Пр. 41). Напомнимъ еще письмо блаж. Іеронима къ Непоціану, въ которомъ онъ пишетъ: «промышленника - клирика, сдѣлавшагося изъ убогаго богатымъ, убѣгай какъ моровой язвы» *).¹ А главное—духовныя лица должны всегда содержать въ памяти слова Ап. Павла, что «строителю Божію подобаетъ быти... не мшелоимцу, не скверностяжательну и не сребролюбиву (1 Тим. 3, 3. Тит. 1, 7).

Оградивши же себя отъ «сребролюбія, корня, всѣмъ злымъ» (1 Тим. 6, 10), «клирикъ и среднимъ состояніемъ будетъ доволенъ, и въ бѣдности будетъ терпѣливъ, и—убогій спокойно пойдетъ за убогимъ крестомъ» **).

Ф—нъ.

*) „Обязанности священника“. Христ. чт. 1836 г., ч. 2.

**) Слова бл. Іеронима. Христ. чт. 1836 г., ч. 2.

СХИМОНАХЪ ФИЛИПШЪ,

основатель Пещерной обители и Киновіи Боголюбивой Богоматери, при Геосиманскомъ скитѣ близъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры *).

Нѣтъ мѣстечка въ самыхъ отдаленныхъ даже уголкахъ нашей Руси православной, гдѣ бы не чтилось имя преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія, Радонежскаго Чудотворца, гдѣ бы не знали древней Россійской святыни—Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, въ продолженіе пяти слишкомъ столѣтій хранимой и утверждаемый промысломъ Божиимъ. Десятками тысячъ стекаются ежегодно чада Церкви православной на поклоненіе мощамъ великаго подвижника, молитвами своими неоднократно спасавшаго Россію отъ золь и бѣдъ; и какъ много между ними страждущихъ и недужныхъ стремится пасть предъ священною ракою, въ надеждѣ получить исцѣленіе! Помолившись въ Лаврѣ, поклонившись мощамъ препо-

*) Память схимонаха Филиппа досточтима не потому только, что онъ основалъ двѣ обители, на которыхъ видимо почиваетъ благословеніе Божіе, но и потому, что при жизни своей онъ имѣлъ благотворное нравственное вліяніе на ближнихъ подвигами самоотверженія, пламенной любви къ Богу, ради которой все мірское вмѣнилъ въ уметы, кротости, смиренія и терпѣнія, и вмѣстѣ наставленіями, совѣтами, обличеніями. Изъ предлагаемой вниманію читателей біографіи блаженнаго старца они увидятъ, какъ глубоко чтилъ его и какъ дорожилъ имъ и заботился о немъ великій знатокъ духовной жизни, святитель Филаретъ, м. московскій. Если и ему иногда казалось вѣчто неодобрительнымъ въ поступкахъ старца, запечатлѣнныхъ юродствомъ, онъ остерегался строго судить о нихъ, изъ опасенія впасть въ погрѣшность, и въ одномъ изъ писемъ къ памѣстнику архим. Антонію смиренно выразился: „Если мое юродивое мудроравіе не понимаетъ мудрости юродства, то прошу прощенія“ (Письма м. Филарета къ архим. Антонію, ч. 2. стр. 416).—*Ред.*

добнаго Сергія, каждый считает своимъ долгомъ посѣтить и новѣйшія, подѣ кровомъ преподобнаго Сергія, создавшіяся въ послѣднее полустолѣтіе (съ благословенія святителя Московскаго митрополита Филарета) въ 2-хъ верстахъ отъ Лавры обители: Геосиманскій скитъ съ его Пещерною обителью и Киновією Боголюбивой Богоматери. Отслужить молебень предѣ чудодѣйствующей съ 1869 года, находящеюся въ нижнемъ пещерномъ храмѣ, Черниговско-Ильинскою иконою Богоматери, а затѣмъ панихиду по основателѣ прославленныхъ Богоматерью Пещеръ и Киновіи схимонахѣ Филиппѣ, стекающіеся на поклоненіе въ Троицкую Лавру считаютъ для себя столь же обязательнымъ, какъ и посѣщеніе на пути изъ Москвы въ Лавру Хотькова монастыря, гдѣ почиваютъ подѣ спудомъ родители преподобнаго Сергія, Кириллъ и Марія.

Жизнь схимонаха Филиппа, погребеннаго въ нижнемъ храмѣ Киновіи, до сихъ поръ еще никѣмъ не была описана и лишь устный разсказъ его дѣтей, состоящихъ теперь іеромонахами Киновіи, и почитателей, знавшихъ его еще до монашества въ видѣ юродиваго, усвоившаго себѣ въ устахъ народа имя «блажененькаго Филиппушки съ голубкомъ», сохраняетъ въ памяти факты его жизни, представляющей примѣръ строгаго отреченія отъ міра ради Бога. Постараемся передать эти факты настолько, насколько можно было ихъ собрать.

I.

Домашняя жизнь.

Родиной схимонаха Филиппа была деревня Стряпкова, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи. Родился онъ 9 ноября 1802 года. Родители его крестьяне Андрей и Февронія Хоревы были крѣпостными помѣщицы Варвары Борисовны Бажановой *). Раньше Филиппа у нихъ было еще два сына: Козьма и Федоръ. Все семейство Хоревыхъ отличалось набожностью и благочестіемъ; но изъ дѣтей преимущественно предѣ другими братьями религіозностью и усердіемъ къ посѣщенію храма Божія отличался съ ранняго возраста меньшей—Филиппъ. Когда

*) Урожденной княжны Голицыной, въ первомъ замужествѣ Ахматовой.

Филиппъ подростъ и сталъ, какъ крѣпостной, значиться работникомъ на «барщинѣ», это усердіе къ храму сдѣлалось для него источникомъ непріятностей, такъ какъ иногда ради храма онъ оставлялъ неисполненными работы; но это упущеніе онъ всегда старался вознаградить потомъ, такъ какъ онъ былъ трудолюбивъ и никакой тяжелой трудъ деревенской жизни не пугалъ его. И въ дѣтствѣ, и въ отрочествѣ онъ на ряду съ старшими братьями исполнялъ всѣ крестьянскія работы по дому, замѣняя родителей, работавшихъ на «барщинѣ». На 22-мъ году, по настойчивому убѣжденію родителей и вопреки собственному желанію, Филиппъ вступилъ въ бракъ съ дѣвицею крестьянкою Евдокіей Степаповой. Въ скоромъ времени у нихъ одинъ за другимъ родилось четверо дѣтей: три сына—Игнатій, Порфирій и Василій и дочь Синклитикія *). Болѣе десяти лѣтъ Филиппъ прожилъ съ женой,—въ 1836 году она умерла. Сильно скорбѣлъ Филиппъ, оставшись вдовымъ съ маленькими еще дѣтьми. Вскорѣ къ этой скорби присоединилась другая—сильнѣйшая: господа отдали средняго сына его въ приданое за дочью своею, вышедшею замужъ за г. Кардера, въ имѣніе Макарьино Старое. Хотя это было во времена крѣпостнаго права обыкновеніемъ, но каждый пойметъ, сколь сильно должно быть горе Филиппа при потерѣ, по волѣ помѣщицѣй, живаго сына. Съ этого времени и всегда-то тихій, богомольный и не любившій веселья и празднословія, Филиппъ сталъ еще болѣе замкнутымъ въ себя, избѣгалъ сношеній съ сосѣдями, сдѣлался еще набожнѣе, усиленно постился и посѣщалъ храмъ Божій. Родители его, бывшіе еще въ живыхъ, приписывали все это единственно тому, что Филиппъ груститъ вслѣдствіе потери жены, и употребляли всѣ мѣры, чтобы опять женить его. Долго не соглашался и боролся Филиппъ, наконецъ былъ принужденъ уступить волѣ родителей и вступилъ во второй бракъ съ дѣвицею Гликеріей Трофимовой, дочерью крестьянина. Но и новая женитьба не оправдала надеждъ родителей Филиппа: онъ, несмотря на ласковость жены и рожденіе отъ нея дочери Варвары **), не выходилъ изъ своего замкнутаго состоянія, а все болѣе и болѣе углу-

*) Умерла, будучи послушницею въ Московскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ.

**) Болѣе двадцати лѣтъ уже, какъ въ Хотьковомъ монастырѣ.

блялся въ себя, и кромѣ тѣхъ монашескихъ наклонностей, которыя въ немъ были замѣтны до второй женитьбы, сталъ обнаруживать желаніе поститься по нѣскольку дней сряду, ходить постоянно безъ обуви и съ открытой головой, спать на землѣ и камняхъ и нести другія лишенія. Вмѣстѣ съ этимъ онъ нерѣдко старался вести себя такъ, чтобы подвергнуться насмѣшкамъ, брани, даже побоямъ, вообще получать всевозможныя непріятности. Для этого нерѣдко онъ ходилъ неумытымъ, нечесанымъ, иногда же нарочно мараль себя грязью или чѣмъ либо другимъ. А однажды, увидавъ, что сосѣдь его мазаль дегтемъ колеса, подошелъ къ нему и, указывая на ноги, сталъ просить помазать ихъ и несмотря на отказъ его продолжалъ упрашивать: «молодушка! *) помазуй мнѣ ходульки!»!, такъ что тотъ уступилъ и исполнилъ его желаніе. Когда домашніе и односельяне стали бранить его и спрашивать, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, Филиппъ отвѣчалъ: «онѣ бѣгать будутъ ходче».

Подобныя же странности Филиппъ сталъ обнаруживать и на работахъ какъ своихъ, такъ и барскихъ. Такъ однажды, когда барскій прикащикъ заставилъ его рубить дрова, онъ цѣлое дерево изрубилъ въ мелкія щепки; когда ему сдѣлалъ за это прикащикъ выговоръ и велѣлъ рубить крупнѣе, Филиппъ сталъ отрубать полѣна по два, и по три аршина и даже болѣе. Естественно, что всѣ подобныя выходки Филиппа сердили какъ его семью, такъ и барскаго прикащика и на долю его за это выпадало не мало брани и побоевъ; иногда его сажали для вразумленія въ сарай и погреба и подвергали другимъ наказаніямъ. Но Филиппъ этому только радовался и старался въ другой разъ дѣлать тоже. Вообще, нужно думать, стремясь къ различнымъ непріятностямъ и лишеніямъ добровольно, Филиппъ подготовлялъ себя къ тому подвигу великому, который онъ несъ въ послѣдствіи въ теченіе многихъ лѣтъ—къ подвигу юродства.

Въ довершеніе всѣхъ странностей въ Филиппѣ стало являться отчужденіе отъ своей семьи и желаніе куда-то уйти; одно только замѣтно удерживало его отъ этого—привязанность къ дѣтямъ. Готовясь разстаться съ ними,

*) Молодушками онъ называлъ всѣхъ вообще женщинъ, иногда же и мужчинъ.

Филиппъ собиралъ ихъ около себя, дѣлался съ ними ласковымъ, разговорчивымъ и съ отеческимъ участіемъ внушалъ, что если у нихъ не будетъ отца, то они должны жить въ мирѣ и согласіи между собою, не ссориться, какъ другіе дѣлаютъ, изъ-за пожитковъ, потому что «все въ мірѣ семь суета и ничтожество, ради котораго губить свою душу непростительно; да и добиваться исполненія всѣхъ нашихъ желаній, пикогда ненасытимыхъ, и трудно и грѣшно». Всѣмъ этимъ онъ приготавливалъ себя и ихъ къ предстоящей разлукѣ, близость которой съ каждымъ днемъ становилась для его родныхъ замѣтнѣе и заставляла ихъ внимательно слѣдить за Филиппомъ. Но могло ли что-либо удержать Филиппа, твердо рѣшившагося возложить на себя подвигъ юродства?

II.

Подвигъ юродства.

Разъ, въ рабочій лѣтній день, всѣ родные Филиппа, уходя въ поле на жатву, условились съ нимъ, что онъ, оставшись дома, приготовить имъ обѣдъ и принесетъ его въ поле. Филиппъ обѣщалъ все исполнить. Но прошелъ весь день до вечера, а Филиппъ обѣда не приносилъ. Удивленные родные послали за пищей одного изъ своихъ съ поля домой. Придя въ деревню, онъ узналъ, что Филиппъ донесъ приготовленный обѣдъ только до крайней къ полю крестьянской избы, поставилъ его здѣсь, попросилъ хозяина побережь, пока онъ не надолго отлучится, и ушелъ. Такъ какъ прошло уже нѣсколько часовъ послѣ того, какъ Филиппъ скрылся, то родные его сильно встревожились и стали искать въ своей деревнѣ и въ сосѣднихъ,—но нигдѣ его не оказалось. На слѣдующій день о пропажѣ Филиппа дали знать волостному начальству и полиціи, которыя приняли всѣ возможные мѣры для отысканія его, но и это не имѣло никакого успѣха.

На пятый день нѣкоторые изъ односельцевъ Филиппа увидѣли, что онъ бродитъ по задворкамъ своей деревни, и стали убѣждать его идти домой. Молча, одними движеніями головы, отказывался Филиппъ и смотрѣлъ на своихъ сосѣдей такъ, какъ бы въ первый разъ ихъ видѣлъ. Узнали объ этомъ его родные, выбѣжали всѣ отъ мала до велика и взяли его домой. Какъ ребенокъ, шелъ Филиппъ, возвращаемый родными въ домъ отцовскій. Радо-

вались родные его возвращенію, но недоумѣвали, что съ нимъ случилось за эти дни, видя, что онъ былъ сильно изнурень, полураздѣтъ и босъ,—но главное, что сталъ какъбы глухъ и нѣмъ. Всѣ вопросы о томъ, куда онъ отлучался, что видѣлъ, ѣлъ ли, гдѣ дѣлалъ верхнее платье и сапоги, оставались безъ отвѣта: Филиппъ не говорилъ ни слова. Послѣ долгихъ стараній добиться хоть чегонибудь отъ него,—стараній вполнѣ напрасныхъ, родные оставили его въ покоѣ, на волю Божию. Потомъ, спустя ужь съ недѣлю, они узнали, что Филиппа видѣли въ 37 верстахъ отъ ихъ деревни въ селѣ Жайскѣ Нижегородскаго уѣзда, отдѣленномъ отъ ихъ деревни рѣкой Окой. Окрестности села Жайска состоятъ изъ горъ, гдѣ ломаютъ камень и выжигаютъ алебастръ; вотъ въ глуши-то этихъ каменоломень и встрѣтили Филиппа, но зачѣмъ онъ туда пробрался, осталось неизвѣстнымъ.

Эта отлучка продолжалась четыре дня. По возвращеніи домой онъ все больше изумлялъ родныхъ страннымъ видомъ и подвигами самоотверженія. Прежняго Филиппа какъбы не бывало, остался Филиппъ безмолвный, предавшійся посту безъ границъ и не желавшій даже носить какое либо одѣяніе. Безмолвіе, молитва, кротость, терпѣніе—вотъ свойства, которыя ярко были видны въ немъ. Образъ жизни онъ вель самый суровый: спалъ только подъ открытымъ небомъ, прямо на землѣ или на камняхъ, не смотря ни на какія переменныя погоды; ходилъ безъ обуви, почти нагой, едва прикрытый ветхою одеждою; принималъ пищу очень рѣдко—черезъ три, пять, даже черезъ семь дней; кромѣ всего этого онъ возложилъ на себя тяжелыя вериги. Больно было семьѣ видѣть такое поведеніе Филиппа. Братья и жена съ дѣтьми принимали всѣ мѣры, чтобы возвратить его къ жизни прежней: неоднократно заново одѣвали и обували его, — но вскорѣ же Филиппъ являлся опять полунагой, отдавъ «бремя», какъ онъ односложно называлъ части одежды, первому попавшемуся нищему или бѣдняку; убѣждали его чаще ѣсть, поставивъ предъ нимъ пищу,—но онъ бралъ посуду съ нею и относилъ нищимъ; настилали солому на землю въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ видѣли его смящимъ не одинъ разъ,—но Филиппъ уходилъ и выбиралъ новое мѣсто, еще болѣе неудобное—сырое или неровное. Приписывая все это помѣшательству или «порчѣ», которою многіе

объясняютъ всѣ, непонятныя имъ, физическія и психическія болѣзни и, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ, дѣйствія людей, родственники возили его къ нѣсколькимъ священникамъ для отчитыванія. Священникъ недалекаго отъ ихъ деревни села Грипина нѣсколько разъ читалъ надъ нимъ молитвы, положенныя для чтенія надъ бѣсноватыми.

Много непріятностей, насмѣшекъ, нареканій приходилось выносить женѣ, дѣтямъ и братьямъ «порченаго» Филиппа отъ своихъ сельчанъ и на долю его самого стало выпадать чрезъ это немало непріятностей отъ семьи. Желая, навѣрное, избавить свою семью отъ себя, какъ причины всего этого, и въ тоже время еще въ большей степени отдаться принятому имъ на себя подвигу, Филиппъ вскорѣ оставилъ свою деревню совсѣмъ и ушелъ въ уѣздный городъ Вязниковъ, удаленный отъ деревни Стряпковой почти на 20 верстъ; но недолго пробылъ и здѣсь, а отправился бродить и юродствовать по разнымъ городамъ и селамъ. Почти цѣликомъ исходилъ онъ губерніи Нижегородскую, Владимірскую, Московскую, Тульскую и Калужскую и отчасти Орловскую, Курскую и Кіевскую. Это странничество «Филиппушки блаженненькаго», какъ стали звать его народъ, продолжалось почти 10 лѣтъ. Немалую часть этихъ десяти лѣтъ Филиппушка провелъ въ различныхъ тюрьмахъ и пересылкахъ по этапу, такъ какъ его много разъ арестовывали, какъ бродягу, не имѣющаго при себѣ никакого вида, и отправляли на родину, гдѣ онъ оставался лишь день или два и затѣмъ опять скрывался. Умъ, находчивость и при этомъ полнѣйшая кротость «Филиппушки блаженненькаго» неоднократно ставили въ недоумѣніе сельскихъ властей и полицейскихъ чиновниковъ, которымъ приходилось допрашивать его, какъ бродягу. Не Филиппушка становился въ тупикъ отъ слѣдственныхъ вопросовъ, ему предложенныхъ, а чиновники были поражаемы его, прикрытыми образностью, отвѣтами, въ духѣ юродства. Много рассказовъ можно бы записать объ этомъ, но приведемъ лишь тѣ, которые наиболѣе достовѣрны.

Разъ, когда заарестованнаго Филиппа привели къ квартальному надзирателю г. Ардатова для допроса, надзиратель, взявъ изъ рукъ у него тяжелую палку, съ которой Филиппъ обыкновенно ходилъ, и разсердившись,

при непонятной для него рѣчи Филиппа, ударилъ его этой палкой по голой ногѣ и значительно поранилъ, такъ что сильно пошла кровь.

— Что это такое? закричалъ надзиратель, неожиданный, навѣрное, такого послѣдствія отъ удара,—указывая Филиппу на кровь.

— Ничего, это красная водка, которою меня Богъ грѣетъ,—смиренно отвѣтилъ онъ.

Въ другой разъ полицейскій засѣдатель г. Арзамаса ударилъ Филиппа въ бокъ столь сильно, что Филиппъ упалъ. Поднявшись тотчасъ же, онъ подставилъ другую сторону головы, говоря: «бей еще; Христа били и Онъ терпѣлъ, по слову своему: *ударили тебя въ ланиту, подставь другую*».

Въ этомъ же городѣ одинъ столоначальникъ полиціи допрашивалъ Филиппа, заложивъ перо за ухо. Раздраженный его замысловатыми отвѣтами и желая чѣмъ-либо испугать Филиппа, чиновникъ этотъ выхватилъ у него изъ рукъ его тяжелый посохъ и едва приподнявъ отъ земли, началъ кричать на него:

— Какъ ты смѣешь таскать такой ослепъ? ты имъ человѣка легко убить можешь!...

— Братъ мой! тѣмъ перышкомъ, которое у тебя торчитъ изъ-за уха, ты скорѣй, будь увѣренъ, можешь убить нѣсколько человѣкъ, нежели я своей опорой, возразилъ Филиппъ, намекая на убійственныя послѣдствія отъ бумажныхъ приказническихъ кляузъ.

Полицейскій чиновникъ г. Кіева, встрѣтивъ Филиппа въ томъ странномъ видѣ, въ коемъ онъ ходилъ, спросилъ его: «откуда ты?»

— До живаго царя (*Бога*) животомъ далеконекъ, а къ смертному царю приблизиться не успѣлъ, отвѣтилъ тотъ.

Удивленный такими словами, полицейскій потребовалъ у него паспортъ.

— Отъ смертнаго царю царя мертвыхъ словъ у меня нѣтъ; а вотъ отъ живаго царя живыя слова есть, сказалъ Филиппъ, вынувъ изъ кармана карты трефовой, или крестовой масти, которыя постоянно имѣлъ при себѣ, и показывая ихъ чиновнику.

— Что ты съ ума что ли сошелъ? захохоталъ чиновникъ: — развѣ это паспортъ? Это карты, въ которыя играютъ.

— Играють крестами только жиды хриstopродавцы, а мы христiане чтимъ ихъ и молимся, смиренно возразилъ Филиппъ, цѣлуя крестъ на картѣ.

Такія образныя рѣчи раздражали чиновниковъ и много обидъ перенесъ за нихъ Филиппъ; но ни одного слова ропота не слышали отъ него въ теченіи всей его жизни. Онъ всегда горячо молилъ Бога за тѣхъ, кто дѣлалъ ему непріятное, и въ послѣдствіи, оставивъ подвигъ юродства, онъ говаривалъ дѣтямъ, что онъ потому такъ относился «къ обидящимъ, что они, дѣлая ему зло видимо, приносили ему пользу внутреннюю и были его благодѣтелями; своей же душѣ жестокостью вредили, а потому онъ и долженъ молить Бога о ихъ спасеніи».

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ слова Филиппушки выражали прозорливость относительно будущаго и вполнѣ потомъ подтверждались. Такъ игуменья Муромскаго женскаго монастыря рассказывала Филиппушкѣ, при посѣщеніи имъ этого монастыря, что одинъ купецъ пожертвовалъ имъ большой колоколъ, который отливается въ Москвѣ, и еще неизвѣстно, когда будетъ готовъ и привезенъ.

— Недѣль чрезъ двѣнадцать вода привезеть, сказалъ при этомъ Филиппъ.

Странными казались эти слова игуменьѣ, такъ какъ колоколъ долженъ былъ прибыть на лошадяхъ. Но когда колоколъ былъ изготовленъ, то вдругъ начались продолжительные дожди, сдѣлавшіе перевозку тяжести этой сухимъ путемъ невозможной; заводчикъ колокольный доставилъ колоколъ водою по р. Окѣ на баркѣ и ввезенъ въ монастырь онъ былъ какъ разъ чрезъ 12 недѣль, послѣ того какъ говорилъ Филиппъ.

Въ г. Муромѣ въ одномъ семействѣ шло свадебное торжество; пѣсни и пляска собрали къ окну этого дома массу зрителей. Сквозь эту толпу къ окну протѣсняется Филиппъ, кладетъ на окно восковую свѣчу и кусокъ глины съ словами: «пѣть пой, плакать готовься». Дурнымъ пророчествомъ сочли всѣ это и на 9-й день свадьбы это оправдалось: «молодой» или новобрачный легъ спать въ саду на голой землѣ и былъ найденъ мертвымъ; онъ во время сна отъ вліянія сырой земли умеръ ударомъ.

Въ г. Владимірѣ, стоя у каедральнаго собора, Филиппъ былъ спрошенъ, увидавшимъ его на пути въ соборъ, однимъ духовнымъ лицомъ: «что ты здѣсь дѣлаешь?»

— Бумажками на мѣста торгую, отецъ святой! отвѣчалъ Филиппъ. Вскорѣ же было обнаружено, что это духовное лицо, будучи вліятельнымъ въ духовномъ вѣдомствѣ, позволяло себѣ брать деньги и подарки за содѣйствіе къ опредѣленію на священническія и діаконскія мѣста въ хорошихъ приходяхъ, и подверглось за это неприятели.

Многіе изъ людей истинно вѣрующихъ и по христіански разсуждающихъ почитали Филиппа за его подвигъ юродства и прозорливости, давали ему пріютъ и питали его въ страннической жизни, встрѣчая его всегда радушно, какъ «человѣка Божьяго»; и замѣчали, что у кого Филиппъ бывалъ, то приносилъ съ собой счастье и удачу въ дѣлахъ и семейной жизни. Такъ награждалъ Богъ почитателей кроткаго и смиреннаго юродиваго. Филиппъ, бывая въ домахъ, не дѣлалъ различія, православное ли семейство или раскольничье, но всюду обличалъ неправду и, будучи православнымъ, смѣло и открыто укорялъ раскольниковъ за ихъ уклоненіе отъ истинной церкви, не боясь никакихъ неприятели отъ нихъ, хотя однажды Филиппъ едва не сдѣлался жертвою ихъ изувѣрства.

Было это въ одномъ селеніи Шуйскаго уѣзда. Между раскольниками и православными шель споръ о религіозныхъ предметахъ, при чемъ Филиппъ сидѣлъ въ группѣ раскольниковъ и молчалъ. Пользуясь этимъ, они стали утверждать, что «вотъ Филиппушка — Божій рабъ и то ихъ вѣры держится и между ними пребываетъ». Тогда Филиппъ сталъ среди толпы и въ такой иносказательной формѣ сталъ укорять раскольниковъ: «у васъ вѣдь какъ грибы пастухи-то растутъ, пасутъ и врутъ, на лѣву руку кнутъ выютъ, овецъ то кривыхъ да слѣпыхъ пасутъ, прямо въ пропасть ведутъ; посохъ-то у нихъ гнилой, прегнилой,—у любаго, посмотри, треснуть готовъ и сломиться, а пастухъ-то въ адъ свалится; попы у васъ гуляютъ, да вѣру раззоряютъ; вы, вѣдь, жида свѣжи,—стары жида Христа продали, На него возстали, а вы на дочку его—церковь поднялись».

Не было границъ озлобленію раскольниковъ на Филиппа, такъ ихъ обличившаго. Они стали отгонять его отъ домовъ своихъ, когда онъ подходилъ къ нимъ, и рѣшили даже его убить, сбросить подъ мельничныя колеса слѣплотины; но одинъ изъ любившихъ Филиппа извѣстивъ

его, и Филипъ въ гости къ мельнику, руководившему этимъ дѣломъ, не пошелъ, а на другой день, по совѣту доброжелательныхъ къ нему людей, совсѣмъ удалился изъ этого мѣста.

Неоднократно также Филипъ уличалъ раскольниковъ въ неправильность ихъ мнѣнія, будто ѣсть и пить въ общей посудѣ съ православными грѣхъ. Одинъ разъ, будучи на обѣдѣ въ семьѣ одного купца - раскольника въ Москвѣ, Филипъ, молча, ѣлъ изъ особой небольшой чашки, предъ нимъ поставленной, между тѣмъ какъ хозяйка ѣли изъ общей большой миски. Съѣвъ нѣсколько ложекъ изъ своей чашки, Филипъ посмотрѣлъ въ общую и зачерпнулъ изъ нея.

— Молодушки! молодухи! да у васъ не то, у васъ слаще, сказалъ онъ опробовавъ и опуская ложку въ общую же посуду въ другой разъ. Все семейство вышло, смѣясь, изъ-за стола.

— Что же это, вы? Аль брезгаете? Христось-то не уклонялся отъ трапезы грѣшниковъ и ѣлъ съ ними, кротко, но обличительно высказалъ Филипъ, выходя также изъ обѣда.

Въ другой разъ въ г. Шуѣ, зайдя напиться въ домъ раскольника, онъ увидѣлъ, что хозяинъ сталъ искать какую либо чашечку, хотя въ ушатѣ съ водой былъ ковшъ; но хозяинъ сказалъ, что это ихъ семейный ковшъ и пить имъ нельзя.

— Ничего, я не брезгаю, сказалъ Филипъ, быстро зачерпнувъ воды ковшомъ и начавъ пить:—Апостолы во Христа вѣрили, христіанами были, а съ евреями ѣли и пили.

Бывали случаи, что его слово было убѣдительно и брезговать переставали, но иногда Филиппу отвѣчали обидой, которую всегда принималъ съ терпѣніемъ и незлобностью юродивый, вся наружность котораго была яснымъ выраженіемъ этихъ свойствъ души христіанской.

Будучи высокаго роста (болѣе 2 ар. и 6 вер.) онъ имѣлъ лице, чистое, съ длинной окладистой бородой темнорусаго цвѣта, такіе же волосы были длинно отпущены; добрый, кроткій, терпѣливый, незлобивый взглядъ его глазъ производилъ какое-то особое, влекущее къ себѣ, чувство. Во все время своего юродства, Филипъ носилъ одного вида одежду, не измѣняя ея, несмотря ни на какія

переѣны погоды, по временамъ года, — холодный тонкій, непреѣнно ветхій, подрясникъ, надѣтый на ветхое бѣлье и открытый; застегиваль его Филиппъ рѣдко, пояса не носиль, а если когда и опоясывался, то веревкой. Обуви на ногахъ не носиль и ходиль всегда съ открытой головой. На тѣлѣ носиль вериги, — вѣсомъ въ 21 фунтъ, въ рукахъ же равнаго вѣса посохъ. Посохъ этотъ былъ отдѣланъ подѣ дубъ, хотя былъ весь желѣзный; на верху его былъ прикрѣпленъ литой изъ меди голубъ; сдѣланъ былъ, по рассказамъ, ему этотъ посохъ въ Тулѣ, при посѣщеніи ея въ началѣ юродства. Никогда, ни на одну минуту не выпускаль изъ рукъ этотъ посохъ Филиппъ: на ходу всегда опирался на него правою рукою; дѣлая что либо или вкушая пищу, держаль его лѣвой рукою, пока правая была занята; ложась, клалъ его подѣ бокъ, придерживая все-таки одной рукою. Замѣчательно, что никогда никому юродивый не даваль не только подержать посохъ, но даже коснуться, всегда отвѣчая просившимъ:

— Это вѣсь грѣховъ моихъ! Что чужую тяготу грѣховную пытатъ?

О голубкѣ на посохѣ Филиппъ говариваль: «Духъ Святой птичку любить, видѣ ея пріяль. У голубка головка не величка, да умна, носокъ востеръ, на добро шустеръ; а у насъ голова величка, да дурочка и носъ тупъ, адскій нюхастъ путь». Этотъ голубъ былъ для Филиппа символомъ добра и кротости: отъ него-то и звали въ годы юродства подвижника «Божіимъ человѣкомъ, Филиппушкой блаженненькимъ съ голубкомъ». Кромѣ посоха, въ другой рукѣ, Филиппушка носиль всегда особаго устройства мѣдную круглую коробку, въ видѣ неглубокой кастрюли, закрывавшуюся мѣдной выпуклой крышкой и имѣвшую сбоку ручку. Къ ручкѣ на шнуркѣ были привязаны еще двѣ вещицы изъ окрашенной въ красно-мѣдный цвѣтъ тонкой и легкой жести, изъ коихъ одна имѣла форму чашечки или вазочки на ножкѣ, а другая видѣ крышечки къ ней. «На память о Троицѣ Святой! все забываю о Ней, грѣшникъ!» объясняль Филиппъ любопытствовавшимъ о значеніи двухъ привѣсковъ къ коробкѣ, которая всегда была наполнена деревянными крестиками самыми маленькими, образочками и ладонками. Все это онъ раздаваль желающимъ.

Многіе добрые люди жалѣли Филиппа, что онъ ходитъ полунагой, и предлагали дать ему получше одежду и обувь, но всегда встрѣчали отказъ.

— Душно — грѣшно! Голова и ноги въ холодѣ, душа и животъ въ голодѣ—добро,—всегда говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ.

— Какъ можешь ты босой и совсѣмъ раздѣтый выносить морозы? Иль привыкъ?—спросилъ его одинъ духовный, видя его зимой, въ морозъ, сидящимъ на снѣгу.

— Къ чертогу царскому идемъ! Вѣру живую въ Господа Христа имѣть должны и ничего больше. Онъ и мнѣ грѣшному чуютъ ногъ не даетъ, отвѣчалъ Филиппъ.

Съ такимъ необыкновеннымъ терпѣніемъ несъ подвигъ юродства Филиппъ.

III.

Монашество. Основаніе пещеръ.

Покойный святитель московскій, митрополитъ Филаретъ, какъ извѣстно, смотрѣлъ на юродивыхъ глазами большинства хорошихъ христіанъ, т. е. какъ на «людей Божіихъ». Филиппъ во время своего десятилѣтняго юродства неоднократно бывалъ въ Москвѣ и былъ извѣстенъ лично владыкѣ Филарету. Въ началѣ 1847 года Филиппъ, будучи въ Москвѣ, получилъ благословеніе отъ владыки пойти на поклоненіе въ Сергіево-Троицкую Лавру и остаться тамъ пожить. Нужно думать, что по поводу этого-то и упоминаетъ въ первый разъ о Филиппѣ святитель Филаретъ въ письмѣ *) къ намѣстнику Лавры архимандриту Антонію: «Богъ благословитъ раба своего Филиппа, и да сотворитъ благое душѣ его» **), и этими словами указываетъ, что Филиппъ можетъ быть принятъ въ число братіи Лавры.

Чувствуя ли утомленіе отъ долговременной страннической жизни, или же повинуваясь благословенію уважаемаго святителя, Филиппъ вступилъ на жительство въ Лавру. Но только мѣсяць съ нѣсколькими днями прожилъ Филиппъ въ ней. Тысячи богомольцевъ, многолюдство братіи

*) Письма митроп. моск. Филарета къ архимандриту Антонію за 1831—1867 годы изданы въ 1877/78 г. въ 2-хъ томахъ (1831—1849).

***) Письмо 577-е отъ 23-го мая 1847 года.

и обращаемое на него, какъ на юродиваго, вниманіе побудили его искать болѣе уединеннаго мѣста. О своей мысли оставить Лавру Филиппъ сообщилъ намѣстнику о. Антонію, который и указалъ ему перейти въ зарождавшійся въ то время въ 2½ верстахъ отъ Лавры Геосимапскій скитъ.

Но еще ббльшаго уединенія жаждала душа Филиппа и онъ сталъ просить о. намѣстника разрѣшить ему поселиться въ близости къ скиту, и указалъ на ветхую необитаемую лѣсную сторожку въ густой лѣсной чащѣ за прудомъ, сзади скита. О. намѣстникъ не препятствовалъ его влеченію и разрѣшилъ, съ благословенія святителя Филарета. Поселился въ этой сторожкѣ Филиппъ съ однимъ послушникомъ, даннымъ ему изъ скита для безопасности въ лѣсу. Вскорѣ послѣ этого поселившійся съ Филиппомъ послушникъ сталъ убѣждать его идти вновь юродствовать.

Внимательно слѣдившій за дѣйствіями Филиппа и желавшій, навѣрное, удержать, по какимъ либо основательнымъ внутреннимъ причинамъ, его отъ вступленія на путь прежняго подвига, святитель Филаретъ писалъ объ этомъ о. намѣстнику: «очень жаль, если Филиппа развлекать будетъ и увлечетъ послушникъ, не понимающій его и своей пользы. Нельзя ли или послушника вразумить и ускромнить, или Филиппу изъяснить, что неразсудительный братъ можетъ повредить его безмолвію, и что потому лучше оставить его идти своимъ путемъ, и не увлекаться имъ» *). Филиппъ послушался голоса святителя и, взявъ къ себѣ инога «брата» или товарища въ уединенную келлію, а прежняго отпустивъ, рѣшилъ вскорѣ начать новый подвигъ. Во время одного посѣщенія скита намѣстникомъ о. Антоніемъ Филиппъ испросилъ у него благословеніе ископать близъ сторожки погребъ. Страннымъ казалось начальнику архимандриту желаніе пустынножителя при уединенной сторожкѣ имѣть погребъ, но при всемъ этомъ онъ не мѣшалъ Филиппу исполнить свое желаніе и разрѣшилъ ему, если будетъ нужно, взять въ помощь еще двухъ послушниковъ изъ скита.

Получивъ нужное благословеніе, Филиппъ вскорѣ же съ своимъ товарищемъ и двумя другими, изъ скита взя-

*) Письмо 584 отъ 31 іюля 1847 г.

тymi, сотрудниками приступилъ къ работамъ. Посѣтивъ, спустя три недѣли, Филиппа вновь, о. намѣстникъ увидѣлъ, что ископанъ не погребъ, а небольшая подземная квадратная пещера, въ которой Филиппъ съ своими сотрудниками уже началъ совершать молитвы и читать правила. Тутъ только понялъ архимандритъ, что Филиппъ возложилъ на себя новый подвигъ—пещерничество. Вскорѣ объ этомъ отъ намѣстника, конечно, узналъ и Владыка Филаретъ и святительской рукой преподавъ подвижнику благословеніе на новый путь. Одно только безпокоило Владыку, принявшаго Филиппа подъ свое особое дѣховно-отеческое попеченіе во всѣхъ его дѣлахъ жизни внутренней и виѣшней,—то, что у Филиппа не было паспорта, такъ какъ онъ былъ крѣпостной. Эту свою заботу онъ сливаетъ съ благословеніемъ на основаніе пещеръ въ письмѣ къ намѣстнику: «Господь да просвѣщаетъ ищущихъ его въ темнотѣ пещерной. Но у меня за духовными приходятъ полицейскіе помыслы. Что будетъ съ паспортами» *)? Благословивъ начало пещерничества, святитель выразилъ желаніе — видѣть пещеры пустынножительными, не дѣлать ихъ дѣломъ любопытства и не особенно расширять. Это видно изъ позднѣйшаго его письма къ намѣстнику: «хорошо, если трудятся въ пещерахъ по усердію; но мнѣ кажется, не надобно сіе распространять и дѣлать гласнымъ» **). Такимъ образомъ было положено основаніе пещерамъ Геесиманскаго скита.

Вскорѣ послѣ начала ископанія пещеръ, Филиппъ, сталъ расширять первоначальную пещеру, дѣлать отъ нея подземные корридоры и въ нихъ основывать отдѣльныя пещерки, въ послѣдствіи сдѣлавшіеся подземными келліями; средняя же и самая ранняя была молитвеннымъ мѣстомъ и теперь занята храмомъ во имя Архистратига Михаила. При ископаніи этого молитвеннаго подземнаго мѣста былъ такой знаменательный случай.

Во время одного вечерняго правила, на которомъ были Филиппъ и трое его сотрудниковъ по копанію пещеръ—скитскіе послушники, двое изъ нихъ Митрофанъ и Андрей, видѣли ангела, который пропелъ надъ ихъ головами два

*) Письмо 597 отъ 13 сентября 1847 года.

***) Письмо 610 отъ 10 декабря 1847 года.

вѣнца. Послушники рассказали объ этомъ Филиппу. «Воля Божья! молитесь!» отвѣтилъ онъ. На другой же день, во время работы въ глубинѣ пещеры, они были засыпаны оба землей, внезапно обрушившейся, на смерть и удостоились тѣхъ мученическихъ вѣнцевъ, которые видѣли въ рукахъ у ангела. Вотъ что пишетъ владыка Филаретъ объ этомъ замѣчательномъ событіи намѣстнику: «не безъ слезъ пропѣлось мнѣ: со святыми упокой, Христе, души рабъ твоихъ Митрофана и Андрея. Можно вѣровать, что Господь принялъ доброе начало ихъ подвига, какъ совершеніе; но печалепъ случай ихъ кончины по отношенію къ другимъ, которые, не зная, что Господь уготовилъ ихъ къ преставленію, смутятся въ помыслахъ о подвижничествѣ *). Господь дастъ слышащимъ о семъ доброе разумѣніе подвига, и наставленіе содержать себя въ готовности къ смерти, неожиданно близкой» **).

Въ этихъ строкахъ святителя Филарета явно слышится опасеніе, чтобы Филиппъ не оставилъ, въ смущеніи отъ случившагося, начатаго подвига и не покинулъ мѣсто; но опасенія владыки не оправдались: Филиппъ остался и усердно продолжалъ устройство подземнаго жилища и мѣста моленія. Въ корридорѣ былъ повѣшенъ маленькій колоколь, которымъ давалась вѣсть о времени молитвы поселившимся въ пещерахъ,—ихъ стало уже болѣе пяти.

Собравшись въ среднюю пещеру на молитву, пещерники совершали правило по псалери и пѣли 12 псалмовъ по правилу Пахомія Великаго. Съ теченіемъ времени къ этому послѣдованію правила и псалмовъ были прибавлены утреня и полунощница, такъ что составился особый новый чинъ пещернаго богослуженія, существующаго донинѣ и подъ названіемъ «полунощницы съ аллилуіа» совершаемаго ежедневно въ 8 часовъ вечера, кромѣ дней, въ кои положена всенощная. По поводу образованія этого новаго богослуженія святитель Филаретъ писалъ намѣстнику о Антонію: «о пользѣ пустынножительства нѣтъ спора. Но думаю, не легко оному правильно устроиться. Не много ли переселяющихся изъ скита на ту сторону пруда, и не сдѣлается ли тамъ дру-

*) Т.-е. не смутились бы смертью безъ напутствія, не разумѣя напутствія,—уготовленія видѣніемъ

отъ 17 октября, 1847 года.

гой монастырь вмѣсто пустынножительства. Еще, простите моему невѣжеству, если спрошу: не больше ли было бы послушанія и смиренія предъ чиноположеніемъ церковнымъ, пѣть всчерню, часы и утреню обыкновеннымъ порядкомъ (кромѣ прибавленія изъ октоиха и мнѣй, чтобы не заботиться о многихъ книгахъ), и прибавлять что-либо по усердію и разсужденію, нежели составлять свой чинъ службы, изъ частей обычнаго богослуженія, отрывочно взятыхъ? Трапеза пустынножителей не должна ли бы поставляться нѣсколько позже, нежели въ монастырѣ? Говоря сіе, не перемѣнѣ требую для другихъ, а разсужденія для себя *).

Изъ этого письма владыки видно, что пещерное подвижничество Филиппа стало быстро привлекать желающихъ перейти къ нему изъ скита. Филиппъ не отказывалъ, но принималъ лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы поступающей самъ искаивалъ себѣ подземную келлію—«пещерку». Въ то же время умноженіе пещерниковъ не было согласно съ духомъ основателя пещеръ, что видно изъ письма святителя Филарета въ духѣ опасенія, что Филиппъ покинетъ пещеры: «былъ у меня Филиппъ. Когда я сказалъ ему, что у него уже много людей: онъ отвѣчалъ, что и онъ думалъ имѣть только человѣка два, и что теперь помышляетъ, не уйти ли въ другое мѣсто, или не странствовать ли безъ мѣста. Я уговаривалъ его не оставлять мѣста, въ которомъ можетъ жить мирно, съ пользою и для другихъ. Имѣйте сіе во вниманіи, чтобы умноженіе людей не усилило въ немъ желанія удалиться» **).

Относительно чина богослуженія, составившагося у пещерниковъ, владыка Филаретъ въ другомъ мѣстѣ пишетъ: «вы говорите, что *совершенно* не видите отступленія отъ церковнаго чиноположенія въ молитвословіяхъ пещерниковъ. Спорить не стану, но вотъ ваши слова: *начинаютъ полунощницу, поютъ дванадцать псалмовъ, по каждому стихъ трижды аллилуйя, поютъ осьмую пѣснь пророческую и пр.* Въ чиноположеніи церковномъ послѣ полунощницы слѣдуютъ два псалма утренніе, шестопсалміе, каѳизмы и каноны, начиная отъ первой пѣсни, а не

*) Письмо 611 отъ 16 декабря 1847 года.

***) Письмо 697 отъ 12 июня 1849 г.

осмая только и девятая пѣсни. Слѣдственно описанное молитвословіе есть составленное по личному разсужденію, а не послѣдованіе въ простотѣ церковному чиноположенію» *).

Хотя владыка Филаретъ и оспаривалъ правильность богослуженія пещерниковъ, тѣмъ не менѣе, какъ утвердившееся, совершать потомъ разрѣшилъ. Вообще святи-тель не упускалъ изъ виду относительно пещеръ ни одной мелочи и входилъ даже въ хозяйственные вопросы. Такъ впослѣдствіи при ископаніи внутри пещеръ колодезя писалъ къ намѣстнику: «о кладезѣ пещерниковъ мнѣ думалось, не произведетъ ли онъ у нихъ сырость, если вода не мала?—Меня себъ водою благословите» **).

Около трехъ лѣтъ спустя послѣ основанія пещеръ, къ Филиппу пришли его сыновья: Игнатій и Василій. Подвижническая жизнь ихъ отца произвела на нихъ столь сильное вліяніе, что они рѣшились остаться при немъ и сдѣлаться пещерниками. Важнымъ препятствіемъ къ этому являлось то, что Игнатій былъ женатъ и кромѣ того они были крѣпостные. Годъ спустя послѣ нихъ пришелъ и третій сынъ Порфирій и пожелалъ также остаться при отцѣ. Тогда Филиппъ самъ сталъ принимать мѣры сдѣлать ихъ вольными, въ чемъ и успѣлъ ***). Жена Игнатія также пожелала вступить въ женскій монастырь и была принята въ Изосимовскую пустынь Подольскаго уѣзда. Такимъ образомъ всѣ препятствія были удалены, и Филиппъ со всѣми тремя сыновьями были зачислены указными послушниками Гевсиманскаго скита—въ 1850 году.

Живя въ пещерахъ, Филиппъ въ тоже время не оставлялъ совсѣмъ своего подвига юродства. Вначалѣ этой жизни онъ перѣдко еще появлялся предъ воротами Лавры на Верхней или Красной площади, опираясь на свой неизмѣнный посохъ съ голубкомъ. Какъ только появлялся Филиппъ, его тотчасъ окружали толпы народа.

— Съ ангеломъ! Съ ангеломъ! Съ Божиимъ вѣстникомъ! привѣтствовалъ онъ всѣхъ, обращаясь въ разныя стороны; и съ какою любовію обращались всѣ къ «Филиппушкѣ—человѣку Божію», слушали его мягкія, образ-

*) Письмо 612 отъ 30 декабря 1847 г.

**) Письмо 675 отъ 21 января 1849 г.

***) Важное содѣйствіе въ этомъ ему оказала дочь помѣщицы, нынѣ игуменья Арзамасскаго женскаго монастыря.

ныя, полныя глубокаго христіанскаго духа рѣчи! Каждый, имѣвшій какую либо боль на душѣ, старался хоть что нибудь услышать отъ него себѣ въ утѣшеніе и назиданіе.

— Филиппушка родной! помоги: дѣти меня не слушаютъ, обращается къ нему плачущая женщина.

— Богу молись, молись! За грѣхи, молодушка, Богъ насылаеть. Мы Бога не слушаемъ, а насъ дѣтища не слушаютъ. Ислые-то Христовы слуги куда какъ хорошо Богу служили! За то змѣй въ руки брали и звѣрей дикихъ укрощали, а мы что?! убѣждаетъ въ отвѣтъ Филиппъ.

— А мнѣ что дѣлать, батюшка? ноженьки не идутъ, одеревенѣли, разнедужилась вся, хоть ложись, да умирай, вопрошаетъ другая.

— Кланяйся, молись, постись, говѣй и св. Таинъ чаще приобщайся, ну и отлегнеть,—удовлетворяетъ женщину Филиппъ.

— Спился вотъ я совсѣмъ, скрутился. Что тутъ дѣлать мнѣ? спрашиваетъ мужичекъ.

— Водицы святой, да масла отъ мощей угодника каждое утро испивай, ну и будетъ бѣжать тебя бѣсъ-то винный, поучаетъ Филиппъ.

— А замужь меня благословишь выйдти? спрашиваетъ дѣвушка.

— Богу напередъ хорошенько поработай, а грѣху и такъ вдоволь останется, — слышится кроткій совѣтъ Филиппа.

— А мнѣ въ другой разъ замужь можно? обращается вдова.

— Мало развѣ до этихъ поръ грѣшила?—О днѣ послѣднемъ вспомни, да за Христа замужь и ступай,—отвѣчаетъ онъ.

Каждое слово его принималось и цѣнилось простыми сердцами, какъ слово святаго человѣка, «душевида», и бывали случаи, что его слово удерживало людей отъ зла.

— Святой Филиппушка! братъ меня изводитъ, а я покончить его хочу разомъ, спрашиваетъ одинъ.

— Грѣшный я, грѣшный ты, грѣшный онъ. Какъ же судить-то намъ другихъ? Терпи и молись, а противъ Бога не иди, убѣждаетъ юродивый.

— Филиппушка — батюшка! благослови удавиться! обращается къ нему деревенская женщина.

— Что это ты задумала? изумленно вопрошаетъ онъ.

— Сынка баринъ въ солдаты сдалъ. Больно, ухъ какъ больно! Ну и хочу удавиться, чтобъ грѣхъ-то на немъ, на баринѣ - аспидѣ былъ, рассказываетъ та со слезами.

— Твоя душа загибнетъ, а баринъ будетъ живъ и покаяться успѣетъ. Оттого-то тебя врагъ и толкаетъ въ адъ, утѣшаетъ Филиппъ плачущую.

Утѣшенные, увѣренные, что «его устами слова съ неба идутъ», расходились спрашивающіе, и новыя толпы являлись къ Филиппушкѣ.

Иногда въ Филиппѣ какъбы пробуждалось его прежнее стремленіе къ странничеству въ видѣ юродиваго, и онъ не надолго уходилъ въ Москву, но не дальше. По письмамъ святителя Филарета, не упускавшаго юродиваго изъ вида никогда, видно, что еще до прихода дѣтей, т.-е. до 1850 года, Филиппъ былъ въ Москвѣ нѣсколько разъ, именно въ іюлѣ 1848 года, и собирался пройти въ Новый Іерусалимъ, но не получилъ на это благословія отъ владыки, такъ какъ въ Москвѣ произвелъ волненіе своимъ страннымъ видомъ и поведеніемъ; затѣмъ въ октябрѣ тогоже года посѣтилъ Москву, съ благословія своего покровителя архипастыря Филарета; затѣмъ путешествовалъ въ Москву въ ноябрѣ и декабрѣ 1849 года. Какъ заботливо относился святитель къ странничеству Филиппа и его юродству, лучше всего видно изъ подлинныхъ писемъ къ намѣстнику, писанныхъ въ то время.

«Спрашивалъ я Больше-крестовскаго протоіерея, не онъ ли, и какъ отправилъ въ тюрьму странника. Онъ сказалъ, что странникъ предъ всенощною явился въ церкви съ жезломъ, увѣшаннымъ лентами, и стоялъ въ углу, окруженный народомъ. На другой день странникъ опять пришелъ, сѣлъ на паперти, что-то ѣлъ, и народъ опять окружилъ его. Отсюда взяли его въ частный домъ. Кажется, надобно посовѣтовать Филиппу удерживаться отъ такихъ поступковъ, которыми онъ какъбы самъ себя выставляетъ на зрѣлище. Надобно терпѣть искушеніе, когда оно найдеть, а не вводить самого себя въ искушеніе, и съ тѣмъ вмѣстѣ другихъ, когда намъ заповѣдано молиться: не введи насъ во искушеніе. Посему и предположенное путешествіе въ Новый Іерусалимъ, я совѣтовалъ бы отложить до усмотрѣнія. Если же мое юродивое мудрованіе не понимаетъ мудрости юродства:

то прошу прощенія *)). Это писалъ владыка о первомъ путешествіи Филиппа въ Москву. «Филиппа Богъ благословить совершить путешествіе. Но поговорите ему, чтобы не домогался быть взятъ подъ арестъ, а если это ему нравится, сказалъ бы намъ, и мы арестовали бы его съ любовію, а не съ гнѣвомъ, какъ полиція **)», писалъ онъ о второмъ странствованіи юродиваго. Въ послѣднее, болѣе продолжительное, путешествіе въ концѣ 1849 года владыка выражалъ нѣсколько разъ безпокоившую его мысль о томъ, гдѣ Филиппъ и почему не является къ нему. «Филиппъ еще у меня не былъ ***)», пишетъ онъ 14-го и повторяетъ тоже 16 ноября. «Возвратился ли Филиппъ? Мнѣ говорили, что около его собирается народъ, и что дажс онъ задержанъ. А гдѣ искать его, не знаю. Если не возвратился, не укажете ли, гдѣ его поискать ****)? «Въ другой разъ спрашиваю: возвратился ли Филиппъ †), высказывалъ свое безпокойство святи- тель Филаретъ †*)).

Въ послѣдній разъ въ видѣ странника—юродиваго Филиппъ путешествовалъ уже позже, когда съ нимъ были сыновья. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ путешествіи сопутствовавшій ему сынъ. «Пойдемъ, говоритъ батюшка, въ большую деревню», какъ онъ звалъ Москву. Пошли и на другой день пришли въ Москву. Отправились мы прямо въ Кремль.—«Не говори никому, что ты мнѣ сынъ; говори, что чужой», говоритъ мнѣ батюшка. Идемъ, онъ впереди съ жезломъ, а я сзади, въ мірской одеждѣ. Было это въ царскій день, звонъ надъ Москвой стоялъ страшный. На батюшку и его жезль съ голубкомъ всѣ смотрятъ, собираются около него, спрашиваютъ. Онъ же молча идетъ впередь.—Куда ты идешь? спрашиваетъ его городской.—«Иду къ царю обѣдать!» отвѣтилъ батюшка, а шли мы въ соборъ къ обѣднѣ. Тотчасъ батюшку арестовали и взяли въ часть, какъ бродягу. Я, немедля нимало, отпра- вился къ нашей благодѣтельница г-жѣ Мачихиной, кото-

*) Письмо 649 отъ 18 іюля 1848 г. **) Письмо 658 отъ 15 ок- тября 1848 г. ***) Письма 716 и 717 отъ 14 и 16 ноября 1849 г.

****) Письмо 723 отъ 22 декабря 1849 г.

†) Письмо 724 отъ 30 декабря 1849 года.

†*) Этимъ письмомъ законченъ 2-й томъ изданныхъ писемъ свя- тителя Филарета. Изданіе еще не продолжено, поэтому обращаться къ письмамъ возможности нѣтъ.

рая вмѣстѣ со мною отправилась къ графинѣ Толстой и передала ей все, что случилось съ батюшкой. Графиня вмѣстѣ съ нами пріѣхала въ часть и спрашиваетъ: «гдѣ Филиппъ?» Намъ показали казематъ, въ которомъ онъ сидитъ. — Тебѣ чай не хорошо здѣсь? спрашиваетъ графиня батюшку.

— Лучше ада, молодушка! Видишь, меня здѣсь берегутъ да стерегутъ, съ улыбкой отвѣчалъ Филиппъ. По просьбѣ графини Филиппъ былъ тотчасъ освобожденъ. Да у него безъ полиціи дѣла не бывало: какъ пой- деть, такъ засадятъ.

Въ это путешествіе Филиппъ былъ уже рясофорнымъ монахомъ, но ни въ это время, ни въ послѣдствіи онъ не покидалъ до самой смерти усвоеннаго имъ въ годы юродства обыкновенія держать себя и говорить загадочно, индифферентно. Съ дѣтьми даже онъ держалъ себя такимъ образомъ. Только въ концѣ своего подвига земнаго онъ сталъ обращаться съ ними просто безъ юродства и образности въ рѣчахъ.

Трудная долговременная подвижническая жизнь, громадныя, пройденныя въ годы юродства, пространства, продолжительный постъ, ношеніе тяжелыхъ веригъ и посоха, тяжелый трудъ при копаніи пещеръ,— все это постепенно расшатывало здоровье юродиваго, такъ что съ перваго же года пещерничества у него стали обнаруживаться различныя болѣзненные припадки, которые беспокоили сильно его и заботили владыку Филарета. Особенно сильно занемогъ-было онъ въ концѣ декабря 1848 года, проболѣлъ около 2-хъ мѣсяцевъ, такъ что предполагали у него развитіе чахотки. «Слава Богу, что идущіе подземнымъ путемъ на небо возвращаются на сей путь, не встрѣтивъ претыканія. Занемогшаго поберегите. Видѣлъ я примѣръ излеченія отчаянно больнаго чахоткою, чрезъ употребленіе лекарства, составленнаго изъ меда, аниса, солодковаго корня и солодковаго сока. Лекарство невинное и постное. Не хотите ли, чтобы я прислалъ рецептъ на ваше разсужденіе *)». «Требуется рецептъ. Посылаю **). «Рабу Божию Филиппу и сопребывающимъ Божіе благословеніе призываю, а ему и облегченіе отъ болѣзни» ***), писалъ въ это время въ письмахъ къ намѣстнику заботливый святитель.

*) Письм. 669. **) Письмо 670. ***) Письм. 672.

Послѣ этой болѣзни здоровье Филиппа уже до самой смерти вполнѣ не восстанавливалось и часто, хотя и не надолго, онъ сильно занемогалъ. Въ одну изъ такихъ болѣзней намѣстникъ о. Антоній, всегда съ любовію относившійся къ Филиппу и часто у него бывавшій, предложилъ ему принять полное монашеское постриженіе съ измѣненіемъ имени. Старецъ съ радостию согласился и просилъ дать ему имя Филарета, общее съ святителемъ—митрополитомъ, котораго Филиппъ всегда называлъ не иначе, какъ *бѣлымъ* (по бѣлому цвѣту митрополичьяго клобука) *ателомъ*. Вскорѣ Филиппъ былъ постриженъ и получилъ, дѣйствительно, имя Филарета.

Въ день постриженія, сильно больной, онъ лежалъ съ закрытыми глазами, какъбы въ полуобморокѣ; но когда взшелъ въ пещеру о. намѣстникъ, чтобы совершить постриженіе, то Филиппъ внезапно открылъ глаза, оживился, сталъ молиться, сознательно и внятно произнесъ монашескіе обѣты и вскорѣ опять впалъ въ забытѣе. «Въ ту минуту, когда входилъ въ пещерку о. намѣстникъ, я видѣлъ себя въ глубокомъ снѣжномъ сугробѣ, и сколько ни силюсь, а выбраться не могу. Подходить будто о. намѣстникъ къ самому краю сугроба, подаетъ мнѣ руки; я взялся за нихъ и онъ меня вытащилъ. Очнулся я сразу, гляжу; а батюшка-то о. намѣстникъ около меня стоитъ, постригать пришелъ», рассказывалъ потомъ о. Филаретъ своимъ дѣтямъ.

Вскорѣ послѣ постриженія, въ болѣзни о. Филарета сдѣлался переходъ къ лучшему и онъ, хотя и не быстро, поправился, сталъ по прежнему трудиться надъ улучшеніемъ пещеръ и поучать ближнихъ. Одно только долженъ былъ онъ, съ принятіемъ монашескаго чина, измѣнить въ своемъ образѣ жизни—оставить свой посохъ съ голубкомъ и носить обувь. «Владыка святой! обуваться-то я больно лѣнивъ, все не хочется!» упрасивалъ онъ благословлявшаго его на новый образъ жизни святителя Филарета. Но владыка, разрѣшивъ ему носить вмѣсто сапогъ ботики и замѣнить посохъ съ голубкомъ посохомъ съ головкой изъ мѣди, покрытой священными изреченіями, не позволилъ ему сохранить прежній видъ юродиваго, «да не соблазняются другіе монахи». Съ этого времени о. Филаретъ уже оставилъ наружное юродство и предъ Лаврою на Красной площади уже болѣе не появлялся.

Дѣти его жили каждый въ отдѣльной подземной кельѣ—темной четырехугольной комнатѣ съ земляными поломъ, стѣнами и потолкомъ, и были при немъ послушниками. Каждая келлія имѣла не болѣе сажени въ длину и ширину; печей въ нихъ не было и даже зимой нагрѣвались онѣ однимъ дыханіемъ и тремя лампадами, которыя заминяли и дневной свѣтъ. Дѣти его учились въ пещерахъ грамотѣ. Самъ же о. Филаретъ, несмотря на всѣ убѣжденія намѣстника о. Антонія, учиться грамотѣ не пожелалъ, отвѣчая: «поздно ужъ за азбуку браться». вмѣстѣ съ ними жили еще нѣсколько пещерниковъ, такъ что всего было 14 подземныхъ келлій, населенныхъ пустынножителями. Между тѣмъ въ средней молитвенной пещерѣ была уже устроена церковь и 27-го сентября 1851 года освящена самимъ святителемъ митрополитомъ Филаретомъ во имя св. Архистратига Михаила.

Не безъ внушенія врага рода человѣческаго вскорѣ поднялось гоненіе на подвижника отъ нѣкоторыхъ изъ скитской же старшей братіи. Двоимъ изъ скитянь, обнаруживавшимъ склонность къ безмолвію и пустынножительству, было не по духу, что къ о. Филартеу стекаются для назиданія въ духовной жизни богомольцы, и они стали распускать про него всякаго рода дурную славу. Одинъ изъ жившихъ въ пещерахъ послушниковъ, примкнувъ къ нимъ и выдавши, какъ Христа Иуда, своего учителя въ подвижничествѣ, сталъ часто беспокоить о. намѣстника анонимными, полными всякой неправды, письмами. Господь видимо вразумилъ возстававшихъ на старца Филарета. Авторъ анонимныхъ писемъ, сознавшійся въ этомъ предъ кончиной, умеръ вскорѣ ужасною смертію. Онъ приготовилъ булку съ мышьякомъ для истребленія мышей и крысъ въ пещерахъ и, смѣшавъ ее съ другой, одинаковой по виду, но не отравленной булкой, бывшей у него въ келліи, умеръ въ мученіяхъ, успѣвъ исповѣдать грѣхъ предъ старцемъ и выпросить у него прощеніе. Тѣмъ не менѣе наказаннаго Богомъ очевидно о. намѣстникъ не позволилъ положить на монастырскихъ кладбищахъ, а схоронить на мірскомъ въ Сергіевомъ Посадѣ—Кокуевскомъ. Непріязнь старшихъ скитянь не уменьшилась, какъ ни старался о. намѣстникъ умиротворить ихъ. Тогда о. намѣстникъ, удовлетворяя желанію старца Филарета, посовѣтовалъ ему выбрать себѣ мѣсто въ окружающихъ

лѣсахъ для устройства келліи. Старець пожелалъ на время совсѣмъ удалиться изъ окрестностей скита и собрался на богомолье въ Кіевъ; но въ это время у него усилилась боль въ ногахъ.

— Нѣтъ воли Божіей на то, чтобы мнѣ поклониться отцамъ пещеръ Кіевскихъ—Антонію и Θεодосію! Буди воля Его! рѣшилъ о. Филареть и переселился изъ пещеръ въ Лавру.

Не было конца изумленію почитателей о. Филарета, когда онъ вышелъ изъ пещеръ въ Лавру, но ни одного слова неудовольствія не слышалъ отъ него никто.

— Ушелъ отчего?! Съ землею поссорился, не ужился, съ унылою разбранился, ипосказательно говорилъ всѣмъ незлобивый о. Филаретъ.

IV.

Основаніе Киновіи. Схимонашество и смерть.

Избравши Лавру для временнаго пребыванія, о. Филареть, замѣтно, грустилъ по оставленнымъ имъ пещерамъ. Нерѣдко онъ отправлялся въ лѣсъ, окружавшій скитъ и пещеры, и ходилъ тамъ. Во время одного посѣщенія этого лѣса взглядъ его остановился на красивомъ мѣстѣ, находящемся въ части лѣса, принадлежащей Лаврѣ, не вдалекѣ отъ созданныхъ имъ пещеръ. Мѣсто это занимало довольно высокій пригорокъ, спускавшійся обрывомъ къ заливу скитскаго пруда, расходящагося отсюда двумя заливами подъ угломъ: однимъ по краю пригорка, другимъ къ пещерамъ. Это возвышенное мѣсто, откуда видна была Сергіева Лавра и окружающій ее посадъ въ одномъ направленіи, а въ противоположномъ не вдалекѣ виднѣлись правѣе скитъ, лѣвѣе же на другой сторонѣ пруда пещерки, сразу понравилось о. Филарету, и онъ высказалъ намѣстнику о. Антонію желаніе имѣть на этомъ мѣстѣ келлію. Помнившій свое обѣщаніе устроить келлію на избранномъ о. Филаретомъ мѣстѣ, о. намѣстникъ исполнилъ его желаніе и вскорѣ келлія и мостикъ черезъ прудъ для пѣшеходовъ прямо, не обходя скита, были сдѣланы. Въ этой келліи о. Филареть поселился со всѣми троими сыновьями; низъ келліи служилъ имъ жилищемъ, чердакъ же былъ моленною, гдѣ они совершали возможныя службы: вычитывали правило, вечерню, утреню и часы. Съ

теченіемъ времени моленная была перенесена въ сарай, выстроенный около келліи такъ, что одна его половина имѣла дѣйствительно назначеніе домашней пристройки и служила для дровъ, другая же была обращена въ простую часовню. Какъ ни уединенно было мѣсто, избранное о. Филаретомъ для келліи, но богомольцы и почитатели нашли его въ его отшельничествѣ; нашлись и такіе люди, которые пожелали украсить это мѣсто храмомъ Божиимъ. Первая изъявила желаніе на это въ 1857 году московская купчиха М. И. Логинова, почитавшая о. Филарета за его подвижническую жизнь. Она просила разрѣшенія построить при келліи о. Филарета каменную церковь; но такъ какъ разрѣшеніе на это могло получиться не особенно скоро, то сначала, въ 1858 году, была построена каменная часовня. Святитель Филаретъ сначала не соглашался было разрѣшить постройку церкви на новомъ мѣстѣ близъ скита, такъ какъ предвидѣлъ, что около церкви со временемъ возрастетъ обитель; увеличеніе же числа обителей около скита было несогласно съ его мнѣніемъ о тишинѣ скитской. Старецъ Филиппъ не настаивалъ на исполненіи мысли о церкви, но только высказалъ, что видѣть церковь на этомъ мѣстѣ онъ хотѣлъ бы потому, что здѣсь будетъ его могила. Послѣ этого указанія на будущее владыка Филаретъ строить церковь благословилъ, а годъ спустя—27 сентября 1859 года уже освятилъ верхній храмъ въ честь иконы Боголюбивыя Богородицы или Боголюбскія Божіей Матери самъ архіерейскимъ служеніемъ; мѣсяць же съ небольшимъ спустя—5-го ноября 1859 года былъ освященъ на мѣстникѣ архимандритомъ Антошіемъ и нижній храмъ въ честь преподобныя Матроны и мученицы Капитолины, имена коихъ носили строительница храма Матрона Ивановна Логинова и дочь ея Капитолина.

Спустя недолго всѣ три сына о. Филарета, числившіеся послушниками скита, приняли монашество: первымъ былъ постриженъ Порфирій и получилъ имя Прокопія; затѣмъ одновременно пострижены были Игнатій и Василій съ наименованіями—первый Галактіономъ, второй Лазаремъ. Нужно замѣтить, что постриженіе Игнатія, какъ женатаго, могло состояться не иначе, какъ одновременно съ принятіемъ монашества его женой, состоявшей до этого послушницей Изосимовской пустыни.

Когда ея согласіе было получено и она пріѣхала, то въ одинъ день и часъ совершилось постриженіе въ церкви Боголюбивой Богоматери о. намѣстникомъ Игнатія съ братомъ Василиемъ, а въ пещерной церкви казначеемъ Лавры жены Игнатія Елизаветы, при чемъ они получили имена мучениковъ—супруговъ: Галактіона и Епистиміи, память коихъ 5-го ноября.

Послѣ этого, съ разрѣшенія о. намѣстника, при о. Филаретѣ поселилось нѣсколько послушниковъ, были поставлены зданія для келлій и такимъ образомъ основалась новая обитель—Киновія Боголюбивой Богоматери. Впослѣдствіи, когда обитель стала расширяться, на южной окраинѣ ея было назначено мѣсто для погребенія Лаврской братіи, и такимъ образомъ киновія *) стала обителью-кладбищемъ.

Разстроенное здоровье о. Филарета, несмотря на то, что онъ жилъ уже въ лучшемъ для него положеніи, т.-е. не въ пещерѣ, постоянно лишало его покоя. Въ рукахъ отъ сильнаго напряженія, при долготѣнномъ ношеніи тяжелаго посоха, открылась ломота; грудь отъ ношенія веригъ ослабѣла и стала болѣть; отъ пещерной сырости постепенно стала оказываться водянка; ноги, много лѣтъ не знавшія даже въ морозы обуви, начали нѣмѣть и оцухать. Все это вмѣстѣ, усилившись зимою 1863 года, дало поводъ думать, что старецъ близокъ къ тому, чтобы покинуть этотъ міръ. Поэтому, готовясь къ кончинѣ, онъ 20 марта 1863 года принялъ схиму, получивъ снова свое мірское имя Филиппа.

Казавшаяся очамъ людскимъ близкою, кончина старца послѣ привятія схимы была Промысломъ Божіимъ отдалена еще болѣе, чѣмъ на пять лѣтъ. Схимонахъ Филиппъ поправился въ здоровьи послѣ принятія великаго ангельскаго образа значительно и снова явился своимъ почитателямъ въ своемъ подвижничествѣ. Судьбы Божіи, возставившія его отъ одра смерти, на закатѣ жизни готовили ему еще самое глубокое испытаніе его смиренія, кротости и терпѣнія.

Въ 1867 году людьми, желавшими сдѣлать вредъ старцу схимонаху Филиппу, была пущена молва, что въ Ки-

*) Въ переводѣ съ греческаго языка значитъ общежитіе.

новіи и именно въ келліи руководителя ея схимонаха производится выдѣлка фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. Какъ ни ясна была клевета въ этотъ случаѣ, тѣмъ не менѣе молва, сильно распространяясь, была причиной того, что произведенъ былъ обыскъ самый тщательный въ келліи схимника и его сподвижниковъ. Уже послѣ обыска стала очевидною для всѣхъ нелѣпость пущенныхъ слуховъ. Святитель Филаретъ больше всѣмъ ободрялъ схимонаха смиряться и, желая дать ему возможность лучше успокоиться гдѣ либо въ новомъ мѣстѣ, а въ тоже время ослабить соблазнительную молву, посовѣтовалъ Филиппу оставить киновію на время. Схимонахъ, исполняя желаніе свое и владыки, отправился со всѣми тремя сыновьями—Галактіонъ и Прокопій были уже іеромонахами, а Лазарь іеродіакономъ,—въ Московскій Симоновъ монастырь. Побывъ здѣсь недолго, они перешли въ Богородичный монастырь въ Тулѣ и наконецъ отсюда въ Введенскую пустынь Покровскаго уѣзда Владимірской губерніи. Настоятель пустыни, знавшій схимонаха еще задолго до этого, былъ очень радъ этому и предложилъ старцу съ сыновьями начать основаніе при пустыни скита на уединенномъ островѣ, на что они и согласились. Но духъ схимника, еще до построенія церкви въ киновіи высказавшаго, что это мѣсто будетъ его могилой, влекло въ киновію, и въ октябрѣ 1868 года онъ съ дѣтьми возвратился въ Лавру, откуда намѣстникъ тотчасъ же разрѣшилъ имъ возвратиться въ созданную ими киновію, давъ старцу Филиппу указъ руководить киновіей, которая должна навсегда стать кладбищемъ Лавры и отъ нея во всемъ зависѣть.

Года не прожилъ старецъ послѣ этого. Начавъ сильно болѣть еще зимою и по старости — ему было болѣе 66 лѣтъ—не имѣя силы перенести недугъ, онъ въ маѣ 1869 года сталъ, очевидно, близокъ ко гробу. 18-го мая въ 5 часовъ утра онъ, предчувствуя послѣднія минуты жизни, пригласилъ духовника своего о. Тихона, бывшаго духовникомъ скита, исповѣдался, принялъ св. Тайны изъ рукъ сына своего іеромонаха Прокопія и въ 12 часовъ дня мирно отошелъ къ жизни той, къ которой въ трудныхъ христіанскихъ подвигахъ готовился въ теченіе 33-хъ лѣтъ. Погребенъ онъ намѣстникомъ Лавры архимандритомъ Антоніемъ въ нижнемъ храмѣ киновіи за правымъ клиросомъ.

У.

Еще черты и случаи изъ жизни старца. Пещеры и Киновія теперь.

Духъ юродства, сдѣлавшійся присущимъ о. Филиппу еще въ молодости, сохранился въ немъ до самой смерти и привлекалъ къ нему и во время его монашества и схимонашества множество жаждавшихъ назиданія и утѣшенія духовнаго. Никогда никого не отпустилъ подвижникъ, не преподавъ наставленій и совѣтовъ, смотря по нуждѣ каждаго. Не мало случася изъ этихъ бесѣдъ остаются неизвѣстными; но тѣ изъ нихъ, которые удалось собрать, по не помѣстить выше въ послѣдовательномъ описаніи жизни, необходимо, думается, для полноты описанія привести теперь.

Разъ къ о. Филарету въ пещеры пришли посѣтившія Лавру свѣтскія лица, пріѣхавшія изъ Петербурга.

«Съ ангеломъ! съ ангеломъ! радушно привѣтствовалъ онъ гостей:—вы изъ безгрѣшной деревни?» Такъ старецъ звалъ въ Петербургъ. Пріѣхавшіе, очевидно, его не понимали. — «Вы изъ Петербурга?» еще разъ спросилъ онъ. — «Да, изъ Петербурга», отвѣчали посѣтители. — «У васъ въ пятницу и среду-то варють или сухояденіе бываетъ?» спрашиваетъ старецъ.—«Мы не понимаемъ, о чемъ вы насъ спрашиваете», отвѣтили гости. «Не понимаете? Посты въ среду и пятокъ соблюдаете ли?» разъяснилъ о. Филареть.—«Родители насъ не учили этому; ну мы и не знаемъ, что въ среду и пятницу ѣсть скоромное нельзя», отвѣчали изумленные посѣтители. — «О! среда-то горяча, а пятница еще горячѣе», сталъ объяснять имъ старецъ, и затѣмъ далъ имъ наставленіе строго соблюдать посты.

Въ иныхъ случаяхъ о. Филареть говорилъ столь образно, столь иносказательно, что его слова были непосвященному уму сразу совсѣмъ непонятны. Такъ однажды къ нему обратилась за совѣтомъ свѣтская образованная дама и, бесѣдуя съ нимъ, рассказала, что она слишкомъ невоздержна на языкъ.

— А ты зубы-то на базаръ продай, а языкъ на говядину искроши (*т.-е. заставь его говѣть, удерживай его*), куши рѣшето и просѣвай воду (*т.-е. лей слезы, плачь*), и поливай въ лукъ медомъ (*терпи и скорби и радости*),

траву «не тронь меня» (*т.-е. самолюбіе*) почаще вырывай, чтобы больно не заростала. Есть еще трава павелика (*т.-е. гордость*), растеть невелика (*т.-е. незамѣтно*) и много путаеть. Вотъ какъ эти травы обѣ-то сойдутся, да совьются, то и бѣда; а коль все перенесемъ да перетерпимъ, то все и побѣдимъ».

Бывали случаи, что о. Филареть отвѣчалъ и нѣсколько шуточно; но и такой оборотъ рѣчи его всегда былъ назидателемъ. Обращается, на примѣръ, къ нему деревенская женщина: «батюшка о. Филареть! благополучно ли у меня дома-то, дѣтки живы ли и здоровы? Я, вѣдь, давно ужъ изъ двора-то...

— Эхъ, глупая ты баба! Ты думаешь, что я монахъ, такъ и Богу пріятель, и посылаешь меня къ Нему про дѣтей твоихъ спросить. Молись, и все, слава Богу, будетъ въ добрѣ, да здоровѣ, отвѣчаетъ старецъ.

Неоднократно прозорливый старецъ открыто высказывалъ мысли и чувства другихъ, таймыя ими внутри себя. Особенно поразительны въ этомъ отношеніи два случая.

«Въ бытность мою еще послушникомъ, рассказывалъ одинъ іеромонахъ скита, сосѣдь мой по келліямъ вздумалъ подшутить надо мной, поугать меня. Ночью, когда я собирался ложиться спать, онъ, накрывшись простыней и подойдя къ открытому окну моей келліи, приподнялся въ окнѣ, сталъ производить шорохъ по стѣнѣ и окну и протягивать къ окну руку, обвернутую во что-то бѣлое. Внезапность и странность представившагося такъ меня смутила, что я поднялъ крикъ и разбудилъ другихъ моихъ сосѣдей. Шутка выяснилась, но съ этого времени я сталъ ощущать какой-то необычайный страхъ, особенно ночью, когда возвращался въ келлію по окончаніи очереди чтенія неумолкаемой псалтири въ церкви. По двору скита и въ окнахъ келліи мнѣ представлялись страшныя привидѣнія. Долго я таилъ все это въ душѣ, боясь насмѣшекъ; мучился и молчалъ. Однажды вечеромъ, прохаживаясь по лѣсу съ начальникомъ скита, мы дошли до пещеръ, гдѣ жилъ старецъ. Увидѣвъ его у пещеръ, о. строитель сказалъ: «а мы къ тебѣ, старецъ, въ гости идемъ, чай пить». Старецъ радушно насъ встрѣтилъ и изготовилъ самоваръ. За чаемъ онъ началъ рассказывать о томъ, что будто бы случается съ нимъ: «вотъ, отцы, что со мной бывасть: сижу въ келліи, иду ли ночью,

находитъ на меня страхъ и ужасъ, такъ что не знаешь, куда дѣваться», — и онъ до мельчайшихъ подробностей передалъ все то, что испытывалъ, но скрывалъ тщательно я.

— Не пойму, что это и къ чему рассказывалъ онъ о какихъ-то страхахъ, сказалъ о. строитель (знавшій также, что старецъ напрасно, безъ цѣли благой, не любитъ говорить), когда мы шли обратно въ скитъ.

Тогда я сознался начальнику, что все, что говорилъ старецъ, испытывалъ и скрывалъ я; онъ же, прозрѣвъ все, обличилъ меня за напрасный страхъ или за скрытность. Съ этого времени все бывшее со мною, какъ рукой сняло, и никакихъ ужасовъ, никакого страха никогда послѣ я не испытывалъ.

Другой случай относится уже къ тому времени, когда старецъ былъ схимонахомъ и жилъ въ Киновіи.

— Приѣхалъ я въ Лавру на богомолье, рассказываетъ строитель одного монастыря (нынѣ игумень) Р. губерніи. Помолившись въ Лаврѣ, я отправился въ скитъ и Киновію. Было жаркое время и я отъ жары пошелъ въ легкой черной ряскѣ и шляпѣ съ широкими полями; въ рукахъ у меня былъ зонтикъ; вообще по виду меня можно было принять за бѣлаго священника или діакона, но никакъ не за іеромонаха. Въ Лаврѣ и окрестностяхъ меня никто не зналъ; поэтому я и счелъ возможнымъ быть по виду немонахомъ. Придя въ Киновію, я узналъ, что старецъ находится на кладбищѣ около церкви. Это, рассказали мнѣ, было его любимое мѣсто лѣтомъ. Сидя здѣсь на скамьѣ подъ большой сосной, онъ бесѣдовалъ съ богомольцами и раздавалъ крестики и образочки, которые всегда лежали около него. Выйдя на кладбище и подходя къ старцу, я вижу, что онъ встаетъ, оставляетъ богомольцевъ и дѣлаетъ три шага впередъ, по направленію ко мнѣ отъ скамейки, складываетъ руки для принятія благословенія.

— Благослови, начальник! обращается онъ ко мнѣ. — Я снялъ шляпу, благословилъ его большимъ монашескимъ крестомъ.

— А братіи-то у тебя подъ начальствомъ въ твоёмъ монастырѣ много? обратился ко мнѣ старецъ, поцѣловалъ руку и пошелъ къ своей скамьѣ. Ясно, что онъ окомъ прозорливости проникъ въ то, что я монахъ и на-

чальникъ монастыря, и устыдилъ меня за вольность относительно немонашескаго костюма.

Слава о юродствующемъ старцѣ распространялась далеко, такъ что о немъ было извѣстно и въ царствующемъ домѣ. Во сентябрѣ 1855 года посѣтилъ Лавру и скитъ съ пещерами покойный Государь Императоръ Александръ Николаевичъ и изъявилъ желаніе видѣть о. Филарета, жившаго въ это время въ уединенной келліи тамъ, гдѣ потомъ возрасла Киновія, высказавъ при этомъ, что онъ давно знаетъ о старцѣ. О. Филаретъ пришелъ въ скитъ въ монашеской одеждѣ.

— Да ты уже монахъ теперь? спросилъ его Государь.

— Не знаю, монахъ ли, смиренно отвѣтилъ старецъ:— хотѣлось бы монахомъ побыть хоть одинъ часъ, Государь!

Умеръ старецъ, конченъ его подвигъ земной; но рука Промысла Божія не допустила заустѣть мѣстамъ, гдѣ онъ подвизался. Матерь Божія въ иконѣ своей Черниговско-Ильинской осѣнила своимъ благословеніемъ мѣсто сіе. Только мѣсяць спустя послѣ оставленія о. Филаретомъ пещеръ сія икона была дана вкладомъ въ пещеры А. Г. Филипповою, почитательницею старца, желавшею, чтобы эта ихъ семейная чудотворная святыня охраняла оставленныхъ старцемъ пещеры.— Пещеры не заустѣли, и составили цѣлую небольшую обитель. Скончался святитель митрополитъ Филаретъ, покровительствовавшій созданію пещерничества, скончался и подвижникъ Филиппъ, до схимы носившій имя, общее съ владыкою, и 1-го сентября 1869 года—3½ мѣсяца спустя послѣ смерти схимонаха Филиппа и мѣѣ 2-хъ лѣтъ послѣ кончины владыки Филарета—икона, данная въ пещеры А. Г. Филипповою, прославилась первымъ чудомъ надъ крестьянкою Феклою Адриановою, исцѣливъ ее послѣ 9 лѣтъ полного расслабленія тѣла и невладанія ни однимъ членомъ, и лѣтъ множество исцѣлений.

Не оскудѣла и Киновія, бывшая послѣднимъ жилищемъ подвижника схимонаха Филиппа. Осѣняемая Матерію Божіею, она имѣетъ при себѣ Лаврское кладбище и обратилась въ обитель, вмѣщающую около 30 братій, которыми управляетъ со времени смерти схимонаха Филиппа, по назначенію начальства Лавры, сынъ его іеромонахъ

Галактіонъ. Свято почитая память о своемъ родителѣ и исполняя волю начальства, давшаго ему паставленіе, хранимое въ его келліи, «благоговѣрно вести церковное богослуженіе, не измѣняя того порядка, какой установленъ былъ при старцѣ родителѣ, братією же управлять съ любовію и милосердіемъ, сообразно отеческимъ преданіямъ»,—управляющій Киновією іеромонахъ Галактіонъ и братья его іеромонахи Прокопій и Лазарь всѣми мѣрами охраняютъ всѣ порядки, бывшіе при схимонахѣ Филиппѣ, берегутъ ту келлію, которая была ихъ первымъ жилищемъ и молитвеннымъ мѣстомъ тамъ, гдѣ теперь Киновія, и служила до смерти жилищемъ схимонаха; сохраняютъ и тѣ орудія тяжелаго подвижничества, которыя носилъ старецъ во время своей юродственной и монашеской жизни: вериги въ $20\frac{7}{8}$ фунта, посохъ съ голубкомъ вѣсомъ въ 37 ф., другой посохъ, также тяжелый, служившій старцу въ монашествѣ, по благословенію святителя Филарета, и имѣющій вмѣсто голубка мѣдную головку съ священными изреченіями; тяжелый крестъ съ такою же цѣпью, висѣвшій у него на груди; ту чашку съ привѣсками, въ которой юродивый носилъ крестики,—и схимонашеское одѣяніе, служившее старцу до смерти *).—Вѣчная ему память!

С. А. К—въ.

*) Все это было сначала въ храмѣ у гроба схимонаха Филиппа, теперь же находится въ келліи упр. Кин. іер. Галактіона.

ЯЗЫЧЕСТВО ВЪ ХРИСТИАНСКОМЪ МІРѢ.

Слово въ семнадцатую недѣлю по пятидесятницѣ и въ царскій день.

Тѣмже изыдите изъ среды ихъ и отлучитесь, глаголетъ Господь, и нечистоту ихъ не прикасайтесь. 2 Кор. 6, 17.

Св. апостоль Павелъ, какъ вы слышали, братіе, въ сегоднешнемъ апостольскомъ чтеніи, предостерегаетъ Коринѣскихъ христіанъ отъ увлеченія языческими суевѣріями и обычаями. Это были христіане новообращенные, недавно покинувшіе язычество. Но окруженные со всѣхъ сторонъ язычниками въ жизни семейной и общественной и неизбежно входя въ соприкосновеніе съ ними по житейскимъ дѣламъ, они на каждомъ шагу подвергались опасности заразиться нечистотою язычества, его суевѣріями, его гнусными пороками, которые однако не были строго осуждаемы, даже совсѣмъ не были осуждаемы язычниками, ибо сами боги ихъ были безнравственныя существа. Сатурнъ пожирающій своихъ дѣтей, Юпитеръ опозорившій себя супружескою невѣрностію, Вакхъ—богъ пьянства и разгула, Венера—богиня распутства, Меркурій—богъ торговыхъ обмановъ и воровства,—чему доброму могли научить язычника?—Распутство было даже одною изъ принадлежностей чествованія иныхъ боговъ, находило притонъ въ ихъ капищахъ.—Христіанство противоположно язычеству въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи. Христіане со времени крещенія прервали всякую связь съ язычествомъ, ибо отреклись отъ діавола и всѣхъ дѣлъ его и всего служенія ему подъ видомъ служенія богамъ, и сочетались со Христомъ, вступили въ неразрывный союзъ съ Нимъ, какъ своимъ Царемъ и Богомъ. Съ цѣлію убѣдить новообращенныхъ Коринѣскихъ христіанъ, чтобы они помнили все это и чуждались всего языческаго, Апо-

столю говорить имъ: «какое общеніе праведности съ беззаконіемъ? Чтò общаго у свѣта со тмою? Какое согласіе между Христомъ и велиаромъ (діаволомъ)? Или какое соучастіе вѣрнаго съ невѣрнымъ? Какая совмѣстность храма Божія съ идолами?—Ибо вы храмъ Бога живаго»,—прибавляетъ Апостоль, давая понять имъ, что еслибы кто изъ нихъ принялъ участіе въ чемъ либо языческомъ, выходило бы тоже, какъ еслибы кто взялъ языческаго идола и поставилъ въ христіанскомъ храмѣ. Въ подтвержденіе того, что христіане дѣйствительно суть храмы Божіи, Апостоль примѣняетъ къ нимъ далѣе обѣтованіе Господа, данное сынамъ Израиля: «вселюся въ нихъ, и буду ходить въ нихъ, и буду ихъ Богомъ, и они будутъ моимъ народомъ» (Лев. 26, 12). По силѣ этого обѣтованія, Господь являлъ особенную близость къ израильтянамъ, — присутствовалъ среди нихъ въ скинии свидѣнія, и въ ней сопровождалъ ихъ во все время странствованія ихъ въ аравійской пустынѣ, по вступленіи же ихъ въ обѣтованную землю, принималъ ближайшее участіе въ ихъ военныхъ походахъ противъ хананеевъ, пока Израильтяне окончательно не водворились въ ней, и самъ Онъ не водворился съ ними въ своемъ святилищѣ. Но и послѣ сего Господь продолжалъ ходить съ сынами Израиля, т.-е. постоянно имѣлъ ихъ на своемъ попеченіи, какъ нянька или пѣступъ непрестанно ходять за дѣтьми, слѣдя за всѣми ихъ движеніями и дѣйствіями. Такъ близко было общеніе Бога Господа съ народомъ, который Онъ избралъ въ особенное достояніе Себѣ изъ всѣхъ народовъ. Но еще ближе, еще тѣснѣе общеніе Господа съ новымъ Израилемъ, новозавѣтными вѣрующими, которыхъ Онъ стяжалъ себѣ тоже въ особое достояніе цѣною пролитой на крестѣ крови. Господь не только обитаетъ среди нихъ въ храмахъ, какъ обиталъ въ скинии и храмѣ Соломоновѣ, но и въ каждомъ изъ нихъ творить себѣ храмъ, вселяясь въ нихъ и тѣснѣйшимъ образомъ соединяясь съ ними особенною своею благодатію, какъ обѣтовалъ Христосъ: «аще кто любитъ Мя, слово мое соблюдетъ; и Отець мой возлюбитъ его, и къ нему придемъ и обитель у него сотворимъ» (Іоан. 14, 23). Благодать тѣснѣйшаго общенія Господа съ вѣрующими даруется имъ преимущественно чрезъ таинства, а особенно чрезъ таинство причащенія: «ядый мою плоть и пійай мою кровь

во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ» (Іоан. 6, 56). Поистинѣ христіане суть храмы Божіи. — Къ чему обязываетъ христіанъ такая близость къ нимъ Господа, такое высокое достоинство ихъ въ сравненіи ихъ съ состояніемъ язычниковъ? Къ тому же, къ чему обязаны были Израилтяне, чтобы быть достойными чести пребыванія среди нихъ Господа. Чѣмъ ближе были они къ Господу, тѣмъ дальше обязывались быть отъ всего языческаго. «Выйдите изъ среды ихъ (язычниковъ) и отдѣлитесь, говоритъ имъ Господь, и не прикасайтесь къ нечистому» (Иса. 52, 11). Это же требованіе простирается на христіанъ. Напоминая о немъ Коринѣскимъ христіанамъ, Апостоль какъ бы такъ говоритъ имъ: помните, чѣмъ вы сдѣлались, вступивъ въ тѣснѣйшее общеніе съ Господомъ, помните ваше христіанское достоинство и не упижайте его участіемъ въ языческой нечистотѣ. Вы недавно, какъ предназначенные быть храмомъ Божіимъ, омылись отъ скверны языческихъ суевѣрій и пороковъ,—не оскверняйте же себя вновь,—ведите себя какъ можно осторожнѣе въ сношеніяхъ съ идолопоклонниками, избѣгайте общенія съ нечестивыми, чтобы не заразиться ихъ суевѣріями и пороками,—отложите дѣла темныя, свойственныя имъ,—живите такъ, чтобы видно было, что у васъ нѣтъ ничего общаго съ покинутымъ вами лжевѣріемъ, какъ нѣтъ общаго между свѣтомъ и тьмою, Христомъ и веліаромъ, правдою и беззаконіемъ, христіанскимъ храмомъ и капищемъ идольскимъ.

Внушеніе Апостола, обращенное къ Коринѣскимъ христіанамъ, имѣетъ ли силу въ отношеніи къ христіанамъ нашего времени, не видящимъ среди себя идолопоклонниковъ, ихъ капищъ, идоловъ, жертвъ, и повидимому далекихъ отъ опасности заразиться языческой нечистотою? — Къ сожалѣнію, на сіе приходится отвѣчать утвердительно. Не ошибемся, если скажемъ, что среди насъ доселѣ продолжаютъ существовать даже грубыя языческія суевѣрія. Въ первыя времена христіанства въ нашемъ отечествѣ господствовало двоевѣріе. Новопросвѣщенные наши предки и въ церковь ходили, и въ овинахъ правила службы языческимъ богамъ, за что подвергались строгимъ обличеніямъ и прещеніямъ со стороны пастырскій русской церкви. Въ подобномъ двоевѣрїи доселѣ виновны тѣ изъ христіанъ, которые прибѣгаютъ къ ворожбѣ и гада-

ню. Они не отрекаются отъ вѣры Христовой, усердно посѣщаютъ храмы Божіи, ежегодно приступаютъ къ таинствамъ исповѣди и святаго причащенія, прославляютъ и призываютъ на помощь угодниковъ Божіихъ; но подчасъ готовы съ себя крестъ снять, обращаясь, напримѣръ для отысканія пропажи, къ помощи людей, которыхъ почитаютъ за служителей темной силы. И мало ли вообще языческихъ суевѣрій держится въ русскомъ народѣ? Вѣра многихъ въ такъ называемую судьбу по языческимъ представленіямъ о ней, какъ виновницѣ даже нравственныхъ добрыхъ и злыхъ поступковъ, вѣра въ пустыя примѣты, различеніе дней добрыхъ и худыхъ, страхъ при встрѣчѣ съ священникомъ и монахомъ, разнообразныя заговоры основанныя на вѣрѣ въ магическую силу извѣстныхъ словъ, гаданія въ воскъ и зеркала, кощунственныя гаданія на священныхъ книгахъ, напримѣръ на псалтири, гаданія чрезъ подслушиваніе у церковныхъ дверей ночью, нѣкоторые нехристіанскіе обычаи, приуроченныя къ христіанскимъ праздникамъ (обряды Коляды, обряды въ честь Купалы), опахиваніе во время мора, — все это не остатки ли язычества, до сихъ поръ упорно сохраняющіеся преимущественно въ простомъ народѣ, несмотря на противодѣйствіе церкви и распространеніе просвѣщенія? — Но есть еще языческое суевѣріе, которое въ настоящее время распространено преимущественно въ образованномъ обществѣ, — вызываніе искусственными средствами душъ умершихъ людей, или спиритизмъ; — суевѣріе, отъ котораго Господь еще чрезъ Моисея предостерегалъ Евреевъ, угрожая за него смертною казнію (Втор. 18, 11. 12), и напоминая, что за него, какъ и за всякаго рода волхвованія и чародѣйства, осуждены на изгнаніе Хананейскіе народы (Второз. 18, 11. 12).

Духъ язычества проявляется не въ однихъ грубыхъ суевѣріяхъ, подобныхъ изчисленнымъ, но также, даже болѣе въ идолопоклоническомъ служеніи порочнымъ страстямъ, — страстямъ гордости, корыстолюбія, плотоугодія, страсти къ свѣтскимъ развлеченіямъ. — Современный чловѣкъ любитъ гордиться преимущественно успѣхами разума въ постиженіи силъ и законовъ природы, въ употребленіи ихъ на служеніе житейскимъ нуждамъ и прихотямъ, въ избрѣтеніи разныхъ удобствъ къ тому, чтобы жизнь текла покойно и пріятно. Эти успѣхи кружатъ го-

лову современному человѣку, и онъ думаетъ, что благодаря имъ онъ можетъ обойтись безъ Бога. «Будете сами боги, когда узнаете все доброе, что служить къ вашему благу, и лукавое, что препятствуетъ вашему благополучію», когда своимъ умомъ дойдете до всего этого, — говорилъ дьяволъ Еввѣ. Тоже самое говоритъ себѣ современный человѣкъ и начинаетъ обоготворять свой разумъ, обогащенный всякаго рода знаніями, даже готовъ не признавать иной религіи, кромѣ религіи разума *). Что это какъ не идолопоклонство? — Нельзя служить Богу и мамонѣ, рекъ Господь Иисусъ. Эту истину вполнѣ оправдываютъ современные любители земныхъ стяжаній. У нихъ нѣтъ бога, кромѣ золотого тельца. Въ жертву ему они приносятъ честь, совѣсть, благосостояніе ближнихъ, которыхъ разоряютъ для своего обогащенія. Не даромъ посему Апостоль называетъ любостяжаніе идолослуженіемъ (Кол. 3. 5).— Распутство, или страсть къ грубымъ плотскимъ грѣхамъ имѣетъ также своихъ поклонниковъ, не менѣе гнусныхъ, какъ язычники, чтившіе распутствомъ нѣкоторыхъ изъ ихъ божествъ. Притоны распутства суть капища идола любострастія; жрецы капища—развратники; жертвы—тѣ несчастныя существа, которыя за деньги отдаютъ себя на поруганіе имъ.—Безобразныя проявленія невоздержанія и пьянства доселѣ иногда называются вакханаліями, по имени языческаго божества разгула,—въ знакъ того, что это божество, переставшее быть предметомъ религіознаго чествованія, продолжаетъ принимать нравственное, точнѣе—безнравственное поклоненіе отъ любителей немѣренныхъ возліаній и всякаго невоздержанія.—Страсть къ театральнымъ увеселеніямъ имѣетъ поистинѣ идолопоклоннической характеръ. Въ жертву ей приносится страхъ Божій и благочестіе. Какъ она несовмѣстна съ истиннымъ богочтеніемъ, какъ она убиваетъ духъ благочестія, можно судить по тому, что преданные этой страсти показываютъ явное, возмутительное неуваженіе къ церкви, наполняя мѣста зрѣлищъ подь великіе праздники, на примѣръ подь Воздвиженіе, и въ дни поста и покаянія. И какихъ зрѣлищъ! Нерѣдко безнравственныхъ, служа-

*) Извѣстный Гамбетта недавно въ рѣчи къ своимъ избирателямъ сказалъ: „я не признаю иной религіи, кромѣ религіи интеллектуальнаго развитія“.

щихъ къ развращенію нравовъ. Посѣтители ихъ не только не возмущаются безстыдными рѣчами и тѣлодвиженіями лицедѣевъ, но еще неистово рукоплещутъ имъ, награждаютъ ихъ богатыми подарками, тогда какъ слѣдовало бы примѣнять къ нимъ строгія гражданскія узаконенія противъ публичнаго нарушенія общественныхъ приличій. И надобно удивляться, какъ это блюстители благочинія сквозь пальцы смотрятъ на такія забавы и какъ это люди высокихъ общественныхъ положеній сочувствуютъ имъ и примѣромъ своего сочувствія поощряютъ растлѣніе нравовъ и безстыдство, входящее мало-по-малу, благодаря между прочимъ нескромнымъ сценическимъ представленіямъ, въ общественныя нравы. — Обожаніе разныхъ пѣвцовъ, пѣвицъ, плясавицъ, музыкантовъ подъ предлогомъ благоговѣнія къ искусству, пресмыкательство предъ этими идолами съ забвеніемъ своего человѣческаго достоинства—обыкновенное въ наше время явленіе, равно какъ страсть къ модѣ въ одеждахъ, къ игрѣ въ карты, удовлетворяемая съ безсмысліемъ идолопоклонниковъ, съ принесеніемъ ей дорогихъ жертвъ—здоровья, состоянія, совѣсти.—Были языческіе религіи, въ которыхъ допускались человѣческія жертвы богамъ, лилась человѣческая кровь въ честь какого нибудь Молоха. Кровью человѣческую питается и страсть къ безсмысленному разрушенію, обуявшая современныхъ враговъ власти, церкви, семейства, общества. Что это какъ не языческое служеніе богу крови—Молоху?

Таковы черты язычества въ христіанскомъ обществѣ. Какъ много христіанъ, которые забыли свое христіанское званіе, достоинство сыновъ Божіихъ, храмовъ Божіихъ, въ которое облечены со времени крещенія, и подобно язычникамъ живутъ во тмѣ суевѣрій, нечестиво и развратно! По имени только христіане, а по образу мыслей и жизни хуже иного язычника. Да вразумитъ ихъ Господь и да обратитъ къ свѣту, которому они предпочли тму, къ правдѣ и святости, которую промѣняли на беззаконіе. Но какъ быть тѣмъ, которые еще не успѣли заразиться языческимъ духомъ? Язычество окружаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ: куда дѣться отъ него? Нѣкоторые бѣгутъ отъ него въ монастыри и въ нихъ спасаются. Но примѣру нѣкоторыхъ нельзя слѣдовать всѣмъ. Еслибъ всѣ убѣжали въ монастыри, они перестали бы быть монастырями, мѣстами

удипенія, далекими отъ многолюдства. Притомъ язычество—такое зло, разливъ котораго не всегда останавливаютъ стѣны и запоры монастырскіе. Однако непреложна заповѣдь Божія объ удаленіи отъ язычниковъ: «изыдите изъ среды ихъ и отлучитесь, и нечистотѣ ихъ не прикасайтесь». Заповѣдь первоначально дана избранному народу,—ему же давы средства и пособія для ея исполненія. Сыны Израиля ограждены были отъ язычества законами церковными, семейными, общественными. Эти законы постоянно папоминали Израилю, что онъ—народъ избранный, особое достояніе Божіе, общество святыхъ, т.-е. отдѣленныхъ изъ всего человѣчества для храненія истиннаго богопочтенія. Но Израильтяне не остались вѣрными завѣту съ Богомъ, ибо отвергли Христа. За сіе самъ Богъ отвергъ ихъ и избралъ вмѣсто ихъ въ особое свое достояніе христіанъ, вступивъ въ болѣе близкое общеніе съ ними. Къ нимъ же перешло и обязательство неосквернять себя язычествомъ, а для исполненія сего обязательства дано новозавѣтнымъ вѣрующимъ еще больше силъ и средствъ, чѣмъ ветхозавѣтнымъ. Евангельское ученіе, назидательное и умилительное богослуженіе, примѣры самоотверженія и святости въ лицѣ Христа и истинныхъ учениковъ Его, обиліе благодати Божіей, сообщаемой въ таинствахъ, всегда готовое руководство въ вѣрѣ и жизни со стороны пастырей духовныхъ,—какъ все это прекрасно приспособлено къ тому, чтобы христіанинъ могъ удержаться на высотѣ своего призванія, не увлекаясь соблазнами и искушеніями со стороны окружающаго язычества! Если эти средства не оказываются дѣйствительными, вина тому, конечно, не христіанство, а сами христіане, подобно тому какъ виною многократно повторявшагося отступленія Израильтянъ отъ истиннаго Бога и впаденія въ идолопоклонство были не законы, имъ данныя, а тѣ, кому они даны. Для христіанина, искренно желающаго охранить себя отъ языческой нечистоты, предлагаемыя ему для сей цѣли средства совершенно достаточны. Онъ, неудалаясь отъ міра, избѣгаетъ близкаго общенія съ людьми міра, мудрствующими и живущими язычески, ибо знаетъ, что худыя сообщества развращаютъ добрыя нравы (1 Кор. 15, 33). Онъ помнитъ наставленіе апостола—несообщаться, даже не ѣсть съ тѣмъ, кто, называясь братомъ (*христіаниномъ*), остается блудникомъ

или лихоимцемъ, или идолослужителемъ, или злорѣчимъ, или пьяницею, или хищникомъ» (1 Кор. 5, 11). Онъ не дорожитъ хлѣбосольствомъ такихъ людей, не принимаетъ участія въ ихъ развлеченіяхъ, не увлекается ихъ глетворными рѣчами. Если же по несчастію попалъ въ ихъ общество и сталъ сдаваться на ихъ нечестивыя мнѣнія, перенимать у нихъ нечистые обычаи, — то не до конца остается въ ихъ сѣтяхъ и поспѣшаетъ отлучиться изъ ихъ среды, хотя бы это было для него такъ же больно, какъ дать руку на отсѣченіе, глазъ на исторженіе. — Онъ не позволитъ себѣ участвовать ни мыслию, ни дѣломъ въ языческихъ суевѣріяхъ, ибо свѣтъ Христовой истины разоблачилъ предъ нимъ ихъ нелѣпость и глупость. Онъ не рѣшится на это даже ради шутки и забавы, ибо знаетъ, какъ богопротивна забава, имѣющая языческое, слѣдственно бѣсовское происхожденіе. — Онъ не станетъ суевѣрно оправдывать свои заблужденія и пороки бессмысленными словами: «судьба придетъ, руки назадъ свяжетъ; — на роду написано; — грѣхъ попуталъ». Онъ, какъ истинно вѣрующій, вѣруетъ не въ слѣпую судьбу, а въ волю Бога всеблагаго, премудраго и всеправеднаго, Который хочетъ всѣмъ одного добра и спасенія, никого не наталкиваетъ на грѣхъ, а всѣмъ даетъ средства избѣгать его, ни у кого не отнимаетъ свободы поступать такъ или иначе, а каждому предоставляетъ избирать животъ или смерть, благословеніе или клятву, огонь или воду (Втор. 30, 19. Сир. 15, 14). — Вѣруя въ загробную жизнь и въ загробное воздаяніе каждому по дѣламъ его, истинный христіанинъ однако никогда не пойдетъ туда, гдѣ подъ предлогомъ желанія покрѣпче убѣдиться, или другихъ убѣдить въ этой истинѣ прибѣгаютъ къ запрещенному закону Божіимъ вызыванію душъ изъ загробнаго міра. Онъ имѣетъ причины полагать, что вызываемые духи — не души человѣческія, а демоны, ибо, свидѣтельствуя самымъ появленіемъ своимъ о загробной жизни, эти духи въ тоже время внушаютъ отвергать божество І. Христа и искупительное значеніе Его крестной смерти, колеблютъ вѣру въ вѣчность мученій и проповѣдуютъ языческое ученіе о переселеніи душъ изъ одного тѣла въ другое, также съ планеты на планету, продолжающееся будто до тѣхъ поръ, пока онѣ совершенно очистятся. Все это несогласно съ словомъ Божіимъ, слѣдственно есть ложь, отецъ

которой есть діаволь.—Чуждаясь грубыхъ языческихъ суевѣрій, истинный христіанинъ въ тоже время не будетъ служить плоти или чувственности, словно богу какому, чревоугодіемъ и любострастіемъ, ибо знаетъ, что тѣла наши предназначены не къ тому, чтобы принимать отъ насъ эти жертвы, а наоборотъ къ тому, чтобъ имъ самимъ быть жертвою Богу, имъ самимъ вмѣстѣ съ душею участвовали въ служеніи Ему дѣлами благочестія, самоотверженія и любви къ ближнимъ, — по слову Апостола: «представьте тѣла ваши въ жертву живую, святую, благоугодную Богу для разумнаго служенія Ему» (Рим. 12, 1).—Онъ не станетъ унижать свое христіанское достоинство служеніемъ мамонѣ, или золотому тельцу, ибо въ Богѣ онъ обрѣлъ такое сокровище, котораго не промѣняетъ ни на какія земныя блага.—Онъ не увлечется пристрастіемъ къ людямъ, прославившимъ себя великими успѣхами въ искусствѣ увеселять пѣніемъ, музыкою, тѣлодвиженіями, и другими играми,—не увлечется также пристрастіемъ къ этимъ увеселеніямъ, ибо боится отвлечь себя отъ служенія Господу Богу и потерять вкусъ къ духовнымъ радостямъ, какія испытывалъ въ чтеніи слова Божія, въ молитвѣ, въ таинствахъ, и которыя дороже для него всѣхъ земныхъ радостей и увеселеній.—Онъ съ омерзеніемъ взираетъ на звѣрей въ человѣческомъ образѣ, которые въ жертву своимъ крамольнымъ стремленіямъ проливаютъ кровь неповинныхъ людей, какъ нѣкогда Молоху приносили въ жертву невинныхъ младенцевъ. Онъ не допуститъ ввести себя въ заблужденіе ихъ коварнымъ увѣреніемъ, что это они дѣлаютъ для общаго блага,—онъ знаетъ, что «мужа кровей и лъсти гнушается Господь».—Онъ наконецъ никогда не дойдетъ до того ослѣпленія, чтобы человѣческой разумъ ставить на мѣсто Бога. Онъ помнитъ, какъ подобное ослѣпленіе было наказано въ лицѣ нашихъ прародителей, и на каждомъ шагу убѣждается въ безсиліи человѣческаго разума, предоставленнаго одному себѣ, въ дѣлѣ постиженія истины, на каждомъ шагу видитъ, какъ мудрейшіе люди теряютъ голову при встрѣчѣ съ затрудненіями, которыхъ ни предусмотрѣть, ни предотвратить не въ силахъ.

Такъ поступаетъ истинный христіанинъ въ виду искушеній и соблазновъ, грозящихъ ему со стороны людей, насквозь пропитанныхъ языческимъ духомъ въ образѣ

мыслей и жизни. Такъ и всѣ мы должны поступать, если хотимъ быть истинными христіанами, всѣ должны, если не тѣломъ, то духомъ выдѣлять себя изъ среды язычниковъ и не прикасаться къ ихъ нечистотѣ.

Прот. В. Нечаевъ.

ПОУЧЕНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПРОЛОГА.

XCIX.

Противъ отвергающихъ бѣсовскія козни.

(Изъ слова отъ Лимониса о брани бѣсовствѣй съ монахи. Прол. февр. 20., л. 684 на об.).

Люди вѣка сего часто отвергають существованіе искушеній отъ діавола. Они увѣрены, что діаволь не имѣеть на нихъ ни малѣйшаго вліянія, что онъ ихъ никогда не беспокоитъ и что вѣрить кознямъ діавольскимъ не слѣдуетъ. Правы подобныя люди, или нѣтъ? По моему мнѣнію съ одной стороны правы, но съ другой совсѣмъ нѣтъ. Что діаволь имъ козней не строитъ, это очень можетъ быть; но что онъ уже и пи на кого не воюетъ, это несправедливо; ибо на то, что онъ именно съ ними не воюетъ, есть причина особенная.

Авва Маркель разсказаль однажды братіи слѣдующее. Однажды, когда всталъ онъ ночью на молитву, вдругъ услыхаль трубный звукъ и шумъ, какъбы отъ воинской брани. Старець пришелъ въ смятеніе и недоумѣваль: откуда несется этотъ трубный звукъ и какая брань можетъ быть въ пустынѣ? Когда онъ такъ размышляль, вдругъ предсталъ предъ нимъ бѣсъ и вскричалъ: «Что задумался? Подлинно здѣсь брань есть; но если не хочешь, чтобы мы съ тобою воевали, то ступай и спи, и не будемъ нападать. Съ лѣнливыми мы не воюемъ, а имѣемъ дѣло лишь съ постниками и съ бдящими въ молитвахъ. Лишь съ ними у насъ брань».

Сами теперь видите, братіе, почему діаволь грѣшниковъ не беспокоитъ. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, діаволу воевать съ тѣми, которые и безъ того въ его власти? И что ему заботиться о удержаніи этой власти, когда сами они о выходѣ изъ-подъ нея и не думаютъ? Нѣтъ, бр., такіе люди не по его части. Ему надобны Іовы, Іоанны многострадательные, Антоніи, Маріи Египетскія, Іоанны Новгородскія, Пимены, Макаріи и подобныя имъ, а не тѣ, которые сами по себѣ желаютъ быть его покорнѣйшими слугами.

Непреложно свидѣтельство слова Божія, что *діаволь яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. 5, 8); что *нпсть наша брань противу плоти и крови, но къ началомъ и ко властемъ и къ міродержителемъ тмы въка сею, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Еф. 6, 12). Будемъ помнить это и подобно воинамъ будемъ постоянно *облекатся во вся оружія Божія* (Еф. 6, 11) на случай нападенія діавола. Аминь.

С.

Польза стъ слышанія Слова Божія.

(Изъ слова о скомрасѣ спасшемся со двѣма женама. Прол. февр. 22. л. 688 на об.).

Извѣстно, что Господь Иисусъ Христосъ, во время земной жизни своей, Божественнымъ словомъ своимъ обратилъ ко спасенію многихъ грѣшниковъ. Таковы: Матѳей мытарь, Марія Магдалина, Закхей, жена Самарянка и многіе другіе. Что же теперь? Продолжаетъ ли слово Божіе столь же спасительно дѣйствовать на грѣшниковъ доселѣ?—Пребываетъ ли въ словѣ Божіемъ та сила, которая была, когда оно выходило изъ устъ самого Спасителя? Несомнѣнно. Это видно изъ того, что Иисусъ Христосъ вчера и днесъ, тойже и во вѣки; также изъ примѣровъ, которые указываютъ на необыкновенно-благодетельное дѣйствіе слова Божія на сердце человѣческое и по вознесеніи Спасителя.

Въ городѣ Тарсѣ-Киликійскомъ жилъ скоморохъ, именемъ Вавила; имѣлъ онъ незаконное сожитіе съ двумя женами, и по дѣламъ своимъ былъ сосудъ діавола. Ему однажды пришлось быть въ церкви, и когда онъ здѣсь

слушалъ чтеніе Евангелія, то на него слова: *Покайтесь, приблизитѣся царство небесное* (Мѡ. 4, 17) произвели необыкновенное дѣйствіе. Онъ тотчасъ почувствовалъ глубокое раскаяніе, заплакалъ, сталъ укорять себя за свою прошлую жизнь и далъ обѣщаніе исправиться. Пришедши изъ церкви домой, онъ призвалъ обѣихъ женъ и сказалъ имъ: «Вы знаете, какъ я скверно жилъ съ вами. Теперь я хочу загладить свои грѣхи, оставить міръ и идти въ монахи. Вотъ и имѣніе мое вамъ; возьмите его и раздѣлите между собою поровну, а я пойду въ монастырь». Что же жены Вавилы? О, поистинѣ *вѣра отъ слуха, слухъ же малолѣтѣ Божіимъ* (Рим. 10, 17)! Онъ какъбы одними устами отвѣчая, сказали ему: «при беззаконной жизни ты не гналъ насъ; зачѣмъ же теперь гонишь? Или одинъ спастись хочешь? Нѣтъ, какъ были мы тебѣ общницами въ беззаконіи, такъ сейчасъ хотимъ быть общницами и въ спасеніи. Не отвергай же насъ и сдѣлай участницами твоихъ добрыхъ дѣлъ». Послѣ этого Вавила ушелъ, постригся и затворился въ столпѣ. Жены же его, раздавши все имѣніе бѣднымъ, также постриглись и также затворились въ одной келли. И вотъ, говоритъ повѣствованіе, бывшій прежде скоморохомъ и великимъ грѣшникомъ, Вавила сталъ «мужъ умиленъ, полнъ страха Божія, смиренъ и кротокъ, мнозымъ на пользу бывъ, и, Богу угодивъ, въ вѣчную преставися жизнь, о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ».

Нужно ли послѣ сего доказывать, что слово Божіе имѣетъ и теперь ту же силу, какую имѣло, когда выходило изъ устъ Спасителя? И не ясно ли, что благодатный свѣтъ его и доселѣ свѣтитъ всѣмъ и всѣхъ озаряетъ въ православной Христовой церкви,—и что слушаніе его возвышаетъ душу, возноситъ ее къ Богу, возбуждаетъ и питаетъ чувства раскаянія во грѣхахъ, умиленія, вѣры, надежды и любви къ Богу,—что *блаженны слышащии слово Божіе и хранящіе е* (Лук. 11, 28), и что наконецъ блаженны будете и вы, если съ благоговѣніемъ будете слушать оное, повиноваться ему и соблюдать его въ мысляхъ, желаніяхъ, словѣхъ и дѣлахъ вашихъ? Аминь.

“Священникъ Викторъ Гурьевъ.

РЕЗОЛЮЦИИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

Троицкой, въ Большихъ Лужникахъ, церкви священникъ съ причтомъ и старостою церковнымъ просилъ о дозволеніи имъ торжественно праздновать день Покрова Божіей Матери въ Николаевскомъ ихъ придѣлѣ, съ посѣщеніемъ священно и церковнослужителями домовъ прихожанъ со крестомъ и св. водою.—Резолюція отъ 19 сентября 1862 года: «Святая церковь повелѣваетъ правила сея и обычаи сохранять неизмѣнно, и удерживаться отъ пововеденій, которыя, открывая путь произволу, могутъ разстроивать порядокъ.—Прихожанинъ, желающій освятить себя и домъ свой церковною молитвою, всегда можетъ пригласить священника для молебнаго пѣнія».

1861, окт. 4. «Для сего крестнаго хода (*вокругъ Кремля*) назначены были предшественниками нашими день ближайшій къ 12-му мѣсяца, и вмѣстѣ тотъ воскресный день, въ который совершается память седьмаго вселенскаго собора, почему въ сіе наименованіе и церковь создана (*въ 1818 г. близъ Новодѣвичьяго монастыря*). Посему крестному ходу быть въ воскресный день вселенскаго собора, 8-й сего мѣсяца (*а не 15-й, какъ полагала консисторія*). Такъ исполнить опредѣленіе (*консисторское*)».

1855, іюня 16. «1) Если законъ обязываетъ прихожанъ построить причту дома: то неужели это только на двѣнадцать лѣтъ? Безъ сомнѣнія навсегда. Слѣдственно прихожане (*крестьяне*) обязаны и поддерживать построенные ими (*одновременно съ новою церковью*) для причта дома; и отказываются отъ сего незаконно. Объявить имъ сіе, и изъяснить, что если въ послѣдствіи, при неимѣніи церковныхъ домовъ, будетъ затрудненіе содержаться при сей церкви, то по ихъ винѣ церковь лишена будетъ причта. 2) Въ настоящее время по нуждѣ исполнить сіе опредѣленіе (*дозволить священнику съ причетниками принять означенные дома въ свою пользу и распоряженіе, съ тѣмъ, чтобы слѣдующія за нихъ по оцѣнкѣ деньги, 75 рублей, внесены были въ сохранныю казну на вѣчное время, на имя*

церкви, съ обращеніемъ процентовъ въ собственность членовъ причта). 3) Консисторіи впредь въ опредѣленіяхъ о построеніи церквей постановлять, что прихожане обязаны построить дома причту и всегда ихъ поддерживать».

1855, окт. 11. «Прихожане кладутъ въ церковный кошелекъ, или кружку деньги, какъ приношеніе Богу и церкви, и сообразно съ симъ желаютъ, чтобы ихъ приношенія употребляемы были собственно на церковь и ея утвари и другія потребности. Употребленіе сихъ денегъ на священно и церковнослужительскіе дома кажется имъ не довольно сообразнымъ съ назначеніемъ ихъ приношеній; и можно опасаться, что усмотря сіе, они менѣе охотны будутъ дѣлать вклады въ церковь. Не безъ заботы о семъ соглашаюсь на сіе опредѣленіе» (о разрѣшеніи выдать помянутому села Семеновскаго, Отрада тожъ, г-ну Давыдову, изъ церковной кошельковой суммы 450 р. на построеніе пономарскаго дома и исправленіе другихъ домовъ причта).

1842, нояб. 4. «Къ соображеніямъ консисторіи надлежитъ присовокупить слѣдующее: если въ какомъ приходѣ, или въ нѣкоторыхъ семействахъ прихода предразсудокъ противъ оспoprививанія еще не побѣжденъ, и если въ такомъ случаѣ священникъ о рождаемыхъ объявлять будетъ оспoprививателю, а сей усиленно требовать дѣтей къ оспoprививанію: то священникъ представится прихожанамъ опаснымъ для нихъ доносителемъ, и чрезъ то нарушится миръ между имъ и прихожанами, столь необходимый для успѣшнаго исполненія духовныхъ обязанностей священства. Польза отъ доносовъ священника оспoprививателю далеко не такъ важна, какъ вредъ, который бы произошелъ, еслибы охлажденіе отдалило отъ священника сердца прихожанъ и лишило его удобства мирною съ ними молитвою и словомъ назиданія прививать душамъ ихъ благочестіе и добродѣтель христіанскую. Посему, соглашаясь съ мнѣніемъ консисторіи, представляю оное начальственному благопопечительному о истинныхъ пользахъ паствъ вниманію св. Синода (требовавшаго мнѣніе по вышеозначенному предмету)».

Обыватели Перервинской слободы просили митрополита о прекращеніи открытой въ оной крестьянской дѣви-

цею, въ близости къ монастырю (*въ 18 саж. отъ ограды монастырской*) винной торговли.—Резолюція отъ 27 февраля 1863 года: «Хотя предметъ сего прошенія не относится къ духовному вѣдомству; но какъ дѣло идетъ объ охраненіи цѣлаго селенія отъ соблазна къ пьянству, столь сильно распространяющемуся, а также и объ охраненіи монастыря (*Николо-Перервинскаго*) отъ неприличій въ близости къ нему: то отнесите отъ меня къ его сіятельству гражданскому губернатору (*князю А. В. Оболенскому*), дабы благоволено было на благонамѣренную просьбу обывателей Перервинской слободы обратить почитательное вниманіе».

ПИСЬМО МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

Благовѣрнымъ гражданамъ Богоспасаемаго града Царское село, Божіе благословеніе, миръ и благоденствіе.

Не иное что, какъ любовь вашу къ православной церкви и ся священноначалію вижу въ томъ, что вы издалика благимъ окомъ воззрѣли на меня, и на мой день (*пятидесятилѣтія въ епископствѣ*), милостію Божіею мнѣ дарованный; и мнѣ послали не только слово привѣта, но и священный даръ—икону праведнаго Филарета, Съ утѣшеніемъ благодарю васъ, потому что съ утѣшеніемъ вижу ваше душевное расположеніе.

По долгу взаимности, и по желанію нѣкоторыхъ изъ васъ, препосылаю вамъ святую икону Святителей и Чудотворцевъ Московскихъ. Ихъ богопріятныя молитвы благодатно да покрываютъ ваши души и вашъ градъ. Филаретъ м. Московскій. Октября 6-го 1867.

ОТНОШЕНІЕ ЕГО

въ стѣздѣ мировыхъ судей Можайскаго уѣзда.

Получивъ свѣдѣніе (отъ 29 мая № 24) о избранныхъ и утвержденныхъ мировыхъ судьяхъ и объ открытіи дѣйствованія ихъ, привѣтствую и собраніе ихъ, и каждого, призывая имъ помощь Божію въ служеніи правдѣ и миру въ народѣ. Филаретъ м. Московскій. Юня 14-го 1866.

Сообщилъ Арх. Григорій.

ТОЛКОВАНІЕ

ПЕРВАГО ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ ТИМОФЕЮ.

в).

Содержа истину Божию и укореняя ее въ умахъ и сердцахъ паствы, пастырь долженъ и себя не забывать, но внимая себѣ, себя созидать и благоустраивать,—какъ аа) въ вѣдѣніи—4, 6, 7, такъ и бб) въ истинномъ благочестіи,— —7—10.

аа).

Гл. 4. Ст. 6 (2-я полов.). *Питаемъ словесы вѣры и добрымъ ученіемъ, емуже послѣдовалъ еси.*

Доброе служеніе пастыря Господу, въ преподаваніи истины паствѣ и предохраненіи ея отъ ученій бѣсовскихъ, Апостольскій поставляетъ подъ условіе питанія самого пастыря словесами вѣры и добрымъ ученіемъ. Дѣйствуя, говорить, такъ въ семъ дѣлѣ ученія паствы, добръ будешь служитель, силу получая къ тому отъ питанія себя истинною. Если пастырь обязанъ такъ дѣйствовать, какъ указано, то обязанъ исполнять условіе къ указанному должному дѣйствованію. Почему—*питаемъ* имѣетъ такое значеніе, какъ бы сказано было: и самъ себя питай. Сила слова апостольскаго здѣсь въ словѣ: *питаемъ*. «Не только другихъ наставляй, но и самъ упражняйся въ этомъ» (св. Злат.). «Тебѣ первому изъ всѣхъ надлежитъ прилежно заниматься духовнымъ ученіемъ и обогащаться имъ» (Θеод.). «Ска-

заль: сіе предлагай другимъ. Теперь говоритъ: но и самъ ты будь питаемъ (тѣмъже истинами), вращая ихъ въ умѣ своемъ и какъбы пережевывая. Ибо непрестанное къ нимъ вниманіе внушая, сказалъ онъ: *питаемъ* (Теоф.). Т.-е. «духовною въ нихъ питаюсь пищею: *ибо не о хлбѣди единожъ живѣ будетъ человекъ* (Мѡ. 4, 4). Тебѣ должно не братьямъ только сіе предлагать, но и самого себя тѣмъже питать» (Экум.). «*Питаемъ*, говоритъ, указывая на постоянное вниманіе къ такого рода предметамъ. Ибо подобно тому, какъ мы каждый день употребляемъ сію (тѣлесную) пищу: такъ и слово о вѣрѣ всегда принимать и имъ всегда питаться должно. Что значитъ: *питаемъ*? Пережевывая, постоянно повторяя (въ умѣ) одно и то же, всегда поучаясь одному и тому же» (св. Злат.).

Словеса вѣры суть благовѣстіе Евангелія, объемлющее все воплощенное домостроительство,—вѣру нашу составляющее и вѣрою приѣмлемое и содержимое. Оно же есть и *доброе ученіе*, какъ изъ добраго источника идущее, какъ само въ себѣ доброкачественное, и какъ для приѣмлющихъ его благотворное теперь, и ведущее ихъ къ доброму концу. Но кажется, преимущественное вниманіе остановить имѣлъ въ мысли Апостолъ на словахъ: *ему же послѣдовалъ еси*. Ты уже знаешь его и твердо содержишь всею душею. Этимъ содержимымъ уже и питай себя, обновляя его воспоминаніемъ въ сознаниіи и оживляя въ сердцѣ сочувствіемъ и любовію къ нему. Но это ужъ само собою бываетъ. Внушеніе Апостола идетъ далѣе: этимъ ученіемъ, которое уже содержишь, питай себя, за новымъ же какимъ либо не гоняйся, а напротивъ сразу отвергай его, какъ чуждое, лишь только услышишь его. Чтѡ предано тебѣ, то содержи; отъ непреданнаго, идущаго отъ инуды, отвращай слухъ и вниманіе.

Ст. 7 (1-я полов). *Скверныхъ же и бабихъ басней отрицайся*.

Скверныхъ—βεβηλους,—пошлыхъ, такихъ, которыми брезговать слѣдуетъ. Напоминаетъ Апостолъ о томъ же, чтѡ

въ началѣ посланія сказалъ: *ниже внимати баснямъ и родословіемъ безконечнымъ* (— 1, 4),—т.-е. о ходящихъ пустыхъ рѣчахъ и ученіяхъ лжесловесниковъ. Ни тамъ, ни здѣсь не сказывается опредѣленно, въ чемъ эти басни состояли, потому, можетъ быть, что не стоило и поминать объ нихъ, или потому, что какъ норма истины извѣстна, то все чуждое ей само собою опредѣлялось и было извѣстно св. Тимоѳею. Обще же напоминаетъ только для воодушевленія къ отрицанію и противодѣйствію. Наши впрочемъ толковники полагаютъ, что здѣсь Апостоль разумѣетъ іудейскія убѣжденія, или ту часть іудейства, которая вошла въ составъ ученія лжесловесниковъ. Теодоритъ пишетъ: *«бабими баснями* назвалъ Апостоль іудейскія ученія, не законъ, но лживое перетолкованіе закона и неблаговременное его храненіе». Св. Златоустъ выставляетъ и причину такого наименованія: *«о какихъ басняхъ онъ здѣсь говоритъ?—Объ іудейскихъ вычисленіяхъ и наблюденіяхъ? Развѣ ихъ онъ называетъ баснями?—Да, или потому, что они измышлены, или потому, что несвоевременны. Чтò благовременно, то полезно. А чтò безвременно, то не только не полезно, но и вредно.—Ктому же представъ себѣ: еслибы человекъ на двадцатомъ году жизни прильнулъ къ сосцамъ кормилицы; то въ какой степени онъ былъ бы достоинъ посмѣянія за безвременность? Видишь что онъ называетъ сіе и нечистымъ, и бабимъ? И называетъ такъ частію потому, что это уже устарѣло, частію потому, что составляетъ препятствіе для вѣры».*

Но Экуменій допускаетъ, что можетъ быть тутъ разумѣетъ Апостоль «и еллинскія бредни, равно какъ бредни тогдашнихъ еретиковъ. Ибо, поистинѣ, походятъ на пустяки, въ бреду произносимыя старушенками слова, такія, на примѣръ, сказанія еллиновъ: Зевсъ (Юпитерь) сваялся съ Ирою (Юноною); Арій (Марсъ) соблудилъ съ Венерою; Ифестъ (Вулканъ) сброшенъ съ неба».

Очень вѣроятно, что ученія лжесловесниковъ взяты ча-

стію у іудеевъ, частію у еллиновъ, частію почерпнуты изъ другихъ восточныхъ вѣрѣ. Какъ вѣрующіе, въ самомъ дѣйстви увѣрованія все то отвергають, то, по увѣрованіи, нечего уже болѣе и заниматься тѣмъ. Почему Апостоль пишетъ не: отрицай—какъбы состязайся, а: *отрицайся*. «Черезъ это онъ показываетъ, что окончательно нужно избѣгать сего. Именно слова его имѣють такой смыслъ: даже не принимай на себя труда когда либо вступать въ разговоръ съ ними; кромѣ развѣ того случая, когда предвидишь какой либо вредъ отъ того, что мы, будто по нашему безсилію, отказываемся отъ собесѣдованія съ ними» (св. Злат.).

бб).

Ст. 7 (2-я полов.). *Обучай же себе ко благочестію.*

Благочестіемъ называетъ Апостоль жизнь въ духѣ вѣры христіанской. Хотя жизнь сія обнимаетъ не одно должное отношеніе къ Богу, чтд собственно есть благочестіе, но и всякіе подвиги и весь кругъ добродѣланія; но такъ какъ и эти двѣ стороны ея, или части, блюдутся христіанами ради Бога и Ему посвящаются, такъ что *животъ ихъ всецѣло сокровенъ есть со Христомъ въ Богѣ* (Кол. 3, 3), то Апостоль и назвалъ всю жизнь по вѣрѣ *благочестіемъ*. «Обучай себе ко благочестію, т.-е., въ вѣрѣ чистой и жизни праведной (упражняйся), къ наилучшему поведенію (настройвай себя); потому что въ этомъ состоитъ благочестіе» (св. Злат.). «Оно есть съ правою вѣрою соединенное ревностное тщаніе о жизни богоугодной» (Экум.).

Но чтд здѣсь хочеть внушить Апостоль, то совмѣщается въ словѣ: *обучай себе*. *Обучай*—*γυμνασον*—упражняй себя въ дѣлахъ благочестія христіанскаго, чтобъ сдѣлаться искуснымъ ихъ дѣлательемъ, какъ гимнасты упражняются въ тѣлодвиженіяхъ разныхъ, чтобъ приобрѣсть въ нихъ навыкъ и искусство. Тѣло способно къ очень ловкимъ движеніямъ, но его надо къ сему приучить упраж-

неніями. Такъ и вѣрующій, по крещеніи и пріятіи благодати, способенъ, то-есть и готовъ и силенъ на всякія дѣла и подвиги въ духѣ и по требованію св. вѣры; но чтобы все сіе дѣлать достожджно и плодотворно, для сего надлежитъ упражнять себя въ такого рода дѣлахъ. Но гимнасть сначала упражняется въ разныхъ тѣлодвиженіяхъ одинъ, особо, только примѣрно, а на дѣлѣ пригодятся ему сіи тѣлодвиженія послѣ; христіанскій же гимнасть прямо вступасть не въ примѣрныя, но въ настоящія дѣла, и ихъ совершеніемъ обучаетъ себя къ наилучшему ихъ совершенію. Потому *обучай себе* тоже значить, что — не пропускай ни одного случая, въ коемъ можешь совершить дѣло по духу своей вѣры, или даже и болѣе — изыскивай такіе случаи, чтобы поскорѣе утвердиться въ дѣлахъ по вѣрѣ нашей, и потомъ уже безъ труда являютъ себя предъ Богомъ и человекѣми *дѣлателемъ непостыднымъ* (2 Тим. 2, 15). Опытъ уже показалъ, что такое упражненіе себя необходимо для стяжанія совершенства въ жизни,—и упражненіе всестороннее, т.-е. и въ томъ, какъ вести внѣшнія свои дѣла, или держать свое поведеніе, и въ томъ, какъ держать въ порядкѣ внутри возникающія разнообразныя движенія. Ревностное упражненіе въ томъ и другомъ всегда увѣнчивается успѣхомъ,—т.-е. навыкомъ въ угодной Богу жизни и внутренней и внѣшней. Само собою сіе совершенство не приходитъ: надо обучать себя. Такъ у всякаго вѣрующаго, тѣмъ паче у пастыря вѣрныхъ. Почему и св. Тимоѣю неизлишне было сказать: *обучай себе ко благочестію*.

Ст. 8. *Тѣлесное бо обученіе малъ есть полезно: а благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имуще живота нынѣшняго и грядущаго.*

О какомъ тѣлесномъ обученіи здѣсь говорится?—Объ укрѣпленіи тѣла гимнастическими упражненіями и пріученіи его къ скорымъ и ловкимъ движеніямъ; ибо говорить: *σωματικὴ γυμνασία*,—тѣлесное упражненіе. Зачѣмъ

же приводится оно здѣсь на мысль? За тѣмъ, чтобъ чрезъ это возбудить къ большей ревности упражняться въ дѣлахъ и трудахъ благочестія. Апостоль говоритъ какъбы такъ: тѣ, которые на играхъ желаютъ получить вѣнцы, усердно упражняются въ тѣлесной гимнастикѣ, чтобъ укрѣпить тѣло свое и приучить его къ ловкимъ движеніямъ. Но если для тѣлнныхъ вѣнцевъ столько употребляютъ трудовъ въ гимнастикѣ тѣлесной, то какъ не употребить гораздо больше трудовъ въ гимнастикѣ духовной, то-есть въ обученіи себя благочестію для вѣнцевъ нетлѣнныхъ?! То тѣлесное *обученіе* или упражненіе *малъ полезно*, т.-е. полезно на малое нѣчто или на малое время, «т.-е. только для тѣла, и только для настоящей жизни» (Экум.). Полезно на малое нѣчто, именно,—на укрѣпленіе тѣла, приученіе его къ легкимъ движеніямъ, и чрезъ то на полученіе вѣнцевъ въ состязаніяхъ на играхъ народныхъ, а то и другое малозначительно; полезно на малое время,—только на настоящую жизнь, и то не всю. А благочестіе *на все полезно*, т.-е., и для благоденствія въ настоящей жизни, и для вѣчнаго блаженства въ будущей,—*обтѣлованіе имущаго живота нынѣшняго и грядущаго*. *Обтѣлованіе имущаго* указываетъ на то, что самъ Богъ, по неизмѣнной правдѣ своей и неистощимой благодати, благоволилъ сочетать съ благочестіемъ, или жизнью въ духѣ вѣры Христовой и благоденствіе временное и блаженство вѣчное. Подъ *животомъ* разумѣется не жизнь, какъ жизнь, а качество жизни, жизнь желанная, счастливая и блаженная, безъ чего жизнь не жизнь. Если таково благочестіе, то соотвѣтственно сему должно быть ведено и упражненіе въ немъ, то-есть со столь же большею ревностію, во сколько плодъ его выше плода, доставляемаго тѣлеснымъ упражненіемъ.

Подъ тѣлеснымъ обученіемъ, въ контекста, иныя, особенно отцы подвижники, разумѣютъ тѣлесныя подвиги, и въ словахъ Апостола видятъ опредѣленіе относительной ихъ цѣны, сравнительно съ подвигами духовными.

Но въ контекстѣ, по теченію рѣчи, здѣсь разумѣются гимнастическія упражненія тѣла. Св. Златоустъ говоритъ: «нѣкоторые полагаютъ, что это сказано о постѣ. Но съ этимъ нельзя согласиться: постъ составляетъ не тѣлесное, а духовное упражненіе. Ибо еслибы онъ былъ тѣлеснымъ упражненіемъ, то питалъ бы тѣло. Если же онъ истощаетъ, утончаетъ и иссушаетъ тѣло, то и не составляетъ тѣлеснаго упражненія. Слѣдовательно не объ этомъ говоритъ онъ, а о тѣлесныхъ (гимнастическихъ) упражненіяхъ, которыми иные занимаются и не во время состязаній, и какъ ратоборцы, все дѣлаютъ, отъ всего воздерживаются, тяжелый переносятъ трудъ. Но для чего, спросишь ты, упоминаетъ онъ здѣсь о тѣлесномъ (гимнастическомъ) упражненіи?—Для того, чтобы чрезъ сравненіе показать превосходство духовныхъ подвиговъ (въ благочестіи); потому что первое (тѣлесная гимнастика), будучи соединено съ большими трудами, не приноситъ большой пользы, и ничего такого, о чемъ стоило бы говорить; а послѣдніе (подвиги благочестія) приносятъ неизмѣнную и обильную пользу. — Перваго рода упражненіе не приноситъ выгоды, а только нѣсколько пользы доставляетъ тѣлу. А упражненіе въ благочестіи приноситъ плодъ и на будущую жизнь: и здѣсь и тамъ доставляетъ утѣшеніе». Объясняя это послѣднее, бл. Теофилактъ прибавляетъ: «и здѣсь, говоритъ, снабждаетъ человѣка благочестіе. Ибо необличаемый совѣстію ни въ чемъ худомъ, и здѣсь веселится духомъ, вѣрныя имѣя обѣтованія будущихъ благъ, тамъ же и самымъ дѣломъ заживетъ истинною жизнію». Первую впрочемъ часть этого объясненія онъ взялъ у тогоже св. Златоуста, у котораго она страннѣе изложена: «и здѣсь мы пребываемъ въ благомъ упованіи. Ибо тотъ, кто не знаетъ за собой никакого преступленія и творитъ добрыя дѣла, радуется и въ настоящей жизни. Между тѣмъ какъ человѣкъ порочный не только тамъ, но и здѣсь переноситъ наказаніе, постоянно живя въ страхѣ, ни на кого не смѣя взглянуть съ

дерзновеніемъ, трепеща, блѣднѣя, томясь. Развѣ не таковы корыстолюбцы, воры, которые не увѣрены въ томъ, чѣмъ владѣютъ? Развѣ прелубодѣи и человѣкоубійцы не ведутъ самой тягостной жизни, съ недовѣрчивостію взирая на самое солнце? Неужели это есть жизнь? Это не жизнь, а скорѣе самая тяжелая смерть».

Ст. 9. *Вѣрно слово и всякаго пріятія достойно.*

«То-есть, слово сіе истинно и достойно того, чтобы всѣ принимали его, какъ несомнѣнное. Какое же это слово? То, что благочестіе и здѣсь и тамъ полезно» (Θеоф.). «Поелику упомянулъ о жизни будущей, а она есть нѣчто невидимое; то по необходимости прибавилъ удостовѣреніе, что слово о семъ вѣрно, какъ достойное вѣры и украшенное истиною. Подвигоположнику надлежитъ воодушевлять подвижниковъ удостовѣреніемъ въ вѣрности наградъ» (Θеод.).

Въ другой разъ въ семъ посланіи произноситъ Апостоль это удостовѣрительное выраженіе: выше о томъ, что Господь Іисусъ Христосъ пришелъ въ міръ грѣшниковъ спасти (—1, 15), а здѣсь о томъ, что въ благочестіи, или въ жизни по духу вѣры Христовой, надлежитъ упражняться паче, нежели борцы упражняются въ тѣлесной гимнастикѣ, такъ какъ благочестіе имѣетъ за собою обѣтованіе счастья временнаго и блаженства вѣчнаго. Это дѣлаетъ онъ для напечатлѣнія въ умахъ и сердцахъ читателей посланія того убѣжденія, что какъ вѣра въ пришествіе Господа Іисуса для спасенія грѣшниковъ, такъ и ревностное упражненіе въ благочестіи, или жизни по духу вѣры Христовой одинаково обязательны для послѣдователей Христовыхъ, и что только на сочетаніи ихъ обоихъ твердо стоять можетъ упованіе спасенія и полученія блаженства вѣчнаго. Этою - то непоколебимостію упованія воодушевляясь, мы и переносимъ все за Христа Господа.

Ст. 10. *На сіе бо и труждаемся и поношаеми есмы, яко уповахомъ на Бога жива, иже есть Спасительъ вѣснъ чело-вѣкомъ, паче же вѣрныхъ.*

Несложность обѣтованія и несомнѣнность получения уповаемаго подтверждаетъ Апостоль собственнымъ примѣромъ (Θεοδ.): 'Что вѣра и жизнь по вѣрѣ приносятъ животъ вѣчный, убѣжденіе въ этомъ составляетъ нашу силу. Изъ-за чего мы поднимаемъ такіе труды, и предаемъ себя всякому поношенію? Не изъ-за чего другаго, какъ изъ-за того, что увѣрены въ полученіи за то живота вѣчнаго. А эта увѣренность на чемъ стоитъ? На томъ, что мы возуповали (ηλπικαμεν) на Бога жива, совершенно увѣрились въ истинѣ слова Его и всецѣло на него положились. Это приложеніе подаетъ мысль, что Апостоль хотѣлъ какъбы такъ сказать: слово обѣтованія мы слышали изъ устъ самого Бога, совершенно увѣрились въ Немъ и положились на Него, что обѣтованное несомнѣнно исполнено будетъ. Безъ этого дополненія мысли одинъ примѣръ Апостоловъ не былъ бы доказатель-
 нъ. Но когда за этимъ примѣромъ видитъ лице Бога живаго, дающаго обѣтованіе, тогда онъ, дѣлаясь представителемъ дѣйствія слова живаго Бога, всякому доказы-
 ваетъ несомнѣнность упованія въ равной силѣ, какъбы онъ самъ слышалъ слово изъ устъ Бога живаго. Св. Павелъ не здѣсь только, но и въ другихъ мѣстахъ выстав-
 ляетъ свою увѣренность въ несомнѣнности упованія, — и она была для него живительною силою въ понесеніи апо-
 стольскихъ трудовъ. Теку, говорить, не на безвѣстное, *подвизаюся, не яко воздухъ біяй* (не на вѣтеръ) (1 Кор. 9, 26).

Пишется сіе св. Тимоѳею, который раздѣлялъ съ Ап. Павломъ всѣ труды его и несомнѣнно былъ исполненъ тѣмъже духомъ упованія. Почему—*мы* (труждаемся,—упо-
 вахомъ) здѣсь звучитъ, какъ—*мы съ тобою*. Въ лицѣ же ихъ конечно наводится мысль и на всѣхъ Апостоловъ и на всѣхъ труждающихся въ благовѣстіи. Напоминается же сіе св. Тимоѳею, чтобъ вызвать и возставить тотъже

всегда оживлявшій его духъ упованія, и сказать какъбы: будь какъ всегда. Ибо св. Тимоеею предлежало теперь одному нести труды, которые прежде раздѣлялъ онъ со св. Павломъ. Св. Златоустъ говоритъ: «здѣсь Апостоль возбуждаетъ свят. Тимоея къ перенесенію опасностей, чтобъ онъ не упалъ духомъ, имѣя въ Богѣ столь сильнаго помощника, и не пуждался въ содѣйствіи другихъ, но охотно все съ мужествомъ переносилъ».

Богъ именуется Богомъ живымъ, чтобъ выразить, что упованіе наше не идеально, не на идеѣ Бога утверждается, а на словѣ Бога живаго, самымъ дѣломъ совершившаго и устроившаго все, потребное для полученія уповаемаго. Мы лицомъ къ лицу видѣли и дѣйственно познали Бога живаго, почему уповаемъ не колеблясь. Или для того слово сіе — *жива* прибавлено, что Богъ, какъ Сый, всегда можетъ исполнить обѣтованное. Люди, будь то князи, нынѣ есть, а завтра ихъ нѣтъ. Богъ же всегда живъ есть, чтобъ даровать, что обѣтовалъ. Бл. Теофилактъ пишетъ: «здѣсь войны царскіе, перенесши многіе труды и опасности, часто не получаютъ должнаго вознаграенія, когда случится между тѣмъ умереть царю; а нашъ Царь всегда живъ есть, всегда и воздастъ».

Богъ есть Спаситель всѣхъ человѣковъ, потому что *всѣмъ человѣкомъ хочетъ спастися и въ разумъ истины прийти* (1 Тим. 2, 4),—и не только хочетъ спастися всѣмъ, но и устроилъ дивный образъ спасенія, всѣмъ открытый, и всегда сильный спасти всякаго, кто ни захочетъ воспользоваться имъ. Но почему Онъ есть Спаситель *паче вѣрныхъ*? Потому что спасительное Божіе хотѣніе, спасительная Божія сила и спасительное Божіе устроеніе (экономія спасенія) простираются на всѣхъ и для спасенія всѣхъ довлѣтельны; но на дѣлѣ спасаются, или дѣлаются причастными сихъ спасительностей, только вѣрные, т.-е. только увѣровавшіе въ благовѣстіе и по принятіи благодати живущіе въ духѣ вѣры. Такъ что Богъ, и всегда желающій и всегда сильный спасти всѣхъ, въ дѣйствительности Спаситель есть

только вѣрныхъ. Малѣйша — значить и: такъ, именно такъ. Почему: *паче же вѣрнымъ* можно перевести: именно вѣрнымъ. *Же, δε*, — частицы нѣтъ въ греческомъ. Прибавить же *сіе*: именно вѣрнымъ, нужно было св. Павлу, потому что писалъ объ упованіи живота вѣчнаго, котораго невѣрные не могутъ быть причастны. «Богъ здѣсь есть всѣхъ Спаситель, а тамъ не всѣхъ, но только достойныхъ спасенными быть» (Экум.). Но и здѣсь Богъ — Спаситель особенное являетъ попеченіе о вѣрныхъ: ибо еслибъ этого не было, давно бы ихъ стерли съ лица земли (Экум.). Св. Златоустъ говорить: «какимъ образомъ, спросишь ты, Богъ есть Спаситель паче вѣрныхъ? — Тѣмъ, что обнаруживаетъ великую заботливость о вѣрныхъ. Еслибъ Онъ не былъ Спаситель ихъ, то ничто не воспрепятствовало бы давно погибнуть тѣмъ, противъ которыхъ всѣ ратуютъ».

г).

По указаніи, какъ себя созидать, свят. Павелъ даетъ уроки св. Тимоѣю и о томъ, какъ назидать паству. Два здѣсь главныхъ пункта: *живи примѣрно*, и *учи ревностно*, — *внимай себѣ и ученію*; прочее прилагается, какъ побужденіе къ ревностному пастырствованію, — 11—16.

Ст. 11. *Завѣщавай сія и учи.*

Слова *сіи* кажутся заключеніемъ предшествующей рѣчи; но лучше признать ихъ переходомъ къ послѣдующей, давъ имъ такой смыслъ: не только самъ себя питай словесами вѣры и обучай благочестію, въ упованіи вѣчнаго живота, но и паству свою тому же учи и такъ наказывай ей дѣйствовать.

Сія, — «т.-е. обучаться благочестію, ожидать воздаяній, взирать на Подвигоположника» (Феод.).

Завѣщавай и учи, — можно и къ одному и тому же относить, именно, къ ученію, — учи, увѣщавай, убѣждай, — и такъ разумѣть, что словомъ — *учи* означаетъ ученіе, а словомъ — *завѣщавай* властное повелѣніе пастырское. Та-

кое различіе въ сихъ словахъ полагають наши толковники. Св. Златоустъ говоритъ: «при устроеніи человѣческихъ дѣлъ, иногда требуется наставленіе, а иногда приказаніе. Еслибы поѣтому ты сталъ приказывать тамъ, гдѣ слѣдуетъ учить, то ты былъ бы достоинъ посмѣянія. И наоборотъ, еслибы ты началъ учить тамъ, гдѣ нужно приказывать, то случилось бы съ тобою тоже самое. Напримѣръ, — что не должно быть злымъ (что не должно красть, Теоф.), этому слѣдуетъ не учить, а это должно приказывать и запрещать съ особою силою; равно какъ и то должно приказывать, что не нужно держаться іудейскихъ заблужденій. Если же ты намѣреваешься говорить о томъ, что должно раздавать имѣніе, что должно хранить дѣвство, или если думаешь бесѣдовать о вѣрѣ, то въ такомъ случаѣ необходимымъ становится ученіе. Поѣтому и употребляетъ св. Павелъ оба эти выраженія: *завѣщавай и учи.*—Также, если кто носитъ привѣски (по суевѣрію, въ отвращеніе зла) или что-нибудь подобное, и творить сіе, зная, что это есть зло, то въ такомъ случаѣ нужнымъ бываетъ одно только приказаніе; когда — не зная того, — наставленіе. — Видишь ли, что священникъ долженъ и приказывать и говорить со властію, а не все учить?»

Ст. 12. *Никтоже о юности твоей да нерадитъ: но образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою.*

То-есть, назидай паству своимъ добронравіемъ, добрымъ житіемъ и добрыми дѣлами, чтобъ она слѣдовала за тобою, несмотря на твою юность. «Хочешь, говорить Апостоль, чтобы не пренебрегали тобою, когда приказываешь, — будь одушевленнымъ закономъ, — показывай въ себѣ преспѣваніе законовъ, — пусть жизнь твоя свидѣтельствуешь о словѣ» (Теоф.). «Св. Тимоѣей по лѣтамъ былъ юнъ, а по нравамъ — важный старецъ. Апостоль и увѣщаваетъ его: пребудь такимъ, чтобы преспѣваніе твое во всемъ представляло образецъ добрыхъ дѣлъ, чтобъ въ

тебѣ юномъ видна была уваженія и удивленія достойная обученность (*disciplina*), чтобъ дѣла твои не давали видѣть твоего возраста, и всѣ имѣли тебя не какъ юнаго, а какъ старца, чтобъ старшіе возрастомъ краспѣли, не являя себя, подобно тебѣ, важными въ обращеніи и правахъ, а юные имѣли въ тебѣ сверстника своего учителемъ.—Дивенъ этотъ юный, — святѣйшій Тимоѳей, когда его примѣръ силенъ былъ обуздывать необученную юность, и обличать не блюдущую свойственной ей важности старость» (Амвр.).

Да не радить—*μη καταφρονειτω*,—да не презираетъ никто юности твоей, или тебя по причинѣ юности твоей. Какъ нельзя заставить не презирать, то смыслъ апостольскаго внушенія таковъ: не доводи себя до того, чтобъ тебя презирали, не подавай повода къ презрѣнію тебя и неуваженію къ тебѣ. Какъ въ этомъ успѣть, показываютъ слѣдующія слова: *но образъ буди*. «Покажи жизнь, благоукрашенную добронравіемъ, и не будетъ презираема юность твоя, а напротивъ будетъ привлекать общее удивленіе» (Θеоф.). «До тѣхъ поръ, пока ты будешь вести жизнь приличную (твоему сану), никто не станетъ презирать тебя за возрастъ, но еще больше всякой будетъ удивляться тебѣ» (св. Злат.).

И такой еще можетъ быть здѣсь смыслъ: по сознанію своей юности, не молчи и не пропускай безъ вниманія, когда нужно говорить, обличать, исправлять, дѣйствовать со властію; ибо если допустишь это, неисправные предъ глазами твоими начнутъ безчинствовать, ни во что ставя твою власть. Тутъ уже не тебя, Тимоѳея, но въ твоемъ лицѣ епископа будутъ презирать, ему преданную апостольскую власть созидать церковь святую. Этого же никакъ нельзя допускать. «Учитель не долженъ быть въ пренебреженіи» (св. Злат.). «Епископъ, дѣйствуя какъ епископъ, долженъ вести рѣчь и разсуждать властно» (Экум.). «Должное повелѣвай властно, и никто не будетъ тебя презирать» (Θеоф.).

Но какъ же заявить епископъ кротость, заповѣданную ему выше (—3, 3)? На это св. Златоустъ говоритъ: «гдѣ же, скажешь ты, кротость, если никогда не испытаетъ онъ пренебреженія?—Въ тѣхъ вещахъ, которыя лично его касаются, пусть онъ подвергшись пренебреженію переносить сіе, ибо такимъ образомъ долготерпѣніе его будетъ содѣйствовать успѣху ученія; а въ томъ, что касается (спасенія) другихъ—нѣтъ, потому что это будетъ уже не кротость, а равнодушіе. Когда онъ мститъ за обиды, нанесенныя ему, или за злословіе, или навѣты; тогда справедливо обвинить его. Когда же дѣло касается спасенія другихъ, тогда приказывай и распоряжайся съ полною властію. Здѣсь уже нужна не кротость, а власть, дабы сіе не сдѣлалось гибельнымъ для общества».

Но образъ буди върнымъ. «Во всемъ подавай собою примѣръ добрыхъ дѣлъ. То-есть, самъ будь первообразомъ въ жизни, являясь предъ другими, какъ одушевленный законъ, какъ правило и уставъ жизни благой. Ибо таковъ долженъ быть учитель» (св. Злат.).

Словомъ, или учительскимъ, т.-е. «въ говореніи того, что должно говорить какъ учителю. Видишь, что учителю должно готовить слово, или имѣть его изготовленнымъ» (Экум.),—«чтобъ говорить съ удобствомъ» (Теоф.),—«чтобъ безъ затрудненія вступать въ собесѣдованіе» (св. Злат.). *Или* обычнымъ словомъ при взаимообращеніи, въ разговорахъ и собесѣдованіяхъ, чтобъ и содержаніе и образъ рѣчи были назидательны. Въ такомъ случаѣ здѣсь напоминаетъ тоже, что сказано въ другомъ мѣстѣ всѣмъ: *всяко слово шло да не исходитъ изъ устъ вашихъ, но точно еже есть къ созиданію, да дастъ благодать слышащимъ* (Еф. 4, 29). Эта мысль ближе къ ходу рѣчи.

Житіемъ,—*εν διαστροφῇ,*—во взаимообращеніи, или въ образѣ держанія себя при встрѣчахъ и сношеніяхъ съ другими,—сообразно съ мѣстомъ, временемъ, лицами и съ своимъ саномъ. Приложеніе сего умѣстно и въ житейскихъ, и въ гражданскихъ, и въ церковныхъ поряд-

какъ жизни и соотношеніяхъ, — «въ обычной жизни, и въ церковномъ чинѣ» (Θеоф.). Общій законъ тутъ: всякаго встрѣчать съ уваженіемъ къ нему и готовностію сдѣлать ему всякое добро, словомъ и дѣломъ, не допуская никакой вольности въ обращеніи.

Любовію, — объсмлющую всѣхъ, какъ братій и сестеръ (Экум. Θеоф.). И во взаимообращеніи должна дышать любовь; но тамъ иное обращеніе можетъ казаться любительнымъ, не будучи такимъ. Почему Апостоль входитъ вѣнутрь сердца и тамъ царицею всѣхъ дѣлній посаждаетъ любовь, — любовь чувства, чтобъ изъ него исходили любительныя дѣла. Пастырь, пріемля паству въ свои руки, долженъ всѣхъ принять, какъ кровныхъ чадъ и какъ родныхъ, — и радѣть о всѣхъ, какъ о своихъ ему.

Духомъ, — «или духовнымъ настроеніемъ, или даромъ благодати Св. Духа» (Экум. Θеоф.). Въ первомъ отношеніи требуется — быть отрѣшену отъ всего тварнаго и чувственнаго и въ Богѣ имѣть свой животъ сокровеннымъ (Кол. 3, 3), все творя во славу Его, по волѣ Его, въ присутствіи Его, со страхомъ и благоговѣнствомъ. Во второмъ — «не превозноситься даромъ благодати Святаго Духа» (Экум. Θеоф.), но паче смиряться, боясь не настолько оказаться дѣятельнымъ и плодотворнымъ, сколько бы слѣдовало, судя по данному дару.

Вѣрою, — «правою и неколеблущеюся, когда кто вѣритъ Богу и въ томъ, что невозможно (въ естественномъ порядкѣ)». (Экум., Θеоф.). Есть двѣ вѣры: вѣра правая, пріемлющая безъ сомнѣнія помышленій все открытое намъ Богомъ, и вѣра, въ Богѣ увѣренная, что не оставитъ предавшаго себя Ему и приведетъ къ желанному концу — вѣчному блаженству, въ какомъ бы кто положеніи здѣсь на землѣ ни былъ. Первая вѣра царствуетъ въ умственной сферѣ, вторая — въ дѣятельной жизни. Сею послѣднею пріемлются вразумленія, подкрѣпленія нравственной энергіи, и извожденія изъ затруднительныхъ и опасныхъ для чистоты сердца и совѣсти обстоятельствъ.

Верхъ ея есть та вѣра, о коей говоритъ Спаситель: *вспруй въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ* (Ин. 14, 12). И еще: *вся, елика аще воспросите въ молитвъ, вспрующе, примете* (Мѡ. 21, 22), или: *вся елика аще молящися просите, вспруйте, яко приемлете: и будетъ вамъ* (Мр. 11, 24).

Чистотою, — *εν αγγειοις*, — въ непорочности, — «въ дѣвственной чистотѣ и цѣломудіи» (св. Злат. Экум. Теоф.). Св. Тимоѳей былъ дѣвственникъ тѣломъ. Ему внушалась симъ только дѣвственность сердца, котораго можно не имѣть при дѣвственности тѣла, когда не бываютъ равнодушны къ красотѣ женской, хотя бы безъ похотныхъ вожделѣній. Живущій въ духѣ, какъ указано въ словѣ: *духомъ*, долженъ быть отрѣшенъ и отъ этого, имѣя всѣхъ женъ сестрами, — чѣмъ устраивается всякое предпочтеніе какой-либо, не по духовному ея достоинству, и льнутіе къ ней по одной ея наружной привлекательности.

Ст. 13. *Додеже прииду, внемли чтенію, утѣшенію, ученію.*

Сказалъ: будь образцомъ во всемъ для пасомыхъ, чтобъ они слушали слово твое и слушались его покорно. Теперь указывать, чѣмъ заниматься должно съ ними, чтобъ назидать ихъ и вести къ совершенству, — именно чтеніемъ, утѣшеніемъ, ученіемъ: *«внемли чтенію* божественныхъ писаній, *утѣшенію* тѣхъ, которые имѣютъ въ томъ нужду, *ученію*, обращенному ко всѣмъ вообще» (св. Злат.). Блаженный Θεодоритъ утѣшеніе и ученіе различаетъ такъ: «ученіе, ничѣмъ не удерживаясь, предлагаетъ разныя наставленія (обще — «ко всему народу». Экум.); а утѣшеніе или ободряетъ унылыхъ, или гнѣвающихся успокоиваетъ совѣтами». Блаженный Теофилактъ, повторяя сіе, къ изъясненію *утѣшенія* прибавляетъ, что оно имѣетъ предметомъ своимъ *«уговореніе и возбужденіе чувствующихъ въ себѣ упадокъ нравственной энергіи»*. Амвросіастъ же пишетъ: «когда кроткимъ словомъ располагаемъ другихъ къ доброму дѣлу, — это есть утѣшеніе;

а когда сокровенное нѣчто (тайинства вѣры) печатлѣемъ въ умахъ слушающихъ, это есть учить».

Что касается до чтенія божественныхъ Писаній, то подѣ нимъ можно разумѣть и чтеніе въ собраніяхъ церковныхъ, и чтеніе домашнее, какъ приготовленіе къ чтенію въ собраніяхъ, и собраніе запаса, откуда почерпать утѣшеніе и ученіе (Амвр.). Отсюда наши толковники извлекаютъ такіе уроки. Св. Златоустъ говоритъ: «Тимоѳею заповѣдуетъ заниматься чтеніемъ. Послушаемъ сего всѣ и научимся не перадѣть объ изученіи божественныхъ Писаній. Не къ одному Тимоѳею это сказано, но ко всѣмъ. Если Апостоль даетъ такіа наставленія тому, кто воскрешалъ мертвыхъ, то что памъ говорить противъ? — И Христось на учителей указываетъ, когда говоритъ, что *подобно есть царствіе небесное чловкку домовиту, иже износитъ отъ сокровища своего новая и ветхая* (Мѣ. 13, 52). Сіе же внушаетъ и бл. Павелъ, когда говоритъ: *да терпніемъ и утѣшеніемъ Писаній упованіе имамы* (Рим. 15, 4). — Онъ и самъ болѣе всѣхъ исполнялъ это. Будучи наставленъ въ законѣ при ногахъ Гамалила, онъ конечно и послѣ того занимался чтеніемъ его. Развѣ не видишь, какъ онъ часто приводитъ свидѣтельства изъ пророковъ и разбираетъ ихъ? Поэтому, если Павелъ занимается чтеніемъ, — ибо не маловажная польза пронистекаетъ отъ Писаній, — то ужели мы будемъ лѣниться и разсѣянно слушать его? — Приложимъ и краткое слово бл. Феодорита: «и треблаженному Тимоѳею, сколько ни былъ онъ духовенъ, учитель повелѣваетъ внимать чтенію. Изъ сего можно дознать, что и намъ надлежитъ привнести отъ себя трудъ для углажденія пути къ пріятію благодати Духа».

Слова: *дондеже приду*, приложены и въ утѣшеніе, что, оставшись одинъ, не долго будешь сиротствовать, — и въ прогнаніе страха при встрѣчѣ недоумѣній, какъбы такъ: встрѣтишь недоумѣніе, — ищи разрѣшенія его въ Писаніи; чего же недоищешься, — я приду скоро и разрѣшу. Бл. Теофилактъ пишетъ: «утѣшаетъ свят. Тимоѳея, сказавъ:

дондеже приду, ибо это давало надежду, что скоро увидить учителя, такъ какъ, осиротѣвши, онъ конечно искалъ сердцемъ Павла. И вотъ еще для чего сказалъ онъ это: такъ какъ св. Тимоѳей, будучи молодъ, многого конечно не зналъ и имѣлъ нужду въ присутствіи учителя, чтобъ узнать то отъ него; то св. Павелъ говоритъ ему: пока приду, читай Писанія, и тамъ найдешь нужныя законоположенія. А когда приду, то передамъ тебѣ и прочее».

Ст. 14. *Не неради о своемъ дарованіи живущемъ въ тебѣ, еже дано тебѣ бысть пророчествомъ съ возложеніемъ рукъ священничества.*

Не неради, стоящее послѣ—*внемли чтенію, утѣшенію и ученію*, даетъ разумѣть, что если онъ не будетъ сего исполнять, то окажется нерадивымъ, и что это нерадіе будетъ нерадіемъ о дарованіи живущемъ въ немъ. Такъ какъ сіе дарованіе очевидно есть дарованіе скопства или пастырства, то слѣдуетъ, что пастырь нерадящій о чтеніи, утѣшеніи и ученіи есть нерадивый пастырь, есть пренебрежитель дара пастырства, ему данаго и въ немъ пребывающаго. Онъ зарываетъ свой талантъ въ землю (Мѳ. 25, 25), или свой мнасъ заворачиваетъ въ тряпку (Лук. 19, 20),—и предается сну. Амвросіастъ пишетъ: «если пастырь народа (вѣрныхъ) нерадитъ о семъ (о чтеніи и проч.), то нерадитъ о данной ему благодати. Ибо за тѣмъ и дѣлается онъ водителемъ народа, чтобъ заботился о спасеніи его, увѣщавая и уча, дабы приносило плодъ поставленіе его въ чинъ сей; такъ какъ Богъ за тѣмъ возвелъ его на сію степень, чтобъ онъ способствовалъ спасенію народа Его. Почему кто сподобяся такого достоинства бываетъ нерадивъ, тотъ презрителемъ Бога почтенъ будетъ и мній наречется въ царствіи небесномъ (Мѳ. 5, 19). Ктому же кто учитъ не заботится, тотъ будетъ ли пещись о томъ, чтобы дѣлать?» —

Въ этомъ и была цѣль, для которой Апостоль сказалъ здѣсь сіе—*не неради о дарованіи*. Онъ хотѣлъ представить побужденіе къ указаннымъ предъ симъ занятіямъ

пастыря по пастырству, давъ разумѣть, что главное дѣло пастыря учить и ученіемъ вести вѣрныя ему души путемъ спасенія. Пастырь неучащій—не пастырь.—Но чтобы еще больше усилить такое побужденіе, Апостоль счелъ нужнымъ напомнить св. Тимоею о томъ, какъ получено имъ такое дарованіе пастырства.

Еже дано тебѣ бысть. Не самъ себѣ присвоилъ, не самъ искалъ и домогался прямо или косвенно,—но дано. Избранъ св. Тимоеей по общему голосу и общему указанію вѣрныхъ. Но избиратель этимъ не удовольствовался, а ждалъ указанія свыше. И оно дано *пророчествомъ*, т.-е. или особымъ откровеніемъ о достоинствѣ избираемаго свят. Павлу, или прореченіемъ о томъ какого-либо изъ пророковъ, обычныхъ тогда въ церкви, или другимъ какимъ указаніемъ свыше. О бывшихъ о св. Тимоееѣ пророчествахъ уже поминалъ св. Павелъ выше,—1, 18. Вѣроятно, это было не разъ. Но здѣсь говорится о томъ, что совершилось въ Ефесѣ. «Пророчество, пишетъ Амвросіастъ, есть указаніе свыше, что избираемый имѣеть быть достойнымъ учителемъ». Почему сказавъ: *пророчествомъ*, Апостоль засвидѣтельствовалъ, что св. Тимоеей рукоположенъ въ епископа «по повелѣнію Свят. Духа» (Θεοφ.). И вообще тогда «епископы были поставляемы по повелѣнію Духа, а не кое-какъ. И то есть особый видъ пророчества, когда свыше указывается на настоящее, какъ тамъ,—въ Антиохіи: *отдѣлите Ми Варнаву и Савла* (Дѣя. 13, 2)». (Экум.). Указаніе свыше о достоинствѣ избираемаго бывало многократно въ церкви; нерѣдко избиравшіе и не рѣшались закончить свое избраніе безъ указанія свыше.

Избраніе — приготовленіе; самое поставленіе въ епископа совершено затѣмъ рукоположеніемъ: *возложеніемъ рукъ священничества*,—του πρεσβυτεριου,—собственно старчества, старѣйшинства, или сонма старцевъ и старѣйшихъ лицъ въ церкви. Изъ такихъ лицъ бывали избираемы священники, и ихъ вѣроятно разумѣеть здѣсь св. Павелъ. Какъ

ихъ въ Ефѣсѣ и около было не мало, то онъ означилъ ихъ всѣхъ общимъ именемъ—*πρεσβυτερῶν*, что послаянски переведено—священничества,—сонма священниковъ. Но какъ же—выходить: священники рукополагаютъ епископа? — Св. Златоустъ отвѣчаетъ: «не о пресвитерахъ (не о священникахъ) говоритъ онъ здѣсь, а объ епископахъ; ибо не пресвитеры рукополагали епископовъ». Такъ и Экуменій съ Θεοφιλακτῶмъ. Но бл. Θεодоритъ пишетъ, что «*священничествомъ* называетъ здѣсь Апостолъ сподобившихся апостольской благодати». И слѣдовательно св. Павелъ разумѣетъ здѣсь только себя самого. Это совершенно согласуется съ тѣмъ, что говоритъ онъ во второмъ къ Тимоею посланіи: *воспоминаю тебѣ возрѣвати даръ Божій живущій въ тебѣ возложеніемъ руку мою* (— 1, 6). Тамъ *даръ* и здѣсь *дарованіе* одно и тоже означаютъ. Слѣдовательно и помянутое *дарованіе* дано возложеніемъ рукъ св. Павла, какъ имѣвшаго апостольскую благодать.—Но въ такомъ случаѣ слово: *священничества* получить не прямой, а переносный смыслъ. Чтобъ удержать прямое значеніе сего слова и вмѣстѣ подъ возложеніемъ рукъ, благодать епископства сообщившимъ, разумѣть возложеніе рукъ св. Павла, а не пресвитеровъ, можно допустить, что въ настоящемъ мѣстѣ возложеніе рукъ священничества было дѣйствительно, но было не какъ совершеніе таинства епископской хиротоніи, а какъ изъясненіе согласія на избраніе, и можетъ быть, даже отдѣльно отъ посвятельнаго возложенія рукъ св. Павла,—прежде, какъ завершеніе избранія указаннаго откровеніемъ свыше. Въ такомъ случаѣ смыслъ всего мѣста будетъ такой: не неради о дарованіи, данномъ тебѣ возложеніемъ моихъ рукъ, по пророчеству, съ согласія всего священства, которое оно изъявило своимъ возложеніемъ рукъ на тебя. Оно дало руки согласія.

Ст. 15. *Въ сихъ поучайся, въ сихъ пребывай, (въ сихъ разумывай): да преспѣяніе твое явлено будетъ во всѣхъ.*

Въ сихъ, — во всемъ сказанномъ ему прежде, то-есть

образъ буди *вѣрнымъ*, и: *внемли чтенію, утѣшенію и ученію*, или даже выше: *питайся словесами вѣры и обучай себя ко благочестію*, по упованію жизни вѣчна. Но можно ограничить широту значенія: *въ сихъ*—преимущественно тѣмъ, что относится къ созиданію себя, какъ пастыря, и къ пастырскому созиданію пасомыхъ. *Поучайся*, — *мелета*, о семъ разсуждай, сіе держи непрестанно въ умѣ и обдумывай, симъ всеусердно будь занятъ.—*Въ сихъ пребывай*,—будь весь въ этомъ, *другое чтобъ* и на умъ не *всходило*, этому одному будь вседушно преданъ. Какъ воинъ весь въ своемъ воинствѣ, художникъ весь въ своемъ искусствѣ, ученный весь въ своей наукѣ: такъ ты будь весь въ своемъ пастырствѣ. Ибо это есть существенное условіе къ тому, чтобы совершеннымъ явиться въ дѣлѣ, какое кто беретъ на себя, или къ какому кто призванъ. Почему Апостоль и прибавляетъ въ слѣдъ за симъ: *да преспыаніе твое явлено будетъ во всѣхъ*.—*Преспыаніе*—успѣхъ, совершенство. *Будетъ*: чтобъ явно было, что ты во всемъ совершенъ, и въ жизни и въ ученіи, или чтобъ *всѣмъ* явно было, что ты совершенъ въ своемъ дѣлѣ и чинѣ, т.-е. пастырствѣ. Такимъ образомъ само собою устроится, что никто о юности твоей *нерадѣть* не будетъ. Экуменій пишетъ: *«преспыаніе* указывается великое; ибо не будь оно очень велико, то и явно не будетъ. Слово же: *во всѣхъ* означаетъ—или *всѣмъ* людямъ, или во *всѣхъ* вещахъ». Дополняетъ сіе Теофилактъ: *«во всѣхъ*, т.-е. не въ жизни только, но и въ словѣ учительскомъ. Смотри, какъ великимъ и дивнымъ желаетъ онъ быть ему даже и въ этомъ!» Слово: *въ сихъ разумывай*—никто не читаетъ изъ нашихъ толковниковъ.

Съ 14-го стиха до конца главы Апостоль предлагаетъ во увѣщаніе къ доброму пастырствованію убѣдительныя представленія:—въ 14-мъ—*не неради о дарованіи*; здѣсь—*да преспыаніе твое явлено будетъ во всѣхъ*; далѣе—*самъ спасешися и послушающіи тебе*. «Смотри, говоритъ св. Златоустъ, какъ пастойчиво побуждаетъ онъ его къ од-

ному и тому же, желая показать, что учителю должно больше всего стараться объ этомъ (т.-е. быть образцомъ и учить)».

Ст. 16. *Внимай себѣ и ученію: и пребывай въ нихъ. Сія бо творя, и самъ спасешия и послушающіи тебе.*

Внимай себѣ и ученію. «То-есть, будь внимателенъ къ себѣ самому и другихъ учи» (св. Злат.). Но объ этомъ ужь говорилось; потому можно полагать, что здѣсь Апостоль имѣлъ въ виду внушить не столько предметъ дѣла, сколько образъ дѣланія. Къ этому предположенію даютъ поводъ употребленные здѣсь глаголы: *επιχευε*, и *επιμενε*. *Επιχευε*, — поимѣй на себѣ. Умъ имѣть на себѣ — внимать себѣ; но можно поимѣть на себѣ и напряженіе воли, или понуждать себя, налегать на себя. Будеть — *επιχευε σεαυτω* — налегай на себя и на ученіе другихъ, не жалѣй труда, пудь себя на жизнь примѣрную и на учительство неустанное. Къ сему же смыслу ближе подходитъ и слѣдующее, — *пребывай въ нихъ. Пребывай*, — *επιμενε*, — съ усиліемъ, прилежаніемъ и терпѣніемъ пребывай въ этомъ, — въ этихъ трудахъ и занятіяхъ по пастырству, не знай усталости. Это же — *επιμενε* — указывать и на воодушевленіе къ терпѣливому труду и усиліямъ, — и надежду на успѣхъ; такъ что — *пребывай въ нихъ* будеть: будь неутомимъ въ трудахъ пастырства, въ чаяніи успѣха спасительнаго плода, о коемъ и говорится тотчасъ.

Сія бо творя, и самъ спасешия и послушающіи тебе. Самъ спасешия; ибо если будешь такъ поступать, то съ тебя уже нечего болѣе и взыскивать, — ты свое дѣло сдѣлаешь, какъ должно, послушаются ли тебя пасомые или нѣтъ. Но Апостоль и болѣе этого обѣщаетъ, именно, что и послушающіе его спасутся. Они непременно пойдуть въ слѣдъ за тобою, и какъ ты, дѣйствуя сказаннымъ образомъ, вѣрно достигнешь спасенія, то и они въ слѣдъ за тобою достигнутъ того же. Кажется, св. Павелъ имѣлъ въ виду особеннѣо выставить на видъ побѣдоносную силу ученія, оправдываемаго и подтверждаемаго жизнью. Въ

такомъ случаѣ, говорить какъбы онъ, никто не устоитъ противъ твоего слова и убѣжденія,—всѣ тебя послушаются, пойдутъ по ученію твоему и примѣру твоему и спасутся. Плодъ же сего на тебѣ отзовется. Амвросіастъ пишетъ: «убѣждаетъ Апостоль, чтобъ св. Тимоеей всѣмъ представлялъ себя образцемъ въ добрыхъ дѣлахъ и былъ образцевымъ въ трудахъ учительства. Преспѣваніе должно быть явлено не въ ученіи только, но и въ дѣлахъ. Ибо какъ древо хорошее творитъ добрые плоды (Мѡ. 12, 17); такъ и ученіе хорошее злыхъ плодовъ имѣть не можетъ. Когда видны добрыя дѣла, то слушающіе, убѣждаясь, что это есть плодъ добраго ученія, не могутъ не получить пользы отъ ученія. Ибо то, что предлагается въ словѣ ученія, всегда сознается истиннымъ и пріемлется со страхомъ и благоговѣнствомъ, если видно, что все то благоговѣнно соблюдается тѣмъ, кто учитъ. Такимъ образомъ добрый пастырь народа двоякій получить плодъ — и за свои добрыя дѣла и за спасеніе пасомыхъ,—послушающихъ его; напротивъ если онъ будетъ нерадивъ, то и за себя и за нихъ дастъ отчетъ Богу».

Епископъ Теофанъ.

ДѢЯТЕЛЬНЫЯ И БОГОСЛОВСКІЯ ГЛАВЫ

ПРЕПОДОБНАГО СИМЕОНА НОВАГО БОГОСЛОВА.

Въ переводѣ съ новогреческаго Преосвященнѣйшаго епископа Теофана.

89) Какъ если невѣста, разгнѣвавшись по тому случаю, что женихъ замедлилъ въ отлучкѣ, или, будучи занятъ другими дѣлами, отложилъ на время совершеніе брака, презреть любовь его и брачный договоръ или изгладить или раздереть; то вмѣстѣ съ симъ тотчасъ лишается и всѣхъ надеждъ, столь многое обѣщавшихъ ей отъ жениха: такъ обыкновенно бываетъ и съ душою. Ибо когда кто изъ подвижающихся, сказавъ себѣ: доколѣ же долженъ я злострадать (терпѣть всякія лишенія)?—вознебрежетъ о подвижническихъ трудахъ и подвигахъ, и чрезъ нерадѣніе о заповѣдяхъ и оставленіе всегдашняго покаянія какъбы изгладить и раздереть свои съ Господомъ условія: то вмѣстѣ съ симъ тотчасъ лишается и залога обрученія (благодати) и совершенно теряетъ всякую надежду на Бога.

90) Какъ невѣста, обративъ къ другому любовь, какою обязана къ обрученному съ нею жениху, и начавъ жить съ нимъ явно или тайно, не только не получаетъ ничего изъ обѣщаннаго ей женихомъ, но должна ожидать и достойнаго наказанія и позора по закону: такъ тоже бываетъ и съ нами. Ибо если какая душа явно или тайно преложитъ любовь къ жениху Христу на возлюбленіе какого-либо другаго предмета и сердце ея будетъ завладѣно имъ, то бывасть ненавистна и омерзительна Жени-

ху и недостойна сочетанія съ Нимъ. Ибо Онъ сказалъ: *Азъ любящія Мя люблю* (Притч. 8, 17).

91) По такимъ признакамъ каждому надлежитъ распознавать, получилъ ли онъ обрученіе Духа отъ Жениха и Владыки Христа. Если получилъ, да тщится держать сіе и хранить; а если еще не сподобился получить, да потщится посредствомъ дѣлъ благихъ, благопотребныхъ дѣланій и теплаго покаянія поскорѣе получить его и потомъ сохранять дѣланіемъ заповѣдей и приумноженіемъ добродѣтелей.

92) *) Обрученіе Святаго Духа неизъяснимо и для того, кто стяжалъ его, такъ какъ оно постигается непостижимо, держится недержимо, видится невидимо; живетъ, глаголетъ и движетъ того, кто стяжалъ его; отлетаетъ изъ таинницы, въ коей пребываетъ запечатлѣннымъ, и опять обрѣтается тамъ неожиданно, чѣмъ образуетъ убѣжденіе, что оно какъ присѣщенія своего не дѣластъ утвержденнымъ однажды навсегда, такъ отшествія своего—невозвратнымъ, послѣ котораго уже не возвратилось бы. Такимъ образомъ стяжавшій его, и когда не имѣетъ его (присущимъ осязательно), есть какъбы имѣлъ его, и когда имѣетъ его, въ такомъ находится расположеніи, какъбы не имѣлъ его.

93) Какъ если, когда стоитъ кто въ домѣ будто ночью при дверяхъ и окнахъ, со всѣхъ стороуцъ заключенныхъ, отворить одно какое окно, то свѣтъ внезапно обдастъ его блестящимъ сіяніемъ, и онъ, не вынося такого сіянія, тотчасъ закрываетъ очи свои, закутывается и прячется: такъ и когда душа, заключенная отвсюду въ чувственное, выглянетъ какъ-нибудь умомъ своимъ, какъ сквозь окно, во вѣ-чувственное и облистается сіяніемъ сущаго внутри ея обрученія Св. Духа, то не вынося блистанія божественнаго испокровеннаго свѣта, тотчасъ трепетать начинаетъ умомъ своимъ, вся прячется въ саму себя и убѣ-

*) Нѣтъ въ Добротолюбіи, 90—94.

гаеть какъбы въ домъ какой, подъ покровъ чувственнаго и человѣческаго.

94) *Ввяжетъ ли кто оми въ нѣдра*, говоритъ премудрый Соломонъ, *ризь же своихъ не сожжетъ ли* (Притч. 6, 27)? А я говорю: кто, пріавъ внутрь сердца своего непокровенный небесный огонь Духа Святаго, не возгорится и не облистается, не возсіяетъ и не возымѣетъ облистаній Божества, въ мѣру своего очищенія и воспріятія огня? Ибо воспріятіе огня идетъ вслѣдъ за очищеніемъ сердца, и опять очищеніе сердца идетъ вслѣдъ за воспріятіемъ огня,—т.-с. сколько очищается сердце, столько пріемлетъ и божественной благодати; и опять сколько пріемлетъ оно благодати, столько и очищается. Когда же завершится сіе (т.-с. и очищеніе сердца и пріятіе благодати достигнуть совершенства и полноты), тогда человѣкъ весь всецѣло бываетъ богъ по благодати.

95) *) Какъ въ домѣ кровля держится на основаніи съ прочимъ зданіемъ, а основаніе (съ прочимъ зданіемъ) кладется для держанія кровли,—поелику то и другое необходимо и благопотребно,—и ни кровля обыкновенно не устрояется безъ основанія (съ прочимъ зданіемъ), ни основаніе (съ прочимъ зданіемъ) безъ кровли не составляетъ жилища гожаго для жизни: такъ и въ душѣ благодать Святаго Духа блюдетъ исполненіемъ заповѣдей, а исполненіе заповѣдей полагается, какъ основаніе для полученія дара благодати Божіей, и ни благодать Святаго Духа обыкновенно не остается въ насъ безъ исполненія заповѣдей, ни исполненіе заповѣдей Божіихъ не бываетъ благопотребно и полезно безъ благодати Божіей.

96) Какъ домъ безкровный, оставленный такимъ по нерадѣнію здателя, не только негожь ни къ чему, но еще служить въ посмѣшище здателью: такъ и положившій основаніе исполненіемъ заповѣдей и стѣны высокихъ добродѣтелей воздвигшій, если не получить и благодати

*) Въ Добротолубіи 83.

Святаго Духа съ видѣніемъ и ощущеніемъ того душевнымъ, несовершенъ есть и составляетъ предметъ сожалѣнія для совершенныхъ. А лишень же благодати бываетъ таковой по слѣдующимъ двумъ причинамъ: или потому, что пренебрегъ покаяніемъ, или потому, что возмалодушествовавъ предъ полнымъ стяжаніемъ добродѣтелей, какъ дѣломъ безмѣрно великимъ, оставилъ нѣкоторыя изъ нихъ, которыя, однакожь, хотя кажутся намъ маловажными, но существенно необходимы для полного устроенія и окончанія дома добродѣтелей, такъ какъ невозможно, чтобъ безъ нихъ домъ сей покровень былъ благодатию Святаго Духа.

97) Если Сынъ Божій и Богъ для того спизшелъ на землю, чтобъ посредничествомъ Своимъ примирить съ Отцемъ Своимъ насъ, сущихъ враговъ Ему, и съ Собою сочетать насъ осязательно, посредствомъ Святаго и единосущнаго Духа своего; то липающійся такой благодати, какую другую получить? Всекопечю таковой ни съ Тѣмъ (Отцемъ) не примирился, ни съ Симъ (Сыномъ) не имѣеть сочетанія благодатию Св. Духа.

98) Содѣлавшійся причастнымъ божественнаго Духа отъ страстныхъ похотей и сластей избавляется, а отъ естественныхъ потребностей тѣлесныхъ не освобождается. Почему какъ освободившійся отъ узъ страстнаго похотѣнія, вкусившій безсмертной славы и сладости и сочетавшійся съ нею понуждается непрестанно возноситься горѣ и съ Богомъ пребывать, не позволяя себѣ даже на мгновение отступить отъ созерцанія Его и ненасытнаго Имъ наслажденія; а какъ связанный тѣломъ и тлѣніемъ, отторгается имъ отъ горняго, влечется долу и возвращается къ земному. Тогда такая бывасть у него печаль о семъ (разлученіи съ горнимъ), какую, полагаю, испытываетъ душа грѣшника, разлучающаяся съ тѣломъ.

99) Какъ для тѣлолюбиваго и жизнелюбиваго, для сластолюбиваго и міролюбиваго разлученіе съ сими предметами его любви есть смерть: такъ для любителя чистоты

и Бога, невещественнаго и добродѣтели воистину смерть есть даже малое отступленіе отъ нихъ сердцемъ. Ибо если видящій чувственный свѣтъ, когда смежить очи свои самъ, или другой кто закроетъ ему ихъ, тяготится, скорбитъ и долго сносить этого не можетъ, особенно если онъ смотрѣлъ на предметы нужные и дивныя,—не тѣмъ ли паче просвѣщаемый Духомъ Святымъ и видящій ясно, въ видѣніи на яву и мысленно, въ бодрственномъ состояніи и во снѣ, тѣ блага, которыхъ око не видало, о которыхъ ухо не слышало, которыя на сердце человѣку не всходили, и въ которыя сами Ангелы Божіи желаютъ проникнуть, будетъ печалиться и скорбѣть, если чѣмъ нибудь будетъ отторгнуть отъ созерцанія ихъ? Ибо это праведно кажется ему смертію и отчужденіемъ отъ жизни вѣчной.

100) Одни ублажаютъ пустышную жизнь, другіе общезительную, третьи начальственную, чтобъ предстоять народу, вразумлять его и учить и устроить церкви, отъ которыхъ обыкновенно многіе питаются и душевно и тѣлесно. Я же не желалъ бы предпочтеніе дать никакой изъ нихъ предъ другими, ни сказать, что та достойна похвалы, а эта—порицанія. Во всякомъ образѣ жизни, преблагенна жизнь, во всѣхъ дѣлахъ и дѣяніяхъ ведомая для Бога и по Богу.

101) Какъ обыкновенная жизнь человѣческая строится и течетъ подъ взаимодѣйствіемъ разныхъ житейскихъ предпріятій, мастерствъ и искусствъ, — то-есть, одинъ одно, другой другое дѣлаетъ и приноситъ другимъ на potreбы, и такимъ образомъ, другъ другу передавая и другъ отъ друга принимая, живутъ люди, удовлетворяя естественныя свои тѣлесныя потребности: такъ то же самое можно видѣть и въ духовной жизни,—одинъ одну добродѣтель проходить, другой другую,—одинъ такой путь жизни избираетъ, а другой—другой, но всѣ вмѣстѣ текутъ къ единой цѣли, другъ другу содѣйствуя.

102) Цѣль всѣхъ по Богу живущихъ есть—благоуго-

дѣть Христу Богу нашему и примириться съ Богомъ Отцемъ чрезъ пріятіе Святаго Духа,—и такимъ образомъ устроить свое спасеніе: ибо въ этомъ состоитъ спасеніе всякой души. Если этого нѣтъ у насъ (въ цѣли и дѣйстви), то тщетенъ всякій другой трудъ и сущно всякое другое дѣланіе наше.—Безполезенъ всякій путь жизни, не ведущій къ сему того, кто течетъ по нему.

103) Оставившій міръ весь и въ гору удалившійся на безмолвіе,—и оттуда тщеславно пишущій къ сущимъ въ мірѣ, однихъ ублажая, другимъ ласканія и похвалы расточая, подобеспъ тому, кто, разведшись съ женою, блудною, непотребною и всезлобною, и отшедши на страну далеко, чтобъ изгладить и самую память о ней, забылъ потомъ о сей цѣли, для которой удалился на страну—въ гору,—и пишетъ съ вожделѣніемъ къ тѣмъ, которые обращаются съ тою женою, или прямѣе сказать, оскверняются, и ублажаетъ ихъ. Таковой хотя тѣломъ не оскверняется, но сердцемъ и умомъ всячески оскверняется, какъбы сочувствуя тѣмъ произволеніемъ въ ихъ связи съ тою женою.

104) Сколько живущіе среди міра и очищающіе чувства и сердца свои отъ всякой грѣховной похоти, достойны похвалы и ублаженія; столько же живущіе въ горахъ и пещерахъ и вожделѣвающіе похвалъ и ублаженій отъ людей достойны порицанія и отверженія. Таковыя предъ Богомъ, испытующимъ сердца, равны прелюбы творящимъ. Ибо страстно желающій, чтобъ его жизнь, имя и дѣла слышны были въ мірѣ, любодѣйствуетъ отъ Бога, по образу древняго народа Іудейскаго, какъ говоритъ Давидъ.

105) Съ несомнѣнною къ Богу вѣрою отрешійся міра и всего, что въ мірѣ, вѣруетъ, что милостивый и щедрый Господь пріемлетъ приходящихъ къ Нему въ покаяніи,—и вѣдая, что Онъ рабовъ своихъ чрезъ безчестіе возводитъ къ чести, чрезъ крайнюю нищету обогащаетъ ихъ, чрезъ поношенія и униженія прославляетъ, чрезъ

смерть содѣлываетъ наслѣдниками и причастниками жизни вѣчной,—посредствомъ ихъ (т.-е. безчестья, нищеты, и проч.) усиливается тещи, какъ слепь жаждущій, къ безсмертному источнику, и по нимъ восходить къ горнему, какъ по лѣствицѣ,—по коей Ангелы восходятъ и нисходятъ на помощь восходящимъ, а Богъ возсѣдитъ вверху ся, ожидая нашихъ посильныхъ трудовъ и усилій, не потому чтобъ Ему радостно было видѣть насъ трудящимися, но потому, что, человѣколюбивъ будучи, желаетъ награду намъ даровать, будто долгъ.

106) Богъ не попускаетъ тѣмъ, которые всеусердно текутъ къ Нему, совсѣмъ ниспасть (съ той лѣствицы); но, видя ихъ изнemoгающими, содѣйствуетъ имъ и помогаетъ, простирая къ нимъ свыше руку силы своея и къ Себѣ возводя,—содѣйствуетъ и явно и неясно, и вѣдомо и невѣдомо,—пока они, прошедши всю лѣствицу, къ Нему самому приближатся, и всецѣло съ Нимъ соединясь, забудутъ все земное, съ Нимъ сопребывая тамъ и сожительствуя,—аще въ тѣлѣ, аще ли кромѣ тѣла, не вѣмъ,—и неизреченныхъ наслаждаясь благъ.

107) Праведно есть *прежде* игу заповѣдей Христовыхъ подклонить намъ выи свои, ни въ сторону не уклоняясь, ни вспять не возвращаясь и не отставая, но право и усердно шествуя въ нихъ даже до смерти; паче и паче обновляя себя и повымъ воистину дѣлая себя Божиимъ раемъ, пока со Отцемъ Сынъ чрезъ Духа Святаго внидетъ и станетъ обитать въ насъ. И тогда уже, когда такимъ образомъ стяжемъ Его себѣ жителемъ и учителемъ,—тогда кому изъ насъ повелитъ Онъ (взять на себя какое служеніе), и кому какое служеніе ввѣритъ, тому оно и да вручится; и онъ да ведетъ его такъ, какъ сіе благоугодно Богу. Но прежде времени не слѣдуетъ сего служенія искать, не слѣдуетъ и принимать его, когда даютъ его люди (сами отъ себя), но падлежитъ пребывать въ заповѣдяхъ Владыки нашего и Бога и ожидать повелѣнія Его (взять на себя какое служеніе).

108) Если,—послѣ того, какъ вѣрено намъ будетъ служеніе въ божественныхъ вспахъ, и мы потрудимся въ немъ достохвально,—направлены мы будемъ Духомъ перейти на другое служеніе, или дѣланіе, или дѣло,—да не сопротивляемся. Ибо Богъ не хочетъ ни того, чтобъ мы были праздны, ни того, чтобъ оставались на одномъ и томъ же дѣланіи, съ котораго начали; но хочетъ, чтобъ преуспѣвая, все болѣе и болѣе подвигались къ достиженію лучшаго, не своею однакожь, по Божіею руководясь въ семь волею.

109) Старающійся умертвить свою волю, долженъ творить волю Божію,—вмѣсто своей воли вводить въ себя волю Божію, насаждать и внѣдрять ее въ сердце свое. И при этомъ тщательно смотрѣть, прорастаетъ ли насаждаемое и внѣдряемое, пустивъ въ глубь корни; если проросло и дало стволъ, то стволъ сей, будучи надрѣзанъ для принятія прививка, сросся ли съ симъ прививкомъ и сталъ ли въ одно съ нимъ дерево; затѣмъ выросъ ли прививокъ, разцвѣлъ ли и далъ ли плодъ прекрасный и сладкій,—чтобъ не невѣдомы были ему и земля, прежде пріявшая въ себя сѣмя, и корень, на которомъ глубоко утвердилось сіе непостижимое и неизреченное живоносное растеніе. (Перифразъ; мѣсто очень темно).

110) Кто страха ради Божія отсѣкаетъ свою волю, тому Богъ, невѣдомо для него, такъ что онъ не знаетъ, какъ то бываетъ, даруетъ свою волю) и содѣлываетъ ее неизгладимою въ сердцѣ его, открывая при семь очи сердца его, чтобъ онъ позналъ ее (т.-е. что это Божія воля), и силу подавая исполнять ее. Творить же сіе благодать Святаго Духа, а безъ нея ничего не бываетъ.

111) Если ты получилъ прощеніе всѣхъ своихъ грѣховъ, просто ли только чрезъ таинство покаянія и исповѣди, или съ пріятіемъ при семь и святой ангельской схимы; то какой любви, какого благодаренія и смиренія должно быть сіе для тебя источникомъ,—что, будучи достоинъ безчисленныхъ мукъ, ты не только избавленъ отъ

этого, но еще удостоиваешься сыноположенія, славы и царства небеснаго?

Обращая сіе въ умъ своемъ и всегда помня, будь готовъ и преднастройся къ тому, чтобъ не обезчестить собою Сотворшаго тебя и почтившаго и безчисленныя простившаго тебѣ согрѣшенія, но всеми дѣлами своими прославить его и почтить,—чтобъ и Онъ тебя, почтеннаго Имъ паче всякой видимой твари (въ твореніи), еще паче почтилъ въ воздаяніе за то (во благодати),—и другомъ своимъ искреннимъ наименовалъ тебя.

112) Сколько душа честнѣе тѣла, столько разумный человекъ лучше и выше всего міра. Не на великость существъ въ мірѣ твореній смотри, чтобъ ради того думать, будто они честнѣе тебя, человекъ; но на данную тебѣ благодать возврѣтъ, и достоинство умной и славной души своей уразумѣвъ, прославляй въ пѣсняхъ Бога, почтившаго тебя паче всего видимаго.

113) Будемъ смотрѣть и умудряться, какъ прославить Бога. Прославляется же Онъ нами не иначе, какъ такъ, какъ прославленъ былъ Сыномъ. Но чѣмъ Сынъ прославилъ Отца своего, тѣмъ и Самъ прославленъ былъ отъ Отца. Будемъ и мы дѣлать тоже (что Сынъ) со тщаніемъ, чтобъ тѣмъ прославить Отца нашего, иже есть на небесахъ, благоволившаго такъ наименоваться, и отъ Него быть прославленными славою Сына, которую имѣлъ Онъ у Него прежде міръ не бысть. Это суть—крестъ, или умертвіе всему міру, скорби, искушенія, и другія страсти Христовы,—которыя перенося съ полнымъ терпѣніемъ, подражаемъ мы Христовымъ страстямъ и прославляемъ тѣмъ Отца нашего и Бога, какъ сыны Его по благодати и сонаслѣдники Христовы.

114) Душа, не освободившаяся совершенно отъ мірскихъ навыковъ и пристрастія къ видимымъ вещамъ, въ самыхъ чувствахъ и расположеніяхъ сердца своего не можетъ безпечально переносить приключающихся ей печалей и находящихъ на нее напраслинь и искушеній отъ

демоновъ и людей. Но, какъ узами связанная пристрастіемъ къ человѣческимъ вещамъ, уязвляется ущербомъ въ деньгахъ, тяжкою поражается скорбію отъ потери вещей и сильно болѣзнуеть о наносимыхъ тѣлу ея ранахъ.

115) Кто отторгъ душу свою отъ пристрастія и привязанности къ чувственному и тѣснымъ союзомъ сочеталъ ее съ Богомъ, тотъ не только равнодушенъ будетъ къ сущимъ около его деньгамъ и вещамъ, и терпя потерю въ нихъ будетъ безпечаленъ, какъбы онѣ были не его, а чужія, но и самому тѣлу его причиняемыя боли будутъ переносить съ радостію и подобающимъ благодареніемъ, видя всегда, по слову божественнаго Апостола, что когда *внѣшній человекъ тлѣетъ, внутренній обновляется по вся дни* (2 Кор. 4, 16). Иначе же съ радостію переносить скорби по Богу невозможно. Потребны для сего вѣдѣніе совершенное и мудрость духовная,—которыхъ лишенный всегда ходитъ во тмѣ безнадежія и невѣдѣнія, не имѣя никакой возможности видѣть свѣтъ терпѣнія и утѣшенія (молитвы).

116) Всякій мнящійся быти мудрымъ, потому что прошелъ всѣ науки и свѣдуещъ во внѣшней мудрости, никогда не сподобится проникнуть въ тайны Божіи и увидѣть ихъ, если прежде не смирится и не сдѣлается въ чувствахъ сердца своего буимъ, вмѣстѣ съ самоувереніемъ отвергая и приобрѣтенную ученость. Ибо кто такъ поступаетъ и съ колеблющеюся вѣрою послѣдуетъ мужамъ мудрымъ въ божественныхъ вещахъ, тотъ, будучи ими руководимъ, вмѣстѣ съ ними входитъ въ градъ Бога живаго, и Духомъ Святымъ наставляемый и просвѣщаемый, видитъ и познаетъ то, чего никто изъ другихъ людей видѣть и познать не можетъ. Такъ дѣлается онъ богонаученнымъ.

117) Богонаученныхъ ученики мудрыхъ вѣка сего людей почитаютъ буими, между тѣмъ какъ сами воистину суть буи и наострились только по внѣшней премудрости объюродѣвшей, которую, по божественному Апо-

столу, *обуй Бог* (1 Кор. 1, 20) и богословный гласъ призналъ *земною, душевною, бѣсовскою, исполненною рвенія и зависти* (Іак. 3, 15). Таковыя, будучи внѣ божественнаго свѣта, не могутъ видѣть чудесъ, находящихся въ немъ, и тѣхъ, которые, водворяясь въ семь свѣтѣ, видятъ чтò въ немъ и поучаютъ тому, почитаютъ прельщенными, между тѣмъ какъ сами прельщены и никогда не вкушали божественныхъ благъ.

118) И нынѣ есть и среди насъ возвращаются люди, безстрастные, святые и исполненные божественнаго свѣта, которые такъ умертвили уды свои, сущіе на земли, отребивъ ихъ отъ всякой нечистоты и всякаго страстнаго похотѣнія, что не только сами отъ себя не помышляютъ дѣлать что-либо худое, но и когда влекутъ ихъ къ тому другіе, не терпятъ никакого измѣненія въ присущемъ имъ безстрастіи. Ихъ узнали бы и тѣ, которые презрительно объ нихъ относятся и не вѣрятъ имъ, когда они поучаютъ о божественныхъ вещахъ въ премудрости Духа, еслибъ добрѣ разумѣли божественныя словеса, каждоедневно ими читаемыя и поемыя. Ибо еслибъ они знали совершенно божественное Писаніе, то вѣровали бы обѣщаннымъ намъ отъ Бога и дарованнымъ благамъ. Но какъ они непричастны сихъ благъ, за свое самомнѣніе и нерадѣніе, то оуждаютъ и тѣхъ, которые сподобились причастія ихъ и учатъ о нихъ, не вѣря имъ.

Примѣч. Такъ въ греч. Добротолюбіи. Въ новогреческомъ эта глава перифразирована такъ: «Тѣ, которые говорятъ, что во времена сіи нѣтъ ни одного безстрастнаго, и не вѣрятъ тѣмъ, которые, въ премудрости Духа, ведутъ бесѣды о божественныхъ вещахъ, еслибы понимали божественныя слова, какія каждоедневно читаютъ и поютъ, узнали бы, что и нынѣ есть безстрастные, святые и исполненные божественнымъ свѣтомъ, и живутъ среди насъ, отребивъ себя отъ всякой нечистоты и всякаго страстнаго похо-

тѣнія,—такъ что не только сами отъ себя не помышляютъ дѣлать что-либо худое, но и когда другой кто влечетъ ихъ къ тому, не терпятъ никакого измѣненія въ безстрастіи, которое въ нихъ. Но тѣ, не зная Писаній, говорятъ, что нынѣ нѣтъ никого такого. Ибо еслибъ разумѣли, какъ должно, божественное Писаніе, то вѣрили бы тѣмъ благамъ, которыя Богомъ намъ обѣщаны и дарованы. Но какъ они непрічастны такихъ благъ, по причинѣ самомнѣнія и нерадѣнія своего, то не вѣря имъ, оуждаютъ и оклеветываютъ тѣхъ, которые сдѣлались причастными ихъ и учатъ о нихъ.

119) Исполненные благодати Божіей и совершенные въ вѣдѣніи и премудрости, которая свыше, для того только желаютъ ходить въ міръ и видѣть сущихъ въ немъ, чтобъ напоминаніемъ о заповѣдяхъ Божіихъ расположить ихъ къ добродѣланію и чрезъ то дать случай заслужить награду нѣкую,—если конечно послушаютъ ихъ, возьмутъ въ толкъ и убѣдятся. Такъ какъ они, не Божіимъ водимы будучи Духомъ, во тмѣ ходятъ и не знаютъ куда идутъ, и преуспѣваютъ ли въ какихъ заповѣдяхъ; то (во благодати живущіе идутъ къ нимъ съ показанными напоминаніями въ желаніи и надеждѣ) не воспримутъ ли они когда-нибудь истиннаго ученія Святаго Духа, воспрянувъ отъ обдержашаго ихъ самомнѣнія, и искренно, а не съ притворствомъ и самохвальствомъ, внявъ волѣ Божіей, не покаются ли, чтобъ исполнивъ ее, содѣлаться причастными какого-либо дарованія духовнаго. Если же не случится имъ быть виновниками такой для посѣщаемыхъ мірянъ пользы; то они, плача объ ожесточеніи и ослѣпленіи сердець ихъ, возвращаются въ свои келліи, и начинаютъ день и ночь молиться о спасеніи ихъ. Ибо о другомъ чемъ не печалются съ Богомъ непрестанно пребывающіе и преисполненные всякаго блага.

120) Какая цѣль воплощеннаго домостроительства Бога

Слова, которая во всемъ божественномъ Писаніи проповѣдуется, по которой мы, читая сіе Писаніе, не знаемъ? Не другая какая, какъ та, чтобъ приобщившись тому, что наше, сдѣлать насъ причастными того, что есть Его. Сынъ Божій для того содѣлался сыномъ человѣческимъ, чтобы насъ человѣковъ содѣлать сынами Божиими, возводя родъ нашъ по благодати въ то, что самъ Онъ есть по естеству, раждая насъ свыше благодатию Святаго Духа, и тотчасъ вводя насъ въ царство небесное, или, лучше сказать, даруя намъ имѣть сіе небесное царствіе внутри насъ (Лук. 17, 21), чтобъ мы, не надеждою только внити въ него питаеся, но уже въ обладаніи имъ бывъ введены, взывали: *животъ нашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Богъ* (Кол. 3, 3).

121) Крещеніе не отъемлетъ самовластиа и самоприволенія нашего, но даруетъ намъ свободу отъ тиранства діавола, который не можетъ уже болѣе противъ воли нашей властвовать надъ нами. По крещеніи въ нашей уже состоитъ волѣ, или пребывать самоохотно въ заповѣдахъ Того, въ Кого крестились, Христа, Владыки и Бога, и ходить путемъ повелѣній Его, или уклоняся отъ праваго пути сего, опять возвратиться къ діаволу, противоборцу и врагу нашему.

122) Тѣ, которые, по святомъ Крещеніи, повинуются хотѣніямъ лукаваго и угодное ему творять, отчуждаютъ себя отъ святыхъ ложеснъ святаго Крещенія, по сказанному Давидомъ; *отчуждишася грѣшницы отъ ложеснъ* (Пс. 57, 4). Ибо каждый изъ насъ не измѣняется или не прелагается изъ естества, какъ созданъ, въ другое. Но бывъ созданъ отъ Бога благимъ (ибо Богъ ничего злаго не сотворилъ), и пребывая непреложнымъ по естеству и существу, какъ созданъ, что свободною своею волею произволяетъ и желаетъ, то и дѣлаетъ, доброе ли то, или злое. Ибо какъ ножъ, на зло ли кто его употребляетъ, или на добро, не прелагается изъ своего естества въ другое, но остается желѣзомъ по естеству: такъ и

человѣкъ дѣйствуетъ и содѣваетъ, какъ сказано, что хочетъ, но изъ естества своего не выступаетъ.

123) Не то спасаетъ, если кто однажды и одному кому окажетъ милость, хотя то, если кто и одного презритъ, повиннымъ дѣлаетъ огню вѣчному. Ибо—*взмахся и возжадается*—сказано не про одинъ случай, и не про одинъ день, но указываетъ на всю жизнь. Равнымъ образомъ—*напитасте, напоисте, одѣясте*, и прочее что слѣдуетъ, не на однократное дѣло указываетъ, но на всегдашнее и въ отношеніи ко всѣмъ. Христосъ Господь и Богъ нашъ исповѣдалъ, что Онъ такую милость самъ пріемлетъ отъ рабовъ своихъ (въ лицѣ нуждающихся).

124) Кто подалъ милостыню сотнѣ нуждающихся, но, могши дать и другимъ, накормить и напоить многихъ,—отказалъ умолявшимъ его и вопіявшимъ къ нему, тотъ будетъ судимъ отъ Христа, какъ не напитавшій Его. Потому что и въ этихъ всѣхъ Онъ есть тотъже самый, котораго питаемъ мы въ каждомъ изъ бѣдныхъ.

125) Кто нынѣ всѣмъ нуждающимся все потребное для тѣла доставилъ, тотъ, если завтра, имѣя возможность тоже сдѣлать, вознрадитъ о нѣкоторыхъ братіяхъ и оставить ихъ умирать съ голода, жажды и холода, — того самага оставилъ умирать, того самага презрѣлъ, Кто сказалъ: *понеже сотвористе единому сихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Мѡ. 25, 40).

126) Того ради Господь благоволилъ воспріять лице каждаго бѣднаго и каждому бѣдному Себя ушодобилъ, чтобъ никто изъ вѣрующихъ въ Него не возносился надъ братомъ своимъ, но чтобъ каждый, видя въ братѣ своемъ Бога своего, почиталъ себя меньшимъ и худшимъ брата своего, какъ есть меньше Сотворшаго его, и какъ Сего, принималъ его и чтилъ, и въ помощь ему готовъ былъ истощить все имѣніе свое, какъ Христосъ и Богъ нашъ истощилъ кровь свою для спасенія нашего.

127) Кому повелѣно имѣть ближняго своего, какъ самого себя, тотъ конечно не одинъ день, но всю жизнь

свою долженъ имѣть его таковымъ. Также и тотъ, кому заповѣдано давать всякому просящему, заповѣдь имѣть всю жизнь свою поступать такъ. Равно какъ и отъ желающаго, чтобъ другіе дѣлали ему добро (всегда разумѣется), требуется, чтобъ онъ и самъ тоже дѣлалъ для другихъ.

128) Такъ какъ имѣющій ближняго своего какъ самого себя, не можетъ дозволить себѣ имѣть что больше ближняго; то если кто, имѣя, не раздаетъ независтно, пока и самъ не сдѣлается бѣднымъ и не уподобится ближнимъ своимъ, тотъ не оказывается точнымъ исполнителемъ заповѣди Владычней. Равнымъ образомъ (не оказывается) хотящимъ давать всякому просящему тотъ, кто, имѣя хоть грошъ или кусокъ хлѣба, отошлетъ ни съ чѣмъ просящаго у него,—или не дѣлая самъ для ближняго, чего тотъ желаетъ, (отошлетъ) чтобъ сдѣлалъ для него это другой кто. Такимъ образомъ, и тотъ, кто всякаго бѣднаго и нищаго кормилъ, поилъ, одѣвалъ и все другое для него дѣлалъ, а презрѣлъ только одного и объ одномъ понерадѣлъ,—и этотъ сочтенъ будетъ презрѣвшимъ Христа Бога, алчущаго и жаждущаго.

129) *) Какъ иные заключаютъ Христа Господа въ одномъ бѣдномъ, тогда какъ Онъ нераздѣльно раздѣляется, и есть весь во всякомъ бѣдномъ? Предположимъ теперь въ умѣ своемъ, что сто бѣдныхъ суть, какъ одинъ Христосъ,—ибо Христосъ совершенно нераздѣльно пребываетъ. Кто потому далъ по монетѣ девяносто девяти бѣднымъ, а одного разбранилъ, прибилъ и выгвалъ ни съ чѣмъ, кому тотъ, думаешь, сдѣлалъ это? Конечно самому Христу, который сказалъ, говорить и всегда будетъ говорить: *понеже сотвористе единому снхъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Мѡ. 25, 40).

130) Изъ сказаннаго видно, что Господь себѣ усвоиваетъ и принимаетъ за сдѣланное собственно для

*) Сего нѣтъ въ Добротолюбіи.

Него самого, что сдѣлано для бѣдныхъ братій нашихъ. И слово Господа: *Мнѣ сотвористе*, не ограничивается только тѣми, къ которымъ мы немилостивы были, ни тѣми, которыхъ онеправдовали, или которыхъ собственностію покорыстовались, или которымъ надѣлали всякаго рода другихъ золь, но заключаетъ и тѣхъ, которыхъ мы презрѣли. И этого одного достаточно къ нашему осужденію; потому что презирая ихъ, мы презираемъ самого Иисуса Христа.

131) *) Можетъ быть это всѣмъ покажется тяжелымъ, и они потому сочтутъ благословнымъ говорить въ себѣ: кто можетъ до точности все это исполнить, чтобы всѣхъ удовольствовать и напитать, и отнюдь никого изъ нихъ не оставить неудовлетвореннымъ? Но да послушаютъ они Павла, который ясными взываетъ словами: *любви Христова обдержитъ насъ суждшихъ сіе* (2 Кор. 5, 14).

132) Какъ главныя заповѣди объемлютъ всѣ заключающіяся въ нихъ частныя заповѣди, такъ и главныя добродѣтели заключаютъ въ себѣ всѣ частныя объемлемыя ими добродѣтели. Продавшій, напримѣръ, все свое и раздавшій то бѣднымъ, и сдѣлавшійся самъ бѣднымъ, заразъ исполнилъ всѣ частныя, относящіяся сюда, заповѣди. Почему не имѣеть уже нужды просящему давать, и отъ хотащаго заяти у него неотвращаться. Такимъ же образомъ и непрестанную стяжавшій молитву, въ семь единомъ исполненными имѣеть всѣ заповѣди о молитвѣ,—и не состоитъ уже подъ необходимостію седмирицею въ день хвалить Господа, или въ вечеръ, завтра и полудне, какъ исполненными уже имѣющій въ себѣ всѣ молитвы, какими молимся мы и какія поемъ, по уставу, въ опредѣленные времена и часы. Равно, сознательно имѣющій въ себѣ дающаго вѣдѣніе чловѣкамъ Бога, все прошелъ святое Писаніе,—и какъ плодъ, собралъ всю могущую отъ чтенія его произойти пользу,—и не имѣеть уже нужды

*) Доброт. 117.

въ чтеніи книгъ. Ибо какую будетъ имѣть въ семь нужду тотъ, кто стаявъ собесѣдникомъ себѣ Того, Кто вдохновлялъ писавшихъ божественныя Писанія, имѣетъ печатлѣемыми въ себѣ отъ Него неизреченности сокровенныхъ тайнъ? Напротивъ онъ самъ будетъ для другихъ вдохновенною книгою, носящею новыя и древнія тайны, написанныя перстомъ Божиимъ въ немъ, какъ совершившемъ все и почившемъ въ Богѣ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, — что есть верхъ совершенства.

133) Бывающее во время сна истеченіе отъ многихъ обычно происходитъ причинъ: отъ чревоустройства, отъ тщеславія, и отъ зависти бѣсовъ. Но бываетъ и отъ долгаго бдѣнія, вслѣдствіе котораго тѣло разнѣживается во снѣ, и отъ страха, когда страшится кто, какъ бы не пострадать сего, или ради божественной литургіи, которую имѣетъ совершать, будучи іереемъ, или ради св. причастія (къ коему готовится, будучи простымъ братомъ). Съ занятымъ такими помыслами на одрѣ своемъ, съ боязнію, какъ бы сего не пострадать, бываетъ, что онъ лишь только заснетъ, какъ страждетъ то: что самое такъ же происходитъ по зависти демоновъ. — И вотъ еще что бываетъ: иной увидитъ днемъ красивое лицо и нарисуетъ его въ мысли, потомъ отходитъ ко сну съ блудными помыслами, по разслабленію не отогнавъ ихъ, и подпадаетъ истеченію во снѣ, а иногда и незаснувши еще, лежа на одрѣ. Бываетъ и такъ: сидятъ иные нерадивые, подобно мнѣ, и разговариваютъ о страстныхъ движеніяхъ, страстно или безстрастно; потомъ и отходя ко сну, возвращаютъ такіе образы въ умъ своемъ и засыпаютъ въ сочетаніи съ ними; во снѣ и подвергаются сказанной неприятности; можетъ же быть, что еще во время бесѣды одинъ изъ нихъ пріялъ вредъ отъ другаго. Почему внимать должно самимъ себѣ всегда, и поучаться въ словѣ Пророка: *предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да неподвижуся* (Пс. 15, 8), — и слухъ заграждать отъ таковыхъ словесъ. Иные нерѣдко подвергались

плотскимъ движеніямъ, когда упразднѣлись отъ молитвы (оставляли молитву), какъ мы показали и въ главѣ о молитвѣ.

134) *) Ни къ тому, кто богословствуетъ, не идетъ покаяніе, ни къ тому, кто кается, не идетъ богословствованіе. Ибо сколько отстоитъ востокъ отъ запада, столько богословіе выше покаянія. Кто находится въ состояніи покаянія и воистину творитъ дѣла покаянія, тотъ себя имѣетъ, какъ человѣкъ больной, день за днемъ проживающій среди разнемоганій, или какъ бѣдный, одѣтый въ рубища и просящій милостыню. А кто богословствуетъ, тотъ походитъ на человѣка, который проводитъ время въ царскихъ палатахъ, въ свѣтломъ царскомъ уборѣ, всегда находится близъ царя, бесѣдуетъ съ нимъ и отъ него самого слышитъ ясно повелѣнія его и все, чего онъ хочетъ (разумѣется состояніе созерцація,—а не научное богословствованіе).

135) Умноженіе познанія Бога бываетъ причиною умаленія знанія всего другаго. Т.-е. чѣмъ больше кто познаетъ Бога, тѣмъ больше оскудѣваетъ въ знаніи всего прочаго. И не только это (бываетъ съ нимъ), но онъ все больше и больше приходитъ въ сознаніе, что не знаетъ и самого Бога. Обиліе возсіянія Его въ духѣ бываетъ совершеннымъ Его невидѣніемъ, и выше чувства воспаряющее чувство—нечувствіемъ всего того, что внѣ. И какъ можетъ быть и называться чувствомъ такое чувство, которое не знаетъ, что такое есть, каково и гдѣ есть то, въ чемъ оно пребываетъ, и узнать то, или понять совершенно не можетъ? Да и какъ возможно, чтобъ подлежало чувству то, чего око не видало, о чемъ ухо не слыхало и что на сердцѣ человѣку не виходило?

*) Съ сей главы до главы 182 включительно, въ Добротолубіи нѣтъ. Слѣдующія за предыдущею главы Добротолубія,—120—152—займствованы изъ главъ Симеона, духовнаго отца его, которыя помѣщаются вслѣдъ за симъ.

136) Дарующій намъ то, что выше чувства, даетъ намъ благодатію Святаго Духа и другое чувство выше чувства, чтобъ мы имъ чувствовали чисто и ясно дары Его и дарованія, кои выше чувства.

137) Кто глухъ къ слову Бога, тотъ глухъ и ко всякому гласу Его; какъ напротивъ кто слышитъ слова Бога, тотъ слышитъ (способенъ слышать) ихъ всѣ (всякія слова Божія), и никого онъ не слышитъ, кромѣ тѣхъ, которые говорятъ слова свои (поученія) благодатію Слова, и не ихъ слышитъ онъ, но только слово, которое безгласно говорится голосомъ ихъ.

138) Когда ты долу — въ земномъ, тогда не изслѣдуй того, что горѣ, т.-е. небснаго; и восходя горѣ, прежде, чѣмъ достигнешь верха, не любопытствуй дольняго, чтобъ поскользнувшись не упасть, или лучше сказать, чтобъ не оставаться долу (мняся восходить горѣ).

139) Кто обогатился небеснымъ сокровищемъ,—разумѣю, пришествіемъ и вселеніемъ въ него Христа, Который сказалъ: *Азъ и Отецъ придемъ и обитель у него сотворимъ* (Ин. 14, 23), тотъ знаетъ знаніемъ душевнымъ (опытно, сознаниемъ, чувствомъ), какую получилъ радость, коликое и каковое сокровище имѣетъ въ царскихъ сокровищницахъ сердца своего. Бесѣдуя съ Богомъ, какъ другъ съ другомъ, съ дерзновеніемъ стоитъ онъ предъ лицомъ Того, Кто обитаетъ въ немъ во свѣтѣ неприсутномъ.

140) Кто вѣруеть тому, что я сказалъ, тотъ блаженъ. Кто дѣятельно подвизается посредствомъ священныхъ подвиговъ достигнуть вѣдѣнія о томъ (опытно познать то), тотъ треплаженъ. Кто посредствомъ дѣланія и созерцанія достигъ высоты такого состоянія и какъ сынъ дошелъ до самаго Бога, тотъ, чтобъ не сказать нѣчто большее, есть Ангель.

141) Какъ тотъ, кто стоитъ на берегу моря, видитъ безмѣрную пучину водъ, но предѣла ихъ не достигаетъ зрѣніемъ, а видитъ только малую нѣкую часть ихъ: такъ

и тотъ, кто сподобился чрезъ созерцаніе узрѣть безмѣрное море славы Божіей и видѣть мысленно самаго Бога, видитъ умными очами Бога и бездну славы Его, не всю, сколько ея есть, но лишь столько, сколько сіе возможно для него.

142) Какъ тотъ, кто находится близъ моря, не только видитъ его, но и въ самыя воды его входитъ, сколько хочеть: такъ бываетъ и духовно (съ достигшими совершенства духовнаго), что они, когда хотятъ, входятъ въ свѣтъ Божій и созерцаютъ его и причащаются его сознательно въ мѣру подъятыхъ трудовъ, усилій и желательныхъ стремленій.

143) Какъ тотъ, кто стоитъ на берегу моря, пока находится внѣ воды, все видитъ вокругъ и обозрѣваетъ пространство моря; когда же начнетъ входитъ внутрь воды и погружаться въ нее, тогда чѣмъ больше сходитъ въ нее, тѣмъ больше ничего не видитъ внѣ ся: такъ и тѣ, которые сдѣлались причастными божественнаго свѣта, чѣмъ болѣе преуспѣваютъ въ познаніи Бога, тѣмъ въ большее, соотвѣтственно тому, приходятъ невѣдѣніе (все-го, что внѣ Бога).

144) Какъ тотъ, кто входитъ въ воду моря по колѣно или до пояса, ясно видитъ все, находящееся внѣ воды; а когда низойдетъ въ глубь и станетъ весь подъ водою, ничего уже не можетъ видѣть, что внѣ,—и одно только знаетъ то, что онъ весь во глубинѣ моря: тоже бываетъ и съ тѣми, кои возрастаютъ въ духовномъ преспѣяніи и восходятъ въ совершенствѣ вѣдѣнія и созерцанія.

145) Преспѣвающіе въ духовномъ совершенствѣ, когда просвѣщаются, или осіяваются въ умѣ, тогда видятъ мысленно славу Господа и научаемы бывають мысленно божественною благодатію вѣдѣнію за вѣдѣніемъ, восходя отъ созерцанія сущаго къ познанію того, что воистину есть выше всего сущаго.

146) Приближающіеся къ совершенству, видя только еще отчасти безпредѣльность (духовныхъ вещей) и соз-

навая непостижимость того, что видятъ, удивляются и приходятъ въ изумленіе; а чѣмъ болѣе входятъ они, невѣдомо какъ, въ свѣтъ вѣдѣнія, тѣмъ болѣе сознаютъ свою немощь. То, что является имъ нѣкоторымъ образомъ примрачно, показываетъ себя какъбы зеркаломъ въ гаданіи, и отчасти осіявая умъ, мыслящій о томъ, когда благоволитъ явить себя въ большемъ свѣтѣ и соединиться по причастію съ тѣмъ, кто имъ освѣщается, вовлекая всего его въ себя, такъ что онъ бываетъ весь во глубинѣ Духа, какъбы въ глубинѣ безмѣрныхъ свѣтлыхъ водъ,—тогда онъ восходитъ неизъяснимо въ совершенное невѣдѣніе, какъ вступившій туда, гдѣ все выше вѣдѣнія.

147) Умъ вашъ, будучи простъ, когда обнажится отъ всякаго сторонняго помышленія и выдетъ въ простой свѣтъ Божій, тогда, будучи объятъ и сокрытъ весь симъ свѣтомъ, не можетъ уже встрѣтить ничего кромѣ того свѣта, въ коемъ находится, чтобъ подвигнуться къ помышленію о томъ, но пребываетъ внутри божественнаго свѣта, не бывая попускаемъ посмотреть вовнѣ. И сіе-то показываетъ изреченіе: Богъ свѣтъ есть и свѣтъ высочайшій; почему когда бываетъ сказанное выше, тогда послѣдуетъ успокоеніе (почтіе) всякаго созерцапія.

148) Тогда приснодвижный умъ становится недвижимымъ и немыслящимъ,—безъ мыслей,—когда весь покроеся божественнымъ облакомъ и свѣтомъ, пребывая однакожь въ сознательномъ созерцапіи и чувствѣ и вкушая тѣ блага, среди коихъ находится. Глубины Святаго Духа не таковы, какъ глубины воды морской; но онѣ суть живая вода вѣчной жизни. Все, что находится тамъ, въ глубинахъ Святаго Духа, непостижимо и неизъяснимо. Умъ входитъ внутрь того, послѣ того какъ минуетъ все видимое и мысленное, и среди тѣхъ непостижимыхъ вещей недвижно движется и вращается, живя паче жизни въ жизни, будучи свѣтомъ во свѣтѣ, и не свѣтомъ, поколику есть самъ въ себѣ. Тогда онъ видитъ не себя

самого, но того, Кто есть выше его, и будучи измѣняемъ мысленно отъ тамошней славы, становится совѣмъ незнающимъ себя самого.

149) Достигшій въ мѣру совершенства бываетъ мертвъ и немертвъ, а живущъ паче жизни въ Богѣ, съ коимъ пребываетъ, такъ какъ онъ не живетъ болѣе самъ по себѣ, какъ говоритъ Апостолъ: *живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20). Бываетъ онъ такъ же слѣпъ и не слѣпъ; онъ смотритъ не естественными очами, такъ какъ сталъ выше всякаго естественнаго зрѣнiя, получивъ новыя очи, несравненно лучшiя естественныхъ очей, коими и смотритъ выше естества. Бываетъ бездѣйственъ и недвижимъ, какъ исполнившій всякое собственное дѣйствiе. Бываетъ немыслящъ, какъ содѣлавшій едино съ тѣмъ, Кто выше всякой мысли, и почившій тамъ, гдѣ пѣтъ мѣста дѣйствiю ума, — т.-е. движенiю его въ воспоминанiи, или помыслѣ, или размышленiи. Не имѣя возможности постигнуть и познать непостижимое и дивное, онъ нѣкоторымъ образомъ опочиваетъ на семъ совершеннымъ почитемъ, онимъ недвиженiемъ блаженнаго нечувствiя, т.-е. не любопытно наслаждаясь неизъяснимыми благами, съ чувствомъ однакожь вѣрнымъ и опредѣленнымъ.

150) Кто не сподобился достигнуть въ такую мѣру совершенства и проникнуть до такихъ благъ, тотъ пусть винитъ себя одного, а не говоритъ въ извиненiе, что это дѣло невозможно, или что бываетъ въ насъ совершенство, такое однакожь, о которомъ мы и не знаемъ. Удостоверяемъ будучи божественнымъ Писанiемъ, да вѣдаетъ онъ, что дѣло сіе возможно, и въ истинный своей силѣ бываетъ въ дѣйствительности, и совершается завѣдомо съ сознаниемъ его; но по причинѣ неисполненiя и нарушенiя заповѣдей Божiихъ всякой собственно самъ себя лишаетъ такихъ благъ, соотвѣтственно своей неисправности.

151) Богъ отъ начала сотворилъ два міра, видимый

и невидимый, и царя надъ видимымъ, который носить въ себѣ характеристическія черты обоихъ міровъ—одного въ своей видимой части, а другаго въ части мысленной,—въ душѣ и тѣлѣ. Въ этихъ мірахъ сіяютъ и два солнца,—это видимое, и другое—мысленное. И что есть для видимаго и чувственнаго солнце, то есть для невидимаго и мысленнаго Богъ, Который есть и именуется солнцемъ правды. Чувственный міръ и все, что въ немъ, освѣщается чувственнымъ симъ и видимымъ солнцемъ; а міръ мысленный и тѣ, которые находятся въ немъ, освѣщаются и осіяваются мысленнымъ солнцемъ правды. И чувственное освѣщается чувственнымъ солнцемъ, а мысленное—мысленнымъ раздѣльно, особо одно отъ другаго, такъ какъ несмѣшаны и неслияны между собою ни мысленное съ чувственнымъ, ни чувственное съ мысленнымъ.

152) Изъ всего видимаго и мысленнаго только одинъ человекъ созданъ отъ Бога двоякимъ. У него есть тѣло составленное изъ четырехъ стихій, чувство и дыханіе,—и душа мысленная, невещественная, нетѣлесная, соединенная неизреченно и неизслѣдованно, срастворенная неслиянно, и сочетанная несмѣсно съ тѣмъ, что есть въ тѣлѣ. И вотъ что есть человекъ,—животное смертное и бессмертное, видимое и невидимое, чувственное и мысленное, способное видѣть видимое твореніе, и познавать мысленное. Какъ два солнца раздѣльно дѣйствуютъ каждое на свой міръ, такъ раздѣльно дѣйствуютъ они и на каждую сторону человека: одно освѣщаетъ тѣло, а другое душу, и каждое подаетъ изъ собственнаго своего свѣта соотвѣтствующей себѣ сторонѣ или богато или скудно, сколько можетъ вмѣстить освѣщаемый.

153) Чувственное солнце видимо, но не видитъ; мысленное же солнце и зримо бываетъ достойными, и само зреть всѣхъ, паче же тѣхъ, которые на него смотрятъ. Чувственное солнце не говоритъ и никому не даетъ силы и способности говорить; мысленное же солнце и само

говорить друзьямъ своимъ, и всѣмъ даетъ способность и силу говорить. Чувственное солнце, свѣтя на чувственный садъ, изсушаетъ только теплотою лучей своихъ сырость земную, а не насыщаетъ и не ботитъ растений и сѣмяпъ; мысленное же солнце когда возсіяетъ въ душѣ, оба сіи оказываетъ дѣйствія: изсушаетъ сырость страстей, очищая вмѣстѣ скверноту и зловоніе, происходящія отъ нихъ, и сообщаетъ мысленной землѣ души удобреніе (жирною дѣлаетъ), т.-е. божественную благодать, кою будучи насыщаемы произрастенія добродѣтелей, мало-помалу возрастаютъ въ довольствѣ.

154) Чувственное солнце восходя освѣщаетъ чувственный міръ, и все, чтò въ немъ, людей, звѣрей и прочее все, надъ которыми одинаково простираетъ свѣтъ свой, царствуетъ въ полдень, затѣмъ опять скрывается, оставляя во тмѣ тѣ мѣста, надъ которыми свѣтило. Солнце мысленное возсіявъ, всегда свѣтитъ, невмѣстно вмѣщаясь все во всемъ, и вмѣстѣ отособляясь отъ тварей своихъ и неотдѣлимо отдѣльно пребывая отъ нихъ,—будучи все во всемъ и не будучи нигдѣ въ тваряхъ своихъ исключительно (такъ чтобы не быть въ другихъ мѣстахъ). Оно—все въ видимомъ и все въ невидимомъ,—все всюду присуще и нигдѣ—все, исключительно.

155) Христось есть начало, середина и конецъ. Онъ есть и въ первыхъ и въ среднихъ и въ послѣднихъ,—и какъ есть въ первыхъ, такъ и во всѣхъ. Для Него нѣтъ разности между сими, какъ *нѣтъ* у Него *ни варваръ, ни скивъ, ни Еллинъ, ни Иудей, но всяческая и во всѣхъ Христось* (Гал. 3, 28).

156) Святая любовь, проникая всѣхъ отъ первыхъ до послѣднихъ, отъ головы до ногъ, всѣхъ съ собою сочетаваетъ, сдѣпляетъ, связываетъ и единитъ, и дѣлаетъ ихъ крѣпкими и непоколебимыми. Будучи познаваема, она открывається каждому изъ нихъ одною и тоюже. Она есть Богъ, съ Коимъ и послѣдніе бывають первыми, и первые, какъ послѣдніе.

157) Какъ мысленные чины небесныхъ Силь освѣщаются Богомъ по порядку, такъ что божественное свѣтолитіе проникаетъ изъ перваго чиноначалія во второе, изъ этого въ третье и такъ во есѣ: такъ и святые, будучи освѣщаемы святыми ангелами, связуемы и соединяемы союзомъ Святаго Духа, дѣлаются равночестными съ ними и подобными имъ. Затѣмъ святые, — которые являются изъ рода въ родъ, отъ времени до времени, послѣ святыхъ, предшествовавшихъ имъ, — посредствомъ исполненія заповѣдей Божіихъ прицѣпляются къ нимъ, — къ тѣмъ прежнимъ, и получая благодать Божію, осіяваются подобно имъ, — всѣ же послѣдовательно составляютъ такимъ образомъ нѣкую златую цѣпь, каждый будучи особымъ звеномъ сей цѣпи, соединяющимся съ предыдущимъ посредствомъ вѣры, добрыхъ дѣлъ и любви, — цѣпь, которая, утверждаясь въ Богѣ, неудоборазрываема есть.

158) Кто не изволяетъ со всею любовію и желаніемъ въ смиренномудріи соединиться съ самымъ послѣднимъ (по времени) изъ всѣхъ святыхъ, имѣя къ нему нѣкое невѣріе, тотъ никогда не соединится и съ прежними, и не будетъ вчиненъ въ рядъ предшествовавшихъ святыхъ, хотя бы ему казалось, что онъ имѣетъ всю вѣру и всю любовь къ Богу и ко всѣмъ святымъ. Онъ будетъ изверженъ изъ среды ихъ, какъ не изволившій въ смиреніи стать на мѣсто, прежде вѣкъ опредѣленное ему Богомъ, и соединиться съ тѣмъ послѣднимъ (по времени) святымъ, какъ предопредѣлено сіе ему Богомъ.

159) Сколько хочетъ Богъ быть нами познаннымъ, столько открывається, — и сколько откроется, столько зримъ бываетъ и познавається достойными. Но сподобиться сего и испытать сіе никто не можетъ, если прежде не соединится съ Духомъ Святымъ, стяжавъ напередъ трудами и потоми сердце чистое, простое и сокрушенное.

160) Какъ тотъ, кто станетъ предлагать уроки по реторикѣ и философіи изучающему лишь азбуку, не только никакой не принесетъ ему пользы, но отвратить его и

отъ того, что онъ проходитъ и сдѣлаеть, что онъ забудеть выученное; потому что умъ его не вмѣщаетъ предлагаемыхъ ему учений: такъ и тотъ, кто толкуеть о послѣднихъ степеняхъ совершенства новоначальнымъ и особенно болѣе лѣнливымъ изъ нихъ, не только не принесеть имъ пользы, но еще сдѣлаеть, что они возвратятся вспять. Потому что какъ взглянуть они на высоту добродѣтели и увидятъ, какъ далеко отстоятъ отъ вершины ея, то, подумавъ, что имъ никакъ невозможно взойти на верхъ ея, бросають и тѣ немногія добрыя дѣла, которыя начали уже дѣлать, какъ бесполезныя, и погружаются въ безнадежіе.

161) Которыхъ держать въ своей власти и надъ которыми господствуютъ страсти, тѣ,—когда услышать, что совершенный по Богу человекъ почитаеть себя нечистымъ паче всякаго человека, всякаго животнаго и всякаго звѣря, — и что онъ, будучи безчестенъ, радуется, будучи злословимъ благословляетъ и хвалить, будучи гонимъ терпитъ, и со слезами и болѣзнію сердечною молить Бога о врагахъ своихъ,—во первыхъ не вѣрятъ всему этому, почитая и выставляя себя подобными имъ; потомъ, будучи обличаемы божественнымъ Писаніемъ и опровергаемы святыми, показавшими все сіе на самомъ дѣлѣ, сознаются, что не могутъ достигнуть въ такую мѣру совершенства; а когда услышать, что если они не стануть такъ поступать, то и спастися не могутъ, тогда, не желая отстать отъ грѣховныхъ навыковъ и покаяться, въ чемъ согрѣшили, впадаютъ въ безнадежіе.

162) Гдѣ глубокое смиреніе, тамъ и слезы обильныя; а гдѣ есть сіе, тамъ есть и присѣщеніе Святаго Духа; когда же придетъ благодать поклоняемаго Духа, тогда въ томъ, кто начинаетъ быть подѣ дѣйствіемъ Его, является всякая чистота и святость,—тогда онъ зреть Бога, и Богъ призираетъ на него. Ибо Господь говоритъ: *на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго, и трепещущаго словесъ моихъ* (Ис. 66, 2).

163) Человѣкъ можетъ побѣждать страсти, но не можетъ ихъ искоренить. Онъ получилъ власть не дѣлать зла, но не и не помышлять о немъ. Благочестіе же настоящее состоитъ не въ томъ только, чтобъ не дѣлать зла, но чтобъ и не помышлять о немъ. Кто помышляетъ о злѣ, въ томъ нѣтъ чистоты. Ибо какъ можетъ быть чисто сердце у того, кто оскверняется нечистыми помыслами, какъ зеркало затемняется пылью?

164) Чисто сердце, я полагаю, у того, кто не только не бываетъ тревожимъ и тяготимъ какою либо страстію, но и не помышляетъ даже ни о чемъ худомъ, или мірскомъ, хотя бы и хотѣлъ того, и одну память о Богѣ держать въ себѣ съ неудержимою любовію. Ибо око души, умъ, когда ничто не мѣшаетъ его созерцанію, чисто въ чистомъ свѣтѣ видитъ Бога.

165) Безстрастіемъ почитаю я то, когда кто не только удаляется отъ дѣйствованія по влеченію страстей, но чуждъ бываетъ и самой похоти ихъ; и не это только, но когда умъ его обнаженъ отъ самаго помышленія о нихъ и свободно возносится превыше небесъ, какъ ни захочетъ, заходя за предѣлы всего видимаго и чувственнаго, какъбы чувства его были совсѣмъ закрыты, и умъ превиталъ въ области выше чувственной, имѣя однакожь съ собою и чувства, какъ орелъ имѣетъ свои перья (въ выси при себѣ).

166) Ни умъ безъ чувства не проявляетъ своихъ дѣйствій, ни чувство безъ ума.

167) Сердце чисто есть и называется то, которое не находитъ въ себѣ никакого помышленія, или помысла мірскаго, но все прилѣплено къ Богу и сочетано съ Нимъ такъ, что не вспоминаетъ уже ничего мірскаго, ни печальнаго, ни радостнаго, но превитаетъ въ созерцаніи, возносясь до третьяго неба, восторгаясь въ рай и видя наслѣдіе благъ, обѣтованныхъ святымъ; примѣнительно къ чему представляетъ потомъ, сколько возможно сіе для немощи человѣческой, и блага вѣчныя. Вотъ что служатъ

знаменіемъ чистоты сердечной и вѣрнымъ признакомъ, по которому всякій можетъ опредѣлить мѣру своей чистоты, и видѣть себя какъ въ зеркалѣ.

168) Какъ тотъ, кто находится внѣ дома, не видитъ тѣхъ, которые заперты въ домѣ, такъ и тотъ, кто распялся и умеръ міру, не имѣетъ никакого чувства о вещахъ и дѣлахъ міра.

169) Какъ мертвое тѣло не имѣетъ никакого чувства ни къ живымъ тѣламъ, ни къ мертвымъ, лежащимъ вмѣстѣ съ нимъ; такъ и изшедшій изъ міра благодатию Святаго Духа и сущій съ Богомъ, не имѣетъ чувства къ міру, ни пристрастія къ вещамъ міра, хотя подлежатъ потребностямъ тѣла.

170) Бываетъ смерть прежде смерти физической, и прежде воскреснія тѣлъ бываетъ воскресеніе душъ, — дѣломъ, опытомъ, силою и истиною. Ибо когда смертное мудрованіе уничтожается бессмертнымъ умомъ и мертвенность изгоняется жизнію, тогда душа, какъбы воскресшая изъ мертвыхъ, узрѣваетъ чисто себя саму, какъ узрѣваютъ себя пробудившіеся отъ сна, и познаетъ истинно Бога, ее воскресившаго, о Комъ помышляя, и Коего благодаря, выходитъ она за предѣлы чувствъ и всего міра, преисполненная неизреченной сладости, и тѣмъ заставляетъ утихнуть всякое мертвенное движеніе.

171) Иное вносится (въ жизнь спасительную) нами самими, иное подается намъ Богомъ. Чѣмъ больше мы очищаемся посредствомъ собственныхъ нашихъ трудовъ и священныхъ потовъ, тѣмъ болѣе свѣтимся божественнымъ свѣтомъ, тѣмъ болѣе очищаемся собственными слезами нашими, принося отъ себя слезы и вмѣсто ихъ получая отъ Бога свѣтъ сокрушенія.

172) Многіе, привнося собственное свое, не получали того, что обыкновенно подается Богомъ. Это явно изъ того, что сдѣлали и что пострадали Каинъ и Исавъ. Ибо если кто не привнесетъ своего съ правымъ помысломъ, съ благочестнымъ расположеніемъ, съ вѣрою и великимъ

смирениемъ; то нельзя чтобы Богъ призрѣлъ на него милостиво и принялъ приносимое имъ, а не принявши сего, нельзя, чтобы далъ вмѣсто того и то, что обыкновенно Имъ подается въ такомъ случаѣ.

173) Мертвъ для святыхъ міръ и люди міра. Почему, какъ мірскіе видя не видятъ добрыхъ дѣлъ святыхъ мужей, и слыша не могутъ нисколько понять божественныхъ словесъ, предлагаемыхъ имъ благодатию Святаго Духа, такъ и духовные и святые мужи не могутъ видѣть лукавыхъ дѣлъ лукавыхъ мірскихъ людей, и понять страстныхъ рѣчей ихъ,—т.-е. и они, видя не видятъ что въ мірѣ и слыша о томъ, что касается мірскихъ людей, находятся въ такомъ божественномъ состояніи и расположеніи, какъбы не слышали то, по неимѣнію къ тому чувства. Такимъ образомъ не бываетъ никакого общенія ни у духовныхъ съ мірскими, ни у мірскихъ съ духовными.

174) Какъ явно раздѣленіе свѣта и тмы и смѣшеніе ихъ невозможно: *кое бо общеніе свѣту ко тмѣ, или какъ часть вѣрны съ невѣрными* (2 Кор. 6, 14. 15): такъ такое же бываетъ раздѣленіе одного съ другимъ, и въ тѣхъ, кои имѣютъ Святаго Духа, и въ тѣхъ, кои не имѣютъ Его. Ибо духоносцы имѣютъ житіе свое на небесахъ, сдѣлавшись изъ людей болѣе ангелами, а эти (неимѣющіе Духа) сидятъ еще во тмѣ прародительской и въ сѣни смерти, прикованные къ землѣ и земному. И тѣ освѣщаются обильно мысленнымъ невечернимъ свѣтомъ, а эти только чувственнымъ; тѣ видятъ и себя самихъ и ближнихъ,—а эти, видя каждый день и себя самихъ и ближнихъ умирающими душевною смертію, не знаютъ и не вѣрятъ, что есть воскресеніе мертвыхъ, судъ и воздаяніе каждому по дѣламъ его.

175) Имѣешь ли ты Духа Святаго, это можешь ты вѣрно узнать изъ дѣйствій Его въ тебѣ, какъ говоритъ о семъ св. Павелъ, — что *идѣ Духъ Господень, тамъ свобода* (2 Кор. 3, 17),—и что тамъ *плоть убо мертва грѣха ради, духъ же живетъ правды ради* (Рим. 8, 10),—что *уже*

Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми (Гал. 5, 24). Ибо крестившіеся въ Духъ Святомъ облеклись во всего Христа, стали сынами свѣта и ходятъ въ невечернемъ свѣтѣ, видя міръ не видятъ и слыша мірское не слышатъ. Какъ о плотскихъ людяхъ написано, что они видя не видятъ, и слыша о божественныхъ вещахъ не разумѣютъ того и не могутъ вмѣстить духовнаго, потому что оно кажется имъ буйствомъ: такимъ же образомъ разсуждай и объ имѣющихъ въ себѣ Духа, что они хотя носятъ тѣло, но не плотяны суть, какъ говоритъ Апостоль: *вы есте во плоти, но въ Дусѣ, понеже Духъ Божій живетъ въ васъ* (Рим. 8, 9). Они мертвы для міра и міръ мертвъ для нихъ, какъ онъ же говоритъ о нихъ въ своемъ лицѣ: *мнѣ міръ распяся и азъ міру* (Гал. 6, 14).

176) Какъ человѣкъ двоякъ, состоя изъ души и тѣла: такъ и міръ, подобно ему, двоякъ—видимый и невидимый, и въ каждомъ изъ нихъ свои особыя идутъ дѣла, по духу каждаго, и свои заботы о дѣлахъ. Тоже нахожу я и въ видѣніяхъ и снахъ. Чѣмъ душа занята и о чемъ разглагольствуетъ наяву, о томъ мечтаетъ или философствуетъ она и во снѣ: или проведши весь день въ заботахъ о дѣлахъ человѣческихъ, объ нихъ же суетится она и въ сновидѣніяхъ, или поучавшись все время въ вещахъ божественныхъ и небесныхъ, въ видѣніе ихъ входитъ и во время сна и умудряется видѣніями, по пророку: *юноши ваши видѣнія узрятъ* (Иоил. въ Дѣян. 2, 17). И не прельщается ложными сновидѣніями, но сновидитъ истинное и поучается откровеніями.

177) Когда желательная часть души движется на страсти, утѣхи, наслажденія и удовольствія міра сего, тогда душа видитъ и сны, подобныя сему. И опять, когда раздражительная часть души озвѣряется и разсвирѣпѣваетъ противъ однородныхъ себѣ людей, тогда и въ сновидѣніяхъ видятся нападенія звѣрей и пресмыкающихся, войны и брани, споры и бой въ судахъ съ тѣми, съ коими состоятъ въ раздорѣ. Когда же умовая часть души на-

дымаются въ тщеславіи и гордости, тогда во снѣ мечтаются воспаренія на воздухъ на крыльяхъ, или возсѣданія на высокихъ креслахъ судей и властителей народныхъ, торжественные выходы и встрѣчи, и т. п.

178) У тѣхъ только бываютъ истинныя во снѣ видѣнія (ихъ не слѣдуетъ называть снами, а видѣніями),—которыхъ умъ благодатію Святаго Духа сдѣлался простъ и свободенъ отъ всякаго давленія со стороны страстей и отъ рабства имъ,—у которыхъ вся забота и попеченіе о божественномъ и все помышленіе о будущихъ наградахъ и воздаяніяхъ,—которыхъ жизнь выше жизни живущихъ, беспопечительна, не развлеченна, тиха, чиста, исполнена милости, мудрости, небснаго вѣдѣнія и другихъ плодовъ благихъ, воздѣлываемыхъ въ нихъ Духомъ Святымъ; у тѣхъ же, кои не таковы, сны ложны и беспорядочны, и все въ нихъ обманъ и прелесть явная.

179) Кто дѣлаетъ мертвою волю свою, тотъ всконечно дѣлается безвольнымъ, не имѣющимъ воли; изъ живыхъ же и самодвижныхъ тварей нѣтъ ни одной безвольной, кромѣ неимѣющихъ чувства и движенія. Растенія движутся нѣкакo внутри и возрастаютъ; но не говорится, что они дѣлаютъ это движеніе и возрастаніе по естественной волѣ своей, потому что они бездушны. Но всякая воодушевленная тварь имѣетъ и естественную волю. Итакъ кто умертвить волю свою подвигомъ и особымъ направленнымъ къ тому вниманіемъ и тщаніемъ, и сдѣлается безвольнымъ, тотъ очевидно вышелъ изъ естества своего и сталъ внѣ его, и ничего уже не хочетъ собственнымъ хотѣніемъ своимъ, и ничего не дѣлаетъ самъ, ни добраго ни худаго.

180) Изъ тѣхъ, которые сподобились содѣлаться едино съ Богомъ, соединясь съ Нимъ содѣйствіемъ Святаго Духа, и вкусить неизреченныхъ благъ Его, никто не услаждается пустою, скажу — безчестною и ничтожною славою, приносимою ему отъ людей; не вождѣлвуетъ онъ такъже ни денегъ, ни одеждъ дорогихъ, ни камней мно-

гоцѣнныхъ, какъ пазываютъ ихъ люди неразумные; не любить прилѣплять сердца своего, или пристрастіе имѣть и къ богатству, текущему и непостоянному, переносающемуся отъ одного къ другому; — не любить и того, чтобъ знаему быть царямъ и начальствующимъ, которые не суть поистинѣ начальники, властители господственные, будучи обладаемы и господствуемы многими страстями; онъ и не почитасть ихъ за что либо великое и высокое и не думаетъ, чтобъ они особою какою облакали славою тѣхъ, кои близкими становятся къ нимъ; не желаетъ быть близкимъ и къ другому кому изъ именитыхъ и славныхъ въ мірѣ семъ, какъ никто не желаетъ изъ богатаго сдѣлаться бѣднымъ, или изъ властнаго начальника, великаго и славнаго сдѣлаться безчестнымъ, безславнымъ, презрѣннымъ, низшимъ всѣхъ.

181) Тому, кто много говорить устами въ молитвѣ своей, не удобно сознавать все, чтò говорить; но кто молится немногословно, тотъ можетъ сознавать, чтò говорить въ молитвѣ. Тѣмъ, которые не все сознаютъ хорошо, чтò говорятъ, положено много говорить; тотъ же, кто научился сознавать, чтò говорить въ молитвѣ, не можетъ говорить много, чтобъ не разсѣиваться умомъ. Нѣтъ нужды много говорить къ Богу, но немного съ разумнымъ сознаниемъ того, т.-с. чтобъ понимаемо было то. Впрочемъ молиться съ разумнымъ сознаниемъ никакъ невозможно, не сдѣлавшись причастникомъ Духа Святаго. Если кто не содружится съ Богомъ чрезъ Господа Иисуса Христа во Святомъ Духѣ, то душа его не можетъ молиться съ разумнымъ сознаниемъ, какъ сказалъ одинъ изъ великихъ отцевъ: то, силою чего мы молимся, какъ должно, есть Духъ Святой. Итакъ кто думаетъ, что молится настоящимъ образомъ безъ Духа Святаго, тотъ и прославляя Бога пѣснословно, тоже что хулить Его, поколику нечистъ есть и не содружился еще съ Богомъ.

182) Какъ тотъ, кто всегда смотритъ на солнце чувственное, и нехотя претерпѣваетъ измѣненіе въ зрѣніи,

т.-е. начинаетъ смотрѣть иначе, потому что не можетъ ничего другаго изъ видимаго видѣть, а во всемъ видитъ одно солнце: такъ и тотъ, кто умомъ своимъ и сердцемъ всегда смотритъ на умное солнце правды, — и нехотя претерпѣваетъ измѣненіе въ умномъ зрѣніи, потому что онъ ничего уже изъ земнаго вообразать не можетъ, но во всемъ видитъ единаго Бога.

183) *) Спросили однажды святаго и блаженнаго сего Симеона, каковъ долженъ быть іерей, и онъ отвѣтилъ, говоря: я недостойнъ быть іереемъ, но каковъ долженъ быть іерей, вѣрно знаю. Во первыхъ онъ долженъ быть чистъ не только тѣломъ, но и душою, и при этомъ непричастенъ никакому грѣху. Во вторыхъ онъ долженъ быть смиренъ не по вѣшнему только себя-держанію и обычаю дѣйствовать, но и по внутреннему настроенію. Потомъ когда предстоитъ священной и святой трапезѣ, долженъ всеконечно, видя чувственно святые дары, мысленно созерцать Божество. И не это только, но и самаго Того, кто невидимо присушь въ дарахъ, долженъ онъ стяжать и имѣть обитающимъ въ себѣ въ сердцѣ своемъ сознательно, чтобъ такимъ образомъ съ дерзновсіемъ могъ онъ возносить моленія къ Богу и, какъ другъ съ другомъ бесѣдуя, говорить: *Отче нашъ, иже еси на небесахъ, да святится имя Твое*; потому что молитва сія показываетъ, что произносящій се имѣетъ живущимъ въ себѣ сущаго по естеству Сыномъ Божиимъ, со Отцемъ и Святымъ Духомъ. Такихъ видѣлъ я пресвитеровъ, простите мнѣ отцы и братія.

184) Говорилъ онъ еще и слѣдующее, будто объ иномъ комъ, себя прикрывая и бѣгая славы человѣческой, понуждаемый однажды объявить то по любви къ ближнему на общую пользу: слышалъ я, говорить, отъ одного монаха іерея, довѣрившагося мнѣ, какъ другу своему: никогда (говорилъ онъ) не литургисалъ я, не увидѣвъ

*) Это и слѣд. и въ Добротол. есть,—тоже въ концѣ.

Духа Святаго, какъ видѣль Его сошедшимъ на меня въ то время, когда меня рукополагали и митрополить читаль надо мною молитву іерейскаго посвященія и Евхологій *) лежалъ на бѣдной главѣ моей. Я спросилъ его: какъ онъ Его тогда видѣль и въ какого рода образѣ? Онъ сказалъ: простымъ и безвиднымъ, однакожъ какъ свѣтъ; и когда я увидѣвъ то, чего никогда не видѣль, удивился сначала и самъ въ себѣ разсуждалъ, что бы это было такое,—тогда Онъ таинственно, по внятнымъ гласомъ сказалъ мнѣ: Я такъ нисхожу на всѣхъ Пророковъ, и Апостоловъ, и нынѣшнихъ избранниковъ Божіихъ и святыхъ; ибо Я есмь Святой Духъ Божій.—Ему слава и держава, во вѣки вѣковъ. Аминь.

*) Омофоръ съ возложеніемъ рукъ; а Евхологій, или служебникъ держитъ книгодержецъ.

ЧЕЛОВѢКЪ И ЖИВОТНОЕ.

(Сходство и различіе между человѣкомъ и животными).

Общій голосъ человѣчества, опираясь на непосредственное здоровое чувство, прямо и рѣшительно признаетъ, что между человѣкомъ и животными находится коренное, существенное различіе. Это признаніе получаетъ свое высшее освященіе въ религіяхъ всѣхъ народовъ всѣ религіи исходятъ изъ вѣры въ особенное, исключительное промышленіе Бога о человѣкѣ, соотвѣтствующее безусловному превосходству человѣческой природы по сравненію ея съ природою животныхъ. Но изъ всѣхъ религій съ особенною ясностію и положительностію утверждаетъ несравнимое превосходство человѣка предъ животными богооткровенная религія—ветхо-и новозавѣтная. Здѣсь уже въ самомъ способѣ происхожденія человѣка выразительными чертами обрисовывается необычайное отношеніе Творца къ своему творенію, какъ къ главѣ и вершинѣ всего видимаго тварнаго міра. Всѣ прочія животныя нашей земли вызываются къ бытію простымъ повелительнымъ словомъ всемогущаго Творца; между тѣмъ предварительно творенія человѣка Богъ въ троичности своихъ лицъ держитъ совѣтъ съ самимъ Собою о созданіи существа по собственному образу и подобію. По окончаніи совѣта Господь, какъ говоритъ бытописатель, «создалъ человѣка изъ праха земнаго, и вдунулъ въ лице его дыханіе жизни, и сталъ человѣкъ душею живою» (Быт. 2, 7). Въ этомъ простомъ изображеніи глубокаго таинственнаго дѣйствія созданія человѣка мы несомнѣнно должны видѣть чрезвычайное отношеніе Бога къ человѣку

уже при самомъ происхожденіи послѣдняго, выразившес-
я въ безпримѣрномъ возвышеніи его природы надъ всѣ-
ми родами животнаго царства.

Дѣйствительно, духъ человѣка, по изображенію Библіи,
съ самаго начала своего бытія обладалъ слѣдующими от-
личительными свойствами: а) богосознаніемъ или знаніемъ
Бога, всемогущаго и премудраго Творца вселенной; б)
самосознаніемъ или сознаніемъ себя, какъ личности, по-
добной которой не находится во всѣхъ родахъ животнаго
царства (почему первый человѣкъ только въ созданной
изъ его ребра женѣ призналъ истинно подобное ему су-
щество, кость отъ костей своихъ и плоть отъ плоти сво-
ей); в) умомъ или вѣдѣніемъ природы въ ся глубочайшихъ
основаніяхъ и существенныхъ свойствахъ; и наконецъ,
г) свободною волею въ неразрывной связи съ совѣстію,
какъ голосомъ, исходящимъ изъ собственнаго сознанія
человѣка и то побуждающимъ его къ дѣйствіямъ бого-
угоднымъ, то предостерегающимъ отъ дѣйствій богопро-
тивныхъ. Цѣлю или назначеніемъ человѣка въ мірѣ слово
Божіе ставитъ его постепенное усовершенствованіе во
всѣхъ силахъ духа, или, что тоже, богоуподобленіе и вмѣ-
стѣ съ симъ вѣчноблаженную жизнь въ неразрывномъ
союзѣ съ Богомъ и въ невозмутимомъ наслажденіи всѣми
жизненными благами, предназначенными ему Творцемъ.
На указаніемъ отношеніи Бога къ человѣку уже во время
происхожденія послѣдняго и на дарованныхъ его природѣ
исключительныхъ свойствахъ всецѣло покоится и вся
дальнѣйшая священная исторія богооткровенныхъ отно-
шеній Бога къ человѣчеству, начиная съ лишенія чело-
вѣка первоначальнаго блаженства за грѣхопаденіе и кон-
чая величайшимъ дѣломъ божественной любви — искупи-
тельною жертвою Богочеловѣка, Христа, и общаніемъ
въ будущей жизни наградъ и наказаній, смотря по заслу-
гамъ cadaго.

Не такъ смотрятъ люди новаго образованія, увлекаемые
авторитетомъ нѣкоторыхъ представителей современнаго

естествознанія, на природное достоинство человѣка, по сравненію его съ животными. Они, конечно, не отрицаютъ нѣкотораго отличія человѣка отъ животныхъ и сравнительнаго превосходства его предъ послѣдними, но съ рѣшительностію отвергаютъ всякое существенное различіе между человѣкомъ и животными. По умозрѣнію этихъ лицъ, человѣкъ входитъ въ общее родословное дерево животнаго царства, какъ его послѣдній, заключительный отпрыскъ: въ мірѣ животныхъ находятся уже зародыши или задатки всѣхъ тѣхъ силъ и способностей, которыя, по видимому, такъ рѣзко отличаютъ человѣка отъ животныхъ, но которыя въ сущности лишь достигаютъ въ человѣкѣ своей высшей формы обнаруженія или развитія; поэтому человѣкъ, несомнѣнно, отличаясь отъ животныхъ многими признаками, однако ничѣмъ существеннымъ не разнится отъ нихъ, не имѣетъ въ себѣ ничего, что было бы безусловно чуждо природѣ животныхъ. Отсюда все отличіе человѣка отъ животныхъ сводится только къ высшей степени развитія перваго предъ послѣдними, но не къ самому существу ихъ природы, состоитъ въ наружныхъ или видимыхъ обнаруженіяхъ душевной жизни человѣка и животныхъ, но не во внутреннихъ природныхъ качествахъ душъ человѣческой и животной. Въ виду такого открытія современнаго, мнимонаучнаго знанія, теперь каждое животное, еслибы только владѣло даромъ слова, смѣло могло бы сказать: я принадлежу къ извѣстному роду животнаго царства; но я близкій, кровный родственникъ человѣка и ничто человѣческое мнѣ не чуждо, я зачаточный человѣкъ, своеобразная, недоразвившаяся форма человѣка. Въ такомъ кровномъ сліяніи человѣка съ животными нѣкоторые не безъ серіозности усматриваютъ величайшее приобрѣтеніе севременнаго человѣческаго знанія. Странные люди! Судятъ о высотѣ современнаго знанія человѣка по степени низведенія цѣлой природы его въ мірѣ животныхъ! Какъ бы то ни было, но ясно, что новооткрытое родство человѣка съ животными неизбѣжно

ведетъ за собою уничтоженіе всей богооткровенной (ветхо-и новозавѣтной) исторіи отношеній Бога къ человѣчеству, начиная съ первыхъ страницъ ея—о происхожденіи человѣка, и кончая послѣдними—о будущей вѣчности человѣчества. Съ признаніемъ существеннаго сходства человѣка съ животными, мы естественно и необходимо должны допустить разрушеніе всей нашей христіанской вѣры до самыхъ послѣднихъ ея основаній.

Итакъ вопросъ объ отличіи человѣка отъ животныхъ есть собственно первостепенный спорный вопросъ между вѣрою и невѣріемъ, захватывающій ихъ во всей широтѣ и глубинѣ, вопросъ о рѣшительной побѣдѣ вѣры или невѣрія другъ надъ другомъ.

Что же говорятъ намъ дѣйствительныя, твердыя и неоспоримыя данныя современной науки, насколько касается она человѣка, объ отличіи человѣка отъ животныхъ? Утверждаютъ или отрицаютъ они это отличіе по существу?

Нельзя не признать, что благодаря счастливымъ успѣхамъ нашего времени въ изученіи міра животныхъ и природы человѣка, мы приобрѣли знаніе о такихъ сходныхъ чертахъ въ природѣ животныхъ и человѣка, которыхъ въ прежнее время, быть можетъ, даже первоклассные ученые не подозрѣвали. Но несмотря на этотъ успѣхъ, наука въ строгомъ смыслѣ слова, въ ея прочныхъ и незыблемыхъ данныхъ, какъ прежде, такъ и теперь проводитъ широкую, непроходимую границу между животными и человѣкомъ, и эта раздѣлительная линія между ними по самому существу ихъ природы встрѣчается во всѣхъ частяхъ современной науки, которая такъ или иначе, съ той или иной стороны занимается сравнительнымъ изслѣдованіемъ природы животныхъ и человѣка. Уничтоженіе пограничной черты между существенными свойствами природы человѣка и животныхъ непризнанными руководителями науки всегда производится незаконнымъ путемъ: или посредствомъ искаженія безспорныхъ данныхъ

науки, или путемъ поспѣшныхъ выводовъ и обобщеній изъ ограниченнаго круга научныхъ данныхъ. Главный и общій недостатокъ ученыхъ работъ, сглаживающихъ существенное различіе между человѣкомъ и животными, состоитъ въ томъ, что онѣ на основаніи только опредѣленнаго, частнаго круга данныхъ, касающихся какой-либо одной стороны природы животныхъ и человѣка (например, анатомической, фізіологической и т. д.), стараются вывести уже самыя общія и широкія заключенія, обнимающія собой природныя свойства животныхъ и человѣка во всей ихъ полнотѣ и цѣлости. Въ дѣйствительности только всѣ отрасли науки, вмѣстѣ взятыя, занимающіяся изученіемъ человѣка и животныхъ съ разныхъ сторонъ, могутъ дать намъ правильное общее заключеніе о существенномъ сходствѣ или различіи между человѣкомъ и животными.

Обратимся теперь къ показаніямъ частныхъ наукъ, въ предѣлахъ свѣдѣній каждой изъ нихъ, относительно сходства и различія между человѣкомъ и животными съ той или иной стороны.

Первое мѣсто въ настоящемъ случаѣ принадлежитъ свидѣтельству *Химіи*, поскольку она занимается разложеніемъ и изученіемъ главныхъ, основныхъ частей, составляющихъ тѣла животныхъ и человѣка. По утвержденію этой науки, тѣло человѣка заключаетъ въ себѣ три части воды, четвертую часть составляютъ 14 различныхъ элементовъ или основныхъ частей. Въ общемъ составныя части нашего тѣла тѣже самыя, какія находятся и въ тѣлахъ высшихъ животныхъ. Различіе наблюдается здѣсь только въ количествѣ отдѣльныхъ основныхъ частей, которое неодинаково въ животныхъ и человѣкѣ. Такъ масса человеческого мозга въ общемъ гораздо больше, нежели мозгъ животныхъ; кромѣ того въ мозгѣ человѣка находятъ болѣе сѣраго вещества (какъ думаютъ, главнаго тѣлеснаго органа мысли), нежели въ мозгу животныхъ. Если теперь химикъ, какъ это перѣдко бываетъ, изъ узкаго круга данныхъ своей науки, не задумываясь выводитъ заключеніе:

животное и человекъ, въ сущности, суть ничего болѣе, какъ произведенія счастливаго соединенія опредѣленныхъ матеріальныхъ частей, и такъ называемая жизнь и душа суть обнаруженія и слѣдствія химическихъ процессовъ въ тѣлахъ, то онъ представляетъ намъ рѣшеніе вопроса, на которое его наука съ крайнею ограниченностію своихъ свѣдѣній вовсе не имѣетъ законнаго полномочія. Осторожный химикъ всегда остановится на слѣдующемъ разсужденіи: я знаю, что тѣла человекъ и высшихъ животныхъ состоятъ изъ 15-ти основныхъ частей; но я не знаю: не находится ли въ этихъ чудныхъ строеніяхъ, созидаящая сила которыхъ мнѣ неизвѣстна (такъ какъ я могу лишь разрушать, а не возсоздать ихъ), нѣчто еще такое, чего я не вижу, не понимаю и не оцѣниваю, чему, можетъ быть, извѣстныя мнѣ основныя части служатъ только жилищемъ или орудіемъ, и что именно соединяетъ ихъ между собой, сообщаетъ имъ жизнь и управляетъ ими въ ихъ взаимодействіяхъ, т.-е. душа.—Точно также и относительно вопроса объ отличіи человѣческой души отъ животной онъ скажетъ: хотя внѣшнія, тѣлесныя жилища душъ человекъ и животныхъ состоятъ изъ одного и того же матеріала; но мнѣ неизвѣстно, существуетъ или нѣтъ глубокое различіе между душой человѣческой и животной; вполне возможно, что существуетъ, такъ какъ достоинство зданія не открываетъ еще намъ достоинства обитателя въ немъ: и дорогое, красивое строеніе можетъ быть жилищемъ животныхъ, но животныя отъ того нимало не возвышаются въ своей природѣ; и наоборотъ: и убогая хижина, шалашъ могутъ стать случайнымъ мѣстопробываніемъ знаменитаго лица, героя, царя, и отъ того эти лица нисколько не теряютъ въ своемъ достоинствѣ. Итакъ предоставляю оба вопроса—о существованіи души въ тѣлахъ и объ отличіи души человекъ и животной, рѣшенію психологовъ, въ научную область которыхъ входитъ изслѣдованіе этихъ вопросовъ. Моя задача: изученіе далѣе и болѣе составныхъ матеріальныхъ частей тѣлъ человекъ и животныхъ.

Дальнѣйшее пособіе къ рѣшенію вопроса объ отличіи человѣка отъ животныхъ представляетъ намъ другая естественная наука—*Анатомія*. Изъ этой науки мы извлечемъ лишь самые существенные сравнительные выводы относительно природы животныхъ и человѣка. а) Строеніе мозга у человѣка совершенно другаго характера, нежели у животныхъ. Не говоря уже о томъ, что человѣческій мозгъ представляетъ несравненно болѣе многочисленныя, глубокія и разнообразныя извилины въ обоихъ полушаріяхъ, чѣмъ мозгъ какого либо животнаго, у человѣка, какъ утверждаютъ анатомы, находится также болѣе совершенное перекрещиваніе различныхъ нервовъ тѣла на пути вступленія ихъ въ мозгъ. Благодаря именно этимъ анатомическимъ особенностямъ, человѣкъ, какъ увѣряютъ ученые, при частныхъ поврежденіяхъ мозга лучше сохраняетъ способности движенія, ощущенія и воспріятія, нежели животныя. Этими же особенностями, какъ посредствующей органической средой, объясняютъ и существованіе въ человѣкѣ самосознанія, котораго совершенно лишены животныя. б) Человѣкъ ходитъ прямо (вертикально); напротивъ скелетъ животнаго имѣетъ продольное или горизонтальное положеніе. Многія основанія Анатоміи показываютъ, что прямой ходъ человѣка есть совершенно естественный, природный, и напротивъ столь же естественный ходъ животнаго — опущенный книзу, наклоненный къ землѣ. Здѣсь мы видимъ, что какъ будто сама природа говоритъ человѣку: ты не долженъ приковываться вниманіемъ книзу, а направлять его вверхъ; ты не долженъ подобно животнымъ блуждать своимъ взоромъ по сторонамъ, направо и налево, но смотрѣть на то, что ниже и выше тебя. Разсматривая ниже себя, животныхъ, ты долженъ чувствовать себя господиномъ надъ ними; но, съ другой стороны, свободно обзирая надъ собой безпредѣльную высь, ты долженъ такъже наполнять свое сердце чувствомъ зависимости и благоговѣнія предъ Всевышнимъ. в) Никакое животное, даже обезьяна не

имѣть въ строгомъ смыслѣ рукъ: между руками человѣка и обезьяны существуетъ безусловное анатомическое различіе: руки обезьяны устроены собственно только для лазанья и цѣпленія, руки человѣка, напротивъ, прямо и существенно для работы. Работать можетъ только мыслящее существо; поэтому для безпристрастнаго анатома человѣческая рука служитъ однимъ изъ важныхъ признаковъ прирожденной человѣку мыслительной силы, благодаря которой онъ настойчивостію и трудомъ добываетъ у природы то, чего она не даетъ ему добровольно. г) Наконецъ, самое важное отличіе между человѣкомъ и даже человѣкоподобною обезьяною представляютъ ихъ черепа. Къ сожалѣнію, мы не можемъ входить въ подробныя сообщенія въ высшей степени интересныхъ наблюденій въ данномъ случаѣ. Укажемъ здѣсь только на одно обстоятельство, представляющееся намъ наиболѣе важнымъ. Именно, какъ у человѣка, такъ и обезьянъ въ первомъ періодѣ жизни черепа представляютъ значительное сходство; но позднѣе, съ теченіемъ времени, они все болѣе и болѣе начинаютъ удаляться другъ отъ друга по своей формѣ. Общій головной видъ обезьяны чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе становится животнымъ и быстро достигаетъ своего окончательнаго развитія. Напротивъ, голова дитяти медленно приближается къ зрѣлому образу человѣка и такимъ образомъ развивается продолжительно. Ясно, что животнымъ и въ частности обезьянѣ указаны слишкомъ узкія рамки развитія и поэтому разстояніе между ними и человѣкомъ съ возрастомъ болѣе и болѣе увеличивается. д) Не можемъ въ заключеніе не упомянуть, что внѣшніе органы чувствъ (зрѣнія, слуха и проч.) у человѣка устроены не менѣе совершенно, нежели у животныхъ. Если у нѣкоторыхъ животныхъ тотъ или иной органъ отличается повидимому большею остротой, чѣмъ у человѣка, то не слѣдуетъ еще отсюда, что человѣческой органъ по самому устройству своему несовершеннѣе животнаго: человѣкъ иногда не заботится о развитіи и изощреніи своего внѣш-

вяго чувства, такъ какъ не имѣеть въ этомъ особенной нужды. Но сами по себѣ органы внѣшнихъ чувствъ у человѣка способны къ необычайному развитію и при помощи нашего духа примѣняются къ разнообразнѣйшему употребленію, а при содѣйствіи искусственныхъ вспомогательныхъ средствъ доходятъ до поразительной степени воспримчивости.

Подведемъ теперь общій итогъ сдѣланнымъ нами указаніямъ изъ Анатоміи. Эта наука открываетъ намъ довольно разнообразное и значительное различіе въ устройствѣ тѣлѣ человѣка и животнаго. Это различіе, будучи замѣтно уже въ низшей области человѣческой и животной природы, само собой даетъ право предполагать, что оно тѣмъ болѣе возрастетъ, чѣмъ далѣе мы пойдемъ въ разсмотрѣніи высшихъ областей природы животной и человѣческой.

Обратимся теперь къ дальнѣйшей сторонѣ тѣлесной природы животныхъ и человѣка, къ такъ называемой *физиологической*. Физиологія учитъ, что въ живомъ тѣлѣ человѣка и животныхъ совершаются двоякаго рода процессы—растительный и собственно животный. Къ первому роду принадлежатъ: питаніе, пищевареніе, образованіе изъ пищи различныхъ частей тѣла и выдѣленіе излишнихъ питательныхъ веществъ, далѣе—согрѣваніе, ростъ, дыханіе, продолженіе рода и умираніе. Къ послѣднему относятся: движеніе, дѣятельность нервовъ и органовъ внѣшнихъ чувствъ. Для того и другаго рода процессовъ находятся вполнѣ соотвѣтствующіе, чудесно устроенные и расположенные по отношенію другъ къ другу органы. По своему главному устройству эти органы у человѣка и высшихъ животныхъ одни и тѣже; но при такомъ сходствѣ мы тѣмъ болѣе замѣчаемъ различія въ самыхъ отношеніяхъ животныхъ и человѣка къ различнымъ физиологическимъ процессамъ. Это различіе ясно показываетъ намъ, что физиологическая жизнь человѣка и животныхъ служитъ носительницею существенно различныхъ душев-

ныхъ силъ и способностей въ первомъ и въ послѣднихъ. Нѣсколько примѣровъ послужать разъясненіемъ нашей мысли *).

Животныя находятъ свою пищу, инстинктивно отличая полезное отъ вреднаго, и пользуются своимъ кормомъ (по крайней мѣрѣ въ натуральномъ своемъ состояніи) въ его непосредственномъ, сыромъ и грубомъ видѣ. Они не сѣютъ, не жнутъ и не варятъ пищи. Для всего этого имъ недостаетъ тѣлесныхъ органовъ, отчасти орудій и главнымъ образомъ разума. Въ ихъ рукахъ (т.-е. собственно ногахъ или лапахъ) огонь былъ бы опасной игрой. Употребленіе огня есть, безъ сомнѣнія, самое первое, изначальное изобрѣтеніе человѣка и пользованіе имъ для приготовленія пищи составляетъ исключительную привилегію человѣка. Человѣкъ долженъ работать для приобрѣтенія насущнаго хлѣба, для чего ему даны руки и умъ. Наблюденіемъ и опытомъ онъ приобрѣлъ знаніе о свойствахъ и силахъ хлѣбныхъ зеренъ, началъ сѣять сѣмена, чтобы увеличить ихъ плодъ, и въ видахъ обработки земли изобрѣлъ разнообразнѣйшія орудія, начиная съ простыхъ и кончая самыми сложными. Вообще нужно замѣтить: цѣлыя сотни разныхъ видовъ труда и работъ, изобрѣтений и ремеслъ, торговли и промышленности обязаны своимъ происхожденіемъ потребности человѣческаго питанія. Такимъ образомъ изъ отношенія человѣка къ процессу питанія мы видимъ, что между тѣмъ какъ животное въ этомъ отношеніи стоитъ всецѣло въ зависимости отъ природы и беретъ отъ нея лишь то, что она представляетъ, человѣкъ, напротивъ, усиленно и разумно приобрѣтаетъ отъ нея то, чего она не даетъ ему добровольно; онъ не только не преклоняется предъ ней безусловно, но и ста-

*) Мы сравниваемъ животныхъ не съ дикаремъ только, а съ человѣкомъ вообще, во всемъ извѣстномъ намъ его историческомъ состояніи; потому что иначе наше сравненіе отличало бы односторонностію, неполнотой.

рается господствовать надъ ней, подчинять ее своимъ цѣлямъ.

Средства согрѣванія животное получаетъ отъ природы, въ своемъ наружномъ покровѣ, смотря по климату своего мѣстожителства; человѣкъ, напротивъ, долженъ былъ много потратить заботъ и трудовъ на отысканіе и приготовленіе удобной и достаточно обезпечивающей его отъ непостоянства погоды одежды. — Для сохраненія жизни животныя нуждаются въ жилищѣ, но не въ такой степени какъ человѣкъ. Притомъ животныя хотя иногда искусно готовятъ себѣ обиталища, но всегда безсознательно по указанію своего инстинкта и съ неизмѣнною тождественностію въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, ни на шагъ не подвигаясь впередъ въ своемъ архитектурскомъ искусствѣ. — Въ видахъ самозащиты животныя пользуются только данными отъ природы средствами: ни одно животное никогда не изобрѣтало и не готовило искусственнаго самообороннаго орудія. Человѣкъ отъ природы довольно беззащитное существо, но силою своего ума пользуется для своей защиты разнообразными орудіями, начиная съ палки и доходя до исполинскихъ крупновскихъ пушекъ: въ военномъ дѣлѣ онъ доходитъ до поразительнаго разнообразія средствъ обороны и нападенія. — Животныя движутся преимущественно съ цѣлю отысканія пищи. Быстротой и ловкостію движенія нѣкоторыя изъ нихъ вызываютъ заслуженное удивленіе. Но вообще говоря, человѣкъ, благодаря прямому положенію своего тѣла, много подвижнѣе животныхъ и выражаетъ свой геній въ изобрѣтеніи удивительнѣйшихъ средствъ передвиженія (кораблей, локомотивовъ, пароходовъ, аэростатовъ и т. д.), которыя доставляютъ его съ мѣста на мѣсто безъ труда и которыми онъ пользуется для самыхъ различныхъ цѣлей путешествія.

Не можемъ въ заключеніе не указать еще на двѣ особенности человѣка, отличающія его отъ животныхъ, съ фізіологической стороны.

Изъ всѣхъ земныхъ тварей одному только человѣку принадлежитъ даръ слова. И животныя имѣютъ языкъ, то-есть способность звуковымъ образомъ выражать свое внутреннее состояніе; но языкъ животныхъ состоитъ лишь въ безраздѣльныхъ звукахъ и выражаетъ собой только ограниченный кругъ чувствъ удовольствія или неудовольствія, тѣсно связанныхъ съ чувствомъ самосохраненія или съ инстинктомъ продолженія рода. Членораздѣльное слово совершенно чуждо животнымъ; нѣкоторыя изъ нихъ научаются произношенію немногихъ человѣческихъ словъ, но безъ всякаго сознательнаго отношенія къ ихъ смыслу. Физіологически животныя, какъ думаютъ, вообще способны къ произношенію словъ и при всемъ томъ они не говорятъ ничего, такъ какъ не имѣютъ говорить ни о чемъ. Человѣкъ имѣетъ даръ слова и необходимо долженъ говорить; потому что владѣетъ необъятнымъ міромъ вполне сознаваемыхъ и отчетливо различаемыхъ представленій, мыслей, желаній и чувствованій, иногда безконечно возвышающихся надъ кругомъ всего чувственно-матеріальнаго міра. Вотъ почему даже люди, лишенные дара слова, глухонѣмые или страждущіе параличемъ языка, стараются замѣнить слова тысячами разнообразныхъ знаковъ, выражаемыхъ устами, глазами, руками и движеніями тѣла.

Далѣе: одинъ только человѣкъ способенъ разселяться по всей землѣ; животныя, напротивъ, за исключеніемъ развѣ собаки, живутъ только въ предназначенной отъ природы каждому роду или виду мѣстности и лишь съ большимъ трудомъ выносятъ пребываніе въ другихъ мѣстностяхъ. Замѣчательно, что въ особенности человекоподобныя обезьяны внѣ своей родины, даже въ самомъ умѣренномъ климатѣ, быстро хирѣютъ и кончаютъ жизнь несмотря на весь заботливый уходъ за ними. Исключительная способность принаровляемости человѣка ко всѣмъ климатамъ и поясамъ земли главнымъ образомъ объясняется его исключительными силами духа, благодаря ко-

торымъ онъ всегда находитъ болѣе или менѣе достаточныя средства для борьбы съ вредными вліяніями природы и ослабляетъ ихъ силу по отношенію къ своей жизни. Но не маловажное значеніе имѣетъ здѣсь и особенный характеръ его тѣлесной природы,—безпримѣрное устройство его питательнаго канала и пищеварительнаго аппарата, которые способны, смотря по обстоятельствамъ, принаравляться къ самымъ разнообразнымъ питательнымъ средствамъ. Такъ въ самомъ главномъ отношеніи, въ отношеніи мѣстожителства, животныя являются безусловными рабами природы; между тѣмъ человѣкъ здѣсь въ особенности выступаетъ нѣкотораго рода властелиномъ природы, господиномъ всей земли.

Общіе сравнительные выводы о природѣ человѣка и животныхъ изъ показаній Физиологіи мы получаемъ слѣдующіе: физиологическіе процессы въ тѣлахъ человѣка и высшихъ животныхъ въ существенномъ одни и тѣже; но въ отношеніяхъ къ этимъ процессамъ, въ смыслѣ удовлетворенія требованіямъ растительной жизни и въ смыслѣ проявленій животной жизни (движенія и проч.) человѣкъ отличается отъ животныхъ тѣмъ существенно, что является не безусловнымъ рабомъ природы, не во всецѣлой зависимости отъ ея непосредственныхъ даровъ, но, напротивъ, самъ значительно возвышается надъ природой и извлекаетъ изъ нея все по собственному произволу. Возможность такого господства надъ природой человѣка объясняется силою его разума, которою онъ рѣшительно и безусловно превосходитъ всякое животное. Такимъ образомъ даже съ физиологической точки зрѣнія открывается уже намъ, что человѣкъ есть не просто натуральное существо, какъ животное, но духовное, не рабски подчиненное природѣ, но управляемое силою собственнаго духа или разума. Ясно, что Физиологія представляетъ намъ если не прямое, то косвенное свидѣтельство, что между человѣкомъ и животными находится болѣе чѣмъ случайное различіе. Во всякомъ случаѣ это различіе не-

сравненно болѣе важно, нежели между мухой и слономъ въ собственномъ кругу животныхъ.

Но до какихъ послѣднихъ предѣловъ доходитъ различіе между человѣкомъ и животнымъ и въ чемъ состоятъ наиболѣе прямая и разительная проявленія этого различія, — на эти вопросы не могутъ уже дать отвѣта естественныя науки, занимающіяся изученіемъ только тѣлесной природы животныхъ и человѣка. Для рѣшенія указанныхъ вопросовъ мы должны обратиться прежде всего къ той наукѣ, которая имѣетъ задачею сравнительное изслѣдованіе душевныхъ силъ и способностей человѣка и животныхъ, къ *Психологіи* въ обширномъ смыслѣ слова.

Свящ. І. Петръ—скій.

(Окончаніе будетъ).

ГОЛОСЪ МІРЯНИНА *)

за отмѣну театральныхъ увеселеній подѣ воскресные и праздничные дни, также во дни Великаго поста.

Въ ночь съ 13 на 14 сентября текущаго года, около 8 часовъ вечера, по всей первопрестольной Москвѣ раздавался особаго значенія звонъ церковныхъ колоколовъ: въ эти минуты православные русскіе люди преклонялись предѣ животворящимъ крестомъ нашего Спасителя. Но въ это же время происходили ристалища въ здѣшнемъ циркѣ, также представленія въ театрахъ.

Тяжелый крестъ несетъ русская земля въ настоящія тяжелыя времена. Она лишилась Государя, которому по благородству и высотѣ души, по чистотѣ и теплотѣ сердца исторія не имѣетъ другаго примѣра. И этоть-то великій Государь, истинный отецъ своихъ подданныхъ, палъ отъ рукъ убійць, собственныхъ же дѣтей земли русской! Не крестъ ли это для православнаго русскаго народа, подѣ тяжестью котораго онъ долженъ лить многіе и многіе годы слезы сожалѣнія и покаянія? Но мы, едва прошло полгода со дня смерти добрѣйшаго изъ царей земныхъ, по видимому забыли возложенный на насъ крестъ даже въ тѣ часы, когда православная церковь напоминаетъ намъ о крестѣ Спасителя міра. Но одинъ ли крестъ наложенный на насъ смертію Государя несемъ мы? Исчезли ли

*) Голосъ является въ печати немножко поздно. Желаемая отмѣна уже послѣдовала по Высочайшему повелѣнію 12 октября. Но соображенія, по которымъ она была желательна и необходима, не лишены значенія во всякое время.—*Ред.*

распинатели? Не готовятъ ли они новаго креста? Яспѣ: исчезла ли гнусная крамола, у которой одно адское стремленіе — потрясти въ самыхъ основаніяхъ наше дорогое отечество, болѣе тысячи лѣтъ, при тяжелыхъ трудахъ и потокахъ родной крови, созидавшееся въ одно изъ могущественныхъ государствъ? Мы не знаемъ скрытыхъ козней враговъ родной земли; но одно должно быть вѣдомо намъ: если когда, то въ настоящія тяжелыя времена мы должны помнить и о крестѣ нашего Спасителя, и о собственныхъ своихъ. Но выходить на дѣлѣ иное.

Говорятъ: у насъ открыты зрѣлица въ великіе посты и подъ праздники, чтимые нашею православною церковію въ угоду иновѣрцамъ. На это я позволяю себѣ сказать слѣдующее:

Иновѣрцы болѣе уважали и любили бы насъ и не смѣялись бы надъ нами за пограніе святынь нашей вѣры въ угоду имъ, еслибы мы не дѣлали подобныхъ угожденій. Въ этомъ отношеніи послѣдній еврей стоитъ выше насъ: въ угоду православнымъ христіанамъ онъ не отворить своей лавки въ субботу, хотя бы въ ней продавались предметы первой потребности жизни.

Ни одинъ иновѣрецъ или иностранецъ не посмѣютъ предъявить какихъ бы то ни было требованій тамъ, гдѣ дѣло касается святынь господствующей религіи той земли, хлѣбомъ которой они живутъ. Назадъ тому лѣтъ 15 или около того было испрашиваемо у Одесской городской думы 40 (или около того) тысячъ руб. на украшеніе тамошняго кафедральнаго собора. Деньги были отпущены благодаря настояніямъ гласныхъ изъ иновѣрцевъ, именно по уваженію ихъ къ господствующей религіи въ Россіи. Это я лично слышалъ отъ бывшаго херсонскаго и одесскаго глубокочтимаго архіепископа Димитрія.

Мы во многомъ стараемся подражать иностраннымъ государствамъ, опередившимъ насъ на всѣхъ путяхъ жизни. Въ средѣ этихъ государствъ Англія безспорно занимаетъ первое мѣсто. Почему же она, Англія, гдѣ числен-

ность иновѣрцевъ и иностранцевъ несравненно значительнѣе, чѣмъ у насъ, не измѣняетъ своихъ обычаевъ, освященныхъ вѣками, народною волею и сознаниемъ, въ угоду пришлому элементу? Тамъ въ воскресные дни закрываются не только магазины и театры, но даже ресторации, и прекращается всякій черный трудъ, въ которомъ конечно болѣе нуждаются тамъ, гдѣ идетъ міровая промышленность? И не чрезъ эту ли устойчивость въ своихъ вѣрованіяхъ и преданіяхъ, окрѣпшихъ въ теченіе многихъ вѣковъ народной жизни, Англія достигла такого могущества, такого міроваго значенія въ области просвѣщенія и промышленности? Да, здѣсь одна изъ могущественныхъ силъ для вызрѣвшей силы Англіи. Англичанинъ въ настоящее время всему свѣту говоритъ то, что нѣкогда говаривали римляне: *ego sum civis romanus* (я римскій гражданинъ), и онъ ничѣмъ священнымъ для него не поступитъ иноземцу. Народъ, который не цѣнитъ своего значенія, своихъ достоинствъ, высшихъ потребностей своей души, не вѣритъ въ свое призваніе, съ холодностію относится къ воспитавшей его вѣрѣ, есть рабъ; но прилично ли могучему русскому народу предъ какою-нибудь горстью иновѣрцевъ быть рабомъ, поступать въ угоду этой горсти святынями своей вѣры, возродившей и укрѣпившей его?

Говорять: «вольно же русскимъ православнымъ людямъ ходить на зрѣлища тогда, когда запрещаетъ то дѣлать ихъ церковь. Вольному воля, а спасенному рай». Этою поговоркою мы руководились и размножая до безконечности кабаки на русской землѣ. Но теперь, когда убѣдились, что чрезъ эти многочисленнѣйшіе вертепы нравственнаго разврата народъ обнищаль, и что кабаки подорвали даже семейныя основы, на которыхъ зиждется благосостояніе человѣческихъ обществъ, мы стали думать о сокращеніи кабаковъ, которые служили слишкомъ большимъ соблазномъ для дѣтски - простодушнаго, податливаго русскаго народа. Тоже мы должны сказать и о

представленіяхъ въ дни чтимые нашею православною церковію: не у всякаго есть сила воли воспротивиться соблазну; а если такъ, то пужно удалить то, что производитъ соблазнъ. И это—прямая обязанность власти, которой ближайшими органами должны служить народныя представительства, т.-е. городскія управленія и земства.

Я упомянулъ о соблазнѣ. Мы имѣемъ не одинъ миллионъ собственныхъ же нашихъ братьевъ, отторгшихся и постоянно отторгающихся отъ православной вѣры и большею частію изъ-за такъ называемыхъ «новшествъ». Если «новшество» послѣдняго времени, именно—открытіе зрѣлицъ во дни запрещенныя православною вѣрою, также служить къ отторженію русскихъ людей отъ православной церкви или уклоненію отъ нея; то какое право имѣемъ мы служить соблазномъ для кровныхъ нашихъ братьевъ, когда Спаситель запрещаетъ соблазнять кого бы то ни было, т.-е. и иновѣрца, и самаго врага? Какое мы можемъ придумать основаніе отрывать кровныхъ дѣтей отъ груди материнской, или разсѣкать на части великое русское тѣло? Религія для народовъ—душа ихъ; она связываетъ самые разнородные элементы въ одно цѣлое, какъ связала славянскія и другія племена въ одно цѣлостное русское государство; и до тѣхъ поръ народы крѣпки своею силою, пока у нихъ остается одна душа, одна вѣра. Способствуя къ разъединенію членовъ семьи русской въ самыхъ высшихъ потребностяхъ души человѣческой, спрашивается, къ чему мы стремимся? Конечно не къ тому, чтобы у вѣрующихъ русской земли были одна душа, одно сердце, одни уста, и не къ тому, чтобы великая семья русская представляла собою одну могучую крѣпкую силу, созданную силою вѣры..

Москва—собирательница земли русской и хранительница святынь православной вѣры; здѣсь почіютъ священные останки тѣхъ святителей и ревнителей православія, которые поддерживали его во всей его чистотѣ. Не ей ли, первопрестольной Москвѣ, стоять и на стражѣ

православной вѣры? Россія называетъ Москву своимъ сердцемъ; но если сердце перестанетъ жить правильною жизнію: то какъ эта жизнь отразится на прочихъ членахъ великаго русскаго тѣла? Не послужитъ ли Москва соблазномъ для всего пространнаго русскаго царства? Но вѣдь Спаситель сказалъ: горе тому, чрезъ кого соблазнъ приходитъ.

Намъ могутъ возразить такъ: оградить святую православную церковь отъ вторженія въ нее всего, что несогласно съ ея правилами и постановленіями — дѣло служителей церкви. Думать такъ, значитъ отказываться отъ своихъ прямыхъ правъ и обязанностей: церковь — это мы всѣ вѣрующіе; вѣра — это святыня всякой души. Кто же и когда отнималъ у вѣрующихъ право защищать и охранять свою церковь, свою вѣру? Они имѣютъ не только право на это, но и обязанность. Ближайшимъ образомъ эта обязанность лежитъ на пастыряхъ церкви, но съ ними заодно должны служить интересамъ вѣры и церкви и пасомые. Они овцы стада Христова, но овцы не безсловесныя, а разумныя, и потому должны принимать живое участіе въ дѣлахъ вѣры, а не возлагать отвѣтственность за все на пастырей. Нельзя сказать, чтобы пастыри наши ничего не дѣлали. Обвиненія въ безпечности, направляемыя противъ нихъ въ обществѣ и печати, крайне преувеличены. Мы знаемъ немало примѣровъ энергической борьбы пастырской, словомъ устнымъ и печатнымъ, противъ неблаговременныхъ театральныя увеселеній. Къ сожалѣнію общество оставляетъ пастырей безъ поддержки въ этомъ случаѣ. И этимъ-то равнодушіемъ общества къ дѣламъ вѣры объясняется, что дозволеніе открывать театры въ великіе посты и въ навечерія предъ праздниками шло казеннымъ путемъ, путемъ бюрократизма, чуждаго строю Христовой церкви. Нашлись лица, для которыхъ, очевидно, правила и постановленія церкви не имѣютъ значенія, и дерзнули ходатайствовать объ открытіи представлений въ дни, не до-

пускаемые церковью. Ходатайство было уважено. Спросить по этому дѣлу церковь, т.-е. вѣрующихъ, не оказалось нужнымъ. Починъ частныхъ лицъ восторжествовалъ. Но было ли бы это возможно, еслибы мы, составляющіе церковь, не холодно относились къ ней; если бы мы за всякое нарушеніе правилъ ея вступались и отстаивали ихъ?

Ревнителі театральныхъ представленій подъ воскресные и праздничные дни говорятъ вотъ еще что: «развѣ лучше, если въ это время, вмѣсто театра, народъ пойдетъ въ питейные дома»? Безсиліе этого мнимо - сильнаго возраженія для всякаго здравомыслящаго челоуѣка должно быть очевиднымъ. Прежде всего, согласна ли съ здравымъ смысломъ одно преступленіе противъ церкви или противъ какихъ угодно гражданскихъ учрежденій извинять другимъ, то-есть преступленіе, совершенное въ замѣнъ другаго, считать не преступленіемъ? Едва ли кто скажетъ: да. Правда, одно преступленіе можетъ быть тяжелѣе другаго; однако не безъ глубокаго смысла сказано въ словѣ Божіемъ, что нарушеніе одного чего нибудь въ законѣ есть нарушеніе всего закона (Іак. 2, 10). Люди, разсуждающіе, что подъ праздникъ лучше идти въ театръ, чѣмъ въ питейный домъ, только облегчаютъ нарушеніе церковныхъ постановленій. Пока запрещены были театральныя увеселенія подъ праздники, не всѣ же ходили въ питейное заведеніе, — большинство подъ праздники оставалось дома, другіе шли въ церковь. Съ разрѣшеніемъ спектаклей подъ праздники тѣмъ и другимъ предложенъ вопросъ, не угодно ли отъ скуки бѣжать въ театръ, — указанъ прямо путь въ него. Должно заботиться не о расширеніи, а о сокращеніи путей къ нарушенію постановленій церкви, которая тогда только и можетъ стоять прочно, когда остаются въ цѣлостномъ составѣ всѣ камни, изъ которыхъ она построена. Нынѣ вынуть изъ этого зданія одни камни, завтра другіе, послѣ завтра — третьи и т. д.; какой же конецъ?

Въ оправданіе спектаклей подъ праздники и въ великій постъ, иные говорятъ, что театръ имѣеть воспитательное значеніе, и въ этомъ отношеніи преслѣдуетъ ту же цѣль, къ которой стремится церковь, призывая народъ къ богослуженію. Но развѣ нѣтъ другихъ путей для поднятія умственно-правственного уровня народа и помимо явнаго нарушенія постановленій святой соборной и апостольской церкви,—путей не косвенныхъ, а прямыхъ? Первый путь—всеобщая грамотность, во всякомъ случаѣ самая близкая къ церкви, или иначе—грамотность, воспитывающая религіозно-правственный духъ народа. Что касается театровъ, то и мы признаемъ воспитательное начало за ними; мы допускаемъ, что зрѣлица могутъ служить невиннымъ препровожденіемъ времени. Но вотъ вопросъ первостепенной важности: всѣ ли представленія и зрѣлица таковы? Нѣтъ ли въ средѣ ихъ такихъ растлѣвающихъ нравственность, предъ которыми блѣднѣетъ водка, даже выпитая до излишества? Если благонамѣренные отцы и матери изъ образованнаго слоя общества не дозволяютъ своимъ дѣтямъ, даже достигшимъ полного юношескаго возраста, присутствовать на нѣкоторыхъ представленіяхъ *); то это потому, что есть представленія, которыя могутъ вносить и нравственную отраву. Низшій слой нашего народа много имѣеть въ себѣ дѣтскаго простодушія и довѣрчивости, по силѣ которыхъ на него, какъ и на всякое мало-развитое и не окрѣпшее существо, скорѣе можетъ подѣйствовать то, что возбуждаетъ худыя наклонности, чѣмъ добрыя. Для этого народа должны быть другаго рода представленія, что постоянно имѣло и имѣеть въ виду наше правительство, медля открытіемъ такъ называемыхъ народныхъ те-

*) Такъ между прочимъ была воспитана супруга нынѣшняго наследника австрійскаго престола, бывшая бельгійская принцесса Стефанія; и вся благомыслящая Европа чтитъ мудрость высокообразованной матери Бельгійской королевы.

атровъ. Собственно народный театръ долженъ преслѣдовать высшія цѣли: нравственную чистоту, народный духъ, вѣру въ народную силу и высшее призваніе народа, — однимъ словомъ — преслѣдовать то, что воспитываетъ и укрѣпляетъ въ народѣ его нравственную и политическую силу. Вотъ когда у насъ откроются съ подобными задачами народные театры, — пусть простой нашъ народъ посѣщаетъ ихъ, однако не въ дни и часы поста и молитвы; но Боже сохрани его посѣщать тѣ извѣстнаго рода представленія настоящаго времени, которыя вносятъ только развратъ въ нравственную жизнь народовъ и навсегда останутся горькимъ укоромъ современному такъ называемому образованному челоѣчеству. Сугубый грѣхъ долженъ лечь на душу тѣхъ, которые допустили и допускаютъ проникать въ русскую землю подобныя представленія, очень мѣтко заклеяенныя отъ русскаго же простаго народа именемъ «похабщины».

Въ силу всего сказаннаго мною, по искренней любви къ воспитавшей насъ вѣрѣ нашихъ отцевъ, открывается неотложная необходимость ходатайствовать предъ правительствомъ, чтобы ни въ великіе посты, ни въ навечерія праздниковъ, чтимыхъ нашею православною церковію, никогда не были допускаемы въ Москвѣ какія бы то ни было зрѣлища. Если мы не будемъ почитать нашей православной вѣры, чистоту которой признаютъ даже и на западѣ Европы всѣ безпристрастные мыслители, то что же можетъ быть для насъ священнымъ? И если Москва не подастъ добраго примѣра, то кому же подать его послѣ нея?

И. Палимпсестовъ.

20 сентября
1881 года.

УРОКИ ПОКАЯНІЯ, ЗАИМСТВОВАННЫЕ ИЗЪ ЕВАНГЕЛІЯ ВЪ ВЕЛИКОМЪ КАНОНѢ СВ. АНДРЕЯ КРИТСКАГО.

Слезы Петра.

Яко Петръ, плачу горюць. Мат. 26, 75. Лук. 22, 62.

На тайной вечери Господь Ис. Христось за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, какъ взятъ былъ въ саду Геосиманскомъ, возвѣстилъ ученикамъ, что не долго Ему быть съ ними (Іоан. 13, 33). Ап. Петръ спросилъ Его: «Господи, куда ты идешь»? Христось отвѣтствовалъ: «куда Я иду, ты не можешь слѣдовать за Мною теперь, а послѣ пойдешь за Мною». Петръ возразилъ: «почему я не могу идти за Тобою теперь? Съ тобою (*Господи*) я готовъ и въ темницу и на смерть идти; свою жизнь положу за Тебя». Самонадѣянному апостолу Господь Исусъ отвѣтилъ: «ты — свою жизнь положишь за Меня? Истинно, истинно говорю тебѣ, Петръ! не пропоетъ пѣтухъ сегодня, какъ ты три раза отречешься, что не знаешь Меня». — Тоже предсказаніе Господь Исусъ съ большею точностію повторилъ Петру на пути въ Геосиманію: «истинно говорю тебѣ, что ты нынѣ въ эту ночь, прежде нежели дважды пропоетъ пѣтухъ, трижды отречешься отъ Меня» (Марк. 14, 30). — Предсказаніе Христа сбылось со всею точностію. Петръ былъ на дворѣ первосвященническомъ въ то время, когда подъ предсѣдательствомъ первосвященника происходилъ незаконный судъ надъ Исусомъ. Петръ хотѣлъ скрыть отъ находившихся на томъ же дворѣ, что онъ ученикъ Исуса. Но лице его, выражавшее глубокую скорбь и мучительный страхъ за судьбу Учителя, возбу-

дило противъ него подозрѣніе въ окружавшихъ его. Сперва привратница спросила его: не изъ учениковъ ли онъ Иисуса Назарянина?—Петръ сказалъ: не знаю Его, и не понимаю, что ты говоришь.—Это былъ часъ полуночный,—и запѣлъ пѣтухъ. Потомъ слуга архіерейскій сказалъ Петру: ты изъ учениковъ Иисуса. Петръ опять отрекся отъ Него и даже съ клятвою. Черезъ часъ уличилъ его въ томъ, что онъ изъ учениковъ Иисуса, родственникъ Малха, которому Петръ отрубилъ ухо въ саду Геосиманскомъ. «Не я ли видѣлъ тебя съ Иисусомъ въ саду?»—сказалъ онъ Петру. Петръ пришелъ въ крайнее смущеніе. Сначала онъ притворился, будто не понимаетъ о чемъ говорятъ ему; потомъ началъ божиться и клясться, что не знаетъ чловѣка. Это было третье отреченіе; вслѣдъ за тѣмъ опять запѣлъ пѣтухъ. Но въ то же время Господь Иисусъ, выведенный на дворъ изъ дворца первосвященническаго, обратился туда, гдѣ стоялъ Петръ, и посмотрѣлъ на него. Этотъ взоръ любви и укора проникъ въ сердце малодушнаго ученика. Онъ вспомнилъ слова Господа: «прежде чѣмъ пѣтухъ пропоетъ два раза, три раза ты отречешься отъ Меня»,—и *изшелъ вонъ, плачась горько*. Это былъ плачь грѣшника, мучимаго раскаяніемъ въ грѣхѣхъ малодушія и измѣны Господу. Грѣхъ отреченія отъ Христа Петръ заглядилъ, когда во время одного изъ явленій Иисуса Христа по воскресеніи, на троекратный вопросъ Иисуса: любишь ли Меня? отвѣчалъ троекратнымъ изъявленіемъ своей неизмѣнной любви къ Нему. Но память грѣха, чувство виновности предъ Иисусомъ были такъ сильны въ Петрѣ, что онъ, какъ говоритъ преданіе, до самой смерти каждый разъ при полночномъ пѣніи пѣтуха повергался на землю съ горькими слезами о содѣянномъ грѣхѣ, и вель суровый образъ жизни, питаясь какою-то горькою травою. Кромѣ того свое раскаяніе и неизмѣнную преданность Иисусу онъ запечатлѣлъ апостольскими трудами въ распространеніи Евангелія, съ неизбѣжными за

нихъ страданіями отъ невѣрующихъ, и наконецъ мученическою смертію.

Подобно Петру и ты, грѣшная душа, должна оплакивать свои грѣхопаденія. Ихъ у тебя много, отъ нихъ не свободны и величайшіе праведники. Петръ прежде всего согрѣшилъ самонадѣянностію, съ какою увѣрялъ Христа, что никогда не измѣнитъ Ему. Она-то и ввела его въ бѣду, сдѣлала его бессильнымъ въ борьбѣ съ искушеніемъ, — онъ не взвѣсилъ своихъ силъ для этой борьбы, не соразмѣрилъ ихъ съ тяжестію ея, и не подготовился къ ней смиреніемъ, бдительностію и молитвою, — онъ слишкомъ понадѣялся на себя, что постоитъ за себя въ случаѣ опасности. Опасность грозила ему не отъ однихъ людей, опаснѣе людей былъ сатана. — Христосъ не скрывалъ отъ Петра и отъ прочихъ учениковъ грозящей имъ послѣдней опасности. Онъ говорилъ имъ, что сатана уже просилъ у Него дозволенія сѣять ихъ какъ пшеницу, то-есть разогнать ихъ, — а въ саду Геосиманскомъ, когда уже такъ близка была къ нимъ эта опасность, предостерегалъ ихъ отъ нея наставленіемъ: «бдите и молитесь, чтобъ не впасть въ искушеніе. Духъ бодръ, плоть же немощна» (Мат. 26, 41). Самонадѣянный Петръ не воспользовался этими предостереженіями и палъ отъ своей самонадѣянности, — прочіе ученики Христовы только разбѣжались, а онъ отрекся отъ Христа. — Вопросы себя, грѣшникъ, не увлекаешься ли и ты, подобно Петру, самонадѣянностію? Не мечтаешь ли одними собственными силами побѣждать искушенія на грѣхъ, безъ помощи благодати Божіей, и потому не молишь о ней Бога? — Бойся, не случилось бы съ тобою, что случилось съ самонадѣяннымъ Петромъ. И если уже подобно Петру ты собственнымъ опытомъ извѣдалъ, какъ опасно полагаться на одного себя при встрѣчѣ съ искушеніемъ, то да послужишь для тебя этотъ горькій опытъ впередъ наукою. Смирись предъ Господомъ и подобно Петру оплачь свое заблужденіе и паденіе. «Яко Петръ, плачу горцѣ», говори Господу, и смиренно

исповѣдуя предъ Нимъ свою немощь, усердно моли Его, да не введетъ тебя въ искушеніе, да не оставитъ тебя одного вести брань съ искусителемъ.

Паденіе Петра само по себѣ, независимо отъ само-надѣянности, было тяжело, ибо состояло въ отреченіи отъ Христа, — и весьма пагубно, ибо «кто отвергнется Меня предъ челоуѣками, тотъ отверженъ будетъ предъ ангелами Божиими» (Лук. 12, 9), рекъ Христосъ. Вопросы себя, грѣшникъ, не оскорбляешь ли Христа подобнымъ грѣхомъ? Не относишься ли ко Христу такъ же, какъ и тѣ нечестивцы, которые, по слову Апостола, «говорятъ, что знаютъ Бога, а дѣлами отрекаются, будучи гнусны и непокорны, и неспособны ни къ какому доброму дѣлу» (Тит. 1, 16)? По дѣламъ твоимъ можно ли узнать, что ты вѣрный ученикъ Христа, неизмѣнно пребываешь въ томъ союзѣ съ Нимъ, въ который вступилъ въ день крещенія, отрекшись въ то же время отъ діавола и всѣхъ дѣлъ его? Покоренъ ли ты заповѣдямъ Христовымъ и вмѣсто добрыхъ дѣлъ, предписываемыхъ ими, не творишь ли дѣлъ, угодныхъ діаволу? — Нося имя христіанина, не живешь ли по-язычески? Принадлежа къ церкви Христовой, не слѣдуешь ли правиламъ и обычаямъ міра, враждебнымъ ея ученію и постановленіямъ? Не готовъ ли подчасъ стать на сторону враговъ Христа и Его церкви, выражая сочувствіе къ ихъ богохуднымъ мнѣніямъ и рѣчамъ если не по внутреннему убѣжденію, то изъ челоуѣкоугодія и изъ опасенія показаться въ ихъ глазахъ отсталымъ и невѣждоу?—Если совѣсть обличитъ тебя во всемъ подобномъ, то знай, что ты виновенъ въ грѣхѣ отреченія Петрова. Быть можетъ, она обличитъ тебя и въ другой винѣ, не менѣе тяжелой. Петръ отрекся отъ Христа только устами, а не сердцемъ: въ сердцѣ его неизсякала ни вѣра во Христа, ни любовь къ Нему и преданность. Таковъ ли ты въ отношеніи къ Христу? Укорялъ Господь нѣкогда Израилитянъ чрезъ пророка: «приближаются ко Мнѣ люди устами своими, и чтутъ языкомъ, серд-

це же ихъ далеко отстоять отъ Меня» (Иса. 29, 13. Мат. 15, 8). Не заслуживаешь ли и ты упрека въ подобномъ лицемѣрїи въ отношенїи ко Христу? Не чтѣшь ли Его одними устами и другими внѣшними знаками, но сердце твое или совсѣмъ чуждо вѣры и любви къ Нему, или же ни тепло, ни холодно къ Нему? Если дѣйствительно таково твое состояніе, пойми, какъ оно пагубно, — оно пагубнѣе отреченїя Петрова, — и подобно Петру оплачь свой грѣхъ. — Слезы появились въ очахъ Петра, какъ только воззрѣлъ на него Господь. Взоръ благодати Божїей, призывающей къ покаянїю, всегда готовъ осїять насъ. Не закрывай, грѣшникъ, твоихъ очей отъ лица Божїя, даже ищи лица Божїя, умоляй Господа, чтобы воззрѣлъ на тебя окомъ своего милосердїя и лучами своей благодати освѣтилъ мракъ души твоей и растопилъ ледяную кору твоего сердца:—Петръ согрѣшилъ однажды, но всю жизнь помнилъ свой грѣхъ и оплакивалъ его. Такъ поступилъ и Давидъ, который тоже согрѣшилъ однажды, но свой грѣхъ имѣлъ предъ собою выну во всѣ дни жизни своей. Подражай Петру и Давиду и вмѣстѣ съ ними говори Господу: горько я плачу, Господи, при мысли о грѣхѣ, которымъ оскорбилъ Тебя. Прими мои слезы, какъ принялъ Петровы и Давидовы.

Распятїе и смерть Христова.

Тѣло Твое и кровь распинаемый о всѣхъ положилъ еси (предложилъ): тѣло убо, да мя обновиши (чтобъ возсоздать меня), кровь, да омыеши мя, духъ же предалъ еси, да мя приведеши, Христе, Твоему Родителю.

Тѣлесная смерть Христа послужила къ нашему обновленїю тѣмъ, что побѣждена была воскресенїемъ Его изъ мертвыхъ, а воскресенїе Христово есть залогъ общаго всѣхъ воскресенїя, имѣющаго наступить въ послѣдній день міра. «Какъ въ Адамѣ всѣ умирають, такъ во Хри-

стѣ всѣ оживутъ. Христось воскресъ изъ мертвыхъ, первенецъ изъ умершихъ» (1 Кор. 15, 20. 22). Христось воскресъ въ тѣлѣ нетлѣнномъ и духообразномъ. Подобными тѣлами облекутся и всѣ имѣющіе воскреснуть. Но одни воскреснутъ для вѣчной блаженной жизни, другіе для вѣчныхъ мученій, или для второй смерти, для вѣчной смертной агоніи. Бойся, грѣшникъ, вѣчнаго осужденія и не только душу, но и тѣло береги отъ грѣховныхъ сквернъ, ибо «всѣмъ намъ должно явиться предъ судилище Христово, чтобы каждому получить соотвѣтственно тому, что онъ дѣлалъ, живя въ тѣлѣ, доброе или злое» (2 Кор. 5, 10). — вмѣстѣ съ тѣломъ Христось принесъ въ жертву свою пречистую кровь, омывающую насъ отъ грѣховъ (Апок. 1, 5), очищающую совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ для служенія Богу живому и истинному (Евр. 9, 14). Это омовеніе и очищеніе сообщается намъ въ таинствахъ,—и благо тѣмъ, которые соблюдаютъ чистоту души и тѣла, даруемую въ таинствахъ! Въ одеждахъ убѣленныхъ кровію Агнца они будутъ вѣчно предстоять престолу Божію и вмѣстѣ съ ангелами славословить Его, чуждые всякой скорби (Апок. 7, 13. 14. 16). Но горе тѣмъ, которые небрегутъ о сохраненіи благодатной чистоты, уподобляясь нечистоплотнымъ животнымъ, омывающимся въ водѣ и потомъ валяющимся въ грязи (2 Петр. 2, 22), и въ этой нечистотѣ пребываютъ до самой смерти! Кровь Христова, которую они пренебрегаютъ, будетъ воцѣять противъ нихъ, и послужитъ только къ ихъ осужденію.

Принесши въ жертву Богу Отцу тѣло и кровь свою, Христось «возгласилъ громкимъ голосомъ: Отче! въ руки Твои предаю духъ Мой (Лук. 23, 46). И преклонивъ главу, предалъ духъ» (Іоан. 19, 30). «Души праведныхъ обрѣтаются въ рукѣ Божіей и мученіе не коснется ихъ» (Прем. 3, 1). Гонители и мучители могутъ отнять у нихъ только тѣлесную жизнь, но души безсмертной убить не могутъ (Мат. 10, 28). Душа праведника, отрѣшившись отъ

узъ тѣла, воспаряетъ, какъ вырвавшаяся изъ сѣтей птица, въ ту область бытія, гдѣ въ рукахъ, т.-е. подъ покровомъ Отца небеснаго она безопасна отъ нападеній вражескихъ, куда стрѣлы вражіи не долетятъ до ней, — она превыше всего земнаго. Для ветхозавѣтныхъ вѣрующіихъ этою областію служила такъ называемая долина смертной тѣни, гдѣ обитали всѣ отшедшія души. Души праведныхъ и въ этой долиніи ощущали надъ собою покровъ руки Божіей, и потому ветхозавѣтные праведники не боялись смерти. «Если я пойду и долиной смертной тѣни, не убоюсь зла, потому что *(и здѣсь)* Ты со мною Господи» (Пс. 22, 4), говорилъ одинъ изъ нихъ. Подобно сему и человѣчскій духъ величайшаго праведника Иисуса, отрѣшившись отъ распятаго тѣла, вступилъ въ туже долину смертной тѣни, но не для того, чтобы остаться въ ней. Нѣтъ, Христось душою сходявшій въ адъ, когда тѣло Его было на крестѣ и въ гробѣ, не только самъ устремился изъ ада къ Отцу небесному для тѣснѣйшаго соединенія съ Нимъ своею душою, но изъ ада возвелъ къ тому же Отцу и всѣ души, отъ вѣка тамъ обитавшія и съ вѣрою ожидавшія Искупителя. — Съ тѣхъ поръ вслѣдъ за духомъ Христовымъ устремляются на небо въ объятія Отца небеснаго всѣ истинно вѣрующія во Христа души, отрѣшающіяся отъ тѣла. Путь на небо проложенъ для нихъ духомъ Христовымъ, — Христось предалъ свой духъ въ руки Бога Отца для того, чтобы и наши души, сродныя съ Нимъ по духовному состоянію, привести къ своему Родителю. Какъ обладающій ключами ада и смерти (Апок. 1, 18), Христось возводитъ и теперь изъ ада души грѣшниковъ, не успѣвшихъ принести плодовъ покаянія предъ смертію, внимая молитвамъ за нихъ церкви, если только они состояли въ союзѣ съ нею и положили начало покаянію предъ смертію.

Воздай, грѣшникъ, славу и благодареніе милосердому Господу Иисусу, предавшему духъ свой Богу Отцу для того, чтобы тебѣ открыть путь къ Нему. Но знай, что

этотъ путь удобовосходень только для тѣхъ душъ, которыя прежде чѣмъ отрѣшиться отъ тѣла, успѣли отрѣшиться отъ бремени грѣховныхъ пристрастій. Души, отягченныя симъ бременемъ и не позаботившіяся сложить его благовременно, лишаютъ себя свободы, нужной для того, чтобы безпрепятственно воспарить къ небу, и тяготѣютъ къ аду. Пока еще не пришелъ часъ смертный, поспѣши, грѣшникъ, свергнуть это пагубное бремя и умолай Христа: Агнче Божій, взявшій на себя грѣхи міра и призывающій къ себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ ими, сними съ меня бремя тяжкое грѣховное, не допусти мнѣ погибнуть подъ тяжестію его.

Содѣлалъ еси спасеніе посреди земли, Щедре, да спасемъ ся, волею на древь распялся еси, Едемъ затворенный отверзеса. Горняя и дольная (горнее и дальнее), (вся) тварь языцы (народы) вси спасени поклоняются Тебѣ.

Слова: «содѣлалъ еси спасеніе посреди земли», взяты изъ 73 псалма. Псалмопѣвецъ жалуется Богу на враговъ избраннаго народа, опустошившихъ Іудею и разрушившихъ Іерусалимъ и храмъ, и вспоминая прежнія милости Господа къ сынамъ Израиля, чудеса, какія Онъ творилъ для спасенія ихъ отъ бѣдствій, умоляетъ Господа сжалиться надъ ними и послать имъ снова помощь противъ враговъ. Ты, Господи, въ прежнее время *устроилъ спасеніе* твоего народа *посреди земли*, то-есть въ виду всѣхъ, такъ что и враги ясно видѣли и убѣждались, что Ты единственный виновникъ спасенія,—Господне есть спасеніе. *Не предаждь* и теперь *звѣрямъ душу исповѣдающуюся Тебѣ* (Псал. 73, 12. 19). Сказанное ветхозавѣтнымъ пѣснопѣвцемъ о спасеніи среди земли новозавѣтныи пѣснопѣвецъ примѣняетъ къ Іисусу Христу, который тоже содѣлалъ спасеніе посреди земли, ибо въ виду всѣхъ распятъ былъ для спасенія грѣшниковъ. Древо, на которомъ Онъ совершилъ спасеніе, было древомъ позора само по-себѣ, и тѣмъ паче въ виду безчисленныхъ зрителей ра-

спятія Христова. Христось не уклонился отъ этого позора, — Онъ даже добровольно подвергъ себя крестной смерти для того, чтобы симъ добровольнымъ уничтоженіемъ избавить людей отъ вѣчнаго осужденія, какое они навлекли на себя непослушаніемъ Богу въ раю. Заслуженное ими осужденіе Онъ принялъ на себя, будучи самъ безгрѣшенъ и виновныхъ спасъ отъ гнѣва Божія тѣмъ, что пострадалъ за нихъ невинный. И вотъ плоды Его крестной смерти: крестомъ своимъ Онъ отверзъ Едемъ для тѣхъ, для которыхъ онъ былъ заключенъ со времени грѣхопаденія въ раю. Первымъ вошелъ въ небесный Едемъ разбойникъ, распятый съ Нимъ рядомъ и увѣровавшій въ Него, какъ въ Сына Божія. Затѣмъ изведены были въ рай души, которыя отъ вѣка затворены были въ адской темницѣ, куда Онъ сошелъ душою, будучи тѣломъ во гробѣ. Съ тѣхъ поръ путь въ рай открытъ для всѣхъ вѣрующихъ въ Иисуса. Съ тѣхъ же поръ Ему, какъ побѣдителю ада, какъ путеводителю въ рай, поклоняется вся тварь: жители горняго и долняго міра, всѣ спасенные народы. Даже демоны въ страхѣ предъ Его пагубной для нихъ силою повергаются предъ Нимъ ницъ. О сей славіи Его говоритъ Апостолъ: «Онъ послушенъ былъ (Отцу небесному) до смерти, и смерти крестной; посему Богъ Отецъ превознесъ Его и даровалъ Ему имя выше всякаго имени, дабы предъ именемъ Иисуса преклонили колѣна существа небесныя, земныя и преисподнія» (Филип. 2, 9. 10). — Припади къ стопамъ Иисуса, и ты грѣшная душа моя, съ покаяніемъ и молитвою, да изведетъ тебя изъ темницы грѣховъ и не лишитъ райскихъ обителей.

Да будетъ ми купль кровь изъ ребръ твоихъ, вкупъ и питіе источившее воду оставленія, да обоуду очищаюся, помазуюся и пія, яко помазаніе и питіе, Слове, животочныя твоя словеса. (Кровь изъ боку твоего, Слово, да будетъ мнѣ купльлю, и истекшая вода — питіемъ отрады, дабы

мнѣ тѣмъ и другимъ очищаться, употребляя вмѣсто масти и питія животворныя слова Твои).

Кровь Христа, истекшая изъ ребръ Его, есть купѣль въ томъ смыслѣ, что сею кровію, по вѣрѣ въ ея искупительную силу, омываются грѣхи въ таинствѣ крещенія, потомъ въ таинствѣ покаянія. Грѣшникъ, очищенный отъ грѣховъ въ купѣли крещенія, но оскверняющій ими снова свою душу, благодари Господа, дарующаго тебѣ въ покаяніи благодать прощенія, и не медли прибѣгать къ ней, не откладывай покаянія, не допускай, чтобы привычка къ грѣхамъ, неослабляемая своевременнымъ покаяніемъ, не затруднила для тебя покаянія и не сдѣлала его безплоднымъ въ минуты смерти.

Вода, вмѣстѣ съ кровію истекшая изъ ребръ Распятаго,—знаменуетъ, въ разсматриваемомъ стихѣ, животворныя словеса Христовы,—т.-е. ученіе Христа о спасеніи. Это ученіе поистинѣ животворно: какъ вода утоляетъ жажду, такъ и ученіе Христово есть питіе отрады, ибо вноситъ въ душу миръ и успокоеніе, возвѣщая о спасеніи грѣшнику, томящемуся жаждою спасенія, но не находящему въ себѣ самомъ средствъ къ утоленію этой жажды. Это же ученіе имѣетъ свойство также елѣя, возливаемого на раны и умягчающаго боль отъ нихъ. Грѣхъ—это язва для души. Душа, уязвляемая грѣхомъ, испытываетъ не менѣе острую боль, какъ и отъ тѣлесныхъ ранъ. Эта боль есть естественное послѣдствіе пустоты душевной, сопутствующей грѣху, жгучей жажды новыхъ грѣховныхъ ощущеній для ея наполненія, всегда безплодныхъ и потому мучительныхъ, особенно же тревогъ совѣсти, по временамъ пробуждающейся и въ закоренѣлыхъ грѣшникахъ. Животворныя слова Христовы заключаютъ въ себѣ благодатную силу, достаточную для облегченія душевной боли и для умягченія ея. Слово *мира*, изрекаемое кающемуся грѣшнику устами священнослужителя въ таинствѣ исповѣди, отъ лица самаго Христа, не есть праздно

слово, праздное выраженіе добраго желанія, подобное житейскимъ выраженіямъ благожелательства,—а проводникъ дѣйствительнаго духовнаго мира и радости въ кающуюся душу,—по обѣтованію Христову: «миръ оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ; не якоже міръ даетъ, Азъ даю вамъ» (Іоан. 14, 27). Поистинѣ миръ Христовъ есть елей, умягчающій боль отъ душевныхъ язвъ; поистинѣ слово этого мира есть животворное слово.

Такъ спасительна вода, истекшая изъ ребръ Христовыхъ съ кровію! Она есть образъ животворныхъ словесъ Христовыхъ утоляющихъ жажду спасенія и умягчающихъ боль душевную. Грѣшникъ, томимый этой жаждой и этою болью, знай, что помимо благодати Божіей ты не найдешь воды для твоей духовной жажды, лекарства для твоихъ душевныхъ недуговъ. Проводникомъ же сей благодати служатъ животворныя словеса Христовы. Они суть поистинѣ источникъ отрады, піющій изъ котораго почерпаетъ силу для очищенія своей души отъ всего, что возбуждаетъ въ ней горькое чувство своей нечистоты и недостойности предъ Богомъ.

Чашу Церковь стяжа ребра твоя живоносная, изъ ниже сугубыя намъ источи токи оставленія и разума (изъ которыхъ изливается намъ сугубый источникъ отрады и разумѣнія), во образъ древняго и новаго, двоихъ вкунь заветовъ, Спасе нашъ.

Ребра Христовы, изъ которыхъ истекла кровь и вода, поистинѣ суть чаша животворнаго питія для членовъ Христовой церкви. Кровь сія истекла съ водой однажды изъ ребръ Христовыхъ, но въ таинствѣ причащенія она непрерывно изливается и до скончанія вѣка будетъ изливаться, служа источникомъ отрады и утѣшенія для сердець, и просвѣщенія для умовъ. Эти духовныя блага предвкусываемы были и ветхозавѣтными вѣрующими; но вѣрующимъ новозавѣтнымъ они сообщаются въ сугубой мѣрѣ:

они не только предвкушаютъ ихъ, ожидая минуты причащенія крови Христовой и приготовляясь къ сему, но и самымъ дѣломъ вкушаютъ ихъ. Ветхозавѣтный вѣрующій ждалъ ихъ и умиралъ не дождавшись, довольствуясь однимъ предчувствіемъ благодати Христовой; новозавѣтному вѣрующему она всегда доступна: желающіе могутъ всегда, какъ только найдутъ удобнымъ для себя, хотъ ежедневно, причащаться чаши спасенія и входить чрезъ сіе въ тѣснѣйшее общеніе со Христомъ, источникомъ мира и свѣта. Поистинѣ изъ ребръ Христовыхъ излился для насъ сугубый источникъ отрады и разума, отъ полноты его мы принимаемъ благодать на благодать (Іоан. 1, 16),— и это въ образъ ветхаго и новаго завѣта,—того и другаго въ томъ смыслѣ, что благодать сію можно и предвкушать, подобно ветхозавѣтнымъ вѣрующимъ, и вкушать дѣйствительно; какъ свойственно новозавѣтнымъ. Но какъ ни обильна благодать Христова, струи которой текутъ изъ ребръ Христовыхъ, она спасительна только для жаждущихъ ея, для ощущающихъ потребность въ ней съ такою силою, съ какою томимый тѣлсною жаждою ищетъ утолить ее свѣжею водою. Ощущаешь ли, грѣшникъ, эту жажду, дожили ли общеніемъ съ Иисусомъ Христомъ, ищешь ли этого общенія? Не заглушена ли въ тебѣ жажда, потребность общенія со Христомъ другаго рода жаждою—жаждою чувственныхъ наслажденій, пристрастіемъ къ земнымъ благамъ, житейскимъ попеченіямъ?—Если такъ, то дѣло худо. Поспѣши возбудить въ себѣ жажду питія изъ чаши спасенія, чтобы не лишиться живота вѣчнаго, и для сего вспоминай угрозу Спасителя: «аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни пиете кро и Его, живота не имате въ себѣ». Пожалѣй себя, не лишай себя наслажденія вѣчнаго живота, бойся умереть въ духовной смерти для вѣчной гибели.

Увѣровавшій разбойникъ.

Разбойникъ олаговлаше (поносилъ) Тя, (и) разбойникъ богословаше тя (Богомъ исповѣдалъ Тебя), оба бо на крестъ свисяста (вися оба вмѣстѣ съ Тобою на крестѣ). Но, о Благоутробне, яко вѣрному (увѣровавшему) разбойнику! твоему, познавшему тя Бога, и мнѣ отверзи дверь славнаго царствія твоего.

Яко разбойникъ сопою Ти: помани мя.

Въ сихъ стихахъ указывается примѣръ покаянія въ лицѣ распятаго разбойника, увѣровавшаго во Христа. Примѣръ въ высшей степени трогательный и поучительный! Рядомъ со Христомъ распяты были два разбойника. Одинъ изъ нихъ былъ закоренѣлый злодѣй: онъ стоналъ отъ крестныхъ мукъ, и вмѣстѣ поносилъ Христа. «Если ты Христосъ, спаси себя и насъ», говорилъ онъ, повторяя глумленія надъ Иисусомъ враждебныхъ Ему зрителей Его страданій. Не такъ велъ себя другой разбойникъ. Онъ унималъ своего печестиваго товарища, говоря: «Бога ты не боишься (*говоришь такія рѣчи*), когда и самъ осужденъ на ту же казнь; но мы осуждены справедливо; не-семъ то, что заслужили своими дѣлами. А Онъ ничего дурнаго не сдѣлалъ». Въ этихъ словахъ разбойника выразилось сознаніе грѣховъ своихъ и вмѣстѣ страхъ суда Божія за нихъ. Слѣдствіемъ того и другаго могло бы быть отчаяніе. Но разбойника спасла отъ этой опасности вѣра въ распятаго Иисуса. Иисусъ, разсуждалъ разбойникъ, ничего дурнаго не сдѣлалъ и страждетъ единственно по злобѣ своихъ враговъ. Онъ — величайшій благодѣтель людей. Онъ былъ необыкновенно милосердъ къ грѣшникамъ, никого изъ нихъ не отвергалъ, никѣмъ не гнушался, всякаго старался исправить и спасти. Онъ никому не отказывалъ въ помощи въ нуждахъ и болѣзняхъ тѣлесныхъ. Онъ не только величайшій праведникъ, но величайшій избранникъ Божій, ибо облеченъ былъ силою творить чу-

деса и сотворилъ ихъ безчисленное множество. Посему быть не можетъ, чтобы этотъ величайшій праведникъ и избранникъ Божій не былъ тѣмъ, за кого выдавалъ себя. Нѣтъ, что ни говорили бы про Него враги Его, Онъ во истину Христось, сынъ Бога живаго. И несомнѣнно, что Онъ восторжествуетъ надъ своими врагами. Онъ столько явилъ опытовъ своего могущества, спасая другихъ отъ неизлечимыхъ болѣзней и воскрешая мертвыхъ, что можетъ и себя спасти. Время для этого еще не ушло, и чѣмъ безславнѣе Его настоящее положеніе, тѣмъ блистательнѣе будетъ явленіе Его въ славѣ. Онъ непремѣнно явится снова и откроетъ свое царство. Тогда горе будетъ Его врагамъ! — Такъ рассуждалъ, или могъ рассуждать разбойникъ, поистинѣ благоразумный. Онъ не только раскаялся, но и увѣровалъ въ Иисуса, какъ въ обѣтованнаго Христа, какъ въ Господа своего и Бога, и въ духъ покаянія и вѣры въ Иисуса, воззвалъ къ Нему: «помяни мя (*вспомни меня*), Господи, егда приидеши во царствіи твоемъ». О силѣ покаянія разбойника можно судить по тому, что онъ не только самого себя исповѣдалъ достойнымъ казни за свои дѣла, но и товарища своего, глумившагося надъ Иисусомъ, старался образумить, возбудить въ немъ страхъ Божій и чувство раскаянія. О силѣ вѣры благоразумнаго разбойника и надежды на Христа свидѣтельствуетъ то, что онъ исповѣдалъ эту вѣру и надежду тогда, когда видѣлъ Иисуса распятымъ, униженнымъ, опозореннымъ, когда слышалъ, какъ всѣ глумились надъ Нимъ, злословили Его, когда оставили Его самыя близкія къ Нему лица, кромѣ матери и возлюбленнаго ученика Его. Чѣмъ труднѣе было разбойнику при такихъ обстоятельствахъ увѣровать въ Распятаго, какъ Господа всемогущаго, какъ Царя неба и земли, и обратиться къ Нему съ мольбою надежды, тѣмъ возвышеннѣе подвигъ его вѣры и надежды. — *И рече Ему Иисусъ: днесъ со Мною будещи въ раи.* Господь обѣщаетъ увѣровавшему грѣшнику гораздо болѣе, чѣмъ тотъ ожидалъ. *Нынѣ же*, говоритъ Онъ ему, а не когда-нибудь, когда откроется пол-

ная царственная слава моя, вѣра твоя получить награду, и какую награду! Блаженное общеніе съ Господомъ въ той горней области, куда впослѣдствіи Павелъ восхищенъ былъ и гдѣ онъ слышалъ неизреченные глаголы, которыхъ чловѣку нельзя пересказать (2 Кор. 12, 4), то-есть на третіе небо, въ міръ небожителей.

Научись, грѣшникъ, отъ разбойника покаянію. Подобно разбойникамъ, не подчиняющимся власти и законамъ гражданскимъ, дерзко попирающимъ порядки общежитія, ты навѣкъ презирать законы Божескіе и уставы святой церкви. Горе тебѣ, если умрешь въ этомъ состояніи, какъ умеръ разбойникъ, хулившій Христа! Пospѣвши обратиться, и если будетъ искренне твое обращеніе, какъ обращеніе благоразумнаго разбойника, оно, какъ бы ни было запоздало, будетъ принято Господомъ, какъ принято его покаяніе. Подобно благоразумному разбойнику, потщись страхомъ суда Божія переломить свое упорство въ грѣховныхъ навѣкахъ, смиренно и безпощадно осуди себя здѣсь, чтобы избѣгнуть тамошняго осужденія, и съ вѣрою въ распятаго Иисуса, взявшаго на Себя грѣхи міра, воззови къ Нему, да не отринетъ твоего покаянія, какъ Онъ не отринулъ покаявшагося и увѣровавшаго разбойника, а когда смерть восхититъ тебя отъ земли, да помянетъ тебя во царствіи свосмъ, да водворитъ тебя въ одной изъ многочисленныхъ обителей въ домѣ Отца небеснаго, хотя въ самой послѣдней.

Чудесныя знаменія, послѣдовавшія за распятіемъ и смертію І. Христа.

Тварь содрогашеся (страдала), распинаема Тя видящи, горы и каменія страхомъ распадохуся (разсѣдались), и земля сотрясашеся и адъ обнажашеся (преисподняя пустѣла), и помрачашеся свѣтъ во дни, зря тебе, Иисусе, призвожденна плотию. Мат. 27, 51; Лук. 23, 45.

Господь Иисусъ однажды сказалъ Иудеямъ: «егда вознесете (на крестъ) Сына чловѣческаго, тогда познаете,

яко Азъ есмь» (Іоан. 8, 28), т.-е. когда распнете Меня и подумаете, что уже побѣдили Меня, тогда-то наипаче узнаете мою силу, узнаете, что я Сынъ Божій. Сіе предсказаніе сбылось, когда за распятіемъ и смертію Господа послѣдовали чудесныя, страшныя знаменія, свидѣтельствовавшія о силѣ и власти Его. Іисусъ распятъ былъ въ третій часъ дня, по нашему 9-й часъ утра. Въ 6-мъ часу, по нашему въ 12-мъ, въ самый полдень, померкло солнце распространилась тма по всей землѣ и продолжалась до часа 9-го. Въ 9-мъ часу Іисусъ громко воззвалъ: Отче, въ руки Твои предаю духъ Мой,—и преклонивъ главу, испустилъ духъ. И вотъ начались проявленія всемогущей силы и власти Божественнаго мертвеца: завѣса въ храмѣ, отдѣлявшая святилище отъ Святаго Святыхъ, раздралась пополамъ сверху до низу (въ знакъ того, что путь въ небеса, которыя предъизображены были Святымъ святыхъ, дотолѣ доступнымъ для одного первосвященника, открытъ для всѣхъ), земля потряслась, распались скалы и открылись гробы. Въ то же время обнажался или пустѣлъ адъ; ибо Іисусъ душою своею, разлучившеюся съ тѣломъ, сошелъ въ адъ, какъ побѣдитель ада и смерти, и заключенныя въ немъ души, съ вѣрою ожидавшія Его пришествія, извелъ въ рай, а души нѣкоторыхъ изъ святыхъ, изшедши изъ ада, снова соединились на короткое время съ тѣлами, и воставши отъ гробовъ, эти святые, по воскресеніи Спасителя, вошли въ Іерусалимъ и явились многимъ, для возвѣщенія побѣды Христа надъ смертію и адомъ.

Таковы поразительныя явленія, сопровождавшія распятіе и смерть Іисуса. Какое дѣйствіе произвели они на зрителей? Ожесточенные враги Іисуса остались Его врагами и послѣ этихъ знаменій Его божественной силы и величія. Они пребыли слѣпы и глухи къ тому, что вокругъ нихъ происходило. Они какъ будто не видѣли ни солнечнаго затмѣнія, ни треснувшихъ скалъ, не хотѣли признать во всемъ этомъ проявленія всемогущей силы Распятаго. Но въ другихъ эти чудесныя явленія произвели

благоговѣйный страхъ и раскаяніе. Такъ римскій сотникъ, можетъ быть мало прежде знавшій Иисуса, но слышавшій вѣроятно, что Иисусъ осужденъ на позорную казнь за то, что называлъ себя Сыномъ Божиимъ,—вмѣстѣ съ своими воинами будучи поставленъ стеречь Распятаго,—видитъ землетрясеніе и другія чудеса, приходитъ въ великій страхъ и говорить: «точно, этотъ человекъ былъ Сынъ Божій»,—т.-е. признаетъ въ Немъ существо божественное, могущественно повелѣвающее природою. И весь народъ, который сошелся смотрѣть на Голгоу, увидавши все, что происходило, возвращался (со стенами раскаянія), бия себя въ грудь. Примѣръ и внушенія враговъ Иисуса увлекли многихъ изъ народа къ тому, что одни изъ нихъ насмѣхались надъ Распятымъ, другіе только праздно ходили у креста, какъ на зрѣлищѣ. Но страшныя знаменія, въ часы страданій и смерти Иисуса, привели народъ въ себя, заставили содрогнуться за собственную участь. Особенно должны были придти въ волненіе и ужасъ тѣ, которые предъ тѣмъ кричали: кровь Его на насъ и на чадахъ нашихъ. Скорбь и страхъ суда Божія проникли въ ихъ сердца и положили начало тому раскаянію, которое впослѣдствіи возбуждено было съ такою силою проповѣдію Апостоловъ по сошествіи св. Духа (Дѣян. 2, 38; 3, 19).

То благоговѣйное и покаянное настроеніе духа, какое при видѣ упомянутыхъ чудесныхъ знаменій выразилось въ исповѣданіи римскаго сотника и въ народѣ, бившемъ себя въ перси, св. церковь желаетъ перелить и въ насъ, когда научаетъ насъ исповѣдывать: «аще не бы Богъ былъ распныйся, ниже солнце лучи свои потаило, ниже бы земля трепещущи тряслася. Вся Терпѣя, помяни и насъ во царствіи твоємъ». И мы охотно, со словъ церкви, повторяемъ это исповѣданіе; но одушевляемся ли мы при семъ тѣмъ благоговѣніемъ, какимъ исполненъ былъ римскій сотникъ? Не принимаемъ ли мы только къ свѣдѣнію, не воспринимаемъ ли одною памятію и умомъ то, что исповѣдуемъ устами, безъ сердечнаго участія?—На-

родъ, возвращаясь отъ Голгоѣы, билъ въ перси свои, признавая свою виновность предъ Тѣмъ, казни Котораго онъ требовалъ. Но Христось пригвожденъ былъ ко кресту за грѣхи всего міра: всѣ мы виновны въ Его крестныхъ страданіяхъ и смерти. Приходимъ ли мы въ сердечное сокрушеніе при этой мысли, и обращая ее въ умъ, не походимъ ли на праздныхъ зрителей, окружавшихъ голгоѣское зрѣлище, не поражаясь тѣмъ, что на Голгоѣѣ рѣшалась наша судьба?—Око вселенной, солнце, померкло, не стерпѣвши зрѣть распятымъ и опозореннымъ Творца своего. Помрачатся ли наши очи слезами скорби при мысли, что грѣхами своими, въ которыхъ каемся какъ будто только для того, чтобы еще глубже погрязнуть въ нихъ, вторично распинаемъ Сына Божія?—Земля сотрясалась въ минуту крестной смерти Господа. Потрясается ли наша совѣсть страхомъ суда Божія?—Камни разсѣдались. Не тверже ли камня душа, упорствующая въ грѣховныхъ навыкахъ, покрытая толстымъ слоемъ земныхъ пристрастій, сквозь который не достигаютъ до ней никакіе удары?—Гробы отверзались и изъ нихъ выходили ожившіе мертвецы. Но наша душа не продолжаетъ ли спать мертвымъ, непробуднымъ сномъ въ гробѣ духовной безопасности, не омертвѣла ли она ко всему святому и богоугодному, съ опасностію вѣчной смерти, или гибели?—Вотъ вопросы, которые долженъ задавать себѣ каждый грѣшникъ, если не желаетъ остаться нераскаяннымъ, какъ остались нераскаянными враги Иисуса, которыхъ не потрясли страшныя знаменія, сопровождавшія распятіе и смерть Иисуса. Да не затыкаетъ онъ своего слуха отъ обличительныхъ отвѣтовъ совѣсти на эти вопросы, и да поспѣшаетъ оплакать свои заблужденія и грѣхи, которымъ до сихъ поръ предавался съ возмутительною безопасностію.

Угроза нераскаяннымъ.

Грады, иже даде Христосъ благовѣстіе, душе моя, уведала еси, како прокляти быша: убойся указанія (примѣра), да не будеши якоже они, иже Содомляномъ Владыка уподобивъ даже до ада осуди. Мат. 11, 21—24.

Господь Иисусъ возвѣстилъ горе галилейскимъ городамъ—Хоразину, Вифсаидѣ и Капернауму за то, что они не покаялись, несмотря на то, что Онъ благовѣствовалъ въ нихъ чаще чѣмъ въ другихъ городахъ и Свое благовѣстіе подкрѣплялъ многочисленными чудесами. Въ частности, обращаясь къ Капернауму, Онъ сказалъ: «и ты Капернауме, иже до небесъ вознесыйся, до ада спидеши: зане аще въ Содомѣхъ быша силы быдѣ бывшія въ тебѣ, пребыли убо быша до днешняго дне. Обаче глаголю вамъ, яко земли Содомстѣи отраднѣе будетъ въ день судный, неже тебѣ» (Мат. 11, 23. 24). Тяжки были грѣхи Содомлянъ, ихъ крайній развратъ и нечестіе, вопіявшіе къ Богу, за что ихъ городъ вмѣстѣ съ окрестными мѣстами чудесно разрушенъ огнемъ и сѣрою, и провалился. Страшно это наказаніе Содомлянъ, и потому въ писаніи представляется, какъ поразительный примѣръ божественнаго мщенія за грѣхи и какъ доказательство, что тяжкіе грѣхи не остаются ненаказанными. Но Содомляне, по слову Христову, избѣжали бы этого наказанія и пребыли бы доселѣ, еслибы слышали благовѣстіе и видѣли чудеса, подобныя тѣмъ, какія были въ Капернаумѣ,—ибо тогда Содомляне покаялись бы и заслужили бы пощаду. Жители Капернаума виновнѣе Содомлянъ, ибо не вразумились проповѣдію и чудесами самого Христа, обитавшаго среди нихъ, и потому заслужили болѣе строгое наказаніе. Капернаумъ, славившійся многолюдствомъ, цвѣтущюю торговлею и промышленностью и богатствомъ жителей, наипаче же прославившійся пребываніемъ въ немъ Христа, съ высоты своей славы какъбы съ неба поверженъ какъбы въ адъ, въ крайнее уничиженіе, опустошенный и разрушенный до

основанія Римлянами. Но это только временное наказаніе. Оно не строже, а пожалуй легче казни, постигшей Содомъ. За то въ день страшнаго суда Содомлянамъ отрадиће будетъ, чѣмъ жителямъ Капернаума и другихъ городовъ, не подорожившимъ проповѣдію и дѣлами среди нихъ самаго Христа Спасителя.

Угроза Христа Спасителя, обращенная къ городамъ не принявшимъ благовѣстія Его, относится и къ христіанамъ. Всѣ мы, какъ члены церкви Христовой, оглашаемся благовѣстіемъ Христовымъ изъ Евангелія и изъ устъ пастырей церкви. Всѣмъ намъ дарованы обильныя силы и средства ко спасенію въ таинствахъ, служащихъ источникомъ благодати Божіей. Ко всѣмъ намъ относится обѣтованіе Христа: «се Азь съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка»,—слѣдственно Христось близокъ къ намъ не менѣе, чѣмъ къ жителямъ Капернаума, въ которомъ Онъ обиталъ и который былъ для него своимъ, какъбы роднымъ городомъ. Но чѣмъ больше кому дано, тѣмъ больше съ того взыщется. Жителямъ городовъ, не принявшихъ благовѣстія Христа и не покаявшихся грозитъ на судѣ Христовомъ наказаніе тягчайшее, чѣмъ Содомлянамъ, потому что имъ дано больше средствъ для спасенія, чѣмъ Содомлянамъ. Не забывай, грѣшная душа, этого примѣра и если не хочешь, подвергнуться бѣдственной участи современныхъ Христу презрителей Его благовѣстія, страшись подражать имъ въ грѣхахъ, которыми они навлекли на себя грозный судъ Христовъ. Внимательно прислушивайся къ благовѣстію Христову, и устрой твою жизнь по его указанію; упражняй себя въ подвигахъ покаянія и добродѣланія, пользуясь для сего обильными благодатными средствами, предлагаемыми свят. церковію,—съ смиреніемъ и безпрекословнымъ послушаніемъ подчинишься ея руководству въ дѣлѣ спасенія. Помни, что внѣ ея нѣтъ спасенія, ибо только въ ней обитаеть Христось.

КОПЕЦЪ.

Прот. В. Нечаевъ.

ПИСЬМА

къ разнымъ лицамъ и о разныхъ предметахъ
вѣры и жизни.

XXVI.

Рѣшаетесь оставить мѣръ и все житейское. Добрѣ!
Избираемый вами путь хорошъ и, если добрѣ потечете,
будетъ благоуспѣшенъ. Изъ нѣкоторыхъ вашихъ о себѣ
словъ заключаю, что Господь давно гонится за вами и
хочетъ уловить васъ; а вы все не поддавались. Наконецъ-
то пришла вамъ мысль повинуться призыванію Его и по-
тещи въ слѣдъ Его, вся оставивши.

Божія изволенія на избираемый вами путь нельзя не
видѣть.—И слава Богу! Вѣдайте однакожъ, что тѣмъ
паче внимать себѣ подобаешь. Ибо и врагъ не дремлетъ,
и вмѣсто пути Божія не постыдится съ настойчивостію
предлагать вамъ свои дороги, какъ обычно, съ цвѣтами,
безъ терній. Смотрѣть надо, со страхомъ и трепетомъ
спасеніе свое содѣвая. Богъ не оставитъ, если смиренно
будете искать помощи и указаній.

Намѣреніе ваше посвятить себя на служеніе Господу
можетъ быть разное исполнено. Можете пойти въ мо-
настырь, можете и дома особную жизнь вести, если
удобно, подобно чернышкамъ; можете поселиться гдѣ ли-
бо около монастыря; можете поступить въ сестры ми-
лосердія. Чтѣ вамъ пригожѣе, смотрите сами. Куда боль-
ше душа лежитъ и къ чему больше видите себя способ-
ными, на то и рѣшайтесь!—Можно перепробовать все,—
и остановиться на томъ, чтѣ найдете болѣе себѣ приго-
жимъ.

Желательно вамъ иногда относиться ко мнѣ съ вопросами. Пишите. Буду отвѣчать, насколько достанетъ практическаго смысла. Но мое писаніе будетъ для васъ тоже, что чтаніе книгъ. Руководству же, какъ вы его желаете, устроиться тутъ нѣтъ возможности. Издали что за руководство? Со мною у васъ могутъ идти только разсужденія. А разсужденія и руководство—двѣ разныя вещи. Руководство требуетъ: такъ и такъ сдѣлай, и иначе поступить не смѣй, а разсужденіе вообще разсуждаетъ, оставляя на произволь, слѣдовать ли ему, или не слѣдовать. Руководитель беретъ на себя отвѣтъ за душу руководимую, а разсуждающій только благожелательствовать ей можетъ.

Вотъ и извольте разумѣть, въ какомъ смыслѣ будетъ идти моя рѣчь. Такого же руководства, какъ—возьми за руки и веди, не могу обѣщать. На это нѣтъ у меня умѣнья, и не можетъ быть выполняемо мною, какъ слѣдуетъ, по моимъ и вашимъ обстоятельствамъ. Извольте сами идти, а я буду расписывать вамъ пути и распутія. Больше этого не могу обѣщать.

Когда будете писать, пишите съ плеча, не обдумывая. Эти обдумыванія всегда почти заслоняютъ истину и заставляютъ говорить не то, что есть.

XXVII.

На мое указаніе: «молись со смиреніемъ»,—ты отвѣчаешь вопросомъ: «развѣ можно молиться безъ смиренія»?—На это тебѣ скажу: зналъ я одного человѣка, который говаривалъ: ты, когда идешь на молитву, проценты и пенсію идешь получать, или просить милостыню? Зналъ другаго, который остерегалъ: смотри, какъ бы въ молитвѣ-то не держать себя за панибрата съ Богомъ.—И тамъ и здѣсь нѣтъ смиренія. И множество другихъ есть проявленій несмирннаго и вообще неисправнаго моленія. Если ты, какъ говоришь, всегда со страхомъ и

трепетомъ, съ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ стоишь на молитвѣ: то и слава Богу! Великая къ тебѣ милость Божія! Ибо такую настоящую молитву Богъ даетъ. Благодари Его и проси не отнимать у тебя такого настроенія въ молитвѣ.

Правило твое молитвенное,—что когда здоровъ и ничто не мѣшаетъ, ходишь въ церковь, а когда не бываешь въ церкви, дома молитвословишь, какъ положено, или поклонами отбываешь уставный чинъ молитвы,—хорошо. Въ церкви всегда лучше молиться: тамъ воздухъ молитвенный. И ты хорошо дѣлаешь, что спѣшишь туда. Но ужъ когда нельзя,—дѣлать нечего, дома молись. Дома можно молиться всячески,—какъ разсудишь,—полная свобода, только бѣ было ума и сердца возношеніе къ Богу съ славословіемъ, благодареніемъ и прошеніемъ. Но ты хорошо дѣлаешь, что молитвословишь больше по молитвеннику, со вниманіемъ и чувствомъ, и только иногда довольствуешься одними поклонами со своими молитвенными словами. Надо прежде воспитать въ себѣ молитву, или молитвенное настроеніе готовыми молитвами, а потомъ уже и своею молитвою молиться начинать. Слово къ Богу въ молитвѣ, хоть не главное, но лучше когда оно боголѣпно; а такому слову нигдѣ не научишься, какъ изъ готовыхъ молитвъ. Всяко однакожь, когда найдетъ сильное молитвенное чувство и его разбиваетъ чтеніе молитвъ, оставляй это чтеніе и давай просторъ тому чувству. Если времени нѣтъ, сократи чтеніе или совсѣмъ прекрати, а молись только по чувству тому съ поклонами. А если чувство пройдетъ, а время еще есть, то продолжай опять чтеніе положенныхъ молитвъ. Все съ полною свободою,—лишь бы къ Богу благоговѣиство сохранялось. Такъ все и веди дѣло—то чтеніемъ молитвъ со вниманіемъ, то своею молитвою, когда бываешь въ чувствѣ. Молитва твоя все будетъ расти и крѣпнуть, растепляться и разгораться.

Хотѣлось бы, говоришь, въ затворъ. Рапенько, да и

пужды нѣтъ. Одинъ же живешь. Когда-когда кто зайдетъ. А что въ церкви бываешь, это не разбиваетъ твоего одиночества, а утверждаетъ, или даетъ тебѣ силу и дома проводить время молитвенно. По временамъ можно день-другой не выходить, все съ Богомъ стараясь быть. Но это у тебя и само собою бываетъ. Такъ нечего загадывать о затворѣ. Когда молитва твоя до того укрѣпится, что все будетъ держать тебя въ сердцѣ предъ Богомъ; тогда у тебя и безъ затвора будетъ затворъ. Ибо затворъ что есть? То, когда умъ, заключившись въ сердцѣ, стоитъ предъ Богомъ въ благоговѣнствѣ и выходитъ изъ сердца или чѣмъ-либо заняться другимъ не хочетъ. Этого затвора ищи, а о томъ не хлопочи. Можно и при затворенныхъ дверяхъ по міру шататься, или цѣлый міръ напустить въ свою комнату.

XXVIII.

Пишете: «пробую пожить въ монастырѣ». — Добрѣ! — Даруй вамъ Господи увидѣть монашескую жизнь въ монастырѣ. Извольте знать, что во всякомъ монастырѣ текутъ двѣ жизни: одна обычная, житейская, — ходять, говорятъ, ѣдятъ, пьютъ, спятъ и проч.; а другая — собственно монашеская, въ молитвѣ, постѣ, богомыслии и борьбѣ со страстями проходящая. На виду только первая, — а вторая не видна и намѣренно скрывается, даже отъ своихъ, а не только отъ пришлыхъ, какова вы. Не увидя этой, вы можете заключить: чтожъ это за монашество? Тутъ тоже, что и въ міру, — особенно когда придется услышать крупные разговоры, или увидѣть чтò неладное. Отъ чего бранять монаховъ и монахинь? Оттого, что видать только одну житейскую сторону ихъ жизни, а монашеской настоящей не видать, бывая въ монастыряхъ только какъ посѣтители. Смотрите, не впасть бы и вамъ въ такую ошибку.

Вотъ ужъ вы и подмѣтили нѣчто не по вкусу вамъ: «у монахинь не сходитъ съ языка врагъ; мало-мало что — все врагъ да врагъ. Признаюсь, это меня непріятно поражаетъ. Да и какъ такъ?—У меня разумъ есть; сама задумываю, сама и говорю, и дѣлаю».—Этимъ вы даете знать, что не совсѣмъ вѣрите во вмѣшательство нечистыхъ силъ въ наши дѣла. Ученая! Какъ же вѣрить такимъ нелѣпостямъ! Всѣ ученые таковы; и не видятъ, какъ врагъ опутываетъ ихъ еще болѣе, чѣмъ неученыхъ, и это не по житейской только части, но и по ученой. Ни одного ученаго нѣтъ, которому врагъ не напустилъ бы въ голову мыльныхъ пузырей, которые они считаютъ блестящими идеями или теоріями. А въ жизни, въ чувствахъ и отношеніяхъ онъ непрестанно ноги имъ подставляетъ въ насмѣшку. Они же ничего этого разобратъ не могутъ.—Вотъ и вы такая же. Подождите. Врагъ не заставитъ васъ долго ждать; скоро нагородитъ вамъ такихъ подсадъ, что свалитесь.

На этотъ разъ я вамъ ничего про это не скажу, кромѣ того, что вамъ слѣдуетъ подумать и возстановить въ себѣ ту истину, что нѣсть *наша брань къ плоти и крови, но къ началомъ и ко властемъ и къ міродержителямъ тмы вѣка сего, духовомъ злобы поднебеснымъ* (Еф. 6, 12),— и что главнокомандующій ихъ *яко левъ рыкая ходитъ искій кого полотити* (1 Петр. 5, 8). Такъ говоритъ Духъ Святой устами св. Апостоловъ. И вѣрить надо. Вѣрьте же, а опыты начатой вами жизни скоро удостовѣрятъ васъ въ этомъ осязательно.

Вы порѣшили, что будете молиться, чтобы Господь далъ вамъ опредѣлительнѣе увидѣть, что вы такое. Пре-
доброе рѣшеніе! Никто кромѣ Господа не можетъ научить истинному познанію себя. Учитъ сему опытъ; но точное пониманіе опытовъ въ семъ смыслѣ подаетъ Господь. И Ангель Хранитель, по мановенію Господа, внушаетъ, какъ что подмѣтить. Трудитесь! Даруй вамъ Господи дойти до ясновидѣнія, что вы слѣпая, разслаблен-

ная, прокаженная. Это настоящее наше состояніе. Таково оно есть, а не надумывается такимъ; только не всякой видить то, даже и изъ желающихъ видѣть. Врагъ закрываетъ, потому что это его работа, что мы таковы. Онъ и прячетъ ее, чтобъ увидѣвши мы не разорили ея до основанія. Туманомъ заволакиваетъ онъ очи наши, держа насъ вообще въ помышленіи о себѣ такомъ, что мы очень хорошій народъ. Намъ это и на-руку. Когда дастъ вамъ Господь развѣять этотъ туманъ, увидите, какая вы хорошая. Начинайте приходить предъ Господа въ молитвѣ, какъ осужденная и погибающая. Хоть это будетъ у васъ заключеніемъ самопознанія, если успѣете въ немъ; но хорошо и напередъ это приговорить о себѣ, чтобъ давать направленіе самопознанію.

XXIX.

Пишете: «говорила съ духовнымъ своимъ отцемъ и сказывала ему о себѣ разное. Онъ прямо мнѣ сказалъ, что я горда и тщеславна. Я ему отвѣтила, — что я со-всѣмъ не горда, но терпѣть не могу приниженности и угодничества». Отпѣли, прекрасно. Вы не давайте себя имъ въ обиду, чтобъ знали, что за васъ голою рукою нельзя хватать. Вишь выдумалъ называть какъ, да еще въ глаза? — Теперь и я вамъ приговорю: на что же лучше доказательства, что вы горды, какъ отвѣдь ваша? Она не плодъ смиренія. И зачѣмъ вамъ поперечить такому приговору? Если онъ нейдетъ къ вамъ, бѣды отъ этого нѣтъ; а если идетъ, вы же отклоняете его, то отъ этого не мало бѣды; потому что, не признавая за собою худа, не будете стараться исправить его, и оно засядетъ у васъ навсегда. Лучше вамъ, непопереча, положить вникать въ себя хорошенько, нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ въ васъ сего зеля крайне недобраго. Вы прошлый разъ собирались молить Господа—дать вамъ позвать, чтò вы такое. Вотъ вамъ Господь и послалъ указаніе, а вы

отворачивается. Вѣрно вы ожидали, что Господь вамъ покажетъ, какая вы распрекрасная. Нѣтъ, этого не ожидайте. Случай сей есть прямой отвѣтъ Господа на ваше желаніе и моленіе. Извольте-ка лучше и свой къ сему мановенію Господню приложить трудъ. Начинайте вникать въ себя строже. Станьте у сердца и замѣчайте, что оттуда выходитъ; потомъ обсуждайте, какого свойства это вышедшее. Если оно окажется гордостнымъ хоть мало-мало, значить гордость сидитъ въ сердцѣ, и пускаетъ оттуда такіе пузырьки.

Чтобъ вамъ удобнѣе было вести это, необычное вамъ дѣло, пересмотрите, какія бываютъ проявленія гордости, и помощію ихъ уловляйте себя. Какія же бываютъ проявленія гордости, это вы узнать можете изъ Лѣствичника, именно изъ словъ его о гордости и тщеславіи, изъ Касіана, изъ Нила преподобнаго, изъ Православнаго исповѣданія тамъ, гдѣ перечисляются порожденія семи смертныхъ грѣховъ. Всѣ эти книги найдете въ монастырѣ, пока-то успѣете и сами заpastись ими. Замѣтте лучше всѣ признаки проявленія гордости, и потомъ смотрите, бываютъ ли они у васъ. Если хоть немногіе, и иногда проявляются, значить гордость есть,—и надо ее искоренять. Вы писали, что когда-то желали оскорбленій и униженій. Это было прямое свидѣтельство смиренія. А тутъ сказали вамъ: вы горда,—вы оскорбляться, поперечить и отворачиваться отъ сказавшаго. Такія дѣйствія не знакъ ли, что смиренія нѣтъ: было, да испарилось, по крайней мѣрѣ, на этотъ случай. Кто желаетъ оскорбленій, тому сколько ихъ ни дѣлай, все мало. Такъ и смиренный думаетъ, что ему все мало униженій. Вы говорите: сказалъ бы, въ чемъ гордость. — Да вѣдь она бываетъ очень тонкая, такъ что чувствуется, что она есть, а опредѣлительно схватить ее мудрено. Извольте сами добратся, въ чемъ ваша гордость. Сказавшему же вамъ объ этомъ будьте благодарны, что наводитъ васъ на самопознаніе. Я въ прошлый разъ писалъ вамъ: приступайте къ молитвѣ,

какъ осужденная и погибающая. А вы въ протестъ. У васъ часто прорывается протестъ. Придется сказать, что вы въ духѣ протестантка.

Скажете, что и я на васъ, какъ и духовникъ. Я ни на васъ, ни за васъ; а только навожу васъ на то, чтобъ присмотрѣлись хорошенько къ себѣ. Опять повторю: бѣды нѣтъ отъ того, если вамъ приписывается то, чего нѣтъ. А если присмотритесь и найдете, — будетъ благо. Сіе вѣдайте, что всѣ промыслительныя относительно каждаго лица дѣйствія къ тому преимущественно направляются, чтобы въ порошокъ стереть наше я. Также, конечно, имѣется въ виду и въ отношеніи къ вамъ. И благодарите Господа, что Онъ, на первыхъ же порахъ вашего Ему себя посвященія, такой спасительный задалъ вамъ урокъ. Извольте же его обсудить какъ слѣдуетъ, и заучить.

XXX.

«Поминасте объ одной монахинѣ, которая очень ревностна и къ службамъ церковнымъ, и къ послушаніямъ монастырскимъ. И дѣла у ней горять въ рукахъ; а она все твердитъ, что нерадива и лѣнива. Приторно это мнѣ показалось, говорите. Очевидно, тутъ нѣтъ искренности въ словахъ, и слушать ихъ несприятно». — Подождите, и сами тоже заговорите, когда соберетесь въ себя и станете внимать себѣ. Вы теперь пока еще внѣшняя; внѣшнее только видите и о всемъ по внѣшнему судите. А потомъ все встрѣчаемое обернется къ вамъ другою стороною, и обо всемъ станете вы судить иначе, — и о себѣ самой также. Та монахиня ретивая очевидно себѣ внимаетъ; внимая же себѣ видитъ всякое, возникающее изъ сердца, неправое движеніе. Хоть она тотчасъ же прогоняетъ ихъ, но не можетъ считать ихъ совсѣмъ чужими, когда они въ ней происходятъ, а счѣтши своими, и судить о себѣ должна по качеству ихъ. Пусть пришло желаніе

поѣсть что полакомѣе и побольше. Хотя она этого не сдѣлаетъ, но все же можетъ искренно считать себя и лакомкою и утровою ненасытною. Пусть пришло желаніе — одѣться почище и поновѣй; она можетъ искренно считать себя щеголихою и пустою мірянкою, хоть и не приобрѣтетъ себѣ параднаго платья. Такъ и во всемъ, такъ и относительно нерадѣнія и лѣности.

Вѣрно, по временамъ, приходятъ ей позывы дать себѣ льготу или въ церкви, или дома. Какъ такой позывъ исходитъ изъ сердца, то значить, что лѣность не совсѣмъ еще тамъ испарилась, или духъ бодренный не всегда поддерживаетъ она въ церкви непрерывно, и онъ пресѣкается то разсѣяніемъ, то послабленіемъ. Такое пресѣченіе какъ назвать, какъ не нерадѣніемъ? Такъ вотъ когда придетъ ей на память цѣлый рядъ такихъ случаевъ, совѣсть и заставляетъ ее сознаться въ нерадѣніи и лѣности. И стало-быть, когда она называетъ себя такою, то тутъ никакой пѣтъ неискренности. Припомните сказаніе объ одномъ старцѣ, великомъ наставникѣ многихъ, какъ онъ сидя въ келліи бранилъ себя и объѣдалоу, и соню, и праздношатайкою, и разными недобрыми называлъ себя именами. Слушалъ это ученикъ его и изумлялся, потому что ничего такого за старцемъ его не водилось. Но онъ искренно могъ такимъ почитать себя по помысламъ, или по воспоминавію прошедшаго. Я знаю одного человѣка, который называетъ себя сребролюбивымъ и скупымъ, хотя не бережетъ денегъ. Когда спросятъ его, почему онъ такъ о себѣ говоритъ, онъ отвѣчаетъ: люблю имѣть деньги, и когда проситъ кто, всегда жаль бываетъ дать; даешь, правда, но всегда черезъ *жаль*.

Такъ вотъ какъ бываетъ во внутренней жизни. Придетъ время, и сами такъ о себѣ будете говорить. Богъ судить о человѣкѣ, какъ онъ есть внутри, въ сердцѣ, а не какъ вовнѣ. Такъ и внимающіе себѣ и Бога боящіеся о себѣ судятъ.

XXXI.

«Пришла, говорите, одна монахиня словоохотливая. Разговорились, и все по питочкѣ перебрали бывающее въ монастырѣ. Слушалось спокойно и какъ будто въ сласть. Но когда я осталась одна и стала все припоминать, поднялось смущеніе, все расло и расло, и наконецъ обратилось въ бурю. Я свалилась будто въ лихорадкѣ; потомъ заперлась и не выходила, пока не успокоилась».

И слава Богу, что успокоились. Теперь сядьте и разсудите, чтò это такое было? — Растревожилось чувство правды, поднялась ревность по правдѣ, и ну бушевать. Кажется, все это въ порядкѣ, какъ вы и думаете. А оно не въ порядкѣ. Оставляю въ сторонѣ предметы, производшіе смущеніе; беру самое смущеніе и говорю, что это врагъ надъ вами насмѣялся. Вы не вѣрите въ его вмѣшательство въ наши дѣла,—вотъ вамъ и награда отъ него за это; а Господь попустилъ это вамъ, чтобъ опытомъ научить васъ истинѣ сей. Давно-давно я встрѣчалъ книжку о внутреннемъ мирѣ. Тамъ, помнится, все сводится къ слѣдующему положенію: умиротворившись, блюди миръ сердца, отражая безъ жалости все, покушающееся нарушить его,—все, какъ бы красно оно ни казалось. Припомнилъ я это и прописываю вамъ. Ужъ какъ вѣдь красно казалось происходившее въ васъ! Вы — Илія ревнитель огненный, съ мечемъ въ рукѣ выступали на защиту законовъ правды. А смотрите, какой плодъ! Какъ лихорадка оттрепала! Такое смущеніе не могло имѣть хорошаго источника. Богъ нашъ есть Богъ мира, и все Божіе миръ приноситъ. И ревность по правдѣ, когда она отъ Бога, бываетъ мирна, кротка, ко всѣмъ сострадательна, даже и къ тѣмъ, кои нарушаютъ правду. Посему уразумѣйте, что разжигавшая васъ лютость ретивая не отъ Бога. Врагъ подсѣлъ къ сердцу вашему и распалилъ его такъ неестественно, что вы свалились. Это первое.

Второе, что слѣдуетъ вамъ взять въ умъ, вотъ что есть. Еслибъ была правда въ слышанномъ вами, врагъ не сталъ бы распалять васъ такъ, потому что тогда онъ не на себя бы работалъ. Намъ свойственно ратовать за правду, только разжигаться такъ несвойственно. Еслибъ онъ разжегъ васъ при правдѣ, тогда вы погрѣшили бы только въ степени распаленія по ревности, а это ему не важно. Да тогда и самая правда дѣла не допустила бы до этого. Изъ этого заключить слѣдуетъ, что въ слышанномъ вами нѣтъ правды. О монастыряхъ и монастырскихъ издавна ходитъ премного недобрыхъ исторій. И міряне и монахи съ монахинями повторяютъ ихъ, когда откроется случай, прилагая ко всякому монастырю, о какомъ ни пойдетъ рѣчь, бывали ль въ немъ подобные случаи, или нѣтъ. Вотъ и монахиня та вамъ наболтала, не зная что, и я навѣрное полагаю, что и сотой доли правды не было въ ея рѣчахъ. А вы изъ себя вышли, крича: вѣдь это адъ, а не житье. Бываютъ конечно въ монастыряхъ случаи казистыя, но все мелочь: бываютъ и сплываютъ, и толковать о томъ нечего.

Такъ извольте повѣрить, что слышанное вами почти все ложь, и что врагъ взялъ эту ложь, и представивъ вамъ ее въ видѣ правды, поджегъ вашу ревность по правдѣ и распалилъ ее до неестественной степени. Вы обмануты, призракъ истины приняли за истину, и ну лютовать. Пишу это не за тѣмъ, чтобъ кого-либо обвинить, а за тѣмъ, чтобъ навестъ васъ на мысль, что васъ врагъ обманулъ и насмѣялся надъ вами, и чтобъ вы отъ этого случая начали по крайней мѣрѣ вѣроятнымъ считать вмѣшательство нечистой силы въ дѣла наши.

Положите же себѣ закономъ, всякое смущеніе омрачающее считать дѣйствіемъ мрачныхъ силъ, и съ перваго же появленія смущенія, преграждать ему дальнѣйшій ходъ и прогонять. Миръ душевный чрезъ это всегда будетъ сохраняемъ, а при мирѣ ясно будетъ ваше внутреннее и виѣшнее, — и здравомысленное теченіе дѣлъ вашихъ разстраиваемо не будетъ.

XXXII.

Еще не успѣли вы получить моего отвѣта на прежнес письмо ваше о смущеніи небывальными монастырскими неправостями, какъ пишете другое, въ которомъ рисуется самую мрачную картину монашеской жизни. Подобныхъ рѣчей мнѣ еще ни отъ кого не приходилось слышать, и я удивляюсь очамъ вашимъ, которыя умѣли увидѣть все прописанное. Или—правда, имъ ли слѣдуетъ удивляться, или другому чему. Вотъ посмотримъ.

«Здѣсь пришла я къ убѣжденію, что монахини—народъ чрезвычайно лѣнивый умомъ; отъ постоянного навыка исполнять тѣломъ положенныя правила и число поклоновъ, умъ спитъ».

Еслибъ вы сами бывали на этихъ правилахъ и, бывая, держали себя въ продолженіе ихъ какъ слѣдуетъ, то никакъ бы этого не сказали. Ибо что это за правила? Это церковныя и келейныя молитвословія, сопровождаемыя и перемсжаемыя поклонами, то многими, то тремя и однимъ. Обычно правилами называютъ тѣ молитвословія, которыя совершаютъ или всѣ въ церкви вечеромъ послѣ церковныхъ службъ, или каждая особо въ своей келліи; но и кругъ дневныхъ церковныхъ службъ сюда же слѣдуетъ относить, начиная съ полунощницы и кончая повечеріемъ. Извольте вы теперь взять во вниманіе содержаніе всѣхъ этихъ молитвословій и скажите, можетъ ли умъ, внимающій имъ, спать? Онъ можетъ не внимать, а когда внимаетъ, спать не можетъ. Ибо при вниманіи неотразимо печатлѣются въ немъ самыя возвышенныя и возбуждательныя созерцанія о Богѣ и вещахъ, божественныхъ. Каждое молитвословіе живописуетъ Бога, въ Троицѣ покланяемаго, Творца, Вседержителя и Промыслителя,—таинство воплощенія Сына Божія и устроенія Имъ нашего спасенія, образъ нашего въ Немъ спасенія, сонмы спасенныхъ, послѣдніе дни каждого, судъ и воздаяніе. Можно

ли спать уму при созерцаніи всего этого? Не только въ продолженіе молитвословія не заснетъ онъ, но и въ продолженіе всего дня, при другихъ обычныхъ занятіяхъ, будетъ непрестанно бодренъ и занятъ высокими помысленіями.

Которые не внимаютъ, у тѣхъ, не дивно, что умъ спитъ. Но вѣдь это не порядокъ, а беспорядокъ въ монашеской жизни; потому въ укоръ ей относимо быть не должно. Вы всѣхъ монаховъ подвели подъ одинъ уровень, не только своего монастыря, но и другихъ. По вашему монахины—такой народъ, что всѣ спятъ умомъ. Почему вы это знаете?! Молитвословія по содержанію всѣ возбуждательны,—уставъ велитъ всѣмъ внимать, — внимающіе не могутъ спать умомъ. Скорѣ вамъ слѣдуетъ заключить, что монахины всѣ въ сильномъ умовомъ возбужденіи, чѣмъ—что спятъ. Бываютъ, конечно, засыпающія или на нѣсколько минутъ, или на все правило, или даже на нѣсколько дней. Но чтобы всѣ всегда спали, это крайне несостоятельный приговоръ. Вступаютъ въ обитель обычно возбужденныя; въ монастырѣ встрѣчаютъ онѣ во всѣхъ порядкахъ, особенно въ молитвенныхъ, сильную поддержку такого возбужденія. Какъ тутъ заснуть? Что временно ослабѣваетъ возбужденіе, это очень обычно; а навсегда ему погаснуть нельзя. Кромѣ внѣшняго поддержанія возбужденія, и внутри у нихъ, у всѣхъ, есть страхъ Божій и совѣсть, которыя не дадутъ заснуть въ конецъ.

Развѣ, можетъ быть, вы подъ умовою спячкою разумѣете то, что онѣ не проходили наукъ и вопросами ихъ не томятъ своей головы? Но вѣдь не всѣмъ все вѣдать возможно. И между учеными не подъ рядъ ли бываетъ, что математикъ плохо знаетъ или совсѣмъ не знаетъ исторіи, медикъ небрежетъ о философіи и под. — Кругъ предметовъ, которыми занимается монашество и съ которыми соприкасается, есть особый кругъ достойный изученія,—и не паче ли, чѣмъ всѣ другіе предметы. Изучаются сіи предметы опытно, но усвоятся умомъ, кото-

рый обнимаетъ ихъ потомъ и теоретично. Если монахини внимаютъ — а этого отрицать вообще нельзя—то непременно и изучаютъ свой предметъ, каждая въ своей степени. Если изучаютъ, то не спятъ умомъ. Вѣдь у нихъ идутъ чтенія въ церкви и по келліямъ, бываютъ взаимныя бесѣды частныя; въ иныхъ обителяхъ нарочно собираются особо отъ церковныхъ собраній гдѣ-либо, собственно для чтенія назидательнаго и бесѣдъ. Всѣмъ этимъ каждая и набирается ума. Опыты противныя сему, если вы на нихъ укажете, суть уклоненія отъ праваго пути и порядка, и слѣдовательно только исключенія, а не общая черта.

Вы полагаете, что монахини тѣлесно исполняютъ свои правила. Что же это тѣлесно? Однѣ читаютъ и поютъ, другія кладутъ поклоны, и всѣ собраны въ одно мѣсто и обращены въ одну сторону, къ св. иконамъ. Но вѣдь все это не вполнѣ тѣлесно, а развѣ на половину. Слово тѣлесно ли? Оно только тѣлеснымъ органомъ произносится, и ухомъ тѣлеснымъ пріемлется, а само тѣлесно ли? Таково же и пѣніе. Какъ правила всѣ почти исполняются словами и пѣніемъ, то вообще объ исполненіи правилъ совсѣмъ нерезонно говорить, что это дѣлается тѣлесно. Говорю это только смотря на видимую сторону дѣла, на которую и вы смотря сдѣлали свое премудрое заключеніе. Но если приложить, что читающіе и поющіе, и слушающіе чтеніе и пѣніе заняты не чтеніемъ и пѣніемъ, а паче тѣмъ, что содержитъ читаемое и поемое; то въ такомъ исполненіи правила ничего уже не останется тѣлеснаго. А когда и въ смотрѣніи на св. иконы и въ кладеніи поклоновъ мы прозримъ, какъ и слѣдуетъ, созерцанія божественныхъ вещей и движенія сильныхъ благочестивыхъ чувствъ; то должны будемъ согласиться, что исполненіе правила все вполнѣ духовно, хоть имѣетъ свою видимую сторону, безъ чего намъ обойтись нѣтъ возможности. Привыкать къ правиламъ точно привыкаютъ, привыкаютъ и къ самому образу ихъ исполненія;

но вмѣстѣ съ тѣмъ привыкають и къ святымъ движеніямъ ума и чувства подѣйствию ихъ, и слѣд. привычка къ правиламъ не отѣлесяетъ, а одуховляетъ, и ума не усыпляетъ, а пріучаетъ къ бодренности трезвенной и живой.

По вашему и поклоны наводятъ спячку на умъ. Вотъ если вы помиритесь съ монастырскою жизнію и останетесь въ обители, то сами станете класть поклоны, и тогда на дѣлѣ испытаете, какое возбуждательное дѣйствіе имѣють они на душу и умъ.

Поклоны возбуждаютъ энергію духа, и духъ, возбужденный инымъ путемъ, требуетъ поклоновъ. Они всегда состоятъ во взаимодействіи. Почему у св. отцевъ между правилами воспитанія духовной жизни стоитъ и множество поклоновъ ежедневныхъ. Многіе и всѣ правила молитвословія исполняютъ посредствомъ поклоновъ, слѣдуя указаніямъ, положеннымъ въ Слѣдованной нашей псалтири. Вы, я полагаю, вѣдь не настолько недалеко въ церковно-молитвенныхъ дѣйствованіяхъ, чтобы дѣло поклоновъ ограничивать однимъ наклоненіемъ головы и тѣла. Еслижъ вы не знали, что такое поклоны, то знайте, что они суть прямые слѣдствія возбужденія благоговѣйныхъ мыслей и чувствъ, и сами въ свою очередь возбуждаютъ такія же мысли и чувства и должны быть причислены къ способамъ воспитанія духа,—не бессильнымъ.

Да вы сами имѣете вѣдь какое-либо молитвенное правило и исполняете его? Какъ же исполняете? — Тоже стоите предъ иконами, читаете молитвы по молитвеннику и кладете поклоны? Такъ вотъ чувствуете ли при семъ, что вашъ умъ усыпляется? Если не чувствуете, то за чѣмъ иначе судите о другихъ? Если о другихъ судите такъ, то дайте право и другимъ судить о васъ, что вы тѣломъ только исполняете правило, а умъ вашъ спитъ. Можете противъ этого подумать: какъ можно? Я ученая. На это вамъ скажутъ, что ученость—совсѣмъ другая область отъ духовной жизни. Ученая еще непробуднѣе можетъ спать на правилѣ, чѣмъ простая.

С Л О В О

о закрытіи питейныхъ домовъ въ приходѣ.

Хочу поговорить съ вами, слушатели, объ одномъ весьма важномъ предметѣ,—объ уничтоженіи питейныхъ домовъ въ приходѣ.

Несомнѣнно, что питейные дома въ настоящее время всего больше развиваютъ нравственную порчу, нищету и накопленіе государственныхъ недоимокъ въ простомъ народѣ. И вотъ, не далѣе какъ два года тому назадъ, радовались мы и благодарили Бога, что лучшіе изъ васъ люди пришли наконецъ къ убѣжденію, что для блага народа необходимо, пока хоть на одно трехлѣтіе, закрыть питейные дома въ приходѣ. Но не прошло и трехъ лѣтъ, какъ вы измѣнили своему слову и согласились дать новый приговоръ на открытіе питейнаго дома. Что за причина этому?

Все дѣло вышло кажется изъ-за того, что многіе еще и до сихъ поръ вполнѣ не знаютъ, насколько вредны стали питейные дома для народа, а между тѣмъ содержатели ихъ стали теперь являться съ болѣе заманчивыми предложеніями. Когда волость, относившаяся до сихъ поръ къ открытію питейныхъ домовъ безучастно, вдругъ поставила открытіе ихъ въ прямую зависимость отъ ней, и, слѣдовательно, открытіе ихъ стало гораздо труднѣе прежняго, то содержатели этихъ домовъ стали предлагать цѣлыя сотни рублей всей волости на общественныя нужды, стали предлагать деньги даже на украшеніе приходскаго храма. При такихъ заманчивыхъ предложеніяхъ,

даже и тѣ немногіе люди, которые до сихъ поръ были противъ питейныхъ домовъ, поколебались въ своихъ мнѣніяхъ и стали говорить въ пользу питейныхъ домовъ, утверждая, что чрезъ нихъ можно покрывать общественныя нужды. Взоры нѣкоторыхъ естественно обратились къ пастырямъ церкви съ вопросомъ: «что скажетъ на это церковь?» такъ какъ и церковь можетъ получить пользу отъ питейныхъ домовъ.

При такомъ положеніи дѣла большой грѣхъ былъ бы на насъ, пастыряхъ церкви, еслибы мы не сказали по этому предмету своего слова.

Не доброе дѣло затѣяли вы, православные, что стали снова хлопотать объ открытіи питейныхъ домовъ въ приходѣ. Не будетъ благословенія Божія на вашемъ дѣлѣ. Не объ открытіи питейныхъ домовъ вамъ пужно хлопотать, а о томъ, чтобы, если не навсегда, то, по крайней мѣрѣ, на возможно долгое время закрыть ихъ и чрезъ то удалить одну изъ главныхъ причинъ вашей порчи и обнищанія. Жаль, что вы раньше не обратились къ намъ за совѣтомъ. Намъ Господь поставилъ надъ вами не для того только, чтобы исправлять требы и собирать отъ васъ подаванія. Нѣтъ. Пастырь церкви есть не только требоисправитель и подневольный собиратель подаваній; но прежде всего блюститель вѣры и благочестія въ народѣ, оберегатель нравственности народной, и, по Божію установленію, долженъ быть во всѣхъ его начинаніяхъ ближайшимъ совѣтникомъ. Такъ и было въ первые вѣка Христовой вѣры. Пастырь церкви всегда былъ душою своего прихода, его ближайшимъ другомъ и руководителемъ. Такъ и теперь должно бы быть. Тамъ, гдѣ угрожаетъ опасность вашей вѣрѣ и благочестію, гдѣ соблазнъ вашей нравственности, мы закономъ Божіимъ обязаны васъ предостерегать и охранять всѣми зависящими отъ насъ средствами. За каждую вашу душу, которая погибнетъ отъ нашей безпечности и нерадѣнія, мы должны будемъ дать строгій отчетъ небесному Судіи. Еслибы вы раньше

обратились къ намъ за совѣтомъ о питейныхъ домахъ, мы во всякомъ случаѣ не подали бы вамъ пагубнаго совѣта въ пользу ихъ. Знаю, что теперь всѣ защитники питейныхъ домовъ возражать мнѣ: «за чѣмъ такъ хлопотать о закрытіи питейныхъ домовъ? Кто несклоненъ къ винопитію, тотъ будь хоть десять питейныхъ домовъ вокругъ, не будетъ пить, а кто привыкъ къ вину, того не удержишь, хоть и вовсе кабаковъ не будетъ въ приходѣ». Друзья мои! весьма большая разница,—предъ глазами ли находится соблазнъ, или удаленъ отъ глазъ. Ты воздерженъ на вино, и для тебя хоть есть кабакъ, хоть нѣтъ, все равно. Но всѣ ли вы таковы? Не мало ли между вами такихъ, которые потому только увлекаются соблазномъ, что соблазнъ предъ глазами? Братія, не случается ли, что многіе изъ этихъ слабыхъ волею людей, вышедши изъ храма Божія, весь праздничный день проводятъ въ питейномъ. Ужъ не говорю я о томъ, какія бываютъ ссоры, драки и безчинства въ праздничный день отъ такого пьянства, какія нестроенія и раздоры происходятъ отъ того въ семействахъ, какъ много страдаютъ отъ пьяницъ жены и дѣти ихъ. Многіе, начавши пить въ праздничный день, пьянствуютъ и на другой, даже на третій день, теряютъ лучшіе рабочіе дни, незамѣтно пріучаются къ праздности, пропиваютъ иногда послѣднее свое состояніе и лишаютъ свои семейства необходимаго куска. Особенно тяжело видѣть, когда люди слабѣе на вино, такъ пьянствуютъ въ неурожайные годы (а неурожайныхъ годовъ, замѣтите, больше, чѣмъ урожайныхъ), когда каждая копѣйка дорога, а между тѣмъ слабѣе люди все-таки пьютъ и пьютъ, и лишаютъ свои семейства послѣдняго куска хлѣба, а государственные недоимки растутъ, да растутъ. Многіе могли бы жить достаточно, но отъ праздности живутъ полуннищенски, а иные и вовсе обнищали. Неужели вамъ не случилось видѣть, какъ начальство у такихъ людей, пропившихся и излѣнившихся отъ пьянства, принуждено бываетъ, для уплаты

недоимокъ, продавать иногда за дешевую цѣну самую необходимую для семейства корову или овцу, необходимое строеніе и одежду? Ужели у тебя, слушатель, сердце никогда не обливалось кровью при видѣ безутѣшныхъ слезъ, воплей и стонovahъ несчастныхъ семействъ, когда производится эта продажа? Между тѣмъ, не будь кабаковъ въ приходѣ, по крайней мѣрѣ половины пропойства слабыхъ людей и половины происходящихъ отсюда бѣдъ не существовало бы; многіе стали бы жить гораздо лучше прежняго, и недоимокъ казенныхъ не было бы.

Итакъ, изъ сожалѣнія къ участи людей, слабыхъ на вино, вы должны не открывать питейные дома, а всячески стараться объ удаленіи ихъ изъ своего прихода. Вѣдь эти слабые люди вамъ не чужіе, ваши же сосѣди, ваши же братья о Христѣ. Если Волости предоставлено полное право открывать и закрывать у себя питейные дома, то значить Господь еще даетъ вамъ средство бороться противъ пропойства, и вамъ грѣхъ не воспользоваться этимъ средствомъ. Или вы скажете, что не обязаны заботиться о немощныхъ своихъ сосѣдяхъ? Нѣтъ,—это не христіанская рѣчь. Христіане не безучастно должны относиться къ участи немощныхъ людей. Святой Апостоль Павелъ говоритъ: «мы сильные немощи немощныхъ должны сносить и не себѣ угождать».—«Каждый изъ насъ долженъ угождать ближнему во благо, къ назиданію» (т.-е. ко спасенію ближняго, а не къ гибели его) (Рим. 15, 1—2). Послушаемъ еще, какъ люди, искренно любящіе и жалѣющіе своего ближняго, относятся къ немощамъ слабыхъ людей. Тотъ же Апостоль сказалъ о себѣ: «если пища соблазняетъ брата моего, не стапу ѣсть мяса во вѣкъ, чтобы не соблазнить брата моего» (1 Кор. 8, 13). Какая высокая, святая любовь къ ближнему! Мясо ли не признается, особенно выпѣшными умниками, самую питательною пищею? А между тѣмъ св. Апостоль на всю жизнь готовъ отказаться и отъ него, лишь бы не ввести въ соблазнъ своего ближняго. О, еслибы намъ хоть сотую долю

имѣть такой любви и состраданія къ своему ближнему! Васъ просятъ не о томъ, чтобы вы во избѣжаніе соблазна для ближнихъ вовсе отказались отъ вина, а о томъ, чтобы вы только изгнали изъ своего прихода питейные дома, соблазнительные и крайне вредные для слабыхъ людей, между тѣмъ какъ вина во всякое время вы можете достать для себя и въ другомъ мѣстѣ, — а вы и этого не хотите сдѣлать. Скажите по совѣсти, есть ли въ васъ любовь къ немощному ближнему. Не будемъ ли мы отвѣчать предъ Богомъ за то, что, ради своихъ ничтожныхъ выгодъ допустимъ, на погибель души, пропиваться слабымъ людямъ и впадать въ нищету несчастнымъ семействамъ?

Защитники питейныхъ домовъ опять возражать мнѣ «если уничтожить питейные дома въ приходѣ, то крестьяне откроютъ шинки и тайкомъ будутъ торговать виномъ. Значить пропойство въ приходѣ не уничтожишь». Скажу и на это вотъ что. Во-первыхъ, за открытіемъ шинковъ будетъ строго слѣдить полиція, какъ власть, поставленная Государемъ. Во-вторыхъ, каждый изъ насъ долженъ, по закону божескому и государеву, помогать полиціи къ искоренію шинковъ, и, если кто покушается открывать ихъ, должно внушать этимъ людямъ, что они, открывая шинки, нарушаютъ не только законъ Государевъ, но и законъ Божій; потому что исполнять государевы законы велитъ намъ самъ Господь. *Нѣсть власть, аще не отъ Бога; противляяйся власти Божію повелѣнію противляется.* Если содержатель шинка твоихъ совѣтовъ и вразумленій не послушаетъ, то смѣло доноси объ этомъ начальству. Не бойся, что назовутъ тебя ябедникомъ и доносчикомъ. Ты, искореняя зло, исполняешь законъ не только человѣческой, но и Божеской.

Что сказать теперь о тѣхъ заманчивыхъ предложеніяхъ, которыми содержатели питейныхъ домовъ соблазняютъ Волость къ открытію ихъ, какъ на примѣръ объщаются цѣлыя сотни рублей на всю Волость на покрытіе общественныхъ нуждъ? Иные объщаются даже помощью церкви.

Эти предложенія могутъ показаться выгодными только недалповиднымъ людямъ. Немного нужно имѣть соображенія, чтобы понять, что эти же сотни рублей, которыя вы получите отъ содержателей питейныхъ заведеній и которыхъ на каждую ревизскую душу, право, очень немного достанется, вы переплатите вдесятеро, даже болѣе, этимъ же содержателямъ питейныхъ домовъ. Потому что каждый содержатель постарается наверстать съ лихвою свои потраченныя деньги на томъ, что водку будетъ продавать дороже прежняго, а можетъ быть и худшаго качества. А между тѣмъ людямъ, слабымъ на вино, отъ этого будетъ не легче. Они по прежнему будутъ пропивать свое послѣднее добро; семейства этихъ несчастныхъ по прежнему будутъ оплакивать свою судьбу, и на эти слезы будутъ благоденствовать только содержатели питейныхъ домовъ. Посудите сами: разумно ли, если вы чрезъ открытіе питейныхъ домовъ будете покрывать свои общественныя нужды, и то въ ничтожныхъ размѣрахъ, и въ тоже время будете способствовать развитію у себя пьянства, порчи и обнищанію? Тѣмъ болѣе св. Церковь никогда не пожелаетъ получать помощь отъ такого грязнаго и нечистаго источника, основаннаго на нравственной порчѣ, обнищаніи и слезахъ своихъ дѣтей. Итакъ, видите, что всѣ рѣчи въ защиту питейныхъ домовъ суть самыя гнилыя и несомнательныя рѣчи. Открывая питейные дома, вы затѣяли недоброе дѣло и благословія Божія на вашемъ дѣлѣ не будетъ. Для своей собственной пользы вы должны радѣть не объ открытіи питейныхъ домовъ, а объ уничтоженіи, если не навсегда, то по крайней мѣрѣ на возможно продолжительное время. Аминь *).

Священникъ Алексѣй Либеровъ.

*) Къ счастью для Волости общественный приговоръ на открытіе питейнаго дома, по дознанію полиціи, оказался незаконнымъ. Открылись неблаговидныя продѣлки нѣкоторыхъ дѣльцовъ. Многіе изъ крестьянъ въ приговорѣ оказались записанными противъ желанія; записаны и такіе, которымъ бы и не слѣдовало быть на сходѣ.

ПОУЧЕНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПРОЛОГА.

СІ.

Опасно впритъ снамъ.

(Изъ слова св. Антіоха, яко не подобаеть вѣровати снамъ. Прол. Февр. 26. л. 697).

Многіе изъ христіанъ привыкли давать вѣру снамъ. Какъ встануть съ постели, сейчасъ и начнутъ разсуждать, что вотъ они видѣли то-то и то-то, и это вотъ значить, что имъ предстоитъ такое-то дѣло; а это, что съ ними случится такая-то радость или бѣда; а это, вотъ, придетъ или не придетъ такой-то; и такъ далѣе. Разсужденіямъ подобныхъ людей часто не бываетъ конца. И вотъ вмѣсто того, чтобы начать день молитвою и привятыся за какое-либо доброе дѣло, они начинаютъ его грѣхомъ, въ разгадываніи сновъ проводятъ все утро, гадаютъ на картахъ, смущаютъ и заражаютъ суевѣріемъ домашнихъ и отнимаютъ покой и у себя и у другихъ. Что, бр., сказать подобнымъ людямъ? Можно многое сказать противъ вѣры въ сонныя мечтанія. Въ настоящій разъ ограничимся однимъ замѣчаніемъ: имъ предстоитъ опасность попасть въ сѣти діавола, если они не оставятъ своей безразсудной вѣры снамъ.

Въ горѣ Синайской жилъ старецъ, многіе годы проведеній въ затворѣ, великій молитвенникъ и подвижникъ. При такой жизни его, конечно всѣ вѣрили, что онъ угоденъ Богу и спасется, и никто не думалъ, что онъ погибнетъ. Однако съ нимъ, къ несчастію, именно послѣднее случилось и единственно ради только его безразсудной вѣры въ сны: Діаволь, узнавъ эту слабую сторону старца, сначала сталъ то и дѣло являть ему сны, которые на самомъ дѣлѣ сбывались; а за тѣмъ уже и такіе, которые единственно изобрѣтены его діавольскимъ коварствомъ для гибели людей. Такъ однажды во снѣ онъ представилъ старцу будущую жизнь и въ ней всѣхъ христіанъ и мучениковъ во тмѣ и посрамленіи, а Іудеевъ свѣтомъ озаряемыхъ и радости исполненныхъ. Бѣдный монахъ, проснувшись, нисколько не разсуждая, тотчасъ оставилъ Синайскую гору, ушелъ въ Палестину, тамъ принялъ жидовскую вѣру и обрѣзаніе, женился, сдѣлался врагомъ

христіанъ, и наконецъ, не раскаявшись, заживо былъ изѣденъ червями и умеръ лютою смертію.

Такъ вотъ вамъ урокъ, любители и толкователи сновъ! Не забывайте, что и васъ общій врагъ нашъ также легко можетъ запутать, какъ запуталъ онъ упомянутаго старца. Онъ вѣдь не дремлетъ и случаетъ погубить кого бы то ни было не пропускаетъ; ибо, какъ говорить слово Божіе, *яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити.* — Но скажете: сны бываютъ и отъ Бога? — Не спорю. Но когда Богъ посылаетъ кому сны, чрезъ нихъ открывая ему свою волю, Онъ даетъ съ тѣмъ и возможность убѣдиться въ томъ, что это непростые сны, — самъ посылаетъ сны и самъ же сообщаетъ толкованіе ихъ какимъ-нибудь чрезвычайнымъ путемъ. — Но если этого не случилось, — грѣшно и опасно вѣрить снамъ.

СІ.

Плачь о грѣсахъ.

(Изъ слова отъ Патерика о плачи. Прол. февр. 26. л. 698).

Грѣшники нераскаянные чѣмъ болѣе приходятъ въ глубину золь, тѣмъ болѣе перадаютъ о своемъ спасеніи; напротивъ грѣшники, въ сердцѣ которыхъ остался страхъ Божій, постоянно сознаютъ свое недостойнство предъ Богомъ; стараются всѣми силами загладить свои грѣхи; непрестанно сокрушаются о нихъ и лютъ горькія слезы раскаянія. Какъ эти слезы бываютъ благотворны для нихъ, видно изъ слѣдующаго сказанія.

Одинъ инокъ, сознавшій себя великимъ грѣшникомъ, постоянно молился такъ: «знаю, Господи, что не стою, чтобы Ты простилъ меня; ибо много я согрѣшилъ предъ Тобою, много и тяжко; но, надѣясь на щедроты Твои, умоляю Тебя, прости меня. Если же это невозможно, то по крайней мѣрѣ накажи меня здѣсь, чтобы мнѣ менѣе мучиться въ жизни будущей». Молясь такъ, инокъ вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно держалъ въ умѣ: *блажени плачущи, яко тиѣ утѣшатся*, и молитву свою всегда сопровождалъ слезами. Разъ, когда онъ послѣ такихъ слезъ заснулъ, является ему Господь Иисусъ Христосъ, и говоритъ: «что тебѣ нужно и о чемъ ты плачешь такъ?» Инокъ отвѣчалъ: «очень глубоко я палъ, Господи!» «Такъ встань», сказалъ ему Господь. «Не могу», сказалъ инокъ,

«развѣ Самъ поднимешь меня?» И Господь простеръ руку, поднялъ его и снова спросилъ: «что плачешь и что скорбишь?» «Какъ же мнѣ», отвѣчалъ монахъ, «не плакать и не скорбѣть, когда я столько оскорбилъ Тебя, Господи!» Тогда Спаситель положилъ руку Свою на сердце его и сказалъ: «не скорби; Богъ поможетъ тебѣ; и поелику ты самъ оскорбилъ себя, то за это Я не оскорблю тебя. Я ради тебя кровь Мою пролилъ и потому явлю и человеколюбіе Мое всякой душѣ кающейся». Послѣ сего инокъ проснулся; почувствовалъ въ сердцѣ несказанную радость и понялъ, что Богъ простилъ его. Затѣмъ, остальные годы жизни провелъ во многомъ смиреніи, хвала Бога, и мирно отошелъ въ вѣчность.

Итакъ, братіе, когда вы глубоко почувствуете свое недостойнство предъ Богомъ, что вы доселѣ несовершенно и недостойно служили Ему и тяжело оскорбляли Его своими грѣхами, и при этомъ польются изъ глазъ вашихъ слезы; то знайте, что эти сердечныя слезы спасительны,—это бальзамъ на раны грѣховныя. Чтò, какъ не подобныя слезы оправдали Давида, Ап. Петра, разбойника, блудницу? И что какъ не эти слезы сдѣлали изъ Маріи грѣшницы (апр. 1) Ангела во плоти, изъ Давида разбойника (септ. 6) чудотворца, изъ бывшего посмѣшищемъ всѣхъ—Вавилы (февр. 22) великаго подвижника? Эти слезы и васъ сдѣлаютъ святыми, если чаще будете проливать ихъ.

Священникъ Викторъ Гурьевъ.

РЕЗОЛЮЦИИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

1841, ноября 9. «Дѣло сіе (о расторженіи брака) полно сомнѣній, а полноты нужной къ доказательству истины не имѣеть. Какъ-то: 1) въ незаконнорожденіи въ маѣ 1839 года (*младенца К—на*) отвѣтчица не признается. 2) Свидѣтельское показаніе Березиной по сему предмету не имѣеть силы предъ закономъ, потому что выпрошено истцемъ внѣ суда, и хотя подтверждено по требованію становаго пристава, по безъ присяги. 3) Притомъ Березина противорѣчитъ и истцу, выпросившему у пей свидѣтельство, и самой себѣ; въ письмѣ говоритъ она объ отвѣтчицѣ, что сія не прекратила своего дурнаго пове-

денія, а въ объясненіи, что ничего въ его супругѣ предосудительнаго не замѣтила, и что подозрѣнія его ни на чемъ не основаны, а на однѣхъ догадкахъ. 4) Свидѣтельства мѣщанки Михайловой и двороваго человѣка Кирилова подозрительны по своему содержанію. Они не утверждаютъ, что свидѣлствуютъ, какъ очевидцы, а напротивъ говорятъ, что Пахомова родила тайно. Но свидѣлствующіе по слухамъ и притомъ не объявляющіе, отъ кого слышали, не заслуживаютъ довѣрія. Притомъ оба они не объясняютъ, котораго числа родила, какого пола былъ младенецъ, какъ ему имя, и куда его дѣвали. Нѣтъ вѣроятія, чтобы достовѣрно знали о рожденіи младенца, и не знали, какого пола. Неточность же въ показаніи наводитъ подозрѣніе, что боялись обличены быть разнорѣчіемъ. 5) О семъ незаконнымъ объявляемомъ рожденіи въ маѣ 1839 г. не сдѣлано справки по метрикамъ, и причтъ не спрошенъ. 6) Истецъ говоритъ, что удалилъ жену изъ дома по ея желанію; но она въ семъ не признается, и онъ доказательства на сіе не представляетъ. 7) Онъ говоритъ, что удалилъ ее за пороки; но изъ вышесказаннаго видно, что сего не только не доказалъ, но и опроверженъ въ семъ свидѣтельницею Березиною, на которую самъ ссылался. 8) Истцу, какъ доброму и законнодѣйствующему супругу, надлежало и склонную къ предосудительнымъ поступкамъ жену содержать въ своемъ дѣмѣ, для охраненія и исправленія; а въ случаѣ безнадѣжности ся къ исправленію, объявить о томъ начальству, и тогда уже удалить. Не исполнивъ сего, онъ не можетъ почитаться правымъ и самъ, отгнавъ жену произвольно и поставивъ ее чрезъ то въ трудное и опасное положеніе. 9) Но и отвѣтчица не права въ томъ; что о своемъ изгнаніи отъ мужа не объявила тотчасъ начальству. Изъ сего возникаетъ подозрѣніе въ обоюдномъ соумышленіи разлучиться другъ отъ друга и нарушить бракъ. 10) По такимъ обстоятельствамъ дѣла нельзя съ довѣріемъ смотрѣть и на признаніе отвѣтчицы въ незаконнорожденіи въ августѣ 1840 г., а требуется точнѣйшее дознаніе. 11) Но въ дѣлѣ нѣтъ доказательства на то, когда именно она отлучилась отъ мужа, который говоритъ о семъ безъ означенія времени. 12) Мужъ говоритъ, что далъ ей свидѣтельство; но когда и какос, не видно, и оно къ дѣлу не истребовано, что нужно и для опредѣленія времени, и для разрѣшенія вопроса, не подалъ ли онъ самъ при-

чины къ отлученію отъ него жены. 13) Не сдѣлано дознанія по полицейскимъ книгамъ, не въ домѣ ли еще мужа находилась Пахомова послѣ того срока (15 сент. 1839 г.), который она указываетъ.—По симъ сомнительнымъ и неполнымъ обстоятельствамъ дѣла, и по признакамъ большей и ли меньшей неправды обѣихъ сторонъ, учинить слѣдующее: 1) призвавъ обоихъ супруговъ въ Консисторію, сдѣлать имъ порознь и совокупно увѣщаніе, дабы примирились и обратились къ законному сожитію и дали добрый примѣръ дѣтямъ. 2) Если примутъ увѣщаніе, прекратить дѣло. 3) Если не примутъ, дополнить неполноты, и смотря по тому, что откроется, постановить заключеніе».

1842, апр. 26. «Утверждается. Въ отвращеніе сомнѣнія, могущаго возникнуть изъ названія копіи съ метрической книги, Консисторіи неизлишне было изъяснить (*кому слѣдуетъ*), что метрика консисторская именуется подлинною, а церковная копіею, потому только, что присутственному мѣсту долженъ принадлежать главный экземпляръ метрики; что впрочемъ церковный экземпляръ есть также оригинальный и современный документъ, въ обыкновенныхъ случаяхъ имѣющій такую же силу доказательства, какъ и консисторскій, а въ случаѣ признаковъ поврежденія консисторскаго экземпляра, имѣющій преимущественную силу, и къ доказательству истины, и къ обличенію подлога».

1842, іюня 4. «При исполненіи сего (*консисторскаго*) опредѣленія: 1) дать наставленіе священнику, что ему надлежитъ предварительно дать наставленіе причту, дабы въ случаѣ нарушенія долгаго церкви при богослуженіи безмолвія, діаконь или причетникъ, кому будетъ удобнѣе, старался прекратить случившееся, какъ можно, тихимъ образомъ, не отвлекая священника отъ свойственнаго ему дѣйствованія въ священнослуженіи. 2) Поставить ему на видъ, что называть неудовольствіе просителя (*купца, который жаловался на строгость священника въ обращеніи съ нимъ*), буде бы оно и было таково, какъ описываетъ священникъ, тяжкимъ именемъ злобы, несообразно съ личною священнику скромностію и кротостію».

1847, сент. 20. «1) Въ Консисторію (*домесніе благочиннаго Никитскаго сорока*). 2) Дать знать всѣмъ причтамъ Московскимъ, что крадутъ и во время службы въ церкви, дабы противъ хитрости и дерзости татей учреждать разпообразный непримѣтный, но всегдашній карауль, напри- мѣръ, чрезъ сторожа, чрезъ богадѣленныхъ, чрезъ извѣстныхъ богомольныхъ людей, часто посѣщающихъ церковь».

1860, марта 23. «Какъ іеромонахъ Ософанъ просить увольненія въ Иркутскъ въ томъ только случаѣ, когда не будетъ уволенъ въ Афонъ, и слѣдственно не по чистому усердію къ святителю Иннокентію, то удержаться отъ увольненія его и дать ему время размыслить и придти въ сознаніе, что на поклоненіе святыиъ должно идти по чистому чувству благоговѣнія, а не по какимъ-либо постороннимъ причинамъ и по неудовольствію на то, что дѣла идутъ не по его волѣ».

1851, ноября 28. «Поелику 1) проситель Сидоровъ къ духовному званію и къ церковному причту не принадлежить, а служить при (*Московской*) единовѣрческой церкви по найму церковнымъ старостою, отъ котораго слѣдственно зависитъ и принятіе его и увольненіе отъ пѣвческой должности; поелику 2) по сдѣланному дознанію открылось, что С — въ оказалъ въ церкви неблагочиніе предъ совершеніемъ брака, требуя за опшй денегъ, и не получивъ денегъ удалился отъ пѣнія при бракѣ, каковый поступокъ одобренъ быть не можетъ и справедливо подвергъ его удаленію отъ службы при церкви; поелику 3) приложенное при прошеніи С — ва одобреніе прихожанъ, благочиннымъ и никѣмъ не засвидѣтельствовано, составлено какъ и гдѣ неизвѣстно и, вѣроятно, выпрошено имъ и подписано прихожанами по незнанію вины С — ва, за которую онъ подвергся отвѣтственности: то по всѣмъ симъ обстоятельствамъ прошеніе С — ва оставить безъ дѣйствія, о чемъ и объявить ему чрезъ благочиннаго единовѣрческихъ церквей».

Дек. 13. «Обвиненіе состоитъ въ томъ, что проситель просилъ денегъ за бракъ прежде вѣнчанія, и не получивъ, не сталъ пѣть при вѣнчаніи. Въ семъ (*второмъ*) прошеніи онъ не утверждаетъ того, что денегъ не просилъ, а упоминаеть только, что обвиненіе пало на него одного.

Посему прошеніе сіе, какъ не ясное и не содержащее оправданія, оставить безъ дѣйствія».

1858, апр. 9. «Отдѣленіе мѣщанина Егорова (*лжеименока Ипполита*) отъ общества и заключеніе въ Соловецкій монастырь показываетъ, что онъ признанъ былъ въ высшей степени вреднымъ въ обществѣ. Лучшимъ доказательствомъ искренности обращенія его къ православной церкви было бы откровенное признаніе во всѣхъ его дѣйствіяхъ по расколу, и признаніе ихъ неправильности: но сего въ дѣлѣ не видно. Не видно и причины, почему онъ желаетъ присоединиться именно къ Рогожской единовѣрческой церкви. Посему неблагонадежно было бы присоединеніе его къ Рогожской единовѣрческой церкви, гдѣ онъ вошелъ бы въ соприкосновеніе съ многочисленными раскольниками, усиливаящими совращать единовѣрцевъ. Благонадежнѣе было бы, по удостовѣреніи въ искренности его обращенія, присоединить его или къ православной церкви въ самомъ монастырѣ (*Соловецкомъ*), или къ единовѣрческой гдѣ-либо по удобности, не въ столицѣ и не въ губерній столицѣ».

1858, мая 1) «1, Объявить просителю (*кутцу П—ву*), что смотря по удобству и нуждѣ, онъ можетъ пользоваться Богослуженіемъ и исправленіемъ требъ по Новоторжской Покровской единовѣрческой церкви (*Тверской епархіи*), доставляя надлежащія свѣдѣнія въ Николаевскую, на Рогожскомъ (*кладбищѣ*), единовѣрческую церковь. 2) Консисторія можетъ войти въ разсужденіе о томъ, есть ли достаточная причина представить св. Синоду о совершенномъ отчисленіи его изъ Московской епархіи».

1855, ноябр. 25. «Сынъ (*священника, уволенный изъ семинаріи и изъ дух. званія*) уже согласился вступить въ военную службу за крестьянина. Если это дѣло нехорошо: оно останется также нехорошимъ и при несогласіи отца. Отецъ своимъ несогласіемъ не улучшаетъ сына, а разоряетъ крестьянина. Совѣтовать священнику лучше согласиться, нежели подвергать и себя съ сыномъ отвѣтственности за причиненное крестьянину разореніе».

Жена рядоваго просила о дозволеніи жить ей при второмъ ея мужѣ, по согласію на то перваго мужа.—Резолюція 8 августа 1858 г.: «Консисторіи разсмотрѣть съ дѣломъ. Жена не можетъ вступить одного изъ двухъ мужей по произволу, а должна быть женою того, котораго бракъ есть законный».

Сообщилъ Арх. Григорій.

НѢСКОЛЬКО ИЗРЕЧЕНІЙ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

1. «По непреложному опредѣленію Божию, если не все тѣло чловѣка, то по крайней мѣрѣ какая-либо часть его должна возвратиться въ землю (*подвернуться тлѣнію*), изъ которой взято».

2. Владыка въ 1858 г. спросилъ настоятеля общежительнаго монастыря: «кто у тебя занимается цвѣтами?»—«Послушники».—«Ты хочешь, возразилъ архинастырь, сдѣлать ихъ монахами или садовниками?»

3. Въ приходской церкви, во время служенія имѣ литургіи, какое-то произошло непамѣренное опущеніе. Онъ сказалъ священнику: «зачѣмъ меня лишаешь той чести, какую предоставила мнѣ церковь?»

4. Владыка, прочитавъ давнюю свою проповѣдь, въ санѣ іеромонаха написанную, сказалъ И. М. Спегиреву, который приобрѣлъ ее: «едва узнаю себя въ ней».

5. Священнику, подавшему чередную проповѣдь, переписанную блѣдными чернилами, сказалъ: «чѣмъ я тебя обидѣлъ? Ты вздумалъ меня ослѣпить».

6. Виоанской семинаріи профессоръ словесности И. Лилѣвъ представилъ, для открытаго испытанія учениковъ въ 1828 г., разборъ насхальнаго канона. Митрополитъ бывший на этомъ испытаніи, сказалъ ему: «еслибъ Дамаскинъ руководился твоими правилами, онъ не написалъ бы такого превосходнаго творенія».

7. Въ 1838 г., въ Московской семинаріи (помѣщалась тогда въ Заиконоспасскомъ монастырѣ) послышалась на публичномъ экзаменѣ шопотъ ученика вышаго отдѣленія Р—ва: онъ подсказывалъ своимъ товарищамъ. Владыка сказалъ ему съ улыбкою: «оставь исполнять дьявольскую должность».

Архим. Григорій.

ТОЛКОВАНИЕ

ПЕРВАГО ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ ТИМОФЕЮ.

В) Наставленія, какъ учить и руководить пасомыхъ, судя по ихъ разнымъ состояніямъ,—
5 — 6, 19.

Не на всѣхъ одинаково слѣдуетъ дѣйствовать, но надо соображаться съ отличіями каждаго по возрасту, положенію въ церкви, положенію въ обществѣ и внѣшнему состоянію. Какъ все это дѣлать, св. Павелъ указываетъ въ послѣднихъ двухъ главахъ.

а) *Какъ на кого дѣйствовать судя по возрасту, — 5, 1. 2?*

Св. Павелъ беретъ во вниманіе только противоположности старца и юноши, старицы и юницы. О прочихъ оставляетъ сдѣлать наведенія самому св. Тимофею. И на этихъ указываетъ будто только для примѣра.

Ст. 1. *Старцу пакости не твори, но утѣшай, якоже отца: юноши, якоже братію.*

Подъ старцемъ разумѣетъ здѣсь св. Павелъ не почтеннаго іерейскимъ достоинствомъ, а устарѣвшаго лѣтами (св. Злат. и всѣ). Такому лицу, говорить, *пакости не твори*,—μη επιπληξῆς,—не кричи на него, не брани и не срами его. «Но какъ же быть, если онъ имѣетъ нужду въ исправленіи? — Относись къ нему въ семь случаевъ,

какъ къ родному отцу согрѣшившему, съ почитительною тихостію» (св. Злат., Экум.). Почему говоритъ: *υπησхай*, — *παρακαλει*, — упрашивай, умолай, уговаривай. «По самому существу дѣла, сіе, то-есть слушаніе замѣчаній, тягостно, — и въ особенности когда это случается съ престарѣлымъ человѣкомъ; если же при семъ замѣчанія даются юнѣйшимъ, то сіе бываетъ втройнѣ несноснымъ. Поэтому и нужно смягчать тяжесть сего кротостію и дружелюбіемъ. Ибо можно обличать безъ жестокости, если кто захочетъ навикнуть сему; только для этого требуется большое благоразуміе; однако это возможно» (св. Злат.). «Такъ учитъ Апостоль располагать къ добру старца, по причинѣ почительности, вызываемой его возрастомъ. При такомъ отношеніи къ нему, онъ удобнѣ приметъ предлагаемое наставленіе: ибо, несмотря на оказываемую ему почительность, при первомъ внушеніи не можетъ онъ не опасаться, какъ бы въ другой разъ и не покричали на него, чему срамно подвергаться старцу. У всѣхъ народовъ старчество пользуется почительнымъ уваженіемъ. Почему, подобно синагогѣ, и церковь имѣла старцевъ, безъ совѣта которыхъ ничего не дѣлалось въ церкви. И я не знаю, какъ это вышло изъ обыкновенія? Можетъ быть по безопасности пастырей и учителей, или лучше по ихъ гордости, по коей имъ однимъ хотѣлось быть видными въ церкви» (Амвр.).

Юноши, якоже братію, то-есть, увѣщавай и склоняй къ добру. «Зачѣмъ и здѣсь заповѣдуетъ сіе, т.-е. кроткій образъ рѣчи? — Зачѣмъ, чтобъ не раздражать свойственной сему возрасту продерзости; почему и въ этомъ случаѣ обличеніе должно смягчаться духомъ кротости и любви» (св. Злат.). «Юношей велитъ Апостоль увѣщавать какъ братьевъ съ теплотою любви, чтобъ видя, что ихъ усовѣщиваютъ изъ любви, они охотнѣ исправляли себя, — особенно если видятъ при семъ, что у самаго наставника дѣла нисколько не разногласятъ съ его уроками» (Амвр.).

Ст. 2. *Старицы, якоже матери: юныя, якоже сестры, со всякою чистотою.*

Старицѣ учи, увѣщавай, склоняй на добро, *какъ матерей*. «Причина сему таже, что и въ отношеніи къ старцамъ» (Экуменій)—«смягченіе горечи исправительной рѣчи теплотою сыновней любви и почтительности» (Феофилактъ). «Старицы, видя, что ихъ учать кроткою рѣчью, будутъ безъ горечи принимать ее, такъ какъ при этомъ соблюдается почтительность къ нимъ. Старымъ горько принимать уроки отъ младшихъ. Почему, когда это бываетъ неизбѣжно, Апостоль велить смягчать это дѣйствіе кротостію и почтительностію, чтобъ оно послужило въ пользу и учащему и слушающимъ» (Амвр.).

Юницѣ, то-есть дѣвицѣ или молодыхъ женѣ, учи, увѣщавай и исправляй, *какъ сестрѣ*. Причина и здѣсь таже, что въ отношеніи къ юношамъ, потому что и имъ нечужды продерзость и непокоривость. «Юницѣ велить Апостоль учить, какъ сестрѣ, чтобъ онѣ съ готовностію подчинялись дисциплинѣ добраго житія. Ибо видя, что имъ не властно повелѣвають, а доброжелательно внушаютъ, чего требуетъ добрая жизнь, онѣ безпрекословно на то соглашаются, смиряясь предъ увѣщателемъ. Ласковостію скорѣе можно достигнуть того, въ чемъ не всегда успѣваетъ авторитетная власть» (Амвр.). «Но какъ бесѣды съ молодыми женщинами съ трудомъ избѣгаютъ подозрѣнія, а между тѣмъ епископъ долженъ и это дѣлать, то Апостоль прибавляетъ: со всякою чистотою, показывая тѣмъ, что говорить съ ними надлежитъ со всякою чистотою. Если же Тимоѳею заповѣдуетъ онъ это, то пусть подумаютъ всѣ другіе, каковъ долженъ быть епископъ, чтобы не подать случая къ подозрѣнію, ни даже тѣни оправданія для тѣхъ, которые захотѣли бы клеветать» (св. Злат.). Но кажется, свят. Павелъ имѣетъ при сихъ словахъ въ виду не столько подозрѣнія другихъ, сколько предотвращеніе сердечнаго сочувствія къ юницамъ. Это сочувствіе и далѣе влеченіе естественно вызывается при

встрѣчѣ съ женами, особенно юными. Но оно не неизбѣжно, и тѣмъ менѣе таково, чтобъ необходимо властвовало надъ сердцемъ. Его можно пресѣкать при самомъ зарожденіи или первомъ движеніи, и прогонять, когда оно противъ воли прорвется. Вотъ объ этомъ отторженіи отъ сердца сочувствій и говоритъ здѣсь Апостоль. «Апостоль присовокупилъ: *со всякою чистотою*, пишетъ бл. Θεодоритъ, — научая при тѣлесномъ цѣломудріи сохранять и душевное, и не допускать въ себя никакого вреда посредствомъ зрѣнія или слуха».

б) *Какъ устроить вдовицъ?* 5, 3—16.

Вдовы, съ самаго начала устроенія церкви, состояли на попеченіи христіанскихъ обществъ. Для устроенія ихъ въ первой іерусалимской церкви были избраны особыя лица (Дѣян. гл. 6). По этому образцу и всѣ другія общества христіанскія долгомъ своимъ считали—обезпечивать вдовъ и сиротъ. А что это продолжалось и потомъ, указаніе на то можно видѣть въ посланіи свят. Игнатія къ св. Поликарпу (гл. 4), въ первой апологіи св. Іустина (— 67), и въ церковной исторіи Евсевія (—6, 43). Объ нихъ и говоритъ здѣсь св. Павель; и говоритъ аа) сначала объ устроеніи вдовицъ вообще, — 3 — 8; а потомъ бб) частнѣе,—о вдовицахъ α) престарѣлыхъ, — 5, 9. 10 и β) юныхъ,—5, 11—15; вв) напомнивъ въ концѣ и еще, что говорилъ объ устроеніи вдовъ вообще—ст. 16. Пространно пишетъ,—вѣрно належала нужда въ этомъ.

аа) *О пристроеніи и обезпеченіи вдовицъ вообще*, 5, 3 — 8.

Ст. 3. *Вдовицы чти суція истинныя вдовицы.*

Чти, — не пренебрегай, или не неради объ нихъ, а имѣй о нихъ попеченіе. «*Чти* — стоитъ вмѣсто: милосердуй о нихъ и доставляй имъ потребное» (Θеоф.). Но *чти*, говоритъ, такихъ, которыя суть истинныя вдовицы. Какія же это истинныя вдовицы?—Конечно тѣ, которыя хорошо живутъ (ст. 5—7), но которымъ при семь жить не чѣмъ (ст. 16). Бл. Θεодоритъ пишетъ: «вдовамъ, не

имѣющимъ никакого ни откуда источника къ удовлетворенію своихъ нуждъ, надлежитъ пользоваться, говорить Апостоль, церковнымъ вспоможеніемъ». Св. Іустинъ, въ своей апологіи, говоритъ, что «вѣрующіе жертвовали въ церковь кто что могъ; а настоятели церквей,—пастыри, раздавали потомъ собранное бѣднымъ, вдовамъ и сиротамъ». Вдовицы, которыя сами могли содержать или которыхъ могли содержать ихъ собственныя семьи, не должны были тяготить собою церкви (— ст. 16). «Такія не суть настоящія вдовицы» (Экум.). — Относительно ихъ вотъ что заповѣдуетъ св. Павелъ.

Ст. 4. *Аще же кая вдовица чада или внучата имать, да учатся прежде свой домъ благочестиво устроить, и взаемъ воздавати родителямъ: сіе бо есть благоугодно предъ Богомъ.*

Вдова, говоритъ, у которой есть дѣти или внучата, пусть въ своей семьѣ и содержаніе находитъ. И справедливость этого требуетъ, и Богу это пріятно. Возлагаетъ сіе св. Павелъ на дѣтей или внучатъ оставшейся вдовы: *да учатся прежде свой домъ благочестиво устроить. Да учатся*, — *μαθητευθησονται*, — можно перевести и такъ: *дѣ обучатся, пріобрѣтутъ навыкъ. Благочестиво устроить*, — *εὐσεβείην*, — *благочествовать, являть или держать благочестивый образъ жизни. Свой домъ*, — *τον ἰδίον οἶκον*, — по своему дому, въ своемъ домѣ, подразумѣвая—*хата*. Будетъ: которая вдова имѣетъ дѣтей или внучатъ, ту пусть содержать эти дѣти и внуки, чтобъ такимъ образомъ они обучились или навыкъ пріобрѣли являть или держать благочестивый образъ жизни прежде у себя, на дому. Благочестивый образъ жизни они должны являть всюду предъ всѣмъ обществомъ христіанскимъ. Но прежде всего пусть навыкнутъ сему у себя дома, оказывая усердное попеченіе о матери или бабкѣ. Читить и упокоивать мать или бабуку есть дѣло благочестное. Если кто, не дѣлая этого дома, внѣ дома однакожъ держитъ видъ благоче-

стиваго, того сомнительно благочестіе, — сомнительно, искренно ли оно, а не для виду только держится. Ктому же и благочестивому образу жизни надо навывкаться. Какі? — Совершая дѣла благочестія. Апостолъ говоритъ: когда у кого есть дома вдова—мать или бабка, не ходи за ворота, чтобъ встрѣтить тамъ какое-либо дѣло благочестія и упражняться въ совершеніи его. Есть у тебя подъ руками такое дѣло — упокоеніе и удовленіе матери или бабки. Имъ и займись. Говоря же св. Тимоѳею, какъ пастырю: да учатся сему дѣти и внучата,—онъ внушаетъ: ты ихъ на это направь, растолкуй, что такъ должно, и убѣди къ исполненію.

И взаемъ воздаяти родителемъ, — ἀμοιβὰς ἀποδοῦναι, — воздать воздаяніе,—отплатить. Мать или бабка пеклись и питали дѣтей или внучатъ, когда были хозяйками. Теперь настала чередъ дѣтямъ ихъ или внукамъ хозяйничать. Пусть же они отплачиваютъ имъ за ихъ прежнее о себѣ попеченіе доставленіемъ имъ покоя и всякаго довольства. Этого требуетъ справедливость, и совѣсть ихъ должна обязать ихъ къ этому.

Экуменій пишетъ: «мысль Апостола такая: да учатся дѣти или внуки оказывать честь матери или бабкѣ, питая ихъ и всякое имъ дѣлая добро. Ибо это означать — εὐσεβεῖν благочествовать. Этимъ они и взаимъ воздадутъ имъ». Тоже читаемъ и у бл. Теофилакта: «да учатся дѣти и внучата почитать свою мать и бабку, доставляя имъ покой и содержаніе. Ибо εὐσεβεῖν здѣсь означаетъ—покоить мать или бабку на старости лѣтъ. Достоинство родителей есть божественное достоинство, такъ что покоить ихъ значитъ благочествовать, какъ напротивъ непокоить ихъ на старости есть нечестіе. При семъ Апостолъ изводитъ на среду и требованіе доброй совѣсти, говоря: *и взаемъ воздаяти родителемъ, —* воздать родителямъ, т.-е. матери или бабкѣ, за ихъ воспитаніе и возвращеніе».

Сіе бо есть благоугодно предъ Богомъ. Благоугодно и

потому, что чрезъ то исполняется справедливое требованіе совѣсти, Богомъ на сердцѣ начертанное, и потому, что какъ родители предъ дѣтьми являютъ нѣкимъ образомъ ликъ самого Бога, то оказываемое имъ чествованіе и попеченіе отъ дѣтей Богъ такъ принимаетъ, какъ бы это прямо Ему было оказываемо. Да и натурально должное отношеніе къ родителямъ отзывается религіознымъ благоговѣнствомъ.

Иные читаютъ—не: *да учатся*, а *да учитъ*,—*μανθανετω*. Въ такомъ случаѣ слова Апостола будутъ относиться ко вдовѣ и предписывать, чтобъ вдова имѣющая дѣтей и внучатъ, оставалась въ домѣ и учила, по своей опытности и по авторитету старшинства въ семьѣ, свой домъ, т.-е. дѣтей и внучатъ благочествовать. Какъ? оказывая прежде всего ей самой должный почетъ и попеченіе успокоительное во всѣхъ отношеніяхъ. Вулгата удерживаетъ такой переводъ: *discat*.

Ст. 5. *А сущая истинная вдовица и уединенна уповаеъ на Бога, и пребываетъ въ молитвахъ день и ночь.*

«Выше сказалъ: *чти сущія истинныя вдовицы*; теперь показываетъ, какая есть истинная вдовица» (св. Злат.). Та, которая не только мужа лишилась, но и уединенна есть,—*μεμονωμενη*—одна-одинехонька, ни дѣтей ни внучатъ не имѣетъ, которые бы объ ней попеклись. Одна одинехонька или осталась, или оставлена, — оставлена своими, живи какъ хочешь (Амвр.). Такой что осталось дѣлать? Возложить все упованіе на Бога и ждать, что Онъ благоволитъ устроить. Которая такъ дѣлаетъ, та и есть истинная вдовица. *Уповаеъ*,—*ηλπικεν*,—возуповала, возложила все упованіе на Бога; *пребываетъ*,—*προσμενει*, ожидаетъ, и ожидаетъ конечно помощи свыше, пребывая въ молитвѣ. Въ концѣ стиха, кажется, должно дополнять мысленно: вотъ какую вдовицу чти, вотъ о какой пекись, вотъ какой устрой церковное вспоможеніе. Такъ дѣлаетъ бл. Теофилактъ: «настоящая вдовица—та, которая никого

не имѣть, кто бы о ней попекся, ни сына, ни внука, и на Бога возложила все упованіе. Вотъ о какой надо имѣть попеченіе, вотъ о какой милосердовать, доставляя ей все потребное!» Св. Златоустъ выставляетъ на видъ болѣе нравственно-религіозную сторону вдовъ. «Если которая нибудь, будучи вдовою, не обратилась къ мірской жизни, то она есть истинная вдовица; которая уповасть на Бога, упражняется въ молитвѣ, день и ночь въ терпѣніи проводить на молитвѣ, — та есть настоящая вдовица. Тутъ же Апостоль и утѣшаетъ такую въ томъ, что она не имѣетъ дѣтей, говоря какъбы, — что въ томъ, что она лишена не только утѣшенія отъ мужа, но и того счастья, какое приносятъ дѣти, заключается ея преимущество; потому что въ замѣнъ всего она имѣетъ Бога. Слѣдовательно та, которая не имѣетъ дѣтей, не есть хуже другихъ; но этимъ утѣшеніемъ (упованіемъ на Бога) восполняетъ то, чего ей недостаетъ вслѣдствіе того, что у нея нѣтъ дѣтей». Тоже дѣлаетъ и Амвросіастъ: «вотъ какихъ должно чтить вдовицъ! — такихъ, которыя, имѣя возможность выдти снова за мужъ, отвергли второй бракъ, по желанію совершеннѣйшей жизни и удобнѣйшаго угожденія Богу, являясь сорежновательницами св. Аннѣ, которая въ постахъ и молитвахъ служила Богу день и ночь, послѣ того какъ овдовѣла, проживъ съ мужемъ лишь нѣсколько лѣтъ (Лук. 2, 36). Такою жизнію должна прежде зарекомендовать себя вдова, и потомъ уже удостоиваться быть вдовою церкви (т.-е. на содержаніи церкви состоящую). Также вдову, у которой есть дѣти или внуки, не слѣдуетъ тотчасъ брать на содержаніе церкви. Ибо если она прежде добрѣ правила своимъ домомъ, то ей должно быть взаимно воздано своими, какъ она прежде воздавала имъ. Но если съ какою будетъ поступлено нечестиво, и она брошена будетъ своими, о которыхъ прежде пеклась благочестно, то такая достойна быть принятою на попеченіе церкви, какъ вѣрная исполнительница закона Господня».

Ст. 6. *Питающаяся же пространно, жива умерла.*

Питающаяся пространно, — *σπαταλωσα*, — пристрастная къ утѣхамъ и сластямъ житейскимъ и мірскимъ и преданная имъ. *Жива умерла*, — на видъ жива, а въ существѣ дѣла умерла, — умерла для истинной, человѣку, по его назначенію, свойственной жизни. По образу Божію созданъ человѣкъ; долженъ Богу подобяться отрѣшенностію отъ всего чувственнаго. Духомъ надѣленъ въ твореніи, — такою силою, которая не можетъ быть удовлетворена ничѣмъ тварнымъ, а только единымъ Богомъ. Кто, отрѣшаясь отъ всего тварнаго и чувственнаго, Бога единаго ищетъ, чтобъ пребывая въ общеніи съ Нимъ, оживотворяется Имъ, тотъ живетъ настоящею жизнію. А кто чувственнымъ преданъ наслажденіямъ, у того нѣтъ настоящей человѣческой жизни, хоть на видъ онъ будто живетъ похоже на такую жизнь. Ибо духъ его заморенъ и остается безъ движенія. Такова и вдова преданная чувственнымъ утѣхамъ: «подавляетъ она въ себѣ разумную (духовную) силу, и дѣлаетъ, что сія сила въ тѣлѣ ея, какъ въ гробѣ какомъ, остается неподвижною». (Θεод.). «По видимости, она живетъ этою чувственною жизнію, по духу же умерла» (Θεοφ.). «Нынѣшнюю жизнію она кажется живетъ, вѣчную же жизнь потеряла: ибо что касается до оной жизни, то она умерла для ней по причинѣ грѣха» (Экум.).

Амвросіастъ пишетъ: «вдова, достойная сего имени, означаетъ такую особу, которая для стяжанія Господа, пребываетъ въ молитвахъ, служа Ему день и ночь. Симъ она показываетъ, что если презрѣла второй бракъ, то для того, чтобъ посвятить себя строгой жизни, Господа ради. Но если какая вдова, прикрываясь симъ именемъ, предается чувственнымъ сластямъ, то ее надобно считать заживо мертвою. Знакъ лукаваго притворства есть, когда одно обѣщаютъ, а другое дѣлаютъ, желая пользоваться честію вдовы, но не желая стѣснять себя трудами на

угожденіе и служеніе Богу, къ чему обязываетъ обѣтъ вдовства. Ибо истинная вдова, презрѣвъ мужа, избираетъ Господа, чтобъ Ему служить всею душою, по упованію блаженства вѣчнаго». Св. Златоустъ пространную пишетъ на сіе мѣсто бесѣду, изображая духовную мертвость тѣхъ, которые проводятъ веселую и разгульную жизнь, утопая въ чувственныхъ наслажденіяхъ, пирахъ, гуляньяхъ, увеселеніяхъ, и въ другомъ многомъ. «Такіе, заключаетъ онъ, не имѣютъ ни души, ни духа, а живутъ только плотію. И Писаніе называетъ ихъ бездушными, говоря: *не имать Духъ мой пребывать въ человѣчѣхъ силѣхъ, зане суть плоть* (Быт. 6, 3). Они имѣли душу, но мертвую; потому и названы плотію».

Ст. 7. *И сія завѣщавай, да непорочни будутъ.*

И сія,—можно относить и къ предыдущему, и къ послѣдующему. Относя къ предыдущему, можно ограничить сіе предыдущее непосредственно предшествующимъ стихомъ, гдѣ такъ укорена питающаяся пространно. И это, т.-е., чтобъ не предавались удовольствіямъ житейскимъ и мірскимъ, яствамъ и питіямъ, ты имъ строго накажи, въ неотложный законъ поставь, чтобъ предъ всѣми являлись онѣ безукоризненными. Или такъ: требуй этого; иначе онѣ не могутъ пребыть непорочными, то-есть не только подпадутъ укору за невоздержаніе, но и въ другіе впадутъ пороки. Такъ бл. Теофилактъ: «видишь, что онъ желаетъ, чтобъ это было закономъ. Не на произволь оставляетъ, поблажать утѣхамъ или нѣтъ, но запрещаетъ это, какъ грѣхъ. Ибо такое значеніе имѣетъ слово—*завѣщавай*,—*τὰρχυγγελλε*; оно стоитъ вмѣсто: *сб* всею строгостію запрещай дерзать на это». Сіе толкованіе взялъ онъ у св. Златоуста, который пространнѣе о семъ говоритъ: «видишь ли, что предписаніе сіе принимаетъ видъ закона? Онъ не предоставляетъ сего свободѣ cadaго, а говоритъ: заповѣдуй, чтобъ не пресыщались, потому что это есть явный грѣхъ, такъ что тому,

кто ведетъ роскошную жизнь, нельзя и вовсе неумѣстно быть причастникомъ таинствъ. *И сія завѣщавай*, говоритъ онъ, *да непорочни будутъ*. Видишь ли, что сіе отнесено къ числу грѣховъ? Ибо то, что предоставляется свободѣ каждаго, еслибы даже и не соблюдалось, нисколько не препятствуетъ быть безукоризненнымъ. По этому и мы, повинаясь Павлу, будемъ заповѣдывать, что вдовицы, которыя преданы сластолюбію, должны быть исключены изъ числа (настоящихъ) вдовицъ».

Можно, относя *и сія*—къ предыдущему, къ 6-му стиху присоединить и 5-й. Будеть: требуй, чтобы вдовица, отказавшаяся отъ втораго брака, не только не позволяла себѣ утѣшничать, но и пребывала въ молитвахъ день и ночь. Можно присоединить и 4-й стихъ, включивъ въ лица, коимъ дается предписаніе, и дѣтей съ внучатами, такъ: заповѣдуй имъ содержать и покоить своихъ матерей и бабокъ вдовъ, чтобъ не подпасть укору отъ лица вѣрныхъ. Эта мысль прямо вяжется съ слѣдующимъ 8-мъ стихомъ: а если кто о своихъ родныхъ нерадитъ, то онъ горше невѣрнаго.

Относя *и сія*—къ послѣдующему, т.-е., къ — *да непорочни будутъ*, получимъ: и вотъ что еще завѣщавай, чтобъ непорочны были и безукоризненны во всѣхъ отношеніяхъ. Ибо и воздерживаясь отъ чувственныхъ удовольствій, онѣ могутъ проявлять другое многое въ своемъ поведеніи, за что справедливо будутъ подлежать укору. Такая мысль видна у Амвросіаста: «Апостоль требуетъ, чтобъ вдова такое имѣла попеченіе о добротѣ своихъ дѣяній и нравовъ, чтобъ ее ни въ чемъ попрекнуть было невозможно. Отказавшись отъ мірской жизни и отъ заботъ о тѣлѣ освобожденная, она для того и Богу себя посвятила, чтобъ вести жизнь одобрительную. Въ чемъ ей и успѣть удобно. Ибо такъ какъ случаи, открывающіе обыкновенно входъ грѣхамъ, отъ ней удалены; то ничто ужъ не мѣшаетъ пребывать ей невредимою въ своемъ добромъ поведеніи».

Прибавимъ: нѣтъ нужды настаивать, что мѣсто сіе непремѣнно должно понимать такъ и такъ. Но держа одну какую мысль, не гони и другой.

Ст. 8. *Аще же кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, въры отвергся есть, и невѣрнаго горшій есть.*

Если предыдущія слова относить и къ дѣтямъ съ внуками, видя въ нихъ такую заповѣдь: внушай, требуй, обяжи ихъ упокоивать матерей и бабокъ, да будутъ свободны отъ укора; то настоящій стихъ, прямо отвѣчая такой мысли, будетъ представлять побужденіе къ дѣйствованію по предлагаемому внушенію, показывая, какъ неумѣстенъ несообразный съ тѣмъ образъ дѣйствованія. Пекитесь о своихъ; ибо кто не печется о нихъ, тотъ вѣры отвергся и сталъ хуже невѣрнаго.

Если же въ предыдущемъ стихѣ видѣть другую какую изъ предложенныхъ мыслей; то для связи настоящаго стиха съ предыдущими, надо вставить такую дополнительную рѣчь: что же касается до того, что я налагалъ на дѣтей и внуковъ долгъ пещись о сущихъ въ ихъ домѣ вдовахъ—матеряхъ ихъ, или бабкахъ, то это такъ неотложно, что если кто не будетъ такъ поступать, то онъ вѣры отвергся и сталъ хуже невѣрнаго.

Подъ своими и присными разумѣются родственники вообще, изъ которыхъ *присные*—οικείοι, суть тѣ, кои живутъ въ одномъ домѣ, а свои, ιδίοι—всѣ другіе родные особо живущіе. Такъ Апостоль требуетъ, чтобъ родные пеклись взаимно другъ о другѣ, и помогали нуждающимся изъ своихъ. Кто не исполняетъ сего, тотъ, говорить, самымъ симъ дѣйствіемъ *въры отвергся*. «Дѣла его такія не суть дѣла вѣрующаго» (Θεοφ.), или такія дѣла обличаютъ въ немъ невѣрующаго, показываютъ, что онъ чуждъ вѣры; устами исповѣдуетъ Бога, а дѣлами отчается Его (Тит. 1, 16). Вѣра требуетъ быть милостивымъ не къ своимъ только кровнымъ, но и ко всѣмъ нуждающимся. «Какимъ же образомъ можетъ быть милостивъ къ постороннимъ тотъ,

кто презираетъ людей одного съ собою рода, свойственниковъ своихъ» (св. Злат.)? Правда, бываетъ, что иной минуя своихъ благотворить чужимъ; но это всегда дѣлается на-показъ. «Развѣ не называютъ всѣ тщеславіемъ, когда кто, благодѣтельствуя чужимъ, презираетъ и не падить своихъ несмотря на то, что благотворить послѣднимъ было бы для него и удобнѣе и справедливѣе» (св. Злат.)?—Такъ немилостивый къ своимъ очевидно не имѣетъ вѣрующаго сердца, и есть то же, что невѣръ. Но Апостоль идетъ далѣе и утверждаетъ, что такой даже хуже невѣра: *невѣрнаго горшій есть*. Невѣрный, еслибъ такъ поступилъ, нарушилъ бы только законъ естественный, а этотъ, поступая такъ, и естественный и писанный законъ нарушаетъ (св. Злат.). А сравни его съ тѣмъ изъ невѣрующихъ, который печется о родныхъ по одному закону естества; насколько онъ окажется хуже его? — «Богъ для того и учредилъ родственныя связи, чтобы имѣли больше мы случаевъ благотворить другъ другу. Поэтому если ты не дѣлалъ того, что дѣлаетъ невѣрный, то ужели ты не отказался отъ вѣры и не сталъ хуже невѣрнаго? Если же не пекущійся о присныхъ отказался отъ вѣры и сталъ хуже невѣрнаго; то куда долженъ быть отнесенъ и гдѣ займетъ мѣсто тотъ, кто обижаетъ присныхъ своихъ? Не все равно—презирать ближняго, и дальняго. Гораздо зазорнѣе презирать знакомаго, нежели незнакомаго,—друга, нежели недруга» (св. Злат.). И тѣмъ паче кровнаго родственника.

бб) *Какъ частные поступать съ вдовами?*

α) Престарѣлыми,—9. 10, и β) юными,—11—15.

Со ст. 9-го до 15-го идетъ рѣчь объ особыхъ нѣкихъ вдовахъ; но съ ст. 11-го видно, о какихъ вдовахъ идетъ рѣчь, именно, о юныхъ; о какихъ же говорится въ ст. 9 и 10, не ясно видно. Что это вдовы, не вообще призрѣваемые церковію, видно изъ ограниченій: не меньше шестидесяти лѣтъ, одного мужа жена, много потрудив-

паяся въ служеніи другимъ. Ибо, по вышесказанному, церковнаго призрѣнія заслуживаетъ всякая беспомощная вдова; а такую можетъ быть и не столь старая и не одного мужа жена, и помогшая послужить другимъ сказаннымъ образомъ. Такъ это особыя нѣкія вдовы. Какія же? Не діакониссы ли? — Похоже на это, какъ можно судить по тѣмъ добрымъ качествамъ и дѣламъ, какія отъ нихъ требуются: одного мужа жена, чадъ воспитала, странныя пріять. Ибо такія доброты требуются, по Апостолу, отъ лицъ избираемыхъ въ клиръ (гл. 3), къ которому причислялись и діакониссы. Но служеніе діакониссъ требовало силъ: ибо кромѣ прислуживанія при крещеніи женъ и смотрѣнія за порядкомъ среди ихъ въ церкви, на нихъ лежало ходить по бѣднымъ и посѣщать больныхъ; а въ шестьдесятъ лѣтъ какая сила у женщинъ? — Если же не онѣ, то кто же такія? — Приходитъ на мысль предположить, что это вдовы долго пожившія и много потрудившіяся для другихъ, — и выбившіяся уже изъ силъ, которымъ потому нужны и кровь и содержаніе и уходъ. Можно дополнить сіе предположеніе такъ, — что тогда какъ всѣмъ вообще вдовицамъ давалось пособіе въ дополненіе къ тому, что онѣ добывать могли своими трудами, эти вполне были обезпечиваемы пищею, одеждою, кровомъ и уходомъ. Въ числѣ ихъ и могли и должны были быть и діакониссы. — Наши толковники всѣ не видятъ здѣсь діакониссъ, и слова Апостола разумѣютъ, какъ продолженіе рѣчи о вдовицахъ вообще. Свят. Златоустъ говоритъ: «прежде Апостоль указалъ, чего не должна имѣть вдовица, а теперь показываетъ, что она должна имѣть.

α)

Ст. 9. 10. *Вдовица же да причитается не меньши мѣтъ шестидесятихъ, бывши единому мужу жена, въ дѣлахъ добрыхъ свидѣтельствуема, аще чада воспитала есть, аще святыхъ нозъ умы, аще странныя пріять, аще скорбнымъ утѣшеніе бысть, аще всякому дѣлу благу послѣдовала есть.*

Да причитается — κατὰ λέγεσθαι, — да вносится въ ката-

логъ вдовиць, или «да вчиняется во вдовѣ учрежденіе, εις το χηρικον» (Экум.). «Справедливо быть внесена въ церковные памятники той, которая явила себя достойною того прежнею жизнью. Достоинно приѣмлется въ лоно церкви (на попеченіе ея) та, которая прежде посвящала ей труды свои» (Амвр.).

Не менши мѣтъ шестидесятихъ. «Указывая, что должна имѣть вдовица достойная каталога вдовъ, на первомъ мѣстѣ ставитъ Апостоль опредѣленно ея лѣта,—именно, шестьдесятъ. Впрочемъ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ, онъ не просто за одинъ возрастъ одобряетъ шестидесятилѣтнюю; ибо и такая можетъ оказаться недостойною» (Θеоф.). «Что же, развѣ будешь судить о ней по лѣтамъ? А какая въ этомъ заслуга? Ибо не отъ нея зависѣло прожить шестьдесятъ лѣтъ. Не по одному возрасту только (должно судить), говоритъ онъ; такъ что еслибъ она и переступила за этотъ возрастъ, но не имѣла заслугъ, то и тогда не должна быть причисляема (къ вдовамъ)» (св. Злат.). И молодая вдова можетъ оказаться достойною вниманія; но какъ она еще въ силахъ, то сама себя пусть содержитъ. «Которыя въ цвѣтущемъ возрастѣ и въ силахъ работать и снискивать пропитаніе, тѣмъ надлежитъ трудами смирять порывы молодости» (Θсод.).

Бывши единому мужу жена. Это указывается, какъ свидѣтельство, что она не любила житейскихъ сластей и пространныхъ питаній, но была строгой и воздержной жизни. «Единобрачія требуетъ отъ нея Апостоль, какъ знака ея степенной честности и любви къ цѣломудрію» (Θеоф.).

Ст. 10. *Въ дѣлахъ добрыхъ свидѣтельствуема.*

О которой всѣ говорятъ только одно хорошее, свидѣтельствуя, что только и видали ее, что въ дѣлавіи добрыхъ дѣлъ. Это общая черта. Затѣмъ «перечисляетъ Апостоль въ частности, какія именно дѣла дѣлаютъ вдову достойною обезпеченія» (Θеоф.).

Аще чада воспитала есть, ετεκνοτροφησε, — исполнила,

какъ должно, эту первую, лежащую на женѣ - матери, службу. Дѣтопитаніе похвальное не есть только откормленіе дѣтей, но главнымъ образомъ благочестивое ихъ воспитаніе (Θеод.). «Поистинѣ, не маловажное дѣло — воспитать дѣтей. Но воспитаніе дѣтей не въ томъ состоитъ, что просто только откормить (возрастить) дѣтей, а воспитать, какъ должно, подобно тому, какъ выше сказалъ Апостоль, что жена *спасется чадородія ради, аще пребудутъ* (чада ея) *въ вѣрѣ и любви и во святыхъ* (конечно бывъ утверждены въ семъ воспитаніемъ, 1 Тим. 2, 15)» (св Злат.). «За это и Авраама Богъ одобрилъ, говоря, что онъ заповѣдалъ *сыномъ своимъ, и дому своему по себѣ сохранять все суды Господа Бога.* Быт. 18, 19» (Θеод.).

Аще святыхъ нозъ умы, аще странныя пріяты. Прежде указалъ на семейныя добродѣтели, ближайшія и подручныя; а потомъ—на добродѣтели къ стороннимъ, не чуждымъ однакожъ по вѣрѣ. Ибо *святые* — христіане. «Видишь, что онъ вездѣ ставитъ выше благодѣаніе, оказываемое близкимъ, нежели то, которое оказывается чужимъ людямъ. Ибо прежде говорить: *аще чада воспитала есть*, а потомъ: *аще святыхъ нозъ умы*, и проч.» (св. Злат.). Омовеніе ногъ есть первое дѣйствіе страннопріимства. Надо прежде принять странника, потомъ омыть ему ноги. Θеодоритъ, Амвросіастъ, Экуменій и Θεофилактъ такъ и читаютъ: прежде *странныя пріяты*, а потомъ—*нозъ умы*. Но св. Златоустъ читаетъ прежде—омовеніе ногъ, а потомъ страннопріятіе. Ибо если подъ страннопріятіемъ разумѣть не впусценіе только странныхъ въ домъ, а самое ихъ упокоеніе, то оно слѣдовало за омовеніемъ ногъ. То и другое впрочемъ составляетъ одну добродѣтель—страннопріимство,—заботливое попеченіе объ упокоеніи странныхъ. «Такъ поступали въ древности. Такъ Лидда приняла самого Апостола и бывшихъ съ нимъ. Такъ о Фивѣ сказалъ онъ: *заступница многимъ бысть и самому мнѣ*, — Рим. 16, 2» (Θеод.).

Св. Златоустъ пространное дѣлаетъ отъ сихъ словъ примѣненіе: «видишь ли, что Апостолъ называетъ страннопріимствомъ не просто одно благорасположеніе, но соединенное со тщаніемъ, съ добрымъ произволеніемъ, съ усердіемъ, которое такъ принимается за дѣло, какъ-бы готовясь принимать самого Христа? Ибо онъ хочетъ чтобы служенія святымъ онѣ не поручали служанкамъ, но сами чрезъ себя исполняли сіе. *Аще убо Азъ, говоритъ Господь, умохъ ваши нозѣ Учитель, (кольми наче) вы должны есте другъ другу умывать нозѣ* (Іоан. 13, 14). Потому что, еслибъ которая изъ нихъ была даже до безконечности богата, еслибъ она достигла величайшей извѣстности и превозносилась знатностію ради своихъ предковъ; то и тогда не будетъ такого разстоянія, какое было между Богомъ и учениками. Если странника припримасшь ты, какъ Христа, то нечего тебѣ стыдиться,—лучше хвались этимъ дѣломъ; а когда принимаешь его не какъ Христа, то лучше вовсе не принимай. *Иже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ*, сказалъ Господь (Матѳ. 10, 40). А какъ скоро не такъ принимаешь, не получишь воздаянія. Авраамъ, какъ ему казалось, принималъ людей, мимоидущихъ путниковъ; между тѣмъ не все нужное для принятія ихъ поручилъ пріуготовить домочадцамъ, но большую часть служенія и самъ лично совершилъ, и женѣ приказалъ мѣсить муку, несмотря на то что имѣлъ триста осмнадцать домочадцевъ, между которыми вѣроятно были и служанки. Онъ желалъ вмѣстѣ съ женою получить награду не только за издержки, но и за служеніе. Такъ мы должны исполнять долгъ страннопріимства, дѣлая все сами, дабы мы сами освятились, дабы и руки наши были благословенны. Въ этомъ состоитъ страннопріимство, въ этомъ поистинѣ состоитъ исполненіе сей обязанности ради Бога. — Хорошо, сказалъ Апостолъ: *аще святыхъ нозѣ умы*. Онъ сказалъ сіе съ тою цѣлію, чтобы всѣхъ побудить къ подражанію. Вслѣдствіе сего и мы поспѣшимъ исполнять сіе, дабы и мы похвалены были

что умывали ноги святыхъ.—Ноги святыхъ имѣютъ великую силу. Вслѣдствіе сего и ниспосылаютъ наказаніе, когда отряхиваютъ съ себя прахъ. Когда къ намъ придетъ святой человекъ, тогда мы не должны стыдиться сдѣлать для него что-либо подобное сему (омовенію ногъ, вышедшему изъ обычая). А святые—всѣ тѣ, которые имѣютъ правую вѣру и живутъ благочестиво: они—святые, хотя бы не творили знаменій и не изгоняли демоновъ».

Аще скорбнымъ утѣшеніе бысть. Воспитаніе дѣтей и странпопріимство — домашнія добродѣтели: дѣти всегда подъ руками, странники сами приходятъ. То и другое можетъ быть исполнено безъ движенія за двери дома, и безъ особыхъ личныхъ начинаній. И тутъ трудъ, но мало напряженный. Почему Апостоль, для совершенства вдовей добродѣтели, движетъ вдову въ дома плача и бѣдности, въ которые входитъ дѣломъ благимъ наименовалъ еще Екклесіастъ (7, 3), и хвалитъ ту, которая *скорбнымъ утѣшеніе бысть*,—επηρησεε, —удовлила скорбныхъ, удовлетворивъ той нуждѣ, которая причиняла скорбь, — «деньгами или заступленіемъ и посредничествомъ» (Θеоф.).

Аще всякому дѣлу благу послѣдовала есть. Это или тоже самое, что въ началѣ сказано: *въ дѣлахъ добрыхъ свидѣтельствуема*,—только съ особою чертою—скорости, неудержимой ретивости на всякое добро: какъ только открывался случай сдѣлать добро, она тотчасъ бралась за него со всею энергіею и не отступала, пока не доводила начатаго до конца. «Апостоль посему поименовалъ симъ всѣ виды добродѣтели». (Θеоод.). *Им*—*послѣдовала*, значитъ подражала. Прежде указанное дѣлала по собственному начинанію; но не довольствуясь этимъ, она дѣлала и всякое добро, какое дѣлающими видѣла другихъ добрыхъ христіанъ. *Им*—этимъ означается спомоществованіе другимъ трудомъ. Когда кто дѣлая какое дѣло не могъ одолѣть его одинъ, она подходила съ своими услугами и помогала одолѣть его. «Какую заповѣдь даетъ здѣсь Апостоль»? спрашиваетъ свят. Златоустъ, и отвѣ-

чаетъ: «онъ заповѣдуетъ давать вещественное пособіе (тѣлесное послуженіе Θεοφ.), — принимать участіе въ дѣлахъ, послужить, — постлатъ, напрімѣръ, постель, успокоить, къ чему наиболѣе способны женщины» (тоже у Θεοφιλαкта).

«Видишь ли, заключимъ словами св. Златоуста, что для того, чтобы сдѣлаться (настоящею) вдовицею, не довольно не вступать во второй бракъ, но нужно и многое другое? Апостоль требуетъ отъ вдовицы такого совершенства, какого не требуетъ даже отъ дѣвственницъ, несмотря на то, что и отъ сихъ послѣднихъ требовалъ всякаго совершенства: ибо сказавъ, что дѣвственница должна быть благообразною и благоприступательною Господеви съ безмолвіемъ (1 Кор. 7, 35), онъ въ общихъ чертахъ обозначилъ всякую добродѣтель. И еще болѣе — онъ требуетъ отъ вдовы почти такого же совершенства, какъ и отъ лица, облеченнаго епископскимъ саномъ».

3)

Къ молодымъ вдовицамъ строго относится здѣсь свят. Павелъ. Опытъ показалъ, что инья изъ таковыхъ не устывали въ обѣтѣ вдовства; и кромѣ того, разслабѣвши въ рѣшимости строго держаться даннаго обѣта, онѣ позволяли себѣ и вообще поведеніе неодобрительное. Почему Апостоль изъявляетъ желаніе, чтобъ молодыя вдовицы лучше вступали во второй бракъ, чтобъ не подать повода противнику — діаволу паругаться надъ ними, сбивъ ихъ съ настоящаго вдовьяго пути.

Ст. 11. 12. *Юныхъ же вдовицъ отрицайся: егда бо разсвирѣпѣють о Христѣ, посягати хотятъ, и муцѣя грѣхъ, яко первыя въры отвергошася.*

Отрицайся, — юнымъ вдовицамъ отказывай въ приѣмѣ въ хоръ вдовицъ. «Запрещаетъ Апостоль молодыхъ вдовицъ принимать въ этотъ чинъ; потому что возрасту, всегда готовому поскользнуться, не слѣдуетъ легко вѣрять» (Амвр.). «Молодыя вдовицы сами подали поводъ

къ такому постановленію тѣмъ, что не выдерживали вдовства» (Θеоф.).

Разсвирьпѣють, — *καταστρηνασωσι*, — подпадутъ неудержимымъ стремленіямъ плотской жизни, — утѣшной, сластолюбивой, удовольственной. «Что значитъ: *καταστρηνασωσι*? — То-есть, — когда обезчувствѣють, когда охладѣвши къ вдовству, вознерадятъ о немъ, огрубѣють къ нему, — когда побѣждены бывъ желаніемъ сластей, уже только притворно показываютъ себя чуждающимися брака, въ самомъ же дѣлѣ вожделѣваютъ его, — и вслѣдствіе того съ грубою надменностію или безчувствіемъ отвращаютъ очи свои отъ Христа, яко жениха» (Экум., Θεοφ.), «И вдовицы своимъ вдовствомъ (когда рѣшаются вдовствовать) обручаются Христу» (Св. Злат.). «Почему вчиняются въ тотъже порядокъ жизни, какъ и дѣвственницы. И къ нимъ можетъ быть относимо слово Апостола: *обручихъ бо васъ единому мужу дву чисту представи Христови* (2 Кор. 11, 2). Теперь же, когда несмотря на то, что посвятили себя Христу, *посыати хотятъ*, хотятъ брака и замужества, — очевидно не хотятъ уже Его единого имѣть женихомъ, и предпочитая Ему челоувѣка, горделиво дѣйствуютъ противъ Него» (Экум., Св. Злат., Θεοφ.).

Имущія грѣхъ, *яко первыя вѣры отвергошася*. «Вѣрою называетъ обѣтъ; какъбы такъ говорить: обманули Его, отвергли Его, нарушили обѣтъ» (Св. Злат.). Ибо «рѣшившись для Христа жить во вдовствѣ цѣломудренно, вступаютъ во второй бракъ» (Θеоф.). «Пріемля такое рѣшеніе, — вдовствовать для Христа, — онѣ вступаютъ въ завѣтъ съ Нимъ, что обручаются Ему навсегда. Склоняясь теперь на бракъ съ челоувѣкомъ, онѣ нарушаютъ сей завѣтъ и за то подлежатъ осужденію» (Экум., Θεοφ.), *Грѣхъ* — *ἁρτία*, — дѣло преступное, суду и осужденію подлежащее. «Очевидно, что онѣ избрали вдовство легкомысленно, не подумавъ хорошо» (Св. Злат.). Чтобъ не было между вѣрующими вдовицами такихъ неосмотри-

тельныхъ рѣшеній, Апостоль и пишетъ правило—не полагаться на скорыя слова обѣтовъ. Это написалъ Апостоль для вразумленія и самихъ вдовиць, «чтобъ не дерзали на то, что выполнить трудно. Ибо неразумно давать обѣщаніе, твердости котораго по юности возраста и сами онѣ не должны довѣрять. Отступивъ отъ него, онѣ праведно подлежатъ осужденію. Ибо достоинъ осужденія тотъ, кто отступаетъ отъ того, что призналъ правымъ, и что, какъ правое, началъ дѣлать. Сколько похвально, если кто точно исполнить то, что представляется высшимъ его силъ; столько же достоинъ онъ порицанія, если по неразумной самоувѣренности возложить на себя то, чего понести не можетъ» (Амвр.).

Ст. 13. Купно же и праздны учатся обходить дома: не точію же праздны, но и блядивы и оплазливы, глаголющія, яже не подобаетъ.

Вдовица истинная, искренно возлюбившая вдовство, опредѣляетъ себя на уединенную, строгую жизнь и внимая себѣ, пребываетъ въ молитвахъ и трудахъ. Душевное довольство, почерпаемое изъ такой жизни, паче и паче утверждаетъ ее въ ней и служитъ ей опорой и огражденіемъ противъ искушеній. Но вдовица, не обдумавшая всего этого и легкомысленно рѣшившаяся на вдовство, скоро соскучиваетъ въ немъ и охладѣваетъ къ нему. Когда это произойдетъ, тогда дѣла вдовства уже не идутъ на умъ. Сидѣтъ въ уединеніи, молиться и трудиться—скучно. Настоятъ нужда искать развлеченій, и пошла по домамъ; а съ этимъ ужъ необходимо вяжутся болтливость, любопытство и неподобныя рѣчи. Это вторая причина, почему отрицать должно юныхъ вдовиць. Апостоль говоритъ какъбы: пусть иная и не будетъ имѣть желанія вступить во второй бракъ, послѣ обѣта—не вступать въ него; но если она не возьмется строго за дѣла вдовства,—уединеніе, трудъ и молитву,—чего

естественно ожидать отъ юной, — то скоро сдѣлается праздношатайкою, болтливою и пытливою на соблазнѣ всѣмъ,—и своимъ и чужимъ. И этого одного достаточно, чтобъ относительно ихъ дѣйствовать осторожнѣе. Св. Златоустъ говоритъ: «Не этой только винѣ (—нарушенію обѣта) подлежатъ онѣ, но и другимъ грѣхамъ (—праздности, шатанію по домамъ). Что пользы изъ того, когда онѣ откажутся отъ попеченія о мужахъ, и не приложатъ старанія о Богѣ? Тогда онѣ безъ сомнѣнія содѣлаются праздными, болтливими, безъ нужды пытливыми; потому что тотъ, кто не заботится о своемъ, непременно будетъ заботиться о чужомъ, равно какъ пекущійся о своемъ и говорить не станетъ о чужомъ, и не будетъ имѣть никакого о томъ попеченія. Нѣтъ ничего до такой степени неприличнаго женщинѣ, какъ всячески разузнавать чужія дѣла,—притомъ не только женщинѣ, но и мужчи-нѣ, ибо это есть величайшій признакъ безстыдства и наглости».

Поводомъ или исходнымъ началомъ къ такому уклоненію молодыхъ вдовицъ отъ благообразнаго поведенія можетъ послужить, какъ полагаетъ бл. Феодоритъ, само церковное обезпеченіе «Пользуясь церковнымъ вспомо-ществованіемъ, и безъ заботы удовлетворяя тѣлеснымъ потребностямъ, живутъ въ праздности; и праздность при-водитъ съ собою лукавыя мысли». А отъ мыслей по-томъ и самое поведеніе теряетъ свое благообразіе: отъ праздности по домамъ ходятъ,—бываютъ *блядивы*, т.е. болтливы,—*флюхрои*,—и *оплазливы*, т.е. любопытны,—*περιεργοι*. Это тѣмъ неодобрительнѣе, если при семъ при-крываются своимъ званіемъ вдовства. «Почитая вдовство, достаточные принимаютъ ихъ въ свои дома, а онѣ, узнавъ, что имъ пріятно слушать, собираютъ по другимъ домамъ и къ нимъ переносятъ; за это пользуются отъ нихъ подачами,—и навывкаютъ такимъ образомъ жить бо-лѣ сплетнями, чѣмъ трудами рукъ своихъ» (Амвр.).

Ст. 14. *Хощу убо юнымъ вдовицамъ посвятити, чада раждати, домъ строити, ни единыя же вины даяти противному хулы ради.*

Не всё конечно молодыя вдовы неблагонадежны. Не мало бываетъ между ними такихъ, которыя и сами въ себѣ чувствуютъ сильнѣйшее расположеніе къ сохраненію вдовства, и другіе не считаютъ ихъ неспособными къ тому. Потому Апостоль не пишетъ общаго для всѣхъ ихъ законоположенія—неотложнаго, но говоритъ: *хощу*, какъбы совѣтъ. предлагая, такой однакожъ, который для нечувствующихъ себя гожими къ храненію честнаго вдовства есть законъ. «Поелику сказанное предъ симъ о такого рода (немоцныхъ) вдовахъ непозволительно и противно (здравой вѣрѣ нашей), то Апостоль совѣтъ дасть и заповѣдуетъ имъ то, что позволительно (— вмѣсто объта вдовства вступить во второй бракъ)» (Амвр.). «Лучше было бы конечно, еслибъ онѣ, однажды вступивъ въ хоръ вдовиць, не отворачивались отъ Христа (яко жениха) и не нарушали сего перваго объта своего. Но какъ нѣкоторыя поскользаются на это, то лучше пусть, не вступая въ завѣтъ со Христомъ, не давая объта посвятить себя Ему, вступаютъ онѣ вновь въ бракъ. Въ этомъ нѣтъ грѣха, а то (давъ обътъ, нарушить) ни съ чѣмъ несообразно» (Экум.). «Такъ какъ онѣ сами хотятъ, то и я хочу, чтобы юныя вдовицы вступали въ бракъ, раждали дѣтей, занимались хозяйствомъ, сидѣли дома; ибо дѣлать это гораздо лучше, нежели что-либо другое (неподобное). Правда, слѣдовало бы имъ имѣть попеченіе о службѣ Божіей (чтобъ Богу угодить), слѣдовало хранить вѣру (обътъ); но если этого нѣтъ, то лучше, чтобы было послѣднее, чѣмъ первое; ибо въ такомъ случаѣ и Богъ не бываетъ отвергаемъ, и сами онѣ не учатся сему (быть праздными и проч.). Потому что отъ такого вдовства не будетъ никакой пользы, а отъ сего брака (можно ожидать) много благъ. Вслѣдствіе сего безпечный и лѣностный ихъ умъ можетъ обратиться (къ добру). Впро-

чемъ отчего, скажешь ты, Апостоль не сказалъ, что такъ какъ вдовицы падали, то онѣ должны употребить особое стараніе, чтобы не испытать сего, о чемъ я говорилъ, но заповѣдуетъ вступать въ бракъ? Оттого, что вступать въ бракъ (второй) не запрещалось, отъ того, что онъ поставлялъ въ безопасное положеніе, почему и прибавляетъ: *ни единыя вины даяти противному хулы ради*,—никакого повода. Слѣдовательно онъ отвергаетъ сихъ вдовицъ, желая не того, чтобы онѣ были не молоды, но не желая того, чтобы онѣ прелюбодѣйствовали, не желая, чтобы онѣ были праздно, безъ нужды пытливы, чтобы говорили чего не слѣдуетъ, не желая, чтобы діаволь находилъ въ нихъ поводъ (къ осужденію), такъ что еслибъ сего не было, то онъ и не отвергъ бы ихъ.— —*Хошу*, говорить, *юнымъ*—чего? пресыщаться? или предаваться нѣгѣ?—Ничего такого, но *посыати, чада раждати, домъ строити*. Дабы ты не подумалъ, будто онъ даетъ имъ вольную проводить жизнь въ удовольствіяхъ, онъ прибавилъ: *ни единыя вины даяти противному хулы ради*. Имъ надлежало бытъ выше житейскихъ заботъ и попеченій. Если же онѣ были ниже ихъ; то пусть по крайней мѣрѣ на одной съ ними стоятъ степенц (т.-е. спасеніе свое содѣвають, живя какъ должно, среди житейскихъ дѣлъ)» (Св. Злат.). «Лучше имъ *домъ строити*—*οικοδομεῖν* (быть господами въ домѣ и держать строго добрые по дому порядки), т.-е. имѣть попеченіе о своемъ домѣ и нести труды и работы по нему, чѣмъ, ходя по чужимъ домамъ, болтать и проводить время въ праздности. Но опять и домъ устроая, не сластямъ житейскимъ предаваться должно, но такъ вести домашнія дѣла, чтобы, при всемъ попеченіи о нихъ, не вредить душѣ. Это показалъ Апостоль словами: *ни единыя вины даяти противнику* (— противнику—*ἀντικειμενω*,—супостату, врагу, діаволу). Можно впрочемъ и такъ разумѣть сіи слова, что въ нихъ Апостоль, показываетъ цѣль и побужденіе, для чего дѣлаетъ такое молодымъ вдовамъ снисхожденіе. Для того,

говорить, чтобъ не дать діаволу повода насмѣяться надъ ними, если онѣ, ставъ невѣстами Христовыми, потомъ, по свойственному молодости непостоянству, впадутъ въ нечистыя дѣла. Для того веду я ихъ подъ иго брака, чтобъ, не имѣя времени и покоя, онѣ не имѣли возможности надѣлать кучу вышепоказанныхъ недобрыхъ дѣлъ» (Θеоф.). «Забота и болѣзнованіе о дѣлахъ по дому не дадутъ имъ зѣвать и скучать отъ ничего-недѣланія. Окруженные такимъ образомъ, со всеѣхъ сторонъ и непрерывно, нужными дѣлами, онѣ хотя и не хотя, навькнутъ жить благообразно» (Экум.).

Ст. 15. *Се бо нѣкія развратилишася въ слѣдъ сатаны.*

Развратилишася,—ἐξέτραπτοσαν,—сошли, уклонились, сбились съ прямого пути, который указывалъ имъ обѣтъ вдовства, и пошли въ слѣдъ сатаны, т.-е. къ тому недоброму поведенію, которое изображено выше. «Законъ постановляется на основаніи опыта» (Θеод). «Апостоль отвѣчаетъ симъ на вопросъ: чего ради дѣлаешь ты такое предостереженіе относительно юныхъ вдовицъ, — будто больше заботишься о нихъ, чѣмъ о дѣвственницахъ?—Того, говорить, ради, что онѣ сами подали къ тому поводъ своимъ уклоненіемъ въ слѣдъ сатаны. Дѣлаю относительно ихъ такое постановленіе, не потому, что желаю, чтобъ въ числѣ вдовицъ (дающихъ обѣтъ вдовства) совсѣмъ не было юныхъ, но потому, что боюсь, какъ бы (давъ обѣтъ) не оставили онѣ потомъ Христа» (Экум.).

вв).

Ст. 16. *Аще кто въренъ, или върна, иматъ вдовицы, да довлитъ ихъ, и да не тяготится Церковь, да сущихъ истинныхъ вдовицъ удовлитъ.*

Въ заключеніе Апостоль опять возвращается къ тому, что положилъ въ началѣ слова о вдовицахъ, именно,—чтобъ онѣ были содержимы семьею, къ которой принадлежатъ; на попеченіи же Церкви оставались однѣ вдовицы безпомощныя. Разница, можетъ быть, только та, что

тамъ разумѣются вдова старшая, а содержатели ея—младшіе—дѣти и внуки, а здѣсь наоборотъ содержатели—старшіе,—отецъ, мать, дядя, тетка, или еще кто, а вдовы—младшія,—овдовѣвшія дочери, или племянницы, или еще какія, къ родству принадлежащія, въ какой бы степени ни было.

Аще кто въренъ или върна. «Къ вѣрнымъ обращаетъ законоположеніе, кои, вѣруя, готовы послушаться слова Апостольскаго» (Экум.). Вѣру напоминаетъ, говоря какъ-бы: вѣрные не должны допускать, чтобъ свои имъ бѣдствовали, и тѣмъ меньше обращались къ невѣрнымъ. «Кстати онъ прибавилъ: *аще кто въренъ*, ибо вѣрныя не должны были получать пропитаніе отъ невѣрныхъ, чтобы не казалось, будто имѣютъ въ нихъ нужду» (Св. Злат.).

Да доволитъ ихъ—своихъ родныхъ вдовицъ. «Не сказалъ: да доставляетъ имъ роскошное содержаніе, но: да удовлетворяетъ ихъ нужды» (Св. Злат.)

Да не тяготится Церковь, да сущихъ истинныхъ вдовицъ удоволитъ. Берите, говоритъ, вы, родные, своихъ родныхъ вдовицъ на свое содержаніе. Ибо если бросите, Церковь должна будетъ взять ихъ на свое попеченіе, и тогда ей тяжело будетъ содержать вдовицъ истинныхъ, т.-е. такихъ, у которыхъ никакой нѣтъ родни. «Видишь ли, что опять истинными вдовицами, долженствующими состоять на попеченіи Церкви, называетъ Апостоль. совершенно одинокихъ, не имѣющихъ ни откуда угѣшенія (обезпеченія). (А у которыхъ есть родные, тѣхъ велитъ брать роднымъ). И это было лучше. Потому что отсюда проистекали два пемалыя блага: одни находили поводъ дѣлать добро, другія были хорошо пропитываемы, и Церковь не обременялась».—(Св. Злат.).

Епископъ Теофанъ.

ПОДВИЖНИЧЕСКОЕ СЛОВО СТАРЦА СИМЕОНА БЛАГОГОВѢЙНАГО.

Въ переводѣ съ новогреческаго преосвященнѣйшаго епископа Теофана.

Предлежащее слово подвижническое и правоучительное, состоящее изъ многихъ главъ, не св. Симеону Новому Богослову принадлежить, а Симеону благоговѣйному, старцу св. Симеона Новаго Богослова.

1) *) Брате, въ самомъ началѣ отреченія своего отъ міра потщися насадить въ себѣ благія добродѣтели, чтобъ и братству ты былъ полезенъ, и самого тебя Господь возвеличилъ на послѣдокъ. Не стяживай себѣ особаго дерзновенія предъ игуменомъ и не ищи себѣ особой отъ него чести. Не стяживай дружбы съ наибольшими въ обители, и не учащай въ келліи ихъ, зная, что чрезъ это не только страсть тщеславія начнетъ пускать въ тебѣ свои корни, но и самому настоятелю сдѣлаешься ненавистенъ; а почему это,—разумѣвай да разумѣть. Сиди въ мирѣ въ келліи своей, какова бы она ни была; но и хотящаго посѣтитъ тебя и побесѣдовать съ тобою, не отвращайся, ради сохраненія своего благоговѣинства; потому что, съ совѣта отеческаго бесѣдуя съ нимъ, не потерпишь вреда, хотя бы онъ былъ и изъ противныхъ, т.-е., не-

*) Добротол. 120.

согласенъ съ тобою ни въ правилахъ, ни въ мысляхъ. Если и не видишь, чтобъ это было полезно для тебя, дѣлай такъ, побуждаясь возможностью доставить пользу другому.

2) Должно всегда имѣть страхъ Божій и каждодневно обслѣдовать и обсуждать, что добраго и что худаго сдѣлано тобою; и доброе предавать забвенію, чтобъ не впасть въ страсть тщеславія, а о противномъ тому проливать слезы съ исповѣдію и напряженною молитвою. Судь сей надъ собою совершай такъ. Когда кончится день и настанетъ вечеръ, начинай разглагольствовать съ собою и вопрошать себя: какъ, съ помощію Божіею, провель я день сей? Не осудилъ ли кого? не досадилъ ли кому словомъ? не соблазнилъ ли кого? не посмотрѣлъ ли страстно на чье-либо лице? Не преслушалъ ли въ чемъ настоятеля по послушанію своему и понерадѣлъ о немъ? не прогнѣвался ли на кого? Стоя въ собраніи (церковномъ), не занималъ ли ума своего чѣмъ бесполезнымъ, или отяготяся отъ лѣности богослуженіемъ, не уходилъ ли изъ церкви и съ правила? Хотя бы ты нашелъ себя во всемъ этомъ неповиннымъ, — что однакожь невозможно, — потому что *никто не бываетъ чистъ отъ скверны, аще и единъ день будетъ житія его* (Іов. 14, 4), и *никто похвалится чисто имѣти сердце* (Притч. 20, 9); и тогда, помянувъ это, возопій къ Богу со многими слезами: Господи, прости мнѣ, елика согрѣшихъ словомъ и дѣломъ, въ вѣдѣніи и невѣдѣніи; ибо мы во многомъ погрѣшаемъ, и не зная того.

3) Каждодневно должно исповѣдывать всякій помысль духовному отцу своему, и что онъ будетъ говорить тебѣ, принимать то какъ изъ устъ Божіихъ съ полнымъ убѣжденіемъ (въ истинѣ того непреложной); другому же никому не предавать, что-де спросилъ я отца моего о томъ-то и тамъ-то, и онъ отвѣтилъ мнѣ то и то; и тѣмъ паче не переспрашивать, хорошо ли онъ сказалъ мнѣ это, и что мнѣ дѣлать во уврачеваніе себя? Потому что

это суть слова певѣрія отцу своему, и пагубны для души. Это наиболѣе случается обычно съ новоначальными.

4) Всѣхъ, сущихъ въ киновіи, должно видѣть святыми и только себя одного почитать грѣшнымъ и послѣднимъ, прилагая къ сему, что изъ всѣхъ спасаемыхъ ты одинъ осужденъ будешь на вѣчныя муки въ день онъ. Когда стоишь на службѣ, все объ этомъ думай, и не переставай тепло плакать въ сокрушеніи сердечномъ, не обращая вниманія на соблазняющихся, или насмѣхающихся. Только когда увидишь, что начинаешь отъ этого поскользаться въ тщеславіе, тогда выходи изъ церкви и дѣлай это втайнѣ, поскорѣе возвращаясь потомъ на свое мѣсто. Это для новоначальныхъ очень полезно; особенно во время шестопсалмія, чтенія Псалтири и поученій, и во время божественной литургіи. Но смотри никого не осуждай, а вотъ что положи въ умѣ своемъ: тѣ, которые видятъ меня такъ плачущимъ, почитая меня многогрѣшнымъ, усердно молятся о мнѣ. И конечно такъ непрестанно помышляя и всегда поступая, великую получишь ты пользу,— и Божію привлечешь благодать, и божественнаго блаженства причастникомъ сдѣлаешься.

5) Не ходи ни къ кому въ келлію, кромѣ игумена, и это какъ можно рѣже. Но если желаешь спросить его о какомъ-либо помыслѣ, дѣлай это въ церкви; отъ службы же церковной прямо уходи къ себѣ въ келлію и потомъ на дѣло послушанія своего; а послѣ повечерія, положивъ поклонъ игумену и испросивъ молитвъ, опять поникши головой, съ молчаніемъ бѣги въ келлію. Лучше одно Три-святное прочитать со вниманіемъ и лечь спать, нежели безъ сна провести четыре часа въ бесполезныхъ разговорахъ. Впрочемъ гдѣ сокрушеніе и плачь духовный, тамъ и божественное осіяніе; а когда оно найдетъ, тогда отгоняются и лѣнь, и немощь.

6) Особой любви ни съ какимъ лицомъ не заводи, особенно изъ новоначальныхъ, хотя и покажется тебѣ жизнь его очень хорошею и нимало не подозрительною. По-

тому что изъ духовной такая любовь очень часто прелается въ страстную и бываетъ причиною многихъ бесполезныхъ скорбей. И это случается наиболѣе съ тѣми, кои ревностнѣе подвизаются. Впрочемъ смиреніе и частая молитва научать, какъ тутъ поступать; подробно же говорить о семъ здѣсь не нахожу умѣстнымъ. Разумѣй да разумѣеть.

7) Въ отношеніи къ каждому брату въ киновіи надо держать себя чужимъ и страннымъ, особенно изъ тѣхъ, кои были знакомы по мірской жизни; но всѣхъ любить, и любить ровно,—на благоговѣйныхъ и подвижниковъ смотрѣть какъ на святыхъ, а о подобно мнѣ нерадивыхъ прилежно молиться. Впрочемъ, какъ и выше показали мы, почитая всѣхъ святыми, потщися плачемъ очиститься отъ страстей, чтобъ, освѣтившись благодатію, на всѣхъ смотрѣть одинаково и сподобиться блаженства чистыхъ сердцемъ.

8) Вотъ что почитай совершеннымъ, имени своего достойнымъ, удаленіемъ отъ міра, — всеконечное воли своей умерщвленіе; потомъ безпристрастіе къ родителямъ, роднымъ и друзьямъ и совершенное отъ нихъ отреченіе.

9) Далѣе еще,—обнаженіе себя отъ всего имущества своего, чрезъ раздаяніе его бѣднымъ, по слову Господа, сказавшаго: *продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ* (Мѡ. 19, 21); и забвеніе дѣйствительное всѣхъ лицъ, какія сердечно любилъ, или плотскою или духовною любовію.

10) Также исповѣданіе всѣхъ сокровенностей сердца твоего и всего, что до сего самаго часа надѣлано тобою, духовному отцу, или игумену, какъ самому Богу, испытующему сердца и утробы, вѣдая, какъ Іоаннъ крестилъ крещеніемъ покаянія, и всѣ шли къ нему исповѣдывать грѣхи свои (Мр. 1, 4. 5). Ибо отъ этого бываетъ великая радость на душѣ и облегченіе совѣсти, по пророческому слову: *глаголи ты первѣе грѣхи твоя, да оправдишиися.* (Ис. 43, 26).

11) Еще и то, чтобъ положить въ помыслѣ такое убѣж-

деніе, что послѣ твоего поступленія въ обитель, померли твои родители и друзья, и почитать отцемъ и матерію лишь Бога и настоятеля; затѣмъ ничего уже у нихъ не просить ради тѣлесной потребности. Если они по своему о тебѣ попеченію приплюютъ тебѣ что, прими то и помолись о нихъ за ихъ о тебѣ заботу, но присланное отдай въ гостинницу или въ больницу, и сдѣлай это со смиреніемъ, потому что это не есть дѣло совершенныхъ, но послѣднѣйшихъ.

12) Дѣлай всякое дѣло доброе со смиреніемъ, помня слово Господа: *егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмы, яко, еже должны бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лк. 17. 10).

13) Всячески блюдишь, чтобъ никогда не принимать св. Причастія, имѣя что-либо на кого, даже въ видѣ прилога помысла, пока не устроишь совершеннаго примиренія съ нимъ посредствомъ покаянія. Впрочемъ и этому научишься отъ молитвы.

14) Каждодневно будь готовъ къ подъятію всякой скорби, помышляя, что скорби суть избавленіе отъ многихъ долговъ, и благодари за нихъ (когда встрѣтятся) Святаго Бога. Симъ образомъ стяжевается непостыдное упованіе по слову великаго Апостола: *скорбь терпѣніе содѣлываетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ* (Рим. 5, 3—5); такъ какъ, по пеложному обѣтованію, *ихже око не видѣтъ, и ухо не слышитъ и на сердце челоуку не въздоша* (1 Кор. 2, 8), есть достояніе тѣхъ, кои, съ помощію благодати, показываютъ полное терпѣніе въ скорбяхъ; безъ благодати же, ничто не можетъ быть сдѣлано какъ слѣдуетъ.

15) Не имѣй въ келліи своей никакихъ вещей, даже до иглы, кромѣ рогожи, овечьей кожи, рясы, и того, во что одѣваешься (или чѣмъ одѣваешься ночью),—если возможно, ни даже подножія. Есть что сказать о всемъ этомъ; но разумѣй да разумѣеть.

16) Опять и у игумена не проси ничего потребнаго,

кромѣ положеннаго по уставу; но и это, когда самъ онъ позоветъ тебя и дастъ, никакъ не соглашаясь при семъ съ помысломъ, внушающимъ перемѣнить что-либо изъ даемаго, но каково бы оно ни было, принимай то съ благодарностію, какъ отъ Бога,—и тѣмъ довольствуясь, безъ замысла купить другое отъ себя, потому что это неумѣстно. Такъ какъ платье загрязняется, то его надо мыть дважды въ годъ, выпрашивая на это время подобно нищему и страннику, со всѣмъ смиреніемъ, у другаго брата, чѣмъ одѣться, пока своя одежда вымытая высохнетъ на солнцѣ, и потомъ опять отдавая то съ благодарностію. Такъ и съ рясою поступать надобно и со всѣмъ другимъ.

17) Трудись по силѣ (не лѣнясь) въ дѣлѣ послушанія, а въ келіи прилежи молитвѣ, со вниманіемъ, сокрушеніемъ и частыми слезами, не слагаясь въ сердцѣ съ помысломъ, что-де, какъ нынѣ я преутрудился, то отниму немного отъ молитвы, труда ради тѣлеснаго: ибо говорю тебѣ, что сколько бы кто ни преутруждалъ себя въ дѣлѣ послушанія, коль скоро чрезъ это отвлекается онъ отъ молитвы, пусть держитъ въ мысли, что потерялъ нѣчто великос. И это такъ есть воистину.

18) Прежде всѣхъ приходи въ церковь на богослуженіе и послѣ всѣхъ выходи, кромѣ крайней какой нужды,—особенно на утреню и литургію.

19) Всякое повиновеніе имѣй къ своему игумну, отъ коего и постриженъ ты, и безъ раздумыванія исполняй, что ни повелитъ онъ, даже до смерти, хотя бы то казалось тебѣ и невозможнымъ. Дѣйствуя такъ, будешь подражателемъ Того, Кто послушливъ былъ даже до смерти, смерти же крестныя. Но не только игумна, но и всю братію, и того, кому поручено смотрѣть за послушаніями, ни въ чемъ не должно преслушивать. Если онъ назначитъ тебѣ что не по силамъ тебѣ, положивъ поклонъ, проси снисхожденія; если не спизойдетъ, понудь себя исполнить то, помышляя, что *нудящихся есть царствіе и что его восхищаютъ тѣ, которые нудятъ себя* (Мѡ. 11, 12).

20) Съ сокрушеннымъ сердцемъ припадай къ ногамъ всей братіи, какъ ничтожный, безвѣстный и совсѣмъ будто не сущій. Кто такъ обращается со всѣми и такъ проводитъ жизнь свою, тотъ, дерзаю сказать, бываетъ прозорливымъ, и съ помощію благодати многое предсказываетъ. Таковій молится и о прегрѣшеніяхъ другихъ братій, пребывая неразвлекаемымъ пристрастіемъ къ вещественному, такъ какъ духовная божественная любовь не попускаетъ ему поскользнуться на это. Предсказывать недивное дѣло. Часто бываетъ это и отъ бѣсовъ,—но разумѣяй уразумѣетъ сіе. Впрочемъ, когда кто начнетъ исповѣдывать, или принимать открытія ему помысловъ другими, то бываетъ, что лишается и сего, будучи занятъ разсужденіемъ помысловъ другихъ. Но если по великому смиренію перестанетъ это дѣлать, т.-е. выслушивать и говорить по сему случаю, то опять возводится въ прежнее устроеніе. Почему такъ бываетъ, знаетъ единъ Богъ; я же, страхомъ объемлемъ, не дерзаю говорить объ этомъ.

21) Имѣй умъ всегда въ Богѣ и во время сна и во время бодрствованія, при вкушеніи пищи и бесѣдѣ, за рукодѣльемъ и всякимъ другимъ дѣломъ, по слову Пророка: *предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть* (Ис. 15, 9). Почитай себя грѣшнѣйшимъ паче всякаго человѣка. Ибо когда такое помышленіе долгое время занимаетъ умъ и сердце, тогда внутри обыкновенно является нѣкое духовное возсіяніе свѣта, наподобіе луча. И чѣмъ болѣе взыскиваешь его, со вниманіемъ крѣпкимъ, мыслию неразвлеченною, трудомъ великимъ и слезами, тѣмъ болѣе оно является яснѣйшимъ и яснѣйшимъ; являясь таковымъ, возлюбляется; любимо бывая, очищаетъ; очищая, дѣлаетъ боговиднымъ, просвѣщая и научая различать доброе отъ худаго. Впрочемъ, брате, много требуется труда и съ Божіею помощію, чтобъ такое сіяніе благодатное совершенно вселилось въ душу твою и се освѣщало, какъ луна мракъ ночи. Потребно

также внимательно смотрѣть, не прокрались бы прилоги помысловъ тщеславія и самомнѣнія, чтобъ не осудить кого, видя, что онъ дѣлаетъ что - нибудь неподобающее. Ибо демоны, видя, что душа чрезъ вселеніе въ нее благодати и установленіе въ ней мирнаго устройства освободилась отъ страсти и искушеній, обыкновенно влагаютъ въ нее такіе помыслы; но помощь отъ Бога (приходитъ и разоряетъ ихъ козни). Да будетъ у тебя и плачь непрестанный, и сытости въ слезахъ не знай. Внимай еще, какъ бы не пострадать чего изъ-за обильной радости духовной и умиленія; а постраждешь, если подумаешь, что они суть плодъ собственнаго твоего труда, а не благодати Божіей, потому что за это они взяты будутъ отъ тебя,—и ты много поищешь ихъ въ молитвѣ, и не обрящешь,—и узнаешь, какое потерялъ ты дарованіе благодати. Но Господи, никогда не попусти намъ лишиться благодати твоей. Впрочемъ, брате, если и случится сіе съ тобою, возверзи на Бога немощь свою и возставъ, воздѣнь руки свои, и такъ говори въ молитвѣ: Господи! помилуй меня грѣшнаго, немощнаго и бѣднаго, и низпосли на меня благодать твою, не попуская мнѣ искуситься паче, нежели могу. Виждь, Господи, въ какое бездушіе и въ какіе помыслы ввергли меня грѣхи мои многіе. Я, Господи, еслибы и захотѣлъ почестъ, что мое самомнѣніе, бывшее причиною лишенія Твоего благодатнаго утѣшенія, произошло у меня отъ бѣсовъ, не могу тѣмъ извинить себя, ибо знаю, что съ теплымъ усердіемъ творящіе волю Твою легко сопротивляются имъ. Не они, а мои собственныя грѣшныя расположенія, кроющіяся въ сердцѣ, искусили меня. Каюсь въ семъ, Господи мой, Господи, и молю Тя, если благоугодно Тебѣ и для меня полезно, да увидеть паки благодать Твоя въ раба Твоего, да видя ея, радуюся со умиленіемъ и плачемъ,—будучи просвѣщаемъ присносвѣтлымъ сіяніемъ ея и сохраняемъ отъ скверныхъ помысловъ, и всякой злой вещи, и отъ всѣхъ недобрыхъ дѣлъ и словъ, коими каждодневно со-

грѣшаю я въ вѣдѣніи и невѣдѣніи,—укрѣпляясь въ благонадежномъ дерзновеніи предъ Тобою, Господи, скорбями, каждодневно приключающимися рабу Твоему отъ бѣсовъ и людей, и отсѣченіемъ собственной воли своей, помышляя и о благахъ, уготованныхъ любящимъ Тебя. Ибо Ты сказалъ, Господи, что *просай приѣмлетъ, ищай обрѣтаетъ, и толкующему отвержется* (Мѡ. 7, 8). Къ сему, брате, прилагая и другое, что вложить Богъ въ сердце твое, пребывай терпѣливо въ молитвѣ, не разслабляясь скучаніемъ и уныніемъ,-- и благій Богъ не оставитъ тебя.

22) Въ келліи, какую въ началѣ получилъ ты отъ настоятеля, терпѣливо пребудь до конца. Если помысль станетъ смущать тебя по причинѣ ея ветхости, или опасности паденія; то поклонившись настоятелю, скажи ему объ этомъ со смиреніемъ. Если онъ послушаетъ тебя, радуйся; а если нѣтъ, и въ такомъ случаѣ благодари, вспомянувъ о Владыкѣ своемъ, не имѣвшемъ, гдѣ главу подклонить. (И не повторяй уже прошенія). Ибо если ты два, три или четыре раза подокучаешь объ этомъ настоятелю (и не получишь удовлетворенія), то отъ этого родится сначала дерзость предъ нимъ, потомъ недовѣріе къ нему и наконецъ презрѣніе (и жизнь твоя разстроится). Почему если хочешь проводить жизнь тихую и покойную, не проси у настоятеля ничего, что служить къ удовлетворенію тѣлесныхъ потребъ. При поступленіи твоёмъ въ монашество, въ началѣ объ этомъ и рѣчи не было. Не обѣщался ли ты напротивъ мужественно сносить по заповѣди Божіей, еслибы тебя всѣ презирали и уничижали? Итакъ, если хочешь сохранить вѣру и любовь къ настоятелю своему и всегда смотрѣть на него какъ на святаго, соблюди слѣдующія три вещи: не проси у настоятеля того, что служить къ упокоенію тѣлесному, не позволяй себѣ особой предъ нимъ смѣлости, и не учадай къ нему, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, имѣя въ виду будтобы то, чтобъ пользоваться его наставленіями и руководствомъ,—не ищеское это дѣло, а человѣче-

ское; впрочемъ я этого не осуждаю. Прибавь къ сказанному еще и то, чтобъ нескрывать отъ него никакого помысла, находящаго на тебя. Если будешь соблюдать все сіе, то безъ волненій переплывешь море жизни и отца своего, каковъ бы онъ ни былъ, не перестанешь почитать святымъ. Если подошедши въ церкви къ отцу своему спросить о своемъ какомъ-либо помыслѣ, найдешь, что другой предупредилъ тебя по тому же предмету, или другому какому, и увидишь, что на тебя не обращается вниманія, смотри не оскорбись, и не подумай чего-либо недобраго; но стань особо поодаль и жди, сложивъ руки, пока не кончится рѣчь съ тѣмъ и тебя не позовутъ. Бываетъ, что отцы нарочно такъ дѣлаютъ для испытанія и для заглаженія прежнихъ нашихъ въ семь обстоятельствѣ погрѣшностей.

23) Поститься въ посты надлежитъ тебѣ такъ: въ великій постъ по два дня, кромѣ великаго какого праздника, субботы и воскресенья; въ другіе посты черезъ день (вкушать); въ прочіе же дни года ѣсть по одному разу въ день, кромѣ субботы, воскресенья и праздника, — но не досыта.

24) Старайся быть для всего братства назидательнымъ образцомъ во всякой добродѣтели, — въ смиреніи и кротости, въ милостивости и послушаніи даже въ низкихъ вещахъ, въ безгнѣви и безпристрастїи, въ нестяжательности и умиленіи, въ незлобїи и нелюбопытности, въ простотѣ нрава и чуждости ко всякому человѣку, въ посѣщеніи болящихъ, въ утѣшеніи скорбящихъ, — въ томъ, чтобы неотвращаться отъ ищущихъ пользы, подѣя предложомъ бесѣды съ Богомъ: ибо любовь лучше молитвы, — въ томъ, чтобъ быть сострадательну ко всѣмъ, нетщеславну, недерзостну, необличительну, нетребовательну ни отъ настоятеля, ни отъ другаго какого распорядителя, соблюдающую почтительность ко всѣмъ іереямъ; — въ томъ, чтобы показывать вниманіе въ молитвѣ, неподдѣльное благонастроеніе и любовь ко всѣмъ, чтобъ не славы

ради стараться любопытно изслѣдывать Писанія, — чему научить тебя молитва, бывающая со слезами, и просвѣщеніе благодати. Когда спросить кто о чемъ подобающемъ, учи его тому, что касается богодѣйственныхъ и богоугодныхъ дѣланій, какъ подастъ тебѣ благодать, со всѣмъ смиреніемъ, изъ опытовъ своей жизни, какъбы другаго кого, не тщеславясь въ помыслѣ, кто бы ни былъ ищущій у тебя пользы. И того неотвращайся, кто ищетъ у тебя врачевства противъ какого-либо помысла, но воспріими его погрѣшенія, какія бы они ни были, и молись о немъ съ плачемъ: ибо это есть знакъ совершеннаго состраданія и любви. И того ради, чтобъ не получить вреда отъ слышанія такихъ вещей, не отрѣвай отъ себя приходящаго. Дѣйствуя изъ любви, не потерпишь никакого вреда, при помощи благодати Божіей. Впрочемъ, чтобъ не произошло отъ этого вреда для другихъ, надобно вести рѣчь о семъ (т.-е. принимать помыслы и давать уроки по поводу ихъ) въ тайномъ мѣстѣ. Но если и подвергнешься, какъ человѣкъ прираженію какого помысла, — чего однакожь не потерпишь, если сподобился дѣйства благодати, — то и при этомъ не переставай такъ дѣйствовать: ибо мы научаемся не своей *искать пользы, но многихъ, да спасутся* (1 Кор. 10, 33). Относительно дѣйства благодати знай, что когда станешь ты воистину имѣть себя грѣшнѣйшимъ паче всякаго человѣка, тогда это будетъ значить, что воспріалъ ты дѣйство благодати. Будь только безпечителенъ (о земномъ) и нестяжатель, — и сподобишься сего. Какъ же все сіе бываетъ, не умѣю сказать: Богъ вѣсть.

25) Часы бдѣнія проводи такъ: два часа читай (отеческія книги), два часа молись во умиленіи со слезами, (это отъ себя, не по молитвеннику), затѣмъ приложи канонъ, какой хочешь (или изъ Октоиха дневной, или изъ Минеи, или общепокаянный, или еще какой), и двѣнадцать псалмовъ, если угодно, — наконецъ молитву: *Нескверная, Неблазная*, и молитву св. Евстратія: *Величая величаю*

Тя. Это когда ночи бывают велики; когда же онѣ малы, тогда и послѣдованіе молитвъ пусть будетъ у тебя покороче, по даемой тебѣ отъ Бога силѣ: ибо безъ Него ничто доброе не дѣлается, какъ говоритъ Пророкъ: *отъ Господа стоны человеку исправляются* (Пс. 36, 23), — и какъ сказалъ Господь: *безъ Мене не можете творити ничего* (Іоан. 15, 5).—Но причащаться никогда не причащайся безъ слезъ.

26) Ёшь предлагаемое, каково бы оно ни было; подобнымъ образомъ и вино (пей, какое подадутъ), съ воздержаніемъ, безъ ропота. Если живешь одинъ, по немощи ёшь сырыя зеля (овощи, салаты), съ маслинами. Если кто изъ братій пришлетъ тебѣ какое варево, прими съ благодарностію и смиреніемъ, какъ странникъ, и поёшь того, что бы то ни было, что же останется, пошли то другому брату, бѣдному и благоговѣйному. Если кто позоветъ тебя на угощеніе, ёшь все предлагаемое, но всего по малу, по заповѣди, соблюдая воздержаніе. Вставши изъ-за трапезы, сдѣлай поклонъ звавшему по обычаю странниковъ и бѣдныхъ, и поблагодари его, говоря: Богъ да воздастъ тебѣ, отче святой. Говорить же ничего не говори, хотя бы приходилось сказать и что-либо полезное.

27) Если кто изъ братій, въ скорби или отъ настоятеля, или отъ эконома, или отъ другаго кого, придетъ къ тебѣ, утѣшь его такими словами: «повѣрь, брате, что это случилось тебѣ на испытаніе. Часто и со мною бывало это, и я по малодушію скорбѣлъ отъ того; но когда воспринималъ удостовѣреніе, что это посылалось мнѣ на испытаніе, переносилъ то съ благодарностію. Поступай и ты такимъ же образомъ, и не печалиться, а паче радоваться будешь отъ такихъ скорбей». Хотя бы тотъ на брань и поношеніе (оскорбившихъ) поползнулъ, ты и при этомъ не отворачивайся отъ него, но какъ подастъ тебѣ благодать, постарайся утѣшить его. Ибо много есть разсужденій (пригодныхъ на это дѣло); и ты, какъ поймешь состояніе брата и его помыслы, сообразно съ тѣмъ

подойди съ ними къ нему и помоги ему; неуврачеваннымъ же ни за что не отпускай его отъ себя.

28) Если какой братъ боленъ, и тебѣ случится долгое время не посѣтить его, то, желая наконецъ это сдѣлать, пошли напередъ предувѣдомить его и сказать: повѣрь мнѣ, отче святой, что я нынѣ только узналъ о болѣзни твоей, и прошу въ этомъ извиненія. Потомъ самъ иди, и пришедши, положи поклонъ и по молитвѣ скажи: какъ тебѣ, отче святой? Какъ милуетъ тебя Богъ? — Затѣмъ сядь, сложа руки, и молчи. Если и другіе тамъ будутъ, пришедшіе для посѣщенія, смотри ничего не говори, ни отъ Писанія, ни изъ естествословія, чтобъ послѣ не скорбѣть. Это наибольшую частію случается съ простѣйшими изъ братій.

29) Если случится тебѣ угощаему быть трапезою вмѣстѣ съ другими благоговѣйными братіями, все предлагаемое надобно тебѣ ѣсть безъ раздумыванія, что бы тамъ ни было. Если имѣешь отъ кого-либо заповѣдь не ѣсть, напимѣръ, рыбы или другаго чего, а это предложено: то когда тутъ же или недалеко давшій тебѣ заповѣдь, поди и умоли его позволить тебѣ ѣсть то; когда же нѣтъ его или знаешь, что онъ не разрѣшитъ тебѣ, а ты не хочешь смутить тѣхъ, съ которыми сидишь за трапезою, ѣшь не колеблясь, и послѣ стола расскажи ему все, какъ и почему такъ ты поступилъ, прося прощенія. Если не хочешь ни того, ни другаго, то лучше тебѣ не ходить на такое угощеніе. Отъ этого получишь ты два добрыхъ плода: и бѣса тщеславія избѣжишь, и тѣхъ братій избавишь отъ смущенія и неприятности.—Но если то будутъ братія изъ дебелѣйшихъ, то соблюди свою заповѣдь. Впрочемъ лучше и при нихъ ѣсть понемногу отъ всего. — Такимъ же образомъ поступай и при утѣшеніи всей братіи кѣмъ-либо (когда кто для всей братіи предлагаетъ трапезу), по Апостолу, заповѣдавшему намъ *все предлагаемое ѣсть ничтоже сумняся за совѣсть* (1 Кор. 10, 27).

30) Если кто изъ братій, когда ты творишь молитву въ келліи своей, постучить въ дверь, отвори ему, и сѣдши побесѣдуй съ нимъ со смиреніемъ о томъ, что предложить онъ изъ относящагося къ душеполезнымъ предметамъ, и если онъ отягченъ скорбію, постарайся утѣшить его словомъ или дѣломъ. Потомъ когда удалится онъ, затвори опять дверь и докончи свою молитву, начавъ съ того, на чемъ прерванъ былъ. Ибо утѣшеніе и уврачеваніе приходящихъ равнозначительно съ примиреніемъ (враждующихъ). Впрочемъ съ мірскими не такъ должно поступать, — но начинать съ ними бесѣду уже по окончаніи молитвы.

31) Когда молишься, страхъ ли нападетъ на тебя, или стукъ подыметъ, или свѣтъ возсіяетъ, или другое что случится, не смущайся и не робѣй; но пресбуди на молитвѣ гораздо долѣе обыкновеннаго. Такое смятеніе, страхованіе и ужасаніе бываетъ отъ демоновъ, чтобъ, растерявшись и разслабѣвши, оставилъ ты молитву, а когда такія тревожности обратятся у тебя въ навыкъ, чтобъ совсѣмъ тебя взять въ свои руки и помыкать тобою. — Но если, во время совершенія тобою молитвы своей, иной нѣкій возсіяетъ тебѣ свѣтъ, котораго изобразить въ словѣ я не въ силахъ, отъ котораго душа преисполняется радости, возраждается вождельніе лучшаго и начинаютъ течи слезы со умиленіемъ; то вѣдай, что это есть божеское присѣщеніе и заступленіе. Если слишкомъ долго будетъ держаться такое состояніе, то, чтобъ по причинѣ обилія слезъ не показаться тебѣ предъ собою чѣмъ-либо болѣе, нежели каковъ ты на дѣлѣ, обрати умъ свой на что-либо тѣлесное и тѣмъ смири себя. — Изъ-за страха же вражескаго смотри никогда не оставляй молитвы; но какъ дитя, убоявшись какихъ-либо страшилищъ, бѣжить въ объятія отца или матери и тамъ отлагаетъ всякой страхъ, такъ и ты, востекши къ Богу молитвою, избѣжишь страха, наводимаго бѣсами.

32) Если, когда ты сидишь въ келліи, какой-нибудь братъ придетъ и спроситъ тебя о плотской брани, не

отсылай его ни съ чѣмъ; но со умиленіемъ изъ того, что подастъ тебѣ благодать Божія и что стяжалъ ты собственнымъ опытомъ, попользуй его, и такъ отпусти. Когда же будетъ онъ выходить, поклонись ему и скажи: повѣрь мнѣ, брате, — уповаю на челоуѣколюбіе Божіе, что отбѣжить отъ тебя эта брань, только не поддавайся и не разслабляйся (не поблажай). А когда выйдетъ, встань и вообразивъ брань его, воздѣнь руки свои къ Богу и помолись Ему о братѣ со слезами и воздыханіями, говоря: Господи Боже, нехотящій смерти грѣшника, устрой дѣло сіе, какъ знаешь и какъ полезно брату сему. И Богъ, зная вѣру его къ тебѣ и твое къ нему изъ любви состраданіе и искреннюю о немъ молитву, облегчитъ ему брань его.

33) Все сіе, брате, пригодно къ возбужденію и укрѣпленію умиленія, и должно все то исполнять съ сокрушеннымъ сердцемъ, терпѣніемъ и благодареніемъ; такъ какъ въ этомъ причина слезъ, очищеніе страстей и прямой путь въ царствіе небесное: ибо царствіе небесное есть достояніе нудящихъ себя, и только нудящіе себя восхищаютъ его. Если исполнишь все это, то совершенно отстанешь отъ прежнихъ навыковъ и расположеній, а можетъ быть станешь свободенъ и отъ самыхъ прилоговъ помысла: ибо обыкновенно свѣту уступаетъ тма и солнцу тѣнь. Кто же вознерадитъ о семъ въ началѣ, тотъ разслабѣвъ въ помыслѣ и сдѣлавшись пытливымъ (занявшись пустыми вещами), лишается благодати и вслѣдствіе того впадши въ злыя страсти, познаетъ свою немощь (являетъ опыты немощи, или опытомъ изучаетъ ее), полнъ будучи боязни и робости (того не могу, другаго не въ силахъ — говоритъ онъ и чувствуетъ, когда сознаетъ, что слѣдовало бы то и то сдѣлать). Тому, кто исполняетъ это, не должно думать, что исполняетъ то собственными силами, но все приписывать благодати Божіей. Ему прежде надобно себя очистить, а потомъ чисто бесѣдовать съ Чистымъ (Богомъ), какъ сказалъ нѣкто. Когда умъ очи-

стится многими слезами и воспріиметь осіяніе божественнаго свѣта (которое не умалится, хотя бы его весь міръ получилъ), тогда съ любовію мысленно пребываетъ весь въ будущемъ *), и созерцаетъ его, какъ то показываетъ ему Богъ, и радуется радостію духовною, по Апостолу, который говоритъ: *плодъ духовный есть любви, радость, миръ, долготерпѣніе, кротость* (Гал. 5, 22. 23).

34) Кто стяжалъ сіе, да внимаетъ себѣ и бдительно смотритъ за прилогами помысловъ. Ибо кто живетъ среди множества людей, тому невозможно, думаю, избѣжать ихъ, особенно прилоговъ зависти и тщеславія тому, кого хвалятъ мірскіе люди за славную жизнь его и презрѣніе видимыхъ вещей. Но и то бываетъ, что иной разъ видя или слыша, какъ кто-нибудь поступаетъ неподобающимъ образомъ, невольно осуждаетъ его. Почему таковой пусть остерегается отъ любопытства знать, что говоритъ или что дѣлаетъ игумень, или помощники его; если же, побѣждаемый страстію, подумаетъ или скажетъ что съ любопытствомъ (или то, что узналъ или чтобъ узнать о нихъ), пусть исправитъ себя въ этомъ поканіемъ. Пусть смотритъ онъ за собою въ семь отношеній и во время стоянія въ церкви и во время исправленія дѣла послушанія; потому что помыслы тщеславія и въ это время обыкновенно нападаютъ на ревнителѣй добраго дѣйствованія, когда или по тому поводу, что они добрѣ внимаютъ псалмопѣнію, или потому, что молятся безъ блужданія ума туда и сюда, внушаютъ имъ, будто другіе братія всѣ мятутся помыслами и только они одни пребываютъ въ созерцаніяхъ, возбуждаемыхъ духовною мелодіею (пѣніемъ псалмовъ), мысленно подражая чинамъ ангельскимъ, — что однакожъ никому не явно кромѣ одного Бога и тѣхъ, которые одинаковаго суть съ ними устроенія. — Бываетъ, что инымъ еще образомъ искушаютъ ихъ помыслы, именно или осуждая ихъ, или убажая. — Впрочемъ всего этого

*) Отселѣ до конца главъ въ Добротол. пѣть.

можешь ты избѣгать, если будешь блюсти себя и себѣ внимать со смиреніемъ, любовію, исповѣдію и безпристрастіемъ.

35) Старайся никого не опечалить ни словомъ, ни дѣломъ; напротивъ даже тѣхъ, которые опечалены другими, утѣшай, сколько можешь. Однакожь никогда не думай, что ты препобѣдилъ козни діавола, и не тщеславься. Ибо все человѣческое естество не можетъ препобѣдить ихъ; одна благодать Божія творить сіе.—Итакъ, живущіе братствомъ въ подчиненіи настоятелю должны поступать, какъ сказано. Что же касается до любителей безмолвія (живущихъ одиноко), тѣмъ я не могу ничего сказать. Впрочемъ судя по тому, что я сказалъ, всякой пусть самъ додумывается и до того, что свойственно безмолвникамъ. Безмолвіе требуетъ болѣе строгой и внимательной жизни.

36) Если стяжалъ ты полную вѣру къ кому-либо изъ братій киновіи, и исповѣдуешь ему свои помыслы, смотри не опускай этого никогда, по всякой день и часъ ходи къ нему и открывай помыслы, находящіе и смущающіе. Слѣдовало бы всѣмъ ходить къ игумену исповѣдываться; но какъ иные не хотятъ открывать помысловъ своихъ игумену, по немощи своей и невѣрію къ нему, то я и говорю такъ по снисхожденію къ нему. Впрочемъ не слѣдуетъ тебѣ переходить отъ одного къ другому, слушая врага нашего, который обыкновенно внушаетъ тайно, что-де ты тяготишь брата того, принимающаго твои помыслы, тѣмъ, что часто ходишь къ нему, или что стыдно тебѣ многократно сказывать ему о себѣ одно и то же, почему перестань исповѣдываться у него, а ходи къ другому. Ибо если не послушаемъ такихъ внушеній, а все будемъ ходить къ первому, то еще большую возымѣемъ къ нему вѣру, и еще большую получимъ пользу, и отъ жизни его, и отъ словъ его. За такую жизнь никто не будетъ осуждать насъ, напротивъ всѣ будутъ хвалить, что съ такимъ постоянствомъ хранимъ вѣру къ нему одному.—Если вознерадимъ мы часто открывать помыслы

свои, то впадемъ въ большія страсти, и затѣмъ стыдятся открыть ихъ, впадемъ въ ровъ нечаянія.—Если пойдешь къ другому духовнику (что непозволительно намъ дѣлать), то когда духовникъ этотъ одной съ нами киновіи, всѣ братія осудятъ насъ за то, что оставили вѣру, какую имѣли къ прежнему, и Богъ крѣпко осудитъ насъ за это. Да и самый духовникъ, къ которому перейдемъ, подумаетъ, что и въ отношеніи къ нему мы также поступимъ наконецъ. И навѣрное поступимъ; и такимъ образомъ, привыкши переходить отъ одного къ другому, уже никогда не прекратимъ этого; начнемъ пытаться, гдѣ есть какіе столпники, затворники, безмолвники, и ходить къ нимъ исповѣдываться, тоже переходя отъ одного къ другому и теряя вѣру къ каждому. Наконецъ потеряемъ вѣру ко всѣмъ, сдѣлаемся невѣрующими никому и во всемъ безуспѣшными; и, что бѣдственнѣе всего, подпадемъ общему осужденію и клятвѣ. Почему тому духовнику, которому исповѣдался ты въ началѣ, старайся пребыть вѣрующимъ несомнѣнно до самой смерти своей. Ибо, какъ я сказалъ, если ты презришь его и перейдешь къ другому, то подпадешь многимъ искушеніямъ, начнешь такимъ же образомъ осуждать и всѣхъ другихъ, и самъ себѣ уладишь путь въ пагубу. Но Господи, Господи, избави насъ отъ всякаго невѣрія и подозрительности, и покрой божественною Твоею благодатію.

37) Если и ты самъ приобрѣтешь учениковъ, имѣющихъ вѣру къ тебѣ и исповѣдающихъ тебѣ свои помыслы, и увидишь, что они бесѣдуютъ съ нѣкоторыми братьями изъ болѣе благоговѣйныхъ,—смотри не соблазняйся тѣмъ. Демоны и тѣмъ, которые право живутъ и добръ ведутъ дѣла свои, внушаютъ тайно, что такіе ученики не шествуютъ въ прямотѣ и простотѣ сердца и ходятъ къ намъ исповѣдывать помыслы свои не съ истинною къ намъ вѣрою, но прикрываясь лицемѣріемъ; не съ доброю цѣлію соглядаютъ лишь свободу нашу, — и внушая это, возбуждаютъ въ насъ неудовольствіе и недобвѣріе къ

такимъ ученикамъ.—Такъ ты не принимай такого помысла, когда бѣсы станутъ влагать его тебѣ, но со всею простотою и любовію, Бога ради и ради самаго добра старайся исправить таковыхъ и душевно попользовать ихъ, почитая ихъ преуспѣяніе собственной своею славою.

38) Если какой-либо изъ учениковъ твоихъ возьмѣтъ невѣріе къ тебѣ; ты разсмотри, отъ чего это случилось, такъ какъ это бываетъ по многимъ причинамъ и предлогамъ: или отъ того, что потщеславившись, будто уже достигъ совершенства, впалъ онъ въ гордость и не хочетъ уже называться ученикомъ, а желаетъ быть въ учительскомъ чинѣ; или отъ того, что, утѣвъ и утолстѣвъ (т.-е. предавшись безопасности), возлюбилъ плоть и желаетъ жить въ полномъ довольствѣ тѣлесномъ; или отъ того, что ты прежде любилъ его больше, а потомъ сталъ любить другихъ,—и онъ впалъ въ зависть; или отъ того, что онъ желаетъ рукоположенія, а ты препятствуешь ему, такъ какъ, судя по дѣламъ, имъ исповѣданнымъ, недостойнъ онъ священства; или отъ того, что ты предпочитаешь ему въ этомъ другаго, послѣ него, можетъ быть, къ тебѣ пришедшаго, потому что такого рода дѣйствование сильную причиняетъ скорбь тому, кто сильно желаетъ и не улучшаетъ желаемого,—особенно если онъ пришелъ къ тебѣ отъ младыхъ ногтей и ты любилъ его по Богу крѣпко; или можетъ быть ты когда-нибудь, въ побужденіе, чтобъ онъ воздерживался отъ страстей, общалъ ему, что дашь ему позволеніе принять рукоположеніе (ибо духовники часто имѣютъ обычай давать юнымъ такія общанія рукоположенія, чтобъ воодушевить ихъ отсѣчь совершенно склонность, какую, по злой привычкѣ, имѣютъ они къ извѣстнымъ страстямъ), и онъ не улучивъ по недостойнству своему того, чего надѣялся по общанію твоему, подвигся на зависть и говоритъ такія обличенія противъ того другаго брата, что ихъ даже выслушать нельзя спокойно, а не только высказать. Кромѣ сказаннаго, бываютъ и другія причины невѣрія,—когда напимѣръ иной по нерадѣ-

нью впадаетъ въ сосложенія (съ худыми пожеланіями), или въ дѣйствительные грѣхи, и стыдяся исповѣдать то по тщеславію, умалчиваетъ, а чрезъ умолчаніе такое мало - по - малу приходитъ и въ совершенное невѣріе (отцу своему); или когда кто, увидѣвъ тебя состоящимъ подъ вліяніемъ какой-либо страсти, осудилъ тебя и отвернулся отъ тебя. Признакомъ отвращенія таковыхъ отъ тебя да будетъ тебѣ, если ты опытенъ, взоръ лица ихъ или, если это тебѣ неподручно, измѣненіе во вѣщнемъ видѣ сравнительно съ обыкновеннымъ. Ибо учишь ли ты такого, или обличаешь, или утѣшаешь, онъ держитъ видъ, будто принимаетъ внушенія твои, но видно, что онъ принимаетъ ихъ слухомъ, но сердцемъ не принимаетъ, что они неспрiятны ему, что онъ пересмѣиваетъ ихъ, или раздражается противъ нихъ. Если иной разъ, желая испытать, чистъ ли онъ отъ страсти, велишь ты ему причаститься, или другое что сдѣлать, онъ тотчасъ соглашается сдѣлать это безъ всякаго раздумыванія, чтобъ ты не обличилъ его.—Врачевство для таковыхъ—молитвы къ Богу усердныя со слезами, умноженіе любви, частое внушеніе, тѣлесное упокоеніе и всегдашнія собесѣдованія, иногда кроткія и усладительныя, а иногда строгія и обличительныя, какъ лучше и пригоже къ тому, чтобъ они слушались и умягчались нравомъ.

39) Когда ученикъ твой скажетъ о нѣкоторыхъ братіяхъ, что они благоговѣйны, и похвалитъ ихъ, ты промолчи. Если онъ спроситъ тебя о нихъ, отвѣтъ со смиреніемъ: «повѣрь мнѣ, отче, — не знаю; я, будучи малосмысленъ, долгъ имѣю смотрѣть за своимъ перадѣніемъ; что касается до другихъ, то они всѣ по благодати Божіей святы и добры; впрочемъ каждый что посѣтетъ, то и пожнетъ». И ты не хвали и не осуждай никого въ частности, но всѣхъ ихъ хвали,—особенно, когда придетъ ученику твоему помысль, будто ты имѣешь къ кому-либо изъ нихъ особую вѣру. Такимъ способомъ онъ ублагонстроится и избавится отъ того помысла.

40) Если два юныхъ брата возымѣютъ любовь между собою въ простотѣ сердца, и ты услышавъ отъ иныхъ, что эта любовь ихъ не добрая, а страстная,—чувствуешь понужденіе пресѣчь такое ихъ другъ къ другу пристрастіе, когда случится, что они часто ходятъ къ тебѣ; то добрѣ обсуди, какъ надлежитъ тебѣ вести къ нимъ бесѣду о томъ, что можетъ ихъ употребить, чтобъ вмѣсто пользы не причинить имъ вреда. Итакъ, если думаешь, что что-либо изъ сказаннаго тебѣ похоже на правду, позови одного изъ нихъ и, бесѣдуя съ нимъ съ истинною любовію, съ лицомъ радушнымъ и съ душевною пріятностію, толкуй ему о многихъ и разныхъ предметахъ, но въ эту рѣчь свою внеси малое нѣчто и нѣкоторымъ образомъ прикровенно и касающееся той страсти; за тѣмъ скажи ему: *внимать себѣ подобаетъ памъ, брате, потому что ходимъ посредѣ сѣтей, и нѣсть наша брань къ плоти и крови, но къ началомъ и ко властемъ, къ духовомъ злобы (Еф. 6, 12), и врагъ нашъ яко левъ рыкая ходитъ, искій кого полотити (1 Петр. 5, 8).* Уже многихъ онъ изъ великихъ подвижниковъ побѣдилъ въ брани; тѣмъ легче одолѣетъ онъ тѣхъ, кои подобно мнѣ нерадивы. Внимай убо себѣ и блюдись отъ сосложенія со всякими помыслами, и отъ особеннаго съ какимъ-либо братомъ содружества, чтобъ не вплестись тебѣ опять въ прежніе грѣхи или можетъ быть и худшіе. Прибавивъ послѣ сего еще что полезное о другихъ вещахъ, чтобъ разсѣять всякое подозрѣніе,—отпусти его. Другаго же совсѣмъ не трогай. Если этотъ, съ коимъ говорилъ ты, дѣльный человекъ и подвижникъ истинно духовный; то онъ отъ однихъ къ нему твоихъ словъ разойдется съ тѣмъ, если имѣетъ вѣру къ тебѣ, или разорветъ онъ содружество то отъ стыда, или отъ тщеславія, или отъ страха,—такъ какъ иные по этимъ тремъ причинамъ съ помощію благодати Божіей отстаютъ отъ страстей, безъ труда и подвига. Если увидишь, что и послѣ этого взаимное пристрастіе сихъ юныхъ остается по прежнему, тогда призови и другаго—одного,

можетъ быть болѣе безстрастнаго, и потолкуй ему, подобно какъ и первому, или больше того. Потомъ прибавь и слѣдующес: «слышалъ я, что ты имѣешь любовь къ такому-то. Зная васъ обоихъ, я увѣренъ, что эта любовь между вами духовная. Но чтобъ иныя не соблазнялись, послушай меня, если хранишь любовь и вѣру ко мнѣ, перестань вести съ тѣмъ братомъ бесѣды и сидѣть наединѣ. И это тѣмъ охотнѣе, что игумень имѣеть хорошее о тебѣ мнѣніе и намѣренъ представить тебя къ рукоположенію». Сказавъ это, пачни бранить и укорять другаго, что онъ и страха Божія не имѣеть, и принадлежитъ къ числу плотяныхъ людей. Этимъ расположишь его отстать отъ того, или по духовному побужденію, или по страсти тщеславія, хиротоніи ради, о коей ты сказалъ.

К О Н Е Ц Ъ .

ЧЕЛОВѢКЪ И ЖИВОТНОЕ *).

(Сходство и различіе между человѣкомъ и животными).

Въ области сравнительныхъ изслѣдованій души человѣка и животныхъ противники христіанской вѣры, утверждающей богоподобіе человѣка, съ особеннымъ стараніемъ усиливаются сгладить непроходимое различіе между человѣкомъ и животными. Матеріалисты прямо, вопреки вы сказанному нами выше положенію, утверждаютъ, что духовное разстояніе между высшими животными и низшими племенами человѣческаго рода несравненно менѣе, нежели между какимъ-либо низшимъ и высшимъ родами животныхъ. Съ этой цѣлю они неумоимо составляютъ сборники анекдотовъ, въ которыхъ яркими чертами изображается необычайная высота развитія той или иной душевной силы въ какомъ-либо видѣ животныхъ или отдѣльномъ животномъ, приближающая ихъ повидимому къ человѣку, и съ восторгомъ восклицаютъ: вотъ видите! гдѣ тутъ превосходство человѣка надъ животными? Природная возвышенность и исключительность человѣка не пустая ли мечта воображенія? Понятно, что психологи христіанскаго направленія не позволяютъ засаривать разными вымыслами пропасть между человѣкомъ и животными, и поэтому съ настойчивостію указываютъ на сказочный характеръ «разныхъ удивительныхъ исторій» о необычайныхъ проявленіяхъ душевныхъ способностей животныхъ. Нельзя не согласиться, что въ душѣ человѣка и животныхъ во мно-

*) Окончаніе. Начало см. въ ноябрьской книжкѣ.

гихъ отношеніяхъ обнаруживается неоспоримое сходство; но оно отнюдь не закрываетъ отъ насъ и рѣшительнаго, кореннаго различія между человѣкомъ и животными. Мы думаемъ, что поступимъ безпристрастнѣе и научнѣе, если для выясненія существеннаго различія въ душевныхъ силахъ человѣка и животныхъ въ тоже время будемъ указывать и на то сходство по разнымъ сторонамъ души, которое дѣйствительно существуетъ между человѣкомъ и животными. Едва ли нужно говорить, что, во избѣжаніе крайней дробности въ изслѣдованіи, мы ограничимся указаніемъ только общихъ отличительныхъ чертъ человѣка отъ животныхъ по тремъ главнымъ сторонамъ ихъ душевной жизни—познавательной, чувствовательной и желательной.

По сторонѣ познавательной человѣкъ и животное представляютъ слѣдующія сходныя и отличительныя черты:

Животныя такъ же, какъ и человѣкъ, владѣютъ нѣкоторою духовною самостоятельностью, т.-е. имѣютъ душу не въ смыслѣ простаго обнаруженія или произведенія ихъ тѣла, но въ смыслѣ самостоятельнаго начала ихъ душевной жизни. Они подобно человѣку не лишены сознанія, т.-е. сознанія окружающихъ ихъ предметовъ міра, способны къ образованію представленій о предметахъ и твердо сохраняютъ эти представленія въ своей памяти. Они отличаютъ предметы другъ отъ друга, обнаруживаютъ внимательность къ окружающей ихъ обстановкѣ, понимаютъ другъ друга въ испытываемыхъ ими впечатлѣніяхъ или чувствахъ, могутъ подражать видимому или слышанному, вслѣдствіе чего поддаются нѣкотораго рода наученію и наконецъ не вполнѣ чужды даже способности разсудительности или размысленія. Все это общія познавательныя свойства человѣка и животныхъ. Но человѣкъ кромѣ сознанія матеріальныхъ предметовъ міра или міросознанія владѣетъ еще самосознаніемъ, т.-е. способностію какъ бы выводить свое я извнутри себя, ставить его предъ собой, какъ отдѣльный предметъ, разсматривать и познавать его, вслѣдствіе этого ясно отличать самого себя отъ всѣхъ дру-

гихъ предметовъ и признавать себя въ своей сущности тождественнымъ, неизмѣннымъ. На этомъ самосознаніи человѣка покоится его способность мышленія въ строгомъ смыслѣ слова: онъ можетъ отличать постоянное отъ измѣнчиваго, причину отъ дѣйствія, цѣль отъ средствъ, короче, владѣеть въ собственномъ смыслѣ разсудкомъ или способностію составлять понятія, сужденія и умозаключенія. Собака, напримѣръ, одно изъ сравнительно умныхъ животныхъ, видитъ также хорошо, какъ и человѣкъ, много стульевъ и столовъ; но она знаетъ ихъ именно настолько, насколько видитъ, т.-е. въ ихъ множественности, но никогда не обнимаетъ ихъ въ единствѣ, т.-е. не составляетъ общихъ, отвлеченныхъ понятій — «стулъ», или «столь». Нужно ли говорить, что, напротивъ, человѣкъ уже въ дѣтскомъ возрастѣ легко образуетъ себѣ эти общія понятія? Собака владѣетъ нѣкоторою способностію сужденія, наприм. знаетъ, что печь есть несъѣдобный предметъ, между тѣмъ изжаренное или сваренное въ ней мясо съѣдобно. Но эти сужденія она составляетъ не разсудочно, въ формѣ логическаго соединенія между собой разныхъ понятій, а инстинктивно, въ формѣ непосредственнаго влеченія ея вкуса, вызываемаго чувствомъ обонянія къ съѣдобному предмету. Инстинктивно-образныя сужденія животныхъ имѣютъ исключительно практической характеръ и при этомъ большею частію несовершенны. Курица, напримѣръ, признаетъ подложенныя подъ нее искусственныя яйца столько же способными къ выведенію цыплятъ, какъ и ея собственныя. Для образованія умозаключеній животныя вовсе лишены способности, и это естественно: не образуя понятій и не составляя никакихъ логическихъ сужденій, они, очевидно, не могутъ и выводить какихъ бы то ни было умозаключеній.

Если къ доселѣ сдѣланному сравнительному обзору познавательной способности человѣка и животныхъ мы подведемъ общій итогъ, то получимъ слѣдующій: въ области познанія человѣкъ отличается отъ животнаго не просто

количественно, но и качественно, не сравнительно, но существенно. Вся сумма представленій живѣтвыхъ, вмѣстѣ взятыхъ, какъ бы ни была обширна, однако не можетъ равняться даже одному понятію (не говоря уже о сужденіяхъ и умозаключеніяхъ), правильно, логически составленному мыслящимъ человѣкомъ. Между сознаниемъ матеріальныхъ предметовъ, какое имѣютъ животныя и самосознаниемъ человѣка всегда лежитъ непроходимая пропасть: никогда никакое животное не возвышалось отъ простаго міросознанія до самосознанія и наоборотъ, никогда ни одинъ человѣкъ, даже самый дикій и неразвитый, оставаясь душевно-здравымъ, не терялъ безусловно самосознанія и не низпадалъ на ступень простаго міросознанія. Даже въ самомъ сознаниі міровыхъ предметовъ у человѣка и животныхъ замѣчается существенное различіе: сознание перваго есть осмысленное, сознание послѣднихъ есть только чувствовательное.

Дальнѣйшую рѣшительную противоположность животнымъ въ познавательной способности представляетъ человѣкъ въ слѣдующемъ: для него мысль составляетъ цѣль саму по себѣ. Человѣкъ необходимо мыслить и мыслить даже о самой мысли. Для приобрѣтенія сокровища знанія, для его расширенія и углубленія люди жертвуютъ временемъ, деньгами, силами, здоровьемъ и иногда даже самую жизнь. Наука съ ея многочисленными развѣтвленіями, необычайное множество понятій или частныхъ истинъ въ каждой отдѣльной вѣтви науки, раскрываемыхъ въ опредѣленномъ порядкѣ съ раздѣленіями и подраздѣленіями, служатъ разительнѣйшимъ доказательствомъ наисущественнаго различія между жив. тными представленіями и человѣческой мыслию. Нужно прибавить еще, что духъ человѣка не находитъ покоя, пока такъ или иначе не познаетъ первовиновника всѣхъ вещей, Бога, и что именно въ образованіи, такъ называемыхъ, идей разума признать конечную цѣль своего мышленія. Далѣе, мы видимъ, что часто одна идея служитъ движущею силою къ произведенію

цѣлой книги или художественнаго созданія и въ общемъ уже готовую предносится сознанию человѣка еще прежде, чѣмъ получить свое воплощеніе или выраженіе въ письменномъ словѣ или твореніи художника. Нельзя забывать и того, что мы весьма нерѣдко, еще прежде опытнаго знанія, единственно силою своей мысли (какъ говорятъ а priori) заключаемъ о фактахъ, въ истинѣ которыхъ убѣждаемся только послѣ, путемъ наблюденія и опыта. Обращая на все сказанное вниманіе, не можемъ не признать, что все это такія необычайныя проявленія человѣческой мысли, съ которыми ни въ какомъ случаѣ не могутъ сравняться представленія животныхъ, еслибы даже кругъ этихъ представленій расширяться въ безконечность. Ясно, что ученые матеріалистическаго направленія, настаивающіе только на сравнительномъ отличіи человѣка отъ животныхъ въ ихъ душевной жизни, въ одной уже области познанія человѣка находятъ себѣ рѣшительное опроверженіе.

Но такъ же, какъ познаніемъ, человѣкъ существенно отличается отъ животныхъ и другими силами духа, — чувствомъ и желаніемъ.

Прежде всего рѣчь о чувствѣ. Было бы крайне несправедливо утверждать, что животныя не имѣютъ никакихъ подобныхъ человѣческимъ чувствъ, наприм. любви, привязанности, вѣрности, благодарности, состраданія, страха, раскаянія, мести и т. под. Но какъ нельзя низводить животныхъ на степень механическихъ существъ, простыхъ автоматовъ, такъ, съ другой стороны, невозможно и возвышать ихъ до человѣка, приписывая имъ существенно тождественныя съ человѣкомъ чувства. Матеріалисты, укоряя вѣрующіхъ въ усвоеніи Богу человѣкоподобныхъ чувствъ, которыя собственно приписываются Богу только въ переносномъ смыслѣ, сами однако страдаютъ дѣйствительнымъ, неоспоримымъ недостаткомъ — страстью влагать въ сердце животныхъ вполнѣ и существенно человѣческія чувства. Правильный взглядъ на чувства живот-

ныхъ лежитъ въ срединѣ—между совершеннымъ отрицаніемъ у животныхъ человѣкоподобныхъ чувствъ и безусловнымъ утвержденіемъ въ нихъ существенно-тождественныхъ человѣческихъ разнообразныхъ чувствованій. Чувства животныхъ, при всей ихъ кажущейся нравственной высотѣ, на самомъ дѣлѣ не имѣютъ ни малѣйшаго нравственнаго достоинства. Они исключительно натурального или инстинктивнаго свойства; вытекаютъ изъ общаго чувства животнаго пріятнаго или непріятнаго, но отнюдь не соединяются съ разумнымъ сознаніемъ долга или обязанностей, исполненіе которыхъ требуетъ свободной рѣшимости животнаго. Такъ если кошка съ яростію нападаетъ на мышей и истребляетъ ихъ въ домѣ, гдѣ живетъ, то поступаетъ отнюдь не нравственно, изъ благодарности къ хозяину за содержаніе; но она дѣйствуетъ также и не безнравственно, если пробирается въ незапертую клѣтку и въ ней душитъ канарейку; но конечно человѣкъ, даже пяти или десятилѣтній ребенокъ, поступилъ бы безнравственно, еслибы изъ пустой прихоти или изъ жажды къ картинѣ страданій, замучилъ безвредную птичку. Точно также собака ничуть не представляетъ собой трагическаго героя, жалобно воя и умирая на могилѣ своего хозяина. Птица, выдергивающая у себя перья, чтобы приготовить мягкое и теплое ложе своимъ дѣтямъ въ гнѣздѣ, не имѣетъ никакого понятія о материнскихъ обязанностяхъ по отношенію къ своимъ дѣтямъ: она поступаетъ такъ потому, что иначе не можетъ поступить, руководясь своимъ натуральнымъ материнскимъ чувствомъ. Это инстинктивное чувство, направленное къ сохраненію и продолженію рода, до такой степени бываетъ сильно въ нѣкоторыхъ птицахъ, что въ опредѣленное время года онѣ продолжаютъ носить кормъ въ гнѣздо, даже когда лишаются дѣтей или совсѣмъ ихъ не имѣютъ. Такъ всѣ чувства животныхъ при всемъ подобіи ихъ человѣческимъ, безусловно натурального или инстинктивнаго свойства, рѣшительно не выходятъ изъ общаго круга чувства са-

мосохраненія или сохраненія своего рода. Не таковы чувства человѣка: даже натуральныя чувства его неразлучны съ сознаниемъ нравственно-должнаго или недолжнаго и поэтому такъ или иначе опредѣляются, усиливаются или ослабляются, зараждаются или заглушаются подъ воздействиемъ свободной воли. Но кромѣ непосредственно-естественныхъ чувствъ, имѣющихъ въ своей основѣ общее чувство самосохраненія или продолженія своего рода, человѣкъ владѣетъ еще цѣлымъ кругомъ чувствъ, совершенно чуждыхъ животнымъ: чувствомъ прекраснаго и возвышеннаго, которому обязано своимъ происхожденіемъ искусство, свѣтское и религіозное; чувствомъ истины, источникомъ высшаго знанія человѣка,—философіи и наконецъ, священнѣйшими и святѣйшими чувствами, религіознымъ и нравственнымъ, отъ которыхъ происходятъ религія и нравственность, церковь и общественно-гражданская жизнь, правоученіе и законодательство. Всѣхъ этихъ чувствъ въ сердцѣ животныхъ нѣтъ и слѣда.

Уже потому самому, что способность чувствованія находится въ нераздѣльной связи съ способностію желательной, мы находимъ не менѣе, чѣмъ въ первой, и въ послѣдней существенное отличіе человѣка отъ животныхъ. И животныя, подобно человѣку, владѣютъ способностію желанія; но ихъ желаніе лишено свободнаго выбора; они не могутъ желать другаго, чѣмъ дѣйствительно желаютъ; ихъ желанія въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ всегда одинаковы, неизмѣнны; такъ какъ представляютъ собой проявленія врожденныхъ, бессознательныхъ и принудительныхъ инстинктовъ или влеченій. Повинуясь этимъ влеченіямъ, животныя иногда поражаютъ человѣка удивительною цѣлесообразностію или разумностію своихъ дѣйствій; но на самомъ дѣлѣ эти дѣйствія лишены всякой цѣли или разумности, какъ дѣйствія совершенно бессознательныя. Вообще нужно сказать: животныя не полагаютъ себѣ никакихъ цѣлей, но имѣютъ только стремленія. Въ человѣкѣ мы находимъ множество одинаковыхъ съ животными вле-

ченій, но отличныхъ отъ животныхъ тѣмъ, что оставляютъ широкое мѣсто свободѣ воли человѣка—удовлетворять или неудовлетворяютъ имъ. Въ первомъ случаѣ человѣкъ съ полнымъ сознаниемъ отыскиваетъ и употребляетъ цѣлесообразныя средства, а иногда продолжительнымъ трудомъ и мысли и работы изобрѣтаетъ совершенно новыя средства (инструменты, механизмы) для достиженія намѣченной имъ цѣли. Птица устраиваетъ себѣ жилище; и человѣкъ строитъ домъ. Но та устраиваетъ въ приличномъ мѣстѣ, цѣлесообразнымъ образомъ и притомъ всегда такъ, какъ тысячи лѣтъ тому назадъ, и это потому что строить безъ сознательной цѣли (цѣлесообразно, но не цѣлесознательно). Напротивъ человѣкъ всегда имѣетъ въ виду опредѣленную строительную цѣль; поэтому прежде всего составляетъ планъ строенія, затѣмъ свободно избираетъ строительный матеріалъ и наконецъ пользуется необходимыми орудіями, большею частію имъ самимъ изобрѣтенными. Соловей поетъ прекрасно, но такъ, какъ научила его природа, и иначе пѣть не можетъ; но композиторъ Глинка съ полной свободой, подчиняясь только силѣ своего генія, извлекаетъ изъ музыкальнаго инструмента оригинальныя, полныя чудной мелодіи звуки. Орелъ съ силой и искусствомъ поражаетъ добычу клювомъ, когтями и крыльями, но только такъ, какъ научаетъ его природа. Можетъ ли быть какое-либо сопоставленіе съ нимъ знаменитаго военачальника нашего времени, генерала Скобелева, съ его искусствомъ направлять колонны войскъ и ряды пушекъ на непріятеля? Въ общей суммѣ всего сказаннаго мы получаемъ: животное повинуется только безсознательнымъ влеченіямъ и также безсознательно удовлетворяетъ имъ цѣлесообразнымъ способомъ; человѣкъ, напротивъ, вполне самостоятельно избираетъ себѣ цѣли и еще самостоятельно же относится къ выбору средствъ соотвѣтствующихъ намѣченнымъ цѣлямъ.—Желательная способность человѣка отнюдь не замыкается кругомъ натуральныхъ влеченій, но далеко возвышается

надъ ними и поэтому часто прямо дѣйствуетъ вопреки этимъ влеченіямъ. Такъ изъ патриотическихъ или религіозно-правственныхъ побужденій мы нерѣдко чувствуемъ себя положительно обязанными дѣйствовать въ противоположность нашему натуральному влеченію къ самосохраненію. Вообще въ борьбѣ духа съ плотію и въ господствѣ перваго надъ послѣдней всякій нравственно-развитый человѣкъ полагаетъ свою высшую нравственную задачу, послѣднее совершенство своей свободы воли. О такомъ совершенствѣ воли, даже въ его наималѣйшихъ задаткахъ, но отношенію къ животнымъ, конечно, было бы смѣшно и говорить: они не имѣютъ произвола даже по отношенію къ своимъ натуральнымъ влеченіямъ.

Повторимъ теперь кратко по показаніямъ психологіи всѣ главныя отличительныя свойства души животной и человѣческой. Животное имѣетъ только міросознаніе или представленія о предметахъ видимаго міра; но человѣкъ владѣетъ самосознаніемъ и вслѣдствіе этаго разсудкомъ или способностію образованія понятій, сужденій и умозаключеній. Кромѣ того, только одному человѣку принадлежитъ высшая способность познанія—разумъ съ его идеями и въ особенности съ высочайшей идеей Бога. Животное не имѣетъ никакихъ другихъ чувствъ, кромѣ непосредственно вытекающихъ изъ его тѣлесной природы; человѣкъ, напротивъ испытываетъ цѣлый рядъ чувствъ, далеко выходящихъ изъ предѣловъ его тѣлесной природы: чувства прекраснаго, истиннаго, добраго и божественнаго. Желанія животнаго состоятъ только изъ бессознательныхъ натуральныхъ влеченій, удовлетвореніе которымъ совершается также бессознательнымъ цѣлесообразнымъ способомъ: человѣкъ ставитъ себѣ вообще всегда самосознательныя цѣли, хотя бы и подъ воздѣйствіемъ натуральныхъ влеченій; но нерѣдко, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, намѣчаетъ себѣ цѣли противныя его натуральнымъ влеченіямъ и выполняетъ ихъ свободно-избранными, а иногда даже самостоятельно изобрѣтенными средствами.

Изъ всѣхъ указанныхъ отличительныхъ чертъ человѣческой души по сравненію ея съ животною мы видимъ, что первая превосходитъ послѣднюю не просто сравнительнымъ богатствомъ содержанія, но существенно новымъ, безусловно чуждымъ послѣдней міромъ разнообразныхъ проявленій знанія, чувства и желанія. Ясно, что въ основѣ всѣхъ исключительныхъ свойствъ человѣческой души по сравненію ея съ животной должны лежать также безусловно новая, исключительная сила, которой не находится въ душѣ животныхъ. Эта сила по общему понятію своему называется *духомъ*. Духъ есть производительное начало науки, искусства, религіи (при воздѣйствіи божественнаго откровенія), нравственности, гражданско-общественной жизни и законодательства; онъ совершенно чуждъ животнымъ, такъ какъ въ душѣ послѣднихъ мы не усматриваемъ никакихъ слѣдовъ всѣхъ указанныхъ проявленій нашего духа, т.-е. науки, искусства и т. д. Можетъ ли быть еще сомнѣніе, что человѣкъ и животное отличаются самымъ существомъ своей природы, что различіе между ними непроходимое; такъ какъ никогда какое животное не можетъ возвыситься до человѣка, какъ и наоборотъ, никакой человѣкъ, не страдающій болѣзнію духа, не можетъ низпасть на ступень жизни животнаго? Это существенное отличіе человѣка отъ животнаго утверждаетъ языкъ всѣхъ людей: только человѣка признаетъ онъ лицомъ, личностію, тогда какъ каждое отдѣльное животное онъ называетъ только особью или экземпляромъ извѣстнаго рода животнаго.

Но вопросъ объ отличіи человѣка отъ животнаго здѣсь не можетъ быть еще оконченъ; онъ долженъ быть раскрытъ еще далѣе и глубже, путемъ изслѣдованія вопроса: какое опредѣленіе или назначеніе имѣетъ человѣкъ въ мірѣ, этотъ малый міръ въ большомъ (микрокосмъ въ макрокосмѣ)? Научный отвѣтъ на этотъ вопросъ мы можемъ получить только изъ двухъ отраслей науки, составляющихъ вѣнецъ всѣхъ наукъ, — *философіи* и *богословія*.

Вопросъ о цѣли или назначеніи человѣка въ мірѣ настолько важенъ и глубоко содержателенъ, что могъ бы быть предметомъ самостоятельнаго обширнаго изслѣдованія. Мы, конечно, не пойдемъ здѣсь далѣе раскрытія существенныхъ сторонъ этого вопроса.

Назначеніе человѣка въ мірѣ опредѣляется самымъ существомъ его тѣлесно-духовной природы, какъ она раскрыта нами выше.

По своей тѣлесной сторонѣ человѣкъ имѣетъ право и обязанность заботиться о поддержаніи своей растительной и животной жизни и объ удовлетвореніи ея законнымъ потребностямъ. Но эта забота не должна простираться далѣе опредѣленныхъ границъ. Какъ скоро человѣкъ попеченіе о своей тѣлесной природѣ ставитъ главною задачей своей жизни, онъ уже низпадаетъ на степень животнаго состоянія (конечно не въ буквальномъ, но въ нравственномъ смыслѣ) и своимъ образомъ жизни внушаетъ отвращеніе. Вообще по отношенію ко всей матеріальной природѣ человѣкъ долженъ быть не рабомъ ея, но властителемъ, господиномъ ся.

Высшія, наиболѣе существенныя обязанности человѣка лежатъ на сторонѣ его духовной природы, состоятъ въ развитіи его духовнаго существа. Въ чемъ же собственно его назначеніе или опредѣленіе въ этомъ отношеніи? Въ такъ ли называемой цивилизаціи, т.-е. въ образованности, выражающейся въ развитіи наукъ, искусствъ, въ улучшеніи средствъ или условій жизни, въ возвышеніи гражданскаго благосостоянія? Такъ понималъ идеалъ жизни древній образованный міръ. Этотъ идеалъ, безъ сомнѣнія, возвышалъ древнихъ надъ природой, надъ грубымъ варварскимъ состояніемъ. Но онъ всегда имѣлъ въ виду только свободныхъ гражданъ государства и шель рука объ руку съ узкимъ, безсердечнымъ эгоизмомъ. Безправность женщинъ и дѣтей, безпріютность больныхъ и калѣкъ, жестокость въ обращеніи съ рабами, и наконецъ обоготвореніе государства, — таковы неизмѣнные спутники

древне-классическаго идеала жизни. Древняя образованность (цивилизация), имѣвшая послѣднею цѣлю земное благополучіе (евдемонизмъ) и развивавшаяся на коренномъ началѣ «борьбы за существованіе», въ сущности была только замаскированной, утонченной животноподобною жизнью. Такая цивилизація, по сознанію даже одного современнаго врага христіанства, никогда не можетъ дать человѣку счастья. Дѣйствительно, ни одинъ даже изъ преданнѣйшихъ поклонниковъ древняго классическаго міра, не осмѣлится рекомендовать восстановленіе всѣхъ порядковъ древне-классической жизни въ наше время.

Нельзя, конечно, отвергать, что древній идеалъ жизни и теперь еще не потерялъ права на существованіе, но только съ значительными исправленіями. Чтò въ древнее время свободный человѣкъ считалъ своимъ исключительнымъ правомъ, то должно принадлежать каждому человѣку безразлично. Различія въ званіи и состояніи, безъ сомнѣнія, должны оставаться всегда; но никакой человѣкъ не долженъ пользоваться своими правами и преимуществами исключительно въ личныхъ, себялюбивыхъ цѣляхъ, но всегда употреблять ихъ на служеніе и другимъ. Въ сущности каждому человѣку неотъемлемо принадлежитъ право на выполненіе своего личнаго частнаго призванія въ мірѣ, но только для того, чтобы служить не одному себѣ, но и цѣлому организму человѣчества и тѣмъ содѣйствовать выполненію общаго призванія человѣческаго рода. Такая задача каждаго человѣка порознь не можетъ быть исполнена имъ *безъ самоотверженной любви*, любви къ ближнимъ, какъ къ самому себѣ (въ соединеніи, само собою разумѣется, съ любовію къ Богу, безъ которой невозможна истинная любовь къ человѣку). *Любовь* должна быть дыханіемъ жизни — личной, семейной, общественной, государственной. Жизнь отдѣльныхъ людей, народовъ и цѣлаго человѣчества, безъ священнаго огня любви недостойна имени человѣческой жизни. Любовь

оказывать и принимать—таково нравственно-общественное призваніе или назначеніе человѣка. Человѣкъ по существу своему есть нравственное твореніе и потому его жизнь въ семьѣ, государствѣ и церкви должна быть истинно-нравственною.

Но нравственность покоится на религіи, какъ на своемъ корнѣ или фундаментѣ. Всѣ народы имѣютъ религію: это исторически неоспоримо; и никакое животное не имѣетъ религіи: это также несомнѣнно. Если нѣкоторые ученые съ полною серіозностію производятъ религію изъ чувства страха и поэтому даже собаку, питающую страхъ къ своему хозяину, называютъ религіознымъ животнымъ; то этимъ, конечно, нисколько не доказываютъ религіозности животныхъ, но только печальную безрелигіозность самихъ себя, не умѣющую отличить свободнаго возвышеннаго чувства человѣка по отношенію къ Богу отъ тупой, инстинктивной боязни животнаго предъ хозяиномъ. Итакъ, несомнѣнно, что всѣ народы, дикіе и образованные, имѣютъ религіозное влеченіе къ Богу, своему Творцу; слѣдовательно также несомнѣнно, что человѣкъ назначенъ быть *въ общеніи съ Богомъ*; а въ этомъ общеніи заключается его послѣднее блаженство. Такъ полное назначеніе человѣка состоитъ въ слѣдующемъ: по своей тѣлесной природѣ онъ долженъ удовлетворять ея законнымъ потребностямъ; по своему духовному существу долженъ заботиться о его развитіи въ познаніи истины (въ формѣ науки), въ пониманіи и выраженіи прекраснаго (въ формѣ искусства) и наконецъ въ осуществленіи добра (въ личной, семейной, государственной, религіозно-церковной жизни). Въ основаніи всей жизни человѣка въ его отношеніяхъ къ ближнимъ должна лежать любовь, равная любви къ самому себѣ; но сама эта любовь должна утверждаться и вытекать изъ любви къ Богу больше всего, изъ постояннаго стремленія къ общенію съ Богомъ, какъ къ наивысшему блаженству человѣка.

Но выполняетъ ли отдѣльный человѣкъ или цѣлый родъ человѣческой свое назначеніе здѣсь, на землѣ?

Нельзя отрицать, что между тѣмъ какъ животныя и по своей отдѣльной жизни, и въ цѣлыхъ родахъ своихъ совершаютъ только, такъ сказать, круговращеніе, оставаясь неизмѣнно тѣмиже самыми, какими начали быть, человѣкъ какъ въ каждомъ личномъ бытіи, такъ и въ цѣломъ родѣ своемъ обнаруживаетъ движеніе впередъ, развитіе, усовершенствованіе (такъ называемый прогрессъ) во всѣхъ проявленіяхъ своей духовной жизни. Но тѣмъ не менѣе никто изъ людей, ни цѣлый родъ человѣческой не могутъ утверждать, что они уже близки къ указанному имъ назначенію. Мы должны быть властителями природы, и однако постоянно находимся въ ея рабствѣ. Мы заботимся о здоровьѣ своего тѣла, и однако наша жизнь полна всякаго рода болѣзней, оканчивающихся смертію. Мы стремимся къ познанію истины и достигаемъ только ея оболочки, или же впадаемъ въ грубое заблужденіе. вмѣсто прекраснаго мы нерѣдко создаемъ безобразное; вмѣсто добра дѣлаемъ зло; чувствуемъ себя обязанными любить ближняго и однако остаемся эгоистами, самолюбцами; стремимся къ счастію и миру и не знаемъ болѣе несчастнаго существа, какъ человѣкъ. Наконецъ мы постоянно домогаемся общенія съ Богомъ, и однако кто изъ насъ не сознаетъ себя въ раздѣленіи отъ Бога? Какія удивительныя, неразрѣшимыя противорѣчія! Всѣ другія существа на землѣ, не зная своего назначенія, однако выполняютъ его; одно только высшее изъ всѣхъ земныхъ твореній, человѣкъ, не достигаетъ своего назначенія, знаетъ его и не достигаетъ. Смерть человѣка—не величайшая ли загадка въ мірѣ? Человѣкъ имѣетъ мысль о вѣчности, его самосознаніе возстаетъ противъ прекращенія его бытія,—не вѣря самому себѣ, онъ встрѣчаетъ свой жизненный конецъ,—и однако долженъ погибнуть безъ слѣда! Нѣтъ, невозможно! Вотъ почему у всѣхъ народовъ замѣчается необыкновенная жизненность вѣры въ существованіе человѣка по смерти, въ исполненіе всѣхъ его высшихъ стремленій въ загробной жизни, въ осущест-

вленіе тамъ его назначенія. Объ этой области человѣческой жизни говоритъ намъ высшая изъ наукъ, *богословіе*, опирающесея на божественное откровеніе; науки человѣческія оставляютъ насъ у входа въ загробную жизнь, и нашъ взоръ въ эту таинственную, безконечную даль просвѣтляется только наукой, черпающей свое содержаніе изъ непосредственнаго откровенія Божія. Мы позволимъ себѣ перейти за рубежъ человѣческаго знанія и отдаться руководству божественнаго откровенія.

Желая быть краткими, воспользуемся ученіемъ наивысшаго наставника нашей вѣры, Господа нашего Иисуса Христа. Что говоритъ Онъ намъ о человѣкѣ и его послѣднемъ назначеніи? Человѣкъ, такъ учитъ Господь, самъ по себѣ есть рабъ грѣха, гнилое дерево, неприносящее добраго плода; но съ другой стороны, всѣ люди—дѣти Бога, имѣющія своимъ назначеніемъ совершенство, подобное совершенству ихъ Отца небеснаго; они несравненно достойнѣе въ очахъ Бога воробьевъ или лилій; даже приобрѣтеніе человѣкомъ цѣлаго міра ничего не значитъ для него въ сравненіи съ потерей его души. У каждаго даже изъ дѣтей имѣются ангелы-хранители на небѣ; самъ Сынъ Божій воплотился въ природѣ человѣческой, усвоилъ себѣ названіе Сына человѣческаго и не стыдился самыхъ презрѣнныхъ въ народѣ, явныхъ грѣшниковъ называть своими братьями; наконецъ даже предалъ жизнь свою для искупленія человѣчества отъ грѣха и каждому вѣрующему обѣщаль по смерти вѣчную, блаженную жизнь въ новомъ тѣлѣ: по воскресеніи люди не будутъ ни ѣсть, ни пить, но проводить жизнь подобно ангеламъ на небѣ. До такой высоты уносить нашъ взоръ въ будущее человѣческой жизни непосредственное слово нашего Спасителя!

Истинно ли это ученіе? Несомнѣнно. Конечно, здѣсь мы находимся въ области вѣры, но наша вѣра въ истину ученія о конечной цѣли человѣка имѣетъ твердое основаніе въ богочеловѣческомъ достоинствѣ лица нашего Спасителя. Нужно имѣть въ виду, что самую значитель-

ную долю сообщаемого намъ наукой мы принимаемъ также на вѣру, и это находимъ вполнѣ естественнымъ и неизбѣжнымъ. Напримѣръ мы назвали бы неисправимымъ глупцемъ того, кто сталъ бы упорно утверждать: прежде чѣмъ я самъ не увижу кита, никогда не повѣрю естественной исторіи, будто такія чудовищныя животныя водятся въ океанахъ. Мы слышимъ отъ астронома, что солнце отстоитъ отъ земли почти на 20 милліоновъ миль, и не требуемъ отъ него не только практическаго измѣренія такого необычайнаго разстоянія, но даже надлежащаго математическаго вычисленія; мы просто вѣримъ ему, довѣряемся его ученому авторитету. Мы вѣримъ также, что Америка открыта въ 1492 году Колумбомъ, хотя ни во время Колумба не жили, ни на его кораблѣ не ѣздили. Такимъ образомъ самое большее, что мы называемъ своимъ знаніемъ, составляетъ собственно предметъ нашей вѣры. Это по преимуществу нужно сказать о знаніи историческомъ: оно все основывается на довѣренности къ свидѣтельствамъ другихъ лицъ, иначе мы не имѣли бы никакихъ историческихъ познаній. Неизмѣримо болѣе довѣрія мы должны питать въ предметахъ вѣры къ ученію нашего Спасителя, явившаго столько доказательствъ своего Божескаго достоинства.

Итакъ, свидѣтельства разныхъ наукъ, разсматривающихъ природу животныхъ и человѣка съ разныхъ сторонъ, даютъ намъ слѣдующій общій выводъ объ отличіи человѣка отъ животныхъ: это отличіе не случайное, но существенное, не сравнительное, по коренное. Животныя какъ по существу своей природы, такъ и по назначенію—исключительно земныя творенія; человѣкъ, напротивъ, получивъ непосредственно отъ Бога дыханіе жизни, живую душу, и послѣднимъ назначеніемъ своимъ имѣетъ соединеніе съ Богомъ: *не имамы здѣ пребывающаго града, но градуицаго взыскуемъ* (Евр. 13, 14). Такимъ образомъ слово науки въ нашемъ вопросѣ вполнѣ совпадаетъ съ словомъ Божиимъ.

Свящ. І. Петр—скій.

О СЛѢПОТѢ ДУШЕВНОЙ.

Есть величайшія благодѣянія Божіи, которыми мы ежеминутно пользуемся и на которыя никогда, или весьма мало, обращаемъ вниманіе. Таково, на примѣръ, зрѣніе. Если неприятно быть близорукимъ, то каково быть со-всѣмъ слѣпымъ, каково родиться слѣпымъ! Мы любуемся свѣтомъ, любуемся утреннею и вечернею зарею; слѣпой объ этомъ не имѣетъ никакого понятія. Намъ пріятно смотрѣть на зелень луга, на зеленую листву деревь; для слѣпаго нѣтъ ни блага, ни зеленаго, ни краснаго,—ему все темно. Мы любуемся красотою, изяществомъ и разнообразіемъ цвѣтовъ; цвѣты для слѣпаго не существуютъ. Мы видимъ улыбку матери, друга, начальника, товарища, видимъ и радуемся; слѣпой ничего этого не видитъ, и потому лишается многихъ радостей и утѣшеній. Мы смѣло и спокойно идемъ по дорогѣ, или остаемся на мѣстѣ, потому что видимъ, что нѣтъ опасности. Слепой постоянно беспокоенъ, потому что не видитъ, что предъ нимъ: можетъ быть ровъ, и онъ сейчасъ упадетъ въ него; можетъ быть близъ него врагъ, который сейчасъ поразитъ его. Итакъ каждый день, каждая часть, каждую минуту! Какое тяжелое, мучительное состояніе! Наконецъ мы видимъ, и потому можемъ учиться: какое богатство знаній мы приобретаемъ чрезъ зрѣніе! Слепые большею частію лишены этой возможности и потому какъ-бы осуждены на невѣжество. Какое ужасное лишеніе! И отъ этого ужаснаго лишенія, отъ этого ежечаснаго мученія освободилъ насъ Господь, создавъ насъ зрячими! Однако же часто ли благодаримъ Господа за это поистинѣ

великое благодѣяніе? Часто ли изъ глубины души произносимъ: *слава Тебѣ, показавшему намъ светъ!*

Ужасно несчастіе—родиться слѣпымъ. Но, благодареніе Богу, слѣпорожденныхъ мало. А какъ много слѣпорожденныхъ духовно! Сколько милліоновъ язычниковъ, магометанъ, Евреевъ въ мірѣ! Сколько милліоновъ ихъ даже въ нашемъ отечествѣ! Они не имѣютъ понятія ни о Богѣ во св. Троицѣ, ни объ искупленіи рода человѣческаго Единороднымъ Сыномъ Божиимъ, ни о божественной благодати, получаемой въ таинствахъ: всѣ эти спасительныя истины для нихъ не существуютъ, какъ не существуютъ для слѣпорожденныхъ цвѣты. Мы же не только имѣемъ понятіе объ этомъ, но и наслаждаемся всѣмъ этимъ. Мы не чада гнѣва Божія; мы—дѣти Божіи по благодати возрожденія и, какъ дѣти, наслѣдники всѣхъ божественныхъ обѣтованій, наслѣдники царства небеснаго, наслѣдники земли живыхъ. Возблагодаримъ же Господа, *призавшаго насъ* отъ колыбели, отъ сосцевъ матери, прежде сознанія нашего, «къ участию въ наслѣдіи святыхъ во свѣтѣ, избавившаго насъ отъ власти тмы и введшаго въ царство возлюбленнаго Сына своего» (Кол. 1, 12. 13).

Ужасно несчастіе родиться слѣпымъ; но велико несчастіе и потерять зрѣніе, ослѣпнуть. Благодареніе Богу, и потерявшихъ тѣлесное зрѣніе мы мало видимъ. Но какое множество слѣпыхъ духовно!

Теряютъ зрѣніе или по какому-либо несчастному случаю, или отъ дурно направленныхъ занятій, или наконецъ отъ дурной жизни. Точно такимъ-же образомъ теряютъ и зрѣніе духовное. Попалась какая-нибудь вредная книжка; подвернулся какой-нибудь челоуѣкъ съ кощунственнымъ словомъ; понравилось, и начнемъ повторять это слово и повторяемъ иногда до сѣдыхъ волосъ, никогда не давая себѣ труда серьезно подумать о томъ, что мы говоримъ. Это безсознательное невѣріе. Головы такихъ людей подобны пустымъ сосудамъ, которые содер-

жать въ себѣ все, что въ нихъ ни волеши. А какъ въ нихъ, по несчастію, влилось нѣчто либеральное, кощунственное, то они и либеральничаютъ. Изъ этого-то рода людей образуются кощунны, которые хвастаютъ своимъ невѣріемъ, какъ фразъ своими новыми перчатками. Они все осмѣиваютъ, все отрицаютъ; но почему, сами не знаютъ. Ихъ невѣріе основывается на ихъ легкомысліи. Книгъ священныхъ они не читали и не читаютъ; о предметахъ духовныхъ они не только сами никогда не разсуждали, но и съ другими не хотятъ разсуждать... «Это уже рѣшено! Это уже отвергнуто!» Но къмъ? какъ? когда? не знаютъ и знать не хотятъ. Это слѣпые фанатики невѣрія, самые безнадежныя къ исправленію. Развѣ какоснибудь сильное несчастіе, громъ небесный можетъ пробудить ихъ отъ умственного усыпленія, разсѣять туманъ, облегающій ихъ духовныя очи, снять вредныя наросты, затемняющіе ихъ смыслъ, какъ операціею снимаются бѣлма съ глазъ тѣлесныхъ.

Портится зрѣніе, если человѣкъ занимается какою-нибудь очень мелкою работою, и притомъ по ночамъ, при искусственномъ освѣщеніи. Отъ подобной же причины портится и духовное зрѣніе человѣка. Если умъ человѣка, всецѣло поглощенный какою-либо спеціальностію, никогда своею мыслию не возвышается до цѣлаго міровоззрѣнія, то по необходимости горизонтъ его мысли суживается: скоро онъ доходитъ до того, что внѣ малаго круга его спеціальности его ничто, или очень мало, занимаетъ; у него нѣтъ цѣлаго міровоззрѣнія, онъ не чувствуетъ потребности подняться до мысли о Богѣ, Творцѣ міра. Онъ становится близорукимъ; далѣе извѣстнаго круга своей узкой дѣятельности онъ ничего не видитъ; объясняя явленія, подлежащія его вниманію, какою-нибудь второстепенною или третьестепенною причиною и удовлетворяясь ею, онъ не чувствуетъ нужды возводить разсматриваемыя имъ явленія къ первоначальной причинѣ, причинѣ всѣхъ причинъ—Богу. Эта причина для него

какъбы не существуетъ. Онъ становится слѣпымъ въ отношеніи къ ней.

Иногда человѣкъ и устремляется обнять цѣлое мірозданіе, но при этомъ онъ разсматриваетъ явленія не при свѣтѣ божественнаго Откровенія, не при свѣтѣ здраваго разума, который естественно стремится къ Богу, но при искусственномъ освѣщеніи какой-нибудь теоріи. Онъ изучаетъ природу не съ тѣмъ, чтобы познать ее въ ея явленіяхъ и законахъ, но чтобы оправдать свою излюбленную теорію. Эта теорія, какъ туманомъ, застилаетъ его глаза; явленія природы представляются съ одной только выгодной для теоріи стороны, или совсѣмъ въ превратномъ видѣ; вымыслы фантазіи кажутся ему дѣйствительностію; онъ видитъ сходство тамъ, гдѣ его нѣтъ, и противорѣчіе тамъ, гдѣ для непредубѣжденнаго полное согласіе. Уваженіе къ теоріи обращается въ суевѣрное почтеніе, въ религиозное поклоненіе, которое онъ совершаетъ съ фанатическою ревностію. Онъ вездѣ и во всемъ видитъ оправданіе своей теоріи, подобно тому, какъ больной извѣстною главною болѣзнію всѣ предметы видитъ въ желтомъ видѣ. И нѣтъ возможности его разувѣрить: онъ, видя, не видитъ и, слыша, не разумѣетъ. Его не разувѣрятъ, а лечить нужно, *колмуриемъ помазать очи его, да видитъ* (Ап. 3, 18). «Еслибы совершенно было чудо въ присутствіи ученыхъ всего міра, я бы и тогда не повѣрилъ», хвастался одинъ невѣрующій. Какъ же его можно разувѣрить, когда онъ *не хочетъ* вѣрить? Что можетъ быть не только нечестивѣе, но нелѣпѣе мнѣнія, будто Кивотъ Завѣта, страшно сказать, лейденская банка? Какое между ними сходство? Развѣ во времена Моисея имѣли такое подробное понятіе объ электричествѣ, какое имѣемъ мы? Припомните исторію путешествія Израильтянъ по пустынѣ, прочтите 25-ю главу книги Исходъ, и вы будете удивлены, какъ образовалось такое странное мнѣніе; потому что сходства никакого нѣтъ. А вотъ видите: въ 3-й книгѣ Царствъ сказано, что левитъ Оза коснулся

Кивота Божія и палъ мертвый; и большая лейденская банка можетъ убить человѣка, неосторожно прикоснувшись къ ней. Для невѣрія этого довольно, даже слишкомъ; и вотъ оно дѣлаетъ всевозможныя натяжки, чтобы оправдать свою мысль *); и нечестивое, ложное мнѣніе выдается за истину и начинаетъ смущать души вѣрующіхъ. Книгу съ подобнымъ нечестіемъ мы видѣли у дѣтей.—Что можетъ быть страннѣе мнѣнія, будто чудеса несообразны съ разумомъ? Какъ будто Богъ, Творецъ неба и земли, давши имъ извѣстные законы, не можетъ по нуждѣ, для какихъ-либо своихъ цѣлей, и иногда очевидныхъ и понятныхъ даже намъ, не можетъ на время видоизмѣнить и останавливать дѣйствіе законовъ природы! «Высчитано, говоритъ одинъ ученый, что еслибы земля остановилась хотя на одну минуту въ своихъ движеніяхъ по орбитѣ и вокругъ оси, то образовавшаяся при этомъ теплота не только мгновенно расплавила бы, но и превратила бы большую часть земнаго шара въ пары». Такъ; это было бы, еслибы эту остановку произвела какая сторонняя, механическая сила; но еслибы Всемогущій Богъ захотѣлъ остановить движеніе земли, для какихъ-либо своихъ особенныхъ цѣлей, то и ничего не было бы. Развѣ для Всемогущаго есть что-либо невозможное? *Богъ нашъ на небеси и на земли, вся, елика восхотѣ, сотвори.* Такъ безъ сомнѣнія и думаетъ вѣрующій ученый; но не такъ думаетъ невѣрующій и спѣшитъ подѣлиться съ учениками слѣдующимъ замѣчаніемъ: «отсюда понятна вся нелѣпность той басни, которая каждому изъ насъ сообщается въ извѣстное время» (Физика Гано, стр. 399, изд. 2, прим. русскаго переводч. подъ строкою). И это въ учебникѣ?! И не отъ этого ли такая шаткость въ убѣжденіяхъ нашихъ дѣтей? Что можетъ быть проще и понятнѣе исторіи творенія міра, какъ она рассказана

*) Подробное опроверженіе этого мнѣнія см. въ Прибавл. къ Твор. Св. Отецъ 1862 г., стр. 224—278.

въ св. Библіи? И однако сколько возраженій она встрѣчаетъ со стороны невѣрія! И вотъ человѣкъ не вѣритъ въ Бога, о бытіи, премудрости и благодсти котораго не только небеса повѣдаютъ, но и каждая полевая травка, а вѣритъ въ какую-то никому невѣдомую протоплазму, молекулу, или клѣточку. Начинаютъ громкимъ заявленіемъ, что вѣрятъ въ то только, что подлежитъ чувствамъ; кончаютъ тѣмъ, что вѣруютъ въ то, что не подлежитъ никакимъ чувствамъ. Не суевѣріе ли это? Не слѣпота ли душевная? Прошло немного болѣе ста лѣтъ какъ стали заниматься вопросомъ объ образованіи земли, а уже болѣе 80 системъ геологіи перемѣнилось; и каждая изъ нихъ признавалась за послѣднее слово науки, каждая имѣла жаркихъ послѣдователей! Такъ-то прочны человѣческія постройки, когда ихъ возводятъ наперекоръ откровенію! Среди такого хаоса разнообразныхъ мнѣній трудно и разобратъся, да кажется, и сами творцы этихъ системъ едва ли не столько же понимаютъ другъ друга, сколько понимали другъ друга строители Вавилонской башни. Другъ друга оспариваютъ, опровергаютъ! Богъ творилъ міръ по законамъ своего безконечнаго разума. Можно ли пядію измѣрить небо, горстію вычерпать море? Можно ли конечнымъ разумомъ объять безконечный разумъ Божій? Дѣло творенія міра есть по преимуществу предметъ вѣры (Евр. 11, 3). Какъ каждый человѣкъ ничего не помнитъ о своемъ рожденіи и никогда ничего бы не зналъ объ этомъ, еслибы подобное явленіе постоянно не повторялось предъ его глазами: такъ и все человѣчество своимъ умомъ не знаетъ ничего и ничего точнаго и опредѣленнаго звать не можетъ о сотвореніи міра безъ Божественнаго откровенія, потому что это твореніе было до человѣка и съ тѣхъ поръ никогда не повторялось, такъ что человѣкъ никогда не могъ наблюдать его. Не только каждый вѣкъ, каждое можно сказать десятилѣтіе имѣетъ свое заблужденіе, свою любимую теорію, иногда и по нѣскольку разомъ: то увлѣкается идеализмомъ, то

мистицизмомъ, то матеріализмомъ, то нигилизмомъ, то социализмомъ, то спиритизмомъ; увлекается то Пашковымъ, то Редстокомъ, то другимъ какимъ-либо лжеучителемъ; то возвышаетъ себя и ставитъ *выше всего, называемаго Богомъ, или святынею* (2 Сол. 2, 4), то унижаетъ себя и ставитъ въ одинъ рядъ съ животными. Бѣдные люди! ходятъ во тмѣ, а свѣтъ такъ близко, *Свѣтъ истинный, провѣщающій всякаго человека, грядущаго въ міръ!* Они блуждаютъ, какъ путники, сбившіеся съ дороги, и то приближаются къ дорогѣ, то опять удаляются; случайно и попадаютъ на самую дорогу, но не замѣчая этого, опять сворачиваютъ, и снова блуждаютъ. Близка дорога; но погибнетъ человѣкъ, если не освѣтитъ ему дороги солнце небесное, или не укажетъ добрый человѣкъ. Такъ и падшій человѣкъ никогда самъ не найдетъ истиннаго пути ко спасенію, если не освѣтитъ для него этого пути *Солнце правды—Христосъ Богъ нашъ*. Бѣдные слѣпцы! Этою слѣпотою страдаютъ большею частію такъ называемые ученые люди. Эта слѣпота происходитъ отъ предразсудковъ такъ называемой науки. А сколько другихъ предразсудковъ, которые такъ же потемняютъ нашъ разумъ!

Есть предразсудки народныя, которые вводятъ въ заблужденіе цѣлыя народы. Такъ весь народъ еврейскій ослѣпленъ мыслию, что Мессія будетъ мірской царь и завоеватель. Эта несчастная мысль, какъ темною завѣсою закрыла отъ него истину пришествія на землю Сына Божія. *И донныи, когда они читають Моисея, покрывало лежитъ на сердцѣ ихъ* (2 Кор. 3, 15).

Есть предразсудки сословныя; таковъ наприм. предразсудокъ, еще недавно такъ сильный у насъ и теперь еще не совсѣмъ уничтоженный, предразсудокъ черной и бѣлой кости. Какъ будто не всѣ мы—дѣти одного Отца небеснаго; какъ будто не всѣ возвратимся въ ту же землю, изъ которой взяты!

Есть предразсудки чести. Ничего не можетъ быть нелѣпѣе этого предразсудка; и однакоже люди образован-

ные не въ силахъ освободиться отъ его пагубнаго вліянія: разсуждающіе обо всемъ здраво какъ будто обезумѣваютъ, и вчерашніе друзья, какъ дикіе звѣри, съ оружіемъ въ рукахъ бросаются другъ на друга. И сколько крови пролито, сколько благородныхъ людей погибло изъ-за этого предрасудка! Лучшіе наши поэты пали жертвами его.

Есть предрасудки богатыхъ; есть предрасудки и бѣдныхъ. И если первые опредѣляютъ достоинство человѣка числомъ десятинъ земли, находящихся въ его распоряженіи, или числомъ тысячъ въ его карманѣ, и слѣдовательно бѣднаго ставятъ ни во что; за то послѣдніе весьма часто готовы видѣть на каждомъ рублѣ богатаго слѣды обмана и несправедливости, слезъ и крови своего ближняго. Есть предрасудки у людей чиновныхъ и нечиновныхъ. И если первые часто съ обиднымъ презрѣніемъ смотрятъ на послѣднихъ; за то и послѣдніе въ длинномъ рядѣ чиновъ и орденовъ часто несправедливо видятъ только длинный рядъ незаслуженныхъ милостей. Отсюда рознь между людьми, взаимное недоброжелательство, ни на чемъ не основанное.

Есть предрасудки противъ лицъ духовнаго званія, предрасудки, пагубно вліяющіе на правильное отношеніе паствы къ своимъ пастырямъ. Есть предрасудки противъ церковнаго богослуженія, якобы продолжительнаго безъ всякой нужды. Есть предрасудки даже противъ Библии. Миѣнія, на этихъ предрасудкахъ основанныя, принимаемыя безъ всякой повѣрки, повторяемыя на тысячу ладовъ, становятся наконецъ для многихъ непреложными аксіомами, и часто нѣтъ возможности предохранить человѣка отъ пагубнаго ихъ вліянія. Бѣдное человечество! Нѣтъ истины, которой бы ты не искажило! Глаголь Божій не только близъ, но въ тебѣ самомъ; но ты умѣешь заглушить его въ себѣ. Ярко свѣтитъ солнце слова Божія; но ты умѣешь закрывать отъ него глаза и, пребывая въ царствѣ свѣта, истины и правды, умѣешь

оставаться во тьмѣ. Просвѣти очи наши, Христе Боже, да не когда уснемъ въ смерть, да не когда речеть врагъ: совсѣмъ одолѣлъ ихъ, совсѣмъ ослѣпилъ.

Сильно омрачаютъ умъ нашъ предрассудки; но ничто столько не ослѣпляетъ человѣка, какъ грѣхъ, грѣховная привычка, страсть. «Пойдутъ, яко слѣпи; зане Господеви прегрѣшиша» (Соф. 1, 17). «Ждемъ свѣта, говоритъ пророкъ, и вотъ тьма,—озаренія, и ходимъ во мракѣ. Осязаемъ, какъ слѣпые стѣну, и какъ безъ глазъ ходимъ ощупью; спотыкаемся въ полдень, какъ въ сумерки, между живыми, какъ мертвые». Почему? «Потому что преступленія наши съ нами» (Ис. 59, 9. 10. 12). Припомнимъ нѣкоторыя событія изъ евангельской исторіи: Господь исцѣляетъ слѣпородженнаго. Весь городъ зналъ, что онъ слѣпой, многіе видѣли, какъ онъ шелъ съ помазанными брениемъ глазами къ кушѣли Силоамъ; многіе видѣли, что какъ только онъ умылся, тотчасъ сталъ видѣть. Не великое ли чудо? Синедрионъ производитъ слѣдствіе, допрашиваетъ родителей слѣпаго, сосѣдей; всѣ говорятъ, что онъ слѣпымъ родился; а самъ слѣпой утверждаетъ, что исцѣлилъ его Иисусъ. Что же синедрионъ? Увы! ненависть ослѣпила его разумъ. *Измаша его вонъ*, говоритъ св. евангелистъ (Іоан. 9, 34), какъ живаго свидѣтеля чуда. Они и разбирали это дѣло не для того, чтобы разяснить, а чтобы затемнить его.

Спаситель исцѣляетъ бѣсноватаго. *О всемъзевулъ изгонитъ тысы*, утверждаютъ фарисеи. Но вѣдь это нелѣпо! Какъ сатана можетъ изгонять сатану? Нелѣпо для здравомыслящихъ, но недля одержимаго страстію: онъ видитъ тамъ, гдѣ другіе ничего не видятъ, и не видитъ того, что всѣ видятъ.

Вся Визанія знаетъ, что Лазарь умеръ и погребенъ, что прошло уже три дня, что тѣло его уже предалось тлѣнію. Знаютъ это и въ Іерусалимѣ и многіе пришли оттуда, чтобы утѣшить Марѳу и Марію въ постигшемъ ихъ горѣ. И вотъ въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей, Спаситель божественнымъ своимъ словомъ: «Ла-

зарѣ, гряди вонь! воскрешаетъ его изъ мертвыхъ. Что же Іудей? «Они положили убить и Лазаря» (Іоан. 12, 10). Вотъ какъ разсуждаетъ, какъ дѣйствуетъ злоба.

Еще примѣръ. Іудеи убили Іисуса Христа и вдругъ вспомнили, что Онъ говорилъ: «по тріехъ днѣхъ встану». Тотчасъ идутъ къ Пилату, берутъ стражу, приставляютъ ее ко гробу, самый гробъ запечатываютъ. Теперь уже конечно увѣруютъ, если воскреснетъ? Но лишь только воины возвѣстили имъ о воскресеніи Спасителя, — «сребренники довольны даша воиномъ, глаголюще: рцыте, яко ученицы сего нощію пришедше украдоша его, намъ снѣщимъ» (Матѣ. 28, 12. 13). Невольно ужасъ душу объемлетъ, когда представишь, до чего можетъ доходить человѣческое ослѣпленіе. Невольно скажешь съ св. пророкомъ: «народъ сей ослѣпилъ очи свои, и окаменилъ сердце свое, да не видятъ очами и не уразумѣютъ сердцемъ и не обратятся, чтобы Я исцѣлилъ ихъ» (Ис. 6, 10). Что же ослѣпило очи ихъ? Что окаменило сердце ихъ? Злоба къ Іисусу Христу, страсть. Она-то перевернула все вверхъ дномъ въ душѣ ихъ, она-то заставила ихъ называть бѣлое чернымъ, лукавое—добрымъ, тьму—свѣтомъ. Но не одна только злоба производитъ такіа опустошительныя дѣйствія въ душѣ нашей; такъ дѣйствуетъ всякая страсть. И нѣтъ той лжи, которой бы не сталъ выдавать за истину человѣкъ, ослѣпленный страстію; нѣтъ той неправды, которой бы онъ не сталъ оправдывать; нѣтъ преступленія, на которое бы онъ не рѣшился. Голосъ страсти заглушаетъ все, не только голосъ благоразумія, но и голосъ родства, голосъ крови: братъ возстаетъ на брата, сынъ на отца, дочь на мать. Гордость до того ослѣпила діавола, что онъ возсталъ на Всемогущаго; сребролюбіе до того ослѣпило Іуду, что онъ продалъ своего Учителя и Господа; зависть до того ослѣпила дѣтей Іакова, что они продали въ рабство брата своего Іосифа; властолюбіе побудило Авессалома возстать противъ отца своего Давида. Плотоугодникъ изъ-за страсти бросаетъ

жену, дѣтей, разоряетъ все свое имущество; а Иродъ даже рѣшился убить Іоанна Крестителя, несмотря на то, что считалъ его за пророка. Царица Іезавель убиваетъ Навоуея за какой-нибудь виноградникъ; она унижается до того, что клеветаетъ на Навоуея: такъ ослѣпила ее страсть любостыжанія! Иродъ для достиженія своей цѣли не задумался избить всѣхъ младенцевъ въ Вифлѣмѣ и его окрестностяхъ; какой-нибудь злобный Аманъ готовъ истребить весь еврейскій народъ, чтобы удовлетворить своему честолюбію. Но все это старыя примѣры? Увы! страсти во всѣ времена одинаково дѣйствуютъ и если онѣ теперь болѣе утонченны, за то не менѣе, если не болѣе губительны. Прежде страсть являлась открыто въ своемъ грубомъ видѣ, а потому она во многихъ возбуждала негодованіе и презрѣніе; теперь она является въ такомъ утонченно-привлекательномъ видѣ, что многихъ не только не отталкиваетъ, но своею блестящею внѣшностію привлекаетъ. Оглянемся вокругъ себя: что побуждаетъ купца выдавать худой товаръ за хорошій, обмѣривать, обвѣшивать? Не корыстолюбіе ли? Что побуждаетъ чиновника льстить своему начальнику и худыя его распоряженія находить прекрасными? Или корыстолюбіе, или честолюбіе. Что побуждаетъ газетчика искажать факты, распускать ложные слухи, адвоката—защищать завѣдомо неправое дѣло, судью—кривить душою, казнокрада—красть общественное добро, всѣхъ насъ—творить неправду? Не страсти ли тѣже? Отъ обыденной жизни поднимаемся выше, въ жизнь политическую. Ужели вы не удивлялись, читая или слушая, какъ многіе гуманныя, просвѣщенные люди доказывали необходимость рабства людей, утверждали, что рабство установлено самимъ Богомъ? Что заставляло ихъ говорить такія ни съ чѣмъ несообразныя вещи? Страсть властолюбія и корыстолюбія. Ужели не поражадо васъ то, что люди, рожденные въ свободной странѣ, болѣе 1000 лѣтъ исповѣдующей вѣру Христову, воспитанные въ христіанскомъ законѣ, утверждали и утвер-

ждають, что Балканскіе христіане должны быть подѣ въч-нымъ игомъ Турокъ, что насилій отъ Турокъ они не терпятъ,—и готовы поддерживать это и дѣйствительно поддерживали не только силою слова, но силою оружія? Что же заставляло ихъ закрывать глаза для того, что извѣстно всему свѣту, вооружаться противъ очевидной истины? Корыстолюбіе и властолюбіе. Имъ выгодно властвовать въ разлагающейся Турціи, и вотъ они, видя не видятъ и, слыша, не разумѣютъ. Развѣ въ наше время нѣтъ честолюбцевъ, нѣтъ и не было Наполеоновъ, которые приносили въ жертву своему честолюбію сотни тысячъ человѣческихъ жизней? Чтѣ предъ этими жертвами жертвы, приносимыя какому-нибудь Молоху? Страсть ни предъ чѣмъ не останавливается. До какихъ ужасныхъ преступленій можетъ доводить человѣка гордость и неудовлетворенное честолюбіе, это мы видѣли въ покушеніяхъ на жизнь помазанника Божія. Какой-нибудь корыстолюбецъ истощаетъ жизнь сотенъ и тысячъ людей; много у него, очень много; а ему все кажется мало; чтѣ предъ нимъ евангельскій богачъ съ своимъ: «разорю житницы, и большія созижду?» Тотъ о житницахъ заботится; тотъ стремится поработить себѣ чуть не цѣлый край земли родной. И если перваго самъ Господь называлъ *безумнымъ*, то какъ назовемъ послѣдняго? Растолкуйте же сему безумному, что наше счастье состоитъ въ счастьи нашихъ ближнихъ, что «созидай домъ имѣніемъ чуждымъ, яко собирай каменіе на гробъ себѣ» (Сир. 21, 9). Но развѣ можно доказать слѣпому, что это сѣро, а не бѣло? «Сколько ни бесѣдуй съ тобою, имѣя умъ, пригвожденный къ богатству, ты не можешь услышать ничего полезнаго и необходимаго для тебя» (Злат. на Ев. Мѣ. 1, 428). Разъясните какому-нибудь міролюбцу, что вечера и балы, которые онъ даетъ, разоряютъ его дѣтей, роняютъ его самого въ глазахъ истинно благородныхъ людей, что полезнѣе употребить деньги на книги, на учебныя пособія для дѣтей, на другія хозяйственныя подѣлки, что нужно напередъ

уплатить долги, что это гораздо благороднѣе... Увы! гласъ вашъ въ большинствѣ случаевъ будетъ раздаваться въ пустынѣ. Убѣдите какого-нибудь франта, что ежедневно посѣщать клубы, театры, маскарады, играть въ карты,—вѣдь это значить вести пустую жизнь, недостойную христіанина, что гораздо лучше посидѣть дома и почитать какую-нибудь полезную книгу и тѣмъ хотя нѣсколько пополнить свое скудное образованіе... Но развѣ не назовутъ все это резонерствомъ? Вкусъ не только къ духовнымъ наслажденіямъ, но и къ умственнымъ занятіямъ давно притуцленъ; а опытъ жизни говоритъ, что искусный игрокъ въ карты скорѣе ученаго можетъ добиться чего-нибудь въ жизни. На какомъ же основаніи онъ послушаетъ васъ? Заставьте сознаться гордаго, что онъ не только бесполезный, но и вредный членъ общества; но развѣ это возможно? Посмотрите на него, послушайте его: ему ради его семьи оказываютъ снисхожденіе, а онъ воображаетъ, что это невольная дань уваженія его таланту и трудамъ. «Кого же и награждать, какъ не его?» Его съ трудомъ терпятъ, а онъ воображаетъ, что онъ необходимъ, что безъ него не могутъ обойтись. Онъ всему тормазъ, а онъ воображаетъ, что онъ-то и сила. Растолкуйте скупому, что золото создано для человѣка, а не человѣкъ для золота; что Богъ для того и даетъ человѣку золото, чтобы онъ употреблялъ его на пользу себѣ и во благо другимъ; но гдѣ то душеспасительное слово, которымъ бы можно тронуть его «каменное сердце» (Іез. 11, 19)? Поистинѣ каменное. Страсть тяжелымъ камнемъ ложится на сердце человѣка, въ которомъ затѣмъ, какъ въ гробѣ, умираетъ всякая духовная жизнь. О! кто, кто отвалитъ камень отъ дверей гроба сердца нашего, въ которомъ умеръ, погребенъ и запечатанъ, чтобы никогда не возставалъ, Христосъ? Увы! не только простой священнослужитель ударомъ своего слабого слова, но, кажется, самъ Моисей съ ужасомъ отступитъ отъ этой скалы и никакими ударами не извлечетъ слезъ умиленія изъ камня

нашего сердца! О! приди, ангеле Божій, и отвали камень отъ дверей сердца нашего!

Иногда страсть даетъ нѣкоторую ослабу человѣку: онъ начинаетъ сознавать свое пагубное состояніе, сознавать ту бездну, куда влечетъ его страсть, видитъ, какъ она разстроила его душевное и тѣлесное здоровье, чувствуетъ то горе, которое онъ причинилъ своимъ роднымъ и друзьямъ, горько оплакиваетъ себя, проклиная свою страсть. Страсть молчитъ, она покойна; но почему? Потому что удовлетворена. Такъ покоенъ сытый левъ; онъ позволяеть своей жертвѣ удалиться отъ него на нѣсколько шаговъ; но онъ не спускаетъ съ нея глазъ. Зорко слѣдитъ за человѣкомъ и страсть; она играетъ съ нимъ, какъ кошка съ мышью. Но стоитъ только человѣку сдѣлать рѣшительное движеніе воли, чтобы освободиться отъ нея навсегда, какъ она съ большею яростію нападаетъ на него и начинаетъ его терзать.—Рѣшительное движеніе воли! Но въ томъ-то и бѣда, что у человѣка, одержимаго страстію нѣтъ этихъ рѣшительныхъ движеній воли. Страсть—это самый лютый тиранъ; она и поступаетъ потирански. Древніе тираны, чтобы плѣнники не могли убѣжать изъ плѣна, подрѣзывали у нихъ жилы. Тоже самое дѣлаетъ и страсть; она подрѣзываетъ у нашей воли крылья, лишаетъ ее свободы. Человѣкъ, увлеченный страстію, это птица, у которой подрѣзаны крылья; часто она порывается летѣть, встрепенется, но увы! крылья не дѣйствуютъ, и она остается на прежнемъ мѣстѣ. Иногда, даже иногда часто, и у человѣка, одержимаго страстію, являются добрыя желанія, но желанія остаются желаніями, въ дѣло не переходятъ. Человѣкъ, одержимый страстію, рабъ грѣха. Рабъ можетъ иногда сказать дерзость своему господину, —но затѣмъ опять униженно цѣлуетъ его руку; на мгновеніе онъ можетъ почувствовать себя свободнымъ, а всегда сознаетъ себя рабомъ и при одномъ имени господина трепещетъ. Нѣтъ, христіане, не увидать намъ свѣта истины, если не просвѣтитъ насъ Христось, Свѣтъ

истинный; не разорвать намъ узъ страстей, которыми мы сами связали себя, если не разрѣшитъ насъ Тотъ, кто и узы ада растерзалъ и веревы вѣчныя сломилъ; не освободиться намъ отъ власти діавола, если не освободитъ насъ Тотъ, кто стеръ главу змія и смертію своею упразднилъ имущаго державу смерти.

Ты—просвѣщеніе ума моего, Иисусе мой! Ты—спасеніе отчаянныя души моей, Спасе мой! Ты единъ можешь просвѣтить меня темнаго, научить меня непотребнаго, очистить сквернаго, воздвигнуть падшаго, дать миръ душѣ моей, смущаемой прилогами страстей, освободить отъ сѣти, еюже змій запялъ мя страстьми плотскими, блуднымъ наважденіемъ и злымъ уныніемъ!

Высокія и святыя истины вложены въ душу нашу Творцемъ при самомъ твореніи нашемъ. Онѣ, какъ звѣзды, сіяютъ на тверди нашего духа и служатъ намъ спасительнымъ маякомъ на житейскомъ, волнуемомъ всякими напастьми, морѣ; но какъ не всѣ звѣзды свѣтятъ своимъ, а солнечнымъ свѣтомъ, такъ и сіи спасительныя истины спасительны для насъ тогда, когда освѣщаются солнцемъ правды—Христомъ. Удаляется человѣкъ отъ Бога, меркнетъ въ душѣ его солнце правды,—меркнутъ и сіи святыя истины и въ душѣ человѣка воцаряется непроглядная тьма. Господь, даровавъ намъ умъ, зажегъ въ душѣ нашей свѣтильникъ истины. Этотъ свѣтильникъ, затемненный паденіемъ, снова ярко зажженъ въ искупленіи. Есть ли сокровище драгоцѣннѣе сего? Есть ли даръ выше сего дара? Но какъ легко потерять это сокровище, утратить этотъ даръ! Какъ легко затемнить этотъ свѣтъ, угасить этотъ свѣтильникъ! Посредѣ сѣтей ходимъ; большее нужно искусство, чтобы не запутаться въ нихъ. Живемъ въ мірѣ, а міръ *во злѣ лежитъ* (1 Іоан. 5, 19). Во тьмѣ ходимъ: предразсудки и страсти простираютъ свой темный покровъ надъ нашею душою. Какъ легко поэтому уму нашему повреждаться и потемнѣть отъ облегающей его тьмы? Будемъ же чаще естественный свѣтъ ума нашего озарять немерцающимъ свѣ-

томъ ученія Христова, подбавлять къ естественному свѣту побольше свѣта небснаго. Будемъ чаще подливать въ этотъ свѣтильникъ елей любви, или добрыхъ дѣлъ. Безъ сего елей свѣтильникъ вѣры не можетъ горѣть въ душѣ нашей: онъ скоро начинаетъ меркнуть и наконецъ совсѣмъ угасаетъ. вмѣстѣ съ симъ самый свѣтъ знанія начинаетъ свѣтити какимъ-то холоднымъ, безжизненнымъ свѣтомъ, а иногда даже зловѣщимъ, разрушительнымъ пламенемъ. Не думайте, что невѣріе основываетъ свои выводы на какихъ-то научныхъ данныхъ. Нѣтъ, главная опора невѣрія — не научныя данныя, а нечестіе сердца (понимаемъ это слово въ обширномъ смыслѣ). *Начало премудрости—страхъ Божій.* Нѣтъ страха Божія, нѣтъ и премудрости. *Въ злохудожную душу не увидеть премудрость* потому, что она не любитъ этой премудрости, не хочетъ ея, отвращается отъ нея. Какъ плотоугоднику не грустить надъ ученіемъ Христа о самоотверженіи? Какъ не отрицать ученія о будущей жизни, вѣчныхъ мученіяхъ? Приятно ли человѣку, поставившему цѣлю своей жизни наживу, христіанское ученіе о нестяжательности? Понравится ли честолюбцу Тотъ, кто обѣщаль своимъ послѣдователямъ не почести, не славу, а гоненія? Имъ прежде всего нужно перестать быть тѣмъ, чѣмъ они есть: плотоугоднику перестать быть плотоугодникомъ, міролюбцу—міролюбцемъ и пр.; тогда они увѣруютъ. Одно и то же слово крестное; но для Іудеевъ оно *соблазнъ*, для еллиновъ—*безуміе*, а для спасаемыхъ *сила Божія* (1 Кор. 1, 18). Одинъ и тотъ же божественный Учитель проповѣдуетъ; но у однихъ отъ Его божественнаго слова сердце *разгорается* любовно къ Нему (Лук. 24, 32) и отъ избытка сердца уста ихъ невольно глаголютъ: *никогдаже тако глаголаше естъ человекъ, яко сей человекъ* (Іоан. 7, 46); у другихъ же отъ этого же самаго слова возбуждается ненависть къ Учителю: *не добръ ли мы глаголемъ, яко Самарянинъ еси и бѣса имаша* (Іоан. 8, 48)? Откуда такая разность? *Почему не понимаете рѣчи Моей?* спрашиваетъ Спаситель Іудеевъ и самъ отвѣчаетъ: *потому что не мо-*

жете слышать его, то-есть у васъ нѣтъ любви къ нему. Кто же отъ Бога, тотъ слышитъ слова Божіи (Іоан. 8, 43. 46). Дѣло сколько въ сѣмяни, столько же и въ землѣ принимающей сѣмя: падеть сѣмя въ добрую землю, — плодъ принесеть; падеть въ терніе, — заглохнетъ; падеть на дорогу, — безслѣдно пропадетъ. Пораженный съ одной стороны обиліемъ и разнообразіемъ чудесъ, совершенныхъ Спасителемъ, а съ другой — невѣріемъ Іудеевъ, св. Евангелистъ замѣчаетъ: *толика знаменія Ему сотворишу предъ ними, не вѣроваху въ Него: возлюбима бо паче славу человеческую, неже славу Божію* (Іоан. 12, 37. 43). Вотъ коренная, вѣковѣчная причина невѣрія, — наше плотоугодіе, міролюбіе, а не научныя истины, которыя тутъ совершенно не при чемъ, или служатъ только приличнымъ покровомъ тѣхъже страстей.

«Свѣтильникъ тѣлу есть око, говоритъ Спаситель. Аще око твое просто будетъ, и все тѣло твое свѣтло будетъ: аще же око твое лукаво будетъ, все тѣло твое темно будетъ. Аще убо свѣтъ, иже въ тебѣ, тьма будетъ, то тьма кольми» (Матѣ. 6, 22. 23). Что глазъ для тѣла, то умъ для души. Если ослѣпимъ умъ, долженствующій доставлять свѣтъ и другимъ способностямъ; то чѣмъ смотрѣть будемъ? Загради источникъ, — изсушишь и рѣку; подобнымъ образомъ кто помрачаетъ умъ, тотъ приводитъ въ безпорядокъ всѣ дѣйствія его въ настоящей жизни. Когда кормчій сдѣлается добычею волнъ, когда свѣтильникъ угаснетъ, когда вождь будетъ плѣнень, то какая уже надежда останется для подчиненныхъ (Злат. еванг. Матѣ. 1, 430)? Когда умъ, который долженъ обуздывать страсти, самъ заражается страстію, тогда человѣкъ по необходимости становится рабомъ страстей: умъ его говоритъ то, что угодно страстямъ; доказываетъ то, что имъ нравится. Отъ такого ослѣпленія до сохранить насъ всѣхъ Господь своею великою и богатою милостію.

Протоіерей Михаилъ Некрасовъ.

БЛАГОТВОРЕНІЕ И ОБЩЕНІЕ.

Слово въ празднованіе 16 - й годовщины Братства святителя Николая (18 окт. 1881 г.).

Благотворенія и общенія не забывайте, таковыми бо жертвами благоугождается Богъ. Евр. 13, 16.

За 16 лѣтъ предъ симъ подъ сѣнію здѣшняго святаго храма учреждено Братство святителя Николая. Цѣль Братства—благотвореніе бѣдному духовенству въ содержаніи его дѣтей въ продолженіе ихъ школьнаго обученія. Въ праздникъ благотворительнаго учрежденія и слово наше да будетъ о благотвореніи; руководствомъ же для слова да послужатъ приведенныя слова Апостола изъ посланія къ Евреямъ.

«Не забывайте, говоритъ Апостоль, благотворенія и общенія». Понятно, почему нужно было предостерегать людей отъ забвенія этой священной обязанности. Люди склонны забывать ее, одни, напимѣрь, по самолюбію,— самолюбивый голоднаго не разумѣетъ, когда самъ сытъ,— другіе потому, что надѣются угодить Богу одними дѣлами благочестія или набожности. Но самолюбіе непростительно въ христіанинѣ, которому дана заповѣдь любить ближняго, какъ самого себя. Эта заповѣдь извѣстна была и ветхозавѣтнымъ вѣрующимъ, а для новозавѣтныхъ она дополнена заповѣдію любить даже враговъ и благотворить даже ненавидящихъ насъ (Лук. 6, 35). Равно знали ветхозавѣтныя вѣрующіе, что Богу неуютны дѣла благочестія безъ дѣлъ милосердія, безъ готовности помогать ближнему въ нуждахъ духовныхъ и тѣлесныхъ. Имъ Го-

сподь неоднократно внушалъ чрезъ пророковъ, что для Него мерзки жертвы кровавыя и безкровныя, какія приносятъ Ему притѣснители бѣдныхъ (Иса. 1 гл.), что Ему угоднѣе милость, чѣмъ жертва (Осіи 6, 6). Судите же, какъ непростительно христіанамъ забывать обязанность милосердія къ ближнимъ,—когда за неисполненіе ея строгому взысканію подлежали ветхозавѣтные вѣрующіе. И вотъ почему Апостоль предостерегаетъ отъ сего грѣха христіанъ: «благотворенія и общенія не забывайте».

Весьма знаменательно, что Апостоль, напоминая христіанамъ о благотвореніи, къ слову—*благотвореніе*—присовокупляетъ: *общеніе*. Общеніе—въ сущности тоже значитъ, что благотвореніе, милостыня, подаеніе. Въ какомъ смыслѣ это слово употребляется у Апостола въ другихъ мѣстахъ. Напримѣръ: «благволиша Македонія и Ахаія общеніе нѣкое сотворити къ нищимъ святымъ (*христіанамъ*), живущимъ въ Іерусалимѣ» (Рим. 15, 26. Слич. 2 Кор. 8, 4). Почему же благотвореніе называется общеніемъ? Потому что чрезъ благотвореніе поддерживается братская общительность не только между близкими по мѣсту жительства христіанами, но и между отдаленными. Христіане Македоніи и Ахаіи на полторы тысячи верстъ отдѣлены были отъ христіанъ Іерусалимскихъ; но это разстояніе не мѣшало однимъ вступать въ общеніе съ другими посредствомъ благотвореній. И смотрите, какъ Македонцы и Ахайцы дорожили благотворительнымъ общеніемъ съ Іерусалимскою церковію. «Они весьма убѣдительно просили насъ, говорить о нихъ Павелъ, принять даръ и общеніе служенія святымъ въ Іерусалимѣ» (2 Кор. 8, 4). Свой даръ они называютъ не милостыней бѣднымъ братіямъ, а служеніемъ. Они гонятъ отъ себя мысль, что своею милостынею одолжаютъ,—нѣтъ,—не они одолжаютъ, а для себя самихъ почитаютъ одолженіемъ и вмѣняютъ себѣ въ честь послужить своимъ даромъ нуждающимся братіямъ. Пусть, такъ разсуждаютъ они, эти братія смотрятъ на насъ какъ на слугъ своихъ, пусть располагаютъ

нами какъ слугами.— Въ этомъ выражается истинно-христіанскій характеръ отношеній дающихъ къ приѣмлющимъ. Между приѣмлющими встрѣчаются люди, жившіе сначала въ довольствѣ и изобиліи, а потомъ обнищавшіе. Они стѣсняются, имъ тяжело просить и получать милостыню. Истинно христіанская любовь умѣетъ помочь имъ, не вызывая въ нихъ горькаго чувства униженія. Она заботится не о томъ только, чтобы сдѣлать имъ вспоможеніе, а вмѣстѣ о томъ, чтобы облегчить для нихъ принятіе его, не какъ милостыни отъ богатаго нищему, а какъ доброй пріятельской услуги.

Сказавъ: «благодѣянія и общенія не забывайте», апостоль продолжаетъ: «такими бо жертвами благоугождается Богъ». Итакъ благодѣяніе и общеніе есть не только служеніе ближнимъ, но вмѣстѣ служеніе Богу, дѣло богопочтенія и благочестія, или набожности. Ибо жертвы суть принадлежность богопочтенія, ближайшее выраженіе чувствъ благочестія и набожности. Жертвою Богу, Ему угодно, Апостоль называетъ дѣла благодѣянія и въ другихъ случаяхъ. «Я получилъ посланное вами (вспоможеніе), — пишетъ онъ къ Филиппійцамъ, — какъ благовонное куреніе, жертву пріятную, благоугодную Богу» (Филип. 4, 18). Въ какомъ же смыслѣ дѣла благодѣянія суть вмѣстѣ жертва Богу, дѣло служенія Ему, благочестія и набожности? Въ томъ, что истинному христіанину свойственно совершать ихъ въ духѣ благочестія, съ мыслию, что онъ совершаетъ ихъ для Бога. Христіанская благодѣятельность тѣмъ и отличается отъ естественной, свойственной даже язычникамъ, что соединяется съ благочестіемъ, одушевляется благочестивыми побужденіями, направлена къ богоугожденію. Служа ближнему въ его нуждахъ, христіанинъ служитъ самому Богу, въ лицѣ ближняго благодѣлать самому Христу, памятуя слова Его: «понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меншихъ, Мнѣ сотвористе» (Мат. 25, 40). Христу собственно не нужны вещественные дары, въ нихъ нуж-

дается бѣднякъ, ближній твой: помоги ему, и ты окажешь услугу самому Христу. Не такова благотворительность естественная. Она исходитъ изъ естественнаго сочувствія къ ближнему, которое возбуждается безмолвнымъ зрѣлищемъ нищеты, болѣзни, убожества, краснорѣчіемъ просящаго помощи, наружными или внутренними достоинствами его. Иногда благотворятъ по расчетамъ, въ надеждѣ взаимныхъ услугъ, похвалы и награды. Съ послѣднимъ побужденіемъ имѣеть сродство современная намъ экономическая теорія благотворительности: дѣлай добро вокругъ себя, не скупись, чтобы дать возможность окружающимъ тебя стать на ноги, избавиться отъ ихъ жалобъ и просьбъ на будущее время и даже со временемъ поживиться на ихъ счетъ. Чѣмъ меньше вокругъ тебя бѣдныхъ и голодныхъ, тѣмъ для тебя же лучше,—въ общемъ благосостояніи заключается условіе для твоего собственнаго *); стало-быть для себя же слѣдуетъ заботиться о другихъ.—Все это побужденія къ благотворительности естественныя и житейскія. Христіанинъ благотворитель чуждъ подобныхъ побужденій. Онъ имѣеть въ виду Бога,—жертвуя на ближнихъ, онъ приноситъ жертву Богу. И смотрите, какъ чиста, свята, какъ высока такая благотворительность! Она простирается не на тѣхъ только, которымъ удалось разжалобить благотворителя своимъ видомъ, краснорѣчіемъ, личными достоинствами, но и на тѣхъ, которые не тронули его сердца, потому ли, что онъ не имѣеть мягкаго по природѣ сердца, потому ли,

*) Въ 1873 году въ Московской Городской Думѣ шли разсужденія о помощи жителямъ Самарской губерніи, страдавшимъ отъ неурожая. Одинъ изъ гласныхъ, настаивая на необходимости помощи отъ Москвы въ значительныхъ размѣрахъ, заявилъ: „Москва нисколько не потеряетъ, если Московское городское общество пожертвуетъ значительную сумму. Москва—городъ мануфактурный, и чѣмъ бѣднѣе будутъ ся пригороды, тѣмъ меньше она будетъ сбывать своихъ производствъ и зарабатывать, и наоборотъ“ (Моск. Вѣдом. 1873 г. № 292).

что они не усиливаются обратить на себя его вниманія по робости, по непривычкѣ къ сторонней помощи,—или потому, что нехорошо ведутъ себя. Для него достаточно только знать, что они живутъ въ нуждѣ и бѣдности, чтобы поспѣшить къ нимъ съ помощію. Онъ разсуждаетъ въ подобныхъ случаяхъ такъ: пусть мое сердце не чувствуетъ особаго влеченія къ нимъ, пусть и сами по себѣ они не заслуживаютъ сочувствія; но я не вправѣ отказать имъ въ помощи, я долженъ оказать ее ради Христа. Христость никого не отвергала, никѣмъ не гнушался. Я ли, грѣшникъ, буду слишкомъ разборчивъ, когда дѣло идетъ о неотложной помощи? Да приметъ ее отъ меня Христость, какъ жертву Ему.—Далѣе христіанинъ-благотворитель не соображаетъ, будетъ ли ему какая выгода отъ благотвореній,—онъ дѣлаетъ добро ближнимъ для Бога, для угожденія Ему. Еслибы онъ руководствовался корыстными побужденіями, то сталъ бы благотворить только тѣмъ, отъ которыхъ могъ бы ожидать услугъ себѣ со временемъ. Другіе же, отъ которыхъ нечего ждать, ничего не получили бы отъ него, хотя бы крайне нуждались въ помощи и заслуживали ее. Но онъ разсуждаетъ, что служить ближнимъ въ ихъ нуждахъ значитъ служить Богу, приносить Ему жертву. Благотвореніе по житейскимъ разсчетамъ, въ его глазахъ, не есть благотвореніе, а торговая или промышленная сдѣлка. Мысль о Богѣ, благоговѣніе и любовь къ Нему заставляютъ Его забыть эти разсчеты. Онъ не возмущается и неблагодарностію одожаемыхъ имъ людей. Онъ на нее и не разсчитывалъ,—его утѣшаетъ надежда на одно благоволеніе Божіе, свойственная всякому приносящему жертву Богу. У него одна забота,—о томъ, чтобы жертва его была плодомъ истиннаго благочестія, происходила изъ чистаго и святаго душевнаго расположенія. Онъ приносить ее Господу, какъ жертву благодарственную и умилостивительную. Въ чувствахъ благодарности онъ говоритъ Господу: <Ты, Господи, изливаешь на меня недостойнаго и грѣшнаго столько милостей, что не знаю,

какъ и выразить мою благодарность. Вещественные дары Тебѣ не нужны. Но прими ихъ отъ меня руками ближнихъ моихъ, въ нихъ нуждающихся, какъ знакъ моей благодарности къ Тебѣ». Эти же дары онъ приносить и въ умиловительную жертву Богу. Онъ знаетъ, что судъ безъ милости не сотворшему милости (Іак. 2, 13), и потому надѣется отвратить сей грозный судъ жертвою милосердія, памятуя обътованіе Христово: «блажени милостивіи, яко тии помиловани будутъ». Но въ то же время онъ не думаетъ, что щедрыми милостынями онъ стяжалъ себѣ право грѣшить безнаказанно. Онъ знаетъ, что жертва Богу, приносимая съ такими нечестивыми мыслями, прогнѣвляеть, а не умиловляетъ Его.

Если благотвореніе есть жертва Богу, дѣло благочестія, то этимъ объясняется, почему съ древнихъ временъ общественное богослуженіе соединяется съ дѣлами благотворенія. Вѣрующіе древнихъ временъ приносили въ храмъ дары не на однѣ потребности богослуженія, но вмѣстѣ на нужды клира, бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ, болящихъ, престарѣлыхъ, содержимыхъ въ узахъ и плѣну. И теперь въ каждой церкви существуютъ сборы въ пользу нуждающихся, напимѣръ въ пользу раненыхъ воиновъ, палестинскихъ поклонниковъ, школь и церквей Западнаго края, въ пользу Миссіонерскаго Общества, Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. Всѣми подобными сборами напоминаетъ, что благочестіе, усердіе къ богослуженію должно быть соединяемо съ дѣлами любви къ ближнимъ, что эти дѣла имѣютъ значеніе жертвы Богу, не меньше угодной Ему, какъ и пожертвованія на храмъ. И какъ удобно каждому принести эту жертву! Если затрудняешься подать нищему изъ опасенія, что нищій злоупотребитъ милостыней, такъ опусти свою лепту въ церковную благотворительную кружку, и будь увѣренъ, что твоя жертва и Богу пріятна, и ближнему, для котораго предназначается, принесетъ существенную пользу.

Въ ряду благотворительныхъ дѣлъ, дѣло принятое на себя Братствомъ святителя Николая, наипаче имѣетъ

значеніе жертвы, или служенія Богу, потому что лица, для вспоможенія которымъ учреждено Братство, посвящены на служеніе Богу въ храмахъ Божіихъ. Въ виду этого Братство заслуживаетъ полнѣйшаго сочувствія и поддержки со стороны всѣхъ ревнителей благочестія и любителей церковнаго богослуженія. Во имя ихъ ревности къ благочестію и любви къ храму Божію взываемъ къ нимъ: если вы искренно одушевлены этою ревностію и любовію, то пожалѣйте тѣхъ изъ служителей храма, которые по бѣдности стѣсняются въ содержаніи дѣтей, обучающихся въ духовныхъ школахъ,—помогите имъ въ этой нуждѣ. Чѣмъ меньше они будутъ стѣснены въ исполненіи своего долга въ отношеніи къ дѣтямъ, тѣмъ безпрепятственнѣе и усерднѣе будутъ служить церкви и алтарю и своимъ служеніемъ питать ваше благочестіе. Поймите, что дѣло благотворенія въ семь случаевъ есть дѣло благочестія, любви къ Богу и святому храму Божію. — Имѣйте въ виду также, что и дѣти бѣднаго духовенства, ожидающія отъ васъ участія къ ихъ нуждамъ, духовно-училищнымъ образованіемъ приготовляются на служеніе храму, и современемъ, если не всѣ, то многіе изъ нихъ будутъ приносить безкровную жертву за всѣхъ, наипаче же за своихъ благодѣтелей. Долгъ благочестія требуетъ отъ васъ поддержать ихъ на трудномъ пути ученія, ведущемъ во Святая Святыхъ. Облегчите же имъ шествіе на этомъ пути ради Господа, Которому они будутъ служить и молиться за васъ же. Многіе изъ нихъ осиротѣли и дѣлать горькую участь съ овдовѣвшими матерями. Не опустите удобнаго случая къ проявленію вашего благочестія, ибо, по слову Апостола Іакова (1 27), «чистое и непорочное благочестіе предъ Богомъ и Отцемъ есть то, чтобы призирать сиротъ и вдовъ въ ихъ скорбяхъ».

Прот. В. Нечаевъ.

Сіе слово произнесено 18 октября въ Братской Николаевленской церкви за литургіею, которую совершалъ преосвященнѣйшій Амвросій, епископъ Дмитровскій, викарій московской митрополіи. Предъ

литургією оны служилъ папнихиду по душѣ въ Бозѣ почившаго Благовѣрнаго Государя Цесаревича Николая Александровича, въ память котораго учреждено Братство, также о преставльшихся его родителяхъ, Государѣ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ и Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, бывшей благотворительницѣ Братства и о другихъ почившихъ членахъ Братства. По литургіи преосвященный Амвросій, въ сослуженіи многочисленнаго собора московскаго духовенства, совершилъ благодарственное молебствіе Господу, милостиво призирающему на Братство, съ присовокупленіемъ моленій къ святителю Николаю, именемъ котораго наречено Братство. По окончаніи церковной службы члены Братства собрались въ домѣ мѣстнаго протоіерея, Стефана Ивановича Зернова и выслушали прочитанный имъ подробный отчетъ о состояніи Братства за 16-й годъ его существованія. Дѣла Братства, какъ видно изъ отчета, въ семь году были не менѣе успѣшны, какъ и за предшествующіе годы. Къ началу 16-го года оставалось Братской суммы въ процентныхъ бумагахъ и наличными деньгами 46.952 р. 73 коп. Въ теченіе года поступило на приходъ 7.530 р. 75 к. Израсходовано на содержаніе Николаевскаго Братскаго пріюта 2507 р. 40 к. и на пособіе 111 ученикамъ Дух. училищъ 1962 р. 40 коп., и 62-мъ ученикамъ двухъ семинарій, Моск. и Виѣанской, 1627 руб.

Пожертвованія въ пользу Братства могутъ быть направляемы къ о. протоіерею Николаевленской церкви въ Москвѣ Стефану Ивановичу Зернову. У него же продаются изданная въ пользу Братства оберъ-прокуроромъ св. Синода Константиномъ Петровичемъ Побѣдоносцевымъ книга Ѳомы Кемпійскаго: *О подражаніи Христу*,—цѣна 75 к., съ пересылкою 1 р.,—и перепечатанная отдѣльною брошюрою 4-я часть сей книги подъ заглавіемъ: *Благоговѣнное увѣщаніе къ св. причащенію*. Цѣна 20 к., съ пересылкою 30 к.

ПИСЬМА

**ВЪ РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ И О РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ
ВЪРЬ И ЖИЗНИ.**

XXXIII.

Вы продолжаете: «умъ у монахинь спитъ; оттого не умѣя дать отпора всякой дребедени, онѣ, считая ее наваждениемъ врага, сильнѣйшаго ихъ, безъ борьбы подчиняются ей». То вы касались внѣшнихъ порядковъ благочестной монастырской жизни и криво толковали ихъ, а теперь, касаетесь внутренней стороны жизни инокинъ,—но и ее изображаете тоже неточно. То, что вы говорите, совершенно предположительно. Почему знаете вы, что происходитъ въ душѣ монахинь? А не зная, утверждая же, что тамъ то и то бываетъ, вы свои догадки выставляете, какъ дѣйствительность. Думается вамъ такъ, показалось такъ; вы и говорите, что такъ есть. Свои думанія вы не подвергали разбору и приняли ихъ сразу. Это тоже, что безъ борьбы подчинились имъ, и слѣдовательно подпали тому же, что въ монахиняхъ осуждаете. Если теперь догадки о другихъ, истинѣ неотвѣчающія, суть клевета (*δίαβολη*), а клевета всякая отъ діавола есть; то вы попали въ сѣти врага, несмотря на то, что умъ вашъ не спитъ, какъ вамъ думается. Не спитъ, а не умѣлъ дать отпора дребедени, насѣянной врагомъ. Не только не умѣлъ, даже и не брался за это дѣло; не брался, оттого что не замѣтилъ; не замѣтилъ, оттого что не вѣрнѣе во вмѣшательство врага въ дѣла свои. Подъ кровомъ этого невѣрія врагъ подошелъ къ уму вашему и насѣялъ въ него дрянныхъ мыслей. Это вамъ вторая награда за невѣріе въ козни врага.

Вы полагаете, что монахини не борются съ помыслами, и что бы ни пришло на умъ, подчиняются тому. Судя по сказанному предъ симъ я могу заключить, что это вы полагаете, судя по себѣ. Подождите; вступите сами въ борьбу и перестанете такъ думать. А напередъ примите на вѣру, что ни одна монахиня не бываетъ безъ борьбы. Всякая борется, какъ только замѣтитъ что неправое и смущающее, — борется съ мыслями, борется съ желаніями, борется съ разными движеніями чувства при непрерывныхъ столкновеніяхъ съ другими. Вступающія въ обитель проходятъ предварительную сильную борьбу предъ вступленіемъ въ нее. Вступаютъ онѣ возбужденными въ духѣ на добро съ рѣшимостію ратовать за него. И ратуютъ, внимая себѣ. Иногда побѣждаютъ онѣ, иногда побѣждаемы бываютъ, наиболѣе потому что не замѣтятъ козней врага, который умѣетъ ихъ искусно прикрывать. Такъ есть; и вы совсѣмъ невѣрно смотрите на монахинь. Бываютъ и такія, какъ вы пишете; но это исключеніе, а вообще такъ говорить нельзя.

Что онѣ всякой худой помысль и всякое другое худое движеніе, внутри происходящее, производятъ отъ врага, — въ этомъ нѣтъ ошибки. Такъ есть на самомъ дѣлѣ. Вмѣшательство врага въ наши внутреннія и внѣшнія дѣла шире и многообъятнѣе, нежели какъ думается вообще даже и безъ особыхъ ограниченій признающими его. И писаніе святое этому учитъ, и опыты святыхъ подтверждаютъ. Вообще у христіанъ брань нѣсть къ плоти и крови, но къ духамъ злобы; а въ монашествующихъ она ожесточается до крайности. Такъ не монахини, разсуждающія сообразно съ симъ, достойны укора, а вы, судящіе противно сему.

Извольте принять и содержать слѣдующія положенія св. отцевъ: въ суммѣ, роящихся внутри насъ, помысловъ есть ангельскіе, есть человѣческіе и есть бѣсовскіе. Человѣческіе помыслы, когда думаютъ о вещахъ, какъ онѣ есть по естеству, напрімѣръ о золотѣ, какъ золотѣ,

его видѣ, свойствахъ, добываніи и под. Ангельскіе, когда при семъ привходятъ добрыя наведенія, къ добру располагающія, напримѣръ, прославленіе Творца при взглядѣ на золото. Бѣсовскіе, когда поражаются наведенія страстныя, на зло ведущія, напримѣръ при взглядѣ на золото мысль повеселиться на него и под.—Къ бѣсовскимъ же должно отнести премножество мыслей пустыхъ, праздныхъ и кажущихся добрыми, но могущихъ привести не къ добру,—особенно когда они рождаются во время добрыхъ занятій, — во время молитвы и чтенія душеполезнаго и под., и отвлекають отъ нихъ. Примите это за начала, и по нимъ начинайте обсуждать свое внутреннее. Я же приложу только: посудите теперь вы, все мыслимое вами относящія къ своему уму, сколько бѣсовскихъ помысловъ вы делѣете, и не просто делѣете, но и ратуете за нихъ, какъ за самыя вѣрныя взгляды. — Примѣръ не далеко,—ваше сужденіе о монахиняхъ навѣяно врагомъ.

Не удовольствовались вы сказаннымъ,—подрисовываете и еще свою излюбленную картинку: «безграмотность и неестественная жизнь,—трудъ тѣлесный не посидный, питаніе скудное и плохое, жизни умственной никакой, духовнаго назиданія нѣтъ».

Ни одного приговора тутъ нѣтъ вѣрнаго. Безграмотныхъ нынѣ вы почти не встрѣтите. Многія и поступаютъ въ монастырь уже грамотными, другія въ монастырѣ скоро выучиваются читать, — и ужъ развѣ какая - какая остается безграмотною. Но безграмотныя не лишены добрыхъ плодовъ грамотности,—слушая читаемое въ церкви и въ келліяхъ грамотными. Ктому же грамотность вообще есть средство. Ставить ее въ существенныя отличія не приходится. И безграмотность можетъ все имѣть, что нужно для спасенія, если имѣетъ вѣру и смысленно дѣйствуетъ по вѣрѣ; и грамотность одна ничего существенно добраго не дастъ. У васъ ученыхъ безграмотность тоже, что проказа, а грамотность — нѣчто священное. Это вашей касты грубый предрасудокъ.

Неестественною жизнію что вы называете? Если монашество вообще, то это еретическая мысль. Монашество естественно; ибо прямо требуется пробужденнымъ въ насъ духомъ нашимъ; существо же вѣры Христовой даетъ ему настоящій строй, направленіе и духъ. Извольте заучить сіи положенія. Когда установитесь въ монашествѣ, тогда осяжете, какъ сіе есть истинно.—Если же неестественностію называете то, что въ слѣдъ за симъ говорится; то являете ошибочное сужденіе, происходящее отъ грубаго невѣдѣнія дѣла монашества.

Тѣлесный трудъ—хорошее дѣло; плохое и скудное питаніе подъ масть монашеству: хлѣбъ да вода мудрыхъ ѣда. Да и что тутъ можно видѣть неестественнаго? Постничество и трудъ—средства монашескія. Судить объ ихъ умѣстности или неумѣстности надо по ихъ приспособленности или неприспособленности къ цѣли. Если цѣль монашества естественна, постничество же и трудъ пособствуютъ достиженію сей цѣли, то и они естественны. Цѣль монашества какая? Та, чтобъ быть всегда съ Богомъ, что и есть единое на потребу. Быть съ Богомъ мѣшаетъ, не менѣе другаго многого, пространное питаніе и покоеніе тѣла. Тогда тѣло дебелиетъ и, какъ тяжелая гиря, тянетъ къ землѣ. А когда его плохо питаютъ и томятъ трудомъ, тогда оно утончается и даетъ духу свободу возноситься горѣ къ Богу и съ Нимъ пребывать неотлучно. Видите, какъ трудъ и плохое питаніе стоятъ въ монашествѣ на своемъ мѣстѣ? Извольте же бросить ту пустую мысль, будто они неестественны.

«Жизни умственной и дѣятельной никакой». Что умъ у монахинь не спитъ, объ этомъ была рѣчь. Онъ у нихъ занятъ своего рода предметами. Здѣсь вы, кажется, разумѣете научность. Какъ наукъ монахини не проходили, то и предметами научными теперь не занимаются, не читаютъ о томъ и не думаютъ. Это совершенная правда. Даже и проходившія науки бросаютъ ихъ въ сторону. Но это не значитъ, что у нихъ дѣятельности умовой нѣтъ.

Есть, только обращена не на научные предметы. Если стать взвѣшивать, какіе предметы выше и цѣннѣе, то преимущество безспорно окажется на сторонѣ тѣхъ, которыми занимають умъ свой монахини. Одно укажу, — эти предметы вѣчны и къ вѣчному спасенію ведутъ, а научные предметы временны и вмѣстѣ съ временемъ совсѣмъ исчезнуть, спасенію же могутъ только не мѣшать, — и если способствовать, то очень косвенно и притомъ подъ условіемъ полнаго и безпрекословнаго подчиненія церковнымъ.

Подъ жизнію дѣятельною, вѣрно, вы разумѣете хлопотливую жизнь по семейству, по торговымъ предпріятіямъ, по дѣламъ службы гражданской и военной, по мастерствамъ и искусствамъ. Такой хлопотливой жизни, какъ въ мірѣ, у монахинь конечно нѣтъ; но тѣмъ не менѣе есть жизнь дѣятельная, только своего рода, какъ и умовая. Даже скажу, что она по предметамъ схожа съ мірскою. И тутъ есть дѣятельность такая же, какаѣ бываетъ въ семьѣ, потому что монастырь есть семья родныхъ по духу сестръ. Сюда относятся труды по изготовленію пищи, питія, по мытью, соблюденію чистоты и охранѣ и подоб. Есть дѣятельность и такая, какъ у мастеровъ мірскихъ и художниковъ: это шитье, вязаніе, тканіе, разнаго рода вышиваніе, рисованіе. Все это въ совокупности составляетъ то, что выше вы назвали трудомъ тѣлеснымъ. — Мимоходомъ спрошу васъ, какъ же это у васъ выходитъ: «трудъ тѣлесный, — непосильный даже, и дѣятельности никакой»? Но полагаю, что вы разумѣли дѣятельность самоначинательную, т.-е., нѣтъ такой дѣятельности, чтобъ каждая сама предпринимала, начинала, продолжала и кончала, какъ ея душѣ угодно. Дѣятельность идетъ, но все по приказу и указу, а не самоначинательно. Это такъ, и этимъ существенно отличается дѣятельная жизнь монастырская отъ подобной же дѣятельности мірской. Но въ этомъ не невыгодная, а выгодная сторона дѣятельности монахинь, по приспособленности ея къ главной цѣли монашества

жить всегда въ Богѣ. Главнѣйшій врагъ жизни въ Богѣ есть многозаботливость; а многозаботливость есть рычагъ приводящій въ движеніе самоначинательную мірскую дѣятельность. Съ утра до ночи темной, каждый день, гоняеть она мірскихъ предпринимателей отъ одного дѣла къ другому, и на минуту не даетъ покоя. Некогда имъ обратиться къ Богу и побыть съ Нимъ въ молитвенномъ къ Нему возношеніи. Эта многозаботливость у монахинь мѣста не имѣетъ. Понимающія дѣло за тѣмъ и въ монастырь вступаютъ, чтобъ избавиться отъ сей мучительницы. И избавляются. Вступающая въ обитель отдаетъ себя въ работу обители; а обитель даетъ ей кровь, пищу, одежду и всякую защиту. Какъ эта сторона совершенно обезпечена, то многопопечительной заботливости мѣста нѣтъ; она и отходитъ. По отпаденіи же ея умъ и сердце остаются совершенно свободными и никакой помѣхи не имѣютъ въ томъ, чтобъ пребывать въ Богѣ и Богомъ услаждаться. Тѣ, которыя съ разумомъ ведутъ свое дѣло монашества, скоро и преуспѣваютъ въ этомъ, и устанавляются у своей цѣли. За тѣмъ остается только блюсти сіе сокровище. И блюдутъ. Каждая инокиня имѣетъ свой урокъ сдѣлать въ сутки то и то. Какъ эти работы привычныя, то не требуютъ особаго вниманія. И бываетъ, что руки работаютъ, а умъ съ Богомъ бесѣдуетъ и питаетъ тѣмъ сердце. Такую норму внутренняго строя прописалъ еще св. Антоній великій. Такъ видите, что и у монахинь есть дѣятельная жизнь, — похожая на дѣяность мірянокъ; только нѣтъ у нихъ при семъ многозаботливости, грызущей мірянокъ, свобода отъ которой, по порядкамъ монастырской жизни, и даетъ имъ способъ быть у своей цѣли или пребывать неотходно съ Богомъ и въ Богѣ.

Вы слишкомъ много даете цѣны душевной дѣятельности, то-есть знательной, предпринимательной и художественной, и особенно знательной. Но вѣдайте, что для духовной жизни, какую проводить берутся монахини, раз-

витіе душевной стороны совсѣмъ не требуется. Духовная спасительная жизнь зачинается и развивается независимо отъ душевнаго развитія. Отсутствіе послѣдняго никакого ущерба не причиняетъ первой, и достоинства ея не умаляетъ. Душевность вся, и въ самомъ лучшемъ ея видѣ, цѣну получаетъ только тогда, когда вполне подчиняется духовности, сама же по себѣ ничто для вѣчности. Въ будущемъ вѣкѣ все будетъ духовно, душевное же все отпадетъ и здѣсь останется, какъ временное. И видимъ, какія срътлыя личности выходятъ изъ простыхъ монахинь, когда онѣ возьмутся за дѣло какъ слѣдуетъ! Намъ съ вами труднѣе такъ успѣть, какъ онѣ. Ибо у насъ душа слишкомъ тучна. Когда-то успѣемъ мы передѣлать ее и утончить; а у нихъ она готова, и онѣ дѣйствіемъ духа вдругъ дѣлаютъ изъ ней, чтò находятъ потребнымъ. Ваше положеніе для цѣли, вами избранной, гораздо хуже, чѣмъ положеніе монастырокъ, которыхъ вы дурно понимаете.

Что касается до того, будто духовнаго назиданія нѣтъ, то потрудитесь вновь прочесть, чтò я писалъ противъ— *умъ ститъ* у монахинь. Прибавлю здѣсь, что монахини внимательныя, и сами того не замѣчая, преуспѣваютъ въ духовномъ назиданіи. Для душевнаго знанія надо много читать; для духа довольно одного текста писанія на цѣлый день, а иногда и не на одинъ. Внимательныя монахини, внимая чтенію Псалтири, Евангелія, Апостола и другимъ положеннымъ чтеніямъ и службамъ, какъ даръ отъ Господа получаютъ то, что одинъ или два или болѣе текста прильнуть къ сердцу и займутъ собою все сознаніе сладостно и начнутъ испускать изъ себя лучи вѣдѣнія духовнаго. Получающія это не отрываютъ уже отъ нихъ вниманія, и все болѣе и болѣе развиваютъ мысли ихъ, питаются ими и насыщаются. Вотъ и непрерывная цѣпь назиданія во весь день. Назиданія полученныя симъ путемъ не забываются; ибо не памятію заучаются, а сердцемъ пріемлются. Такъ идетъ изо дня въ день. Духовное назиданіе множит-

ся, и вѣдѣніе духовное растеть, крѣпнеть и пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе полноты, пока достигнетъ цѣльности, все объемлющей. Многія монахини, и изъ простыхъ, обладають симъ достоинствомъ, хотя не трубятъ о немъ.— Сужденіе ваше о семъ дѣлѣ весьма неправо. Хотѣлъ бы приписать: сознайтесь; но вы не можете этого сдѣлать. Послѣ сами увидите.

Заключаете вы свою рецензію такъ: «въ самой жизни монастырской не вижу ничего отраднаго для духа. Зависть, злоба, ложь и деспотизмъ—вотъ главные двигатели этой замкнутой жизни; любви къ ближнему никакой». — Какіе ужасы! Волосъ дыбомъ становится. Вы точно въ адъ попали. И это еще на первыхъ порахъ. Что дальше-то будетъ?—Увы, бѣдненькая! Но я не берусь жалѣть о васъ, а напротивъ приговариваю: по дѣломъ! За криво-толкъ. Изъ предыдущихъ вашихъ сужденій ни одно не оказалось правымъ. А это изъ неправыхъ неправѣйшее есть. Тутъ одно только можно не отрицать, именно то, что вы ничего отраднаго не видите. Но вина этому не монастырская жизнь, а ваше невидѣніе. Не видите, потому что очей не имѣете, которыя бы исправно видѣли. Зависть, злоба, ложь бывають у ипшихъ, немногихъ, но не какъ постоянныя качества, а какъ случайности: бывають и сплывають. А вы всѣхъ и навсегда заклемили этими качествами. Ужъ это болѣзнь ученыхъ—все обобщать. Замѣтили вы за одною и двумя или слышали о нихъ нѣчто подобное, и тотчасъ рѣшаете: всѣ и всегда таковы. — «Люви къ ближнему нѣтъ никакой». Обитель есть общество сестръ. И онѣ не напрасно носятъ это названіе, а дѣйствительно любятъ другъ друга родственно, не плотскою, а духовною родственностію. Бывають иногда разлады; но разладятъ и опять сладятъ. И къ постороннимъ питають любовь, дѣятельно же являютъ ее, по мѣрѣ возможности, ибо сами скудны и работаютъ на монастырь. Помоганіе нуждающимся лежитъ на монастырѣ; и онъ исполняетъ это, сколько силъ достаетъ.

У насъ почти нѣтъ богатыхъ обителей. Одна-двѣ, и обчелся. Достаточныхъ довольно есть; но столько же, если не болѣе, и бѣдныхъ. По этому и судить надо объ ихъ благотворительности. А вы ни на что смотрѣть не хотите и порѣшили: любви нѣтъ.

А деспотизмъ что? Это вы снаружки смотря, видите деспотизмъ; а внутри никто его не видитъ. Потому что всѣ съ тѣмъ и въ обитель поступаютъ, чтобъ не имѣть своей воли и дѣлать что прикажутъ, не разсуждая, для чего и почему. Какъ съ этимъ условіемъ поступали, то и не видятъ ничего неправаго въ томъ, что никому не дается жить по своей волѣ. Въ этомъ основа не монастырской только, но вообще духовной жизни. Отсѣченіе своей воли и своего ума есть условіе къ преспѣванію въ духовной жизни. Жизни сей нельзя развернуть, пока въ силѣ я. Жизнь монастырская вся и направлена къ тому, чтобы стереть въ порошокъ этотъ кремневый камень. И кто охотнѣе подвергаетъ себя этому тренію, тотъ скорѣе и успѣваетъ въ духовной жизни. Вы судите по-мірски, гдѣ — *не тронь меня* составляетъ коренной законъ жизни. Что въ міру главное, тому противоположное должно быть главнымъ въ монашеской жизни. Вы—еще мірянка въ духѣ. И хотите, чтобъ монастырь дышалъ по-мірски, чтобъ вамъ просторнѣе было тамъ дышать. Но вѣдь этому сбыться нельзя. Потому собирайтесь довольствоваться тѣмъ, что противоположно міру и слѣдовательно вамъ не по сердцу.

Разгорѣлся вашъ духъ мірской и вы даете знать: «я не мало въ міру—терпѣла; но все претерпѣнное мною легче креста монастырской жизни; самое нахожденіе мое въ монастырѣ есть лютый крестъ». Это вы сказали не понимая дѣла; а больше, думаю, потому, что врагъ васъ смущаетъ и отвращаетъ сердце ваше отъ монастырей, не желая разстаться съ вами. Надо вамъ идти наперекоръ сему и понудить себя дойти до теплаго расположенія къ монастырямъ, —къ монастырямъ, какъ они есть, а не къ

идеаламъ ихъ. Поставьте это себѣ цѣлю и подвигомъ, при началѣ измѣненія вашей жизни. Безъ этого дѣло ваше не будетъ спѣться. Судя по искренности, съ которою вы о всемъ говорите, гадаю, что вы такъже искренно будете говорить о монастырѣ и монашествѣ противоположно тому, что сказали теперь. По мѣрѣ того, какъ будете втягиваться въ сію жизнь и опытно входить въ суть ея, высказанныя вами сужденія будутъ отпадать одно за другимъ.—Сего желаю вамъ отъ всей души.

XXXIV.

Пишете: «всячески стараюсь помириться съ монастырскою жизнію, и если не устроюсь жить въ монастырѣ, то пристроюсь какъ-нибудь къ монастырю и буду жить близъ его, чтобъ всегда бывать на церковныхъ службахъ». Затѣмъ прибавляете: «я перенесла непонятное смущеніе,—и страхъ, и скорбь, и буря помышлений довольно долго мучили меня. Я почти молиться не могла, однакожь молилась. Господь помиловалъ, возвратилъ покой и съ утѣшеніями. Слава Богу о всемъ».

О томъ, какъ вы устроитесь, пока лучше не гадать. Говорите себѣ: пусть будетъ, какъ Богъ устроитъ, и ждите. Господь устроитъ, какъ не чаете. Но какъ ни устроится ваша жизнь, въ монастырѣ ли, или близъ его,—и въ томъ и въ другомъ порядкѣ жизни путь ко спасенію не загороженъ, и восхожденіе къ высшимъ духовнымъ совершенствамъ не пресѣчено. Дѣло все внутри, а внѣшнее есть только приспособленіе къ внутреннему. Да созиждетъ Господь духъ вашъ, какъ должно! Тогда внѣшнее, гдѣ бы вы ни жили, подстроится къ тому само собою.

Въ тревогахъ и томленіяхъ, какія вы перенесли, нечего болѣе дѣлать, какъ терпѣть и къ Богу припадать, прося Его помощи и заступленія. Вы справедливо назвали сіи состоянія непонятными, потому что не видно причинъ,

которыя могли бы навѣять ихъ. Но потому же самому не ошибетесь, если отнесете ихъ къ врагу, который есть въ существѣ своемъ мракъ и смятеніе; почему тревоги и смущенія сопровождаютъ его, кого бы онъ ни коснулся. Однакожь и то держите въ мысли, что ничто такое не бываетъ безъ Божія поущенія. Или наказываетъ Господь за что-либо,—наипаче за превозношеніе и осужденіе, или учитъ, чтобъ, когда бываетъ на душѣ спокойно, не думали, что паше взяло, и намъ нечего ужъ беспокоиться: можно жить и спустя рукава. Вотъ и учитесь смирать себя, никого не осуждать, и всегда держать ухо остро, со страхомъ и опасливостію содѣвая свое спасеніе.

Послалъ Господь радость; благодарите Его всѣдушно, а по сторонамъ посматривайте, не тащитъ ли врагъ съ какой-либо стороны опять бремя на плечи ваши. Утѣшеніе посылаетъ Господь не во всегдашнее владѣніе, а чтобъ только внушить намъ: когда нападеть скорбь и туга, не падайте духомъ, воодушевляясь надеждою, что они скорбь пройдутъ. А скорби позволяютъ нападать, чтобъ не зазнались и не стали думать, что и на землѣ можно жить покойно, не заходя надеждами за предѣлы ея.

Выбросьте изъ головы достиженіе покоя. Не земной онъ житель, а небесный. На землю заходитъ онъ мимоходомъ. Мирное состояніе сердца—благодать Божія. Когда есть, благодарите Бога; но не присвойте его себѣ, какъ окончательно установившееся и утвердившееся состояніе. Держа себя такъ, не будете глубоко смущаться, и когда отойдетъ онъ. Богу предайте себя и принимайте съ благодарностію все, что Онъ благоволитъ послать.

XXXV.

Пишете: «всѣ монахини ко мнѣ суровы, и такъ дико смотрять, говорить съ ними не хочу».—Если онѣ и дѣйствительно суровы, а не кажутся лишь вамъ такими; то и это по дѣломъ. Какъ вы ихъ отчестили?! Еслибъ только

онѣ это узнали, досталось бы вамъ. Извольте теперь заглаждать свою вину по крайней мѣрѣ благодушнымъ перенесеніемъ ихъ суровости, хотя, какъ я увѣренъ, тоже кажущейся. Приложу къ сему: имѣйте всегда въ намѣреніи одно — держать себя въ сердцѣ къ Господу такъ, какъ слѣдуетъ, а на то, что внѣ, не обращайтесь большаго вниманія. Когда память Божія есть, сознание предстоить предъ Господомъ со страхомъ и благоговѣнствомъ и припадаетъ къ Нему въ полной преданности Его святой волѣ,—се норма должнаго держанія себя въ отношеніи къ Господу. Когда такъ есть, тогда другія пусть какъ хотятъ къ вамъ относятся. Вы только не подавайте имъ повода, и все пойдетъ у васъ въ себѣ добрѣ и предобрѣ. Что ни замѣтите въ нихъ, все предавайте Господу, не принимая на себя никакой о томъ заботы, право ли то, или неправо, будетъ ли сопровождаться какими-либо для васъ послѣдствіями, или не будетъ.

Вы постановили приговоръ: «суровы; говорить съ ними не хочу». Не такъ, а сами не заводите рѣчей ни съ кѣмъ; когда же изъ нихъ заведетъ какая, говорите поскромнѣе, посердечнѣе и покороче. Поставьте себѣ это закономъ и дѣйствуйте такъ; но не въ видѣ какого-то отщепенія за суровость, а потому что этимъ уберезетесь отъ многихъ искушеній, особенно словоохотливости пустой и безразборной.

У васъ страсть обобщать. Увидѣли одну-другую суровую;—ну всѣ суровы и сердиты, съѣсть хотятъ. А имъ и дѣла до васъ нѣтъ; каждая занята своимъ. Учитесь не расширять, а суживать свои наведенія, чтобъ не быть неправымъ судію. И въ настоящемъ случаѣ суровость одной-двухъ объясняйте какою-либо случайностію.

Прибавляете: «а тутъ горе; ноги разболѣлись, ни въ церковь не могу ходить, ни дома стоять на молитвѣ, и кажусь себѣ большою лѣнницею». Когда въ церковь не можете ходить, молитесь дома. Если дома не можете стоять на молитвѣ, молитесь сидя. И даже лежа можете исполнять всѣ, положенныя службы.

Исполняя ихъ, читайте положенное въ молитвенникахъ со всѣмъ вниманіемъ, пониманіемъ и чувствомъ. Если не можете всего вычитывать, замѣняйте недочитанное Иисусовою молитвою, трезвенно и благоговѣнно совершаемою. Можете и всякую службу всю замѣнять сею молитвою, какъ указано въ Слѣдовавшей Псалтири. Конечно, лучше бы потрудить тѣло молитвеннымъ трудомъ; но что же дѣлать, когда не даетъ болѣзнь? Чтобъ совѣсть не тревожила укорами въ лѣности, — опредѣлите длительность всякой службы часами: наприм. за заутреню пробыть въ молитвенномъ занятіи часа полтора; за вечерню съ повечеріемъ—часъ; за часы съ обѣдницею тоже часъ. И затѣмъ положенное время все иждивайте на сознательное моленіе къ Господу, Владычицѣ Богородицѣ, Ангелу хранителю, и святымъ. Моленіе же совершайте или положенными молитвами, или молитвою Иисусовою, — или попеременно, то тѣмъ, то другимъ, объ одномъ заботясь, чтобъ быть въ молитвенномъ настроеніи и сознаниемъ не отходить отъ Господа и не упускать благоговѣинства къ Нему полного. Если такъ усердно протрудите душу свою въ молитвенномъ занятіи, то совѣсть не станетъ ужасно укорять васъ въ лѣности.

Для Господа не сами по себѣ дороги стояніе на молитвѣ, вычитываніе молитвъ и поклоны; а то дорого, когда при семъ держится сердечное къ Нему обращеніе, съ преданностію въ волю Его и съ нѣкимъ болѣзновлннемъ, знаменующимъ сердечное сокрушеніе. Такъ озаботьтесь быть настроенными, въ церкви ли вы, или дома, стоите, сидите. И ходя, и лежа также надо держать себя.

XXXVI.

Вы все болите. Вѣрно, это для васъ потребно. Терпите и благодарите Господа. Вы загадываете въ затворѣ. Вотъ вамъ и затворъ! Сидите и вошійте: Господи помилуй!

Какъ сношеній съ людьми нѣтъ, то въ чемъ у васъ

теперь будетъ исполненіе воли Божіей? Ни въ чемъ, какъ въ должномъ настроеніи вашего внутренняго. А это въ чемъ? Въ непрестанной памяти Божіей со страхомъ и благоговѣнствомъ, и въ памяти смертной. Навыкъ ходить предъ Богомъ, или въ памятованіи о Богѣ есть атмосфера духовной жизни. Ему естественно слѣдовало бы быть въ духѣ нашемъ, созданномъ по образу Божію; но нѣтъ его по причинѣ отпаденія нашего отъ Бога. Въ слѣдствіе сего предлежитъ трудъ въ стяжаніи навыка ходить предъ Богомъ. Онъ состоитъ существенно въ напряженіи стоять сознаниемъ предъ лицомъ Бога вездѣсущаго; но поддерживается и другими побочными дѣланіями, входящими въ составъ духовной жизни. Но и здѣсь трудъ,—въ томъ, чтобъ направлять сіи дѣланія къ означенной цѣли. Сюда должно направлять и чтеніе, и размышленіе, и молитву, и всѣ занятія и сношенія такъ вести, чтобъ они не мѣшали и не разстроивали памяти Божіей. И то надо къ сему приспособить, гдѣ стоятъ сознаниемъ или вниманіемъ.

Умъ въ головѣ, и умовые люди (научники) все въ головѣ живутъ. Живутъ въ головѣ и страдаютъ непрестаннымъ бурленіемъ мыслей. Это бурленіе не даетъ вниманію стоять на единомъ. Не можетъ умъ стоять и на единомъ помышленіи о Богѣ, пока онъ въ головѣ. Все отбѣгаетъ и отбѣгаетъ. На этомъ основаніи желающимъ установиться въ единомъ помышленіи о Богѣ заповѣдуются оставить голову и низойти умомъ своимъ въ сердце, и тамъ стоять вниманіемъ неисходно. Только тогда, какъ умъ сочетается съ сердцемъ, можно ожидать успѣха въ памяти Божіей. Извольте теперь поставить себѣ цѣлю достиженіе сего, и начинайте движеніе къ сей цѣли. Не думайте, что это трудъ непосильный; но и того не думайте, что это такъ легко, что стоитъ только захотѣть, какъ и дѣло тутъ.

Вы исполняете всѣ церковныя службы дома. Се добръ! Но вѣдайте, что это есть только преддверіе молитвы. Это

отвѣчаетъ тому, какъ учащійся какому-нибудь языку заучиваетъ разговоры на томъ языкѣ. И молитвенный языкъ есть особый языкъ. Ему учимся изъ книгъ, содержащихъ молитвословія, кои суть бесѣды (разговоры) души съ Богомъ невидимымъ. Какъ учащійся языку, дошедши до того, что можетъ свободно на немъ объясняться, отлагаетъ разговоры и совсѣмъ забываетъ ихъ: такъ и прилежащему молитвѣ надо цѣлю впереди имѣть — достигнуть навыка—своими словами, безъ молитвенника, вести бесѣду къ Богу. Это и бываетъ, когда душа преисполнится молитвенными помышленіями и чувствами, набранными изъ готовыхъ молитвенныхъ книгъ.

Поставьте же и себѣ это именно цѣлю. Вѣдайте однакожь, что обогащеніе души такими сокровищами, т.-е. молитвенными помышленіями и чувствами,—пріобрѣтается не однимъ вычитываніемъ и выслушиваніемъ церковныхъ службъ и молитвъ, для домашняго употребленія назначенныхъ. Надо при этомъ читаемое и слышимое обдумывать и občувствовать. Для сего назначьте себѣ какой часъ,—внѣ молитвеннаго правила; берите молитвенникъ и читайте,—читайте и обдумывайте положенныя молитвы и доводите изложенныя тамъ помышленія до чувства. Когда станете потомъ совершать молитвенное правило, всѣ тѣ чувства тотчасъ возобновятся у васъ въ душѣ, и молитва ваша будетъ въ своемъ чинѣ. Сдѣлайте такъ со всѣмъ, что входитъ въ составъ молитвенника, и все тамъ содержащееся проведите чрезъ ясное пониманіе и теплое чувство. Затѣмъ по сему образцу вамъ не трудно будетъ съ яснымъ пониманіемъ и чувствомъ выслушивать и церковныя службы. Если же что окажется затруднительнымъ, можете, въ свободное отъ службъ время, брать къ себѣ церковныя книги, — и сдѣлать въ отношеніи къ нимъ тоже, чтѣ и къ домашнему молитвеннику.

Это первый пріемъ къ тому, чтобъ привлечь умъ къ сердцу, именно, чрезъ сочувствіе читаемымъ и слышимымъ молитвамъ: ибо чувства сердца обычно властвуютъ

надъ умомъ. Второй приѣмъ есть слѣдующій: когда совершите свое домашнее правило, вставляйте въ промежутки между читаемыми молитвами и свои молитвы, какія породятся дѣйствиємъ тѣхъ молитвъ. Если вы исполните, какъ должно, первый приѣмъ, то ваше молитвословіе все будетъ идти съ чувствами. Чувства сіи будутъ измѣняться соотвѣтственно содержанію молитвъ. Рѣчь моя не объ этихъ чувствахъ, а объ такихъ изъ нихъ, которыя захватятъ все сознание и сердце и свяжутъ душу, не давая ей свободно продолжать чтеніе, а все отвлекая вниманіе ея на себя. Это особыя чувства; и они какъ только родятся, поражаютъ въ душѣ и свои молитвы по роду своему. Этихъ, поражающихся въ сердцѣ, особыхъ чувствъ и молитвъ никогда не надо пресѣкать дальнѣйшимъ чтеніемъ, а остановивъ чтеніе, давать имъ свободу излиться, пока совсѣмъ изольются, и чувство станетъ ровно съ обычными молитвенными чувствами. Этотъ приѣмъ сильнѣе перваго и скорѣе сведетъ умъ въ сердце. Но дѣйствовать онъ можетъ только послѣ перваго приѣма, или совмѣстно съ нимъ.

Но къ нему надо имѣть наготовѣ еще нѣкоторый дополнительный приѣмъ, или подприѣмъ. Если совершать свое молитвенное правило, или какую церковную службу дома, по сказанному способу; то можетъ случиться, что небольшое правильце, какъ на прим. молитвы на сонъ градушимъ, и небольшая служба, какъ вечерня съ по вечеріемъ, продлятся очень долго. Но одно помышленіе объ этой длительности можетъ, или по причинѣ лѣности, или иногда по какимъ дѣламъ (марейнскимъ), заставлять если не спѣшить, то не растягивать своего молитвословія показанными вставками. А это совсѣмъ не дастъ и начало положить сказанному приѣму, а не только довести его до совершенства,—чѣмъ причинится большой ущербъ преспѣянію въ духовной жизни. Чтобъ этого не пострадать, надобно длительность своего молитвословія опредѣлить, какъ я уже писалъ вамъ, не количествомъ

молитвъ, которыя слѣдуетъ прочитать, а временемъ; именно — назначить, сколько времени провести за такимъ и такимъ правиломъ, за такую и такую службу, — насколько не увеличивая его противъ времени, обычно вами на то употребляемаго.

Положите, наприѣмъръ, на вечернюю съ повечеріемъ часъ. И читайте положенное, не о томъ заботясь, чтобы все вычитать, а о томъ, чтобы во все положенное время быть въ молитвенныхъ чувствахъ и помышленіяхъ при всемъ читаемомъ, и чтобы, если припадетъ особое чувство, не заглушить его чтеніемъ, а давать ему свободу излиться вполне. Ведя дѣло такъ, вы, можете быть, и до — *Свѣте тихій* не дойдете, какъ исполнится часъ. Какъ быть? — Закрывайте книжку, кладите нѣсколько поклоновъ съ обычными заключительными молитовками, — и вечерня ваша кончена. Обычная наша молитвенная Марѳа смутится, какъ такъ оставить службу недокончивъ ее? Но Марія не станетъ смущаться, имѣя свидѣтельство совѣсти, что служба совершена полно и достойно Бога покланяемаго. Конечно, если вы, движимыя несытостію сердца, размолвившагося, продлите свою молитву больше часа, то это не будетъ убыткомъ для искомой вами цѣли. — На другой день, начипайте свою вечерню съ того, на чемъ остановились, и продолжайте ее въ томъже порядкѣ, какъ прежде. Если опять до конца службы не дойдете, а часъ исполнится, оставляйте конецъ для слѣдующаго дня. Такимъ образомъ иной разъ положенная вечерняя служба, одна — протянется у васъ дня три и болѣе. Но каждая ее часть будетъ для васъ полная вечерня, — и Господь въ такой силѣ ее приметъ.

Симъ же образомъ извольте обращаться съ утренею, часами, обѣдницею и со всякимъ своимъ молитвословіемъ домашнимъ. Положите себѣ закономъ никогда не читать молитвы, чтобы только вычитать положенное, а чтобы быть въ молитвѣ подъ дѣйствіемъ чтенія. Читайте положенное, какъ пособіе — держать себя въ молитвенныхъ помышленіяхъ и чувствахъ.

Такъ дѣйствуя, вы навькнете всегда во время молитвословіи быть въ чувствѣ къ Богу, и умъ вашъ, будучи привлекаемъ симъ чувствомъ, будетъ стоять въ памяти Божіей. Если за тѣмъ и во время чтенія душеспасительныхъ книгъ вы будете имѣть въ виду не количество чтенія, а то же что и при молитвословіи, т.-е. свѣтлое разумнѣе читаемаго съ соотвѣтственными чувствами; то умъ и при этомъ будетъ въ сердцѣ, и память Божія не отойдетъ отъ васъ и при этомъ занятіи. Съ продолженіемъ времени все больше и больше вы будете разогрѣваться сердцемъ молитвенно, собирая туда и умъ для неотходнаго предстоянія предъ Богомъ. Время это будетъ для васъ сладкимъ временемъ, и вы будете ожидать его приближенія, какъ праздничнаго пира.

Остается еще не мало у васъ времени, и по исполненіи молитвословія и чтенія духовныхъ книгъ; и поработать надо, или принять кого, или еще какое-либо кончить подѣліе. Умъ, какъ только получитъ свободу, тотчасъ начнетъ блуждать и шататься по міру. Надобно приучить его сидѣть дома, и при этихъ занятіяхъ; и не только дома сидѣть, но и стоять неотходно предъ Богомъ. Вотъ ежели и въ этомъ успѣете, то память Божія явится у васъ водруженною въ умѣ и сердцѣ,—и вы начнете ходить неотступно въ присутствіи Божіемъ, съ достоуднымъ благоудвинствомъ,—и вступите въ атмосферу духовную, гдѣ легко будетъ вамъ дышать и летать.

ЗНАЧЕНІЕ ЗАКОНА

ПРОИСХОЖДЕНІЯ ЛЮДЕЙ ЧРЕЗЪ РОЖДЕНІЕ.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШИЯ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ (14 НОЯБРЯ).

Господь въ родъ праведныхъ (Пс. 13, 5).

Обычай праздновать въ день рожденія высокихъ лицъ есть одинъ изъ древнѣйшихъ. Изъ первой священной книги,—изъ книги бытія міра и рода человѣческаго,—мы знаемъ, что Фараонъ, царь Египта, въ день своего рожденія сдѣлалъ пиръ для всѣхъ слугъ своихъ и возвратилъ въ этотъ день главнаго виночерпія своего изъ темницы, и онъ подалъ чашу въ руку Фараону, и исполнился сонъ его, какъ истолковалъ ему Іосифъ за три дня предъ тѣмъ. Это было за восемнадцать столѣтій до Рождества Христова. Святая церковь Христова освятила этотъ обычай древнихъ народовъ. Вотъ и нынѣ въ день рожденія благочестивѣйшія Государыни нашей Императрицы Маріи Ѳеодоровны собрались мы въ храмъ Божій, чтобы возрадоваться и помолиться объ Августѣйшей матери, данной Богомъ царству російскому.

Почему Господу Богу угодно было даровать намъ бытіе чрезъ рожденіе отъ другихъ и почему день рожденія ознаменовывается празднованіемъ?

Прекрасно на первый изъ сихъ вопросовъ отвѣчаетъ великій вселенскій учитель св. Іоаннъ Златоустъ. «Богъ, говоритъ онъ, отъ начала принималъ множество мѣръ, чтобы насадить въ насъ любовь. Онъ даровалъ всѣмъ

намъ одну главу—Адама. Для чего всё мы не приходимъ изъ земли? Для чего не приходимъ совершенными возрастомъ, какъ онъ? Для того, чтобы рожденье, воспитаніе и происхожденіе другъ отъ друга привязывали насъ другъ къ другу. Потому Онъ не сотворилъ и жены изъ земли... Во всемъ этомъ заключаются естественныя залоговныя единодушія. Подлинно, къ нему приводитъ единство природы—происхожденіе жены отъ мужа и дѣтей отъ нихъ обоихъ. Отсюда происходятъ многіе роды любви: одного мы любимъ, какъ отца, другаго, какъ дѣда, одну, какъ мать, другую, какъ кормилицу, одного опять какъ сына, внука или правнука, другую какъ дочь или внуку, одного, какъ брата, другаго, какъ племянника. Впрочемъ для чего исчислять всё роды родства? Богъ употребилъ и другое побужденіе къ любви: запретивъ браки между родственниками, Онъ обратилъ насъ къ чужимъ, а ихъ расположилъ къ намъ. Такъ какъ они не соединены съ нами естественнымъ родствомъ, то Онъ соединилъ иначе—посредствомъ брака, совокупляя посредствомъ одной невѣсты цѣлыя дома и сводя цѣлыя роды съ родами»,—а мы прибавимъ,—и цѣлыя народы съ народами, какъ видимъ нынѣ въ бракахъ царскихъ. «Далѣе Богъ, говоритъ св. Іоаннъ Златоустый, устраоя, чтобы одинъ повиновался, а другой повелѣвалъ, ибо равенство чести часто производитъ вражду, учредилъ не народное правленіе, но царское, и подобно какъ въ войскѣ, такой же порядокъ можно видѣть въ каждомъ домѣ. Мужъ занимаетъ мѣсто царя, жена—мѣсто правителя и военачальника, дѣти получили власть третьей степени; затѣмъ власть четвертой степени принадлежитъ слугамъ, ибо и они имѣютъ власть надъ низшими и часто который-нибудь одинъ поставленъ бываетъ надъ всѣми. Вездѣ Богъ устроилъ степени и разнообразіе власти, дабы все пребывало въ единодушіи и великомъ согласіи». Таково богомудрое разсужденіе златословеснаго учителя вселенскія церкви.

Изъ божественнаго откровенія мы знаемъ, что Богъ Отецъ отъ вѣчности раждаетъ Единороднаго Сына, отъ вѣчности исходитъ отъ Бога Отца Святой Духъ животворящій и что между лицами Пресвятыя Троицы при единствѣ божескаго существа прѣбываетъ нераздѣльная любовь. Когда Пресвятой Троицѣ благоугодно было создать вселенную, то на твореніяхъ Божіихъ отразились въ большей или меньшей степени свойства Божіи. Человѣкъ, созданный по образу Божію, между прочими дарами почтенъ высокимъ даромъ раждать подобныхъ ему не только по тѣлу, но и по душѣ. Посему-то св. апостолъ Павелъ пишетъ: *преклоняю колѣна мои предъ Отцемъ Господа нашего Иисуса Христа, отъ Котораго именуется всякое отечество на небесахъ и на землѣ* (Ефес. 3, 14. 15).

Но чѣмъ выше и благотворнѣе даръ, тѣмъ вреднѣе злоупотребленіе. Когда созданная отъ плоти и кости Адама склонила его возстать противъ Творца своего, тогда и единство происхожденія, которое должно располагать людей ко взаимной любви, сдѣлалось источникомъ заразы грѣха и многихъ золъ для всего рода человѣческаго. Старшій сынъ Адама, несмотря на естественныя узы родства, убиваетъ младшаго, а потомки братоубійцы, соединившись чрезъ браки съ потомками ревновавшаго о богочестіи Синоа, заражаютъ ихъ такъ своимъ нечестіемъ, что весь родъ человѣческій осужденъ на потребленіе водою, кромѣ семейства Ноя; но одинъ изъ сыновъ и сего праведника такъ оскорбилъ самого родителя своего, что подвергся его проклятію, а всѣ потомки благочестиваго мужа въ послѣдствіи припались при взаимномъ согласіи за дѣло богопротивное, такъ что самъ Богъ чудеснымъ образомъ раздѣлилъ ихъ до уставленнаго имъ времени, смѣсивъ языки ихъ. Итакъ единство природы при заразѣ грѣха то не уничтожало вражды, а еще болѣе усиливало ее, то въ случаѣ согласія служило источникомъ большей заразы и большаго нечестія.

Но въ единствѣ же природы премудрый Богъ явилъ и источникъ исцѣленія и спасенія рода человѣческаго. Вотъ Самъ едиnorodный Сынъ Божій воплощается отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи и по единству природы съ нами становится новымъ Адамомъ, дабы низвести благословеніе Божіе на всѣ племена и народы и соединить ихъ крѣпкимъ союзомъ духовнаго родства—союзомъ вѣры. *Якоже единаго прерушеніемъ во вся челоушки вниде осужденіе, такожде и Единаго оправданіемъ во вся челоушки вниде оправданіе жизни* (Рим. 5, 18), говоритъ самъ Богъ устами апостола. Знаютъ вѣрующіе и вѣрные Богу родители, что одпѣ узы плотскія, при врожденной силѣ грѣха, не сильны удержать дѣтей ихъ въ повиновеніи и почтеніи къ нимъ и въ любви между собою, и потому внушаютъ имъ, что есть на небесе общій Отецъ всѣхъ людей, Который все видитъ и знаетъ и Который уготовалъ на небѣ великія блага живущимъ праведно на землѣ. Они стараются подчинить любовь къ нимъ дѣтей любви къ Весблагому Отцу небеси и земли, и Господь обращаетъ сердца дѣтей къ такимъ родителямъ и благословляетъ тѣ дома и тѣ роды, въ которыхъ устами и дѣлами славится пресвятое имя Его. *Господь въ родъ праведныхъ* (Пс. 13, 5). *Бояйся Господа почтитъ отца и яко владыкамъ послужитъ родившимъ его* (Сир. 3, 6. 7). *Блаженъ всякій боящійся Господа, ходящій въ путяхъ Его. Жена твоя, яко лоза плодовица, въ странахъ дому твоего; сынове твои, яко новосажденія масличная окрестъ трапезы твоея, и узриши сыны сыновъ твоихъ* (Пс. 127). Тѣмъ болѣе благословляется благочестіе царей земныхъ въ потомствѣ ихъ. *Клятсѣя Господь Давиду истинною и не отвержется ея: отъ плода чрева твоего посажду на престолъ твоемъ* (Пс. 131, 11). Нельзя изобразить, сколь благотворное вліяніе производятъ и на весь народъ добродѣтели царскія; ибо за добродѣтели царя Богъ изливаетъ щедроты свои и на все царство его.

Царская власть сама по себѣ есть союзъ, единымъ

скиптромъ связующій народы разныхъ вѣрѣ и племенъ; но этотъ союзъ тогда пріобрѣтаетъ особенную силу, когда главный народъ царства принадлежитъ къ одному племени и исповѣдуетъ одну вѣру. Есть и еще узы, соединяющія людей между собою. Это взаимныя ихъ выгоды при различіи способностей ихъ и силъ и при различіи даровъ природы въ разныхъ странахъ земли, а равно и взаимныя опасности; но эти узы столь слабы, что никто съ увѣренностію на нихъ положиться не можетъ. Подлинно изъ всѣхъ союзовъ сильнѣйшіе суть союзъ родства плотскаго и особенно родства духовнаго, то-есть, союзъ вѣры. Отнимите вѣру, и отнимутся и самыя блага семейной жизни, и напрасно будете праздновать день своего рожденія. Отнимите вѣру въ воздаяніе за дѣла въ будущей жизни, и тогда все извратится: жена будетъ вѣрна мужу, доколѣ не обольститъ ее другой; дѣти богатыхъ родителей съ нстерпѣніемъ будутъ ждать смерти ихъ. Никто не будетъ имѣть довѣрія къ другимъ; порядокъ общественной жизни потрясется въ самомъ основаніи своемъ. И теперь, когда заповѣди Божіи исполняются, хотя въ мѣрѣ одному Богу извѣстной, жизнь наша исполнена скорбей. *Ию тяжело на сынахъ Адамлихъ отъ дне исхода изъ чрева матере ихъ до дне погребенія въ матеръ встхъ* (Сир. 40, 1), сказалъ еще въ древности мудрецъ Израиля.

Но какъ ни тяжела бываетъ жизнь человѣческая на землѣ, однако вѣра и надежда на всеблагаго Отца небеснаго сильны усладить самыя лютыя скорби и содѣлываютъ, что земнородные празднуютъ день, въ который съ плачемъ явились въ міръ; ибо этотъ день есть провозвѣстникъ и предтеча другаго дня рожденія въ жизнь несравненно лучшую, небесную. Самое рожденіе изъ утробы матерней уже увѣряетъ насъ въ рожденіи въ иную лучшую жизнь. Мы не помнимъ, какъ жили во мракѣ матерней утробы до рожденія въ сей міръ; забудутся и здѣшнія скорби, когда Господь возьметъ насъ отъ общей

матери всѣхъ—земли, отъ этой борьбы свѣта со тьмою, въ горній, вѣчно сіяющей міръ. Высокія свойства духа человѣческаго, и по паденіи въ немъ проявляющіяся и имъ сознаваемыя, явленія душъ умершихъ изъ загробнаго міра, засвидѣтельствоваанныя многими людьми достовѣрнѣйшими, многократныя откровенія самого Бога о будущей жизни, намъ предназначенной, дѣлаютъ вѣру въ эту жизнь несомнѣнною.

«Но кто можетъ быть увѣренъ, что онъ взятъ будетъ отъ земли въ райскія обители, а не будетъ осужденъ за грѣхи свои на мученія? Умѣстно ли потому праздновать день своего рожденія до самаго преселенія отъ земли? Истинно христіанское празднованіе дня своего рожденія весьма умѣстно и благоугодно Богу; ибо въ чемъ прежде и главнѣе всего состоитъ это празднованіе? Въ благодареніи, приносимомъ Господу Богу за дарованіе намъ жизни, за блага ниспосланныя въ сей жизни, за помощь къ перенесенію бывшихъ скорбей, особенно же въ усердной молитвѣ о продолженіи этой жизни для преуспѣнія въ добрыхъ дѣлахъ и для удостоенія лучшей участи на небесахъ. Кто старается по возможности исполнять законъ Божій, а преткновенія противъ сего закона очищаетъ печалію покаянія при вѣрѣ въ безконечныя заслуги Господа Иисуса, кто трудится по мѣрѣ силъ своихъ для общаго блага и особенно претерпѣваетъ скорби отъ тѣхъ, для которыхъ несетъ труды, тотъ можетъ быть исполненъ упованія на будущую лучшую жизнь. Были люди, которые съ радостію ожидали разрѣшенія своего тѣлеснаго состава. *Желаніе имѣю разрѣшиться и со Христомъ быти*, писалъ св. апостоль Павелъ Филиппійцамъ (1, 23) и предъ своею кончиною повѣдалъ епископу Тимооею: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ. Прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, еоже воздастъ ми Господь въ день онъ, приведный Судія; не токмо же мнѣ, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Его* (2 Тим. 3, 7).

Что же касается до молитвеннаго празднованія дней рожденія наших благодѣтелей, то это нашъ священный долгъ. Святой архангелъ Гавріиль, благовѣствуя іерею Захарію о рожденіи отъ него Іоанна Крестителя, между прочимъ изрекъ: *и будетъ тебѣ радость и веселіе и мнози о рождествѣ его возрадуются* (Лук. 1, 14). Великихъ лишений исполнена была жизнь св. Іоанна въ Іорданской пустынѣ; она и отнята въ темницѣ рукою воина; но эта жизнь благотворна была для другихъ. Онъ обратилъ многихъ отъ сыновъ Израилевыхъ къ Господу Богу ихъ и указалъ міру Спасителя, за которымъ и послѣдовали лучшіе изъ учениковъ его. Посему-то вся Церковь христіанская свѣтло празднуетъ день рожденія святаго предтечи и крестителя Господня. Излишне говорить о томъ, сколь великихъ трудовъ и скорбей особенно въ настоящія времена исполнена жизнь царей земныхъ. Излишне говорить о томъ, какъ благотворны труды и заботы, которые подьсмлетъ Благочестивѣйшій Государь нашъ въ дѣлѣ устроенія своего царства. Эти труды и заботы о насъ раздѣляетъ съ нимъ и Богомъ данная ему супруга Благочестивѣйшая Государыня наша. Поэтому на вѣрныхъ подданныхъ ихъ лежитъ долгъ благодарить о нихъ Господа Бога и молиться о нихъ всегда, особенно же въ знаменательные дни жизни ихъ; а таковъ безъ сомнѣнія день рожденія Благочестивѣйшія Государыни нашей Императрицы Маріи Феодоровны.

Велико, безмѣрно велико значеніе семьи! Изъ тмочисленныхъ семействъ составляется великое царство, и единое царственное семейство держитъ и связуетъ все государство. Поистинѣ наслѣдственная власть царская отъ древнѣйшихъ временъ у народовъ всѣхъ странъ была и, безъ сомнѣнія, пребудетъ наиболѣе твердою и надежнѣйшею. Ей даетъ силу законъ, который самъ тріединный Богъ вложилъ въ нашу природу для тѣснѣйшаго соединенія людей, законъ происхожденія людей чрезъ рожденіе. И если гдѣ наиболѣе благотворно родственное единеніе,

то между членами Царствующаго Дома. Самъ Благочестивѣйшій Государь съ великимъ самоотверженіемъ и удвоенною ревностію трудится въ дѣлѣ благоустроенія своего царства, ибо онъ имѣетъ оставить престолъ свой возлюбленному своему сыну. Съ другой стороны и подданные его, отъ дней дѣтства самою природою и святою вѣрою наученные почитанію данныхъ имъ отъ Бога родителей, видятъ въ царѣ своемъ великаго отца, даннаго имъ самимъ Богомъ, а въ супругѣ его—любвеобильную мать всего царства и связуются съ ними самою тѣсною любовію.

Вознесемъ молитвы наши ко всеблагому небесному Отцу съ Единороднымъ Его Сыномъ и Всесвятымъ Духомъ, единому въ Троицѣ славимому Богу, всевышнему Царю царей, да продолжитъ Онъ въ мирѣ и благоденствіи жизнь Благочестивѣйшія Государыни нашея Императрицы Маріи Ѳеодоровны на многая лѣта, да поможетъ ей воспитать чадъ своихъ въ святой православной вѣрѣ и воодушевить ихъ на подвиги ревностнаго служенія царству російскому и даруетъ ей мудрость и силу къ содѣйствию Благочестивѣйшему Государю нашему въ исполненіи добрыхъ его намѣреній для блага нашего отечества. Аминь *).

Архим. Сергій.

*) Произнесено въ Большомъ Московскомъ Успенскомъ соборѣ 1881 года ноября 14 дня.

ПАРЕМІИ ИЗЪ КНИГИ СУДЕЙ *).

Паремія на Рождество св. Іоанна Предтечи 24 іюня и въ день памяти праведныхъ Захаріи и Елисаветы (Суд. 13, 2—8; 13, 44. 47. 48. 21).

Въ сей пареміи повѣствуется о томъ, какъ Ангелъ Господень явился Маною и женѣ его и предрекъ имъ о рожденіи отъ нихъ сына (*Самсона*).

Гл. 13. ст. 2. **Во дни оны бысть мужъ отъ колѣна Данова, и имя ему Маное, и жена его неплоды и не раждаше.**

Во дни оны. Разумѣются дни порабощенія Израильтянъ Филистимлянами въ концѣ періода Судей. О семъ ясно сказано въ предыдущемъ (7-мъ) стихѣ: «сыны Израиля продолжали дѣлать злое предъ очами Господа, и предалъ ихъ Господь въ руки Филистимлянъ на сорокъ лѣтъ». Филистимляне были потомками Хама отъ внука его Каслухима (по-славянски *Хасмоніимъ*), одного изъ сыновей Мицраима, поселившагося въ Египтѣ и давшаго свое имя этой странѣ (Быт. 10, 14). Изъ Египта, а по мнѣнію

*) Предшествующія пареміи изъ книги Судей см. въ Душ. Чтен. 1878 г., ноябрь и декабрь.

другихъ, съ острова Крита, Филистимляне переселились на юго-западный берегъ Средиземнаго моря. Такъ какъ Филистимляне, поселившись въ сосѣдствѣ съ Хананеями, извѣстны были Грекамъ и Римлянамъ больше чѣмъ послѣдніе, то по имени Филистимлянъ они называли Палестиною всю страну, занятую сначала Хананеями, потомъ Израильтянами. Во дни Авраама и Исаака Филистимляне составляли нераздѣльное царство, подъ единоличною царскою властію. Филистимскіе цари (Авимелехи) имѣли тогда столицю Герары и находились въ добрыхъ отношеніяхъ съ этими патріархами. Ихъ соединяло между прочимъ общее богопочтеніе или вѣра въ единого Бога. Во дни Моисея Филистимляне являются сильнымъ воинственнымъ племенемъ, съ которымъ опасно было сталкиваться Евреямъ на пути въ Ханаанскую землю, и потому Евреи не пошли сюда чрезъ владѣнія филистимскія, хотя чрезъ нихъ проходила кратчайшая караванная дорога въ Ханаанъ (Исх. 13, 7). При І. Навинѣ въ филистимской землѣ видимъ пять союзныхъ владѣній, изъ которыхъ каждое имѣетъ во главѣ своего князя. Числу владѣній соотвѣтствовало число главныхъ городовъ: Газа, Аскалонъ, Азотъ, Геѣъ и Аккаронъ (І. Нав. 13, 3). Филистимляне въ это и послѣдующее время преданы были грубому идолопоклонству, поклонялись Астартѣ, Дагону, Веелзевулу, содержали множество жрецовъ, прибѣгали къ чародѣямъ. Прорицалице Веелзевула привлекало къ себѣ даже иноземцевъ. Въ Аккаронѣ, гдѣ оно находилось, посылалъ пословъ израильскій царь Охозія спросить о томъ, выздоровѣетъ ли онъ (4 Цар. 1, 2). Въ періодъ Судей Филистимляне стали дѣлать нашествія на Евреевъ и тѣснили особенно сосѣднія съ ними колѣна—Симеоново, Даново, Ефремово и Іудино. Спустя столѣтіе по занятіи Израильтянами Ханаанской земли Филистимляне, производившіе разбойническія нападенія на Евреевъ, усмирены были судіею Самгаромъ (Суд. 3, 31). Позже, по смерти судіи Іаира,

Господь предалъ Евреевъ въ руки Филистимлянъ за служеніе Филистимскимъ богамъ (Суд. 10, 8). Сколько продолжалось сіе порабощеніе, неизвѣстно; но вскорѣ оно возобновилось и продолжалось непрерывно 40 лѣтъ. Оно состояло въ томъ, что Евреи были данниками Филистимлянъ (Суд. 15, 16). Причина бѣдствія была та же, что и прежде: Евреи сотворили злое предъ Господомъ,—т.-е. промѣняли служеніе Ему на служеніе языческимъ божествамъ. Но милосердый Господь уже готовилъ мстителю врагамъ своего народа въ лицѣ Самсона. Онъ двадцать годовъ былъ судіею Израиля (Суд. 15, 20) и въ продолженіе этого времени началъ спасать Израиля отъ руки Филистимлянъ (Суд. 13, 5), въ теченіе этого времени продолжавшихъ унетать Евреевъ, и хотя не успѣлъ свергнуть иго ихъ, но своими личными подвигами противъ Филистимлянъ много надѣлалъ имъ вреда, пока подъ развалинами разрушеннаго имъ идольскаго капища не погибли вмѣстѣ съ нимъ всѣ владѣльцы Филистимскіе и множество народа. Подвигами возставшаго послѣ него противъ Филистимлянъ Емегара довершено было освобожденіе Евреевъ отъ Филистимлянъ (Суд. 16, 27—31), продолжавшееся впрочемъ не долго,—при судіи и первосвященникѣ Илиіи Филистимляне снова взяли верхъ надъ Евреями.—Начало сорокалѣтняго рабства Филистимскаго совпадаетъ съ рожденіемъ Самсона. Оно было чудесно, ибо мать его, жена Маноя, жившаго въ одномъ изъ городовъ Данова колѣна, сосѣдняго съ Филистимлянами, была неплодна, пока не явился ей въ отсутствіе мужа Ангелъ Господень и не предвозвѣстилъ ей разрѣшенія неплодства.

Ст. 3. И явился Ангелъ Господень къ женѣ (Маноя) и рече къ ней: се ты неплоды, и во чревѣ приимеши и родиши сына.

Ангелъ явился, безъ сомнѣнія, въ видѣ человѣка,—какъ и Гедену въ томъ же видѣ явился ангелъ. Что это не человѣкъ, Маной и жена его узнали, какъ увидимъ,

послѣ. Уже судя по тому одному, что предрекаемое ей Ангеломъ зачатіе было неожиданно въ ея положеніи, она могла догадываться, что сынъ ея будетъ необыкновеннымъ человѣкомъ, что онъ предназначенъ къ великому дѣлу. Но вслѣдъ за симъ Ангель ясно скажетъ ей, въ чемъ будетъ состоять это великое дѣло, — именно сынъ ея «начнетъ спасать Израиля отъ руки Филистимлянъ (ст. 5).-- Ангель явился не къ мужу, а къ женѣ потому, что предсказанія, какія онъ предъявитъ ей, относятся собственно до ней, обязательны для ней, а не для мужа.

Стт. 4. 5. И ты сохранися, не пій вина и сікера и не яждь всяко нечисто, зане се ты во чревѣ примеши и родиши сына: и желѣзо не выдетъ на главу его, яко назорей будетъ отроча изъ чрева.

Имѣющій родиться отъ жены Маноя сынъ долженъ быть, по слову Ангела, назорей и притомъ отъ чрева матери, и, какъ видимъ изъ 7-го стиха, до самой смерти, на всю жизнь долженъ исполнять обязанности назорея. Назорей значитъ отдѣленный, — т.-е. обѣтомъ посвященный на особое служеніе Богу. Особенности назор служенія Богу состояли въ томъ, что назорей обязывался воздерживаться отъ винограднаго вина и сікера, т.-е. отъ всѣхъ опьяняющихъ напитковъ, приготовленныхъ на примѣръ изъ хлѣба, яблочнаго сока, финиковъ и т. п., даже отъ уксуса, не долженъ ѣсть ничего, что дѣлается изъ винограда, отъ зеренъ до кожи. Во всѣ дни обѣта назорейства бритва (*желѣзо*) не должна касаться головы его. Подобно первосвященникамъ, назорей не долженъ подходить къ мертвому тѣлу, не прикасаться, подъ опасеніемъ оскверненія, къ трупамъ даже отца, матери, братьевъ и сестеръ своихъ. Если же даже нечаянно кто умретъ при немъ, то онъ осквернитъ тѣмъ голову назорейства своего, и долженъ остричь свою голову и снова начать обѣтъ

свой, а прежніе дни обѣта не зачитаются. По окончаніи срочныхъ дней обѣта, назорей разрѣшался отъ него принесеніемъ тройкой жертвы и сожженіемъ волосъ на жертвенникѣ (Числ. гл. 6). Все это относится къ временнымъ назореймъ. Законъ Моисеевъ не упоминаетъ о назорейяхъ пожизненныхъ, къ разряду которыхъ принадлежалъ сынъ Маноя и впослѣдствіи Іоаннъ Креститель. Къ назореймъ пожизненнымъ, какъ видно изъ жизни Сампсона, правила назорейства не строго примѣнялись. Сампсонъ назначенъ былъ къ борьбѣ съ Филистимлянами. Потому для него неизбѣжны были соприкосновенія съ мертвыми, съ трупами убитыхъ имъ враговъ. Сампсонъ не почиталъ это оскверненіемъ для себя, нарушеніемъ назорейства, а потому не снималъ съ себя волосъ послѣ каждаго случая соприкосновенія съ мертвецами и не возобновлялъ каждый разъ назорейства. Самъ Господь снисходительно взиралъ на такое отношеніе Сампсона къ назорейству. Бл. Феодоритъ говоритъ: «Жажущему Сампсону Богъ далъ воду, повелѣвъ источить ее язвинѣ на ослиной челюсти. А челюсть сія по закону была тройко нечиста; потому что осель и живой нечистъ, и еще нечистъ какъ мертвый, а содѣлавшееся убійственнымъ орудіемъ и поразившее тысячи иноплеменниковъ имѣло особую еще нечистоту. Однакоже самъ Законоположникъ изъ сего самаго, а не изъ другаго чего, удовлетворилъ Сампсоновой потребности въ водѣ» (На книгу Судей вопросъ 22).— Такъ какъ Сампсону суждено быть назореемъ отъ чрева матери, то по повелѣнію ангела сама мать для того, чтобы облегчить сыну несеніе обязанностей назорейства, должна была во все время чревоношенія и млекопитанія воздерживаться отъ всего, что запрещено назореймъ, потому что дѣти легко наслѣдуютъ склонности и привычки матерей.—*Не яждь всяко нечисто.* Подъ нечистымъ здѣсь разумѣются не тѣ только свѣди, которыя воспрещены, подъ именемъ нечистыхъ, всѣмъ Израильтянамъ, но вмѣстѣ и тѣ, употребленіе которыхъ воспрещено собственно назо-

реямъ, хотя разрѣшено вообще Израильтянамъ. Однѣ и тѣже снѣди, на примѣръ лепешка изъ винограда, для послѣднихъ были чисты, для назореевъ же печисты.—Какое отношеніе къ назорейству имѣло отращеніе волосъ? Можно думать, что это, равно какъ воздержаніе отъ прохладительныхъ напитковъ—вина съ водою и уксуса, имѣло значеніе самоотверженія въ жаркой странѣ, особенно для человѣка, который, какъ Самсонъ, долженъ былъ совершать свои подвиги въ полѣ и терпѣть зной. И только за это самоотверженіе Господь надѣлилъ Самсона необыкновенною физическою силою, которая отступила отъ него потому собственно, что съ остриженіемъ ему волосъ отступила отъ него благодать Божія въ наказаніе за то, что онъ далъ увлечь себя женщинѣ, и по пристрастію къ ней пренебрегъ своимъ назорействомъ, допустивъ, по ея требованію, лишить его того, въ чемъ состояло отличіе его, какъ назорея, отъ прочихъ людей, уничтожить въ немъ главный внѣшній признакъ посвященія его Богу. Пренебреженіемъ къ этому внѣшнему отличію Самсонъ засвидѣтельствовалъ оскуднѣніе въ немъ внутренней преданности Господу, утрату душевной чистоты и силы воли для борьбы со страстями.

Стг. 6. 7. **И видѣ жена, и рече мужу своему, глаголющи яко человекъ Божій прииде ко мнѣ, и образъ его, яко образъ ангела Божія, страшень зѣло. И рече: се во чревѣ зачнеши и родиши сына, и нынѣ не пій вина ни сікера, и не яждь всякаго нечистаго, яко назорей Богу будетъ отрочищъ отъ утробы даже до дне смерти своея.**

Жена Маноя, сообщая ему о явленіи къ ней необыкновеннаго вѣстника и о его рѣчахъ къ ней, называетъ его человекомъ Божиимъ. Этимъ именемъ назывались пророки. Такъ самъ Моисей названъ человекомъ Божиимъ (Второз. 33, 1). Жена Маноя почла явившагося къ ней за пророка главнымъ образомъ по необыкновенному содержанію его рѣчи. Но наружность явившагося про-

извела на нее такое впечатлѣніе, что онъ казался ей ангеломъ Божиимъ, существомъ нездѣшняго міра: лице его блистало необыкновеннымъ свѣтомъ и возбуждало страхъ. По слову ангела, имѣющій родиться отрокъ будетъ назореемъ до самой смерти. Повидимому это предсказаніе не сбылось. Назорейство обязывало назорея къ тому, чтобы онъ, отличаясь отъ прочихъ наружностію и удаленіемъ отъ всего нечистаго, соблюдалъ соотвѣтственно сему нравственную чистоту и ревновалъ о святости жизни. Сампсонъ, какъ извѣстно, не соблюлъ нравственной чистоты, осквернялъ себя плотскими грѣхами, и наконецъ пренебрегъ внѣшнимъ отличіемъ назорейства. Для того, чтобы все это не казалось противорѣчіемъ предсказанію Ангела, можно понимать это предсказаніе или въ смыслѣ заповѣди *), или въ томъ, что хотя Сампсонъ поступалъ несогласно съ духомъ и закономъ назорейства, но подъ конецъ жизни, вразумленный бѣдствіями въ плѣну филистимскомъ, онъ раскаялся въ своихъ паденіяхъ и умеръ неукоризненнымъ назореемъ.

Ст. 8. И помолися Маное Богу и рече: во мнѣ Господи, человекъ Божій, егоче послалъ еси къ намъ, да приидеть еще къ намъ и наставитъ ны, что сотворимъ отроцати раждающемуся.

Узнавъ отъ жены слова, сказанныя ей Ангеломъ, Маной не усомнился въ истинѣ ихъ; но взвѣсивая важность обязанностей въ отношеніи къ имѣющему родиться сыну, предстоящихъ не только матери, но вмѣстѣ, по его мнѣнію, и отцу, Маной пожелалъ точнѣе узнать волю Божию относительно этихъ обязанностей. Онъ сталъ молить Господа, да пошлетъ Онъ къ нимъ вторично вѣстника Его воли для объясненія, что имъ должно дѣлать въ отношеніи къ сыну, предназначаемому спасти Израиля отъ руки Филистимлянъ. Ангель сказалъ женѣ Маноя, что

*) „Ты завтра придешь ко мнѣ“,—говоритъ хозяинъ подчиненному вмѣсто: „завтра приходи ко мнѣ“

она должна дѣлать; но Манюю хотѣлось знать, не нужно ли и ему что-нибудь особенное дѣлать, когда родится у нихъ сынъ, какое участіе ему предстоитъ въ дѣлѣ воспитанія отрока. *Во мнѣ Господи*, сказалъ Маной, высказывая предъ Господомъ свои заботы. *Во мнѣ*, т.-е. у меня вотъ о чемъ дума, вотъ о чемъ забота.

Ст. 13. 14. Прииде же Ангелъ въ Манюю и рече: отъ воѣхъ, яже глаголахъ въ женѣ, да сохранится, отъ всего, еже исходитъ изъ винограда, не ясть и вина и сікера да не пїеть.

По молитвѣ Манюя Ангелъ снова является и повторяетъ наставленія, уже данныя женѣ Манюя (ст. 4), только съ прибавленіемъ, чтобы она, согласно закону о назорейхъ (Числ. 6, 3), не ѣла ничего, что готовится изъ винограда. Само собою разумѣется, что этотъ законъ мать должна соблюдать для того, чтобы приготовиться къ воспитанію будущаго назорея. Самому Манюю Ангелъ не предлагаетъ особыхъ наставленій. Маной долженъ былъ понять, что ему остается только содѣйствовать женѣ въ исполненіи возложенныхъ на нее обязанностей.

Выслушавъ слова Ангела, Маной, какъ видно изъ дальнѣйшихъ трехъ стиховъ (14. 15. 16), не вошедшихъ въ паремію, попросилъ у него позволенія угостить его, какъ просилъ подобнаго позволенія у ангела Гедеонъ (Суд. 6, 18). Маной потому обратился съ такимъ предложеніемъ къ Ангелу, что почиталъ его за пророка. Но Ангелъ потребовалъ отъ него всесоженія,—жертвы Богу.

Ст. 17. И рече Маное ко Ангелу Господню: что имя твое? да егда сбудется слово твое, прославимъ тя.

Изъ этихъ словъ Манюя видно, что онъ все еще не догадывался, съ кѣмъ бесѣдуетъ. Онъ продолжаетъ видѣть въ немъ только человѣка Божія и желаетъ знать имя его,—имя личное и по званію,—для того, чтобы въ случаѣ, если сбудется предсказаніе его о рожденіи сына

отъ неплодной матери, можно было, зная его имя, отыскать челоуѣка Божія и прославить его, т.-е. почтить его словесною благодарностію и вещественными дарами. Подобными подарками Валакъ обѣщаль почтить Валаама, если его предсказанія будутъ благопріятны (Числ. 22, 17. 37; 24, 11).

Ст. 18. И рече ему Ангель Господень: почто сіе вопрошаеши имене моего? И то есть чудно.

Вопросъ Маноя и отвѣтъ Ангела одинаковы съ вопросомъ Іакова, боровшагося ночью съ таинственнымъ незнакомцемъ, и съ отвѣтомъ ему послѣдняго. По окончаніи борьбы, Іаковъ спросилъ незнакомца: «повѣждь ми имя твое», и получилъ отвѣтъ: «вскую сіе ты вопрошаеши имене моего? Еже чудно есть» (Быт. 32, 29).—*Почто сіе вопрошаеши имене моего*, говоритъ Ангель Маной, т.-е. напрасно любопытствуешь знать мое имя, какъ свойственно любопытнымъ людямъ освѣдомляться объ имени лицъ, впервые съ ними встрѣчающихся. Ты принимаешь меня за челоуѣка и думаешь, что я ношу обыкновенное челоуѣческое имя. Нѣтъ,—мое имя не принадлежитъ къ числу челоуѣческихъ именъ,—оно *чудно*,—чудно, какъ имя существа, предъ величіемъ котораго всякъ умъ изумѣваетъ, всякая высота смиряется, всѣ Силы небесныя со страхомъ и трепетомъ повергаются.—Изъ послѣдующихъ дѣйствій Ангела Маной и жена его узнали, что это не челоуѣкъ, и вообще не тварь, а самъ Господь (ст. 22), и что слѣдственно настоящее имя его есть имя Божіе. Эти дѣйствія описываются въ дальнѣйшихъ двухъ стихахъ, 19-мъ и 20-мъ, невошедшихъ въ паремію. Въ нихъ идетъ рѣчь о жертвоприношеніи, котораго потребоваль Ангель. «Маной взялъ козленка и хлѣбное приношеніе и вознесъ Господу на камнѣ. И сдѣлалъ Онъ (Господь) чудо, которое видѣли Маной и жена его. Когда пламень сталъ подниматься отъ жертвенника къ небу, Ангель Господень поднялся въ пламени жертвенника». Произошло тоже, что съ жер-

твою Гедеона. Какъ жертва Гедеона воспламенилась отъ огня, исторпшагося изъ скалы вслѣдъ затѣмъ, какъ Ангель прикоснулся къ жертвѣ жезломъ: такъ и чудо воспламененія жертвы Маноя совершилось, вѣроятно, одинаковымъ образомъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь жрецомъ былъ Ангель, и какъ тамъ, такъ и здѣсь Ангель же въ пламени жертвы, неопалаемый имъ, вознесся къ небу и тѣмъ далъ понять, что жертва принята Богомъ, Ему угодна. «Видя это, Маной и жена его пали лицомъ на землю», воздавая божеское поклоненіе Ангелу Господню, въ которомъ узнали самого Бога. Послѣднее видно изъ словъ Маноя, сказанныхъ имъ, когда скрылся Ангель. Онъ тогда сказалъ женѣ своей: «вѣрно мы умремъ, ибо видѣли мы Бога» (ст. 22). Но это не вошло въ паремію, — она заключается стихомъ 21-мъ, гдѣ сказано, что Ангель Господень, совершивъ чудо, мгновенно скрылся съ глазъ Маноя и жены его.

Ст. 21. И не приложи етому Ангель Господень явится къ Маною и женѣ его.

Маной и жена его уже болѣе не видѣли Ангела Господня, или самаго Бога, явившагося въ образѣ Ангела, вѣстника воли Божіей, принявшаго притомъ видъ чловѣка. Должно думать, что подъ симъ образомъ явился Сынъ Божій, второе лице св. Троицы. Сынъ Божій не только являлся людямъ, напримѣръ Гедеону (Суд. 6. 11. 14. 16. 23), подъ образомъ сотвореннаго Ангела, но и прямо въ ветхозавѣтномъ писаніи именуется Ангеломъ, — именно *Ангеломъ великаго совѣта* (Иса. 9, 6), *Ангеломъ завѣта* (Мал. 3, 1), въ томъ смыслѣ, что Онъ, какъ мы уже сіе замѣтили при изъясненіи одной изъ предшествующихъ паремій книги Судей, положенной на праздникъ Архистратига Михаила *), — есть посредникъ между Богомъ и людьми, вѣстникъ и исполнитель предвѣчнаго Божескаго совѣта о спасеніи людей, предвѣчное Слово Отца, проявляющее

*) Душеп. Чтен. 1878, ноябрь, стр. 371.

Его людямъ.—Даже то, что явившійся Маною Ангель назвалъ имя свое *чуднымъ*, напоминаетъ объ одномъ изъ именъ, какимъ нарекъ пр. Исаія имѣющаго родиться отъ Дѣвы Сына Божія: «и нарицается имя Его великаго совѣта Ангель, *чуденъ*» (Иса. 9, 6).

Разсмотрѣнную паремію положено читать въ праздникъ Рождества Предтечи и въ день памяти его праведныхъ родителей,—по сходству обстоятельствъ рожденія Сампсона и Іоанна Предтечи. Мать Сампсона была неплодна: и мать Іоанна Предтечи Елисавета была тоже неплодна. О разрѣшеніи неплодства той и другой предвозвѣстилъ Ангель. Неплодство обѣихъ разрѣшено чудеснымъ образомъ. Какъ Сампсонъ, такъ и Іоаннъ Креститель, по ангельскому предвозвѣщенію, были назорейми отъ чрева матери. Разность только въ лицахъ, предвозвѣстившихъ рожденіе Сампсона и Іоанна Предтечи: о рожденіи перваго возвѣстилъ несотворенный Ангель, самъ Сынъ Божій; о рожденіи послѣдняго—Ангель сотворенный, Архангель Гавріиль (Лук. 1, 19).

Прот. В. Нечаевъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДОНЕСЕНІЯ

МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА СВ. СИНОДУ О
СОСТОЯНІИ МОСКОВСК. ЕПАРХІИ ВЪ 1846 ГОДУ.

Надзоръ за исполненіемъ православнымъ народомъ христіанскихъ обязанностей продолжаемъ былъ посредствомъ разсматриванія исповѣдныхъ вѣдомостей, и особенныхъ наставленій и побужденій, лично дѣлаемыхъ тѣми священниками, въ приходахъ которыхъ число небывшихъ у исповѣди и святаго причастія найдено значительнымъ и возрастающимъ. Число небывшихъ въ 1846 г., противъ предшествовавшаго, уменьшилось 610 человеками мужскаго, 1967 женскаго пола. Меньшій успѣхъ назиданія въ мужскомъ, полѣ противъ женскаго частію изъясняется отвлеченіемъ мужскаго пола отъ своихъ мѣстъ для промысловъ, которое, какъ жалуются нѣкоторые священники, продолжается даже и на послѣдней недѣлѣ великаго поста.

Не столь утѣшительный видъ представляетъ въ истекающемъ годѣ численность раскола. Число раскольниковъ оказывается увеличившимся 440 душами мужскаго и 591 женскаго пола. Частію сіе можетъ быть изъясняемо рожденіемъ дѣтей у раскольниковъ; но по дѣламъ управленія видно, что есть и совращенія. Цвѣтущій и богатый видъ Рогожскаго поповщинскаго и Преображенскаго безпоповщинскаго кладбищъ, однихъ привлекаетъ къ заблужденію, другимъ препятствуетъ отстать отъ заблуждающихъ. Сельскіе раскольники на вразумленіе неоднократно отзывались такъ: посмотримъ, что будетъ съ Рогожскимъ кладбищемъ; если тамошніе, то и мы пойдемъ въ церковь.

Въ семь году скрытно пришелъ въ Москву лишенный въ 1837 г. священническаго сана и бѣжавшій изъ Юрьевскаго Архангельскаго монастыря Влад. епархіи Ѳеодоръ Соловьевъ, и въ частномъ домѣ обвинчалъ отъ 40 до 60 раскольническихъ браковъ, прежде нежели открытъ полиціею и преданъ суду. Какимъ образомъ человекъ, котораго существованіе въ Москвѣ было тайною, въ то же время сдѣлался извѣстенъ раскольникамъ разныхъ мѣстъ московской, костромской, владимірской и калужской губерній? Какъ они увѣрились, то отъ него можно получить браковѣнчаніе, и что оно годится для нихъ? Какъ нашли они его въ Москвѣ, живущаго безъ вида скрытно? Къ

разрѣшенію сихъ вопросовъ нельзя нигдѣ найти ключа, кромѣ Рогожскаго кладбища. Только подъ его покровительствомъ онъ могъ, будучи скрытъ, сдѣлаться далеко извѣстенъ, и получить довѣріе у раскольниковъ.

Нѣкоторые лица, прежде обличенныя въ принадлежность къ хлыстовской сектѣ, бывшія потому въ монастыряхъ и въ слѣдствіе принесеннаго покаянія освобожденные, вновь оказались участвующими въ хлыстовскихъ собраніяхъ, о чемъ по гражданскому вѣдомству происходитъ разсмотрѣніе. Декабря 31-го, 1846.

РЕЗОЛЮЦІИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

Намѣстникъ Чудова монастыря спрашивалъ, какимъ-бы наречъ именемъ готовящагося къ постригу священника N.—Резолюція отъ 17 іюня 1850 года: «Если попросить имени по своему обѣту, дать. Если нѣтъ, наречъ Стефаномъ и предать въ покровительство первомученика».

1861, окт. 7. «Въ монастырѣ все должно быть направлено къ духовному благоустройству и спасенію сестръ, и, сколь возможно, къ неизмѣнному сохраненію отцепеданнаго чина. Не должно развлекаться внѣшними видами (*умноженіемъ рукодѣльныхъ занятій*). Прилично обители, чтобы на славословіе Божіе посвящаемо было раннее бодрственное утро (*а не съ вечера была зимой всемошная*)».

1862, авг. 28. «Церковно-строительный капиталъ назначенъ для споспѣшествованія обращенію частныхъ домовъ причта въ церковныя, а не для частныхъ долговъ (*на уплату кредиторамъ*), предъ которыми имѣющійся капиталъ ничтоженъ и не довольно безопасенъ, потому что лица мѣняются, и притомъ съ разными обстоятельствами, часто непредвидѣнными».

1849, ноября 14. «Богъ благословитъ неизвѣстнаго ревнителя о благочиніи церковномъ. Отдать сіе (*письмо*) въ консисторію, чтобы члены протоіереи прочитали и пересказали прочимъ благочиннымъ, и совѣтовали бы причетникамъ одѣваться по церковному, а не по-свѣтски, и на брадобритіе времени и денегъ не тратить. Молодые

причетники увлеклись свѣтскимъ обычаемъ: хорошо было бы, еслибы напротивъ старыя подали примѣръ возвращенія къ церковному, по своему доброму изволенію, не ожидая понудительныхъ мѣръ отъ начальства».

1853, нояб. 29. «Поелику рожденіе младенца должно быть внесено въ метрическую книгу немедленно, чего требуетъ хронологическій порядокъ записи; а рѣшеніе настоящаго дѣла (*начатаго по прошенію колл. ассессора о признаніи младенца, какимъ имѣетъ разрѣшиться отъ бремени жена его, незаконнорожденнымъ*) за производствомъ изслѣдованія можетъ отдалиться: то предписать священнику, чтобы, если младенецъ объявленъ будетъ незаконнорожденнымъ, такъ его и записалъ; а если объявленъ будетъ законнорожденнымъ, то, не именуя его таковымъ въ записи, отмѣтилъ, что законность рожденія его подлежитъ изслѣдованію по производящемуся въ консисторіи дѣлу».

1863, мая 30. «Первый пунктъ (*консисторской резолюціи: учрежденіе харчевныхъ и питейнаго для продажи пива и меда заведенія при такихъ-то церквахъ, оставить безъ преслѣдованій*) излишній, и не консисторскому рѣшенію подлежитъ оставленіе или уничтоженіе питейныхъ заведеній. Еслибы сіе предоставлено было консисторіи: то ей свойственнѣе было бы удалить отъ церквей питейныя заведенія, устрояемыя не для нужды, а для того, чтобы лакомствомъ и пьянствомъ соблазнять и истощать народъ».

Приказнослужители консисторскіе забирали казенное свое жалованье впередъ подъ росписки. Владыка написалъ по этому случаю (1 марта, 1833 г.): «худое дѣло заирать подъ росписки. Бѣдный не дѣлается богатѣе, съѣдая свои будущіе мѣсяцы и годы. Лучше чаще выдавать, но выдавать заслуженное».

1861 апр. 3. «Священникъ Станиславлевъ жалуется, что безъ его вѣдома раскольникъ выдалъ въ замужество дочь. Духовному правленію спросить священника, чтѣ же долженъ былъ сдѣлать раскольникъ въ семъ случаѣ, и чтѣ онъ священникъ».

Сообщилъ Архим. Григорій.

ОГЛАВЛЕНІЕ III-Й ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1881 Г.

СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ И ДЕКАБРЬ.

Стр.

1. Толкованіе посланія святаго Апостола Павла къ Тимооею.....	3 — 29	126—158
	257—279	385—410
1. Слова Преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Симеона Новаго Богослова.....	30 — 34	30— 34
3. Дѣятельныя и богословскіи главы преподобнаго Симеона Новаго Богослова.....	30 — 34	159—170 280—313
4. Русскаго на Аѳонѣ Наятелимонова монастыря іеромонахъ Арсеній.....		49 — 64
5. Очищеніе земли. По новоду полугодовщины событія 1-го марта.....		65 — 79
6. Нечестивыя сужденія по новоду усердія народа къ святынѣ.....		79 — 89
7. Случай въ приходскомъ храмѣ 6 августа.....		90 — 94
8. Образъ и подобіе Божіе въ челоуѣкѣ. Слово въ день перукотвореннаго образа Спаса (16 августа).....		95 —101
9. Уроки покаянія, заимствованныя изъ Евангелія въ великомъ канонѣ св. Андрея Критскаго....	102—115	336—355
10. Письма въ разнымъ лицамъ и о разныхъ предметахъ вѣры и жизни.....	116—120 356—370	171—182 474—491
11. Поученія по руководству Пролога.....	121—125	251—253 377—379
12. Резолюція моск. митр. Филарета.....	126—128 379—384	254—255 512—513
13. Письма моск. митр. Филарета.....		128. 256
14. Мірскія занятія признаваемыя церковнымъ правомъ несомнѣстимыми съ служеніемъ духовныхъ лицъ.....		182—208
15. Схимонахъ Филиппъ, основатель Пенцерной обители и Киновіи Боголюбивой Богоматери, при Геоспманскомъ святѣ близъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.....		209—255
16. Язычество въ христіанскомъ мірѣ. Слово.....		242—251
17. Челоуѣкъ и животное.....	314—327	433—448
18. Голосъ мірянина.....		328—335
19. Слово о закрытіи питейныхъ домовъ въ приходѣ....		371—376
20. Нѣсколько изреченій моск. митр. Филарета.....		384
21. Подвижническое слово Старца Симеона благоговѣйнаго.....		411—432
22. О слѣпотѣ душевной.....		449—465
23. Благотвореніе и общеніе.....		466—473
24. Происхожденіе людей чрезъ рожденіе.....		492—499
25. Паремія изъ книгъ Судей.....		500—510
26. Извлеченіе изъ донесенія Московск. митр. Филарета свят. Синоду о состояніи Москов. епархіи въ 1846 г.		511—512

ОБЪ ИЗДАНИИ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ ВЪ 1882 ГОДУ.

1. Астраханскія Епархіальныя Вѣдомости, съ отдѣломъ официальнымъ и неофициальнымъ. Выходятъ еженедѣльно. Цѣна съ пересылкой 5 р. Адресъ: въ редакцію „Астраханскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ при духовной семинаріи, въ Астрахань.

2. Владимірскія Епархіальныя Вѣдомости, издаются два раза въ мѣсяцъ, выпусками отъ 3 до 4 листовъ. Цѣна 4 р. 60 к. съ пересылкою. Адресъ: въ губ. г. Владиміръ, въ редакцію Епархіальныхъ Вѣд.

3. Вологодскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна 3 р. съ перес. Адресъ: въ редакцію „Вологодскихъ Епарх. Вѣд.“, при духовной семинаріи, въ Вологдѣ.

4. Волынскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ два раза въ мѣсяцъ. 1 и 16 чиселъ. Цѣна 4 руб. 50 к. съ пересылкою. Адресъ: въ г. Кременецъ, въ редакцію „Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“.

5. Воронежскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ дважды въ мѣсяцъ выпусками отъ 3½ до 4 листовъ и болѣе. Цѣна 4 р., съ перес. 5 р. с. Адресъ: въ Воронежъ, въ коптору редакціи „Воронежскихъ Епарх. Вѣдомостей“, при духовной семинаріи.

6. Вятскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна въ редакціи 4 р., съ пересылкою 5 руб. Адресъ: въ Вятку, въ редакцію „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, при духовной семинаріи.

7. Донскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ еженедѣльно. Цѣна 4 рубля. Адресъ: въ г. Новочеркасскъ, въ редакцію „Донскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“.

8. Иркутскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ еженедѣльно. Цѣна въ Иркутскѣ 5 р., съ перес. 5 р. 50 к. Адресъ: въ Иркутскъ, въ редакцію „Епарх. Вѣдомостей“.

9. Кавказскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна съ перес. 5 р. Адресъ: въ Ставрополь, въ редакцію, въ архіерейскомъ домѣ.

10. Калужскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна 3 р. 70 к. Адресъ: въ Калугу, въ редакцію „Епархіал. Вѣдом.“

11. Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ два раза въ мѣсяцъ— выпусками отъ 1½ до 3 листовъ. Цѣна съ перес. 4 рубля Иногородные адресуются: въ редакцію „Кіевскихъ Епарх. Вѣд.“, въ Кіевъ.

12. Курскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ дважды въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ, выпусками отъ двухъ до трехъ печатныхъ листовъ.

Цѣна годовому изданію 5 р. съ пересылкою. Адресъ: въ Бѣлгородъ, Курской губерніи, въ редакцію „Курскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, при семинаріи.

13. Литовскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна 5 р. с. Адресъ: въ Вильну, въ редакцію „Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“.

14. Минскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна 5 рублей съ пересылкою. Адресъ: въ Минскъ, въ редакцію „Минскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“.

15. Нижегородскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна 2 р. 50 к. съ пересылкою. Адресоваться: въ Нижній Новгородъ, въ редакцію „Нижегородскихъ Епарх. Вѣдомостей“, при духовной семинаріи.

16. Новгородскія Епарх. Вѣдомости. Цѣна 2 р. 25 к. съ пересылкою.

17. Оренбургскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Ц. 6 р. съ перес. Адресъ: въ Оренбургъ, въ редакцію Вѣдомостей.

18. Орловскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна годовому изданію 4 р. 50 к. Адресъ: въ Орелъ, въ редакцію „Орловскихъ Епарх. Вѣдомостей“, при духовной семинаріи.

19. Пензенскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ два раза въ мѣсяцъ, выпусками въ 3 и болѣе листа. Цѣна въ редакціи 4 р. 50 к., съ пересылкою 5 р. Адресъ: въ Пензу, въ редакцію „Епарх. Вѣдомостей“, при духовной семинаріи.

20. Пермскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ еженедѣльно по средамъ. Цѣна за годъ 5 р. съ пересылкою. Адресъ: въ Пермь, въ редакцію „Пермскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“.

21. Подольскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна съ пересылкою 5 рублей. Адресъ: въ Каменецъ-Подольскъ, въ редакцію „Епарх. Вѣд.“, при дух. семинаріи.

22. Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна 4 рубля, съ пересылкою 5 рублей сер. Адресъ: въ Полтаву, въ редакцію „Епархіальныхъ Вѣдомостей“.

23. Рязанскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна 4 р. 50 к., а съ пересылкою 5 р. Адресъ: въ Рязань, въ редакцію «Епархіальныхъ Вѣдомостей», при духовной семинаріи.

24. Самарскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна 4 р. съ пересылкою. Адресъ: въ редакцію «Самарскихъ Епарх. Вѣдомостей», при духовной семинаріи, въ г. Самарѣ.

25. Саратовскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ 1 и 16 чиселъ. Годовая цѣна 5 р. съ перес. Адресъ: въ Саратовъ, въ редакцію «Епархіальныхъ Вѣдомостей».

26. Смоленскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна 4 р. 50 к., съ перес. Адресъ: въ Смоленскъ, въ редакцію «Смоленскихъ Епарх. Вѣдомостей».

27. Таврическія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ 1 и 15 чиселъ каждаго мѣсяца. Адресъ: въ Симферополь, въ редакцію «Таврическихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», при Таврической духовной консисторіи. Годовая цѣна съ пересылкою 5 руб. (безъ пересылки 4 р.).

28. Тамбовскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ два раза въ мѣсяць. Цѣна 5 р. съ перес. Адресъ: въ Тамбовъ, въ редакцію «Епарх. Вѣд.», при духовной семинаріи.

29. Томскія Епарх. Вѣд. Адресоваться въ редакцію при Томской Дух. семинаріи. Цѣна 5 р. съ пересылкою.

30. Тульскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ дважды въ мѣсяць, отъ 4 до 4½ листовъ. Цѣна 5 р. съ пересылкою, а безъ пересылки 4 р. 20 к. Адресъ: въ Тулу, въ редакцію «Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей».

31. Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ два раза въ мѣсяць. Цѣна 4 руб., съ пересылкою 5 руб. Адресъ: въ редакцію „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣд.“, въ Харьковѣ.

32. Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ два раза въ мѣсяць, книжками въ 8-ку, изъ 4 и болѣе листовъ. Цѣна 5 рублей съ пересылкою. Адресъ: въ Одессу, въ редакцію „Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“.

33. Холмско-Варшавскій Епархіальный Вѣстникъ выходитъ два раза въ мѣсяць. Адресъ: въ Варшаву, въ редакцію. Цѣна 5 р.

34. Черниговскія Епархіальныя Извѣстія выходятъ два раза въ мѣсяць съ прибавленіями. Цѣна 4 рубля 50 коп. съ пересылкою. Адресъ: въ Черниговъ, въ редакцію „Епархіальныхъ Извѣстій“, при семинаріи.

35. Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости выходятъ еженедѣльно, выпусками до 2 листовъ въ 4 д. Цѣна 4 рубля. Адресъ: въ Ярославль, въ редакцію „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, при духовной консисторіи.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Твореній Святыхъ Отцевъ.

Изданіе Твореній Св. Отцевъ съ Прибавленіями духовнаго содержанія, возобновленное съ 1880 года, будетъ продолжаться въ 1882 году и состоятъ изъ четырехъ книжекъ въ годъ, изъ которыхъ въ каждой будетъ отъ 15 до 20 листовъ текста. Въ переводной части будетъ продолжаемо печатаніе Твореній Св. Кирилла Александрійскаго и печатаніе Твореній Св. Епифанія Кипрскаго. Творенія того и другаго отда будутъ печататься черезъ книжку. Въ Прибавленіяхъ будутъ помѣщены статьи, касающіяся ученія вѣры, христіанской нравственности и исторіи церкви и сверхъ того статьи критико-библіографическія.

Въ концѣ каждой книжки будутъ печатаемы журналы собраній Совѣта Московской Духовной Академіи.

Цѣна годоваго изданія пять рублей съ пересылкою.

Редакція проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ адресоваться въ Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, въ редакцію „Твореній Св. Отцовъ“.

Изъ редакціи Твореній Св. Отцевъ могутъ быть выписываемы слѣдующія отдѣльныя изданія:

Цѣны съ пересылкой:

Творенія Св. Василия Великаго 7 томовъ	10 р. 50 к.
Аѳанасія Александрійскаго 4 т.	6 р.
Григорія Нисскаго 8 т.	12 р.
Исаака Сирина 1 т.	2 р. 30 к.
Кирилла Иерусалимскаго 1 т.	1 р. 50 к.
Іоанна Лѣствичника 1 т.	1 р. 50 к.
Нила Синайскаго 3 т.	4 р. 50 к.
Исидора Пелусіота 3 т.	4 р. 50 к.
Епифанія Кипрскаго 3 т.	4 р. 50 к.
Блаженнаго Θεодорита 7 т.	12 р.
Макарія Египетскаго 1 т.	2 р.

Творенія Св. Отцевъ съ прибавленіями духовнаго содержанія съ 1851 года по 1864 годъ включительно и за 1871, 1872, 1880 годы могутъ быть приобретаемы съ платою за каждый годъ изданія по 5 р. съ пересылкою; Прибавленія же отдѣльно отъ Твореній Св. Отцевъ (съ 1844 по 1864 включительно и за 1871 и 1872 годы за каждый томъ по 1 р. 50 к. съ пересылкой.

ОБЪ ИЗДАНІЯХЪ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ 1882 ГОДУ:

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА

МОСКОВСКІЯ ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ

имѣетъ своею задачей доставлять чтеніе какъ для духовныхъ, такъ и для свѣтскихъ лицъ. Для сего кромѣ московской хроникѣ и внутреннѣхъ извѣстій газета будетъ давать по болѣе важнымъ вопросамъ русской жизни передовыя статьи. Явленія инземной жизни будутъ освѣщаться въ иностранныхъ обзорѣніяхъ, при чемъ особенное вниманіе будетъ посвящено славянскимъ народамъ. Будучи единственныиъ органомъ православноиъ духовноиъ миссiи, газета, кромѣ свѣдѣній о миссiонерскоиъ дѣятельности среди иноувѣрцевъ, постарается ввести описаніе ихъ исторiи, воззрѣній, обычаевъ и преданій, а также обзорѣнія дѣйствій иностранныхъ миссiй. Кромѣ того въ „Церковныя Вѣдомости“ войдутъ: московская церковная каеодра, отзывы о книгахъ и журналахъ по преимуществу духовныхъ и педагогическихъ, статьи по вопросамъ жизни духовенства и духовноиъ практики, корреспонденціи, слухи и замѣтки т. д.

Цѣна безъ доставки и пересылки 3 р. 50 к., съ доставкою и пересылкою 4 руб. 50 коп.

Подписка принимается въ Евархіальной библиотекѣ, въ Высокопетровскомъ монастырѣ, въ Редакціи на Донецкой улицѣ въ д. Ризположенской церкви, въ квартирѣ протоіерея Виктора Петр. Рождественскаго. Иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ редакцію.

Тамъ же принимается подписка и на слѣдующія изданія „Общества любителей духовнаго просвѣщенія:

ДУХОВНЫЙ УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія.

Журналъ: „Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ будетъ издаваться въ 1882 году по слѣдующей программѣ:

а) Статьи по св. Писанію Ветхаго и Новаго Завѣта. б) Церковная исторія всеобщая и русская. в) Православная христіанская апологетика. г) Церковная хроника. д) Отдѣлъ критико-библіографической.

Въ 1882 году въ „Чтеніяхъ“ будетъ продолжаемо начатое въ 1875 году печатаніе, въ приложеніи, перевода съ греческаго языка правилъ апостольскихъ, соборныхъ и св. отецъ съ толкованіями Зопары, Аристина и Вальсамона и съ присовокупленіемъ къ нимъ текста Славянскои Кормчей. Въ 1882 году будутъ переводимы правила св. отецъ.

Цѣна годоваго изданія „Чтеній въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ 6 р. 50 к. съ пересылкою на города и доставкою въ Москвѣ 7 р.

Лица, подписывающіяся на оба изданія—на „Чтенія“ и „Московскія Церковныя Вѣдомости“ въ Епархіальной библіотекѣ или редакціи изданій Общества, безъ пересылки и доставки платятъ за оба изданія 9 руб., а съ доставкою и пересылкою 10 руб.

ВОСКРЕСНЫЯ БЕСѢДЫ.

„Воскресныя Бесѣды“ будутъ издаваться и въ 1882 году и выходить еженедѣльно. Въ нихъ будутъ помѣщаемы житія святыхъ.

Цѣна годоваго изданія изъ 52 листовъ пересылкою 1 р. 10 к.; за полгода съ пересылкою 60 к.; за три мѣсяца съ пересылкою 35 к.; за мѣсяць 10 к., съ пересылкою 20 коп.

Прежнія изданія общества

„Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ за прежнее года, за 10 книгъ, выходившихъ до 1871 года отдѣльными выпусками, 3 р., съ перес. 4 р.; за 12 книгъ 1871 года 2 р., съ перес. 3 р.; за 12 книгъ 1872 года 2 р., съ перес. 3 р.; за 12 книгъ 1873 года 2 р., съ перес. 3 р.; за 12 книгъ 1874 г. 2 р., съ пер. 3 р., съ 1875, 1876, 1877, 1878, 1879 и 1880 за годовое изданіе безъ перес. 4 р., съ перес. 5 руб. за каждый годъ; 1881 года за 12 книгъ безъ перес. 6 р. 50 к., съ перес. 7 руб.

„Записки на книгу Бытія“ митрополита Московскаго Филарета безъ перес. 50 к., съ перес. 75 к.

„Воскресныя Бесѣды 1870, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1880 и 1881 годовъ за каждый годъ 52 Бесѣды по 50 к., съ перес. 70 к.

„Бесѣды о говѣніи по уставу православной церкви“ 5 коп., съ перес. 10 к.

„Избранныя бесѣды 1871 и 1872 г.“ въ одной книжкѣ по 50 к., съ перес. 70 к.

Если количество бесѣдъ одного и того же года, а не разныхъ годовъ, будетъ выписываемо не менѣе 50 экз. въ одинъ разъ, то редакція можетъ уступить ихъ по 50 к. за экз., принимая и пере-

сылку на свой счет; то же и бесѣды о говѣніи могутъ быть уступлены по 5 к. за экз. съ перес. если требованіе ихъ въ одинъ разъ будетъ не менѣе 50 экз.

Воскресныя Бесѣды, издаваемые въ 1882 году, если количество ихъ будетъ требуемо не менѣе 50 экз. по одному адресу могутъ быть уступлены вмѣсто 1 р. 10 к., по 50 к. за экз.

„Программа Закона Божія для преподаванія въ начальныхъ школахъ“ 5 к., съ перес. 10 к.

Указатель статей, помѣщенныхъ въ журналѣ: „Чтенія въ Общества люб. дух. просвѣщ. за 15 лѣтъ его“. Ц. 25 к., съ пер. 30 к.

„Первый выпускъ Правила святыхъ помѣстныхъ соборовъ съ толкованіями. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 к., на веленовой бумагѣ 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

„Второй выпускъ Правилъ святыхъ помѣстныхъ соборовъ съ толкованіями“. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к., на веленовой бумагѣ 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

„Правила святыхъ апостоловъ, святыхъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ отцевъ съ толкованіями“. Въ первомъ томѣ заключаются правила апостоловъ и святыхъ седми вселенскихъ соборовъ съ толкованіями. На простой бумагѣ цѣна 1-го тома 5 р., съ пер. 5 р. 50 к., отдѣльно каждый выпускъ 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп. Всѣхъ отдѣльныхъ выпусковъ три. 1-го выпуска нѣтъ. 2-й и 3-й имѣются и продаются по 80 к. каждый, съ перес. по 1 р.

„Житія святыхъ“ съ назидательными поученіями и уроками изъ жизни святыхъ—52 житія (изъ Воскресныхъ бесѣдъ 1879 года). Цѣна 50 коп., съ перес. 70 коп.

„Изложеніе Божественной литургіи св. Іоанна Златоуста. Состав. О. И. Рахманиновымъ. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Иногородные благоволятъ съ требованіями своими исключительно обращаться въ редакцію изданій Общества любителей духовнаго просвѣщенія въ Москвѣ, на Донской улицѣ, въ квартирѣ протоіерея Ризположенской церкви, Виктора Петровича Рождественскаго.

„Православное Обзорніе“,

учено-литературный журналъ богословской науки и философіи, особенно въ борьбѣ ихъ съ современнымъ невѣріемъ, церковной исторіи, критики и библиографіи, современной проповѣди, церковно-общественныхъ вопросовъ и извѣстій о текущихъ церковныхъ событіяхъ внутреннихъ и заграничныхъ, выходящій *ежемесячно* книжками въ 12 и болѣе печатныхъ листовъ, въ будущемъ 1882 году будетъ издаваться на прежнихъ основаніяхъ.

Подписная цѣна съ пересылкою 7 рублей. Подписка принимается: въ *Москвѣ*, у редактора журнала, священника при церкви Θεодора Студита, у Никитскихъ воротъ, П. Преображенскаго. Иногородные благоволятъ адресоваться *исключительно* такъ: въ редакцію „Православнаго Обзорнія“ въ Москвѣ.

ВЪ РЕДАКЦИИ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

Оставшіяся въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ ПИСАНІЯ МУЖЕЙ АПОСТОЛЬСКИХЪ ИЗДАННЫЯ ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕ-

ВОДѢ со введеніями и примѣчаніями къ нимъ. *Св. П. Преображенскаго*. Цѣна съ пересылкою 2 р.—Кромѣ того:

1) УКАЗАТЕЛЬ къ „Православному Обзорнію“ за одиннадцать лѣтъ 1860—1870 гг. составленный П. А. Ефремовымъ. Цѣна Указателя 75 коп. съ перес. 1 р.

2) ПСАЛТИРЬ въ новомъ славянскомъ переводѣ Амвросія архіепископа Московскаго. Москва 1878 г. Цѣна 50 коп.

3) НАУКА и ученые люди въ русскомъ обществѣ (по поводу толковъ, возбужденныхъ г. Михайловскимъ и Цитовичемъ) П. Милославскаго. Цѣна 30 коп.

4) ПРОИЗВОЛЬНОЕ ЗАРОЖДЕНІЕ. Лекція Тиндаля, въ Лондонскомъ Королевскомъ Обществѣ. Съ приложеніемъ замѣтки: „Къ вопросу о произвольномъ зарожденіи“. П. Милославскаго. Москва. 1879 г. Цѣна 50 к.

5) ГРАНИЦЫ РЕЛИГИИ, ФИЛОСОФІИ И ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ. Три чтенія въ Петербургскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія. Кн. Д. Цертелева. Москва. 1879 г. Цѣна 50 коп. съ пер.

Редакторъ-издатель *свящ. П. Преображенскій*.

Въ 1882 году при Кіевской Духовной Академіи будутъ издаваться по преже утвержденнымъ программамъ:

1, Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости.

Церковная, по преимуществу мѣстная газета. Программа ея въ общемъ слѣдующая: Отдѣлъ оффиціальныи, Высочайшіе манифесты и повелѣнія, синодальныя указы и правительственныя распоряженія, относящіяся къ кіевской епархіи, мѣстныя административныя распоряженія и извѣстія и проч. Отдѣлъ неоффиціальныи: мѣстныя церковныя историко-статистическія извѣстія и достопримѣчательныя письменныя памятники, хроника мѣстная и общецерковная, извѣстія о замѣчательныхъ событіяхъ церковной жизни въ церкви русской, восточной, западной и проч.

2, Воскресное Чтеніе.

Журналъ „религіозно-правственнаго“ содержания и характера въ общедоступномъ и общеназидательномъ изложеніи и въ томъ духѣ, направленіи и видѣ, какъ онъ издавался первоначально. Въ немъ будутъ помѣщаемы общепопытныя статьи, служащія къ уразумѣнію слова Божія, богослуженія и обрядовъ православной церкви, къ утвержденію въ сердцѣ любви, вѣры и уюванія христіанскаго, краткія житія святыхъ и тому под.

3, Труды Кіевской Духовной Академіи.

Журналъ „научнаго“ содержания и характера. Въ немъ будутъ помѣщаемы научныя статьи по всемъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной академіи, по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей и никакъ не въ видѣ сырыхъ матеріаловъ. При журналѣ будутъ продолжаться переводы твореній блаженнаго Іеронима и Августина.—Изъ твореній бл. Іеро-

нима въ слѣдующемъ 1882 г. будутъ издаваться его „толкованія на ветхозавѣтныя книги“; изъ твореній бл. Августина—его твореніе— „о градѣ Божіемъ“.

Такимъ образомъ изданія Киевской духовной Академіи имѣютъ въ виду удовлетвореніе потребностей: 1) своевременнаго знакомства съ текущими церковными событиями (газетное чтеніе, — „Епархіальныя Вѣдомости“); 2) религиозно-нравственнаго, общеназидательнаго и общенонятнаго чтенія („Воскресное Чтеніе“) и 3) научнаго образованія богословскаго („Труды Киевской духовной Акад.“).

„Епархіальныя Вѣдомости“ будутъ выходить „два раза“, въ мѣсяцъ въ 8 долю, не менѣе двухъ листовъ. „Воскресное Чтеніе“ будетъ выходить „сженедѣльно“, въ прежнемъ форматѣ, въ четвертку, въ два столбца, не менѣе одного листа въ недѣлю. „Труды Киевской Духовной Академіи“ будутъ выходить „сжемѣсячно“ книжками отъ 10 до 12 листовъ, изъ коихъ отъ 3 до 4 листовъ будутъ заняты переводомъ твореній бл. Иеронима и Августина, и не менѣе 7-ми оригинальными статьями. Изъ годоваго изданія „Трудовъ“ составятся: одинъ томъ твореній „блж. Августина, одинъ томъ твореній блж. Иеронима и три тома статей, съ особымъ счетомъ страницъ.

Цѣна „за годъ“ съ пересылкою „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ 4 р.; „Воскреснаго Чтенія“—4 руб.; Трудовъ Киевской Духовной Академіи— 7 руб.; цѣна „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ вмѣстѣ съ „Воскреснымъ Чтеніемъ“—7 р.; „Епарх. Вѣдомостей съ „Трудами“— 10 р.; „Воскреснаго Чтенія съ Трудами“— 10 р.; „Епархіальныхъ Вѣдомостей съ Воскреснымъ Чтеніемъ и Трудами“—12 руб. сер.

Адресъ: въ редакцію „Киевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ или „Воскреснаго Чтенія“, или „Трудовъ“, при Киевской Духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина въ Кіевѣ, на Крещатикѣ; 2) Иги. Л. Тузова въ С.-Петербургѣ, 3) А. Н. Ферапонтова въ Москвѣ.

Въ редакціи можно получать „Воскресное Чтеніе“ за слѣдующіе годы существованія журнала при Академіи: I (1837—38), II (1838—39), V (1841—42), X (1846—47), XI (1847—48), XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56), XX (1856—57), XXI (1857—58), XXIII (1859—60), XXIV (1860—61), XXV (1861—62), XXVII (1863—64), XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—68), XXXII (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71). Цѣна 2 р. 60 к. за годъ съ пересылкою. В. Чтеніе за 1879—1881 гг. по 4 руб. за экземпляръ съ перес.

„Труды Киевской духовной Академіи“ продаются по уменьшенной цѣнѣ: 1860—1869 годы (кромя 1867 г.) по 2 р. безъ пересылки, а съ пересылкою 2 р. 60 к.; за 1870—1873 годы по 3 р. 50 к. безъ пересылки, съ пересылкою 4 р.; за 1874 годъ 4 руб. 50 к., съ пересылкою 5 р.; за 1875 годъ 6 р.; за 1876, 1877, 1878, 1879, 1880 и 1881 гг. по 7 р..

Выписывающимъ одновременно не менѣе 10 годовыхъ экземпляровъ „Трудовъ“ и „Воскреснаго Чтенія“ дѣлается уступка по 25% съ номинальной цѣны; выписывающіе „Воскресное Чтеніе“ получаютъ сверхъ того указатель къ первымъ 25 годамъ этого журнала.

Мѣсячныя книжки „Трудовъ“ 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 к., съ перес. 75 к.

„ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ“

будеть издаваться въ 1882 г. по прежней программѣ, въ томъ же строго православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направлеши, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, „ежемѣсячно“, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за полное годовое изданіе „Православнаго Собесѣдника“ на 1882 годъ, со всѣми приложениями къ нему, остается прежняя: съ доставкою на домъ по г. Казани и съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи —

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

Подписка принимается въ Казани, въ редакціи „Православнаго Собесѣдника“, при Духовной Академіи.

Извѣстія по казанской епархіи,

издаваемые при „Православномъ Собесѣдникѣ“ съ 1867 года, будутъ выходить и въ 1882 году, два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, уборнаго шрифта.

Цѣна „Извѣстій“ для мѣстъ и лицъ другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ: а) отдѣльно отъ „Православнаго Собесѣдника“ четыре руб., б) а для выписывающихъ и „Православный Собесѣдникъ“ три руб. Всего за оба изданія десять руб. сер. — съ пересылкою.

Подписка принимается также въ редакціи „Православнаго Собесѣдника“.

Въ той же редакціи продаются слѣдующія книги:

А. „Православный Собесѣдникъ“ *въ полномъ составѣ* книжекъ (т.-е. съ приложениями): за 1855 г. (4 книги въ году) 3 руб. за годъ, за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1864, 1865 и 1866 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 4 руб. за годъ, за 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878 1879 и 1880 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 7 р. сер. Полныхъ экземпляровъ за 1856, 1857, 1863, 1867, 1868, 1869, 1870 и 1871 гг. въ продажѣ нѣтъ. Можно получать и отдѣльныя книжки Собесѣдника за 1855, 1856 и 1857 гг. по 75 к., а за остальные годы по 60 коп. за книжку.

Б. *Отдѣльно* отъ приложеній одинъ „Православный Собесѣдникъ“: за 1855 г. одинъ томъ, цѣна 75 к.; за 1856 г. одинъ томъ, цѣна 75 коп.; за 1857 г. одинъ томъ, цѣна 1 рубль; за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1870, 1871 и 1872 годы, по три тома въ каждомъ, по 2 р. сер. за годъ, за 1873, 1874, 1875, и 1876 годы, по три тома въ каждомъ, по 3 р. сер. за годъ.

При Казанской д. Академіи съ 1873 г. издается особою комиссіей „Миссіонерскій противомусульманскій сборникъ“. Издано пятнадцать выпусковъ. Цѣна съ пересылкою за всѣ выпуски, кромѣ распроданнаго V, 19 р.

Тою же редакціею изданы: КОРАНЪ, переводъ съ арабскаго языка Г. Саблукова. Цѣна съ пер. 2 р. 50 к. I Приложение къ переводу Корана. Цѣна съ пер. 1 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться къ протоіерееу Боголюбенской церкви г. Казани *Евоимію Александровичу Малову*.

Объ изданіи „Церковно-Общественнаго Вѣстника“ въ 1882 году.

Съ разрѣшенія г. министра внутреннихъ дѣлъ, „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ превращается съ будущаго 1882 года въ полужедневное изданіе. „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ будетъ аккуратно выходить черезъ день, доставляя въ каждомъ своемъ выпускѣ матеріала на два дня. Вынужденное исключеніе изъ этого будетъ лишь по случаю соединенія нѣсколькихъ праздничныхъ дней, какъ напримѣръ въ недѣли святой Пасхи и Рождества Христова, когда, по случаю общаго прекращенія работъ въ типографіяхъ, не выходятъ и ежедневныя изданія, такъ что, подобно этимъ изданіямъ, и нами въ теченіи года будетъ пропущено нѣсколько нумеровъ, не болѣе однако 5—6.

Само собою разумѣется, что исходатайствованное нами увеличеніе количества выпусковъ „Церковно-Общественнаго Вѣстника“ дастъ намъ возможность помѣщать въ газетѣ болѣе матеріала и пополнить нѣкоторые отдѣлы, бывшіе доселѣ ограниченными единственно по недостатку мѣста. Такимъ образомъ, мы будемъ вести въ будущемъ году постоянный „обзоръ событій“ церковной общественной, политической и умственной жизни какъ въ Россіи, такъ и за границей, и чаще будемъ давать мѣсто статьямъ изъ области науки и мысли, представляя въ тоже время и „бытовые очерки“ изъ различныхъ общественныхъ сферъ. Въ частности расширеніе объема газеты съ умноженіемъ количества ея выпусковъ съ будущаго года дастъ намъ возможность, согласно желанію многихъ подписчиковъ, полностью и безъ всякихъ пропусковъ помѣщать „официальныя извѣстія“ и „распоряженія по духовному вѣдомству“, подробныя „списки наградъ“ духовенству и т. д. „Епархіальное обозрѣніе“ будетъ введено въ формѣ постояннаго отдѣла въ газетѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, насколько возможно, будетъ дано мѣсто обзору выдающихся мнѣній и отзывовъ періодической печати по текущимъ церковно-общественнымъ вопросамъ.

Не считаемъ нужнымъ увѣрять, что направленіе „Церковно-Общественнаго Вѣстника“ останется такимъ же, какимъ оно было неизмѣнно въ теченіе осьмилѣтняго существованія газеты. Задача наша — отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее его интересовать въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовною средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между духовенствомъ и обществомъ. Мы не измѣнимъ принятой нами на себя задачъ, и съ прежней энергіей будемъ выяснять и отстаивать истинныя начала, обусловливающія прочность церковныхъ и общественныхъ основъ, правомѣрное развитіе членовъ церкви и общества, ихъ свободу и самостоятельность, и по мѣрѣ своихъ силъ будемъ содѣйствовать достиженію ими великихъ идеаловъ, начертанныхъ въ Евангеліи и совѣсти, по прежнему воздавая справедливость людямъ добра и чести и клеймя фарисейство и неправду всюду, гдѣ бы они ни проявлялись въ общественной дѣятельности или въ литературѣ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, мы и въ будущемъ году намѣрены предложить читателямъ въ видѣ бесплатнаго приложенія къ газетѣ,

„Календарь для духовенства“. На этотъ разъ мы имѣрены начать въ „Календарь“ печатаніе собранія указакоеній, относящихся какъ къ организациі центральнаго управленія духовнаго вѣдомства, такъ и къ разнообразнымъ правамъ и обязанностямъ духовенства, занимая ихъ частію изъ „Полнаго собранія законовъ Россійской Имперіи“, частію изъ дѣйствующаго „Свода законовъ“, а равно и изъ другихъ источниковъ. Но кромѣ этой главнѣйшей части „Календаря для духовенства на 1882 годъ“, мы помѣстимъ въ немъ, какъ и въ предыдущіе годы, сводъ текущихъ указовъ и опредѣленій св. Синода, нѣкоторыя руководственныя распоряженія различнымъ епархіальнымъ властямъ и другаго рода постановленія и статьи, имѣющія также руководственное значеніе для духовенства, каковы: объ организациі и постановкѣ женскаго духовнаго образованія, о церковномъ пѣніи, съ изложеніемъ метода обученія и литературы предмета, составленныя специалистами дѣла, и т. п.

При календарѣ 1882 г. приложень будетъ „адресъ-календарь“ духовнаго вѣдомства. Особенность его составлять подробныя свѣдѣнія о служебной дѣятельности лицъ, служащихъ по духовному вѣдомству, преосвященныхъ архіереевъ, начальствующихъ и учащихъ въ духовно-учебныхъ завед. и т. п.

Несмотря на увеличеніе количества выпусковъ газеты и на значительныя затраты по изданію „Календаря“, условія подписки на „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ 1882 года остаются тѣ же, какъ было и въ предыдущіе годы. Цѣна изданія: на годъ 7 р., на полгода 4 р., на три мѣсяца 2 р. 50 к., на мѣсяць 1 р. Годовая цѣна за границей 10 р.

Редакція покорнѣйше проситъ подписываться заблаговременно, чтобы не испытать замедленія въ высылкѣ газеты при началѣ года, когда скопленіе подписки затрудняетъ своевременное заготовленіе адресовъ, и въ тоже время дать редакціи возможность опредѣлить количество экземпляровъ „Календаря“, печатающагося сообразно съ числомъ годовыхъ подписчиковъ.

Подписка принимается: въ редакціи „Церковно-Общественнаго Вѣстника“, въ С. - Петербургѣ, въ Тронцкомъ переулкѣ, въ домѣ № 3, кв. 5.

Редакторъ-издатель *А. И. Поговицкій.*

Руководство для сельскихъ пастырей въ 1882 году.

Журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“ издается, по благословенію Святѣйшаго Синода, при Кіевской духовной семинаріи съ 1860 года. Поставивъ своею особенною задачею способствовать приходскимъ пастырямъ въ ихъ высокомъ служеніи строителей таинъ Божіихъ и въ многотрудной обязанности учителей народныхъ, а также быть органомъ ихъ дѣятельности, ихъ желаній и потребностей, этотъ журналъ съ самаго начала своего изданія и доселѣ остается неизмѣнно вѣрнымъ своей задачѣ. Насколько добросовѣстно редакція журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ выполняетъ задачу своего изданія, это достаточно понято и оцѣнено постоянными подписчиками на него.

Въ составъ „Руководства для сельскихъ пастырей“ *по прежнему* будутъ входить:

I. Поученія къ простому народу различнаго содержанія: догматическаго, нравственнаго, церковно-обрядоваго и проч., а также извлеченія и выписки изъ твореній св. отцовъ, въ которыхъ говорится о священствѣ и которыхъ нѣтъ въ большей части церковныхъ библиотекъ.

Примѣчаніе. Поученія, въ прежніе годы замѣнявшія передовыя статьи каждаго №, съ самаго начала 1879 года редакція нашла болѣе удобнымъ печатать въ видѣ прибавленій къ каждому № съ особымъ счетомъ страницъ.

II. Изслѣдованія о различныхъ церковныхъ и духовно-нравственныхъ предметахъ, пригодныя для пастыря какъ въ церковной проповѣди, такъ и въ частныхъ его бесѣдахъ съ прихожанами.

III. Прозвѣденія проповѣднической литературы прежняго времени, преимущественно тѣ, которыя отличаются своего рода современностію, простотою и общепонятностію.

IV. Оригинальныя статьи по части церковной, преимущественно отечественной исторіи, а также матеріалы, относящіяся къ ней, съ надлежащею обработкою ихъ.

V. Замѣчанія, совѣты и наставленія, пригодныя священнику въ разныхъ случаяхъ его пастырской жизни и дѣятельности.

Сверхъ того, редакція, по примѣру прежнихъ лѣтъ будетъ иногда заносить на страницы журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“: 1) общія замѣчательныя церковно-общественныя извѣстія и въ частности свѣдѣнія о достойныхъ вниманія распоряженіяхъ, учрежденіяхъ и церковныхъ событіяхъ въ разныхъ епархіяхъ; 2) свѣдѣнія о положеніи епископовъ нашихъ въ Австріи и Турціи и наконецъ 3) извѣстія и сужденія о замѣчательныхъ религіозныхъ явленіяхъ и перемѣнахъ въ католическомъ и протестантскомъ обществахъ.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ выходитъ еженедѣльными номерами, въ 8 долю листа, въ объемѣ отъ двухъ до 3½ печатныхъ листовъ. Годовое изданіе составитъ три тома, исключая печатаемыхъ въ приложеніи къ журналу поученій, образующихъ собою отдѣльный томъ; (каждый приблизительно отъ 40 ка до 45-ти печатныхъ листовъ, съ особенымъ оглавленіемъ и особенною нумераціею страницъ).

Подписная цѣна и съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской имперіи 6 р. сер. Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ консисторій, правленій духовныхъ семинарій и благочинныхъ, можетъ быть по примѣру прежнихъ годовъ, розсрочена до сентября 1882 года.

Въ редакціи этого журнала продаются: 1) экземпляры „Руководства для сельскихъ пастырей“ за 1861, 1864, 1865, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1880 и 1881 годы. При требованіи журнала за всѣ означенные годы можетъ быть дѣлаема уступка по особому соглашенію съ редакціею.

Съ требованіями на журналъ, нужно адресоваться такъ: въ редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“, въ Кіевѣ. — Просимъ не заявлять своихъ требованій чрезъ правленіе Кіевской семинаріи, такъ какъ пересылка денегъ чрезъ означенное правленіе можетъ вести къ излишней перепискѣ и чрезъ то замедлять высылку №№ журнала и книгъ.

Редакторъ ректоръ семинаріи архимандритъ *Виталій*.

„СТРАННИКЪ“ НА 1882 ГОДЪ.

Съ октября 1880 года журналъ „Странникъ“ издается подъ повою редакціей, по слѣдующей, повою программѣ:

1) Общедоступныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и необнародованные матеріалы по всеѣмъ отдѣламъ русской церковной исторіи. 2) Общедоступныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія преимущественно по общей церковной исторіи. 3) Церковныя слова, поученія, рѣчи, бесѣды и другія правоучительныя произведенія. 4) Разказы, повѣсти, характеристики, очерки изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовенства. 5) Бытовые очерки и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа. 6) Стихотворенія. 7) Ежемѣсячное внутреннее обозрѣніе. 8) Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта. 9) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей. 10) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ. 11) Иностранное обозрѣніе: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, особенно у славянъ. 12) Обзоръ русскіхъ духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ періодическихъ изданій. 13) Свѣтскіе журналы, газеты и книги: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала. 14) Новыя книги: критическія и библіографическія статьи о новыхъ произведеніяхъ русской хуховной литературы, а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы. 15) Книжная лѣтопись: ежемѣсячный указатель русскіхъ книгъ, выходящихъ въ свѣтъ подъ духовной цензурой; библіографическія новости. 16) Разныя отрывочныя извѣстія и замѣтки по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и единовѣрія, миссіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и др. обществъ, и проч.; новости; корреспонденціи; отвѣты редакціи. 17) Объявленія.

Журналъ выходитъ въ началѣ cadaго мѣсяца, книжками отъ 10-ти до 12-ти и болѣе листовъ. Подписная цѣна за годовое изданіе журнала съ пересылкою внутри Имперіи и доставкою въ С.-Петербургѣ *шесть рублей*; съ пересылкою за границу *восемь рублей*.

Гг. иногородныхъ подписчиковъ просимъ обращаться съ требованіями исключительно по слѣдующему адресу: въ редакцію журнала „Странникъ“, въ С.-Петербургѣ (Невскій прасп., д. № 105, кв. № 1).

Редакторы-издатели:

А. Васильковъ. А. Пономаревъ. Е. Прилежаевъ.

Съ 1-го января 1882 года будетъ снова выходить по прежней программѣ „ГРАЖДАНИНЪ“ не менѣе двухъ разъ въ недѣлю.

Подписная цѣна: на годъ съ пересылкою 8 р., на $\frac{1}{2}$ года 5 руб., на $\frac{1}{3}$ года 4 р.; для провинціального духовенства, сельскихъ учителей и воспитанниковъ учебныхъ заведеній подписная цѣна на годъ не 8 р., а 6 руб. Годовые подписчики „Гражданина“ получаютъ къ Рождеству каждаго года, начиная съ 1882 года, премію въ видѣ литературнаго сюрприза. Годовые подписчики „Гражданина“ желающіе подписаться на „еженедѣльное иллюстрированное изданіе съ карриатурами: „Добрякъ“ платятъ за оное не 7 р., а 4 р. въ годъ

Съ 1 января 1882 года будетъ выходить по воскресеньямъ новый журналъ: „ДОБРЯКЪ“. Иллюстрированное, съ картинами, карриатурами и беллетрическимъ отдѣломъ изданіе для семейнаго чтенія.

Цѣна на годъ	7 руб. съ пересылкою.
„ „ $\frac{1}{2}$ года	4 „ „ „
„ „ $\frac{1}{3}$ „	3 „ „ „

Подписчики „Гражданина“ получаютъ „Добрякъ“ за 4 р. въ годъ съ пересылкою.

Подписка на оба изданія принимается въ С.-Петербургѣ, Манежная, № 2, у Спаса Преображенія и у всѣхъ книгопродавцевъ; для иногородныхъ исключительно въ редакціи.

Редакторъ-издатель князь В. Мещерскій.

Н О В Ы Я К Н И Г И

продаются въ Москвѣ у книгопродавца Ферапонтова и у авторовъ:

ЦЕРКОВНОЕ ХОЗЯЙСТВО. Собраніе правилъ, постановленій и формъ къ правильному веденію онаго. Второе изданіе, во многомъ исправленное и дополненное. 1881 г. Прот. Іоанна Чижевскаго. Ц. 1 р. 40 к. съ пересылкою. Адресоваться въ Харьковъ, на имя автора, Екатериносл. ул. № 15.

ОБЩЕДОСТУПНЫЯ СТАТЬИ ВЪ ЗАЩИТУ ХРИСТИАНСКОЙ ВѢРЫ ПРОТИВЪ НЕВѢРІЯ. Свящ. (при церкви Успенія на Вражкѣ) Іоанна Петропавловскаго. Ц. 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к.

ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВНАГО МОНАШЕСТВА ВЪ СѢВЕРОВОСТОЧНОЙ РОССИИ СО ВРЕМЕНЪ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ РАДОНЕЖСКАГО. Въ двухъ частяхъ. Діакона (при церкви Симеона Столпника за Лузой) Матѳіа Кудрявцева. Ц. 1 р. 25 к.

РАЗНОСТИ ЦЕРКВЕЙ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ ВЪ УЧЕНІИ О ПРЕСВ. ДѢВѢ МАРІИ БОГОРОДИЦѢ. По поводу латинскаго догмата о непорочномъ зачатіи. Полемико-догматическое изслѣдованіе Прот. Александра Лебедева. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

ПРАВОСЛАВІЕ ВЪ СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ. Первый выпускъ Правосл. Палестинскаго сборника. В. Н. Хитрово. Ц. 2 руб.